

1196

1881

РУССКАЯ
ПЕЧАТЬ.

АВГУСТЪ

Оставшееся небольшое количество полных экземпляров «РУССКОЙ РЪЧИ» за 1880 годъ можно выписать через редакцію журнала по 10 р. безъ пересылки и по 12 р. съ пересылкой. Экземпляры за 1879 годъ распроданы всѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ РЪЧЬ“
 въ 1881 году.

Журналъ „РУССКАЯ РЪЧЬ“ выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 листовъ и болѣе, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ: князя А. И. Васильчикова, Н. А. Вродькаго, профессора А. Д. Градовскаго, Н. И. Краснова, А. В. Круглова, Евгенія Маркова, Л. В. Попова, А. Шардина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургѣ.	16 >
съ пересылкой	17 >
За границу: въ Европу, ...	} 18 >
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	При подпискѣ	въ 1, Мая.	въ 1 Сентября
безъ доставки.	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 >	5 >	4 >
съ пересылкой.	9 >	5 >	4 >

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала лишь городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или послали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

АВГУСТЪ, 1881.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:

Средняя Подъячская, № 1.

1881.

Средняя Подъячская, № 1.
2840.

STANFORD UNIVERSITY

LIBRARY

STACKS

MAR 1 - 1968

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ 1881.

	Стр.
I. БЕЗЪ ПРИСТАНИЩА.—Повѣсть.—(Окончаніе).—В. Айдарова.	1
II. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.—Борьба Чернышева съ войсковыми атаманами.—(Окончаніе).—Н. Краснова.	32
III. СУМЕРКИ.—Повѣсть.—Часть третья и послѣдняя.—А. П. Львовой	65
IV. НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.—Революція.—Книга 1-ая, глава III и IV.—Иполита Тэна.—(Переводъ съ французскаго).	111
V. КИТАЙ.—Глава I и II.	175
VI. БНЯЖНА ВЛАДИМІРСКАЯ ИЛИ ЗАЦѢПИНСКІЕ КАПИТАЛЫ.—Историческій романъ.—Окончаніе второй части.—А. Шардма.	203
VII. ОСНОВЫ МОЛЕКУЛЯРНОЙ БИОЛОГИИ.—IX. Проблема жизни и самодѣятельность протоплазмы.—Л. Н. Попова	251
VIII. БОРОЛЕВСКІЙ СОКОЛЪ.—Историческая повѣсть.—Часть первая, глава I-IV.—Валерія Пшиборовскаго.—(Переводъ съ польскаго).	280
IX. КОНФИДЕНЦІАЛЬНЫЙ АГЕНТЪ.—Романъ Джамса Пайна.—Глава XIII-XXVI.—(Переводъ съ англійскаго).	313
X. ОБЪЯВЛЕНІЕ	405

XI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—О Прибалтійскомъ краѣ. . . .	1
XII. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.—Поддѣлка бѣлыхъ винъ глицериномъ.— Новыя изслѣдованія Пастера относительно прививанія чумы.— Опыты Пастера относительно водобоязни.—Минимальныя дозы ядовъ.—Ягушка и кроводилъ въ состояніи гипноза.—Умствен- ная дѣятельность и циркуляція крови.—Вліяніе свѣта на раз- витіе.—Дымъ и пары подъ микроскопомъ.—Эльпе	45

БЕЗЪ ПРИСТАНИЩА.

(ПОВѢСТЬ).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Опять среди чужихъ.

I.

Черняевъ очнулся въ полутемной задней комнатѣ крошечнаго мѣстнаго рестораника, подъ вывѣскою «Au l'air bleu». Онъ лежалъ на кушеткѣ, съ полурастегнутою блузою и съ мокрымъ полотенцемъ на лбу. По инстинкту, Черняевъ сначала только чуть-чуть, осторожно, открылъ глаза и осмотрѣлся. Въ комнатѣ стояло нѣсколько мушинъ и двѣ женщины. Одна, уже пожилая, лѣтъ сорока слишкомъ, держала въ рукахъ бутылку и рюмку; другая, молоденькая, хорошенькая, съ вздернутымъ носикомъ и смѣющимися голубыми глазками, выглядывала изъ дверей. Она то первая и замѣтила движеніе Черняева.

— Глядите, глядите, онъ пришелъ въ себя!

Одинъ изъ мушинъ, широкоплечій, плотный и очевидно хозяинъ, сейчасъ же подошелъ къ Черняеву и взялъ его за руку.

— Ah, ah, mon brave, ça va mieux? И время! Еще минута — и я послалъ бы за полицією.

Черняевъ приподнялся.

Кн. VIII.—Августъ, 1881.

— Да, мнѣ лучше, благодарю васъ... Но что такое было со мною?.. я кажется упалъ въ обморокъ?

Тутъ всѣ заговорили разомъ.

— Ещё бы!.. въ самыхъ дверяхъ нашего заведенія... какъ я испугался!.. А я-то!.. вижу человѣкъ остановился и смотритъ на что-то, и вдругъ... Это коньякъ «*maître Rigot*» спасъ васъ... Ну нѣтъ, скорѣе примочки... *en cas de syncope c'est unique*... Хозяинъ прервалъ всѣхъ.

— Какъ это съ вами случилось? спросилъ онъ Черняева.

Тотъ совсѣмъ всталъ; онъ все еще испытывалъ страшную слабость, но мысли его были ясны; онъ сознавалъ себя и свое положеніе и ему было до боли тяжело и неловко. До этого времени Черняевъ не обращалъ никакого вниманія на впечатлѣніе, производимое его болѣзненной худобой, его невозможнымъ костюмомъ, но теперь какое-то подобіе стыда зашевелилось въ немъ. Онъ примѣтилъ и сострадательный взглядъ пожилой женщины, и недовѣрчивый осмотръ мужчинъ, и въ особенности, съ краскою на лицѣ и съ тайнымъ смущеніемъ, примѣтилъ онъ насмѣшливую улыбку дѣвушки. Онъ чувствовалъ себя приниженнымъ, точно виноватымъ въ глазахъ этихъ буржуа и ему внезапно захотѣлось поднять себя въ ихъ мнѣніи, оправдать себя.

— Я долго былъ боленъ, началъ Черняевъ, слегка заикаясь и путаясь,— и потомъ совершилъ путешествіе... понадѣялся на свои силы... и вотъ...

— Вы не здѣшній?

— Нѣтъ, я издалека, я русскій, т. е. послѣднее время я жилъ въ Бельгіи, тамъ и заболѣлъ... Къ тому же меня обокрали... впрочемъ не совсѣмъ, поспѣшилъ онъ добавить, примѣтивъ ироническую улыбку хозяина,— не совсѣмъ... у меня есть чекъ въ пятьсотъ франковъ на Ефрусси. Далеко это?

Все это онъ сочинилъ сразу, наивно, неизвѣстно зачѣмъ, и теперь уже терзался и ненавидѣлъ себя за подобную слабость.

Между тѣмъ Риго (такъ звали хозяина) взялъ чекъ и съ нескрываемымъ, обиднымъ удивленіемъ разсматривалъ его; всѣ присутствующіе также заинтересовались и обступили старика; даже дѣвушка и та не вытерпѣла, подошла поближе и, прищурившись, стала глядѣть къ нему черезъ плечо.

— *Étrange, étrange*, бормоталъ Риго,— ну да это не мое дѣло. Знаете что, посоветовалъ онъ, наконецъ:— теперь еще время, конторы отперты, пошлите комисионера размѣнять чекъ. Онъ принесетъ вамъ сюда деньги, а вы пока отдохнете, подкрѣпитесь чѣмъ нибудь.

Въ старикѣ проснулись инстинкты лавочника.

«Я помогъ неизвѣстному человѣку, думалось ему, — принимая его за нищаго; но если у этого нищаго есть деньги, тѣмъ лучше, пусть заплатитъ за гостепрѣимство».

«Какая простая мысль, думаль, въ свою очередь, Черняевъ, — поручить все дѣло посыльному; необыкновенно простая, а вѣдь не приходила же мнѣ въ голову!»

— Отлично! отлично! заторопился онъ, — пошлите комисіонера... и поскорѣе пожалуйста, а я посижу, отдохну... мнѣ дѣйствительно ѣсть хочется...

Ресторанъ «рара Rigot» состоялъ собственно изъ двухъ невысокихъ комнатъ, съ дешевыми обоями по стѣнамъ, на которыхъ были развѣшаны случайно приобрѣтенныя гравюры. Въ первой изъ комнатъ, побольше, передъ буфетомъ подъ орѣхъ, съ бутылками, хрусталемъ и посудю, стояли ординарные мраморные столики и еще болѣе ординарные плетеные камышевые стулья; здѣсь по вечерамъ собиралась мелкая буржуазія квартала поиграть въ карты, выпить «глюрію», почитать газеты. Во второй изъ комнатъ, значительно меньшей, помѣщался старый билиардъ, съ заштопаннымъ сукномъ и съ облѣзлыми, отслужившими свое время шарами; эта арена карамболажа была, между прочимъ, любимымъ мѣстопробываніемъ самого хозяина. Жена царилъ въ кухнѣ и въ ресторанѣ; онъ — въ билиардной; тутъ Риготъ изобрѣталъ новые «соупс», продѣлывалъ необыкновенныя «серіи». «En bras de chemise», съ колыхающимся живомъ, прыгалъ старикъ вокругъ билиарда, изумляя противниковъ своею легкостью и живостью.

«Le billard — ça me connaît», говаривалъ онъ про себя.

Не смотря, однако, ни на заштопанный билиардъ, ни на скудость внѣшней обстановки, все въ этомъ маленькомъ заведеніи носило на себѣ отпечатокъ довольства, чистоты и порядка во вкусѣ жанровъ фламандской школы. Полы блестяли, посуда сіяла, туго накрахмаленныя занавѣски топорщились и шуршали. Хозяйка въ бѣломъ тюлевои чепцѣ, украшенномъ розовыми лентами, домовито распоряжалась за прилавкомъ, чинно и степенно прислуживала посѣтителемъ, добродушно пересмѣивалась съ знакомыми. Про дочку и говорить нечего! Пока Черняевъ съ жадностью и наслажденіемъ уписывалъ поданные ему «oplette au lard» и нѣсколько кусковъ ветчины, дѣвушка подсѣла къ окошку и принялась за работу. Ея тоненькіе пальчики бойко бѣгали по шитью, ея бѣлые, острые зубки отчетливо выравняли строчку, но это занятіе ни мало не поглощало ее. Она

то и дѣло заглядывала въ окошко на проходящихъ; или лукаво, изъ подлбья посматривала на Черняева, улыбалась, переключалась съ матерью, напѣвала отрывки шансонетокъ.

«Прелестная дѣвушка, думалъ Черняевъ,—точно птичка... А впрочемъ Богъ съ нею!.. главное, принесутъ ли деньги?.. а ну какъ нѣтъ, ну какъ Гаринъ покончилъ свои расчеты съ Ефрусси?»

Сердце Черняева замирало отъ этой мысли и его воображенію немедленно же рисовались картины одна другой тяжелѣе, одна другой унижительнѣе.

«Пожалуй позовутъ сержантовъ... а тамъ police correctionnelle... Сважутъ: обманщикъ, воръ... узнаютъ, что я навралъ... И зачѣмъ я вралъ только?.. чортъ знаетъ что!..»

Теперь видъ дѣвушки возмущалъ Черняева; съ нервнымъ раздраженіемъ прислушивался онъ къ ея пѣнію, къ ея смѣху. Ему казалось, что она догадывается объ его положеніи, что она насмѣхается надъ нимъ.

«Провлѣтая дѣвчонка!.. и должно быть презлющая... ишь какъ заливается, а самой нисколько не весело, нимало!...»

Черняевъ не зналъ, что съ собою дѣлать; онъ то вставалъ, то снова садился. Часы показывали уже три, ресторанъ окончательно опустѣлъ; немногіе гости, большею частію ближайшіе сосѣди Риго, заинтересованные эпизодомъ обморока и воспользовавшіеся этимъ случаемъ, чтобы провести лишнихъ полчаса за чашкою кофе или пивомъ, разошлись по своимъ дѣламъ. Черняевъ оставался одинъ съ хозяевами и безпокойство его росло съ минуты на минуту.

«Не принесутъ, очевидно не принесутъ», бормоталъ онъ про себя.

Черняевъ бралъ газету и сейчасъ же бросалъ ее; машинально, ничего не различая, останавливался передъ развѣшанными по стѣнамъ литографіями, подходилъ къ окну и въ тревогѣ заглядывалъ на улицу.

Наконецъ-то!

Дверь отворилась и посыльный покойно, методично отсчиталъ Черняеву пятьсотъ франковъ.

— Боже, какое счастье! Наконецъ-то! Наконецъ-то! Пятьсотъ франковъ! Да вѣдь это цѣлый годъ жизни, вѣдь это безвѣчность! И дрожащими руками перебиралъ Черняевъ бумажки, содрогаясь отъ соприкосновенія съ ними, точно подъ искрами электрическаго аппарата.

— Ну вотъ вы и съ деньгами!.. Что же вы теперь дѣлать думаете? добродушно освѣдомился Рито.

— Я бы хотѣлъ купить себѣ кое-что изъ платья.

— Ну это нетрудно... встать же я вамъ и магазинъ от-рекомендовать могу... Бониве! И хозяинъ, въ чемъ былъ, т. е. безъ сюртука, вышелъ на тротуаръ и сталъ объяснять Черняеву дорогу.—Отличный магазинъ... и дешево, и прочно... прощайте же, добрый путь!

— Еще разъ благодарю васъ.

— Не за что. А квартира у васъ есть?

— Нѣтъ... еще нѣтъ.

Черняевъ до Бониве не дошелъ, а остановился у первой же лавочки готоваго платья и, одно за другимъ, купилъ себѣ легкій лѣтній костюмчикъ («очень приличный, хотя и поношенный»), пальто, сапоги и кой-какое бѣлье.

— А съ этимъ что дѣлать? спросилъ его презрительно торгашъ, показывая на снятые обноски.

— Я найду... потомъ когданибудь...

И Черняевъ выбѣжалъ изъ лавочки. Черезъ нѣсколько шаговъ ему бросилась въ глаза вывѣска парикмахера. Черняевъ поколебался было немного, но не выдержалъ, зашелъ и туда, подстригся и даже не отказался напоблизиться и подвиться; немного далѣе бродячій торговецъ тростями навязалъ ему палочку. Полусмущенный, полудовольный, шелъ теперь Черняевъ; платье было ему нѣсколько тѣсно, а сапоги нѣсколько велики, но за то все новое или почти новое, послѣ столькихъ мѣсяцевъ нищеты, грязи и униженія. Черняевъ улыбался, Черняевъ ловилъ себя на разсматриваніи своего собственнаго изображенія въ зеркальных стеклахъ магазиновъ и сердито ворчалъ:

«Что за пошлость, что за фатовство мелкое!» но тутъ же опять весело улыбался и ликовалъ:—«Ну пускай фатовство, ну баричъ я... экая бѣда, подумаешь!.. жить мнѣ хочется... жить...»

Черняевъ присѣлъ за столикъ передъ ближайшимъ рестора-номъ и завазалъ себѣ сигару и пиво; вокругъ него кишѣла тысячеголосая, шумная толпа, неслись экипажи. Волна давно невѣдомой энергіи прихлынула къ его сердцу.

— Нѣтъ, къ чему умирать... Еще посмотримъ, поборемся.

Вечеромъ Черняевъ, самъ не зная какъ, очутился снова въ дверяхъ «Au l'arin bleu». Молодая дѣвушка съ своею обычною плутоватою улыбкою стояла на порогѣ; старикъ на тротуарѣ бесѣдовалъ съ сосѣдами.

Въ первую минуту онъ даже не хотѣлъ признать Черняева.

— Ah, mais vous êtes maiconnaissable vous... mais tout à fait... vous avez l'air—d'un jeune premier... de vaudeville... ah! ah! ah! ma foi... entrez donc!..

Когда они усѣлись, Риго переглянулся съ женою и сказалъ:

— Если вы не нашли еще себѣ квартиры, то я могъ бы предложить вамъ комнату въ этомъ же домѣ... мы отдаемъ отъ себя... au cinquième... немного высоко, но покойно; завтракать вы могли бы тутъ же внизу, а ужъ на счетъ дешевизны...

Чернаевъ не далъ ему договорить. Онъ столько времени и такъ невыносимо былъ одинокъ, что предложеніе Риго его совершенно плѣнило. На мѣсто уединенной берлоги ему уже представлялось какое-то подобіе семейства, общества. Къ тому же старикъ выглядывалъ настоящимъ весельчакомъ, жена его улыбалась такъ добродушно и привѣтливо, а дочка... но такихъ хорошенькихъ Чернаевъ никогда еще и не видывалъ.

Черезъ пять минутъ дѣло о квартирѣ было между ними слажено.

II.

Чета Риго уже болѣе двадцати лѣтъ торговала подѣ вывѣскою «Au lapin bleu» и въ своемъ кварталѣ пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ. Во первыхъ, у Риго водились кое-какія деньжонки; во вторыхъ, они сами по себѣ были любезные и ласковые люди. Жену однако больше любили, а мужа—уважали. Она, румяная, здоровая, всегда чисто одѣтая, проводила цѣлый день за работою; утромъ въ шесть часовъ ее уже видѣли на рынкѣ, къ восьми—у нея кипѣлъ кофе, ровно въ двѣнадцать—каждый посѣтитель могъ рассчитывать на горячій завтракъ; дитя провинціи—она вся была проникнута идеями навопленія, экономіи, порядка. Когда у нея не было дѣла по ресторану, Melanie Rigot что нибудь шила, штопала, чистила посуду, подметала комнаты, сводила счета. Въ этомъ послѣднемъ занятіи заключалась вся поэзія ея жизни; она сравнивала соотвѣтствующіе мѣсяцы разныхъ годовъ, скорбѣла объ упадкѣ торговли, радовалась каждому вновь прибрѣтенному франку. Часто послѣ утомительнаго дня хлопотъ и возни, улегшись, наконецъ, подъ перину общей супружеской кровати, она предавалась сладкимъ мечтамъ о будущемъ.

«У насъ отложено—высчитывала тогда Melanie—шестьдесятъ пять тысячъ франковъ, да заведеніе стоитъ двадцать, ну поло-

жимъ хоть пятнадцать тысячъ, итого восемьдесятъ; въ билетахъ пяти-процентной ренты это дастъ около четырехъ тысячъ годоваго дохода. На это уже можно было бы жить, если-бы не дочь, а теперь нечего и думать. Вотъ Риго говоритъ, что намъ нужно будетъ свопить полтараста тысячъ франковъ, кромѣ приданаго... это ужасно много; если-бы еще дѣла шли какъ въ прошломъ году—пять тысячъ восемьсотъ тридцать франковъ чистаго заработка, тогда было бы легко лѣтъ въ шесть, въ семь... нѣтъ семи мало—лѣтъ въ десять...»

Потомъ мысли ея невольно переносились къ хозяйству; она вспоминала, что кто-то изъ завтракавшихъ рассказывалъ, что въ сосѣднемъ ресторанѣ «*Les quatre vents*» цѣны на порцію «*l'arin sauté*» выше, чѣмъ у нихъ.

«Не поднять ли и намъ? догадывалась Melanie.—Кролики вѣдь дѣйствительно вздорожали, а у насъ, какъ нарочно, запасъ... если даже по два су, то, при пятнадцати порціяхъ въ день...»

И она опять ссылавалась, множила, дѣлила, вздыхала, вертѣлась, иногда даже нечаяннымъ движеніемъ пробуждала мужа. Тотъ обыкновенно сердился, но Melanie, взволнованная своими расчетами, не обращала на это никакого вниманія и съ горячностью передавала ему свои размышленія, планы, предположенія; случалось иногда, что Риго, подъ впечатлѣніемъ ея словъ, и самъ забывалъ сонъ. Тогда, отбросивъ перину, супруги,—онъ въ ночномъ колпакѣ съ висточкою, она въ пестромъ платкѣ на головѣ,—усаживались другъ противъ друга на кровати и высчитывали, спорили, мечтали, пока усталость не валяла ихъ опять на подушки.

Этьенъ Риго, коренастый старикъ съ выдающимся брюшкомъ, считался въ своемъ кварталѣ роугъ «*un gros coiffe, un malin*». Такою репутаціею однако онъ обязанъ былъ скорѣе случаю, нежели особенной хитрости или житейской ловкости. Этотъ случай, имѣвшій большое вліяніе на жизнь супруговъ Риго, заключался въ слѣдующемъ: лѣтъ десять послѣ открытія ресторана, когда они уже успѣли свопить себѣ оволо пятидесяти тысячъ франковъ, Этьенъ, соблазнившись проспектусами какой-то акціонерной компаніи, употребилъ большую часть своего капитала на покупку никуда негодныхъ бумагъ. Черезъ мѣсяць послѣ приобрѣтенія наступила ливидация искусственно-раздутой аферы; директоры предпріятія, по обыкновенію, благо-разумно удалились въ Бельгію; акціонеры разорились. Извѣстіе объ этомъ погромѣ глубоко поразило Этьена; онъ плакалъ, рвалъ

на себѣ волосы; но Melanie и тутъ выказала свою обычную твердость; цѣлую ночь уговаривала она мужа скрыть свое горе, быть бодрымъ,—и успѣла въ этомъ. Въ утру сосѣди, жадно ожидавшіе проклятій и жалобъ, услышали только неизмѣнныя шутки Этьена, увидѣли по прежнему улыбающееся лицо Melanie. На разспросы любопытныхъ супруги отвѣчали, что, благодаря кое-какимъ частнымъ свѣдѣніямъ, они были предувѣдомлены о кризисѣ и успѣли во-время продать свои акціи. Когда наступилъ потомъ срокъ платежей по ресторану, Риго заплатилъ (и это были ихъ послѣднія деньги) аккуратно, безъ разговоровъ. Чтó они перечувствовали за это время, сколько они пролили слезъ въ своей полутемной скромной спальнѣ,—сказать мудрено, но за то торговая честь, honogabilité, были спасены. вмѣстѣ съ тѣмъ въ кварталѣ утвердилась и репутація Этьена, какъ дѣльца. «*P a du flairе, il a du toupet*», стали мало-помалу говорить про него даже самые солидные сосѣди, «*les gros bonnets du quartier*»; съ нимъ совѣтовались, ему довѣряли тайны своихъ денежныхъ оборотовъ. Теперь, наединѣ съ женою, Риго посмѣивался и приписывалъ себѣ честь этой шулки, «*de se cour de Jaupas*», какъ онъ почему-то называлъ свою побѣду надъ сосѣдами. Melanie тоже улыбалась, но мужа не разубѣждала; въ ней, какъ и въ большинствѣ французскихъ женщинъ, жила потребность въ чужомъ авторитетѣ, и она отъ всего сердца радовалась успѣхамъ «своего» Этьена.

Такъ регулярно и ровно втеченіи цѣлыхъ двадцати трехъ лѣтъ прошла ихъ несложная совмѣстная жизнь. Она мыла, шила, сводила счеты, готовила кушанья; онъ игралъ на биллардѣ, говорилъ о политикѣ и разъ въ годъ покупалъ «*en gros*» вино для ресторана, причемъ не упускалъ случая аккуратно и торжественно напиться. За все это время, они только три раза были въ театрѣ и не болѣе двухъ разъ въ лѣто отправлялись за городъ, «подышать свѣжимъ воздухомъ», какъ выражаются, впрочемъ, не одни лишь парижскіе буржуа. За то каждое воскресенье Melanie ходила къ обѣднѣ и каждый годъ исповѣдывалась. Этьенъ смѣялся надъ этою «слабостью» жены и называлъ себя *libre penseur*'омъ, но въ страстную пятницу ѣлъ все-таки постное и въ тайнѣ побаивался смерти.

Единственною серьезною заботою ихъ существованія была ихъ дочка, хорошенькая Julie.

Вначалѣ, до «погрома», Риго мечтали сдѣлать изъ нея барышню «*une demoiselle*», отдать ее на воспитаніе въ монастырь и притомъ самый аристократическій—мало-ли что! но потомъ,

когда одно дуновеніе вѣтра унесло изъ ихъ рукъ пятьдесятъ тысячъ франковъ—супруги съезжились, сжались. Одинадцатилѣтняя дѣвочка была помѣщена въ модный магазинъ, гдѣ изготовляли искусственные цвѣты и дамскія шляпки. Впослѣдствіи, поправившись въ денежномъ отношеніи, старики не разъ жалѣли объ этомъ своемъ рѣшеніи, но было уже поздно: изъ дѣвочки уже успѣла вырости граціозная, вполне сформированная дѣвушка. Съ своей тонкой таліей, крошечнымъ ротикомъ, большими голубыми глазами и роскошными русыми, почти льняными волосами, Julie сводила съума всѣхъ донъ-жуановъ квартала. Къ тому же это была истая парижанка: нетерпѣливая, своенравная, остроумная, порывистая, нервная. Пребываніе въ ресторанахъ, вѣчно на виду у публики, воспитаніе въ мастерской среди дѣвушекъ, подобранныхъ съ парижской мостовой, неутомная, уличная жизнь столицы, преждевременно развили ее. Четырнадцать лѣтъ Julie уже была совершенно созрѣвшею дѣвушкой. Ее неудержимо манило къ чему-то неизвѣстному, новому; ее тянули къ себѣ шумъ, движеніе, борьба. Съ завистью смотрѣла она на каждое ландо, проносившее мимо нея нарумяненную, небрежно развалившуюся женщину; съ тайною злобою примѣривала Julie шляпки аристократкамъ, пріѣзжавшимъ въ ихъ магазинъ. «Отчего это не я? отчего не я!» постоянно мелькало въ ея головѣ. По цѣлымъ часамъ простаивала она передъ выставками ювелировъ, мысленно надѣвая на себя различные браслеты, кольца, брошки, воображая наряды, прически, и затѣмъ, когда она снова возвращалась домой и снова попадала въ кругъ грошевыхъ семейныхъ интересовъ, — сердце ея сжималось и она съ отвращеніемъ смотрѣла на кухню матери, на билиардъ отца. Julie еще не вѣдала страсти, да ея натура и не требовала пока подобныхъ ощущеній. Ея сны были снами роскоши; ей видѣлись балы, маскарады, тысячные костюмы; ей хотѣлось тонкихъ блюдъ, дорогихъ плодовъ, въ особенности хотѣлось шампанскаго, но очень мало любви.

Когда Julie минуло восемнадцать лѣтъ — родители подыскали ей жениха. Это былъ «*commis-voyageur en soieries*», чело-вѣкъ небогатый, но съ хорошимъ положеніемъ и съ надеждами на наслѣдство отъ какой-то тети. Julie согласилась безпрекословно, немедленно; не то чтобы женихъ ей особенно нравился, но онъ хорошо одѣвался и къ тому же подарилъ ей довольно цѣнный браслетъ. Для Julie это супружество казалось спасеніемъ, выходомъ. Теперь она по крайней мѣрѣ будетъ сама себѣ хозяйкой; а ужъ съ мужемъ она съумѣетъ управиться—«*vous m'en*

direz des nouvelles»! И предложеніе, и помолвка произошли, какъ и слѣдуетъ въ этомъ кругу, безъ экспансивностей, безъ лишнихъ разговоровъ, по дѣловому. Заручившись согласіемъ, женихъ немедленно же уѣхалъ въ Лионъ устраивать свои дѣла. Впрочемъ его вскорѣ, недѣли черезъ три, ожидали обратно, и старики Риго уже въ тайнѣ готовились къ свадьбѣ.

III.

Странно и ново было первое время Черняеву въ этой мирной, своеобразной, расчетливой средѣ. Его, бродягу, не заботившагося о завтрашнемъ днѣ, поражала и предусмотрительность Риго, и ихъ мелочная суетня, и изысканная чистота и опрятность, которыхъ придерживались старики; монотонность этого существованія и пугала, и увлекала Черняева; его расходившимся, измученнымъ нервамъ сладокъ былъ невозмутимый, регулярный порядокъ. Проснувшись утромъ, Черняевъ спускался обыкновенно въ ресторанъ и шелъ тамъ кофе. Въ этотъ ранній часъ маленькія комнаты были еще пусты; сосѣди отворяли лавки; Melanie возилась на кухнѣ. Этьенъ въ сотый разъ обтиралъ свои мраморные столики и подметалъ полъ. Иногда онъ останавливался передъ Черняевымъ, опирался на щетку и заговаривалъ:

— Какъ вы думаете—перейдутъ русскіе черезъ Балканы или нѣтъ»? По его мнѣнію—нѣтъ; рѣка слишкомъ широка и турки слишкомъ сильны. Вообще, онъ, Риго, считаетъ эту войну за безумное предпріятіе, sans raison d'être. Pourquoi faire? Освобождать какихъ-то болгаръ? но что такое болгары?... personne ne le sait! о нихъ прежде никогда и не слыхивали.... и притомъ ненадобно забывать владѣльцевъ турецкихъ бумагъ.... ça vous mettra toute l'Europe sur le dos! Если вы уже хотите знать его откровенное убѣжденіе, то онъ, Риго, вамъ скажетъ: il y a la un dessous de cartes: это все продѣлки Бисмарка — «il veut vous affaiblir, voilà»!

И Этьенъ глубокомысленно подмигивалъ и снова начиналъ мести, затѣмъ снова останавливался и заговаривалъ о другомъ.

— Читали вы послѣднюю статью Эмиля Жирандена въ «France». Вотъ человѣкъ! такъ и крошетъ виновниковъ 16 мая! И по дѣломъ! Онъ, Риго, всегда стоялъ за порядокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—тутъ Этьенъ подымалъ палецъ къ носу,—вмѣстѣ съ тѣмъ и за свободу! а эти Фурту, Бромби и компанія

только и думаютъ объ узурпаціи нашихъ правъ, «les droits du peuple!» Маршалъ, конечно, честный солдатъ; не онъ, Риго, будетъ противъ маршала, онъ слишкомъ уважаетъ армию—c'est l'espoir de la France, monsieur; но въ этомъ случаѣ, нужно сознаться, маршалъ поступилъ легкомысленно—il c'est laisse entraîner par des marouffes, monsieur, oui! des marouffes!...

Черняевъ слушалъ не противорѣча, молча; что ему было до мнѣній и до «убѣжденій» Риго? Онъ отдыхалъ, онъ наслаждался тишиною этого приюта, куда забросила его судьба.

Къ двѣнадцати часамъ ресторанъ мало-по-малу наполнялся; прибѣгали клерки изъ ближайшихъ конторъ, чтобы перекусить чѣмъ нибудь, «casser une croute», и затѣмъ наскоро бѣжать обратно къ своимъ пропитрамъ; степенно приходили сосѣдла-вочники, пили кофе, пиво, читали газеты, сообщали послѣднія новости и сплетни квартала. Теперь Melanie уже щеголяла въ бѣломъ чепцѣ съ розовыми лентами, а Этьенъ, по прежнему, безъ скюртука разносилъ кушанья и, въ промежутки, подсаживался къ столикамъ, ораторствовалъ, острилъ и тоже сплетничалъ. Такъ проходило часа два. Затѣмъ ресторанъ снова пустѣлъ и наполнялся опять не ранѣе пяти часовъ. Къ этому времени приходили отставные военные, какіе-то художники, неизвѣстные «hommes de lettres»; всѣ они, молча, пили абсинтъ, пересматривали газеты и страшно курили. Наконецъ, послѣдняя волна прилиwała уже вечеромъ. Тогда появлялись «les habitués», обычные посѣтители заведенія; иные между ними ходили въ ресторанъ съ самаго его основанія, т. е. уже болѣе двадцати лѣтъ; у нихъ были свои любимые столики, свои трубки, которыя хранила Melanie; они мало пили, но за то долгіе часы проигрывали въ домино или карты, ведя между собою нескончаемые счеты, которыхъ не могли прервать ни война, ни осада, ни комуна. Пова старики обдумывали свои выходы и медленно, нюхая табакъ, забирали взятки или передвигали востаяжками домино—Melanie усаживалась за прилавкомъ и чинила какое нибудь бѣлье, а Julie рядомъ изготовляла свои цвѣты, посмѣивалась и кокетничала. Газовые рожки, слегка мигая, освѣщали эту полутрактирную, полусемейную сцену; самъ Риго въ это время усердствовалъ за бильярдомъ и если находилъ возможность съ кѣмъ нибудь сразиться, то возвращался къ прилавку сіяющій, довольный, побрякивая выигранными су. «Для хозяйства все годится!»

Черняеву очень нравились эти вечера; послѣ столькихъ лѣтъ скитанія мирная обстановка Риго казалась ему настоящимъ

раемъ. Онъ не замѣчалъ ни скупости Melanie, ни смѣшнаго самодовольства Этьена, ни непроходимой скуки, которую вѣяло отъ престарѣлыхъ «habitués» заведенія. Подобно вѣснмъ бездомнымъ колостякамъ, Черняевъ плѣнился теперь семейственностью, культомъ домашняго очага, общностью интересовъ, которые неразрывно связываютъ воедино нѣсколько человѣкъ. По цѣлымъ часамъ просиживалъ Черняевъ, наблюдая за неизмѣннымъ теченіемъ этой буржуазной жизни. Скоро онъ освоился со всѣми привычками, со всѣми обычаями маленькаго ресторана, сдѣлался «своимъ», пріятелемъ. Melanie улыбалась ему при входѣ и спрашивала, какъ онъ провелъ ночь; Риго похлопывалъ его по плечу и тащилъ къ бильярдъ. Правда, это послѣднее обстоятельство не особенно нравилось Черняеву, потому что каждый разъ ему приходилось раскошелиться; но стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ, какъ сорокъ, пятьдесятъ сантимовъ! За то сколько удовольствія! По вечерамъ, полуприкрывшись газетнымъ листомъ, Черняевъ смотрѣлъ на бѣлыя изящныя ручки Julie, хлопотавшія надъ цвѣтами, ловилъ ея улыбки и самъ невольно улыбался, когда она серебристо смѣялась, показывая свои ровные бѣлые зубки. Утромъ, когда Julie отправлялась съ работою въ магазинъ, онъ тоже выходилъ на улицу и издали слѣдилъ за нею; онъ любовался ея кокетливою, граціозною походкою, ея манерою поднимать юбки при переходѣ черезъ лужицы, ея стройнымъ полнымъ станомъ, трепетавшимъ при каждомъ ея движеніи. Разъ какъ-то Julie обернулась и, повидимому, замѣтила его преслѣдованіе; это ужасно смутило Черняева; онъ зналъ, что Julie невѣста, и боялся оскорбить ее своею наглостью. Въ этотъ день онъ уже не возвращался въ ресторанъ, а до поздняго вечера пробродилъ по бульварамъ. Но на другое утро Julie встрѣтила его еще игривѣе и пріятливѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Я вчера оставила магазинъ и такъ, такъ рада!

— Совсѣмъ оставили?

— Да вѣдь пора же, mon Dieu! нетерпѣливо вскрикнула она, — на дняхъ ужъ долженъ пріѣхать monsieur Moulin.

— Черняевъ не понялъ.

— Ну что вы такъ смотрите? Развѣ не слыхали? Monsieur Moulin мой женихъ.

— Очень радъ буду съ нимъ познакомиться... хорошъ онъ собою?

Julie засмѣялась.

— Ахъ, да вѣдь вы его еще не видали; подождите, я принесу вамъ карточку.

Черезъ минуту, она выпорхнула съ портретомъ, изображавшимъ сорокалѣтняго мужчину, почти лысаго, съ узкими, свиными глазами и крупнымъ чувственнымъ ртомъ.

— Недуренъ, очень недуренъ вашъ женихъ, иронически замѣтилъ Черняевъ,—какъ не полюбить такого красавца.

Julie капризно надула губки.

— Развѣ мужей любятъ! се n'est plus à la mode!

— Вотъ какъ! зачѣмъ же тогда выходятъ замужъ?

— Ха, ха, ха! залилась дѣвушка своимъ звонкимъ смѣхомъ, — c'est qu'on ne pretend pas à se coiffer du bonnet de St.-Catherine!

— И только! Но безъ любви вамъ все-таки же не прожить вашей жизни... полюбите когонибудь... тогда какъ?

Julie прищурила глаза и насмѣшливо оглянула Черняева.

— Вы слишкомъ любопытны, c'est un secret de femme.

Послѣ этого коротенькаго разговора, между Julie и Черняевымъ какъ-то само собою установились полутоварищескія, шутивыя отношенія. Она поддразнивала его, подпучивала надъ его неловкостью, ненаходчивостью и въ то же время дарила его иногда такимъ зазывающимъ, ласковымъ взглядомъ, что Черняевъ совершенно терялся. Анализируя себя (а онъ этимъ и только этимъ и занимался), Черняевъ рѣшилъ, что онъ не влюбленъ въ Julie и не можетъ въ нее влюбиться. «Я просто наслаждаюсь созерцаніемъ милаго граціознаго существа. Надѣюсь, что въ этомъ нѣтъ зла!» И онъ продолжалъ «созерцать», любуясь капризными выходками Julie, удивляясь ея необычайной подвижности, ея нервной, возбуждающей живости. Нынче утромъ она выйдетъ усталая, слабая; работа не клеится въ ея рукахъ; глаза глядятъ печально и томно; она раздражается по поводу каждаго пустяка, дуется на мать, на посѣтителей; отворачивается отъ отца, и вдругъ, черезъ часъ, безъ всякой видимой причины, рѣзкая переменна: Julie весела, Julie поетъ, цѣлуетъ мать, хохочетъ, слушая однообразныя, всему околотку извѣстныя остроты Риго. Съ Черняевымъ она то по цѣлымъ днямъ не говорила ни слова, то неожиданно становилась милостивою, почти нѣжною, шутила съ нимъ, разспрашивала о Россіи, или, бывало, пройдетъ мимо него и, улыбаясь, какъ-бы нечаянно, заденетъ платьемъ. Счастливыя минуты! Черняевъ съ наслажденіемъ ожидалъ ихъ, и хотя негодовалъ на себя за такую «пошлость», но когда Julie нѣсколько дней сряду не обращала на него вниманія,—онъ забывалъ все, падалъ духомъ и робко заглядывалъ ей въ глаза, какъ собака

недовольному хозяину. Julie, повидимому, замѣтила свою власть надъ Черныевымъ и при случаѣ пользовалась ею. Она заставляла его приносить ей изъ библиотеки романы, относить ея работу, покупать ей конфеты, которыя она тутъ же на его глазахъ и поѣдала вмѣстѣ съ матерью. Иногда Julie, отправляясь къ своимъ роднымъ или знакомымъ, громко, какъ-бы невзначай, говорила, что въ такомъ-то часу ей придется быть въ Люксамбургскомъ саду или въ Тюльери. Черныевъ понималъ ея намеки и съ замирающимъ сердцемъ прохаживался въ эти дни по аллеямъ въ ожиданіи ея появленія. Онъ узнавалъ ее издали, какова бы ни была толпа, инстинктомъ, по походкѣ, по цвѣту платья, зонтика. Julie всегда удивлялась этимъ встрѣчамъ.

— Какъ это вы попали сюда? Вотъ не ожидала!

Черныевъ смущался, робѣлъ, чуть не извинялся.

Тогда она начинала дразнить его; рассказывала про своего жениха, про его подарки.

— Онъ премилый, замѣчала Julie, — и веселый, не то, что вы!

Черныевъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, сердился.

Julie смѣялась и потомъ вдругъ:

— Я устала, дайте мнѣ руку.

Она томно опиралась на Черныева и нѣсколько шаговъ шла медленно, точно влюбленная, счастливая женщина. Черныевъ чувствовалъ привосновеніе ея тѣла; ея русые волосы, спускавшіеся прядями на лобъ, порой щекотали ему лицо; въ эти минуты Черныевъ былъ способенъ на всякіе подвиги, на всякія геройства.

Какъ-то разъ онъ ожидалъ ее въ Люксамбургскомъ саду; усѣвшись на скамейку, подъ тѣнью столѣтнихъ деревьевъ, Черныевъ задумчиво писалъ что-то тростью по желтому рассыпчатому песку алеи. Безотчетная грусть томила въ эти минуты Черныева; природа вызывала въ немъ всегда болѣзненное, неопредѣленное, печальное чувство. Если у Черныева была еще связь съ Россією, если онъ еще порой тосковалъ по ней, то это именно вспоминая ея лѣса, луга, равнины. Передъ его глазами проносились тогда знакомые, близкіе сердцу пейзажи. Онъ видѣлъ развѣсистыя, благоухающія липы, подъ тѣнью которыхъ онъ игралъ ребенкомъ; желтвующія нивы, гдѣ между колосьями улыбаются васильки; тихую рѣчку, полузаросшую осокой, покрытую, точно шатромъ, низко наклонившимися плакучими ивами. Милая родина!

Садъ былъ почти пустъ. Слышалось только чирканье пти-

чекъ, да шелестъ листовъ; но Черняевъ такъ углубился въ свои думы, что не замѣтилъ приближенія Julie

Она шутливо ударила его по плечу зонтикомъ.

— О чемъ это вы такъ замечтались, господинъ философъ?

Подъ вліяніемъ только что пережитыхъ минутъ Черняевъ чувствовалъ себя не въ духѣ.

— О родинѣ, отвѣчалъ онъ односложно.

Julie разсмѣялась.

— Ah, mais vous êtes malade! Il faut vous soigner. Le cas est grave: un russe pris de nostalgie.. Но что же вы вспоминали? Развѣ у васъ хорошо тамъ? въ снѣгахъ, среди медвѣдей? Conte^z moi ça.

Черняевъ заговорилъ, сначала неохотно, но потомъ все болѣе и болѣе воодушевляясь; онъ описалъ Черняевку, какъ онъ ее помнилъ съ дѣтства, домъ, садъ, безпредѣльные хлѣбородныя поля, громадные лѣса, прилежающіе къ имѣнію.

Julie слушала не только съ вниманіемъ, но даже съ какимъ-то восторгомъ. Она не удовольствовалась рассказомъ, ей нужны были подробности; она хотѣла знать, сколько земли въ Черняевѣ, что такое десятина, какія у нихъ въ Россіи цѣны на хлѣбъ, лѣсъ, землю.

— Но вы значить страшный богачъ, вскрикнула она наконецъ.

— Т. е. мой отецъ былъ богачъ, а у меня ничего нѣтъ.

Julie задумалась и нѣсколько шаговъ прошла молча.

— А старъ вашъ отецъ? снова спросила она.

— Лѣтъ шестьдесятъ слишкомъ, не знаю навѣрно. Да на что вамъ это?

— Такъ! Julie засмѣялась и оперлась на руку Черяева.

— Послушайте, тихо и нѣжно заговорила она, — вѣдь вы дворянинъ?

— По рожденію—да.

— Но не князь? еще тише продолжала она.

Черняевъ расхохотался.

— Съ чего вы это взяли? Развѣ я похожъ на князя! Я даже и не дворянинъ теперь, потому что отрезся отъ своего сословія.

Вечеромъ, взобравшись въ пятый этажъ и нетерпѣливо прохаживаясь по своей убогой каморѣ, Черняевъ задумался.

«Что бы все это значило? всѣ эти улыбки, полунамекы...

Не понимаю... Старикіи меня ласкаютъ, даже льстятъ мнѣ, а

Julie—неужто я ей нравлюсь? не можетъ быть... а впрочемъ... но нѣтъ! нѣтъ!..»

Какъ это не странно, но Черняевъ несомнѣнно ошибался. Если старики Риго и любезничали съ нимъ, исключительно ради тѣхъ небольшихъ денегъ, которыми онъ обладалъ и которыя Этьенъ уже заранѣе считалъ своими, то Julie дѣйствительно заинтересовалась Черняевымъ, впрочемъ не столько имъ, сколько его репутаціей. Пересуды и сплетни квартала затронули ея самолюбіе. Парижъ въ этомъ отношеніи оригинальный городъ. Въ немъ можно потеряться, какъ песчинкѣ въ травѣ, безвозвратно, незамѣтно; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ городѣ въ каждомъ кварталѣ (за исключеніемъ «эксцентрическихъ», гдѣ «проживаютъ» жизнь) существуетъ своя особая, зоркая и бдительная полиція, состоящая изъ мѣстныхъ буржуа. Эти господа неугомонно слѣдятъ за поведеніемъ своихъ сосѣдей, повѣряютъ ихъ доходы и расходы, составляютъ репутаціи, выдаютъ аттестаты въ состоятельности и нравственной благонадежности. Случай съ Черняевымъ смутилъ всѣ «esprits forts» околотка. «Обморокъ... чевъ на Ефруси... русскій...» Сколько причинъ придти въ волненіе! А тутъ еще высокое мнѣніе о тонкости и хитрости Риго. «Недаромъ—перешептывались между собою досужія кумушки—Этьенъ помѣстилъ у себя этого русскаго, тутъ вѣрно секретъ какойнибудь... тайна... О, онъ знаетъ, какъ наживать деньги!» Къ тому же Черняевъ то и дѣло подавалъ поводъ къ догадкамъ, предположеніямъ. Разъ какъ-то въ ресторанъ случайно попала нѣмецкая газета; «habitués» заинтересовались листкомъ и повертѣли его въ рукахъ, ругая Германію и удивляясь неудобопонятности прифта. Черняевъ взялъ газету и перевелъ имъ передовую статью. «Удивительно! выдаетъ себя за простаго рабочаго, а владѣетъ нѣсколькими языками и не ищетъ занятій. Нѣтъ тутъ что-то не спроста!.. этотъ русскій—не простой блузникъ... вѣ-ѣтъ! насъ не проведешь». Другой разъ заговорили какъ-то о «Comedie Française», Черняевъ разошелся и бойко, мѣтко провелъ паралель между игрою Сары Бернгардъ, Круазетъ, Фаваръ.

— Вы говорите точно завсегдаю «Comedie», прервалъ его ворчливо кто-то изъ «habitués».

— Да, одно время я бывалъ тамъ каждый день, отвѣчалъ Черняевъ, не замѣчая производимаго имъ впечатлѣнія.

Этихъ случаевъ было достаточно, чтобы поселить въ умахъ мелкихъ лавочниковъ преувеличенное понятіе объ иностранцахъ.

— Кто бы это былъ, догадывались они:— преступникъ... несостоятельный должникъ... политическій выходецъ...

Возбужденная такими толками, Julie вначалѣ тоже свлонялась къ мысли, что Черняевъ—скрывающійся преступникъ; эта мысль даже крайне занимала ее. Среди бездѣлья и однообразія буржуазной жизни Черняевъ казался ей настоящею находкою; къ тому же Julie была романтична на тотъ особенный ладъ, который воспитывается бульварными романами. Она вѣрила въ необыкновенныхъ злодѣевъ и въ необыкновенныхъ добродѣтели, и ей было жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы приятно воображать себѣ, что ихъ жилецъ—можетъ быть поддѣлыватель банковыхъ бумагъ, грандіозный воръ, жестокій убійца. Melanie успокоила дочь.

— Отецъ справлялся въ полиціи, отвѣтила она на разспросы Julie,—и тамъ знаютъ этого русскаго; онъ кажется эмигрантъ... заговорщикъ какой-то; впрочемъ, намъ все равно, лишь бы онъ платилъ деньги.

Теперь воображеніе Julie окончательно разыгралось. «Эмигрантъ, политическій выходецъ!» сколько тутъ можетъ быть таинственнаго, страшнаго: клятвы на ножахъ, маски, подземные ходы. А почему бы этому русскому не быть княземъ, отыскивающимъ свои владѣнія, вотъ было бы мило: владѣтельный князь и у насъ въ домѣ! Только онъ такой смѣшной, такой глупый! И дѣвушка задумывалась.

А между тѣмъ Черняевъ волновался, робѣлъ и каждое утро, и каждый вечеръ боязливо и смущенно допрашивалъ себя: «неужто, неужто я ей нравлюсь!»

Неожиданный случай, повидимому, подтвердилъ эти нескромныя предположенія.

Старики Риго давно уже собирались за городъ «на свѣжій воздухъ». Поѣздка въ окрестности Парижа, хотя-бы разъ въ годъ, представляется для мѣстныхъ буржуа чѣмъ-то обязательнымъ, въ родѣ закона. Уже заранѣе по этому поводу идутъ у нихъ приготовленія, разговоры. «О мы повеселимся! Nous allons faire des folies—vous voyez!» Въ назначенный день мужчины надѣваютъ лучшія платья, женщины—новыя шляпки и свѣтлыя перчатки. Первое время всѣ смѣются наперерывъ, выражаютъ свои восторги; мужчины выпячиваютъ грудь и вбираютъ въ себя какъ можно болѣе воздуха. «Какъ легко! А? просто упиваешься, для здоровья это положительно неопѣнимо!» Женщины болѣе элегичны: «посмотри, Этьенъ, или Жанъ, или Пьеръ, на этотъ цвѣтокъ, сколько въ немъ прелести! А небо!

а каштаны! а пейзажи! нѣтъ, я чувствую, я создана для деревни!» Черезъ часъ однако буржуа уже устають, солнце печетъ имъ головы, вѣтеръ рѣжетъ глаза, минутный дождь испортилъ шляпу madame, собака сторожа перепугала monsieur. За обѣдомъ наступаетъ опять коротенькое оживленіе, но за то счетъ трактирщика повергаетъ всѣхъ въ негодованіе и ужасъ. Возвращаясь домой, буржуа сидятъ усталые, недовольные. «*Tout de même c'est bête—la campagne*», замѣчаетъ мужъ.—«*Et puis il y a tant de moustiques*», прибавляетъ жена, отмахиваясь отъ комаровъ.

На этотъ разъ Риго рѣшились отправиться въ Сень-Клу посмотрѣть на базаръ, ежегодно собирающійся въ этомъ мѣстечкѣ. Съ ними ѣхалъ мясникъ Марту, ихъ ближайшій сосѣдъ, съ женою и двумя длинными, неизмовѣрно худыми дочерьми.

Утромъ, въ день прогулки, Julie обратилась къ матери.

— Маман, я приглашу этого русскаго, пусть онъ тоже отправляется съ нами.

— Ну вотъ еще! зачѣмъ?

— Онъ намъ купитъ конфетъ, будетъ брать билеты на алегри.

Melanie разсмѣялась.

— Пожалуй!

Впрочемъ Julie не приглашала Черныева, а просто сказала: «вы ѣдете съ нами?» и онъ поѣхалъ.

Во время базара, Сень-Клу необычайно оживляется; тысячная толпа шныряетъ между каруселями, звѣринцами, качелями, разнокалиберными балаганами, гдѣ показываютъ самую толстую женщину въ мірѣ («съ правомъ интимнаго осмотра за особую плату»), самаго высокаго великана («безъ каблуконъ—столькото»), самаго крошечнаго карлика. Импровизированные рестораники съ бильярдами, стрѣльбою въ цѣль и силомѣрами въ видѣ головы турка, переполняются публикою; не менѣе народа толпается также и около лавочекъ съ лотереею-алегри, лихо-радочно требуя себѣ билетовъ въ тщетной надеждѣ выиграть двѣ китайскія вазы, которыя уже лѣтъ тридцать путешествуютъ съ ярмарки на ярмарку къ соблазну доврчивыхъ провинціаловъ. Рѣзкіе, оглушающіе звуки «*mirlitons*» смѣшиваются съ противнымъ чириканьемъ «*сі-сі*». Гамены поютъ и свищутъ, матери кличутъ зазѣвавшихся ребятшекъ, дѣти ревуть, солдаты по пяти, по шести, рука объ руку, пролагаютъ себѣ дорогу и

перемигиваются съ кормилицами, полишинели ломаются надъ потасканными, дырявыми ширмами и пронзительно пищать...

Риго, Марту и Черняевъ, въ полномъ комплектѣ, степенно прошли по парку, осмотрѣли стѣны разрушеннаго дворца, прочли на нихъ нѣсколько патріотическихъ надписей и проклятій по адресу прусаковъ, «*ses voleurs de pendules*», поговорили со сторожемъ, высокимъ отставнымъ солдатомъ, который помнить еще «*le bon vieux temps, quand l'impératrice*» и проч., причѣмъ Риго подмигивалъ Марту, а отойдя на приличное разстояніе, заявилъ, что онъ не понимаетъ, какъ республика можетъ держать въ своемъ услуженіи бонапартистовъ, и что если-бы онъ, Риго, былъ во главѣ правительства, то онъ сьумѣлъ бы очистить администрацію!

Продѣлавъ все это, наши путешественники заскучили и разбрелись. Старухи усѣлись около какого-то трактирчика и спросили себѣ кофе. Этьенъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы потащить сосѣда, Марту, къ билиарду. Дѣвушки, сопровождаемыя Черняевымъ, отправились осматривать балаганы. Тутъ Julie неожиданно разошлась. Она потѣшалась надъ выходками полишинелей, кормила обезьянъ въ звѣринцахъ, дразнила какаду, качалась на качеляхъ, заставляла Черняева покупать себѣ леденцы, которые сейчасъ же теряла, брать билеты на лотерею, жертвуя выигранныя чапки дѣвицамъ Марту; она безъ умолку болтала и хохотала, показывая свои бѣлые зубы, кидая кругомъ кокетливыя взгляды, замѣчая все и всѣхъ, наслаждалась, какъ настоящее дитя Парижа, шумомъ мирлитоновъ, гамомъ тысячной веселой толпы.

За обѣдомъ Julie нѣсколько смолкла. Старикъ Риго, торжествуя свою билиардную побѣду надъ сосѣдомъ, не давалъ никому говорить, толковалъ о политикѣ, литературѣ, искусствѣ, торговлѣ. Марту хмурился и возражалъ. Melanie мысленно рассчитывала, сколько при полутора ста обѣдахъ, по четыре франка каждый, хозяинъ ресторана можетъ получить чистаго дохода. Но когда Этьенъ на выигранныя деньги поставилъ двѣ бутылки «*du vin cacheté*», всѣ опять развеселились.

— Нѣтъ, что ни говорите, а хорошо въ деревнѣ.

— Главное, воздухъ!

— Свѣжо, прохладно! нѣтъ этой парижской пыли!

— Чудесно, чудесно!

Julie, съ раскраснѣвшими щеками и блестящими глазами, маленькими глоточками пила вино и, конечно, случайно то и дѣло задѣвала сапогъ Черняева своею крошечною ботинкою.

— Папа, ты бы угостилъ насъ шампанскимъ, вырвалось у ней вдругъ.

Риго сердито замахалъ руками.

— Ну вотъ еще! *Quelle idée!*

— Гарсонъ! крикнулъ Черняевъ, — шампанскаго и похолоднѣе! Вы позволите? обратился онъ къ Этьену и Марту.

Тѣ немного поцеремонничали.

— Къ чему бросать деньги? Это безуміе!

Но когда принесли шампанское—всеобщее веселье разразилось еще шумнѣе, еще оживленнѣе прежняго. Риго сталъ рассказывать сальные анекдоты, Марту его поддерживалъ; жены и отворачивались и хихикали, дѣвицы опускали глаза, наивничали и тоже смѣялись.

Наконецъ стемнѣло, наступилъ вечеръ; буржуа сотнями кинулись къ омнибусамъ. Этьенъ спросилъ счетъ, увеличилъ «по ошибкѣ» на нѣсколько франковъ долю Черняева и, въ сопровожденіи Марту, бросился тоже добывать мѣста. Но тамъ, около кассы, была такая давка, такая масса народа толпилась около экипажей, что Риго отказался отъ омнибуса и рѣшилъ искать помѣщенія на «bateau-mouche». Тогда Черняевъ подаль руку Julie, Melanie уцѣпилась за Этьена, дѣвицы Марту, пища и отбиваясь, послѣдовали за ворчавшимъ на неудачу отцемъ. Ихъ толкали, пихали, отстраняли. Кое-какъ взобрались они наконецъ на палубу и разлѣстились по разнымъ угламъ, кто гдѣ приткнулся, отдѣленные другъ отъ друга множествомъ публики, которая, за неизмѣнимъ мѣста, путешествовала стоя. Черняевъ съ Julie очутились между какимъ-то старикомъ и кормилицей; старикъ пыхталъ и хрипѣлъ, кормилица указывала безпкойнаго ребенка и что-то напѣвала. Прижатый къ Julie, чувствуя бѣненіе ея сердца, трепетаніе ея груди, Черняевъ волновался и терялъ голову; взгляды ихъ невольно встрѣчались, при каждомъ движеніи они все больше приближались другъ къ другу. Нѣкоторое время оба молчали; Julie обмахивала вѣеромъ разгорѣвшееся лицо, Черняевъ мысленно переживалъ снова всѣ сладостныя минуты этого дня: улыбки Julie, какъ бы случайныя пожатія рукъ, лукавыя взгляды, прикосновеніе крошечной ботинки.

— Вамъ было весело нынче? не правда ли? нѣжно спросилъ онъ ее наконецъ.

Julie отвѣтила тихо, слабымъ, усталымъ голосомъ.

— Да... только мнѣ жарко; я боюсь—голова заболитъ.

— Вы бы сняли шляпку.

— Чтобы вѣтеръ растрепалъ волосы—вотъ еще!

— Вы такъ хороши безъ шляпки.

— Хороша—растрепанная! Julie слегла засмѣялась.—Странный у васъ вкусъ! Впрочемъ, вы можете быть думаете, что такому уроду, какъ я, все идетъ?

— Ахъ, Julie! и Черняевъ съ упрекомъ пожалъ ей руку. Дѣвушка не двигалась, точно не замѣтила этого.

— Вы такъ хороши, Julie, такъ хороши! продолжалъ Черняевъ,—я не видалъ красивѣе васъ.

— Et vos princesses?

— Въ васъ столько граціи, столько изящества.

Julie повернулась къ Черняеву, такъ что лица ихъ почти встрѣтились.

— Неужто я дѣйствительно такъ хороша? Это правда? Да?

— Еще бы, еще бы!

— И вы влюблены въ меня?

— Къ чему вы меня спрашиваете объ этомъ, Julie? Зачѣмъ?

— И сильно?

Черняевъ вмѣсто отвѣта наклонился и поцѣловалъ ее.

Дѣвушка не вскрикнула, не смутилась, но быстрымъ движеніемъ отодвинула Черняева и прошептала:

— Вы, кажется, съума сошли! Здѣсь все видно!

На пристани Риго собралъ всю свою семью и, проклиная загородныя поѣздки, базаръ и Сенъ-Клу, при накрапывающемъ дождѣ (пришлось еще вдобавокъ нанимать фіакръ), отправился во свояси. Черняевъ пошелъ пѣшкомъ.

«Теперь, очевидно, я ей нравлюсь, думалось ему;—вотъ не ждалъ, не гадалъ—попалъ въ ловеласы! И какъ она увлекается, какъ глядитъ, какъ пожимаетъ руки!.. А ужъ хороша, Боже ты мой, какъ хороша! Чѣмъ же, однако, все это кончится? спрашивалъ онъ себя черезъ минуту,—если она любитъ меня, то... но отвѣта Черняевъ не находилъ ни на тотъ случай, если она его «любитъ», ни на тотъ, если она «просто увлекается». — «Ужасно трудная и ужасно щекотливая исторія», рѣшилъ онъ про себя.

Съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но не безъ тайнаго самодовольства, спустился Черняевъ на другое утро въ ресторанъ. Онъ жаждалъ поскорѣ увидѣть Julie и переговорить съ нею. Черняевъ придумалъ рассказать ей свою печальную повѣсть и открыть передъ ея глазами во всей наготѣ существованіе эмигранта-скитальца. Ему воображалось уже сочувствіе Julie, ея слезы, можетъ быть даже порывъ самоотверженія; но онъ твердо рѣшился быть до конца мужественнымъ, отвергнуть ея нѣжность

и, во имя ея же спокойствія и счастья, посоветовать ей позабыть его. Такое рѣшеніе далось Черняеву не безъ борьбы. Онъ предполагалъ, что его любили, и одна мысль объ этомъ доставляла ему неизъяснимое наслажденіе. Но что же дѣлать? долгъ, долгъ, долгъ выше всего!—«Если я, нечаянно, незамѣтно для самого себя, и увлекъ дѣвушку, то у меня хватитъ еще силы характера во-время предостеречь ее отъ паденія!»

Войдя въ ресторанъ, Черняевъ засталъ стариковъ Риго въ большомъ переполохѣ и волненіи. Одѣтые по праздничному, Melanie—въ черномъ шелковомъ платкѣ, а Этьенъ въ сюртукѣ гороховаго цвѣта, они распивали кофе вмѣстѣ съ толстенькимъ небольшимъ мужчиной, въ которомъ Черняевъ сейчасъ же узналъ пресловутаго жениха.

Сухо поклонившись, онъ сѣлъ поодаль и сталъ ожидать Julie.

Дѣвушка вышла черезъ нѣсколько минутъ, веселая, сіяющая, съ цвѣткомъ въ корсажѣ. Женихъ взялъ ее за руку и, сладко улыбаясь, прошепталъ что-то ей на ухо; Julie улыбнулась и отрицательно повачала головою. На Черняева, вонечно, никто не обращалъ никакого вниманія.

Онъ посидѣлъ еще съ полчаса и вышелъ; злоба душила его. «Противная дѣвчонка! даже и не посмотрѣла».

Марту, въ бѣломъ колпакѣ и въ бѣломъ передникѣ на выпукломъ животѣ, остановилъ Черняева въ дверяхъ своей лавки.

— А у Риго, кажется, новости—свадьба.

— Почему я знаю! не мое дѣло!

— Да, да, свадьба... Вотъ, скромныя дѣвушки по цѣлымъ годамъ сидятъ, мужа ждутъ, а эта «petite esquivellée» со всею молодежью квартала перемигивалась и выходитъ замужъ... да еще за кого? за m-r. Moulin.

— Что же въ немъ-то хорошаго?

— Помилуйте,—и Марту разставилъ руки,—une position... et puis l'heritage de sa tante donc... Нѣтъ, вы мнѣ не говорите, я Риго двадцать лѣтъ знаю, c'est un finaud celui la... un malin...

И на другой день, и на третій, и на четвертый Черняевъ не могъ найти случая переговорить съ Julie; она то отправлялась съ матерью за покупками, то навѣщала тетку жениха или подругъ, то гуляла. И приѣтомъ ни одинаго взгляда, ни единой улыбки въ его сторону!

Наконецъ, Черняевъ не выдержалъ.

Однажды, когда Julie, съ шляпкою на головѣ и съ зонти-

комъ подъ мышкою, надѣвала перчатки и пересмѣивалась съ женихомъ, Черняевъ обратился къ старику Риго.

— Я хотѣлъ васъ предупредить, что нашелъ себѣ другую квартиру и думаю переѣхать. И онъ смотрѣлъ на дѣвушку: не поблѣднѣетъ ли она, не смутится ли?

Но та продолжала смѣяться.

Риго не только не противорѣчилъ, но чуть ли даже и не обрадовался рѣшенію Черняева. У него въ виду былъ уже другой постоялецъ, сынъ земляка Melanie, плохой игрокъ, но страстный охотникъ до билиарда.

— Что-жъ и отлично! Sans gancine!..

Черезъ полчаса Черняевъ расчитался съ Риго и, сложивъ въ пакетъ свои убогіе пожитки, очутился по прежнему на улицѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дневникъ Черняева.

Будетъ надѣяться, что новое поколѣніе воспитается при лучшихъ семейныхъ, школьныхъ и общественныхъ условіяхъ...

(Изъ размышленій педагога).

19 іюля.

Вотъ я и опять одинокъ; но на этотъ разъ я радъ одиночеству, какъ свободѣ, какъ избавленію. Последнее время Риго мнѣ нестерпимо опротивѣли, измучили даже; въ особенности этотъ глупый старикъ съ своими остротами и билиардомъ. Ну и Julie... Впрочемъ, чортъ съ ними! Пора свести счеты, выяснить свое положеніе... Поселился я теперь далеко и отъ Риго, и отъ русскихъ: въ Бельвилѣ, въ шестомъ этажѣ, подъ самымъ небомъ. Изъ оконъ моей мансарды видны только безчисленныя крыши: зеленныя, красныя, темныя, да тысячи трубъ. По ночамъ на эти крыши собираются со всего околodka коты и ревутъ точно бѣшеные. Превесело! Денегъ тоже остается немного: около ста франковъ. Да, дорого стоили мнѣ Риго! Впрочемъ и это въ чорту! Главное, тоска, тоска!...

20 іюля.

Въ минувшую ночь я почти совсѣмъ не спалъ. Солнце за день такъ накаливаетъ крышу, что лежишь въ постелѣ точно

въ банѣ, весь облитый потомъ. А тутъ еще и кошмары! Чего я только не перевидалъ и не передѣлалъ въ краткія минуты забытїа: и съ Опалевымъ ругался, и съ Рито на билиардѣ игралъ, и съ Julie по Люксамбургскому саду прогуливался. Приснилась мнѣ также эта гадина Moulin: лѣзетъ ко мнѣ и языкомъ дразнить. Хоть бы во снѣ-то пришлось его вздуть, такъ нѣтъ! Хочу поднять руку и не могу... отъ злости и проснулся. Мой предшественникъ по квартирѣ, видно копѣистъ вакой-то, оставилъ мнѣ въ наслѣдство пузырьки съ чернилами, нѣсколько перьевъ и листовъ бумаги, вотъ я и сѣлъ мысли свои записывать; да что записывать-то! Голова болитъ, нервы разстроены донельзя, вздрагиваешь отъ всякаго стука, ждешь чего-то со страхомъ, съ тревогою, а ждать и нечего, и некого. Я могъ бы теперь заранѣе, безошибочно, шагъ за шагомъ рассказать мою жизнь на новомъ мѣстѣ. Сто франковъ обезпечиваютъ мнѣ два-три мѣсяца существованїа. Протяну я ихъ, скучая, лишая себя развлеченій, здоровой пищи, вина, кофе. Затѣмъ наступить кризисъ и тогда... что тогда? Вѣдь вотъ знаю навѣрно, что у меня нѣтъ выхода; не къ Опалеву же идти за «работой?» Знаю, что жизнь пролетарїа-эмигранта не жизнь собственно, а безконечная пытка, и ничего, продолжаю жить, цѣпляюсь за какіе-то призраки, выдумываю себѣ надежды. Да, нужно сознаться, самоубійство..... большой вопросъ... большой и сложный!. Сколько разъ за эти годы скитанья я уже рѣшалъ лишить себя жизни; сколько разъ я логически, по пунетамъ, доказывалъ себѣ необходимость такого исхода; сколько разъ я съ сладострастнымъ, именно съ сладострастнымъ наслажденіемъ воображалъ себѣ послѣднюю минуту: револьверъ наведенъ, щелкъ—и кончено... А продѣлаешь все это мысленно надъ собою и точно усвоишься: «подождемъ, дескать, еще до завтра, тамъ увидимъ и т. д.» Иные скажутъ, пожалуй, что это отсутствіе воли, рѣшимости, трусость. Можетъ быть. А можетъ быть также и избытокъ воображенїа. Пока я обдумываю процессъ самоубійства, я будто переживаю его: и сердце трепещетъ и замираетъ, и руки дрожать. Не боюсь же я этихъ мыслей? не отгоняю ихъ? О нѣтъ, напротивъ! А вѣдь страшить не смерть сама по себѣ, пугаетъ не то, что мы встрѣтимъ тамъ, за рубежемъ, мы уже давно привыкли къ мысли, что тамъ ничего нѣтъ; страшень именно этотъ сердечный трепетъ послѣдней минуты, эта ѣдая, невыразимая боль, эта тоска всего организма, предчувствующаго свое разрушенїе!... Да и что такое трусость? Кто трусъ и кто

не трусь? Какъ опредѣлить это? Въ моемъ повогнѣніи самоубійство обычный конецъ; рѣжутся и отъ міровой скорби, и изъ-за плохой отмѣтки на экзаменѣ, и просто отъ скуки. А развѣ мы всѣ храбрецы каіе-нибудь исключительные? Нѣтъ, для самоубійства не нужны ни сила характера, ни мужество — нужны только настроеніе извѣстное, минута... Помню я, былъ у меня товарищъ по гимназическому пансіону; звали его Павловымъ; робкій такой, боязливый, скромный мальчикъ; воды, какъ говорится, не замутишь. Въ низшихъ классахъ его не обижали только лѣнливый: и били-то его, и за уши таскали, и тетрадки портили, — Павловъ сносилъ все терпѣливо, поворно, шоплачетъ развѣ въ уголкѣ, гдѣ нибудь; къ тому же это былъ изумительно цѣломудренный и правдивый мальчикъ; краснѣетъ, бывало, отъ каждаго нескромнаго слова; огорчается до слезъ, если его обмануть... И вотъ этотъ тихоня, эта «дѣвочка», какъ мы его называли, лишилъ себя жизни, да еще какъ удивительно! при какихъ необычайныхъ условіяхъ! До шестаго класса Павловъ шелъ ровно, незамѣтно, почти ничего не читалъ, а въ свободныя минуты даже игралъ съ «маленькими», что считалось у насъ за величайшее униженіе. Словомъ, самый ординарный, средній мальчикъ. Въ шестомъ классѣ однако съ нимъ произошелъ переворотъ. Онъ сталъ задумываться, тосковать, сомнѣваться. Мы тогда, впрочемъ, всѣ сомнѣвались, а нѣкоторые, по смѣлѣе, такъ даже и въ «матерьялисты» себя производили. Именно «производили». Поворотъ къ отрицанію совершился у насъ замѣчательно легко и просто. Опалевъ и я еще читали кое-что, а большинство и этого не дѣлало. Достаточно было насмѣшливой выходки нашего учителя исторіи, намегнувшаго на восность православія, да неполнаго, растрепаннаго, литографированнаго перевода Бюхнера, какими-то судьбами занесеннаго къ намъ въ пансіонъ, и кончено: цѣлый классъ «обратился въ невѣріе». И, замѣтите, обратился безъ мукъ, безъ колебаній, даже радостно, почти торжественно, точно всѣ повышеніе получали. Еще годъ тому назадъ мы усердно ходили въ церковь и являлись на экзаменъ съ амулетами: крестиками, ватой, окропленной святою водою; а тутъ и «религія — варварство», и «Богъ — попами изъ корыстныхъ цѣлей выдуманъ», словомъ весь багажъ самаго грубаго, уличнаго атеизма. Вѣдь учили же насъ въ дѣтствѣ молиться, вѣрить... или плохо учили? Впрочемъ, это въ сторону, перехожу къ Павлову. Изъ всѣхъ насъ онъ одинъ оказалъ нѣкоторое сопротивленіе общему теченію, волновался, спорилъ съ нами, бранился. Наконецъ, не вы-

держалъ и отправился къ гимназическому священнику совѣтываться. Тотъ наложилъ на Павлова эпитимію и встати передалъ свой разговоръ съ нимъ директору. Павлова посадили въ карцеръ. Съ этого времени мальчикъ окончательно измѣнился: исхудалъ, поблѣднѣлъ, пересталъ учиться. Мы съ нимъ были сосѣдями по кроватямъ и я слышалъ, какъ онъ цѣлыя ночи напролетъ ворочался и вздыхалъ.

— Что съ тобою, спросишь его бывало, — боленъ ты что ли?

— Тоска! жить не стоитъ!... И больше ничего.

Между тѣмъ приближалась Святая, классы распустили на цѣлую недѣлю говѣть. Мы, пансіонеры, ужасно любили это время; во-первыхъ, отдохнуть можно; во-вторыхъ, при гимназии былъ большой садъ, а весной, послѣ скучныхъ дуртуаровъ, зелень акаціи и сирени казалась особенно привлекательною. Церковь посѣщали мы по обязанности, неохотно, подсмѣиваясь надъ попомъ, надъ голосами дьячковъ. Какъ только окончится служба — мы уже въ саду и, забывъ «вопросы и сомнѣнія», кричимъ, шумимъ, играемъ въ чехарду. Одинъ только Павловъ не вмѣшивался въ эти игры; ходитъ себѣ по дальней дорожкѣ и шепчетъ что-то про себя, совершенно какъ потерянный. Въ четвергъ на страстной мы исповѣдывались; разбудили насъ рано, часа въ четыре, и въ порядкѣ, подъ предводительствомъ инспектора, повели въ церковь. Павловъ шелъ со мною въ парѣ и на этотъ разъ казался покойнѣе и веселѣе обыкновеннаго. Въ церкви мы поневолѣ разбились на группы, и я потерялъ его изъ виду. Прошелъ часъ — не болѣе; вдругъ на дворѣ раздались крики, шумъ; въ церковь вбѣжалъ сторожъ, за нимъ другой: «повѣсился! повѣсился! кто? Павловъ!» что такое? гдѣ? Инспекторъ, забывъ фуражку, въ сопровожденіи сторожей, бросился въ садъ. Я и нѣсколько другихъ гимназистовъ послѣдовали за нимъ. Дѣйствительно, невдалекѣ отъ главной дорожки, на веревкѣ, привязанной въ суку громадной, точно облитой бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ, яблони, висѣлъ напѣ Павловъ; его сняли, перенесли въ комнаты, послали за докторомъ; кто-то догадался покрыть ему лицо платкомъ, нѣкоторые товарищи плавали... На столикѣ, около кровати Павлова, нашлось и письмо; письмо вымученное, безконечное, длинное, но переписанное каллиграфически, съ вычурными прописными буквами: «умираю, потому что надоѣло жить... не стоитъ... не вижу цѣли... когда меня похоронятъ, тѣло мое разсыпется на атомы и изъ нихъ сложится новый организмъ, который заживетъ новою жизнью... матерія вѣчна, а мы только переходящія проявленія ея» и т. д. Какъ

теперь вижу я передъ собою безпомощное, худенькое, куриное тѣлце несчастнаго мальчика. Кто бы могъ подумать, что онъ, забитый, робкій, всѣмъ уступающій Павловъ способенъ на такое дѣло?... Неужто же я слабѣе его? Нѣтъ, видно не настала еще моя минута...

30 іюля.

Сейчасъ заходилъ въ бібліотеку и узналъ тамъ удивительную новость. Оказывается, что Гаринъ арестованъ и сосланъ административнымъ порядкомъ. Вотъ оно: «муживъ... уголь... совмѣстная работа...» И смѣшно, и грустно! Нѣтъ, голубчики, въ нашему мужику не подходитъ — кусается! Дорога къ нему еще не проторена! Придешь съ прокламаціями — и онъ тебя вздуетъ, и начальство по головкѣ не погладитъ; придешь по просту, съ отвергнутымъ сердцемъ — «уголь просвѣщать», мужикъ пожалуй, и ничего, да око недремлющее бдитъ: какъ разъ «фронтъ», и въ путешествіе, въ мѣста не столь отдаленныя... Чудесно!.. настоящій пейзаживъ, какъ выражается Опалевъ; точно въ сказкѣ, которую мнѣ въ дѣтствѣ нянька рассказывала: «ѣхалъ Иванъ Царевичъ за какимъ-то дѣломъ — царевну что-ли освобождать — и наѣхалъ онъ на распутіе: промежъ двухъ дорогъ стоитъ столбъ, а на столбу надписи: направо поѣдешь — самому убиту быть, налѣво — и тебя убьютъ и коня на придачу». Словомъ выборъ богатый! Нѣтъ, нашего мужика не тронь... особенный!.. А Гарина все-таки жалко! Вотъ что значитъ идеальничать въ наши дни. Опалевъ-то правѣ выходитъ, по крайней мѣрѣ знаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло...

3 августа.

Ну ужъ это изъ рукъ вонъ! Непростительная, недостойная слабость! Вышелъ я сегодня пройтись немного, задумался по своему обыкновенію и очнулся уже въ двухъ шагахъ отъ ресторана Рито. Еще нѣсколько минутъ, и я кажется зашелъ бы туда. Сознаюсь даже, въ первую секунду, какъ очнулся, я пожалѣлъ, что не зашелъ. Мнѣ представилась Julie, ея усмѣшка, лукавый взглядъ, словомъ всѣ эти глупости, которыми я такъ долго забавлялся. Возвращаясь, я конечно ругалъ себя. Развѣ я люблю Julie? Нѣтъ и нѣтъ! такъ, самолюбіе, щекотаніе нервовъ, чувственность, грязные, отцовскіе инстинкты. Да, надо сознаться, папенька Николай Борисовичъ не такъ бы тутъ поступилъ; онъ бы цѣлый романъ устроилъ, разработалъ бы сюжетъ до дна, добился бы своего и, кто знаетъ? хоть на минуту, а былъ бы, можетъ быть, счастливъ... счастливъ!.. Ужасно, однако, много пошлости и подлости въ человѣкѣ...

Вотъ теперь я даже амурнымъ талантамъ отца позавидовалъ! Экая мерзость! А все этотъ неистребимый проклятый запросъ на личное счастье! Мы всегда его заглушали, даже въ развратѣ, даже въ паденіи, вотъ онъ и мститъ теперь. Помню въ седьмомъ классѣ я, совмѣстно съ тремя другими товарищами, былъ общимъ обладателемъ толстой и глупой инспекторской кухарки. Мѣсяца два длилась такая гадость и мы знали это другъ про друга; еще соберемся вечеромъ и бесѣдуемъ, рассказываемъ подробности. Но какой же это былъ развратъ! совсѣмъ особенный: насъ увлекали не животная страсть или развращенность воображенія, хотя и этого, конечно, понемногу было; но, главное, мы хотѣли, видите-ли, убить въ себѣ «порабощающее чувство любви», установить «нормальный взглядъ на половыя отношенія», хотѣли снять съ нихъ «ореолъ романтической лжи» и мало ли еще что, все въ томъ же отвлеченномъ, съ вѣтру схваченномъ направленіи. Освобождали мы себя такъ, освобождали, и кончили отвращеніемъ и къ самимъ себѣ, и къ первой женщинѣ, которую мы прижимали къ своей груди. Кухарка, та хоть, по крайней мѣрѣ, наслаждалась, а мы-то!.. Помню я и Петербургъ; тамъ въ номерахъ бокъ-о-бокъ ютились мы: и медики, и студенты, и курсистки. Мы видались каждый день, просиживали иной разъ до зари за самоваромъ, мужчины и женщины вмѣстѣ, въ тѣсной каморкѣ, гдѣ всю мебель составляли часто кровать и пара стульевъ. Но какъ бы размѣялся мой папенька, если-бы посмотрѣлъ на насъ. Мы снимали скуртуки, спорили напролетъ цѣлыя ночи и затѣмъ расходились, пожимая другъ другу руки, не замѣчая даже, хороши или безобразны наши собесѣдницы. Нѣтъ обвиненія болѣе несправедливаго, какъ обвиненіе нашего поколѣнія въ развратѣ! Напротивъ, въ большинствѣ, мы были даже идеально-цѣломудренны; намъ некогда было и думать о любви, а въ особенности ужъ объ «амурахъ»; мы съ головою ушли въ политику, социализмъ, разговоры. Были, конечно, и между нами «гражданскія жены», случались и браки, но и это совершалось больше для «дѣла», изъ постороннихъ, такъ сказать, цѣлей... И такъ прошла вся моя жизнь до этой глупой исторіи съ Julie. Странно, но именно буржуазность Рито и прельстила меня; покоемъ повѣяло на меня у нихъ, безмятежностью, счастьемъ... Опять это подлое слово счастье!.. Цѣлую жизнь я прожилъ безъ пользы, безъ смысла; прожилъ на чужой счетъ, хуже чѣмъ публичная женщина, чѣмъ воръ. Вотъ хоть бы эти послѣдніе, завѣтные, святые гаринскіе пятьсотъ франковъ—на чтѣ я ихъ издержалъ?..

а тоже... тоже счастья!.. Злая мысль мелькает у меня теперь: что если-бы крѣпостное право не было уничтожено и отецъ не разорился—освободилъ бы я самъ своихъ крестьянъ или нѣтъ? Попалъ бы я въ эмиграцію или, подобно Николаю Борисовичу, подъ эгидою либеральныхъ фразъ, инстинктивно свои удовольствія бы? А ну какъ не освободилъ бы и съ инстинктами бы помирился? Ахъ какая тоска!..

5 августа.

Французскія газеты, вотъ уже больше мѣсяца, только и толкуютъ что про какую-то Шлеву. Неужто Опалевъ правъ, и насъ дѣйствительно разнесутъ. Посмотримъ...

7 августа.

Еще нашего полку убыло. Товстолѣсъ умеръ и гдѣ? Въ Шотландіи. Какъ онъ туда попалъ—не понимаю. Вѣрно, все труда искалъ. Англійскія газеты наполнены подробностями о его гибели; и дѣйствительно, умеръ Товстолѣсъ богатыремъ, «по казацкому...» Во время ужасной бури, когда всѣ мѣстные рыбаки отказались отвести погибавшей недалеко отъ берега баркѣ спасительный канатъ, Товстолѣсъ вызвался на это дѣло. Канатъ-то доставилъ и семерыхъ человекъ спасъ, да самъ, вѣрно, изнемогъ и потонулъ. Къ утру уже его на берегъ выкинуло... Англичане разсыпаются въ похвалахъ «доблестному русскому» (такъ и называютъ) и прибавляютъ, что такъ какъ послѣ умершаго «героя» не нашлось другаго имущества, кромѣ книгъ (пари держу, что Шевченко!), то городъ похоронилъ его на свой счетъ. Говорятъ, за гробомъ шли сотни народа. Бѣдный Товстолѣсъ! всю жизнь про свою Малороссію промечталъ, а умеръ такъ далеко, среди чужихъ, въ морѣ... Однако, какъ это странно: Товстолѣсы умираютъ, Гарины исчезаютъ въ ссылкѣ, а Опалевы ничего, благодумствуютъ... Вотъ и разбирай тутъ...

10 августа.

Эту ночь я опять не спалъ; мысль о самоубійствѣ не даетъ мнѣ положительно покоя; рано утромъ пошелъ я къ Сенѣ и долго смотрѣлъ на зеленныя волны и на бѣгущіе мимо пароходы... Невольно припомнилась мнѣ наша поѣздка въ Сенъ-Клу... и шампанское, и поцѣлуй... какъ все это глупо, смѣшно, пошло!.. По дорогѣ домой не выдержалъ и зашелъ въ «Morgue». Я ужасно люблю это мѣсто; сердце невольно сжимается при видѣ холодныхъ, безмолвныхъ, никому неизвѣстныхъ, «непомнящихъ родъ»

ства» труповъ. Равнодушная толпа проходитъ, останавливается и исчезаетъ; иногда раздаётся стонъ, вопль, упадетъ въ обморокъ какая нибудь женщина: это значитъ—мертвецъ признанъ, у него нашлась семья, его не стащатъ въ общую могилу. Но сколько такихъ, которыхъ никто не признаетъ, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Можетъ быть и мнѣ скоро придется торчать тутъ за витриною. Узнаетъ ли меня кто нибудь? А что если Julie съ женихомъ—эти буржуа любятъ иной разъ поволновать себя—придутъ и увидятъ... Ну чтожъ, я увѣренъ, она посмотритъ и не моргнетъ даже... что ей!... Нынче, впрочемъ, въ «Mogne» выставлены только утопленники... Отвратительная и, должно быть, мучительная смерть... Одинъ полуразрушившійся старикъ въ особенности ужасенъ... Нѣтъ, ужъ если лишать себя жизни, то пулей...

12 августа.

Встрѣтилъ случайно Опалева. Веселый такой, шутить, потираетъ руки, къ себѣ звалъ, точно между нами ничего и не было. «Опять по дѣлу?» спрашиваю. «Нѣтъ, такъ, чайку напиться». А самъ подмигиваетъ. Впрочемъ, дѣла въ Россіи дѣйствительно, кажется, плохи. Газеты говорятъ, что Плевна—второй Севастополь; много толкуютъ тоже про аресты, прокламаціи...

13 августа.

Сосчиталъ деньги; оказывается, что у меня остается всего на-всего тридцать пять франковъ. Конецъ, значитъ, близокъ... Чтожъ, проживу еще денегъ и довольно. На двадцать пять франковъ куплю револьверъ, а десять прокучу, на прощанье... пообѣдаю какъ слѣдъ, схожу въ театръ... и затѣмъ...

14 августа.

Вчера не успѣлъ купить револьвера. Нынче пообѣдалъ на оставшіеся шестьдесятъ сантимовъ и думалъ объ Опалевѣ... Странная мысль зародилась у меня—пойти къ нему и согласиться... на все... можетъ быть у нихъ и дѣйствительно сила... Или нѣтъ? Отказался разъ отъ той дороги и довольно... Конечно для Опалева мои сомнѣнія—пустой предрассудокъ... да я-то не Опалевъ...

15 августа.

Истратилъ на ѣду одинъ франкъ изъ отложенныхъ двадцати пяти; все равно и на двадцать четыре и даже на двадцать можно будетъ купить какой нибудь подержанный, плохенькій пистолетикъ, вѣдь мнѣ всего на одинъ разъ...

27 августа.

У меня остается только семнадцать франковъ... нынче непременно, непременно нужно покончить съ собою... или... или не пойти-ли въ Опалеву?..

На этихъ словахъ прерывается дневникъ Черняева.

Тутъ же долженъ остановиться и романистъ. Про «ту дорогу», дорогу Опалева, расскажетъ намъ когда нибудь исторія.

В. Айдаровъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.

БОРЬБА ЧЕРНЫШЕВА СЪ ВОЙСКОВЫМИ АТАМАНАМИ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Арестъ донскаго писателя Сухорукова. — Его литературные труды и популярность. — Переписка генерала Богдановича — Отношенія атамана Иловайскаго къ Чернышеву въ царствованіе Александра I. — Приказъ по войску донскому, по случаю вступленія на престолъ императора Николая I. — Письмо Иловайскаго къ императору Николаю I въ 1826 г. — Войсковаго атамана заподозриваютъ въ стремленіи къ представительнымъ учрежденіямъ. — Слѣва Иловайскаго и его характеристика.

Въ одну изъ темныхъ, осеннихъ ночей 1827 года въ небольшому деревянному домику въ Новочеркасѣ подѣхала почтовая повозка и двухмѣстныхъ городскія дрожки. На передней сидѣлъ жандармскій офицеръ, а въ городскомъ экипажѣ — правитель канцеляріи войсковаго атамана и адъютантъ. Гулъ колокольчиковъ и шумъ бубенчиковъ заставили привскочить съ своего сидѣнья хозяина дома, лично направившагося къ дверямъ встрѣтить нежданныхъ посѣтителей. Въ то время, по крайней мѣрѣ на Дону, никому и въ голову не могло придти запереть двери передъ сыскою полиціею и уничтожить секретныя сочиненія; тѣмъ болѣе въ поминѣ не было оказать какое-либо вооруженное сопротивленіе. Книги, дѣла, сочиненія, рукописи такъ и остались нетронутыми въ шкапахъ и на каби-

нетныхъ столахъ хозяина, извѣстнаго на Дону писателя и общественного дѣятеля Василія Дмитріевича Сухорукова, состоявшаго въ званіи поручика 1-го казачьяго полка.

Адъютантъ вручилъ хозяину квартиры предписаніе наказнаго атамана «съ полученіемъ сего немедленно, съ жандармскимъ офицеромъ, отправиться на службу въ донской казачій (армейскій) полкъ, квартировавшій въ Грузіи, а также сдать всѣ дѣла и имѣющіяся собственнаго сочиненія рукописи правителю канцеляріи, для отправленія этихъ документовъ военному министру Чернышеву». Еще до разсвѣта Сухоруковъ сдалъ всѣ бумаги и доселѣ неизвѣстно, были ли между ними собственныя, неизданныя сочиненія донскаго общественного дѣятеля, а между тѣмъ слава о Сухоруковѣ, какъ о необыкновенно талантливомъ писателѣ, растетъ съ каждымъ годомъ. Популярности его много содѣйствовало еще и то обстоятельство, что едва узнали о немъ на Кавказѣ, какъ начальствовавшій въ то время отдѣльнымъ корпусомъ, генералъ Паскевичъ, пригласилъ Сухорукова въ свой штабъ, третировалъ его, какъ лучшаго своего помощника; а во время персидской кампаніи, Паскевичъ, пріобрѣвшій въ эту войну титулъ графа Эриванскаго, успѣлъ въ продолженіи одного года предоставить административно-сылльному слѣдующій чинъ ¹⁾ и всѣ тѣ знаки отличія, награжденіе которыми зависитъ отъ власти главнокомандующаго арміей. Извѣстно, что генералъ Бонапартъ, въ послѣдствіи императоръ Наполеонъ I, не умѣлъ столь краснорѣчиво писать реляціи о своихъ побѣдахъ, какъ сочинялъ ихъ побѣдитель Персіи, а редація обзора военныхъ дѣйствій и самыхъ реляцій приписывались перу даровитаго донскаго общественного дѣятеля. Однакоже, какъ только военный министръ Чернышевъ узналъ, что получающій столь часто знаки отличія тотъ самый Сухоруковъ, который, въ видѣ наказанія, былъ сосланъ въ Грузію, немедленно распорядился отправкою административно-сылльнаго съ Кавказа на службу въ Финляндію. И здѣсь Сухоруковъ снискалъ расположеніе и пріязнь командовавшаго войсками въ великомъ княжествѣ, почему въ 1830 году, когда Паскевичъ заслуживалъ титулъ князя Варшавскаго, донскаго писателя командировали, не въ Польшу, а вновь на Кавказъ, съ строгимъ предписаніемъ командующему войсками не приглашать Сухорукова на штабныя должности. Изнемогшій отъ душевныхъ непріятностей и

¹⁾ Сухоруковъ былъ переведенъ изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ армію.

лихорадокъ на казачьихъ постахъ, Сухоруковъ смирился передъ сильнымъ своимъ врагомъ и въ 1832 году обратился къ военному министру съ просьбою забыть его «увлеченія молодости» и отпустить на Донъ для поправленія здоровья. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1833 году, во время страшнаго между казачьимъ населеніемъ голода, происшедшаго отъ полнаго неурожая, Сухоруковъ былъ извѣстенъ уже, не какъ общественный дѣятель, а какъ ловкій подрядчикъ, сумѣвшій въ это тяжелое время составить себѣ обезпеченное состояніе ¹⁾ и до конца жизни не заявлявшій себя болѣе на литературномъ поприщѣ.

Повторяемъ, что, ни раньше, ни позднѣе его, ни одинъ изъ донскихъ писателей, публицистовъ или общественныхъ дѣятелей нигде не пользовался на своей родинѣ популярностью Сухорукова. Какія же и гдѣ его творенія? Чѣмъ онъ выдался между своими братьями изъ донскаго интеллигентнаго класса?

Въ 1824 г., въ альманахѣ Корниловича «Полярная Звѣзда» появилась статья Сухорукова: Очерки донскихъ нравовъ и обычаевъ. Дѣйствительно, въ этомъ этнографическомъ очеркѣ Сухоруковъ выказалъ теплую любовь къ своей родинѣ; но, повидимому, своему литературному труду самъ авторъ не придавалъ особеннаго значенія. Затѣмъ сложилось убѣжденіе, будто Сухоруковъ редактировалъ или даже всецѣло написалъ «Историческое описаніе войска донскаго» — обширный трудъ, появившійся въ рукописи въ 1822 году и напечатанный лишь пятьдесятъ лѣтъ спустя.

«Историческое описаніе», какъ намъ извѣстно, составлялось по частямъ, разными лицами, и весьма возможно, что главы, относящіяся до завоеванія Ермавомъ Сибири, лично написаны или, по крайней мѣрѣ, редактированы Сухоруковымъ. Эти главы рѣзко отличаются отъ остальнаго труда своими литературными достоинствами и даже въ ущербъ исторической правдѣ, какъ показали позднѣйшія изслѣдованія Миллера и Соловьева. Но весьма возможно также, что поэзія сибирскаго періода донскихъ и волжскихъ казаковъ навѣяна была кому-либо изъ другихъ составителей историкомъ російскаго государства, Карамзинымъ.

Доискиваясь причины необыкновенной популярности Сухорукова, мы въ шестидесятыхъ годахъ обратились къ его родственникамъ и получили единственное, оставшееся уцѣлѣвшимъ, его рукописное сочиненіе: критическій взглядъ на «Историческое

¹⁾ Исторія одной хлѣбной операціи Юдина. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г.

описаніе войска донскаго». Собственно взглядъ Сухорукова на происхожденіе донскихъ казаковъ вовсе непопуляренъ между донскими сепаратистами, ибо этотъ извѣстный донской дѣятель, подобно Соловьеву, производитъ донскихъ казаковъ отъ бѣглецовъ изъ Великороссіи въ тяжелыя царствованія Іоанна III и Іоанна IV Грознаго. Взглядъ этотъ мы совершенно раздѣляемъ и въ свое время заявили его въ собственномъ историческомъ очеркѣ¹⁾. Затѣмъ другихъ литературныхъ трудовъ Сухорукова мы не знаемъ, а найдено ли что либо въ опечатанныхъ у него во время ареста бумагахъ—едва-ли кому-либо извѣстно²⁾. Слѣдовательно, необыкновенной популярности Сухорукова на Дону и обожанію его интеллигентнымъ классомъ донскаго общества должны быть иныя основанія. Обратимся для этого къ официальной, сохранившейся, секретной перепискѣ между Чернышевымъ и его клевретами, которые проживали съ 1820—1835 г.г. въ Новочеркасѣ. Прежде всего замѣтимъ однакоже, что «Историческое описаніе войска донскаго», по нашему мнѣнію, составлялось подъ редакцію генеральнаго штаба генерала, впоследствии сенатора, Богдановича, которымъ также составлено и статистическое описаніе той же области, съ данными за 1822 г. Богдановичъ, въ должности сперва начальника съѣмки донской земли, а съ 1835 года, независимаго отъ войсковаго начальства, предсѣдателя межевой комисіи, принималъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ донскаго комитета, учрежденнаго, какъ мы это видѣли, по инициативѣ Денисова и получившаго наименованіе «чернышевскаго комитета». Съ Богдановичемъ мы встрѣтились уже въ прошедшей главѣ. Если читатели припомнятъ, этотъ генералъ получилъ приказаніе отъ Чернышева принять начальство надъ войсками, собранными въ 1821 году для усмиренія крѣпостныхъ крестьянъ въ Міускомъ округѣ. Дѣйствія Богдановича по возложенному на него порученію вначалѣ были столь нерѣшительны, что онъ даже отступилъ передъ скопищемъ крестьянъ, собравшихся близъ слободы Голодаевки; но подобную диверсію противъ вооруженной одними палками толпы мы приписываемъ желанію ловкаго офицера генеральнаго штаба дать возможность позвать лавры усмиренія крестьянъ своему

¹⁾ Историческій журналъ «Основа», подъ редакцію Н. Костомарова.

²⁾ Въ архивѣ департамента военныхъ поселеній мы до сихъ поръ ничего не нашли; но советуемъ поклонникамъ Сухорукова порыться въ архивахъ канцеляріи Военнаго министерства.

патрону Чернышеву, который, образумивъ бунтовщиковъ на задонской сторонѣ области, по рѣкѣ Салу, двинулся затѣмъ въ Маускій округъ, не только съ конными казаками, но и съ артиллерійскими орудіями. Неясно, что бунтъ или, лучше говоря, протестъ безоружнаго стоища былъ скоро затушенъ, зачинщики наказаны, а усмирителя получили соответствующія награды. Съ тѣхъ поръ Богдановичъ становится правою рукою Чернышева и продолжаетъ съ нимъ, или съ его приближенными лицами переписку изъ Новочеркасса. Для настоящаго изслѣдованія намъ интересны лишь письма, относящіяся до личностей войсковаго атамана и сторонника его, общественнаго дѣятеля и писателя Сухорукова. Между прочимъ, Богдановичъ ведетъ переписку съ нѣкимъ Вахрушевымъ, который впоследствии былъ назначенъ правителемъ дѣлъ чернышевскаго комитета. Въ письмахъ Вахрушева изъ Петербурга къ Богдановичу Чернышевъ именуется графомъ, мужемъ съ разными лестными эпитетами и проч. Интересъ этихъ писемъ заключается въ отзывахъ, которые очевидно относятся къ войсковому атаману Иловайскому и его приближеннымъ лицамъ. По отношенію къ внутренней политикѣ донскаго края эта переписка имѣетъ значеніе лишь съ 1826 г., передъ коронаціею императора Николая I; но и ранѣе, уже въ 1822 году, имѣется указаніе на непріязнія отношенія между войсковымъ атаманомъ и Чернышевымъ, а именно:

10 ноября 1822 года Вахрушевъ, между прочимъ, пишетъ¹⁾: «эти донскіе искони бѣдуютъ и свирѣпствуютъ противъ всякой честности и истины; но они безсильны и достойны только презрѣнія».

5 февраля 1826 года. Въ этомъ письмѣ содержится слѣдующая фраза: «благодѣтель нашъ видитъ часъ отъ часу яснѣе гнуснѣйшую неблагодарность и глупую самонадѣянность магога», (т. е. Иловайскаго).

12 марта 1826 года. «Сухоруковъ удостоилъ письмами своими меня и благодѣтеля только нынѣ; видно не слишкомъ полагается на съѣмне слухи; но этою новою подлостью, какъ скавалъ и благодѣтель, только хуже себя вывазываетъ. Они думали, что мы совсѣмъ и Богъ знаетъ куда заброшены. Жалкіе политики!»

26 июня 1826 года. Въ этомъ письмѣ Вахрушевъ превоз-

¹⁾ Выписка изъ переписки генерала Богдановича. Архивъ бывшаго департамента военныхъ поселеній.

носитъ до небесъ знаменитаго мужа; говоритъ о Сухоруковѣ, котораго называетъ гнуснымъ предателемъ благодѣтеля (вѣроятно Иловайскаго), подлымъ шиканомъ, государственнымъ злоумышленникомъ, подлецомъ, который кутитъ и мутитъ на Дону вмѣстѣ съ Шумевымъ и сидѣлъ бы въ крѣпости, если-бы не предалъ имя благодѣтеля; негодуетъ при воспоминаніи объ «этихъ уродахъ». «Рано или поздно нечестивцы испиютъ чашу горести и срама, которую наливаютъ усердно другимъ».

10 іюля 1826 года. Вахрушевъ совѣтуетъ Богдановичу написать мужу безкорыстному, прямодушному, великому духомъ и разумомъ, благодѣтельному генію «сего» края о поведеніи донскихъ магоговъ и алчныхъ демагоговъ. «Неблагодарные мерзавцы скоро восчувствуютъ безумныя свои ошибки и въ прахъ будутъ ползать передъ тѣмъ, противъ кого устремляются... и, подобно жидамъ, думаютъ уничтожить сотворившаго ихъ».

28 августа 1826 года. Вахрушевъ раздѣляетъ прискорбіе, столь продолжительно угнетающее благородную душу (т. е. Богдановича), среди хищныхъ волковъ пребывающую. «Безумцы падутъ во прахъ, сопровождаемые презрѣніемъ и проклятіями. Съ возвращеніемъ изъ Москвы, благодѣтель вступитъ на такое поприще, которое устраситъ негодяевъ и порадуетъ добрыхъ». Далѣе говорится о введеніи великаго мужа (Чернышева) въ графское достоинство.

11 сентября 1826 года. Вахрушевъ молучилъ свѣдѣніе изъ Москвы; предчувствіе его сбывается. «Высокомѣрный подлецъ (войсковой атаманъ) встрѣтитъ краеугольный камень и больно ушибется. Онъ противъ благодѣтеля своего ведетъ себя самымъ недостойнымъ и только дикому, въ злобѣ неукротимому чеченцу свойственнымъ образомъ; всѣ вдаль въ руки Ор...¹⁾, второнъ по вкусамъ своимъ играетъ ими, какъ медвѣдями, пляшущими на веревкѣ... Магогъ много затѣвалъ и пытался сбросить остальную обороту и завладѣть полемъ устроенія, но ничего не успѣлъ и остался съ тѣмъ, съ чѣмъ пріѣхалъ». Слово Божіе живо: «изры, ископа и паде въ яму, юже содѣла». Далѣе Вахрушевъ говоритъ о какомъ то заподрядѣ, на которомъ атаманъ хотѣлъ выручить 75,000 р. штрафа и сотню тысячъ хватить барышка, но благодѣтель разстроилъ этотъ проектъ в...ъ. Съ

¹⁾ По всей вѣроятности, донской уроженецъ, генералъ отъ кавалеріи графъ Орловъ-Денисовъ, командовавшій въ царствованіе императора Николая кавалерійскимъ корпусомъ и безплодно домогавшійся мѣста войскаго атамана.

возвращеніемъ изъ Москвы «солнце наше возсіяетъ свѣтлѣе и лучи его будутъ обширнѣе, благотворнѣе для всѣхъ добрыхъ и честныхъ обитателей земли; тогда злые возстенають и стануть ползати во прахѣ».

9 октября 1826 года. «Коварство и своекорыстіе, пишетъ Вахрушевъ, — зѣло уживались около него (около благодѣтельнаго графа) въ Москвѣ, но онъ показалъ имъ явное презрѣніе, которое они давно заслужили. Эти исчадія ада будутъ пресмыкаться въ томъ же прахѣ, изъ котораго ошибкою были извлечены. Магогу, который въ самомъ дѣлѣ лишился послѣдняго ума и ввѣрился смертельному своему непріятелю (надобно полагать, будущему атаману Кутейникову), такъ взмыта голова, что только одинъ казачій желудокъ могъ ее высушить».

Остановимся на этой перепискѣ и обратимся къ нашему изслѣдованію, изъ котораго читатель увидитъ, въ чемъ была провинность войсковаго атамана, а также усмотритъ, сколь похоже переживавшееся въ 1826 году время съ настоящимъ, но съ тою лишь разницею, что во главѣ военнаго министерства (апрѣль 1881 г.) стояла личность совсѣмъ другаго направленія.

По удаленіи съ должности войсковаго атамана Денисова и по назначеніи вмѣсто него наказнымъ (не утвержденнымъ въ своей должности) атаманомъ генераль-маіора Иловайскаго, Чернышевъ получилъ званіе предсѣдателя донскаго комитета по пересмотру законоположеній. Членами этого комитета состояли донскіе уроженцы: Кутейниковъ¹⁾, Андрияновъ²⁾, Шамшевъ и Машлыкинъ, а отъ министерства юстиціи—Болгарскій. Атамана Денисова и бывшихъ двухъ членовъ комитета, генераловъ Карпова и Черевкова, повелѣно предать суду. Главнѣйшимъ пунктомъ обвиненія, какъ мы говорили въ прошедшей главѣ, было учрежденіе войсковымъ атаманомъ питейнаго откупа и замѣченное въ засѣданіяхъ комитета покровительство его этому нововведенію. Всворѣ однакоже Чернышевъ объявилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе: «По докладу моему, государь императоръ изволилъ изъявить всемилостивѣйшее дозволеніе предстательствовать у его величества объ освобожденіи отъ суда атамана Денисова и нѣкоторыхъ изъ членовъ канцеляріи, неумышленно виновныхъ въ преступленіи по своимъ должностямъ, тогда какъ справедливый страхъ, внушенный настоящимъ негодованіемъ верховной власти, произведетъ желаемое впечатлѣніе».

¹⁾ Впоследствии смѣнявшій Иловайскаго.

²⁾ Впоследствии управлялъ гражданскою частью.

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій избранъ былъ въ званіе атамана собственно по представленію генераль-адъютанта Чернышева, «цѣлнѣвшаго его благородныя мысли на пользу войска», такъ писалъ по крайней мѣрѣ Чернышевъ изъ Лайбаха, гдѣ онъ находился тогда при Александрѣ I, во время происходившаго тамъ конгреса.

Относясь столь лестно объ Иловайскомъ, Чернышевъ однакоже неполнѣ довѣрялъ ему. Это видно изъ того, что онъ назначилъ Болгарскаго въ помощь Иловайскому, при приѣмѣ послѣднимъ дѣлъ отъ его предмѣстника Денисова, причемъ въ письмѣ къ Болгарскому Чернышевъ совѣтуетъ «вести себя какъ можно осторожно, не выказывая того, что Иловайскій поступаетъ къ нему (Болгарскому) какъ-бы въ опеку».

Въ этомъ же письмѣ къ Болгарскому Чернышевъ, между прочимъ, очень хвалитъ приближенныхъ Иловайскаго, чиновниковъ Попова и Шумкова, о которыхъ впоследствии отзывался очень дурно. При этомъ Чернышевъ просилъ Болгарскаго «увѣдомить его о впечатлѣніи, произведенномъ смѣною атамана Денисова».

Авторъ «Низовые и верховые донскіе казаки» говоритъ, что хотя атаманъ Иловайскій и принадлежалъ къ одной изъ первыхъ фамилій бывшей аристократіи, но онъ былъ не тотъ, на кого были устремлены всеобщія желанія и надежды. «Пора сказать истину: сердца всего донскаго войска единодушно расположены были къ графу Орлову-Денисову, котораго одного, по военнымъ подвигамъ и личнымъ достоинствамъ, считали способнымъ заступить мѣсто Платова¹⁾. Въ этомъ отношеніи, послѣ Денисова, и верховые вполнѣ раздѣляли чувства низовыхъ». Къ Иловайскому въ особенности дурно была расположена бывшая аристократія и, что еще страннѣе, ближайшіе его родственники. Многіе изъ этого круга считали себя выше его заслугами и потому полагали, что атаманское званіе дано ему какъ-бы неправильно. Отъ этого и отъ другихъ причинъ произошла между ними мало-по-малу непріянь, слѣдствіемъ которой было то, что многія изъ лицъ, принадлежащихъ къ первымъ фамиліямъ, начали уклоняться отъ службы и въ особенности гражданской. Тогда-то бѣльшую часть мѣсть донскаго

---

¹⁾ Авторъ «Низовые и верховые казаки», генераль Иванъ Ивановичъ Красновъ, въ своей молодости былъ адъютантомъ грава Орлова-Денисова.

управления наполнили верховные донские казаки, отличавшіеся сдержанностью, усидчивостью и свопомствомъ, а двое изъ нихъ, какъ мы видѣли, Андрияновъ и Шамшевъ, были назначены членами комитета; поэтому, хотя Иловайскій не показывалъ въ верховнымъ казакамъ нивакого особеннаго вниманія, но положеніе ихъ, по принятому уже направленію внутренней донской политики, улучшалось болѣе и болѣе. Къ чести Иловайскаго нужно присовокупить, что онъ болѣе всѣхъ атамановъ заботился о водвореніи на Дону просвѣщенія и доставлялъ молодымъ людямъ, подававшимъ хорошія надежды, средства продолжать науки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ официальной перепискѣ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, представленіе его о дозволеніи нѣсколькимъ казакамъ слушать лекціи въ училищѣ колонновожатыхъ¹⁾ на томъ основаніи, что казачьи офицеры въ военное время бывають постоянными помощниками офицеровъ генеральнаго штаба. Это, какъ и другія прогрессивнаго свойства представленія Иловайскаго, по настоянію Чернышева, постоянно отклонялись. Къ сожалѣнію, до 1825 года мы не нашли въ архивахъ департамента военныхъ поселеній указаній на постепенное охлажденіе отношеній между войсковымъ атаманомъ и Чернышевымъ; но изъ приводимаго выше нельзя не усмотрѣть, что Иловайскій находился подъ влияніемъ, или самъ лично раздѣлялъ либеральныя и прогрессивныя воззрѣнія русскихъ людей начала XIX столѣтія и вполне довѣрялся Сухорукову. Нужно полагать, какъ и будетъ видно изъ послѣдующаго, что Сухоруковъ не срывалъ отъ атамана того, что происходило въ комитетѣ, и вѣроятно онъ охуждалъ бюрократическое направленіе, данное предсѣдателемъ въ сужденіяхъ этого законодательнаго учрежденія. Слѣдуетъ помнить, что, передъ смертью Александра I, на Дону, какъ и въ Петербургѣ, незамѣтно виталъ уже тлетворный духъ Арачьева, а потому всѣ надежды были обращены на будущаго государя.

Только въ 1825 году, передъ переѣздомъ императора Александра I въ Таганрогъ, встрѣчается въ дѣлахъ слѣдующее письмо Чернышева къ Иловайскому, который уже въ это время былъ утвержденъ въ званіи войсковаго атамана²⁾.

¹⁾ Впоследствии военная академія.

²⁾ По поводу представленія императору проекта положенія Чернышевымъ, 23 апрѣля 1825 года, корнетъ Сухоруковъ получалъ тогда же слѣдующій чинъ и 1,500 р. въ награду.

«Нынѣшнее высочайшее посѣщеніе вѣрннѣе вамъ края есть счастливѣйшій и благоприятнѣйшій случай для вашего пре-восходительства обратить вниманіе императора на благоразумную попечительность вашу, которая доселѣ отличала всѣ дѣйствія ваши по управленію донскимъ войскомъ. Какъ хозяинъ и какъ начальникъ, совершенно увѣренный въ чистотѣ своихъ дѣйствій, вы можете, съ полною откровенностью, докладывать справедливому Монарху о томъ пламенномъ стремленіи къ добру, которое одно руководило васъ на поприщѣ настоящей вашей службы, и о томъ, что находили вы несообразнымъ съ пользами народа... Нѣтъ сомнѣнія, что неблагоприятная вамъ партія и при семъ случаѣ распуститъ вредныя для васъ слухи и нелѣпости; но это не должно для васъ имѣть никакого впечатлѣнія: надлежитъ только предвидѣть могущіе возникнуть вопросы и быть въ готовности отвергнуть ихъ».

Это письмо Чернышева показываетъ, что онъ, по крайней мѣрѣ съ своей стороны, не видѣлъ врага себѣ въ войсковомъ атаманѣ. Да и можно ли видѣть врага въ человѣкѣ, не сочувствующемъ нашему консервативному или либеральному направленію? Весьма возможно, что Иловайскій лишь наружно склонялся передъ диктаторскою на Дону властью предсѣдателя донскаго комитета; можетъ быть онъ даже уважалъ Чернышева, какъ человѣка, но не терпѣлъ его деспотическихъ дѣйствій, не могъ сочувствовать его бюрократическому взгляду.

Современники говорятъ, что въ 1825 году, во время проѣзда императора Александра I чрезъ Новочеркасскъ и чрезъ старшій городъ, Иловайскому, какъ хозяину края, государь оказалъ особенное вниманіе, сдѣлалъ даже визитъ проживавшей въ Старочеркасскѣ 80-ти-лѣтней матери войсковаго атамана и, не смотря на свое нездоровье, посѣтилъ балъ, устроенный Иловайскимъ.

Въ Таганрогѣ императоръ скончался.

По восшествіи на престолъ Николая I, атаманъ Иловайскій отдалъ слѣдующій приказъ по донскому войску 10 января 1826 года.

«Храбрые и вѣрные донскіе воины! Изъ возвѣщеннаго нынѣ въ парадѣ манифеста всемилостивѣйшаго государя нашего, императора Николая Павловича, даннаго въ 19-й день минувшаго декабря, узнали мы о гнусномъ намѣреніи злыхъ заговорщиковъ поколебать спокойствіе любезнаго нашего отечества. Я въ полной мѣрѣ ощущаю то негодованіе, которымъ

переполнены сердца ваши противу злодѣевъ, кои всѣ, благодареніе Всевышнему, схвачены и преданы дѣйствию правосудія».

«Вѣрные сыны Дона! Намъ отцы наши оставили достойный образецъ преданности ихъ государю своему въ событіи 1705 г., во время стрѣльческаго бунта¹⁾; они, не только не вняли голосу подосланныхъ тогда возмутителей, которыхъ, схвативъ, представили къ Государю; но общимъ приговоромъ осудили еще всякаго, кто только поколеблется цѣловать крестъ о неизмѣнной вѣрности своей — «въ куль, да въ воду» — и грудью стали за царя своего». И дальше: «Я ручаюсь за васъ, достойные мои соотчичи, и вы взаимно поручитесь за всѣхъ и каждаго, что въ цѣломъ составѣ нашемъ нѣтъ ни единого человѣка, который бы, подобно знаменитымъ нашимъ предкамъ, не почиталъ величайшимъ благомъ пожертвовать послѣднюю каплю крови своей за царствующій домъ и за всемилостивѣйшаго государя нашего, императора Николая Павловича» (при приказѣ приложена была отпечатанная копія съ жалованной грамоты императора Петра I).

До Иловайскаго дошли слухи; что въ числѣ декабристовъ замѣшанъ одинъ изъ фамиліи Чернышевыхъ²⁾, потому вѣроятно атаманъ думалъ, что немилость государя обрушится на предсѣдателя донскаго комитета. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ подстрекательствомъ Сухорукова и интеллигентной части общества, и подвинуло войсковаго атамана подать императору, послѣ его коронаціи въ Москвѣ, докладную записку въ формѣ всеподданнѣйшаго письма, въ которомъ, съ одной стороны, встрѣчается обвиненіе Чернышева въ его деспотическихъ наклонностяхъ, а съ другой стороны, проводятся тѣ самыя воззрѣнія, которыя по видимому будутъ осуществлены по отношенію къ донскому краю лишь въ настоящее царствованіе³⁾.

Во всякомъ случаѣ это письмо настолько замѣчательно, что мы позволимъ себѣ привести изъ него нѣсколько выписокъ, такъ какъ все письмо приведено въ «Русской Старинѣ» за 1875 годъ.

«Движимый чувствами благоговѣнія къ высокимъ намѣреніямъ вашего императорскаго величества, дерзаю всеподданнѣйше представить прозорливому вашему вниманію такое дѣло, отъ котораго зависитъ жребій цѣлаго донскаго войска. Оно

¹⁾ Это было во время астраханскаго бунта.

²⁾ Двоюродный братъ военнаго министра.

³⁾ Теперь рѣшено уже въ Новочеркаскѣ собрать выборный комитетъ изъ 106 членовъ для разсмотрѣнія проекта земскихъ учрежденій.

тяготить мою душу и если не отерю онаго предъ отцомъ отечества, то обязанъ буду дать отвѣтъ передъ Богомъ и предъ совѣстью своею. Составленный донскимъ комитетомъ проектъ новаго положенія въ скоромъ времени долженъ быть представленъ на высочайшее вашего императорскаго величества утверженіе. Всемилоствѣннѣйшій государь! Повергаю предъ священною особою вашего величества чистосердечное сознание въ томъ, что въ проектѣ допущены многія ошибки, по свойственному чело-вѣку недоразумѣнію, кои я открылъ теперь, единственно изъ опытовъ... Я самъ участвовалъ въ составленіи положенія о донскомъ войскѣ и нимаю не останавливаюсь сознаться передъ вашимъ императорскимъ величествомъ въ сихъ ошибкахъ. Несовершенство есть необходимое условіе всѣхъ дѣлъ человѣческихъ... Обращаясь къ самымъ источникамъ, изъ коихъ могли произойти открываемыя погрѣшности, я теперь вижу два, весьма важныя упущенія, относящіяся къ донскому комитету, изъ коихъ одно касается собственнаго состава его, а другое производства его дѣла. Первое. Въ составѣ донскаго комитета не было ни одного члена, избраннаго донскимъ войскомъ... Члены, избранные всѣмъ войскомъ и облеченные довѣріемъ всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положеніе, вѣрнѣе и точнѣе, нежели назначенные по выбору кого либо (т. е. сперва по назначенію Денисова, а потомъ Чернышева). Утвердительно полагаю, что комитетъ донской никогда не принялъ бы столь несоотвѣтственнаго мнѣнія, каковое отерывается теперь въ правилахъ о поземельномъ надѣлѣ мелкопомѣстныхъ чиновниковъ, если-бы присутствовалъ въ ономъ хотя одинъ членъ, принадлежащій сему классу... Второе. Начальныя дѣйствія комитета были учреждены не на точномъ разумѣ высочайшей воли, именно: бывшій войсковою атаманъ генералъ-лейтенантъ Денисовъ въ представленіи своемъ испрашивалъ: «учредить комисію, которая собрала бы воедино всѣ бывшія постановленія о донскомъ войскѣ, въ разныхъ государственныхъ узаконеніяхъ разложенныя, равнымъ образомъ всѣ собственные распоряженія и обычаи войска, имѣющіе на Дону силу закона, но во многомъ отступавшіе отъ коренныхъ началъ своихъ,—сообразила бы съ настоящимъ духомъ народа, съ мѣстнымъ положеніемъ вещей и съ точнымъ смысломъ правъ и привилегій, войску дарованныхъ, и такимъ порядкомъ составила бы цѣлое, полное и ясное законоположеніе для донскаго края»... При самомъ приступѣ къ занятіямъ своимъ, донской комитетъ опустилъ изъ вида сію цѣль и вмѣсто того, чтобы начать составленіе полного свода всѣхъ существу-

ющих постановлений и обычаев донскаго войска, онъ, по внесеннымъ въ первомъ присутствіи запискамъ генералъ-адъютанта Чернышева, отдѣльно по нѣкоторымъ военнымъ и гражданскимъ частямъ, и потомъ по мѣрѣ полученія сихъ свѣдѣній, занимался обсужденіемъ самыхъ предметовъ и, такимъ образомъ, дѣлалъ опредѣленія свои для будущаго законодательства...

«Осмѣливаюсь повторить, что донскому комитету, приступая къ сочиненію закона, необходимо надлежало имѣть въ виду полный сводъ существующихъ постановлений и обычаевъ, ибо тогда только онъ ясно могъ бы видѣть, что именно въ существующемъ порядкѣ вещей нужно дополнить, измѣнить, или вовсе уничтожить, сообразно духу и правамъ народа. Но онъ съ первою своею ошибкою соединилъ другую—именно объ обычаяхъ, имѣвшихъ на Дону силу закона, онъ не сдѣлалъ даже вопроса и вовсе не имѣлъ въ виду. Единственно отъ сего произошли погрѣшности, допущенныя въ правилахъ о «станичномъ управленіи и объ управленіи калмыками», ибо тѣ правила основаны исключительно на обычаяхъ, освященныхъ временемъ. Не сохранить ихъ, значитъ потрясти права и привилегіи донскихъ обитателей; наиболѣе сего неминуемо ожидать надлежитъ отъ допущенныхъ измѣненій въ станичномъ управленіи.

«Всемиловѣйшій государь! Сія важныя предметы составляли тяготу души моея; вѣрваю ихъ отеческому сердцу твоему, милосердный монархъ. Да не обратится на меня гнѣвъ твой! Если-бы я умолчалъ теперь объ ономъ, то, рано или поздно, донское войско, въ справедливыхъ жалобахъ своихъ, стало бы винить меня одного, какъ начальника своего, въ непростительной безпечности. Высокія попеченія вашего императорскаго величества о благѣ народа наполняютъ войско донское несомнѣнною надеждою на прочное свое благосостояніе. Обрати, всемиловѣйшій государь, отеческое вниманіе на сіе чистосердечное изъясненіе мое и повели: приготовленное положеніе для донскаго края еще разсмотрѣть, съ большимъ вниманіемъ, членамъ, избраннымъ всѣмъ войсковымъ обществомъ. Правительство войсковое обязано будетъ вручить имъ полный сводъ всѣхъ существующихъ постановлений и обычаевъ, который составить подъ наблюденіемъ правительствующаго. Довѣренныя члены будутъ вполнѣ знать мѣстныя положенія вещей на Дону и обстоятельства своего сословія. Они, сообразивъ составленный донскимъ комитетомъ проектъ съ упоминаемымъ сводомъ донскихъ постановлений, утвержденныхъ временемъ и благостью

августѣйшихъ монарховъ нашихъ, вникнуть во всё мѣстныя обстоятельства, въ самыя права и обычаи страны, и потомъ сдѣлають, въ чемъ найдутъ нужнымъ, замѣчанія свои и представятъ оныя вмѣстѣ съ прежнимъ проектомъ».

Записка подписана 10 августомъ 1826 года, Государь передалъ ее на просмотръ и заключеніе генералъ-адъютанта Чернышева.

По поводу этой записки Чернышевъ написалъ два доклада, изъ которыхъ въ первомъ излагаетъ ходъ дѣла въ донскомъ войскѣ до образованія комитета. Историческую часть его возрѣній мы привели въ прошедшей главѣ. Переходя къ дѣятельности комитета, засѣдавшаго по смѣнѣ Денисова, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, Чернышевъ говоритъ:

«Возбужденные (казаки) отъ глубокаго унынія къ надеждѣ, они тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ новаго закона, подъ сѣнью котораго могутъ обрѣсти довольство и правосудіе, что, во-первыхъ, ежегодное чтеніе высочайшихъ грамотъ и рескриптовъ возобновляетъ въ умахъ ихъ попеченіе о непремѣнной волѣ государей сохранить дарованная войску привилегіи неприкосновенными на вѣчныя времена, и во-вторыхъ, что войсковое начальство, при всѣхъ справедливыхъ жалобахъ казаковъ на терпимое ими стѣсненіе, отлагаетъ удовлетвореніе до «Новаго положенія».

«Справедливость и основательность таковой надежды терпящихъ доказывали сами помѣстные чиновники тѣмъ, что когда видѣли, съ одной стороны, себя обличенными въ противозаконныхъ захватахъ общаго достоянія, а съ другой—твердое намѣреніе правительства положить конецъ своевольству ихъ, то, во все время занятій комитета на Дону, пребывали совершенно бездѣйственными и даже расположились и были готовы къ безмолвному исполненію тѣхъ мѣръ, какія правительство признаетъ нужными для общаго устройства донскаго края. Но воля скоро примѣтили» и т. д. въ подобномъ же родѣ.

«Изъ сего слѣдуетъ, что если-бы общее преобразование по войску еще замедлилось, или было отложено, тогда самое малое число изъ его обитателей, увлеченное удачею своихъ происковъ, паки обратится, но съ сугубою уже дерзостью, на притѣсненіе слабѣйшихъ; многочисленный же и полезнѣйшій классъ жителей долженъ погрузиться въ прежнее уныніе, и поелику тяжесть положенія его выйдетъ изъ всякой мѣры, то правительство, для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ обиженныхъ, рано или

поздно, вынуждено будетъ прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ, кои предположилъ донской комитетъ».

Обращаясь къ Иловайскому, Чернышевъ говоритъ:

«Но какъ сношенія мои съ нимъ заключались въ однихъ частныхъ совѣтахъ, которые гласнаго вліянія на дѣйствія его не имѣли, то генералъ Иловайскій въ послѣднее время пересталъ держаться совѣтовъ моихъ и, уклонившись къ обыкновенному на Дону произволу, началъ даже вводить мѣры, предназначенныя проектомъ, и настоятельно требовать списка съ онаго къ дальнѣйшему руководству при устройствѣ нѣкоторыхъ предметовъ по войску». Говорилось также, что высочайшую волю о примѣненіи проекта въ дѣйствіе Иловайскій понималъ превратно и дѣйствовалъ по примѣру своихъ предшественниковъ, т. е. по собственному усмотрѣнію, или произволу, «который и безъ того ощутителенъ, особенно по войсковому хозяйству и въ предметахъ военныхъ».

Во второмъ докладѣ, касающемся собственно всеподданнѣйшаго письма войсковаго атамана, Чернышевъ даетъ такое объясненіе:

«Всеподданнѣйшее письмо атамана Иловайскаго отъ 10 августа сего (1826) года обращаетъ на себя особенное вниманіе по духу, или образу мыслей, его отличающему».

«Атаманъ, оуждая составъ и порядокъ занятій комитета, бывшій, по словамъ его, главною причиною недостатковъ въ самомъ проектѣ положенія и, испрашивая дозволенія пересмотрѣть оный на Дону, явно присвоаетъ небывалое въ Россіи право избранія довѣренныхъ общества, или народныхъ представителей, которые бы, составляя для себя законы, находились бы въ непосредственномъ отношеніи къ государственному совѣту; себѣ же лично наименованіе «правительствующаго».

Въ государствѣ, гдѣ всякій законъ и всякое начальство происходятъ отъ единой, самодержавной власти государя, подобныя присвоенія и даже самыя мысли объ оныхъ не должны быть терпимы, наипаче въ лицѣ начальника военной области, гдѣ безмолвное повиновеніе есть существенная основа всѣхъ дѣйствій.

«Доселѣ, въ Россіи, ни одна область не имѣла права избирать представителей. Финляндія, Бѣлостокъ и Сибирь въ недавнее время получили новое устройство, основанное на соображеніяхъ комитетовъ, или лицъ, кои были назначены отъ государя. Но нигдѣ и ни въ какое время не было допускаемо

у насъ право избранія представителей, кои бы сами для себя составляли законы и находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государственнымъ совѣтомъ.

«Тѣмъ менѣе могло быть таковое дано донскому войску, зависѣвшему начально отъ иностранной, а потомъ отъ военной коллегіи, впоследствии же отъ общаго порядка въ государствѣ, какъ по военному, такъ и гражданскому его управленію, и никогда еще имѣвшему у себя ни правительствующаго, ни правительства, а просто—атамана и войсковую канцелярію, составляющаго мѣстное начальство въ войсѣхъ, въ видѣ губернскаго.

«Между донскими чиновниками, особенно зажиточными и имѣвшими власть въ рукахъ своихъ, кои съ нѣкотораго времени подстрекаются сужденіями обучающихся въ университетахъ, всегда замѣчались мечтательныя мысли на счетъ самостоятельности ихъ отчизны; но сіе частое и чуждое для общества заблужденіе должно исчезнуть само собою, коль скоро ясныя законы стали бы направлять каждаго къ точному исполненію его обязанностей.

«Если же самъ начальникъ войска начинаетъ говорить въ семъ духѣ передъ вашимъ императорскимъ величествомъ, то мнѣнія его уже дѣлаются опасными и не могутъ быть допускаемы, потому что легко распространились бы въ обществѣ, отъ вліянія его зависящемъ, и современемъ превратились бы въ сужденія вольнодумныя».

Полагаемъ, что и безъ комментариевъ читатель увидитъ, на сколько русское общество и правительство ушли впередъ, послѣ реформъ въ Божѣ почившаго государя Александра Николаевича.

Чернышевъ разбираетъ всеподданнѣйшее письмо Иловайскаго, и въ общемъ, и по частямъ, и тѣмъ обнаруживаетъ свѣдѣ собственныя мысли. О несоотвѣтственности выборнаго комитета военной министръ николаевскаго царствованія говоритъ: «Въ дѣлѣ общемъ, каковое есть устройство дѣлаго войска, чиновники и казаки должны бы имѣть равное участіе и слѣдовательно выборъ довѣренныхъ членовъ, по справедливости, одинаково принадлежалъ бы обоимъ сословіямъ; но если-бы сіе было допущено, то во первыхъ, казачьи представители, защищая коронныя права свои, не избѣжали бы необходимости оскорбленія своихъ начальниковъ, оныя нарушившія, и тѣмъ ослабили бы военную дисциплину. Оставаясь же безмолвными противъ утѣснителей, они невозвратно теряли бы существенныя

пользы своего сословія, и во вторыхъ, представители чиновниковъ должны были бы состязаться съ терпящими отъ нихъ подчиненными и содѣлаться судьями въ собственномъ дѣлѣ».

О правѣ потомственныхъ донскихъ офицеровъ, Чернышевъ выражаетъ социальныя идеи, нынѣ проповѣдуемныя; но странно, что эти идеи не проникли въ положеніе, имъ же составленное.

По всѣмъ грамотамъ, указамъ и постановленіямъ удостовѣрено, говорилъ онъ, что дарованныя отъ государей привилегіи принадлежатъ всему донскому войску, но не лично сословіямъ, его составляющимъ, и что коренной порядокъ довольствія землями на Дону есть общественный ¹⁾, по коему каждый войсковой обитатель пользуется, сколько ему нужно, безъ обиды другаго, но не имѣетъ права ничего почитать исключительно своею принадлежностью.

Говоря затѣмъ, что донскіе чиновники, помѣстные и безпомѣстные, своевольно, или по подворству мѣстной власти, захватили изъ общественныхъ и даже станичныхъ земель отдѣльныя пространства и заселили ихъ крестьянами, — Чернышевъ прибавляетъ:

«Но ежели бы онъ (Иловайскій) столь странную мысль свою основалъ на томъ, что войсковое начальство, — впрочемъ, никогда не имѣвшее ни права, ни разрѣшенія отъ высочайшей власти раздавать общественное достояніе въ частную принадлежность, — самовластно попустило чиновниковъ занимать войсковыя земли и селить крестьянъ, съ притѣсненіемъ коренныхъ жителей, то сіе основаніе должно разрушиться само собою, воля сдѣлалось гласнымъ предъ высшимъ правительствомъ, ибо возникло внѣ закона и могло существовать единственно потому, что было скрываямо мѣстною властью, которая за нарушение своихъ обязанностей подлежитъ строгому отвѣту.

«Мнѣ — заканчиваетъ Чернышевъ — остается только замѣтить на счетъ истинной цѣли ходатайства Иловайскаго, что онъ, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, благовидно ищетъ преклонить ваше величество къ одобренію сокровеннаго замысла донскихъ помѣстныхъ чиновниковъ, устремляющихся къ тому единственно, чтобы, отстранивъ всякое постороннее участіе и, получивъ въ свои руки проектъ положенія, составить на оный такія замѣчанія, кои бы, подъ предлогомъ пересмотра древнихъ

¹⁾ Таковой остался въ одномъ уральскомъ войскѣ, гдѣ казаки общественно пользуются территоріею въ 6.500 000 десятинъ.

постановленій и обычаевъ, уничтожили все, что начертано въ проектѣ для восстановления угнетеннаго состоянія казаковъ и для водворенія въ войскѣ строгаго и прочнаго порядка (?) и силою уже общаго постановленія утвердить господствующіе въ семь край произволъ и безотчетность».

Мы выше уже указали, что войсковою атаманъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ аристократическою, т. е. помѣщицкою партіею, и нѣтъ никакого сомнѣнія, въ виду его сближенія съ прогрессистами и либералами, во главѣ которыхъ повидимому стоялъ Сухоруковъ, что атаманъ стремился, путемъ гласности и выборныхъ людей изъ всѣхъ сословій, узнать истинныя нужды общества. Слѣдовательно и въ обвиненіяхъ противъ Иловайскаго мы встрѣчаемъ тѣ же натяжки, которыя въ предшествующей главѣ предсѣдатель комитета и впослѣдствіи военный министръ приводилъ по вопросу объ удаленіи отъ должности войсковаго атамана Денисова.

Какъ бы то ни было, но Чернышевъ просилъ государя, по поводу всеподданнѣйшаго письма: «атаману Иловайскому всѣ изъясненія его и доводы, какіе онъ противъ проекта могъ придумать, внести въ донской комитетъ, который, съ прибытіемъ членовъ, можетъ составить полное присутствіе въ Петербургѣ». Императоръ Николай Павловичъ, соглашаясь съ Чернышевымъ, повелѣлъ: въ первое засѣданіе «комитета объ устройствѣ донскаго войска» объявить всеподданнѣйшее письмо атамана Иловайскаго и, отобравъ по соображенію онаго мнѣнія донскихъ членовъ, на счетъ одобренія его вполнѣ, или въ частности, или отверженія онаго, записать мнѣнія сіи въ журналѣ, а потомъ потребовать отъ атамана на письмо его поясненія, если таковыя имѣтъ». «Журналы же комитета по этому предмету представлять всякій разъ его величеству на утверженіе». 30 ноября 1826 г., удаленъ отъ должности правитель дѣлъ комитета донской полковникъ Шуваловъ, и на его мѣсто назначенъ военный совѣтникъ Вахрушевъ, не изъ войсковыхъ уроженцевъ, письма котораго къ Богдановичу мы привели выше. 7 іюня 1827 года послѣдовалъ указъ объ увольненіи Иловайскаго отъ должности войсковаго атамана и на его мѣсто назначенъ генераль-маіоръ Кутейниковъ, въ званіи наказнаго атамана. Иловайскій былъ обвиненъ въ допущеніи по войску донскому безпорядковъ и даже злоупотребленій. Для производства слѣдствія по этому обвиненію командировали на Домъ генерала графа Гурьева и жандармскаго полковника, а также нѣсколько чиновниковъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Наоборотъ, въ томъ же 1827 году Чернышевъ, бывшій уже графомъ, имѣлъ должности товарища начальника штаба его величества, сенатора, управляющаго военнымъ министерствомъ, оставаясь въ то же время предсѣдателемъ донскаго комитета.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Обвиненіе Иловайскаго въ растратѣ общественныхъ капиталовъ и преданіе суду войскаго атамана.—Назначеніе Кутейникова наказнымъ атаманомъ.—Сообщеніе генерала Авдріянова о новочеркасскихъ либеральныхъ кружкахъ.—Наслѣдникъ цесаревичъ соединяетъ въ себѣ титулъ войскаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ.—Характеристика Кутейникова.—Переписка съ Чернышевымъ сенаторовъ Книженниа и Болгарскаго и начальника войскаго штаба.—Торжественное введеніе органическаго закона 1835 года.—Почетное увольненіе съ атаманскаго поста Кутейникова.—Хищеніе денегъ, ассигнованныхъ станицамъ въ пособіе отъ голода.—Миръ и тишина въ донскомъ казачьемъ населеніи.—Заключеніе.

Такъ какъ подробная переписка объ атаманахъ Иловайскомъ и Кутейниковѣ напечатана въ «Русской Старинѣ» за 1875 г., то мы позволимъ себѣ здѣсь привести лишь все, что имѣетъ отношеніе къ нашему изслѣдованію и составляетъ злобу дня нынѣшняго времени.

Въ запискѣ на имя государя отъ 10 августа 1826 года, Чернышевъ приводитъ между прочимъ:

«По управленію донскаго войска издавна укоренились: произволъ мѣстной власти, совершенная безотчетность и повсемѣстный неурядокъ, открытые въ комитетѣ съ 1819 года и подробно изложенные въ докладѣ его 1823 г., извѣстномъ вашему величеству. Бывшему атаману Иловайскому, присутствовавшему въ комитетѣ съ 1820 года, въ полномъ пространствѣ были извѣстны, какъ обнаруживаемыя по войску злоупотребленія, такъ и предполагаемыя мѣры къ прекращенію оныхъ...» Но шестилѣтній опытъ къ сожалѣнію не оправдываетъ сего ожиданія, ибо по всѣмъ частямъ управленія замѣчаются тѣ же неурядки, какіе существовали прежде, особенно по войсковому хозяйству, которое находится въ крайнемъ разстройствѣ.

Чернышевъ доказывалъ свое обвиненіе тѣмъ, что войсковая администрація, не только не заботилась увеличивать способы для составленія капиталовъ, предназначенныхъ комитетомъ для облегче-

нія всѣхъ военныхъ надобностей и для пособія офицерамъ и казакамъ при выходахъ на службу, но не обратила на сіе и вниманія. «Не помышляла также ни о сбереженіи здоровья служащихъ съ полками, посредствомъ приготовленія собственныхъ лекарствъ, ни о снабженіи казаковъ однокалиберными ружьями; мѣры же, предписанныя для размноженія станичныхъ конскихъ табуновъ, приводило въ исполненіе безъ должнаго соблюденія пользы казаковъ. Обращаютъ на себя вниманія слѣдующіе доводы:

«По занятіи всѣхъ внутреннихъ должностей въ войскѣ одними донскими чиновниками, вліяніе прокурора и стражчихъ на успѣшное и правильное теченіе дѣлъ нигдѣ столько не нужно, какъ на Донѣ; но бывшіе тамъ прокуроры или оставались безгласными, или искали случаевъ, чтобы удалиться оттуда. Причиною сему то, что въ званію прокурора нѣтъ никакого уваженія, и если онъ безпристрастно исполняетъ долгъ свой, тогда подвергается различнымъ оскорбленіямъ и дѣйствию гнусной клеветы предъ его начальниками».

Войсковое начальство, по словамъ обвинителя, управлялось произволомъ. Общіе расходы, простиравшіеся до 500,000 р., возросли къ 1824 году болѣе 600,000 р., а въ 1825 году около 900,000 р. ¹⁾, тогда какъ ничего особеннаго по войску не сдѣлано... «По частнымъ свидѣніямъ, взято изъ войсковыхъ суммъ до 68,000 р., подъ предлогомъ поѣздки атамана въ Москву и въ Петербургъ, безъ всякаго отъ начальства позволенія и, не смотря на то, что при вызовѣ сюда атамана и членовъ комитета въ 1823 году разрѣшено было всѣмъ имъ употребить не свыше 10,000 р.» «Построекъ не сдѣлано, не смотря на израсходованіе 200,000 р. и на употребленіе для этого двухъ рабочихъ полковъ; отъ станицъ отобраны, безъ всякаго отчета, станичные капиталы, простиравшіеся до 500,000 р.»

По произведенному графомъ Гурьевымъ слѣдствію, кромѣ Иловайскаго, были преданы суду: бывшій при немъ дежурный штабъ-офицеръ Шумковъ и командиры двухъ рабочихъ полковъ, учрежденных для устройства г. Новочеркасска. По рѣшеніи суда, Иловаискій, Шумковъ и одинъ изъ полковыхъ командировъ уволены отъ службы, а другой командиръ (Балабинъ) разжалованъ въ простые казаки.

Изъ добытыхъ нами отзѣмовъ лицъ, помнившихъ еще вто-

¹⁾ Нынѣ расходы простираются отъ 2,500,000 до 3.000,000 р. въ годъ.

рого изъ павшихъ въ борьбѣ съ Чернышевымъ войсковыхъ атамановъ, Алексѣй Васильевичъ Иловайскій долженъ быть причисленъ къ замѣчательнымъ личностямъ въ средѣ донцовъ: онъ отличался храбростью и распорядительностью въ битвахъ съ непріятелемъ, что свидѣлствуютъ имѣвшіеся у него ордена Георгія 4 и 3 классовъ и золотая сабля, украшенная алмазами. Облеченный въ званіе войскового атамана, Иловайскій обратилъ вниманіе на отсталость донцовъ въ условіяхъ общественной жизни: началъ устраивать у себя вечернія собранія съ танцами и охотно посѣщалъ подобныя же собранія у извѣстныхъ новочеркасскихъ жителей; выписалъ порядочную труппу актеровъ; заботился объ улучшеніи города и снабженіи его водою. Устроенный имъ съ послѣднею цѣлью ключъ, извѣстный отличнымъ качествомъ воды, и до сихъ поръ именуется «колодець Иловайскаго». Въ штабѣ его, кромѣ Сухорукова, была лучшая донская молодежь, большею частію изъ университетскихъ питомцевъ. О его мѣрахъ къ поощренію образованія между донцами мы уже говорили.

На мѣсто Иловайскаго, въ 1827 году, съ званіемъ уже не войскового, а наказнаго атамана, былъ назначенъ, находившійся тогда въ Петербургѣ членомъ комитета, генералъ Кутейниковъ, а на Дону временно исправлялъ эту должность генералъ Иванъ Андріановичъ Андріановъ.

Въ своихъ посмертныхъ воспоминаніяхъ¹⁾, помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ», авторъ «Низовые и верховые донскіе казаки» между прочимъ характеризуетъ Андріанова челоувѣкомъ нрава суроваго, строгаго къ себѣ и къ окружающимъ, серьезнаго и важнаго въ обращеніи. Подчиненные подходили къ нему со страхомъ; дѣти его, изъ которыхъ многіе были уже людьми заслуженными, не смѣли сѣсть въ его присутствіи. Отъ подчиненныхъ своихъ онъ требовалъ трудовъ неусыпныхъ, въ чемъ подавалъ имъ лучший примѣръ; но у себя дома онъ оставлялъ свою обыкновенную важность и становился ласковымъ и разговорчивымъ; однакоже при всемъ томъ былъ врагъ всякихъ увеселеній, даже шутокъ, а болѣе всего роскоши и модныхъ обычаевъ. «Словомъ, онъ напоминалъ суровую личность римскаго Катона цензора».

Въ августѣ 1827 года, Андріановъ писалъ къ бывшему

¹⁾ Передаваемыхъ въ этотъ военный органъ его сыномъ—нашимъ сотрудникомъ.
Ред.

также въ Петербургѣ члену комитета Шамшеву: «что въ Новочеркасскѣ прибылъ бывшій атаманъ Иловайскій и что въ городѣ производятся тайныя и явныя неблагонамѣренныя сходбища; въ нихъ участвуютъ полицмейстеръ, пристава и квартальные; чиновники сіи столь сомнительны, что онъ находитъ нужнымъ перемѣнить ихъ и что по всему этому, прїѣздъ въ Новочеркасскѣ новаго атамана (Кутейникова) необходимъ».

На письмо это, доведенное до свѣдѣнія Чернышева, Кутейниковъ сообщилъ Андриянову:

«Съ откровенностью долженъ сообщить вамъ удивленіе мое, что при благоразумномъ управленіи вашемъ, могли возникнуть тайныя и явныя сходбища, неблагонамѣренныя, и существовать въ такой степени, что вы сами изволите считать необходимымъ смѣнить полицмейстера». По разсказамъ современниковъ, эти «сходбища» были ничто иное, какъ сочувственныя посѣщенія смѣненнаго атамана Иловайскаго людьми, обязанными ему своимъ служебнымъ положеніемъ; но въ этихъ посѣщеніяхъ участвовалъ упоминаемый нами выше Василій Дмитріевичъ Сухоруковъ, находившійся въ опалѣ за свою приверженность къ атаману и любовь къ роднѣ. Андрияновъ, получивъ приведенное письмо новаго атамана, вызвалъ къ себѣ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ Иловайскаго, строго запретилъ имъ бывать у него и велѣлъ полиціи тщательно слѣдить за всѣми шагами ихъ, а вскорѣ затѣмъ, по прибытіи Кутейникова въ Новочеркасскъ, Сухорукова арестовали и отправили, какъ мы видѣли, въ Грузію.

Вскорѣ по принятіи должности, Кутейниковъ получилъ отъ Чернышева слѣдующее знаменательное письмо: «2 день декабря (1827 г.) долженъ пребыть незабвеннымъ въ самомъ отдаленномъ потомствѣ храбрыхъ донскихъ казаковъ. Государь императоръ, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ заслугамъ вѣрнаго и мужественнаго донскаго войска, соизволилъ изъяснить новое высочайшее благоволеніе свое—назначеніемъ въ сей день его императорскаго высочества наслѣдника, великаго князя Александра Николаевича атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, въ томъ числѣ и главнѣйшаго—донскаго»¹⁾.

По поводу этого письма и вслѣдствіе полученнаго тогда же Кутейниковымъ высочайшаго рескрипта, наказной атаманъ отвѣчалъ Чернышеву: «Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ я неизъяснимое счастье

¹⁾ Съ тѣхъ поръ наслѣдникъ цесаревича именуется войсковымъ атаманомъ. Главные же начальники казачьихъ войскъ: донскаго, Западной и Восточной Сибири получаютъ титулъ войсковыхъ наказныхъ атамановъ.

получить высочайшій рескриптъ о дарованіи Богомъ и всемилостивѣйшимъ государемъ всѣмъ казачьимъ войскамъ атамана. Преплонаю съ умилеиємъ сердечное благодареніе его императорскому величеству за толикия щедроты и милости къ войску донскому, — милости, по-истинѣ, неизрѣченныя и всѣ донныѣ бывшія превосходящія».

Кутейниковъ атаманствовалъ потомъ болѣе восьми лѣтъ, по 1836 годъ, и современники рисуютъ чрезвычайно грустную картину начальствованія его донскимъ войскомъ. По словамъ ихъ, время это отличалось полною безцвѣтностью войсковой администраціи; ни къ чему, въ донскомъ краѣ, не было приложено никакого улучшенія; все шло по старой избитой колеѣ; на всемъ лежала печать какой-то апатіи, застоя, какого-то монотоннаго существованія. Въ Новочеркасѣ не было общественныхъ собраній, никакихъ частныхъ вечеровъ; все сидѣло въ своей семьѣ; всѣ дома имѣли видъ монастырской замкнутости. Замѣчалось даже, что всякая попытка къ просвѣщенію юношества встрѣчала у войсковаго начальства скорѣе укоръ, чѣмъ поощреніе. «Дѣды и отцы наши не были учеными, а заслуживали и себѣ честь и славу войску донскому лучше всякихъ ученыхъ», говорили старики.

Въ 1835 году, по поводу ссоры Кутейникова съ начальникомъ войсковаго штаба, генераломъ Николаевымъ, возникло охлажденіе отношеній Чернышева въ Кутейникову. Начальникомъ штаба назначенъ Бердаевъ, не изъ войсковыхъ уроженцевъ, и извѣстному уже намъ Богдановичу было поручено Чернышевымъ увѣдомлять его о всѣхъ дѣйствіяхъ Кутейникова и о всемъ, происходящемъ въ войскѣ донскомъ ¹⁾. Въ то же время настала и важная для донскаго края эпоха — обнародованіе и приведеніе въ дѣйствіе новаго «Войсковаго Положенія», начало котораго было положено еще въ 1819 году атаманомъ Денисовымъ. Для совершенія этого событія были отправлены на Донъ сенаторы: Княжнинъ и Болгарскій, бывший членъ чернышевскаго комитета.

Не особенно радужными красками Княжнинъ, въ письмѣ въ Блейнмихелю ²⁾, рисуетъ Черкасѣ и его общество, въ особенности женское.

¹⁾ Богдановичъ опасно заболѣлъ и потому сношенія его съ Чернышевымъ прекратились.

²⁾ Директоръ департамента военныхъ поселеній.

«Тоже здѣсь нѣтъ никакого заведенія для образованія благородныхъ дѣвицъ, и хотя я здѣсь недавно, но замѣтилъ, что здѣшнія дамы, по плохому воспитанію, лѣньность считаютъ добродѣтелью, а праздность—упражненіемъ.

«Новочеркасскъ—городъ пустой, унылый, дороговизна большая и ничего нельзя найти порядочнаго. Изъ помѣщиковъ никто здѣсь не живетъ. Я самъ опытомъ убѣжденъ, что Платовъ сдѣлалъ непростительный поступокъ, построивъ городъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ направленія дороги для торга, гдѣ нѣтъ пристани и даже порядочной воды для употребленія ¹⁾. Соборъ, на который истрочены сотни тысячъ, нѣсколько лѣтъ стоитъ недостроеннымъ, ибо происходитъ споръ: срыть его, или достроить, а между тѣмъ онъ каждый день приходитъ въ упадокъ, и, дѣйствительно, когда я его смотрѣлъ, то онъ въ середину осѣлъ; но кажется, нѣтъ причины его срывать, какъ сказывалъ атаманъ ²⁾. Въ свою очередь, Болгарскій сообщалъ Чернышеву:

«Здѣсь есть люди, которые по угламъ позволяютъ себѣ говорить, что порядокъ управленія и прежде былъ хорошъ, а угодно было намъ назвать его дурнымъ; что правила, введенныя въ «положеніе», и прежде существовали, а только не были собраны въ одно цѣлое, и что если точно были такія неустройства, которыя бы вредили общей пользѣ, то казаки стали бы жаловаться, да и сами атаманы, по долгу присяги и совѣсти, не молчали бы о томъ. По доходящимъ свѣдѣніямъ, всѣ казаки (то есть нижніе чины) обрадованы новымъ положеніемъ и съ нетерпѣніемъ желаютъ видѣть и читать его. Атаманъ, въ образѣ мыслей своихъ, кажется, нисколько не измѣнился; онъ преданъ вашему сіятельству всею душою и нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ: не изволите ли вы за что гнѣваться на него...»

Бердяевъ, въ свою очередь, писалъ: «Сколько можно узнать и замѣтить стороннимъ образомъ, войско донское довольно новымъ положеніемъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ введенія онаго; не желать его могутъ только тѣ люди, которые, чрезъ запят-

¹⁾ Нынѣ въ Новочеркасскѣ имѣются: водопроводъ, два клуба, театръ и прекрасный садъ съ сражерею.

²⁾ Соборъ впоследствии стоилъ до 2 мил. р.; онъ два раза обрушался и въ 1880 г. повелѣно его разломать, на что ассигновано 70,000 р. На соборъ, грушевскую желѣзную дорогу и ольгинскую дамбу (стоившую 800,000 р.) земство указываетъ, какъ на грубыя, дорого стоящія ошибки администраціи.

нанныя дѣйствія, извлекли свои интересныя пользы; были недозвольны назначеніемъ меня въ начальнии штаба. Приближенные атамана ко мнѣ холодны; всѣ классы людей между собою не въ согласіи ¹⁾; богатое дворянство отдѣлено отъ бѣднаго; торговые казаки составляютъ особенное общество, а служилые казаки въ пренебреженіи и, кажется, что чиновники не стараются быть исправными къ службѣ».

Вскорѣ затѣмъ сенаторъ Бняжнинъ сообщилъ Чернышеву: «Доложу откровенно, вашему сіятельству, атаманъ совершенно опустился. Ограниченность способностей его для гражданскаго управленія, конечно, видна была и прежде, но вознаграждалось сіе по крайней мѣрѣ усердіемъ и рвеніемъ его къ общему благу и личнымъ его безкорыстіемъ. Теперь, напротивъ того, выказывается въ немъ совершенная насчетъ всего беззаботность, малодушіе и даже какая-то робость, а между тѣмъ, близкіе къ нему дѣлають, что хотять и особенно дежурный штабъ-офицеръ П., какъ будто присягнувшій быть по всей возможности дурнымъ. Посему, смѣю повторить, что удаленіе его отсюда, подъ какимъ-либо предлогомъ, есть одна изъ главныхъ необходимостей, чтобы дѣйствовать намъ съ пользою. Супруга атамана, по нездоровью, изъ спальни не выходитъ и никто еще изъ насъ до сихъ поръ не видѣлъ ея. По словамъ же нѣкоторыхъ, будто бы кроется тутъ простое нежеланіе ея видѣться съ нами, по причинѣ той, что когда было здѣсь получено свѣдѣніе о назначеніи насъ, то сіе такъ сильно ее встревожило, что она слегла въ постель. Она, яко-бы увѣрена была, да и многіе изъ приверженныхъ къ нимъ были того же мнѣнія, что приведеніе «положенія» въ дѣйствіе предоставлено будетъ, не другому кому, какъ самому атаману, потому болѣе, что онъ и есть членъ комитета».

Затѣмъ Болгарскій извѣщалъ Чернышева, «что въ оба высокоторжественные дни, 20 ноября и 6 декабря, атаманъ не былъ въ соборѣ, ни у обѣдни, ни у молебна, отзываясь болѣзнию; между тѣмъ въ оба дни, по утру, принималъ всѣхъ, а 20 ноября приглашалъ въ обѣду, гдѣ и мы были. Обѣдъ былъ продолжительный и однако непримѣтно было, чтобы онъ тѣмъ тяготился... Все сіе поставило насъ въ опасеніе, чтобы

¹⁾ Это замѣчательная черта донскихъ и черноморскихъ чиновныхъ казаковъ. Вместо поговорки: «люби нѣмецъ нѣмца», можно сказать: «казакъ топчи казакъ».

атаманъ не поступилъ такимъ же образомъ и въ новый годъ, и какъ я больше съ нимъ знакомъ, нежели сенаторъ Княжнинъ и начальникъ штаба, то и просили они меня объясниться съ нимъ насчетъ сего, наединѣ и со всею откровенностью, показавъ ему, если-бы дѣйствительно было въ немъ замѣтное нерасположеніе быть 1 января ¹⁾ въ церемоніалѣ, съ одной стороны — неблаговидность сего, а съ другой—что сіе могло бы возбудить и въ казакахъ разные толки, во всякомъ случаѣ для него непріятныя».

Между тѣмъ о днѣ церемоніала введенія въ дѣйствіе «новаго войсковаго положенія» дано знанъ во всѣ округа донскаго края и начали сѣзжаться въ Новочеркасскъ донскіе дворяне, станичные атаманы и депутаты отъ каждой станицы.

Насталъ день 1 января 1836 года и къ соборному новочеркасскому храму выступила: изъ дома войсковой канцеляріи процесія знаменъ и грамотъ, жалованныхъ Дону монархами Россіи. Въ средѣ этихъ клейнотовъ начальникъ штаба (въ древности войсковой есаулъ), обруженный асистентами и сопровождаемый сенаторами, несъ на бархатной подушѣ, вставленное въ золотой переплетъ, новое «войсковое положеніе». Предъ входомъ въ храмъ, встрѣтилъ эту процесію донской архіепископъ съ прочимъ духовенствомъ и потомъ, по прочтеніи въ войсковомъ кругу указа правительствующаго сената о дарованіи войску донскому новаго закона, войсковой наказный атаманъ, Кутейниковъ поцѣловалъ (по древнему обычаю) находящуюся при «войсковомъ положеніи» собственноручную «высочайшую конфирмацію».

Послѣ того, отъ лица обоихъ сенаторовъ произнесена была рѣчь, въ которой они послѣдовательно входили въ разборъ дарованныхъ войску привилегій и, между прочимъ, изъяснили, что государь, не только «соизволилъ торжественно подтвердить въ высочайшей грамотѣ ненарушимость и неприкосновенность всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ ему всепресвѣтлѣйшими его величества предками... но нынѣ; въ довершеніе всѣхъ милостей, дарованъ ему и новый законъ».

Мы не будемъ, разумѣется, входить въ анализъ положенія 21 мая 1835 года, которое и донныя можно встрѣтить въ сводѣ гражданскихъ законовъ (т. XII, уставъ о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ); но изъ приказа, отданнаго 1 января

¹⁾ День опубликованія войсковаго положенія.

1836 года, отмѣтимъ: «Многія изъ станицъ имѣютъ нынѣ во владѣніи своемъ только отъ 11 до 8 и даже 6 дес. земли на душу, но по новому положенію всѣ вообще станичныя юрты получаютъ лучшей, удобной земли не менѣе 30 дес. на каждую душу урядниковъ и казаковъ. Внутри станичнаго юрта никто и ни подъ какимъ предлогомъ, кромѣ своихъ станичниковъ, не будеть имѣть права пользоваться землею, коими паче заводить на ней хутора и поселки».

Странно, при меньшемъ надѣлѣ казаки были зажиточны и имѣли, какъ мы видѣли, по парѣ лошадей, годныхъ къ службѣ. Нынѣ же, также при неравномѣрномъ надѣлѣ отъ 12 до 40 дес. на душу, экономическое положеніе казаковъ находится въ большемъ упадкѣ. Болѣе другихъ обеспеченные земельнымъ надѣломъ и доходами съ рыболовства, каменно-угольной промышленности и мореходства и извознаго промысла, низовые казаки отличаются и большею бѣдностью, по крайней мѣрѣ по отношенію сельской промышленности, которая болѣе другихъ условима статистическими данными.

Если неравномѣрность нынѣшнихъ земельныхъ надѣловъ можно себѣ отчасти объяснить размноженіемъ населенія въ тѣхъ станицахъ, которыя получили лучшія хлѣбопахатныя земли, то неравномѣрность матеріальныхъ благъ (принимая средняго казака въ каждой станицѣ) прямо зависѣла отъ законодательства, положившаго въ основаніе во всемъ населеніи одинаковій надѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и одинаковыя для всѣхъ повинности; словомъ, законъ 1835 года, какъ мы сказали, обратилъ донской край въ «военное поселеніе» и, по нашему мнѣнію, обязанность земства и будетъ состоять въ стремленіи поднять экономическое положеніе казаковъ путемъ неодинаковаго, но цѣлесообразнаго и наилучшаго, съ согласія самихъ казаковъ, установленія ихъ повинностей передъ государствомъ.

Кстати замѣтимъ, что положеніе 21 мая 1835 года послѣдовательно вводилось во всѣ казачьи войска. Государь Николай Павловичъ, не только читалъ и редактировалъ эти положенія, но перѣдѣ и самъ составлялъ проекты, какъ, напримѣръ, положеніе о линейномъ кавказскомъ войскѣ.

Пушечная пальба и колокольный звонъ всѣхъ новочеркасскихъ церквей заключили торжество объявленія войску новаго закона; но, не смотря на эту торжественность, сенаторы не находили однакоже достаточнаго сочувствія въ донскомъ дворянствѣ, къ радости совершившагося собранія. Такъ, въ письмѣ сенатора Болгарскаго къ Чернышеву 5 января 1836 года, мы

читаемъ: «Чиновники, напротивъ того, какъ во время открытія войскового правленія, такъ и послѣ произнесенной нами рѣчи, не нашлись или, справедливѣе, не хотѣли сказать ни одного слова и всѣ, кромѣ избранныхъ въ должности, на другой и третій день новаго года разѣхались по своимъ поселкамъ и хуторамъ... изъ семействъ же ихъ, во всю нашу бытность, никто здѣсь и глазъ не показывалъ... Изъ находящихся въ войскѣ на-лицо старыхъ генераловъ-помѣщиковъ, какъ то: генералы Денисовъ, Иловайскіе и другіе не были ни при выборахъ, ни въ новый годъ...»

По этому поводу государь повелѣлъ сдѣлать строгое изслѣдованіе, но, благодаря заступничеству новаго наказнаго атамана Власова, это нерасположеніе дворянъ и интеллигентнаго класса къ положенію 1835 года было затушено.

Между тѣмъ клеветы Чернышева настаивали на смѣнѣ съ атаманскаго поста Кутейникова. Препровождая послѣдному алмазные знаки ордена Александра Невскаго, военный министръ, между прочимъ, писалъ атаману: «Зная настоящее состояніе здоровья вашего, разстроеннаго отъ полученныхъ въ сраженіяхъ ранъ и отъ долговременнаго служенія, на чтѣ вы неоднократно въ письмахъ ко мнѣ жаловались, я, по всегдашнему дружескому къ вамъ расположенію, невольно долженъ обратиться къ мысли и вопросу: дозволить ли вамъ такое состояніе здоровья вашего выполнить въ строгомъ смыслѣ и съ необходимою дѣятельностью новую многотрудную обязанность, вамъ предлежащую?»

Кутейниковъ понялъ и подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности войскового наказнаго атамана, и затѣмъ 10 февраля 1835 года было высочайше повелѣно: «1) генерала отъ кавалеріи Кутейникова по болѣзненному состоянію, согласно прошенію его, уволить отъ званія наказнаго атамана; 2) выдать ему единовременное пособіе 30,000 р. изъ войсковыхъ суммъ; 3) исправляющимъ должность наказнаго атамана войска донскаго назначить походнаго атамана казачьихъ полковъ дѣйствующей арміи генералъ-лейтенанта Власова»¹⁾.

Такимъ образомъ, уступчивость Кутейникова предсѣдателю комитета и военному министру была вознаграждена и онъ окон-

¹⁾ Власовъ былъ послѣднимъ атаманомъ изъ войсковыхъ уроженцевъ; онъ умеръ на своей должности въ холерный 1848 годъ. Интересная его біографія уже составлена бывшимъ его адъютантомъ, нынѣ генераломъ А. П. Чеботаревымъ и предполагается къ печатанію въ «Русской Старинѣ».

чилъ свое административное поприще съ почетомъ, а между тѣмъ изъ послѣдующей переписки Болгарскаго съ Чернышевымъ видно, что дѣятельность его и въ особенности его подчиненныхъ отличалась далеко не безукоризненнымъ отношеніемъ къ управляемому имъ краю. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе Болгарскаго по предмету отпуска миліоннаго пособія голодающимъ казакамъ въ 1833 году.

«Впрочемъ, писалъ этотъ сенаторъ, — какъ только мы получили отъ войсковаго начальства о розданныхъ въ пособіе деньгахъ вѣдомость, то я тогда же поставилъ на видъ Борису Яковлевичу (Княжину), сколь опасно полагаться на таковыя свѣдѣнія безъ строгой оныхъ повѣрки, и старался доказать ему сіе 16-ти-лѣтнимъ нашимъ опытомъ. Въ нынѣшнюю нашу бытность въ станицахъ онъ самъ имѣлъ случай убѣдиться въ основательности сего моего замѣчанія; вездѣ изъ первыхъ нашихъ вопросовъ къ правителямъ ихъ былъ тотъ: «получили ли они и сколько денегъ или хлѣба отъ войска въ пособіе казакамъ, по случаю бывшаго въ 1833 году неурожая?» и во многихъ станицахъ услышали мы отвѣтъ отрицательный, съ изъясненіемъ, что они, благодареніе Богу, успѣли изворотиться собственными запасами или станичными суммами, а таковыя отзывы требуютъ уже съ нашей стороны сугубой осторожности при ревизіи вышеозначенныхъ войсковыхъ свѣдѣній и строгаго съ оными показанія станицъ. Безъ употребленія же сей мѣры, если-бы простить казачьи долги (за розданный во время голода хлѣбъ), то легко могло быть, что благодареніе сіе оказано было бы, не столько казакамъ, сколько тѣмъ, на кого возложена была раздача пособія и которые довѣренность сію употребили во зло».

Въ первой главѣ мы говорили о сочувственномъ отношеніи простыхъ казаковъ къ администраціи невойсковаго сословія и къ бюрократическимъ началамъ, проводимымъ правительствомъ на Дону со временъ Петра I. Въ доказательство приведемъ картину, рисуемую сенаторомъ Болгарскимъ въ письмахъ къ Чернышеву и Клейнмихелю, о проѣздѣ сенаторовъ по станицамъ для введенія въ дѣйствіе новаго войсковаго положенія. Въ письмахъ къ Клейнмихелю Болгарскій приводитъ:

«Изъ всеподданнѣйшаго нашего рапорта ваше превосходительство изволите усмотрѣть, до какой степени мы восторжены были повсемѣстнымъ радушнымъ приѣмомъ казачьихъ станицъ. На 1,200 верстахъ, смотря на казаковъ въ домашнемъ быту, мы видѣли сто тысячъ кроткихъ и послушныхъ агнцевъ,

и если они до сихъ поръ не блаженствовали, то происходило сіе единственно отъ собственныхъ ихъ козлицъ, для корыстныхъ видовъ своихъ открыто и безъ зазрѣнія совѣсти душившихъ ихъ какъ только можно».

Въ письмѣ Чернышеву находимъ:

«Теперь поставляю себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ удостовѣрить ваше сіятельство, что переѣздъ нашъ чрезъ казачьи станицы былъ самою интересною и для сердца усладительною прогулкою, такъ что я не помню, чтобы когда нибудь въ моей жизни имѣлъ столько удовольствія, а потому и употребленныя во всеподданнѣйшемъ рапортѣ выраженія, что всѣ посѣщенныя станицы, при встрѣчѣ насъ, какъ-бы слиты были въ одну душу, отнюдь не есть поэзія. Онѣ, по чувствамъ своимъ, точно представляли одно, и это одно было нѣчто величественное и вмѣстѣ умиленное. По собственнымъ словамъ стариковъ ихъ, не было примѣра, чтобы донскіе казаки когда нибудь столько были взысканы милостями государей, дабы въ мѣстахъ своихъ жилищъ видѣть ихъ довѣренныхъ лицъ, и потому вездѣ принимали насъ, какъ ангеловъ, посланныхъ съ неба, и выслушивали съ полною увѣренностью въ справедливости всего нами сказаннаго. Съ тѣми же чувствами нашли мы и безпомѣстныхъ чиновниковъ, живущихъ въ станицахъ; но, къ сожалѣнію, не отвѣчаютъ имъ помѣстные чиновники изъ обладающихъ слободами и поселками, хотя несравненно болѣе благодѣлствованные, нежели первые».

Мы не будемъ касаться писемъ Болгарскаго, относящихся до новаго наказнаго атамана Власова, умершаго на своемъ посту, а для характеристики Кутейникова приведемъ еще слѣдующее сообщеніе Болгарскаго Чернышеву:

«Теперь, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе объясняется и бывшая недѣятельность Кутейникова и происшедшіе отъ него разные беспорядки, которыхъ, впрочемъ, нельзя было прежде видѣть, потому что никто не смѣлъ о томъ говорить, а не смѣлъ потому, что не предполагалъ скорой ему переменѣ, особенно когда онъ удостоился получить алмазные знаки. Максима Григорьевича (Власова) принялъ онъ съ неизобразимою спѣсью, и когда тотъ, послѣ появленія къ нему два дня сряду, въ третій не показался, то сдѣлалъ ему за то замѣчаніе, а по войску распростилъ слухъ, что онъ начальство вручаетъ Власову только на время, пока самъ поправится въ здоровьѣ своемъ... Что же касается до намѣренія Кутейникова побывать въ С.-Петербургѣ,

то онъ самъ мнѣ объ этомъ сказывалъ, и что собирается сопутствовать ему и супруга его».

«Нельзя не замѣтить, что они оба, незадолго передъ симъ, удержаны были, по ихъ словамъ, тяжкою и продолжительною болѣзнию, а теперь вдругъ выздоровѣли, такъ какъ они и дѣйствительно здоровы. При свиданіи со мною, г. Кутейниковъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ сообщилъ мнѣ, что онъ не ожидалъ, чтобы не были сохранены ему всѣ тѣ оклады, коими пользовался онъ на атаманствѣ, и что какъ о семь, такъ и объ оставленіи при немъ адъютантовъ, намѣренъ лично ходатайствовать. Признаюсь, что послѣ такого отъѣзда я истинно пожалѣлъ даже о тѣхъ 30,000 р., кои пожалованы ему при увольненіи, сколько потому, что онъ не заслужилъ ихъ, столько и потому, что не имѣетъ въ нихъ никакой нужды, ибо—что также только теперь объяснилось—въ одномъ московскомъ опеунскомъ сѣвтѣ хранится принадлежащихъ ему 700,000 р., а сего для нихъ, какъ бездѣтныхъ, слышомъ уже достаточно, особливо при значительно недвижимомъ имѣніи и при огромныхъ табунахъ... Въ заключеніе, смѣю увѣрить ваше сіятельство, что на всемъ пространствѣ земли войска донскаго такая тишина и спокойствіе и такая въ казакахъ увѣренность въ благодѣтельномъ о нихъ промыслѣ и отеческомъ попеченіи государя императора, какихъ можно только желать».

Письма сенаторовъ Чернышевъ обыкновенно докладывалъ самому императору Николаю Павловичу, который, какъ мы сказали, во все свое царствованіе отличался необыкновенною заботливостью объ интересахъ казаковъ и о неуклонномъ выполненіи лежащей на нихъ службы, считая однакоже, что матеріальное, экономическое, но не интеллектуальное развитіе болѣе всего содѣйствуетъ выполненію казаками лежащей на нихъ воинской повинности.

Современемъ мы очертимъ періодъ донской исторіи, касающійся царствованія императора Александра II и главнаго его сотрудника, недавно окончившаго свое служебное поприще, военнаго министра, графа Милютина ¹⁾; теперь же скажемъ два слова о борьбѣ Чернышева съ войсковыми атаманами Дона.

Какъ извѣстно, на Дону будетъ собранъ выборный комитетъ для разсмотрѣнія вопроса: быть или не быть земству. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это выборное учрежденіе коснется

¹⁾ Выборный донской комитетъ при войсковомъ атаманѣ Граббе.

и другихъ вопросовъ, касающихся донскаго края, а затѣмъ устроить изъ себя особую выборную же комисію для проектированія новаго казачьяго законодательства. До сихъ поръ намъ извѣстно, что большинство населенія желаетъ отказаться отъ дорого-стоящихъ земскихъ учреждений и перейти обратно къ положенію 1835 года или къ чернышевскимъ идеямъ и порядкамъ, уничтоженнымъ, въ шестидесятыхъ годахъ, различнаго рода законодательными мѣрами, окончательно поглотившими выборное начало на Дону. Собственно земскія учреждения въ этомъ крайѣ стоятъ совершенно особнякомъ и встрѣчаютъ, какъ мы уже сказали, сочувствіе лишь въ 0,1% населенія, людей либеральнаго и прогрессивнаго образа мыслей, у лицъ свободныхъ профессій. Масса же, предводимая также интеллигенціею, но изъ такъ-называемыхъ казакомановъ-чиновниковъ стремится, помимо земскихъ учреждений, расширить выборное начало въ самой администраціи, желая, чтобы, по возможности, всѣ вліятельныя должности и даже окружныхъ генераловъ (атамановъ военныхъ отдѣловъ) были замѣщаемы не по назначенію, а по избранію. Партія эта идетъ еще дальше, ходатайствуя гласнаго обсужденія войскового бюджета, доходщаго отъ 2.500,000 до 3.000,000 р. ежегодно. Слѣдовательно, въ желаніяхъ большинства чиновничьяго класса пробиваются чернышевскія идеи, положенныя въ основное положеніе 1835 г. Изъ этого слѣдуетъ, что прогрессивная и либеральная партія, проявившаяся на Дону со времени атаманства Иловайскаго и заявившая себя особенно замѣтно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, не имѣетъ и до сихъ поръ за собою большинства вліятельныхъ классовъ. Повидимому, отъ прогрессивной партіи, въ послѣднее время, отшатнулся и бывший военный министръ Милютинъ, проводившій, до 1867 года, самыя радикальныя измѣненія въ казачьемъ строѣ.

Мы уже сказали, что лично не хотимъ входить въ область публицистики и на основаніи историко-статистическаго анализа донской цивилизаціи обязываемся заявить мнѣніе большинства; однако же надѣемся, что строгое отношеніе къ своимъ нравственнымъ обязанностямъ и постепенное просвѣщеніе массы посредствомъ образовательныхъ заведеній и улучшенія матеріальнаго быта казаковъ, приведутъ къ сознанію, что интеллигентное меньшинство имѣло нѣкоторое основаніе противодѣйствовать чернышевскимъ идеямъ, хотя и давшимъ широкое выборное начало въ администраціи, но обратившимъ, взамѣнъ того, Донскую область въ военное поселеніе.

Собственно борьба Чернышева противъ войсковыхъ атамановъ оказалась ничѣмъ инымъ, какъ противоудѣйствіемъ хищенію и свободомыслію и въ данномъ случаѣ военный министръ преслѣдовалъ не личныя, а узко-понимаемыя имъ государственныя цѣли, считая, вмѣстѣ съ Аракчеевымъ и Клейнмихелемъ, военныя поселенія вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ неприятелей нашей обширной имперіи.

Н. Красновъ.

СУМЕРКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Жизнь счастливыхъ однообразна и не представляетъ ничего интереснаго для постороннихъ; люди такъ созданы, что любятъ слушать рассказы только о чужихъ неудачахъ и бѣдствіяхъ; идилія отжила свой вѣкъ, а между тѣмъ и теперь бываютъ такіе дни въ жизни, что хочется сказать времени: остановись!... Такіе дни наступили и въ Загорьѣ, и прелесть молодой любви словно оживила, согрѣла, обновила старый домъ, какъ ожили и обновились садъ и паркъ, при животворящихъ лучахъ лѣтняго солнца.

Встрѣча Мани съ Загорскимъ въ Павловскѣ пробудила въ молодой женщинѣ давно въ ней дремавшее, едва сознаваемое чувство; она поняла, наконецъ, что любить его давно, любила всегда только его одного, и что теперь онъ дороже ей всего на свѣтѣ. Все тогда въ ея глазахъ преобразилось и въ ней, и кругомъ ея. Исчезло мучительное чувство недовольства, скуки и озлобленія; она спокойно, даже снисходительно стала смотрѣть и на самого Стиву. Запѣлъ, зазвенѣлъ голосами любви и паркъ, и садъ, казавшіеся ей прежде такими скучными; уютнѣе и красивѣе стала самая дача, и когда вдали на дорожкѣ, которая вела къ ней, показывалась стройная, высокая фигура Феди,

сердце ея билось такъ радостно, что она готова была расцѣловать даже кривливую еухарью. Она даже не замѣчала, что Загорскій какъ будто избѣгаетъ ея, часто не приходитъ, когда она его ждетъ, и тосковала, ничего не подозрѣвая, только въ то время, когда онъ исчезалъ на нѣсколько дней сряду, отвѣчая на ея вопросы, гдѣ онъ былъ, какъ всегда, неохотно и странно. Но при свиданіи Маня совершенно забывала муку и тоску разлуки и ожиданія и вся отдавалась счастию видѣть своего милаго.

Между молодыми людьми не происходило никакихъ объясненій въ любви, имъ просто хорошо было вмѣстѣ; особенно хорошо было Мани, и она думала, что это можетъ всегда такъ продолжаться. Разъ утромъ, когда Стива былъ въ городѣ, Загорскій пришелъ сказать Мани, что онъ уѣзжаетъ въ N—скій уѣздъ, и спросилъ, не будетъ ли у нея порученій къ тетѣ Вари. Онъ и прежде говорилъ ей объ этой поѣздкѣ, она даже писала о ней къ Варварѣ Васильевнѣ, внутренне надѣясь, что это случится нескоро.

— А какъ же я останусь одна? спросила она печально.

— Вѣдь вы оставались же прежде однѣ? отвѣчалъ на это Оеда.

— То было прежде, а теперь... Голосъ ея прервался и она замолчала.

— Вотъ видите, Маня, сказалъ Загорскій,—вы смотрите на жизнь совершенно по дѣтски, все требуете отъ нея какихъ-то увеселеній и развлеченій; надо умѣть покоряться обстоятельствамъ, а главное, надо не жить праздно, а дѣлать что нибудь.

— Ахъ и вы проповѣдуете тоже, что и Катя.

— Ну не совсѣмъ то; она поклонница мѣщанской мудрости и мѣщанской дѣятельности, но есть дѣятельность болѣе широкая и болѣе полезная.

— Какая же? научите? я сдѣлаю все, что вы мнѣ посоветуете.

— Совѣтовать вамъ я ничего не буду, потому что не хочу брать на себя отвѣтственность за вашу будущность, безъ надежды, что это приведетъ къ какому нибудь результату; вы не изъ тѣхъ женщинъ, которыя, для блага общаго, идутъ на все и ничего не боятся; вамъ нужно еще отъ многого отрѣшиться, многое позабыть и многому научиться. Я могу посоветовать вамъ только одно: бросьте эту пустую, праздную жизнь, которую вы ведете, не мечтайте объ Иванѣ-Царевичѣ, который придетъ васъ избавлять отъ злаго волшебника, а читайте хорошія книги,

размышляйте, учитесь, и можете быть современемъ изъ васъ выйдетъ настоящая женщина.

— Это все, что вы находите мнѣ сказать?

— Все. Не объясняться же мнѣ вамъ въ любви, не становиться же передъ вами на колѣни; вы бы, можете быть, хотѣли этого тоже, какъ пріятнаго развлеченія; но на это, я скажу вамъ, что на игру въ любовь, на flirtation, я не способенъ.

— На игру? тихо и грустно повторила Маня. Она отвернулась, чтобы скрыть навернувшіяся слезы; онъ молча и крѣпко пожалъ ей руку и вышелъ, точно не замѣчая ея волненія.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Пашечка доложила баринѣ, что Ѳедоръ Алексѣевичъ уѣхалъ; она сама видѣла, какъ онъ съ чемоданчикомъ ѣхалъ на желѣзную дорогу и даже закричалъ ей: «кланяйтесь Марьѣ Ивановнѣ». Последнее Пашечка присочинила.

Маня выслушала, молча, это донесеніе своей компаньонки, быстро выбѣжала изъ комнаты и, рыдая, упала на диванъ на терасѣ. Она плакала долго и горько и, наконецъ, рѣшилась уѣхать изъ Павловска, уѣхать во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе.

II.

Матрена Ивановна наливала чай, за круглымъ столомъ въ гостиной; изъ билиардной доносились щелканье шаровъ, голосъ Ивана Васильевича и заразителный смѣхъ Ѳеди. Варвара Васильевна также сидѣла за столомъ, а рядомъ съ нею старушка сосѣдка, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ приживалокъ, которымъ благодѣтельствовала когда-то Анна Михайловна. У открытаго окна въ садъ сидѣла Маня и смотрѣла, какъ потасовшая заря освѣщала бѣлые стволы березъ. Вечеръ былъ преместный; росистая пелена окутывала садъ и паркъ; не шевелился ни одинъ листокъ на деревьяхъ; изъ цвѣтника несся сильный, одуряющій запахъ жасмина и левкоевъ, а на свѣтломъ, еще алѣвшемъ небѣ уже зажигались вроткія, мерцающія звѣзды. У Мани спирало дыханіе, сердцу точно становилось тѣсно въ груди, слезы неволью навертывались на глаза; жажда наслажденія и жгучей тревоги поднимались въ ней, при видѣ этого обаятельнаго, полного нѣги сна, опускающагося на всю природу. Она высунулась въ окно и до того забылась въ созерцаніи, что не замѣтила, какъ Ѳеда вошелъ и сѣлъ противъ нея.

— О чемъ такъ задумались? спросилъ онъ тихо.

— Право не знаю; вотъ вопросъ, на который я никогда не могла отвѣчать.

— И вы правы, потому что это вопросъ глупый. Бываютъ часто мысли, въ которыхъ никогда и никому не признаешься, а еще чаще такія, которыя не поддаются объясненію. Вѣдь да?

— Да, отвѣчала тихо Маня.

— Вамъ просто хорошо, но отчего—вы сами не знаете.

Нѣтъ, знаю.

Она подняла на него свои темные, загорѣвшіеся глаза, но онъ точно не выдержалъ ея взгляда и опустилъ свои.

— Вы, значить, счастливѣе меня, продолжалъ онъ,—знаете отчего хорошо; а я мучусь различными сомнѣніями, и мучусь больше всего тѣмъ, что самъ не знаю, что со мною? Прежде этого никогда не бывало. Мнѣ кажется, что я непремѣнно скоро влюблюсь.

Маня улыбнулась.

— Въ кого? спросила она лукаво.—Въ тетю Варю, или въ Матрону Ивановну?

— Вотъ то-то и бѣда, что не въ кого. Вы не обижайтесь моими словами, я васъ слишкомъ давно и слишкомъ хорошо знаю, чтобы влюбиться. Вы для меня не представляете ничего загадочнаго... А такъ бы хотѣлось влюбиться. И онъ вздохнулъ.

— Вы смѣшной! сказала Маня и засмѣялась.

— Совершенно вѣрно, я зналъ напередъ, что вы это скажете; случалось ли съ вами, что сердцу становится какъ будто тѣсно въ груди, ну такъ бы и вынулъ его, что ли? Впрочемъ, что я говорю сердцу, оно тутъ не причемъ; скорѣе подъ ложечкою происходитъ что-то особенное, ноетъ и бьется что-то, словно живое.

— Да, тихо проговорила Маня.

— Это вы говорите про настоящее или прошедшее?

— Конечно про прошедшее. И она опять улыбнулась.

— Вы, Маня, злая! сказалъ Загорскій,—знали ли вы, что вы злая? Скажите мнѣ, я васъ давно хочу спросить, любили ли вы когда нибудь вашего мужа?

Маня вздрогнула, точно на нее подуло холоднымъ вѣтромъ.

— Зачѣмъ вы это спрашиваете? сказала она сухо.

— Такъ, любопытно очень!

— Любила и теперь люблю.

— Неправда, не можетъ быть! вы просто хотите меня мучить!

— Мучить васъ? да вамъ-то что до этого?

— Мнѣ неприятно, что у васъ такой дурной вкусъ.

— Только-то? И она громко засмѣялась.

— Гдѣ Федоръ—тамъ непременно смѣхъ! сказалъ Иванъ Васильевичъ, болтая ложечкою въ огромной чашкѣ, изъ которой онъ пилъ чай. — Что онъ тамъ такое тебѣ рассказываетъ, Мануэль?

— Повторяю анекдотъ, слышанный мною сегодня отъ васъ, дядюшка.

— Врешь, не можетъ быть, это про солитеръ, что ли?

— Именно, очень остроумная вещь.

— Это, должно быть, что нибудь новенькое, проговорила нараспѣвъ Матрена Ивановна, — а то я всё ихніе анекдоты на память знаю.

— Расскажи хоть одинъ, коли знаешь, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— И расскажу, думаете что не умѣю; вотъ, Марья Ивановна, еще недавно, точь въ точь, васъ представляла.

— Какъ это она Ивана Васильевича представляла? спросилъ Загорскій, но Маня не отвѣчала; она быстро встала и ушла въ садъ; этотъ глупый разговоръ такъ нехстати нарушилъ то блаженное состояніе духа, въ которое привели ее слова Феди. Она ждала, что онъ пойдетъ за нею; но къ ей большой досадѣ, онъ остался со старичками и чрезъ нѣсколько минутъ изъ окна къ ней донесся его громкій смѣхъ. Иванъ Васильевичъ рассказывалъ и, повидимому, что-то скабрзное, потому что слышались возгласы Матрены Ивановны: «Ишь, старій безстыдникъ! Хотъ бы сестрицы-то постыдился!»

III.

Загорскій говорилъ правду, что самъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлается. Хотя то, что съ нимъ дѣлалось, было событіе весьма обыкновенное и часто случающееся въ молодости, но онъ почему-то всегда считалъ себя застрахованнымъ отъ всякой серьезной любви, какъ выражался Иванъ Васильевичъ, и признавалъ себя способнымъ только къ чувственнымъ и ни къ чему необязывающимъ сближеніямъ съ женщинами *de bonne volonté*. И вдругъ эта пустая дѣвчонка, которую онъ зналъ съ дѣтства, начинала до того волновать его, что онъ, какъ дуракъ, все думалъ о ней, не смыкая иногда глазъ до утра, и какъ смѣшной, нѣмецкій

буршъ дѣлалъ fenster-raad по вечерамъ, чтобы увидѣть только на сторѣ тѣнь ея стройной, тонкой фигуры. Ему, особенно ему, неприлично было заниматься подобными вздорами; у него были серьезныя заботы и серьезные замыслы, любовь могла быть только помѣхою. «Любовь—прихоть, повторялъ онъ часто, —занятіе праздныхъ баръ; гдѣ мнѣ возиться съ бабою: «въ одну телѣгу впрячь не можно коня и трепетную лань». Совершенно случайно встрѣтивъ Маню въ Павловскѣ, куда онъ пріѣхалъ вовсе не для нея (онъ даже не слыхалъ, что она тамъ) онъ никакъ не думалъ, что эта встрѣча будетъ имѣть для него такое роковое значеніе. Онъ пошелъ къ ней нехотя, даже укоряя себя за слабость характера, и невольно сталъ ходить къ ней, только что не каждый день. Наконецъ, онъ разсердился на себя за эту слабость, за это ферлакурство, выругалъ себя дуракомъ и кислотиною и рѣшился тотчасъ же уѣхать.

Какъ нарочно дѣла, эти дѣла, про которыя онъ никогда не говорилъ, такъ сложились, что онъ долженъ былъ ѣхать именно въ N—скій уѣздъ и именно въ ту мѣстность, гдѣ находилось Загорье.

— «Fatum какою-то, повторялъ онъ, —вѣдь нужно же, чтобы она тоже пріѣхала сюда; и какъ на бѣду лѣто, пора любви, все живущее любить, гнѣзда вѣтъ, такъ и зоветь человека тоже любить, тоже вить гнѣздо! Точно Эдемъ ветхозавѣтный! И эта прелестная, обаятельная, юная Ева!.. И къ чему поведетъ эта любовь? Вѣдь она не пойдетъ и не можетъ идти за мною; да и не такая она, чтобы быть подругою сѣтальца. Она красивый, тепличный цвѣтокъ, который можетъ расти только подъ стекломъ, охраняемый отъ бурь и вѣтровъ. Ну гдѣ ей вынести житейскія бури? Она сломится отъ малѣйшаго вѣтерка, поникнетъ головою отъ самаго ничтожнаго ливня... Нѣтъ, бѣжать надо!» Но бѣжать онъ уже не могъ.

Загорскій, по натурѣ, по родовымъ наклонностямъ и привычкамъ дѣтства, былъ баринъ и художникъ, т. е. деспотъ и эгоистъ. Съ тѣмъ обществомъ, къ которому онъ принадлежалъ теперь, онъ не имѣлъ ничего общаго, кромѣ страстнаго желанія разрушить весь существующій социальный строй. Во всемъ остальномъ онъ не сходилъ съ адептами. Онъ былъ любитель изящнаго во всемъ, начиная отъ изящной женской красоты до изящной обстановки и утонченной опрятности; его постоянно коробила грязь, неурядица конспиративныхъ квартиръ, столбы табачнаго дыма, валяющіеся окурки папирозъ, грязное бѣлье посѣтителей, ихъ немытые руки и ногти въ траурѣ; но болѣе

всего грубость въ обращеніи и циничность ихъ женщинъ. Не смотря на свое презрѣніе къ высшимъ сферамъ, ему легко дышалось только въ элегантномъ, душистомъ, ярко освѣщенномъ салонѣ, въ обществѣ женщинъ, хотя большею частію пустыхъ и праздныхъ, но за то изящныхъ, съ тихою рѣчью и плавными движеніями. Къ тому же онъ находилъ, что грязь и неурядица конспиративныхъ квартиръ нисколько не искупались умомъ или глубокими познаніями ея посѣтителей. Большинство ихъ состояло изъ людей совершенно невѣжественныхъ, вполне ограниченныхъ, вовсе неразвитыхъ, которые о социализмѣ имѣли самыя смутныя понятія и поражали наивностью и безцеремонностью, съ которыми рѣшали самыя трудныя социальныя вопросы. Онъ давно пришелъ къ убѣжденію: «что высокая степень убѣжденности и даже фанатизма, высказываемая многими членами революціонной партіи, находится въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ серьезной научной подготовкѣ этихъ людей». А между тѣмъ, онъ не могъ ихъ оставить: кто разъ вступилъ на эту дорогу, тому возврата нѣтъ. Солидарность преступленія, самая страшная изъ всѣхъ солидарностей; къ тому же онъ былъ не изъ тѣхъ, которые раскаяваются, а еще менѣе изъ тѣхъ, которые предають.

«Иди», слышалъ онъ безпрестанно неумолимый голосъ, и онъ шелъ, шелъ смѣло и увѣренно, зная, что ждетъ его впереди. Шелъ, не любя и не вѣря, потому что вовсе не болѣлъ міровою скорбію, вовсе не умилялся надъ страданіями меньшаго брата; онъ никого, даже своихъ, и всего менѣе своихъ, не признавалъ за братьевъ. Его вело страстное желаніе жизни, движенія, волненія, смуть народныхъ, когда лихорадочно бьется пульсъ, когда кровь быстрѣе переливается въ жилахъ, когда, въ чадѣ народныхъ возстаній, вдругъ вырастають невѣдомыя силы, являються, новыя сильныя, энергичныя, даровитыя личности и ведутъ за собою покоренныя, удивленныя и покорныя толпы. Чаше всего въ грезахъ юноши являлась трибуна и съ нея лилась его горячая, краснорѣчивая рѣчь, полная образовъ, пожалуй даже парадоксовъ,—что до этого, была бы власть и блескъ! Его артистическая натура нашла бы тогда достойную для себя арену, и онъ понималъ, что Перонъ могъ сжечь Римъ для красоты зрѣлища.

Въ самой наружности Загорскаго было что-то античное; его кудрявая гордая голова, его прямой и тонкій носъ и чувствительныя, надменные губы, напоминали изображенія римскихъ императоровъ. Деспотъ въ душѣ, онъ не желалъ ниспроверженія дес-

потизма и насилія; онъ только хотѣлъ перемѣстить его и, овладѣвъ властью, вести поворное человѣческое стадо туда, куда онъ и его партія найдутъ нужнымъ.

IV.

Маня, съ беззаботностью молодости, совершенно забыла, что на свѣтѣ существуетъ противный Стива, который имѣетъ право, даже чрезъ полицію, требовать ея возвращенія подъ кровлю супружескаго дома. Миръ для нея начинался и кончался Загорьемъ. Не анализируя свое чувство и не отдавая себѣ яснаго отчета, къ чему поведетъ ея любовь, она жила совершенно какъ птица небесная; пѣла, поркала и вполнѣ наслаждалась и лѣтомъ, и садомъ, и присутствіемъ Оеди, и находила все прекраснымъ, даже готова была удить рыбу съ Иваномъ Васильевичемъ. Неизмѣнная Пашечка, послѣдовавшая за своей барыней, также жила весело, звонко распѣвала, не признавала надъ собою никакого авторитета, не обращая вниманія на негодованіе Матрены Ивановны, въ которой, не смотря на ея положеніе, еще крѣпко жило уваженіе къ господамъ и нѣкоторый трепеть передъ ними. Пашечка цѣлый день ровно ничего не дѣлала, считая свои обязанности оконченными, послѣ того, какъ она помогла барынѣ въ ея туалетѣ, лѣниво прибирала ея комнату, постоянно ссорилась съ Сенькою, отвергая его неумѣлое ухаживанье, и презрительно, гордливо, относилась къ деревенскимъ дѣвочкамъ подросткамъ, которыя приходили бѣгать на гигантскихъ шагахъ, устроенныхъ на дворѣ еще при жизни покойной дочери Матрены Ивановны. Маня тоже бѣгала съ ними и Вабетъ любовалась своею дочкою, глядя на ея оживленное, веселое личико и крошечныя, стройныя ножки которыя такъ ловко и граціозно отдѣлялись отъ земли и мелькали въ воздухѣ. Оедя тоже иногда присоединялся къ веселой компаніи и тогда Маня взлетала такъ высоко, что Варвара Васильевна въ ужасѣ закрывала глаза, а Матрена Ивановна даже взвизгивала отъ страха, а потомъ громко хохотала.

Рядомъ съ большой гостиной, была маленькая, такъ называемая диванная, откуда была дверь на терасу, а съ нея ходъ въ садъ. Маня сразу возненавидѣла скучную тетину комнату, такъ называемую дѣтскую, и попросила, чтобы диванную уступили ей, на что Матрена Ивановна и Иванъ Васильевичъ изъ-

явили свое согласіе; ему впрочемъ сказали объ этомъ тогда, когда переселеніе уже совершилось.

Въ глубинѣ комнаты поставили кровать, отдѣлили ее зеленою шелковою перегородкою, приданнымъ Анны Михайловны, сохранившеюся въ кладовой, въ одномъ изъ огромныхъ, старинныхъ сундузовъ, обитыхъ ивѣдо. Варвара Васильевна собственноручно перешила занавѣску и приколотила ее съ помощью Сеньки. Не даромъ Маня всегда говорила, что тета ein Tausend Künstler. Нашлось также въ кладовой старое патѣ, на которое Варвара Васильевна сшила чехолъ изъ ситца, купленнаго у прохожаго офени, и имъ же покрыла старинныя бабушенины кресла, вынесенныя за негодностью на чердакъ; повѣсила кисейныя гардины, драпировала кисею, простой бѣлый столъ, наколола на него голубые бантики, и комната совершенно преобразилась. Даже отыскался персидскій коверъ, не очень стѣданный молью, и когда тетка и Матреша взглянули на дѣло рукъ своихъ, то объ остались очень довольны, а Маня даже вскрикнула отъ радости и бросилась обнимать ихъ, въ то время какъ Пашечка, съ важнымъ и серьезнымъ видомъ, оглядывала всѣ уголки, желая что нибудь найти предметомъ критики, чтобы выпругать Сеньку, принимавшаго участіе въ убранствѣ. Но все было безукоризненно, и хотя Пашечка увѣряла, что перегородка «ей Богу же, пририта криво», ея слова не были приняты во вниманіе, даже Манею, вообще очень снисходительною къ своей сибреткѣ.

Хотя Маня не была охотница до занятій, ей все-таки поставили письменный столъ. Варвара Васильевна отдала свой, а свою огромную переписку продолжала вести на ломберномъ столѣ, покрытомъ старою салфеткою. Особенно было много цвѣтовъ въ комнатѣ Мани; кое-какія сохранившіяся растенія, жалко прозябавшія въ залѣ, были все перенесены къ ней, причемъ Пашечка обѣщалась поливать; на всѣхъ столахъ поставлены были букеты изъ розъ и разныхъ полевыхъ цвѣтовъ, букеты, которые въ совершенствѣ составляла тетя Варя.

Было уже довольно поздно, т. е. поздно для Загорья, гдѣ ложились спать въ 11 часовъ. Варвара Васильевна, правда, еще не спала, она писала письмо у себя. Иванъ Васильевичъ, плотно поужинавъ, удалился въ свою спальню. Матрена Ивановна уже давно спала, такъ какъ вставала въ 6 часовъ утра. Въ домѣ царствовала невозмутимая тишина; дверь на терасу была открыта и въ нее изъ сада несся свѣжій, вечерній воздухъ, весь насыщенный ароматомъ цвѣтущей липы. Маня, усѣвшись

на патѣ, смотрѣла въ раскрытую дверь, на высокія деревья парка, изъ-за которыхъ медленно выплывала круглая, полная луна; въ кустахъ, почти подъ самымъ окномъ, пѣлъ зябликъ. На письменномъ столѣ горѣла лампа подъ ровнымъ абажуромъ, освѣщая ярко столъ и на немъ прелестный букетъ изъ розъ и ночныхъ фіалокъ (*Tuberouses*); ихъ наркотическій, сильный запахъ разливался по комнатѣ. На терасѣ послышались шаги; Маня вздрогнула и приподнялась.

— Вы не спите? можно войти? раздался знакомый голосъ.

— Ахъ, Федя, это вы! отвѣчала Маня, — войдите; кто же можетъ спать такъ рано и въ такую погоду?

— Наши старички, я думаю, уже давно спать, сказалъ Загорскій, входя и садясь на кресло, подлѣ дивана, на которомъ сидѣла Маня.

— На то они и старички, отвѣчала она улыбаясь.

Загорскій, сидя спиною къ двери, не спускалъ глазъ съ Мани; никогда она ему не казалась такою прелестною и опасною вмѣстѣ, и онъ даже начиналъ рассказываться, что зашелъ къ ней въ такой непоказанный часъ. Страстное, жгучее волненіе охватывало его все больше и больше; молодая страсть мутила его рассудокъ, а упойтельная, теплая ночь глядѣла изъ сада; цвѣты, умирая въ своихъ вазахъ, распространяли одуряющій запахъ; рядомъ съ нимъ, совершенно наединѣ, была любимая женщина.

— Какой вы скучный, Федя, сказала, наконецъ, Маня, которую начинала смущать эта тишина и это молчаніе, — пришли и ни слова не говорите.

— А вы желаете, чтобы я васъ забавлялъ?

— Вовсе нѣтъ; но неужели вы ничего не находите говорить со мною?

— Ничего, или нѣтъ, я не такъ выразился: я могу сказать вамъ только одно, но это покажется вамъ пошлостью и вы будете правы.

— Что же это такое?

— Вы хотите, чтобы я сказалъ?

— Непремѣнно.

— Вы очаровательны!

— Только-то?

— Вы желаете, чтобы я сказалъ еще что нибудь; но я не скажу, потому что не могу и не долженъ.

Онъ быстро всталъ и нервно заходилъ по комнатѣ. Зябликъ все пѣлъ, луна поднялась выше и освѣтила терасу. Маня си-

дѣла неподвижно, прижимая руки къ сердцу, которое билось какъ птичка въ клеткѣ.

— Маня, свазаль наконецъ Загорскій, остановаясь противъ нея.—Я завтра уѣду.

— Завтра? Зачѣмъ?

— Зачѣмъ, что такъ надо; я чувствую, что я схожу съ ума; право будетъ лучше, если я уѣду.

— Зачѣмъ? повторила она опять упавшимъ голосомъ.

— Зачѣмъ, что я тебя люблю, вдругъ выговорилъ онъ, опу-
саясь передъ ней на колѣни и пряча свою кудрявую голову въ складкахъ ея платья.

— Любишь? Какое счастье! радостно проговорила Маня, наклонясь къ нему и робко касаясь его волосъ.

— Нѣтъ, Маня, не счастье, а горе, потому что рано или поздно намъ придется разстаться.

— Никогда! ни за что! не смѣй говорить это! Зачѣмъ раз-
ставаться? Вотъ ты тутъ будешь сидѣть подлѣ меня, будемъ вмѣстѣ гулять... ты станешь учить меня, я вѣдь ничего не знаю..

— И только, Маня? Ты воображаешь, что такъ можно про-
жить всю жизнь? И онъ жадно цѣловаль ея руки, и прижималь къ губамъ складки ея платья.

Она вдругъ отшатнулась и отняла у него руки.

— Такъ ненадо, свазала она тихо.

— Что ненадо, моя дорогая?

— Такъ цѣловать.

— А ненадо! Онъ вскочилъ и отошелъ къ окну.

— Ѳеда! позвала робко Маня,— ты сердиться?

— Развѣ можно на тебя сердиться! Я самъ виноватъ, что полюбилъ малолѣтнюю, которая воображаетъ, что человекъ страстно влюбленный въ состояніи замѣнить компанію Пашечки и довольствоваться пустыми разговорами. Мраморная ты, что-ли? Голосъ его дрожалъ и онъ безпрестанно проводилъ рукою по лбу.

— Однако поздно, тебѣ спать пора, прощай! Онъ подошелъ къ Мани и протянулъ ей руку.

— Не уходи, милый, не уходи, умоляющимъ голосомъ свазала Маня, тоже спрыгивая съ дивана и довѣрчиво прижимаясь къ молодому человеку.

— Тебѣ скучно одной, такъ позови Пашечку.

— Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то... зачѣмъ ты смѣешься надо мной?

— А что же? проговорилъ онъ шопотомъ, наклоняясь къ ней и обнимая ее одною рукою.

— Я не хочу, чтобы ты уходилъ сердитый, вѣдь я тоже...

— Ну, что же? договаривай.

— Люблю тебя! прошептала она, пряча голову у него на груди.

Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, поднялъ ее головку и губы ихъ встрѣтились. Маня слабо вскрикнула и вдругъ повисла у него на рукахъ. Она была безъ чувствъ.

Онъ приподнялъ ее и бережно положилъ на диванъ, она глубоко вдохнула и открыла глаза.

— Богъ съ тобою, Маня, какая ты нервная, сказала Загорскій,— а еще наставила столько цвѣтовъ, у меня у самого кружится голова. Повзвать къ тебѣ кого нибудь?

— Нѣтъ, ненадо, теперь прошло... только вынеси цвѣты въ гостиную.

— Теперь ты успокойся и ложись спать, я уйду.

— Ты не уѣдешь завтра?

— Ни завтра, ни послѣ завтра, даю тебѣ слово.

Онъ пожалъ ее руку и быстро вышелъ. Сойдя съ терасы, онъ не пошелъ къ себѣ, а прямо отправился въ паркъ, добѣжалъ до скамейки, которая стояла надъ оврагомъ (его любимое мѣсто), и просидѣлъ тамъ до разсвѣта, пока яркіе лучи восходящаго солнца, бившіе ему прямо въ глаза, не заставили его встать. Проходя назадъ домой, мимо оконъ Мани, онъ увидаль, что стора спущена и дверь на тересу затворена.

«Спитъ», подумалъ онъ. И точно, Маня крѣпко и сладко спала и видѣла во снѣ, что она опять въ Павловскѣ, только на мѣстѣ Стивы, рядомъ съ нею, былъ другой, и этого другаго она крѣпко любила.

V.

Варвара Васильевна съ Матрешой сидѣли на балконѣ, выходящемъ на дворъ, весьма неприглядный и весь заросшій сорными травами, по которымъ, въ разныя стороны, шли протоптанныя тропинки. Иванъ Васильевичъ называлъ этотъ балконъ «сѣвернымъ» и воображалъ, что онъ все также красивъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, когда его убирали растеніями, боящимися жгучаго, лѣтнаго солнца. Сѣверный балконъ также былъ ветхъ, какъ и остальные балконы, но не смотря, что Матрена

Ивановна постоянно пугала барина, что она когда нибудь провалится на этомъ балконѣ, Иванъ Васильевичъ и не думалъ его поправлять.

Видъ съ балкона на заросшій дворъ и на покосившіяся старыя службы былъ весьма некрасивъ; но не имъ любовались наши дамы въ настоящую минуту. Сенька, съ важнымъ видомъ, держалъ подъ уздцы, двухъ осѣдланныхъ, очень худыхъ лошадей; на одной было старинное дамское сѣдло, на которомъ когда-то ѣздила Лариса Васильевна, большая наѣздница въ молодости; сѣдло было огромное, допотопныхъ размѣровъ, и Маня, садясь на него, никакъ не воображала, что почти сорокъ лѣтъ назадъ на немъ ѣздила ея мать. Маня прежде никогда не ѣздила верхомъ, но видно любовь къ спорту была въ ней наследственной, потому что она поняла это искусство сразу, стоило только Загорскому два раза показать ей, какъ нужно сидѣть на лошади и какъ ею управлять, и теперь она уже садилась съ легкостью и умѣньемъ опытной наѣздницы. Едва ея маленькая ножка, съ узенькою пяткою, коснулась руки Загорскаго, какъ она уже была на лошади.

— А Машукъ молодцомъ ѣздитъ! сказалъ Иванъ Васильевичъ, который стоялъ на крыльцѣ, совершенно снаряженный для рыбной ловли.

Маня мчалась кругомъ двора, на разбитой лошади, тонкая, стройная, почти ея отдѣляясь отъ сѣдла. Она остановилась противъ балкона и, улыбаясь, взглянула на тетку.

— Голубчикъ, пожалуйста, осторожнѣе, проговорила умоляющимъ голосомъ Варвара Васильевна.

— А ты опять волноваться? отвѣчала Маня,—ну что можетъ со мною случиться?

— Мало ли что?

— Не безпокойтесь тетя Варя, сказалъ Загорскій, подѣвжая вслѣдъ за Маней,—я строгъ, баловаться не дамъ.

Маня лукаво улыбнулась.

— Да, нечего смѣяться, продолжалъ молодой человекъ, глядя на нее влюбленными глазами и совершенно не замѣчая, что на него глядятъ зоркіе, пронизательные глаза Матрены Ивановны.

— Пожалуйста осторожнѣе! закричала опять Варвара Васильевна, когда молодые люди быстрою рысью понеслись со двора, по дорогѣ къ лѣсу.

— О-хо-хо! вздохнула Матрена Ивановна,—высѣкла бы я того розгами, кто такое дитѣ замужъ отдавалъ.

— А что? спросила Варвара Васильевна, — къ чему это вы сказали?

— А къ тому, матушка барышня, что вы, какъ и вижу, боитесь совсѣмъ не того, чего надо.

Ваетъ что-то точно кольнуло, она поняла намекъ Матрешки. Она также боялась совсѣмъ другаго, но даже самой себѣ не смѣла признаться въ этой боязни; а тутъ эта простая, посто-ронняя женщина высказываетъ тоже самое опасеніе.

— Мнѣ кажется бояться нечего, проговорила она почти шопотомъ, — ей захотѣлось, какъ говорится, avoir le coeur net; — они знаютъ другъ друга съ дѣтства, вѣчно ссорились между собою; онъ смотритъ на нее какъ на сестру, къ тому же онъ честный человѣкъ.

— Вотъ и видно, простите меня глупую, что вы старая дѣвушка и въ любви ничего не понимаете. Развѣ человѣкъ въ горячѣѣ разсуждаетъ?

Варвара Васильевна вдохнула и ничего не нашлась отвѣ-тить. Она вспомнила, какъ давно, 20 лѣтъ тому назадъ, при одномъ взглядѣ Юрія Николаевича у нея билось и замирало сердце, и какъ ей чуть не сдѣлалось дурно, когда онъ вдругъ, во время какого-то праздника въ саду, обнялъ ее въ крытой липовой алѣѣ и губы его коснулись ея щеки. Она вспомнила, какъ, взволнованная и сконфуженная, она прибѣжала въ свою комнату, бросилась въ кресла, закрыла глаза и все припомни-нала, какое у него было лицо въ эту минуту, а потомъ под-досила руку къ тому мѣсту, до котораго коснулись его губы, и цѣловала потомъ свою руку... Конечно, между ними больше ничего и не было, но вѣдь могло бы быть, и она часто жалѣла потомъ, зачѣмъ не умерла въ эту минуту...

— Вы не обижайтесь моимъ словомъ, продолжала Матреша, видя что барышня молчитъ, — чувствуетъ мое сердце бѣду, и кабая я ни на есть сама, самая послѣдняя, а казись руку бы дала себѣ отрубить, только бы сохранить вашу Манюшку; очень ужъ онѣ мнѣ напоминаютъ мою покойницу.

Въ этомъ Матрена Ивановна совершенно ошибалась, потому что прелестная, высокая, стройная Маня нисколько не напо-минала тщедушную, золотушную дѣвушку, которую оплакивала Матреша; но вѣдь матери обыкновенно слѣпы на отчетъ красоты своихъ дѣтей. Эта иллюзія дѣлала ея участіе еще болѣе искрен-нимъ, и Ваетъ понимала это, и потому нисколько не обижалась ея словами.

— Что же дѣлать? сказала она печально, — научите.

— Пусть ѣдетъ къ мужу; какой ни на есть, а все-таки онъ ей законный мужъ; отъ закона нигуда не уйдешь.

— Ахъ, что вы говорите! Это совершенно невозможно! Онъ такой дурной человекъ, она его терпѣть не можетъ.

— Что жъ, пьетъ, аль въ карты шибко играетъ?

— Не знаю, про это она ничего мнѣ не говорила; говорить только, что терпѣть его не можетъ.

— Зачѣмъ же вы ее выдавали за него, коли онъ ей такъ противенъ?

— Кто ее выдавалъ? Сама захотѣла, я, напротивъ, отсовѣтывала.

— Охъ грѣхи, грѣхи! повторила Матреша, —этакое дитѣ несмышленное, а туды жъ на волю захотѣлось вырваться; да вы бы ей пригрозили, сказали бы: не смѣй ийти, нѣтъ моего на то благословенія, да и все тутъ.

— Теперь не тѣ времена, Матреша; теперь и мать родную не послушаются, не то что тетку.

— Что и говорить времена! Да ужъ и вы, простите меня ради Христа, оченно уже просты, точъ въ точъ насѣдка, что утенка вывела: кудахъ, кудахъ, а онъ все въ воду, да въ воду.

Варвара Васильевна улыбнулась, не смотря на печальное настроеніе своего духа; это сравненіе и ей самой часто приходило въ голову.

— Я ужъ что думаю, сказала она наконецъ, —по моему тутъ и грѣха никакого нѣтъ, —нельзя-ли Маню развести съ мужемъ?

Матреша съ удивленіемъ взглянула на свою собесѣдницу; такого намѣренія никакъ не ждала она отъ набожной Варвары Васильевны.

— Слыхала я, что теперь это бываетъ, отвѣчала она, — только мнѣ все кажется, что это грѣхъ большой; какъ же это такъ, отъ живаго мужа замужъ выходить, вѣдь все же законъ?

— Грѣха тутъ нѣтъ никакого, моя милая; наша вѣра это допускаетъ и только бы согласился Павловъ, я бы не знала какъ Бога благодарить, если-бы Маня сдѣлалась свободною.

— Такъ для этого нужно согласіе мужа?

— Непремѣнно! А какъ эти дѣла дѣлаются, я и сама не знаю; говорить, адвоката хорошаго надо; дѣрogi только эти дѣла, но я готова послѣднее отдать.

— Ну, а потомъ что будетъ, когда разведутъ?

— Она будетъ свободна, можетъ замужъ выдти за хорошаго человека.

— Ахъ, не дѣло это вы затѣваете Варвара Васильевна; ну еще куда бы нишло, если-бы женихъ хорошій былъ на примѣтѣ для вашей Манюшки, а то какъ вдругъ вздумаетъ она выходить за Федора Алексѣевича?

— Такъ чтожь?

— Богъ съ вами, что это вы такое говорите; да развѣ за него можно выходить?

— Почему же нѣтъ? Онъ прекрасный молодой человѣкъ; отецъ у него богатый и увидя, что сынъ остепенился, навѣрное его отдѣляетъ.

— Да вы это въ сурьезъ говорите?

— Почему же это васъ такъ удивляетъ?

— Да какъ же не удивляться-то. Вы барышня такая степенная, разсудительная, а разсуждаете какъ малый ребенокъ; да развѣ можно за него выходить?

Матрена Ивановна обвела кругомъ глазами и видя, что никого нѣтъ на дворѣ, шепотомъ проговорила.

— Да вѣдь онъ бунтовщикъ!

— Какъ бунтовщикъ?.. Это что еще такое?

А вы ничего не знали? Мнѣ намедни волостной писарь, дрянной такой человѣкъ, пьяница и грабитель, я у кумы его встрѣтила, у дьяконицы, — такъ вдругъ онъ мнѣ такимъ манеромъ говорить: «ну, говорить, Матрена Ивановна, недолго вамъ въ барскихъ хоромахъ прохлаждаться, скоро повыгонять всѣхъ этихъ господъ эспл.....» мудреное какое-то слово сказалъ, мнѣ и не выговорить. «Съ чего жъ ты это взялъ», говорю; я вѣдь съ этимъ народомъ просто, тыкаю ихъ и мерси-съ не говорю. «А съ того, говорить, что у всѣхъ господъ скоро землю отберутъ, да межъ крестьянами и раздѣлятъ». «Кто тебѣ сказалъ такое вранье, говорю, такъ ты тому въ рожу плюнь, потому что этому никогда не бывать; я хотя сама необразованная, изъ простаго званья, а знаю, что свою никто не отдастъ, и взять чужую землю нельзя никакъ». «Много вы понимаете, говорить; ужъ вѣрно такой образованный господинъ, какъ Федоръ Алексѣевичъ, больше вашего понимаетъ». «Такъ это онъ тебѣ сказывалъ?» говорю, а ужъ у самой ноги застрясись. «Онъ, не онъ, ужъ это наше дѣло». И замолчалъ; должно быть понялъ, дуракъ, что не въ пору разоврался.

— Да вѣдь это одни пустыя слова, Матреша, мало ли что болтаютъ молодежь; вы знаете, какой Федя балагуръ, просто хотѣлъ подурочить пьянаго писаря.

— Нѣтъ-съ, это не пустыя слова, это страшныя слова,

которымъ не шутятъ. Этого мало, онъ еще тамъ книжки какія-то давалъ читать фабричнымъ, Сенъеа и носилъ на фабрику, знаете, что недалече отсюда. Ужь ругала-жь я Сенъку, когда потомъ отъ той же дьяконицы узнала, у ней сынъ семинаристъ, тоже сдружившись съ Ѳедоромъ Алексѣвичемъ. Хотѣла я Сенъку за вихры оттаскать, такъ, говоритъ, почемъ я знаю, какія такія книжки, думалъ, что Божественныя. Нѣтъ, барышня, это не однѣ слова; сюда и урядникъ сколько разъ прѣзжалъ, только я его до барина не допускала. Говоритъ, у васъ студентъ тутъ проживаетъ, а намъ за этими студентами строго велѣно наблюдать. Пачпортъ у него настоящій ли? Такъ я и говорю: спрашивай у него самаго, ты чего во мнѣ пристаешь, извѣстно настоящій, Ѳедоръ Алексѣвичъ не какой нибудь го-лоштаннй, онъ бариновъ сродственникъ, да хорошо, что фамиліи-то не сказала, а въ пачпортѣ, какъ бы вы думали, что прописано? Ѳедоръ Алексѣвичъ Алексѣевъ!

— Можетъ ли быть?

— Какъ Богъ святъ!

— Что-жь урядникъ?

— Да онъ почемъ знаетъ; пачпортъ, говоритъ, какъ есть правильный, въ полиціи явленъ, печать приложена. Ѳедоръ Алексѣевъ! я чуть было не крикнула: батюшки свѣты, ажно похолодѣла вся. Небось писарь-то и дьяконицынъ сынъ его не выдали, хотя знаютъ, кто онъ такой. Такъ вотъ какія дѣла, Варвара Васильевна. Ну зачѣмъ онъ скрывается? Да вы не плачьте, слезами тутъ ничего не поможешь; я только къ тому вамъ это рассказываю, чтобы вы знали, что не слѣдъ ему здѣсь оставаться, только невинную душу смущаетъ... Ну какъ она его полюбитъ, вѣдь это одно только горе, да пагуба; ну губи онъ себя, коли ужъ на такія дѣла пошелъ, да Машеньку-то нашу не тронь.

— Чтожь мнѣ-то дѣлать, родная вы моя? И Vabet заплакала еще пуще.

— Присматривайте за ними строже, чтобы, ни Боже мой! никогда одни не оставались.

— Это не поможетъ, раздражить ихъ только; лучше я съ нимъ поговорю.

— Ну какъ знаете; а всего бы лучше, если-бы онъ отсюда поскорѣе уѣхалъ, отвѣчала Матрена Ивановна.

VI.

Прошло нѣсколько дней, а Варвара Васильевна все не рѣшалась поговорить съ Загорскимъ. Не смотря на опасеніе, ей было жаль молодыхъ людей. «Вѣдь дурнаго еще ничего нѣтъ, успокоивала она себя,—Маня такая чистая, невинная, даже никто не скажетъ, что она замужня, ей и въ голову не можетъ придти грѣшная мысль; пусть хоть поживетъ, какъ живетъ только разъ въ жизни, когда любишь; и безъ того жизнь ея не красна, что о будущемъ заботиться»... Она невольно любовалась молодою, красивою паркою, когда забывая все и всѣхъ въ мірѣ, они гуляли по саду, ѣздили верхомъ, или вели долги, тихія бесѣды по вечерамъ на терасѣ, когда старички пили чай за круглымъ столомъ въ гостиной. И точно, молодые люди переживали блаженные часы и минуты, которые даетъ взаимная, высказанная и непременно платоническая любовь, хотя можетъ быть многимъ это покажется смѣшнымъ. Напрасно Загорскій думалъ, что страдаетъ оттого, что Маня ему не принадлежитъ вполне и даже не понимаетъ его страданій; онъ былъ счастливъ именно этою таинственностью, недоступностью любимой женщины. Горячее пожатіе руки, поцѣлуй, сорванный потихоньку, гдѣ нибудь въ темной алеѣ, или даже на терасѣ, когда старички на нихъ не смотрѣли; условныя свиданія въ паркѣ, возлѣ любимой скамейки, крошечныя записочки, передаваемые иногда Пашечкой, и въ которыхъ стояло: «я тебя люблю крѣпко, милый»... или: «какъ ты смѣлъ вчера такъ долго пропадать на охотѣ»?—всѣ эти обаятельныя мелочи любви доставляли ему такія наслажденія, какія конечно никогда бы не дало обладаніе, отравленное упреками, слезами и угрызениями совѣсти.

Мы часто, и даже почти всегда, сами портимъ свою жизнь, не умѣемъ дорожить тѣми рѣдкими минутами счастья, которыя выпадаютъ почти каждому на долю, и точно дѣти, непременно хотимъ разломать игрушку, чтобы посмотреть, какъ она сдѣлана и что тамъ такое внутри; а внутри находимъ почти всегда только слезы, горе и разбитыя иллюзіи.

Загорскій не узнавалъ себя и очень часто называлъ себя непроходимымъ дуракомъ, а между тѣмъ жилъ тою счастливою жизнью, которую живетъ только ребенокъ, или птица въ пору любви.

Былъ жаркій, іюльскій день. Маня сидѣла на ступенькахъ

терасы, вся розовая отъ зноя; маленькія капли пота даже блестяли у нея на вискахъ между свѣтлыми кудервами. Загорскій читалъ, сидя у стола, за которымъ работала Варвара Васильевна. Матреша тутъ же на жаровнѣ варила варенье, постоянно мѣшая ложкою въ мѣдномъ тазикѣ. Мухи стаями носились надъ мелкимъ сахаромъ, насыпаннымъ въ большую фарфоровую чашку. Матрена Ивановна что-то рассказывала и вдругъ замолчала, взглянувъ улыбаясь на Маню и показывая на нее глазами Варварѣ Васильевнѣ. На Мани было бѣлое, батистовое платье; ее изящное горло и шея были полуоткрыты, а изъ-подъ полукороткихъ обшитыхъ вышивными оборвами рукавовъ выходили бѣлыя, точно точенныя руки. Ея тонкую талию обнимала широкая лиловая лента; въ волосы она воткнула себѣ гарденію, которая только что распустилась у нея въ комнатѣ.

Удивляясь, отчего вдругъ замолеъ монотонный голосъ Матрены Ивановны, всегда производившій на него усыпляющее дѣйствіе, Загорскій поднялъ голову и тоже взглянулъ на Маню. Она точно была прелестна, вся бѣлая, нѣжная, стройная, на этомъ горячемъ фонѣ жгучаго, іюльскаго воздуха. Вдругъ она вскочила и побѣжала внизъ по ступенькамъ.

— Куда ты? закричала тетка, — безъ зонтика, по такому жару?

Но Маня не слушала и летѣла дальше. Она остановилась у входа въ широкую алею, изъ подстриженныхъ елокъ, нагнулась къ травѣ и сорвала полевую маргаритку.

— Il m'aime, un peu, beaucoup... шептала она, обрывая бѣленьіе лепестки.

— Passionément! вдругъ проговорила она радостнымъ голосомъ и въ ту же минуту покраснѣла и вскрикнула, потому что Федя стоялъ противъ нея.

— Passionément!.. повторилъ и онъ, смотря на нее блестящими, влажными глазами.

Она засмѣялась, бросила въ него оборванный цвѣткомъ и пустилась бѣгомъ домой; но онъ догналъ ее и не смотря, что ихъ могли видѣть съ терасы, поцѣловалъ сзади въ шею. Тогда Маня надулась и притворилась, что сердится; но сердце у нея такъ и замирало, а на губахъ дрожала невольная, радостная улыбка.

Однако тетя Варя, добрая, любящая тетя Варя, вздумала нарушить этотъ блаженный сонъ, изгнать ихъ изъ эдема, въ которомъ такъ хорошо жилось имъ. Она увидала поцѣлуй и

испугалась, тѣмъ болѣе, что онъ не укрылся и отъ Матрешы, которая проговорила, вздыхая, свое обычное: «охъ грѣхи! грѣхи!»

VII.

Вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и дверь на терасу затворилась—зная, что Маня легла спать,—Варвара Васильевна рѣшилась, не откладывая больше, поговорить съ Загорскимъ.

Комната его находилась наверху, въ мезонинѣ, прямо надъ комнатою Мани, такъ что крыша терасы приходилась какъ разъ подъ самымъ окномъ мезонина. Сколько разъ ночью онъ вылъзалъ изъ своего окна на эту крышу, рискуя полетѣть внизъ, чтобы посмотрѣть, есть ли огонь у Мани; сколько разъ ему стоило невѣроятныхъ усилій, чтобы съ крыши не спуститься на терасу, которая вела въ ея комнату.

Въ этотъ вечеръ онъ былъ особенно возбужденъ, у него спирало дыханіе, кружилась голова. Изъ окна неслись влажный, душистый воздухъ, но онъ не успокоивалъ, а только раздражалъ его еще больше; сознаніе своей слабости томилло и сердило его и онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ тоскующій левъ по своей клеткѣ.

Въ этотъ день онъ получилъ отъ нихъ извѣстіе, въ которомъ требовался его немедленный отъѣздъ на югъ, гдѣ присутствіе его было необходимо; онъ самъ хорошо зналъ, что это точно необходимо, но не могъ рѣшиться уѣхать; глупая любовь приковывала его къ Загорью, мучила разсудокъ.

«И если-бы еще она была совсѣмъ моя, думалъ Ѳеда,—я убѣжденъ, что я бы успокоился; все это нервы и неудовлетворенное желаніе, которыя томятъ меня. Ну любилась бы, пожили и конецъ; не нянчиться же мнѣ вѣкъ съ бабою, какъ-бы ни была она красива; а то это томленіе... Эта канитель хоть кого сведетъ съ ума... а бросить все, уѣхать теперь я не могу. Точно обошла она меня, какъ говорятъ мужики».

Стулъ въ дверь вывелъ его изъ раздумья.

— Кто тамъ? спросилъ онъ недовольнымъ голосомъ.

— Ѳеда, вы не спите? послышался голосъ Варвары Васильевны.

— Нѣтъ, не сплю; что вамъ нужно?

— Отворите, мнѣ нужно поговорить съ вами, отвѣчала Варвара Васильевна.

«Это что еще такое? подумалъ Загорскій.— Неужели подозреваете? Этого только недоставало!»

У него мелькнула мысль не пустить ее, сказать, что ему некогда, что онъ занятъ; но привычка порядочности, помимо его воли, помѣшала этому намѣренію и онъ, внутренно проклиная докучную Вавет, отворилъ дверь, впустилъ ее, подвинулъ единственное кресло, стоявшее въ комнатѣ, и даже зажегъ двѣ свѣчи на столѣ. Варвара Васильевна сѣла и молчала; онъ по прежнему ходилъ по комнатѣ.

— Оеда, начала она наконецъ робко, — вѣдь вы честный человѣкъ?

— Надѣюсь, отвѣчалъ Загорскій, догадываясь, къ чему клонится этотъ вопросъ.

— Такъ уѣзжайте отсюда, продолжала Варвара Васильевна, сама удивляясь своей храбрости.

— Я и уѣду, только не теперь.

— Когда же?

— Когда найду это нужнымъ.

— Ахъ, Оеда, какъ это неопредѣленно: когда найдете нужнымъ; мнѣ кажется, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— За что же вы гоните меня, тетя Вара? мягко спросилъ онъ, садясь на подоконникъ, возлѣ котораго стояло кресло Варвары Васильевны.

— Ахъ, голубчикъ, какъ это вы говорите! Не гоню я васъ, мнѣ и самой васъ жалко, говорить объ этомъ тяжело; но вѣдь вы сами знаете, что это необходимо.

— Почему же?

— Зачѣмъ вы спрашиваете? Вѣдь вы давно догадались и вѣрно понимаете мою заботу; скажу вамъ больше: будь она свободна, я съ радостью благословила бы васъ обоихъ. Вѣдь все возможно; на мои глаза она все равно что не замужемъ, развести можно... я послѣднее отдамъ; но вѣдь вы на ней не женитесь? И она со страхомъ взглянула на молодаго человѣка.

Загорскій соскочилъ съ подоконника и опять быстро заходилъ взадъ и впередъ; ему было и жаль бѣдную, старую барышню, и вмѣстѣ досадно на нее; что-то похожее на угрызеніе совѣсти подымалось въ его душѣ, и мысль: «а что если остаться здѣсь и бросить все?» въ первый разъ пришла ему въ голову.

«Нѣтъ, это невозможно! думалъ онъ опять.— Мнѣ отступить, мнѣ отрѣчься отъ самыхъ дорогихъ, завѣтныхъ убѣжденій; мнѣ жениться, обабиться, сдѣлаться рванье, уйти какъ

трусу съ поля сраженія, гдѣ гибнуть другіе... нѣтъ, это немислимо! Обмануть ее, что-ли, эту старушенку? Сказать: «женюсь» — и она перестанетъ торчать постоянно между нами, и Маня будетъ моя!..»

Мысли смѣнялись въ разгоряченномъ мозгу юноши, но, не смотря на всѣ парадоксы, которыми онъ старался успокоить свою совѣсть, убѣжденный, что и совѣсти никакой нѣтъ, а такъ глупый предразсудокъ дѣтства, — онъ, который шелъ на все и котораго не пугало даже преступленіе, не могъ рѣшиться обиднать сентиментальную старушку, какъ онъ называлъ тетю Варю. Онъ все ходилъ по комнатѣ, понуривъ свою мудрую голову, а Варвара Васильевна молча, съ замираніемъ сердца, слѣдила за нимъ. Наконецъ, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ему показалось, что онъ нашелъ выходъ, никакъ не допуская, что это только компромисъ, и съ радостью ухватился за него.

— Тетя Варя, сказалъ онъ, подходя къ ней и опять садясь на окно, — вы напрасно боитесь, Маня совершенный ребенокъ, который еще не доросъ до страсти. Въ ней самой главная гарантія вашего спокойствія. Зачѣмъ подымать скандалъ и начинать разводъ, который, можетъ быть, никогда и не состоится; дѣла эти очень трудныя; вы не имѣете понятія, черезъ что ей нужно будетъ пройти, чтобы добиться успѣха. Я убѣжденъ, что согласіе Павлова можно купить; но на это у васъ недостаточно средствъ. Начавъ же разводъ, безъ его согласія, вы только заставите его прибѣгнуть къ средствамъ, сдѣлающимъ Маню еще несчастнѣе; онъ способенъ на все, даже вытребовать ее чрезъ полицію.

— Боже мой! могла только сказать Babet.

— Значить разводъ невозможенъ, и потому я совѣтую вамъ никогда не говорить о немъ Мани и не давать ей несбыточныхъ надеждъ. Что же касается до вашихъ опасеній, то, повторю, онѣ напрасны. Я здѣсь долго не останусь, какуюнибудь недѣлю, двѣ, не больше. Дѣла призываютъ меня на югъ.

— Какія это дѣла, Оеда? спросила Варвара Васильевна.

Загорскій посмотрѣлъ на нее очень внимательно и проговорилъ твердо:

— Если я никогда не говорю о нихъ, Варвара Васильевна, то съ вашей стороны даже нескромно меня спрашивать.

— Оеда, умоляющимъ голосомъ сказала Babet, — не оскорбляйтесь моимъ вопросомъ; право, я спросила не изъ любопытства, а у меня душа изныла, я боюсь за васъ... бросьте это...

— Что бросить? И онъ опять заходилъ по комнатамъ.

— Эти дѣла, про которыя вы никогда не говорите.

— Вамъ сказали что нибудь? кто? когда? что вы слышали?

— Ничего я не слыхала; но я понимаю, что дѣла, которыя такъ тщательно скрываются, — нехорошія дѣла.

— Вы считаете меня способнымъ на нехорошее дѣло?

— Не знаю, какъ вамъ сказать; я старуха и потому смотрю на эти вещи иначе. Да, вы затѣяли нехорошее, опасное и, скажу больше, невозможное дѣло.

— Послушайте, тетя Варя, не знаю, что вамъ говорили, но это все вздоръ! я ничего не затѣваю и потому прошу васъ никогда больше не говорить со мною объ этомъ. Моихъ же убѣждений вы измѣнить не можете и потому всѣ разговоры между нами будутъ совершенно лишними; мы никогда не поймемъ другъ друга; вы родились, жили, выросли и состарѣлись при другихъ историческихъ условіяхъ и при другихъ понятіяхъ, чѣмъ я; между вашимъ и моимъ поколѣніемъ легла бездна.

— Эта бездна не такъ глубока, какъ вы думаете, отвѣчала Вавет, задѣтая за живое. — Историческія условія, при которыхъ мы жили и развивались, были гораздо тяжелѣе вашихъ, а либеральности и гуманности въ насъ было не меньше, если не больше, чѣмъ въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ.

Загорскій невольно засмѣялся горячности старой барышни.

— Положимъ, что и такъ, отвѣчалъ онъ, довольный, что разговоръ перешелъ на отвлеченную тему. — Но вы все-таки, не смотря на вашу либеральность, поклоняетесь идоламъ, которыхъ мы не только свергли, но даже растоптали. Насъ ничто не пугаетъ и ничто не останавливаетъ. Мы спокойно и хладнокровно дѣлаемъ то, что совершалось прежде вами во имя какихъ-то идеаловъ; мы не фанатики, мы простые работники.

— Голубчикъ, вы самые ярые фанатики! вы меньше нашего знаете жизнь! вы хотите уничтожить существующій порядокъ, не зная сами, что поставите на его мѣсто.

Загорскій опять засмѣялся; ему самому эта мысль приходила въ голову, но онъ всегда относился къ ней совершенно индифферентно, потому что вовсе не заботился о томъ, что будетъ послѣ. Юноша сказывался въ этомъ безпечномъ отношеніи къ будущему. Онъ зналъ, чего хотѣлъ въ настоящую минуту, и этого ему было довольно; а какое общественное устройство, какое правительство выйдетъ изъ анархіи, въ которую они стремятся ввергнуть общество, ему было рѣшительно все равно.

«Выработается какойнибудь порядокъ, думалъ онъ часто;— онъ будетъ непремѣнно лучше, потому что молодая силы, которыми теперь нѣтъ исхода, которыя гибнуть въ гнилой атмосферѣ и въ дикихъ сословныхъ, религиозныхъ и социальныхъ предрассудкахъ, непремѣнно возьмутъ верхъ. Надобно обновить это старое, сгнившее общество, а обновить его можно только въ крови, только кровь можетъ смыть всю эту въевшуюся грязь».

— Такъ бросить? сказалъ Загорскій, подходя опять къ Варварѣ Васильевнѣ и насмѣшливо улыбаясь. — Я непремѣнно брошу. Мрачное выраженіе совершенно исчезло съ лица его и его забавляли либеральныя фразы и тревога, написанная на лицѣ Babat.

— Ахъ, голубчикъ, какъ бы это хорошо было! отвѣчала она совершенно искренно.

— Спать пора, тетя Варя; идите себѣ и не тревожьтесь; молитесь Богу, вы навѣрное имѣете эту привычку, и надѣйтесь, что все устроится къ лучшему. Обо мнѣ также не сокрушайтесь; знаете пословицу: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ».

— Ахъ, Одея, могла только выговорить Варвара Васильевна, направляясь къ двери, — какъ это вы имѣете еще духу шутить.

— Вы читали Тэна? спросилъ онъ въ ту минуту, когда она уже отворила дверь; ему захотѣлось еще ее помучить.

— Читала; а что? Онъ не долженъ вамъ нравиться, онъ ярый врагъ демагоговъ.

— Помните, какъ онъ говоритъ: «le monde est un cirque, où il faut être fort pour combattre»?

— Помню; но вы забыли, что онъ прибавляетъ: «et un laboratoire, où il faut travailler pour être utile».

— Последнее не главное; главное—быть сильнымъ, а сильный только тотъ, кто ни передъ чѣмъ не отступаетъ. Вы увидите, что въ этомъ циркѣ, гдѣ теперь идетъ борьба, побѣда останется за нами.

— Ахъ, не дай Богъ! невольно вырвалось у Варвары Васильевны, и еще болѣе грустная и тревожная, чѣмъ прежде, она отправилась въ свою комнату.

VIII.

Павловъ вовсе не подозрѣвалъ причину, заставившую Маню уѣхать отъ него такъ неожиданно и такъ быстро. Этотъ che-

valier d'industrie, котораго вся сообразительность уходила на изысканіе способовъ наживы, былъ человекъ самый недогадливый во всемъ остальномъ, особенно во всемъ, что касалось психическихъ побужденій. Женатый на Мани болѣе двухъ мѣсяцевъ, онъ совсѣмъ не подозрѣвалъ ея ненависти къ нему и приписывалъ ея холодность и даже отвращеніе отъ его ласкъ стыдливости, а грусть и тоску—единственно матеріальнымъ лишеніямъ.

Не замѣчая и не понимая ея тоски, онъ точно также не замѣтилъ переменъ, происшедшую въ ней со времени появленія въ Павловскѣ Загорскаго, считавшагося имъ совершенно неопаснымъ, расстрепаннымъ студентомъ, который можетъ поправиться развѣ какою нибудь швеѣ. Павловъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, думалъ, что принадлежитъ къ высшему обществу и на всѣхъ остальныхъ смертныхъ, не принадлежащихъ къ этому высшему обществу, смотрѣлъ, какъ на существъ низшей породы. Онъ особенно презиралъ интеллигентнаго разночинца, къ породѣ которыхъ присоединялъ и Загорскаго, совершенно забывая, что Загорскій, по рожденію, имѣлъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ онъ, Павловъ, считать себя принадлежащимъ къ высшему обществу. Отъѣздъ Мани онъ приписалъ желанію повидаться съ теткою, а главное—дѣтскому капризу показать свою самостоятельность: «значить я большая, если могу дѣлать что хочу и ѣздить одна». Онъ и не противился этому капризу, тѣмъ болѣе, что семейная жизнь, а еще къ тому же исполненная лишеній, не представляла и для него самого никакой прелести и уже начинала тяготить его.

Изъ денегъ, присланныхъ Варварою Васильевною, онъ удержалъ себѣ половину, увѣривъ Мани, что ей за глаза довольно 150 р. и, проводивъ жену на желѣзную дорогу, какъ подобаетъ хорошему мужу, не вернулся на дачу, а остался въ Петербургѣ, гдѣ шаялся три дня сряду, играя по утрамъ на бильярдѣ у Доминика, а вечера проводя или въ Демидовомъ саду, или въ другихъ увеселительныхъ мѣстахъ. Къ концу третьяго дня у него не было ни гроша, хотя, въ первый день, онъ еще выигралъ на бильярдѣ у знакомаго, полупьянаго господина, который, впрочемъ, заплатилъ только половину и на другой день не явился больше въ ресторанъ. Положеніе Стивы было очень плачевно; онъ вернулся въ Павловскъ на дачу, обобравъ все, что было тамъ еще незаложеннаго, даже снялъ ризу съ образа, которымъ Вадетъ благословила племянницу, и все это заложилъ жиду, давшему ему, какъ водится, десятую часть стоимости, за огромные проценты. Въ томъ министерствѣ, гдѣ служилъ Пав-

ловъ, давно поглядывали на него недружелюбно. Его шенпанство, его легкомысленное отношеніе къ службѣ, не смотря на большую угодливость начальству, давно не нравились директору, который, на бѣду Павлова, былъ человѣкъ порядочный и предпочиталъ добросовѣстность и трудъ холопству и смирению.

Павловъ догадывался, что онъ терпимъ только до поры-времени, и съ сокрушеніемъ сердца видѣлъ, что не можетъ рассчитывать даже на покровительство Нотгейма. Анна Васильевна, устроивъ свадьбу Мани, совершенно перестала о ней заботиться и даже ни разу не поинтересовалась узнать, какъ и чѣмъ живутъ молодые въ Павловскѣ. Василе, очень раздосадованный быстрымъ отъѣздомъ Мани, какъ разъ въ тотъ самый день, когда онъ собрался, наконецъ, въ Павловскъ, съ намѣреніемъ приударить за молодою женщиною, всячески избѣгалъ Стиву и разъ, встрѣтивъ его на дебаркадерѣ желѣзной дороги въ Царскомъ, притворился, что не узналъ его, и сѣлъ въ другой вагонъ. Почва уходила изъ-подъ ногъ Павлова и онъ рѣшился прибѣгнуть къ отчаянному средству, поймать гдѣ нибудь Дмитріева и постараться пробудить въ немъ отеческое чувство. Встрѣтить Юрія Николаевича было нетрудно; когда на лѣто онъ не уѣзжалъ за границу, то обыкновенно жилъ гдѣ нибудъ на островахъ и усердно посѣщалъ всѣ увеселительныя мѣста столицы, въ особенности Демидовъ садъ. Подъ старость, не рассчитывая больше на успѣхи у свѣтскихъ женщинъ, онъ весь предался изученію погибшаго, но милаго созданія и почти всегда состоялъ въ нелегальномъ союзѣ съ которою нибудъ изъ представительницъ demi-mond'a. Въ настоящую минуту, онъ жилъ матримониально съ высокою, бѣлокурою нѣмкою, вывезенною имъ изъ Дюссельдорфа, и былъ такъ нѣженъ къ ней, что даже самъ водилъ гулять ея собаченоеъ.

Юрій Николаевичъ много бывалъ въ обществѣ и даже въ самомъ high-life; но у него никто никогда не выпилъ даже чашки чаю, и не зналъ, какъ отворяется его дверь. Постоянно живя съ какою нибудъ гетерою, гражданскимъ бракомъ, онъ не пускалъ въ себѣ постороннихъ и потому Павловъ никакъ не могъ рассчитывать попасть къ нему и отправился отыскивать его въ Демидовомъ саду, гдѣ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, всего легче можно было его встрѣтить. Какъ на бѣду, въ продолженіи нѣсколькихъ дней сряду, ему это не удавалось. Юрій Николаевичъ, въ это время, развлекалъ свою нѣмку поѣздкою на Валаамъ. Наконецъ, черезъ пять дней, въ самую отвратительную погоду, когда дождь лилъ какъ изъ ведра и Павловъ намѣревался уже

уходить из сада, онъ вдругъ на крытой галереѣ увидѣлъ Юрія Николаевича, въ обществѣ полнаго господина, совершенно лысаго, но чрезвычайно свѣжаго и румянаго, съ мелкими чертами лица, придававшими ему видъ волосальнаго Вёбё, и дамы, довольно красивой, съ подрашенными глазами и въ шляпѣ Непгі III. Всѣ трое были очень веселы; полный господинъ что-то рассказывалъ, Юрій Николаевичъ снисходительно улыбался, а дама съ подрашенными глазами таёъ и покатывалась, хотя, вѣроятно, не понимала половины, потому что румяный господинъ говорилъ по-русски.

— *Bonsoir monsieur Dmitrieff*, сказалъ Стива, подходя къ столу и почтительно кланаясь.

Юрій Николаевичъ ловко вскинулъ свой монокль въ глазъ, и съ удивленіемъ взглянулъ на молодого человѣка; онъ, повидимому, не узнавалъ его.

— Вы меня не узнаете? продолжалъ Павловъ.

— *Parдон*, я очень близорукъ и къ тому же разсѣянъ, очень часто не узнаю моихъ знакомыхъ.

— Я—Павловъ и имѣлъ честь быть вамъ представленъ на вечерѣ у баронесы Нотгеймъ.

— А, теперь припоминаю. И онъ небрежно протянулъ руку Павлову, внутренне недоумѣвая, что ему отъ него нужно.

Француженка уставилась глазами на Павлова; но, видно, онъ ей не понравился, потому что она сдѣлала гримасу и отвернулась, а господинъ съ лицомъ Вёбё продолжалъ свой разговоръ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, точно Стивы тутъ и не было.

Положеніе Павлова было очень неловкое; его не приглашали остаться, и онъ ясно видѣлъ, что Дмитріевъ вовсе не желаетъ его общества и даже какъ будто тяготится имъ. Но онъ самъ былъ не изъ деликатныхъ и рѣшился ждать. Рядомъ былъ пустой столикъ; онъ сѣлъ къ нему и спросилъ собѣ чаю. Сядя за столъ, онъ замѣтилъ, какъ толстый господинъ что-то спросилъ вполголоса у Дмитріева, а тотъ отвѣчалъ небрежно и сейчасъ заговорилъ съ француженкою. Черезъ нѣсколько минутъ раздался звонокъ, француженка и ея спутникъ встали и направились къ театру. Толстякъ распустилъ большой зонтикъ, очень нѣжно и внимательюо оберегая отъ дождя свою подругу, которая, ловко подобравъ юбки, обнаружила хотя большія, но очень вожелливо обутыя ноги. Юрій Николаевичъ остался одинъ, разсматривая въ монокль проходившихъ мимо дамъ. Онъ, пови-

димому, не имѣлъ намѣренія слушать шансонетки Blanch-Gandon и созерцать дрожаніе ея бедръ.

Когда галерея опустѣла, Павловъ поднялся съ своего мѣста и направился къ Дмитріеву; тотъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Не удивляйтесь моей навязчивости, началъ Стива, по-французски, садясь противъ Дмитріева, — хотя я встрѣчаю васъ всего во второй разъ, я, тѣмъ не менѣе, давно васъ знаю и не только прелдоняюсь передъ вами, какъ передъ одною изъ нашихъ знаменитостей... Дмитріевъ слегка повлѣчился, онъ любилъ, когда ему кадили прямо въ носъ, — но... и Павловъ на минуту остановился, — но и люблю васъ, какъ человѣка близкаго той, которая дороже мнѣ всего на свѣтѣ.

Юрій Николаевичъ былъ человѣкъ очень тонкій и проникательный; къ тому же, не смотря, что онъ постоянно говорилъ о своей разсѣянности, онъ вовсе не былъ разсѣянъ и даже съ перваго раза узналъ Павлова, хотя притворился, что не узнаетъ. Онъ хорошо помнилъ, что Маня вышла замужъ за Павлова, слышалъ и про дурную его репутацію, и о томъ, что молодые очень нуждаются, но оставался къ этому совершенно равнодушенъ и капризы его нѣмни интересовали его гораздо болѣе, чѣмъ судьба его дочери.

— Послушайте, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, смотря на Стиву уже безъ монокла, — я, какъ старикъ, имѣю право дать вамъ совѣтъ: не говорите никогда того, чего вы не чувствуете; любить меня вы не можете, потому что меня совѣмъ не знаете; но самое элементарное чувство деликатности должно было заставить васъ не напоминать мнѣ объ отношеніяхъ, о которыхъ я, какъ честный человѣкъ, изъ уваженія къ памяти матери вашей жены, никогда не позволю никому говорить со мною.

— Но это было такъ давно, пробормоталъ сконфуженный Стива.

— Чтò до этого, давно или недавно; десятилѣтняя давность имѣетъ значеніе только въ имущественныхъ сдѣлкахъ, честь женщины всегда неприкосновенна. Касаясь, pardon, такъ неделикатно до самыхъ святыхъ, самыхъ дорогихъ тайнъ моего сердца, вы поступаете очень жестоко; но я извиняю васъ, потому что знаю, что ваше поколѣніе не отличается сердечностью. Область сердца для всѣхъ васъ terra incognita.

— Но съ вами говорить не посторонній, Юрій Николаевичъ, а мужъ вашей до....

— Прошу васъ, ни слова больше; разъ уступивъ мои права,

права, увы! совершенно фиктивныя, теткѣ вашей жены, я устранилъ себя отъ всякаго вмѣшательства въ ея судьбу. Правственныя узы, связывающія ея съ Варварой Васильевной, священниче и важнѣе всѣхъ узъ крови, которыя, конечно, не имѣютъ и не могутъ имѣть для нея никакого значенія. Ей, а тѣмъ больше вамъ, я совершенно чужой, посторонній человѣкъ; а до чувствъ моихъ никому нѣтъ дѣла и я никому не даю права говорить о нихъ.

Наступило неловкое молчаніе. Не смотря на свою наглость, Павловъ не находилъ, что сказать; это чудовищное равнодушіе, замаскированное громкими фразами, поразило даже его, принадлежащаго къ безсердечному поколѣнію. Юрій Николаевичъ также казался если не взволнованнымъ, то недовольнымъ и даже смущеннымъ. Онъ очень хорошо понималъ, на что рассчитывалъ Павловъ, обратясь къ нему съ нѣжностями, и это-то всего болѣе и сердило его.

«Денегъ будетъ просить, думалъ онъ,—нѣтъ надо сразу отбить у него охоту обращаться ко мнѣ».

Видя, что Павловъ не думаетъ уходить, онъ всталъ, небрежно приподнялъ шляпу и даже забывъ распустиль зонтикъ, такъ какъ дождь все еще шелъ, скрылся въ толпѣ, которая въ эту минуту выходила изъ театра.

IX.

Въ то время какъ Павловъ такъ неудачно хотѣлъ обратиться за помощью къ Юрію Николаевичу, Маня, забывая все на свѣтѣ, блаженствовала въ Загорьѣ. Она была еще слишкомъ молода, чтобы мучиться сомнѣніемъ и заботиться о завтрашнемъ днѣ; она даже не думала о томъ, или скорѣе, не хотѣла думать, что Федя наконецъ уйдетъ и что она тогда останется опять одна.

«Куда уйдетъ? Зачѣмъ уйдетъ? думала она часто,—это все пустыя слова, только пугать меня хочетъ; я не пушу его, вотъ и все; а не послушается, такъ сама съ нимъ уйду». Такъ легко и просто рѣшала Маня самыя трудныя житейскіе вопросы.

О своихъ планахъ и замыслахъ Загорскій, понятно, никогда не говорилъ Мани, хотя былъ увѣренъ, что стоитъ ему сказать слово, чтобы сдѣлать изъ нея ярую адептку самыхъ крайнихъ теорій. «Зачѣмъ смущать ребенка?» думалъ онъ, въ то время, когда Маня умоляла его сказать ей, что это за письма, кото-

рыя онъ часто получаетъ, и что это за дѣла, которыя заставляли его еще въ Петербургѣ исчезать по недѣлямъ и теперь до того его смущаютъ иногда, что онъ вдругъ дѣлается мрачнымъ и озабоченнымъ.

Загорскій дѣйствительно переживалъ трудные часы и дни. Въ его натурѣ ничего не было романческаго и сентиментальнаго; его любовь къ Мани была вовсе не глубокая, серьезная привязанность, а горячая страсть, съ весьма опредѣленными желаніями и надеждами. Разговоръ съ Варварой Васильевной не привелъ ни къ чему, а только еще больше раздражилъ его и безъ того возбужденные нервы. Ничего нѣтъ эгоистичнѣе страсти, особенно любовной; она все готова принести въ жертву своему удовольствію. «Боятся, берегутъ, думалъ онъ часто, — кретинны, старые комедіанты, которые думаютъ, что совершаютъ подвигъ, насилуя, подавляя въ себѣ и другихъ самыя естественныя стремленія. Убѣдить, обратить меня хотѣла!.. Маню я не увезу съ собою, и за это Vabetъ должна сказать мнѣ еще спасибо. Гдѣ мнѣ съ нею вончаться; она падаетъ въ обморокъ отъ поцѣлуя; но ужъ вонечно, не уѣду отсюда, не посвятивъ ее въ тайны любовной науки. Не уѣду глупымъ селядономъ. Поплачетъ, а потомъ утѣшится; не жениться же мнѣ на ней въ самомъ дѣлѣ». Постоянное и неловкое присутствіе Варвары Васильевны, нескромное подглядываніе Матрешы, являвшейся всегда неожиданно тамъ, гдѣ молодые люди считали себя совершенно наединѣ, невыразимо бѣсили Загорскаго, и бѣдныя женщины, своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ, только ускорали неизбѣжную развязку.

Бѣдная Vabetъ, не смотря на свою неопытность въ дѣлахъ любви, чувствовала, что бѣда близка и горько упрекала себя въ слабости въ отношеніи Мани.

— Да напишите вы просто къ мужу, говорила ей часто Матреша, — пусть прійдетъ и возьметъ жену; не надѣйтесь вы на всѣ ваши разговоры съ нимъ; влюбленный все равно что пьяный, мало ли чего наобѣщаетъ, а какъ увидитъ водеу, такъ и все забылъ! Сколько разъ я замѣчала: сидитъ съ нами ваша Манюшка, такъ тихо, благородно, сама веселенькая, выпиваетъ себѣ свои городочки, вдругъ, ступнетъ что-то на верху—это ужъ у нихъ такъ условлено, смотришь, совсѣмъ другая стала, и блѣднѣетъ, и краснѣетъ, руки даже задрожать. Не пройдетъ пяти минутъ, брошена работа и летитъ наша барынька въ садъ, только косы развѣваются. А онъ, такъ точно шальной совсѣмъ ходить, глаза горятъ какъ у волка. Намеднись я въ

паркъ за грибами ходила, они тамъ гуляли, не видали меня, а я, грѣшный человекъ, притаилась за бесѣдной, знаете въ томъ мѣстѣ, гдѣ мостикъ гнилой—все прошу барина починить. Подошли они какъ разъ къ мостику, Маня перейти побоялась, такъ Федоръ Алексѣевичъ какъ схватить ее въ охапку и понесъ бѣгомъ чрезъ мостикъ-то, она даже вскрикнула; признаться и я испугалась, да не тому, что полетѣть они вмѣстѣ, а лицо у него было нехорошее...

— Не могу я писать къ Павлову, это значитъ убить ее.

— Ну, какъ знаете, а по моему это лучше всего.

Варвара Васильевна продолжала волноваться, не рѣшаясь прибѣгнуть къ какимъ нибудь рѣшительнымъ мѣрамъ; какъ всѣ слабыя и добрые люди, она все надѣялась, что все какъ нибудь само собою устроится, и эта нелѣпая надежда настолько иногда увлекала ее, что она даже забывала, что между молодыми людьми стоитъ не одинъ Степанъ Сергѣевичъ, котораго еще можно устранить; но что-то гораздо болѣе серьезное и страшное.

Х.

Какъ ни былъ далекъ Иванъ Васильевичъ отъ всего, что совершалось вокругъ его, какъ не поглощало уже не всѣ его умственные способности, онъ все-таки замѣтилъ, что въ домѣ творится что-то неладное, что чѣмъ-то всѣ озабочены и Матреша даже все о чемъ-то думаетъ и не обращаетъ на него должнаго вниманія. Кофе по утрамъ подается ему совсѣмъ не такъ, какъ онъ привыкъ, то циворію переложать, то сливки сырыя подадутъ.

«Чортъ знаетъ, что такое! думалъ Иванъ Васильевичъ, — опалѣла совсѣмъ баба, ужъ не влюбилась ли она, чего добраго, въ этого вудряваго юнца; имъ, этимъ бабамъ, никогда не клади пальцевъ въ ротъ». И полный нелѣпыхъ ревнивыхъ опасеній, Иванъ Васильевичъ сталъ невыносимо привередничать и капризничать; но, къ его удивленію, Матреша продолжала не обращать на это никакого вниманія.

Однажды вечеромъ, уже въ концѣ іюля, все маленькое общество пило чай на терасѣ; не смотря на прелестную погоду, которая у насъ бываетъ рѣдко и потому такъ цѣнится, всѣ казались были не въ духѣ и всѣ молчали. Загорскій былъ даже мраченъ; онъ въ этотъ день получилъ письмо, послѣ котораго

ушелъ сейчасъ же въ лѣсъ съ ружьемъ и до вечера не возвращался. У Мани были заплаканы глаза; она прождала напрасно Федю на скамейкѣ у оврага и потомъ, когда они сошлись на терасѣ, хотя она нѣсколько разъ нарочно сходила въ цѣвѣтникъ, онъ не обращалъ на это вниманія и сидѣлъ у стола, незамѣчая налитаго стакана, поданнаго ему Матреной Ивановной.

— Да что вы всё сегодня такіе кислые, точно въ воду опущенные? сказалъ, наконецъ, Иванъ Васильевичъ, которому надоѣло всеобщее безмолвіе.

— А васъ небось все забавлять надо? отвѣчала недовольнымъ голосомъ Матрена Ивановна. — Къ вамъ никто не пристаётъ; никто вамъ не мѣшаетъ, когда вы рыбу по цѣльнымъ днямъ удите? У васъ вѣдь нѣту никакой другой заботы, ну и сидите себѣ, когда посажены.

— Да ты никакъ опалѣла? сказалъ Иванъ Васильевичъ; — тебѣ теперь слово сказать нельзя. Я такъ спросилъ, а она и пошла и пошла, точно брань въ самоварѣ отвернули. Ну чего ты злишься?

— Я вовсе не злюсь, а ужъ и съ вамъ-то надобно говорить поѣвши.

— Вотъ дура-то! да что съ тобой, наконецъ?

— Таки ровно ничего! Она схватила сердито выпитый стаканъ Ивана Васильевича и начала усердно его полоскать и вытирать.

— Чего ты полощешь? вскрикнулъ даже Иванъ Васильевичъ, — знаешь, что я этого терпѣть не могу.

— Все у васъ примѣты дурацкія: «это любить—разлюбить!» Сами старики, а все глупости разные на умѣ.

Иванъ Васильевичъ съ изумленіемъ взглянулъ на свою сожительницу и потомъ перевелъ глаза на Загорскаго. Тотъ даже не пошевелился, уставя глаза въ садъ.

Прежде бывало онъ всегда забавлялся вспышками, происходившими между хозяевами, и всегда бралъ сторону Матрены Ивановны.

— Слышишь?сказалъ ему Иванъ Васильевичъ, — моя-то какъ расходилась; чтожъ не заступишься?

— Что такое? спросилъ Загорскій, выходя изъ задумчивости.

— Да ты, братецъ мой, тоже въ эмпирияхъ обрѣтаешься; влюбленъ ты что-ли? Последнее слово Иванъ Васильевичъ произнесъ даже съ ироніей и взглянулъ на Матрешу; та еще

больше насупилась, а Маня вся вспыхнула, чего Иванъ Васильевичъ не замѣтилъ.

— Кто, я влюбленъ? отвѣчала Феда; — нѣтъ я такими глупостями не занимаюсь, мнѣ некогда.

— Какъ есть цѣлый день шляешься безъ всякаго дѣла. И съ ружьемъ-то безъ толку ходишь, одного дупеля за все время принесть, да и тотъ, должно быть; самъ своей смерти искалъ, нарочно подвернулся тебѣ подъ дуло; охотникъ-то ты горькій, а еще говоришь: некогда!

— Я занимаюсь.

— Чѣмъ ты занимаешься?

— Въ военную службу готовлюсь; скоро экзаменъ буду держать.

— Все это вранье, гдѣ-же ты экзаменъ будешь держать?

— Извѣстно гдѣ, гдѣ всѣ держать. Вотъ скоро уйду. Онъ выговорилъ послѣднія слова такъ рѣшительно, что Маня поблѣднѣла и рува ея, державшая въ эту минуту чашку, такъ дрогнула, что она пролила чай.

— Эхъ братъ! мало тебя сѣкли маленькаго, совершенно неожиданно произнесъ Иванъ Васильевичъ;—въ твои годы я ужъ давно офицеромъ былъ, а ты еще думаешь только юнкерскій экзаменъ держать!

— Какой юнкерскій, кто это вамъ сказалъ? прямо генеральскій.

— Опять вздоръ! И что досадно, у тебя никогда правды не узнаешь, когда ты врешь, когда серьезно говоришь.

— А вотъ услышите, какъ я вдругъ генеральное сраженіе выиграю.

— Какъ-бы не такъ! Иванъ Васильичъ даже плюнулъ съ досады.

Загорскій отодвинулъ стаканъ и всталъ.

— Куда вы? спросила Матрена Ивановна, — хоть бы чаю напились, а я еще вамъ малины со сливками приготовила.

— Не хочу, спасибо. Онъ почти бѣгомъ спустился съ терасы и исчезъ въ паркъ.

— Шальной совсѣмъ! сказалъ, смотря ему вслѣдъ, Иванъ Васильевичъ;—а и ты чего такъ за нимъ ухаживаешь? продолжалъ, онъ обращаясь къ Матрешѣ, —и малины-то со сливками, и того, и сего, ты смотри у меня!

— Чего смотрѣть-то?

— Да ужъ я знаю, чего.

— Ахъ не глядѣли-бъ мои глаза ни на что, проговорила

съ досадою Матрена Ивановна, немилосердно звеня чашками. Маня тоже встала и подошла къ крыльцу.

— Ты куда? спросила тетка.

— Гулять, отвѣчала Маня прерывающимся голосомъ. Она едва удерживалась отъ рыданій. Слова Феди: «своро уѣду», не выходили у нея изъ головы и она хотѣла бѣжать за нимъ, чтобы спросить его, неужели это правда, что онъ своро уѣдетъ.

— Останься съ нами, моя душа, ласково сказала Варвара Васильевна, — вотъ чай отопьемъ, такъ всѣ вмѣстѣ пойдёмъ гулять.

— Развѣ я маленькая, что не могу гулять одна? отвѣчала нетерпѣливо Маня, продолжая спускаться по ступенькамъ.

Оставъ ее, вымолвилъ Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ естерѣ, — пусть идетъ одна, если ей такъ хочется; извѣстно ей скучно съ нами, со стариками.

Мани уже не было на крыльцѣ; она быстро шла по направленію къ пруду, желая скрыть, что она идетъ искать Загорскаго. Варвара Васильевна, вздыхая, посмотрѣла ей вслѣдъ.

— Ну чего ты вздыхаешь? сказалъ Иванъ Васильевичъ, — боишься что-ли, что она въ прудъ ввалится?

— Ничего-то вы не понимаете, какъ я посмотрю, не вытерпѣла Матрена Ивановна, взглянувъ съ негодованіемъ на барина.

— Нѣтъ, очень хорошо понимаю; всѣ ваши бабьи хитрости насквозь вижу.

— Какія такія хитрости?

— А вотъ такія, что я терплю, терплю, да вдругъ и выгону въ зашеи этого шелопаю.

— Кого это?

— Вашего любимчика-то, генерала-то будущаго.

— Куда вамъ! А если вы мнѣ думаете этимъ угрозить, такъ я же вамъ скажу: что и давно бы такъ слѣдовало.

— Неужь-то онъ посмѣлъ къ тебѣ приставать въ самомъ дѣлѣ? сказалъ, побагровѣвъ, Иванъ Васильевичъ.

— Эхъ вы старые, старые дураки! съ позволенія сказать, ничего больше, выговорила съ презрѣніемъ Матреша; — ну кому я нужна, окромѣ васъ, постыдились бы и думать такіе пустяки.

— Такъ за чтожь его тогда выгнать? проговорилъ усновоенный и недоумѣвающий Иванъ Васильевичъ.

— А за то, что быть ему здѣсь не для чего; хочется вамъ небось, чтобы къ вамъ полиція наѣхала, да обыскъ бы у васъ стала дѣлать?

— Это съ какой стати? что онъ бѣглый что-ли?

— Ну бѣглый, не бѣглый, а близко къ тому... Она вдругъ неловко замолчала, вспомнивъ неисправимую болтливость Ивана Васильевича; она спохватилась, что онъ сейчасъ-же все разболтаетъ, не только Загорскому, но даже самому становому; а ей все-таки было жаль молодого человѣка, и хотя она искренно желала его отъезда, но выдать его она никогда бы не рѣшилась.

— Чего-жъ ты вдругъ замолчала? приставай Иванъ Васильевичъ, — только тревожь меня своими глупыми словами.

— Успокойся, Жан, сказала Варвара Васильевна, — ничего нѣтъ серьезнаго; но ты знаешь, какое теперь смутное время и какъ часто попадаютъ подъ надзоръ полиціи молодые люди, ничѣмъ неповинные, но неосторожные въ словахъ. Матреша думаетъ, что становой можетъ придратъся къ Тебѣ за то, что онъ живетъ здѣсь безъ всякаго дѣла; вѣдь арестовали же недавно въ городѣ учителя, а онъ, говорятъ, ни душой, ни тѣломъ не виноватъ. Тебѣ же будетъ нецрїятно, если становой потребуетъ у тебя какихъ-нибудь объясненій?

— Становой? плевать я на него хочу! да я даже не нущу его къ себѣ въ гостиную.

— Не тые времена, Иванъ Васильичъ, сказала Матреша, — и не хотите, да пустите.

Долго еще сидѣли старички на терасѣ, бесѣдуя все объ одномъ и томъ же, и какъ всегда, ни до чего не договаривались. Маня не возвращалась, и наконецъ Матреша, видя нетерпѣніе и тревогу Варвары Васильевны, отправилась ее отыскивать. Вернулась она скоро, но Ивана Васильевича уже не было на терасѣ и слышалось только шелканье шаровъ на бильярдѣ.

— Ну что? спросила Варвара Васильевна.

— Сидитъ себѣ одна на скамеечкѣ у пруда, отвѣчала Матреша, — и должно быть плачетъ. Я рада, радеханька, что она меня не видала, а то опять бы разсердилась, какъ намедни.

— О чемъ же она плачетъ?

— Ивѣстно все о томъ же: развѣ вы не слышали, какъ онъ сказалъ, что скоро уѣдетъ... ну и снѣтертью дорога, намъ бы только нашу барыньку уберечь.

XI.

Не найдя Загорскаго въ паркѣ и долго проплакавъ на скамеечкѣ у пруда, Маня печально возвращалась домой. На

терасѣ нивого уже не было и огни во всемъ домѣ были погашены. Послѣ жаркаго дня, наступила темная, душная ночь; съ запада шла большая черная туча, которая заволакивала почти все небо; вдали громыхало, и рѣдкія огненные змѣйки прорѣзывали по временамъ темное небо. Цвѣты запахи сильнѣе. Маня сѣла на ступенькѣ; ее томила беспредметная тоска, точно предчувствіе близкой бѣды; электричество, разлитое въ воздухѣ, раздражало нервы.

Становилось все темнѣе, такъ что она едва различала контуры огромнаго, стариннаго цвѣтника, расположеннаго противъ самой терасы; слѣва, непроницаемой черной стѣной, стояли высокія деревья парка. Вдругъ блеснула молнія и освѣтила черную фигуру на дорожкѣ; мелькнула знакомая бѣлая фуражка.

— Оеда! окликнула Маня радостнымъ, взволнованнымъ голосомъ. — Гдѣ ты былъ? Я тебя искала цѣлый вечеръ.

Онъ поднялся по ступенькамъ и сѣлъ съ нею рядомъ.

— Зачѣмъ же ты меня искала? спросилъ онъ и ей показалось, что онъ сердится. Въ промежуткахъ между молніями наступала такая темнота, что она едва различала его лицо.

— Чтобы спросить, за что ты на меня сердишься.

— Я вовсе не сержусь, съ чего ты это взяла?

Онъ подвинулся къ ней ближе и обнялъ ее; его рука была горяча, какъ огонь; она сидѣла неподвижно, сердце у нея такъ и замирало.

— Ты скоро уѣдешь? спросила она печально.

— Да, а что?

— Возьми меня.

— Это невозможно, ты замужешь. Къ тому же ты не въ состояніи идти за мной туда, куда я пойду. Ты бѣлоручка, избалованная барышня, а намъ нужны работницы—смѣлыя, сильныя...

— Кому вамъ?

— Маня! проговорилъ вдругъ Загорскій какимъ-то страннымъ, задыхающимся голосомъ, — гони меня, гони скорѣе, у меня кружится голова, я за себя не ручаюсь!

Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, такъ крѣпко, что она едва не вскрикнула отъ боли, и горячими, сухими губами прильнулъ къ ея губамъ.

Блеснула яркая молнія и тотчасъ же, вслѣдъ за нею, раздался оглушительный ударъ грома, точно что-то разсыпалось въ дребезги надъ ихъ головами. Вслѣдъ за этимъ ударомъ дождь

полил какъ изъ ведра. Загорскій вскочилъ и поднялъ Маню. Она вся дрожала.

— Грозы боишься, трусиха? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, я люблю грозу.

Дождь глухо стучалъ по гнилой крышѣ терасы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые потоки уже лились на полъ; молніи сверкали со всѣхъ сторонъ, прерываемыя частыми ударами грома.

— Здѣсь дольше нельзя оставаться, сказалъ Загорскій,—иди къ себѣ.

Маня отворила дверь и остановилась на порогѣ.

— А ты? сказала она робко.

— Я пережду дождь здѣсь и потомъ уйду.

— Нѣтъ, войди ко мнѣ; я боюсь, что ты простудишься.

Въ эту минуту новый ударъ грома раздался такъ близко, что стекла задрезжали въ старомъ домѣ. Маня поблѣднѣла и пошатнулась, Загорскій поддержалъ ее и почти внесъ въ комнату. Гроза бушевала до разсвѣта, но молодые люди ее больше не слышали.

ХІІ.

Прошло нѣсколько дней, влюбленные провели ихъ точно въ чадѣ. Они переживали эту старую, извѣстную, но вѣчно юную пору любви, эту упойтельную эпопею, воспѣтую поэтами, прославленную живописцами и музыкантами, заставившую Бетховена писать вдохновенныя симфоніи, а Жоржъ Зандъ ея огненныя, поэтическія и опасныя страницы,—эпопею, изъ-за которой льется такъ много слезъ, а часто и крови, гибнетъ такъ много молодыхъ силъ.

Первымъ пришелъ въ себя Загорскій; удовлетворенная страсть теперь не мѣшала больше спокойному разсужденію; къ тому же онъ получилъ еще письмо: «Что же это такое значить, сэръ, стояло въ письмѣ,—что вы не только не являетесь, но даже и не пишете почему? Здѣсь дѣло стало. Анна Петровна, вмѣсто свободной волюшки, попала въ кѣтку, гдѣ только и дѣла, что ходить ровно маятникъ, либо сидѣть, какъ кула, да думу думать. А вы тѣмъ временемъ прохлаждаться изволите, на хлѣбахъ у дядюшки. Да чтожь это такое наконецъ, чортъ тебя возьми! заварилъ кашу, такъ и расхлебывай...»

Загорскій рѣшился ѣхать; но желая избѣжать лишнихъ

слезъ и проводовъ, объявилъ Варварѣ Васильевнѣ и Матренѣ Ивановнѣ, что онъ просить ихъ не говорить Манѣ о днѣ его отъѣзда.

Babet ничего не подозрѣвала и очень обрадовалась этому намѣренію. Она даже до того успокоилась, что собралась, какъ разъ наканунѣ отъѣзда Загорскаго, въ городъ, къ знакомой старушкѣ-помѣщицѣ, у которой внучка заболѣла корью. Въ Babet были всѣ задатки сестры милосердія; никто, какъ она, не умѣлъ такъ ходить за больными. Отправилась она утромъ въ городъ, думая вернуться непременно къ ночи; но, пріѣхавъ въ домъ своей знакомой, она нашла дѣвочку въ сильнѣйшемъ жару и, тронутая слезами и просьбами бабушки, согласилась остаться у нея ночевать.

XIII.

Маня едва могла скрыть свою радость, когда тарантасъ, увозившій тетку, съѣхалъ со двора; не смотря, что Варвара Васильевна очень мало стѣсняла ее, она, особенно теперь, когда ей было что скрывать, предпочитала оставаться одна, или съ Ѳедей. Она была уже не та; исчезла беззаботность, съ которою прежде она смотрѣла на будущее; страсть и страданіе быстро превратили влюбленную дѣвочку въ женщину, мучимую сомнѣніями и угрызёніями совѣсти. Она теперь вполнѣ понимала, что какъ слѣпо ни любить ее тетка, она все-таки не можетъ не осуждать ее и не бояться за нее. «Теперь для меня все кончено, думала она,—пусть только тетя никогда ничего не знаетъ».

Загорскій хотя былъ гораздо сдержаннѣе Мани, тоже радовался отъѣзду тети Вари. Онъ рѣшился ѣхать на слѣдующій день рано утромъ и хотѣлъ провести этотъ послѣдній день одинъ съ Манею.

Матрена Ивановна также знала объ отъѣздѣ молодаго чело-вѣка; знали и Пашечка съ Сенькой, но имъ приказано было не говорить объ этомъ Марьѣ Ивановнѣ. Загорскій, зная болтливость Ивана Васильевича, скрылъ также свой отъѣздъ и отъ него.

Не смотря на непреклонную рѣшимость, Загорскій вовсе не такъ легко, какъ ему казалось, осуждалъ себя на разлуку съ любимою женщиною, даже безъ надежды свиданія; но онъ былъ не изъ тѣхъ, которые ноютъ и жалуются; онъ зналъ, что

онъ долженъ ѣхать, и, не задумываясь, уѣхалъ бы даже въ такомъ случаѣ, если-бы дѣло шло о жизни Мани.

Быстро прошелъ послѣдній день. Забывая грозное будущее, молодой человѣкъ весь отдался упоенію настоящаго. Онъ распорядился, чтобы лошади, которыя должны были везти его на желѣзную дорогу, дожидались бы его за паркомъ, куда онъ хотѣлъ пройти пѣшкомъ, въ то время, когда Мана еще будетъ спать. Поѣздъ изъ города отходилъ въ 4 часа утра.

Наступилъ тихій, теплый, августовскій вечеръ. Миліоны звѣздъ зажглись на темномъ небѣ и полная луна волшебною освѣтила деревья и дорожки парка. Всѣ въ домѣ уже спали, когда Мана тихо спустилась по лѣстницѣ терасѣ. Одея уже ждалъ ее у входа въ паркъ. Онъ подалъ ей руку и они углубились въ темныя аллеи, гдѣ такъ часто гуляли вмѣстѣ. Неподвижно, не шевеля ни однимъ листочкомъ, стояли кругомъ темныя старыя деревья; свѣтъ луны прорѣзывалъ ихъ густую листву и длинныя тѣни отъ нихъ пятнами ложились на дорожку. На полянкѣ яркая луна заливала все своимъ свѣтомъ и Загорскій ясно различалъ прелестную, бѣлокурую головку, которая доверчиво прижималась къ его плечу; милые влюбленные глаза смотрѣли на него въ упоръ, а тихій голосъ шепталъ:

— Милый! какъ здѣсь хорошо!

Они дошли до скамейки на берегу оврага. Луна стояла съ боку и ея лучи освѣщали весь откосъ оврага и сверкавшую росу траву.

Было совершенно тихо, какъ бываетъ только въ концѣ лѣта; изъ лѣса неслись сильный, раздражительный запахъ багуна, да далеко слышались крики ребятишекъ, караулившихъ лошадей въ полѣ.

Молодые люди сидѣли молча. Загорскій обнялъ рукою тонкій станъ Мани; она положила голову къ нему на плечо и точно забылась въ нѣмомъ упоеніи. Вдругъ вдали раздался слабый звукъ колокольчика, Загорскій вдрогнулъ; онъ понялъ, что означалъ этотъ звукъ: мужикъ, который долженъ былъ везти его, начиналъ уже запрягать своихъ лошадей. Чувство жалости къ молодой подругѣ мелькнуло въ сердцѣ Загорскаго; ему живо представилось пробужденіе Мани, ея отчаяніе, когда она прочтетъ его письмо.

«Надо же, наконецъ, ее приготовить къ тому, что неизбежно», подумалъ Загорскій.

— Маня! сказалъ онъ, — дашь ли ты мнѣ слово, что плакать не будешь?

— А что? спросила она съ испугомъ.

— Я скоро уйду.

Вмѣсто отвѣта, она вдругъ зарыдала, закрывая лицо руками.

— Перестань, ты мучишь и раздражаешь меня совершенно напрасно. Ты давно должна быть въ этому готова. Я никогда не обманывалъ тебя, не говорилъ, что всегда останусь съ тобою; ты не имѣешь права на меня жаловаться.

— Я и не жалуясь, тихо проговорила Маня, — но я все думала, что теперь, послѣ того что было, ты меня не бросишь, не имѣешь права бросить. И она опять заплакала.

— Твои слезы хуже всякихъ упрековъ, отвѣчалъ Загорскій вставая, — и упрековъ совершенно незаслуженныхъ; виновата во всемъ только гроза... и онъ разсмѣялся.

Маня подняла голову и съ ужасомъ взглянула на своего друга. Она его не узнавала; это былъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, который обнималъ ее тогда на терасѣ, и даже не тотъ, который, часъ тому назадъ, такъ страстно цѣловалъ ея ноги. Что-то жесткое и безжалостное прочла она на этомъ красивомъ, надменномъ лицѣ, въ какую-то циническую улыбку складывались эти чувственные губы.

Самъ сатана! сказала бы Матрена, если-бы увидала его.

Оскорбленная гордость проснулась въ душѣ Мани; она отерла слезы и проговорила спокойно:

— Когда же ты уѣзжаешь?

— Это еще не рѣшено. Онъ не надѣялся на ея твердость и хотѣлъ скрыть отъ нея, что уѣзжаетъ въ эту же ночь. — Во всякомъ случаѣ скоро.

— Скоро, повторила Маня въ раздумьѣ, — пойдемъ домой.

Она встала и они оба молча направились къ дому.

— Ты мнѣ скажешь день твоего отъѣзда, ты не уйдешь потихоньку отъ меня? спросила Маня, входя по ступенькамъ терасы.

— Скажу, отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Милый! вдругъ вскрикнула Маня, обвивъ его шею руками и жадно цѣлуя его лицо и глаза.

Онъ тихо высвободился изъ ея объятій и, быстро сбѣжавъ съ терасы, скрылся по направленію къ дому. Маня осталась на терасѣ; она точно окаменѣла, у нея болѣла голова, въ виски стучало, ознобъ пробѣгалъ по спинѣ, а она все сидѣла

на ступенькахъ, слѣдя воспаленными глазами за мѣсяцемъ, который уже близился къ заводу. На восточной сторонѣ неба показалась яркая, красная полоса; птицы зашевелились и защебетали въ кустахъ сирени. Легкій, предразсвѣтный вѣтерокъ зашевелилъ листьями блѣдныхъ осинъ и въ свѣжемъ, утреннемъ воздухѣ, среди пробуждающейся природы, отчетливо раздались звуки колокольчика и топотъ лошадей.

Маня вскочила, прислушиваясь къ этимъ звукамъ; слышался даже голосъ мужика, понукавшего своихъ лошадей. Прогремѣла телѣга по бревенчатому мосту, который былъ на дорогѣ, огибавшей паркъ, и остановилась. Должно быть кто нибудь влѣзалъ въ телѣгу, слышались голоса, колокольчикъ изрѣдка позвякивалъ, какъ бываетъ, когда лошадь мотнетъ голову. Черезъ минуту опять загремѣлъ колокольчикъ и застучали колеса; Маня вскрикнула, и какъ безумная кинулась съ терасы, по дорогѣ къ парку. Она бѣжала, безпрестанно спотыкаясь о корни деревьевъ; ея туфли были насквозь промочены росой, но она ничего не чувствовала и летѣла дальше, все прислушиваясь къ отдаленному, замирающему звуку колокольчика. Она не слышала, что кто-то уже давно бѣжитъ за ней.

-- Матушка! барышня! куда вы? кричала Пашечка, почти настигая ее и подгоняемая Матреною Ивановной, которая, точно чужбѣду, встала раньше обыкновеннаго и подкралась къ терасѣ. Она услышала крикъ Мани и, вѣстѣ съ Пашечкой, бросилась за нею въ погоню. Обѣ онѣ подняли Маню въ ту самую минуту, когда, запнувшись за корень, она со всѣхъ ногъ полетѣла на сырую дорожку парка. Колокольчика уже не было слышно, и Пашечка, обливаясь горькими слезами, бѣжала къ дому за Сенькой, въ то время, какъ Матрена Ивановна старалась привести Маню въ чувство.

XIV.

Вернувшись утромъ изъ города, Варвара Васильевна нашла свою Маню въ жару и въ бреду. Неожиданный отъѣздъ Загорскаго, ночь, проведенная на терасѣ, ноги, вымоченныя въ росѣ, развили въ ней болѣзнь, которая уже давно подготавливалась сырой дачей въ Павловскѣ и сильными нравственными потрясеніями.

— Плевать! сказалъ докторъ, призванный изъ города;—но вы не безпокойтесь, въ настоящее время года, болѣзнь не такъ

опасна и я почти ручаюсь за выздоровленіе, если не послѣдуетъ какихъ нибудь особенныхъ осложненій.

Осложненій въ счастію не послѣдовало; неутомимо проводя всѣ ночи безъ сна, не отходя отъ постели больной, Варвара Васильевна выходила свое дѣтище и почти вырвала изъ рукъ смерти.

— Признаюсь, говорилъ врачъ, — если-бы за всѣми больными былъ таковой рациональный уходъ, то намъ пожалуй и дѣлать было бы нечего.

Онъ впрочемъ ничего и не дѣлалъ, потому что не разорваться же было ему, когда у него на рукахъ была и больница въ городѣ, и огромная практика, и постоянные выѣзды на слѣдствія по разнымъ несчастнымъ смертнымъ случаямъ. Какъ бы то ни было, Маня была спасена; но она долго поправлялась, и когда въ первый разъ, слабая и блѣдная, опираясь на руку тети, она вышла въ садъ, то удивилась, увидя, что на деревьяхъ уже такъ много желтыхъ листьевъ.

Серьезная, опасная болѣзнь, какъ это почти всегда бываетъ, произвела сильный переворотъ въ характерѣ молодой женщины; она сдѣлалась кротче, покорнѣе и вполнѣ оцѣнила безграничную любовь и преданность тети Вари. Въ рѣдкія минуты сознанія, она видѣла, какъ блѣдная, насилу передвигающаяся нога Варвара Васильевна неустанно ходила за нею и какая невыразимая тревога была написана на ея лицѣ, когда докторъ серьезно и задумчиво считалъ удары ея пульса.

«Да, она любитъ меня, больше чѣмъ Федя, думала она часто, — для него его дѣло дороже меня, а тетя Варя, не мигнувъ, отдастъ за меня жизнь».

Наступила осень, тяжелая пора жизни въ деревнѣ, когда даже Иванъ Васильевичъ хандрилъ и игра на билиардѣ часто кончалась баталіей съ Сенькой, который наконецъ рѣшительно отказывался лѣзть въ десятый разъ подъ билиардъ. Женщины всѣ дни обыкновенно проводили въ комнатѣ Варвары Васильевны, такъ какъ тамъ было теплѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Vabet и Матреша работали, въ то время какъ Маня читала имъ газеты, или какой нибудь романъ, изъ старыхъ, разрозненныхъ журналовъ, составлявшихъ бібліотеку Ивана Васильевича.

Сначала Загорскій писалъ довольно часто; но потомъ письма его становились все рѣже и рѣже и наконецъ, въ концѣ ноября, прекратились совсѣмъ. Маня не знала даже, гдѣ онъ находится, и эта неизвѣстность, эти постоянныя ожиданія и тоска, видимо подтачивали ея здоровье. Она начала кашлять и кашлять не-

хорошо, такъ что, слыша этотъ кашель, Babet всегда блѣднѣла. Павловъ не давалъ тоже признака жизни, съ тѣхъ поръ какъ Варвара Васильевна написала ему, что Маня серьезно больна. Не смотря на просьбы тетки, Маня рѣшительно отказалась написать мужу и все уговаривала Babet уѣхать весною за границу, убѣждая ее, что въ Петербургѣ жизнь гораздо дороже и что въ Загорьѣ оставаться имъ не слѣдъ, такъ какъ ихъ пребываніе, повидимому, начинаетъ надоедать дядѣ. Babet все боялась, что Павловъ станетъ требовать жену къ себѣ; но ея опасенія не оправдались. Павлову было не до жены, ему и одному жить было нечѣмъ; мѣсто на службѣ онъ потерялъ, отецъ отъ него отказался и онъ быстро спускался до положенія тѣхъ несчастныхъ, которые, останавливая прохожихъ на улицѣ, просятъ у нихъ помощи «бѣдному, обремененному семействомъ дворянину». Онъ какъ-то разъ публиковалъ въ газетахъ о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится отставной пріѣхавшій изъ провинціи чиновникъ, разбитый параличемъ, съ больною женою и тремя малолѣтними дѣтьми, прося присылать деньги въ редакцію газеты. Но одна сердобольная барыня, членъ благотворительнаго кружка, узнавъ адресъ въ той же редакціи, сама отправилась по нему; но увидавъ вмѣсто разбитаго параличемъ чиновника, окруженнаго малолѣтними дѣтьми, пьянаго господина, въ обществѣ разтрепанной, но нарумяненной, пожилой дамы, съ негодованіемъ вернулась домой, давая себѣ слово, никогда съ этихъ поръ не вѣрять газетамъ.

XV.

Наступила зима, жестокая и холодная; сугробы снѣга занесли весь паркъ и садъ; пронзительный вѣтеръ и снѣговая мятель одни гуляли теперь подъ тѣми же деревьями, гдѣ нѣсколько мясецевъ тому назадъ раздавалась пѣснь соловья и слышались тихія, любовныя рѣчи. Зима была и въ юномъ сердцѣ Мани. Тоска грызла ее, но она храбро боролась съ нею, видя, какое впечатлѣніе она производила на бѣдную тетю Варю. Къ тому же молодость брала свое и ей опять начинало казаться, что не можетъ же быть, что все для нея кончилось и не наступитъ никогда лучшіе дни. Надежда необыкновенно живуча въ человѣческомъ сердцѣ; дряхлые старики, которыхъ ждетъ въ будущемъ только могила, тоже надѣются, и даже передъ умирающими мелькаютъ иногда ея бѣлыя крылья. Маню всего болѣе под-

держивала ни на чемъ неоснованная надежда, что Оеда непременно вернется, что они непременно свидятся. Изъ разговоровъ тети, изъ отрывочныхъ словъ и намековъ молодаго чело-вѣка, она узнала то страшное дѣло, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы, и плохо знакомая съ жизнью, не боялась за него, а воображала, что его планы могутъ когда нибудь осуществиться, что теорія разрушенія восторжествуетъ надъ логикою исторіи и, истребивъ существующій порядокъ вещей, принесетъ всеобщее счастье. Въ ожиданіи этого всеобщаго счастья, она старалась сойтись поближе съ этимъ, совершенно незнакомымъ ей народомъ, благу котораго, ей казалось, служилъ ея другъ; но это знакомство ей совсѣмъ не удавалось и она, съ сокрушеніемъ сердца, видѣла, что Матрена Ивановна гораздо лучше ея и даже тети Вари знаетъ, угадываетъ нужды окружающихъ крестьянъ и помогаетъ имъ по мѣрѣ силъ, гораздо рациональнѣе. Она удивлялась, что, не смотря на грубость и даже брань, которыми Матреша осыпала мужиковъ и бабъ, приходившихъ къ ней за совѣтомъ или помощью, они все-таки охотнѣе обращались къ ней, чѣмъ къ Мани или Варварѣ Васильевнѣ. Матреша, даромъ что баринова любовница, была имъ своя, а онѣ чужія, господа, ничего несмыслившіе въ крестьянской нуждѣ.

Послѣ Загорскаго осталось много книгъ, ему некуда и не для чего было таскать ихъ съ собою и Мани перечитала ихъ. Разумѣется, она принимала слова Лассаля и Маркса какъ слова евангелія и, глядя на крестьянъ, повторяла мысленно: «Вы камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго». Но всѣ ея благія намѣренія помощи и рациональнаго труда на пользу народную оставались пока намѣреніями. Не смотря на тоску по Оеди, на мучительныя сомнѣнія, на трудныя социальныя вопросы, начавшіе ее тревожить и которые рѣшать было некому, она все-таки понемногу втягивалась въ жизнь и все сильнѣе и сильнѣе вѣрила въ лучшее будущее.

Въ началѣ марта слѣдующаго года, совершенно неожиданно получена была телеграмма изъ Петербурга, на имя Варвары Васильевны; въ ней баронеса Нотгеймъ увѣдомляла сестру, что Павловъ, вслѣдствіе мозговаго расстройства, причиненнаго пьянствомъ, скончался въ больницѣ умалишенныхъ, куда былъ помѣщенъ родными. Это извѣстіе обрадовало и Варвару Васильевну, и Манию; самые добрые люди бывають иногда очень жестоки, когда дѣло идетъ о счастьи всей ихъ жизни, а смерть Павлова была для Мани избавленіемъ. Но эта была ихъ послѣдняя радость.

XVI.

Весною начался одинъ изъ послѣднихъ политическихъ процессовъ. Угадывая Загорскаго въ Федорѣ Алексѣевѣ, имя котораго стояло въ числѣ подсудимыхъ, Варвара Васильевна, поддерживаемая Матрешей, умоляла Ивана Васильевича не давать читать газетъ Мани и не читать ихъ при ней.

— Читайте себѣ одни, повторала Матреша каждый день Ивану Васильевичу, — насъ это ей-Богу нисколько не интересуетъ.

Понялъ ли въ чемъ дѣло Иванъ Васильевичъ (его также заинтриговало имя Федора Алексѣева, упоминаемое въ процессѣ); но на этотъ разъ онъ послушался свою Матрешу; отъ Мани газеты были скрыты и ее увѣрили, что онѣ такъ надоѣли дядѣ, что онъ предоставилъ свое право получать ихъ кому-то въ городѣ.

Разъ, вечеромъ, въ то время, когда всѣ, по обыкновенію, пили чай въ гостиной, Папечка вдругъ, совершенно неожиданно и съ торжествующимъ видомъ, внесла газеты, которыя завезъ пробѣжавшій мимо, изъ города, сосѣдній помѣщикъ. Матрена Васильевна побагровѣла, но уже было поздно. Не смотря на ея миганья и знаки, Иванъ Васильевичъ съ жадностію схватился за газеты.

«Присуждаются, читалъ онъ, — такой-то и такой-то»... онъ вдругъ вскрикнулъ, но все-таки прочелъ: — «дворянинъ Федоръ Алексѣевъ Загорскій къ смер...» и остановился; онъ вспомнилъ...

Маня, блѣдная какъ полотно, уставилась глазами на дядю.

— Въ чему? проговорила она задыхающимся, какимъ-то хриплымъ голосомъ, и прежде чѣмъ ошеломленная женщины могли придти въ себя, она вскочила, подбѣжала къ дядѣ и вырвала изъ рукъ его газету.

Она читала, все больше и больше блѣднѣя, вдругъ схватилась за грудь, закашлялась и опустилась въ кресло какъ подкошенная. У нея хлынула горломъ кровь. Ее сейчасъ же раздѣли, уложили въ постель и послали за тѣмъ же докторомъ; но на этотъ разъ не помогли ни молитвы, ни уходъ тети Вари, и докторъ, который пріѣхалъ только на другой день, нашелъ больную уже мертвою.

Варѣ вынесла все съ изумительною твердостью; сама одѣла, сама положила она въ гробъ мертвую и, не смотря на сопротивленія Матрешы, говорившей, что замужнимъ волосъ не распле-

тають, распустила прелестные бѣловурные волосы Мани и на-
дѣла на нихъ вѣнокъ изъ ландышей, которыхъ тогда уже было
много.

Мани была прелестна мертвая; бѣлая какъ мраморъ, съ тон-
кими, точно высѣченными рѣзцомъ художника чертами. Выра-
женіе страданія, придававшее ей сначала сходство съ лицомъ
мученицы Деларошъ, на другой день исчезло съ лица и зага-
дочная улыбка появилась на крѣпко сжатыхъ губахъ. Черныя
брови еще рѣзче выдѣлялись на мраморномъ лбу. «Мнѣ теперь
все равно», точно говорило это прелестное, спящее лицо.

Варвара Васильевна осталась навсегда въ Загорѣ; вѣсть
ей теперь было некуда и незачѣмъ, Иванъ Васильевичъ это по-
нялъ. Все, что она любила, скрылось тамъ, подъ этимъ бѣлымъ
крестомъ на кладбищѣ, которое видно было изъ ея комнаты.
Она ходитъ туда постоянно, ходитъ и лѣтомъ, и осенью, и зи-
мою, ходитъ и въ морозъ, и въ дождь, и въ вьюгу, никогда не
простужается и все живетъ, вѣроятно потому, что жить ей не
для чего и что жить она совсѣмъ не желаетъ.

А. П. Львова.

КОНЕЦЪ.

НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СОЧИНЕНИЕ ИППОЛИТА ТЭНА.

РЕВОЛЮЦІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Внезапная анархія.

ГЛАВА III.

Какъ бы ни было дурно, само по себѣ, какое нибудь правительство, но есть нѣчто еще худшее, это упраздненіе правительства, потому что собственно только правительство можетъ дать согласное направленіе волѣ человѣческихъ массъ, которыя иначе всегда стали бы дѣйствовать въ разбродъ. Въ организованномъ обществѣ оно играетъ почти ту же роль, какую мозгъ играетъ относительно организма живаго человѣка. Будучи неспособнымъ, легкомысленнымъ, нерасчетливымъ и высасывающимъ въ свою пользу соки всѣхъ остальныхъ частей тѣла, онъ надрываетъ ихъ силы или направляетъ ихъ дѣйствія на ложный путь, тогда какъ онъ долженъ бы падить ихъ и разумно руководить ими. Но какъ бы то ни было, худо или хорошо онъ распорядится, онъ все-таки приноситъ болѣе добра, чѣмъ вреда, потому что именно онъ поддерживаетъ все тѣло, заставляя его двигаться и руководить его дѣйствіями. Безъ его участія не

совершается ни одного разумнаго, сознательнаго и полезнаго для всего тѣла движенія. Въ немъ одномъ сосредоточивается общая сообразительность, знаніе всѣхъ свойствъ и отправленій каждаго члена въ отдѣльности, пониманіе внѣшнихъ условій, точная и полная передача ощущеній, предвидѣніе самыхъ отдаленныхъ обстоятельствъ,—однимъ словомъ, въ немъ олицетворяется высшій разумъ, который обнимаетъ собою все, что можетъ служить къ пользѣ всего организма, причѣмъ онъ соображаетъ съ этою цѣлю всё наиболѣе подходящія для того средства. И такъ, если правительство выказало свою слабость и утратило повиновеніе подвластныхъ ему людей, если оно оказывается выбитымъ изъ колеи грубымъ давленіемъ извнѣ, то разумъ уже перестаетъ руководить общественными дѣлами и общественное устройство не только не получаетъ дальнѣйшаго хода, но отодвигается на нѣсколько ступеней назадъ. Съ распаденіемъ общества и при отчужденіи личностей между собою, каждый отдѣльный человѣкъ впадаетъ въ состояніе своей первобытной слабости и вся власть сосредоточивается въ рукахъ нѣсколькихъ, временно-образовавшихся группъ, которыя, въ этомъ хаосѣ человѣчества, являются какъ бы крутящимися вихрями. Такъ что эта власть, правильное примѣненіе которой оказывается труднымъ даже для людей компетентныхъ, попадая случайно въ руки такого рода внезапно сформировавшихся шаекъ, находитъ лишь доступное для нихъ примѣненіе, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о самыхъ необходимыхъ продуктахъ для питанія, о ихъ приобрѣтеніи, о ихъ цѣнѣ и о ихъ распредѣленіи, о налогахъ, о ихъ размѣрѣ, о ихъ разкладкѣ и способѣ взиманія, о частной собственности, о ея подраздѣленіяхъ, о ея правахъ и ея предѣлахъ, о власти общественной, о ея принадлежностяхъ и ея границахъ, о всѣхъ тонкихъ и цѣпляющихся колесахъ, въ которыхъ заключается вся сущность устройства громадной экономической, соціальной и политической машины. Къ каждому изъ нихъ прикасается, въ своемъ округѣ, грубая рука толпы, которая гнетъ или ломаетъ ихъ на удачу, подъ впечатлѣніемъ минуты, не думая и не заботясь о послѣдствіяхъ, даже если-бы ударъ этой исковерканной машины обратился противъ самой этой толпы, если-бы завтра же раздавилъ ее подъ своими обломками и причиною чего были бы сходки этой толпы. Дѣйствія ея напоминаютъ себою негровъ, съ которыхъ сняли оковы и которые, толкая одинъ другаго и дергая каждый въ свою сторону корабельныя снасти, пытаются дать направленіе кораблю, которымъ они случайно завладѣли. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, болѣе люди оказы-

ваются не лучше черныхъ, такъ что толпа, имѣющая въ виду совершеніе насильственнаго поступка, не только состоитъ обыкновенно изъ самыхъ негодныхъ, самыхъ ярыхъ, наиболѣе склонныхъ къ разрушенію и наглому самоуправству людей, но когда эта разнузданная толпа уже принимается за совершеніе своего насилія, то каждый изъ этихъ самыхъ скотообразныхъ, самыхъ безумныхъ, самыхъ развратныхъ людей, старается выказать свои звѣрскіе инстинкты съ еще худшей стороны, превосходя при этомъ въ кровожадности, изступленіи и жестокости даже самаго лютаго звѣря. Если солдатъ, получившій ударъ или самъ нанесшій его, въ состояніи превозмочь въ себѣ увлеченіе битвою и сдерживать дикіе порывы своей физической силы, то значить онъ уже привыкъ обращаться съ оружіемъ и понимать опасность, что онъ обладаетъ хладнокровіемъ, что онъ знакомъ съ чувствомъ чести, постоянно содержитъ въ памяти правила военнаго кодекса, который, въ воображеніи каждаго солдата, рисуется въ перспективѣ висѣлицу, если онъ злоупотребилъ своимъ оружіемъ. Подобнаго рода внутренней и наружной узды именно и не достаетъ увлеченному свалкою бунта человѣку. Онъ еще новичекъ на избранномъ имъ пути и не боится закона собственно потому, что онъ его не признаетъ. Однажды начавъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, онъ уже идетъ далѣе, чѣмъ хотѣлъ самъ. Его ярость растетъ вмѣстѣ съ опасностью и встрѣчаемымъ сопротивленіемъ. Онъ разгорячается самъ, находясь въ средѣ людей разгоряченныхъ, и слѣпо идетъ вслѣдъ за разбойниками, сдѣлавшимися его товарищами. Прибавьте къ этому еще дикіе возгласы, пьянство, зрѣлище разрушенія, физическое вздрагиваніе всей нервной системы, находящейся въ состояніи самаго крайняго напряженія, и тогда вы поймете, почему крестьянинъ, ремесленникъ, простой буржуа, прирученные и усмиранные прежнею цивилизаціею, вдругъ превращаются въ варвара, даже хуже того, въ первобытное животное, въ кривляющуюся, кровожадную и похотливую обезьяну, которая убиваетъ, ухмыляясь и дѣлая непристойные скачки надъ изуродованнымъ ею трупомъ. Вотъ каково было въ дѣйствительности правительство, которому предоставила себя Франція, такъ что, послѣ восемнадцати-мѣсячнаго опыта, самый компетентный, самый справедливый и самый глубокий наблюдатель революціи, не нашелъ для нея другаго сравненія, какъ уподобивъ ее періоду паденія Римской имперіи въ четвертомъ вѣкѣ: «гунны, герулы, вандалы и готы придутъ къ намъ не съ сѣвера и не съ береговъ Чернаго моря; они находятся посреди насъ».

II.

Когда главная балка, поддерживающая крышу зданія, осбла, тогда начинаются безпрестанно повторяющіяся потрескиванія утвержденных на ней стропиль, которыя обрушиваются одна за другою, вслѣдствіе недостатка поддержки. Также точно и пошатнувшаяся власть короля рушится по мѣрѣ того, какъ онъ поступаетъ своими правами. Интенданты, парламенты, начальники войскъ, высшіе сановники, чиновники, стоявшіе на всевозможныхъ ступеняхъ іерархіи, административной, юридической и полицейской, охранители порядка и собственности, поняли всю трудность исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей, въ виду такихъ фактовъ, какъ убійство де-Лона, заключеніе въ тюрьму де-Безанвала, бѣгство маршала Брольи, повѣшеніе Фулона и Бертье; а для того, чтобы они еще лучше уразумѣвали свое бессиліе, мѣстныя возмущенія тотчасъ же доказали имъ, что народъ не замедлитъ добраться также и до нихъ.

Губернаторъ Бургундіи былъ арестованъ въ Дижонѣ въ своемъ собственномъ домѣ, въ дверяхъ котораго поставлена стража, не позволявшая ему говорить съ кѣмъ бы то ни было безъ позволенія и безъ свидѣтелей. Губернатора Кана держатъ въ осажденномъ положеніи въ старинномъ замкѣ, гдѣ его заставляютъ сдаться. Бордоскій губернаторъ принужденъ отдать въ распоряженіе народа замокъ Шато-Трампетъ со всѣмъ запасомъ находившагося тамъ оружія. Комендантъ Меца, который сопротивлялся нѣкоторое время требованіямъ народа, долженъ былъ, послѣ разныхъ вынесенныхъ оскорбленій, подчиниться его волѣ. Губернаторъ Бретани скитается по вѣренной ему провинціи изъ мѣста въ мѣсто, какъ безпріютный, между тѣмъ, какъ въ Реннѣ его прислуга, мебель и посуда удержаны въ видѣ залога; но какъ только онъ появился въ Нормандіи, то былъ тотчасъ же схваченъ и къ нему приставили карауль. Губернаторъ Безансона спасся бѣгствомъ; Руанскій, вида полнѣйшее разграбленіе своего дома, слѣшитъ скрыться, преслѣдуемый неистовыми криками толпы, которая требуетъ его головы. Въ Реннѣ, старшина парламента арестованъ, избитъ, посаженъ подъ домашній арестъ, потомъ, не смотря на его болѣзненное состояніе, отправленъ въ городъ подъ конвоемъ. «Въ Страсбургѣ, тридцать шесть домовъ, принадлежащихъ городскому начальству, обречены на разграбленіе». Въ Безансонѣ предсѣдатель

парламента принужденъ былъ выпустить на свободу бунтовщиковъ, участвовавшихъ въ недавнемъ возмущеніи, и сжечь публично всѣ бумаги, относившіяся къ производимому надъ этими негодяями слѣдствію. Въ Эльзасѣ все мѣстное начальство, при самомъ началѣ народныхъ волненій, принуждено было бѣжать; помѣщичьи управители и ихъ помощники должны были скрыться, лѣсные надсмотрщики попрятались тоже гдѣ попало, а дома лѣсныхъ сторожей были разрушены; одинъ изъ сторожей, старикъ лѣтъ шестидесяти, былъ избитъ до полу-смерти, потому его водили по деревнѣ и таскали за волосы; отъ его дома остались только стѣны, да часть крыши; вся принадлежавшая ему мебель и вещи были частью поломаны, частью сожжены или украдены, а его самого, вмѣстѣ съ его женою, заставили подписать бумагу, въ которой онъ отказывался отъ взысканія установленныхъ имъ за порубку лѣса штрафовъ и обязывался не требовать вознагражденія за понесенные имъ лично убытки. Во Франшъ-Конте, помѣщичьи управители не смѣютъ жаловаться на виновныхъ, объѣздная команда отказывается арестовать послѣднихъ, а начальники мѣстныхъ войскъ доносятъ письменно, «что преступленія всякаго рода все увеличиваются и нѣтъ никакой возможности заставить солдатъ наказывать виновныхъ за совершеніе всѣхъ этихъ безобразій». Во всѣхъ провинціяхъ оказывается повсюду неповиновеніе властямъ, и одна изъ учрежденныхъ по этому поводу комисій пришла къ слѣдующему грустному убѣжденію: «Когда всѣ власти смущены, уничтожены, когда общественная сила не имѣетъ никакого значенія, когда порваны всѣ связи, когда всякій простолюдинъ считаетъ себя освобожденнымъ отъ исполненія какихъ бы то ни было обязанностей, когда общественный авторитетъ не смѣетъ заявить о себѣ и когда всякая личность, облеченная какою нибудь общественною должностію, считается преступною, — какихъ послѣдствій можно ожидать отъ нашихъ усилій возстановить порядокъ?»

Отъ всего этого разрушеннаго государства остались только раздѣленные на нѣсколько группъ толпы, состоявшія изъ нѣсколькихъ тысячъ людей, причемъ въ каждой изъ этихъ, особнякомъ дѣйствующихъ группъ, городовъ, мѣстечекъ, деревень, муниципальных собраній, комитеты, образовавшіеся изъ выборныхъ лицъ, наскоро сформированные національные отряды для общественной охраны, стараются, по мѣрѣ возможности, не допускать слишкомъ большихъ безобразій. Но эти мѣстные начальники еще совсѣмъ новички въ своемъ дѣлѣ; они робки; будучи выбраны

единогласно, они еще вѣрять въ народное право, но когда ихъ отовсюду окружають бунтовщичи, то они сами чувствуютъ себя въ опасности, вслѣдствіе чего они, по большей части, повинуются толпѣ. «Никогда муниципальная власть не будетъ выскивать за совершенные безпорядки, — такъ выражается въ своемъ докладѣ одна изъ провинціальныхъ комисій, — она скорѣе попуститъ совершеніе самыхъ ужасныхъ безобразій, чѣмъ рѣшится донести на своихъ согражданъ, которые, рано или поздно, потребуютъ у ней отчета въ томъ, что она прибѣгла къ такимъ мѣрамъ. Муниципальное начальство поставлено въ необходимость исполнять все, чего отъ него потребуютъ». Въ особенности въ деревняхъ, мѣръ или старшина, которые бывають выбраны изъ среды крестьянъ, стараются не наживать себѣ враговъ и скорѣе согласятся отказаться отъ занимаемой ими должности, если увидятъ, что она можетъ навлечь на нихъ «какія нибудь неприятности». Въ городахъ, и главнымъ образомъ въ большихъ, мѣстная администрація допускаетъ еще большее послабленіе и положеніе ея еще болѣе непрочно, потому что въ такихъ мѣстахъ вообще имѣется болѣе большой запасъ всякихъ взрывчатыхъ элементовъ, и муниципальные чиновники, засѣдающіе на своихъ креслахъ въ ратушѣ, чувствуютъ, что подъ ними находится мина, которая каждую минуту грозитъ имъ взрывомъ. Можетъ быть, даже не позже какъ завтра, какая нибудь необдуманная фраза, брошенная въ трактирѣ одного изъ предмѣстій, или газетная статья крайняго направленія, полученная изъ Парижа, будутъ той самой искрой, которая зажжетъ эту мину. Противъ черни у нихъ нѣтъ другой обороны, кромѣ сантиментальныхъ воззваній со стороны національнаго собранія, кромѣ бесполезнаго присутствія военной команды, которая будетъ смотрѣть на все происходящее, сложа руки, кромѣ ненадежной помощи національной стражи, которая всегда является уже слишкомъ поздно. Иногда эти буржуа, поставленные во главѣ власти, поднимаютъ отчаянный крикъ подъ рукою другой власти, которая душитъ ихъ, схвативъ за горло. Въ Пюи-Велэй, горадѣ съ двадцати-тысячнымъ населеніемъ, земскій судъ, комитетъ, состоящій изъ двадцати четырехъ членовъ, 200 человекъ драгунъ и 800 человекъ буржуазной гвардіи «положительно связаны, даже парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ неистовствами буйной черни. Мѣры кротости только увеличили ея дерзость и непокорность». Она присуждаетъ къ изгнанію всякаго, кого ей вздумается, и устроенная ею висѣлица, впродолженіи шести дней, нагляднымъ образомъ доказываетъ старшинамъ, какой участи они долж-

ны ожидать для себя. «Что съ нами будетъ нынѣшнюю зиму въ здѣшнемъ до крайности обѣднѣвшемъ краѣ, гдѣ въ хлѣбѣ оказывается такой ужасный недостатокъ?» безпрестанно твердятъ они. «Мы навѣрное погибнемъ въ когтяхъ этихъ дикихъ звѣрей!»

III.

Эти звѣри дѣйствительно терпѣли голодъ и со времени революціи ихъ бѣдствія возросли еще болѣе. Въ окрестностяхъ Пюи-Велэй ужасная гроза, страшный градъ, проливной дождь, напоминавшій собою потопъ, опустошили весь этотъ край, изрывъ землю въ глубокіе овраги. На югѣ урожай былъ средній, пожалуй, даже недостаточный. «Описывать картину того состоянія, въ которомъ находится Лангедокъ, такъ сообщаетъ тамошній начальникъ края,—значило бы представить перечень всевозможныхъ бѣдствій. Ужасъ, которымъ объаты всѣ сельскія общины, не можетъ быть предупрежденъ никакими законными мѣрами, такъ что подъ вліяніемъ его остановилось всякое торговое движеніе, и народъ можетъ дойти до голоданія даже при самомъ обильномъ запасѣ хлѣба, цѣны на который необыкновенно высоки, а денегъ мало. Сельскія общины положительно разорены громадными издержками, какія онѣ принуждены дѣлать на производство платы депутатамъ, засѣдающимъ въ земскихъ управахъ, на учрежденіе команды изъ среды буржуа для мѣстной охраны, на помѣщеніе для этихъ милиціонеровъ, на обмундировку ихъ и на покупку для нихъ оружія, на устройство земскаго дѣла, на земскіе сѣзды, на публикаціи всякаго рода, даже по поводу самыхъ ничтожныхъ по своему значенію постановленій; сверхъ того является потеря времени на разъѣзды, вызванныя всѣми этими обстоятельствами, и въ заключеніе всего, полнѣйшій застой мануфактурныхъ производствъ и торговли; такъ что всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ, довели Лангедокъ до самаго крайняго разоренія».

Въ центральныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ Франціи, гдѣ урожай былъ хорошъ, жизненные продукты также добывались съ трудомъ, потому что тѣ, у кого есть хлѣбъ, не смѣли вывезти его на продажу въ другія мѣста и берегли его для себя. «Вотъ уже пять мѣсяцевъ, такъ доноситъ муниципальное собраніе изъ Лувье,—какъ люди, занимающіеся хлѣбопашествомъ, ни разу не пріѣзжали на рынокъ въ нашъ городъ. Этого никогда не бывало прежде, не смотря на случавшееся отъ вре-

мени до времени значительное повышение цѣнъ. Напротивъ, базары бывали переполнены привозомъ хлѣба именно въ то время, когда цѣны на хлѣбъ особенно возвышались, и привозъ увеличивался по мѣрѣ возвышенія этой цѣны. Напрасно городская управа разсылала приказы во всѣ сорокъ семь сельскихъ окрестныхъ приходоѡ о доставленіи хлѣба въ городъ, но тѣ не обращаютъ на это никакого вниманія; всякій хлопочетъ для себя и у себя, а прежнихъ управителей, которые могли бы убѣдить крестьянъ пожертвовать частью своихъ личныхъ выгодъ на пользу общественную, тамъ уже болѣе не существуетъ». «При изобиліи хлѣба въ окрестностяхъ, такъ писалъ одинъ очевидецъ изъ какаго-то города Бургундіи,—мы не можемъ рассчитывать на возможность приобрѣтенія его путемъ свободной купли. Частныя распоряженія, поддерживаемыя буржуазною милиціею, не допускаютъ вывоза хлѣба и задерживаютъ на дорогѣ нагруженныя имъ фуры, такъ что обиліе хлѣба на окрестныхъ рынкахъ не имѣетъ для насъ ровно никакого значенія, и вотъ уже почти впродолженіи восьми мѣсцевъ на нашъ рынокъ не было привезено ни одного мѣшка зерноваго хлѣба». Въ Труа фунтъ хлѣба стоилъ 4 су, а въ Баръ-сюръ-Объ и въ его окрестностяхъ—4 су съ половиною. Впрочемъ, въ устроенныхъ съ благотворительною цѣлью мастерскихъ всякій ремесленникъ, оставшійся безъ мѣста, зарабатывалъ 12 су въ день, а выйдя прогуляться въ поле, онъ видѣлъ, что находившійся на жорню хлѣбъ очень хорошъ. Какой же выводъ могъ онъ сдѣлать изъ этого, какъ не тотъ, что голодъ происходитъ отъ барышниковъ, скупающихъ хлѣбъ, и если рабочій человекъ умираетъ съ голода, то собственно потому, что эти злодѣи заставляютъ его голодать? Вслѣдствіе такого разсужденія, всякій, въ чьихъ рукахъ можетъ находиться хлѣбъ, будь онъ помѣщикъ, фермеръ, негоціантъ, администраторъ, представляется ему предателемъ. Очевидно, что противъ народа составленъ заговоръ, въ которомъ участвуютъ: правительство, королева, духовенство, дворянство, также какъ старшины, первоклассная буржуазія и вообще всѣ богатые люди. Въ Иль-де-Франсѣ прошелъ слухъ, что мѣшки съ зерновымъ хлѣбомъ бросаютъ въ Сену, и что кавалерійскихъ лошадей нарочно кормятъ еще несозрѣвшимъ хлѣбомъ, находящимся на жорню. Въ Бретани всѣ были убѣждены, что хлѣбъ вывозятъ за границу, гдѣ его находится теперь цѣлая масса. Въ Туренѣ всѣ были увѣрены, что одинъ крупный хлѣбный комерсантъ предпочитаетъ лучше сгноить въ своихъ амбарахъ сдѣланный имъ запасъ хлѣба, чѣмъ продавать его народу.

Въ Труа всѣ громко кричали, что такой-то человекъ, подкупленный булочниками и хлѣбопеками, подмѣшалъ въ муку отраву изъ квасцовъ и сулемы. Представьте себѣ дѣйствіе, производимое такого рода подозрѣніями на бѣдствующую массу: накопившая на сердцѣ ненависть, отъ испытываемаго желудкомъ голода, воспламеняетъ мозгъ; народъ всюду чувствуетъ своихъ воображаемыхъ враговъ и нападаетъ, закрывъ глаза, на кого или на что попало, не только всюю тяжестью своей массы, но въ то же время и со всюю силою овладѣвшей имъ ярости.

IV.

Съ самыхъ первыхъ недѣль народъ уже былъ внѣ себя. Привыкнувъ быть всегда руководимымъ, это человѣческое стадо встревожилось, увидя себя повинутымъ; оно сознаетъ, что ему не достаетъ руководителей, которыхъ оно растоптало; освободившись отъ наложенныхъ ими на него путъ, оно лишилось ихъ охраны. Оно чувствуетъ себя оставленнымъ въ области, совершенно ему незнакомой, предоставленнымъ невѣдомымъ опасностямъ, которыхъ оно не можетъ предотвратить. Теперь, когда его пастыри убиты или обезоружены, оно съ ужасомъ помышляетъ о томъ, что будетъ съ нимъ, если вдругъ придутъ кровожадные волки. А волковъ этихъ, т. е. бродягъ и негодяевъ, вышедшихъ изъ мрака, въ данное время было очень много. Дѣломъ рукъ ихъ были поджоги и грабежи; они появляются при каждомъ вспыхнувшемъ мятежѣ. Съ тѣхъ поръ какъ объѣздная команда перестала бить ихъ на-поваль, они уже не считаютъ нужнымъ скрываться, а дѣйствуютъ явно. Имъ стоитъ только сговориться и сформировать изъ себя нѣсколько шаекъ, тогда собственность и жизнь каждаго будутъ въ полномъ ихъ распоряженіи. Скрытная тревога и неопредѣленный страхъ овладѣваютъ жителями городовъ и деревень, и вдругъ, въ концѣ іюля, эта паника, какъ образовавшійся изъ пыли, ослѣпляющій и удушающій вихрь, пронеслась надъ странюю, охвативъ пространство въ нѣсколько сотенъ миль. Пронесся слухъ, что приближаются шайки разбойниковъ, которые жгутъ на корню уже почти соврѣвшій для жатвы хлѣбъ; вотъ уже они находятся въ шести миляхъ, вотъ уже только въ двухъ, подтвержденіемъ этому служатъ массы бѣгущихъ и спасающихся отъ нихъ людей. 28 іюля, въ Ангулемѣ, около трехъ часовъ пополудни, вдругъ раздался набатный воловолъ; барабанщики забили тре-

вогу, войску приказано быть на-готовѣ, началась установка пушекъ на городскомъ валу; спѣшили привести городъ въ оборонительное состояніе противъ разбойничьей шайки, состоящей изъ 15,000 человѣкъ, которые уже близко, причемъ поставленные на городскихъ башняхъ караульные съ ужасомъ замѣтили на дорогѣ столбъ пыли. Оказалось, что просто ѣхалъ мимо курьеръ, посланный въ Бордо. Послѣ этого общественная молва уменьшила цифру разбойничьей шайки до 1,500 человѣкъ, продолжая утверждать какъ фактъ, что они производятъ въ краѣ страшныя опустошенія, вслѣдствіе чего приготовили 20,000 вооруженныхъ людей, которые, въ ожиданіи разбойниковъ, проводили безъ сна цѣлую ночь, все прислушиваясь и ничего не слыша. Около трехъ часовъ утра опять новая тревога, опять набатъ; войско выстраивается въ боевой порядокъ, на основаніи пронесшагося слуха, что разбойники сожгли до тла Рюффекъ, Вернель, Ларошфуко и прочіе города. На слѣдующій день, въ подтвержденіе войскамъ противъ нигдѣ еще не показавшихся разбойниковъ, явились также деревенскіе жители. «Въ 9 часовъ, такъ пишетъ одинъ очевидецъ, — у насъ въ городѣ было 40,000 человѣкъ, которыхъ мы поблагодарили, сказавъ имъ, что можемъ обойтись и безъ нихъ». Но если разбойники не показываются, то значитъ, что они гдѣ нибудь скрываются; сто человѣкъ верховыхъ и множество пѣшихъ отправились немедленно на поиски въ Брасонскій лѣсъ, гдѣ, въ величайшему своему удивленію, не нашли никого. Но тѣмъ не менѣе обѣтанные страхомъ умы не успокоились при этомъ; «еще въ продолженіи нѣсколькихъ дней караулы не снимались и тѣмъ временемъ буржуазія сформировала свой собственный отрядъ», а Бордо, куда было дано знать о грозящей опасности, прислалъ даже курьера съ предложеніемъ выслать городу на помощь отъ себя 20,000 или 30,000 человѣкъ. «Но что всего поразительнѣе, такъ продолжаетъ повѣствователь тогдашнихъ событій, — что на десять миль въ окрестности, въ каждомъ приходѣ, происходила точно такая же тревога и почти въ тѣ же самыя часы». Для этого достаточно было, чтобы какая нибудь крестьянская баба встрѣтила вечеромъ, возвращаясь домой, двоихъ незнакомыхъ ей людей, что именно и случилось въ Оверни; на основаніи такого сообщенія, люди цѣлыми приходами бросились ночью спасаться отъ мнимыхъ разбойниковъ въ лѣсъ, покинувъ свои дома и захвативъ съ собою свое движимое имущество, «причемъ эти бѣглецы сами въ этой суматохѣ помяли и притоптали свои хлѣбныя поля; многія беременныя женщины сильно ушиблись въ

лѣсу, а инныя даже сошли съ ума. Чувство страха положительно придавало имъ крылья; два года спустя, возлѣ горы Доръ, показывали госпожѣ Кампанъ отвѣсную скалу, на которую забралась одна, искавшая убѣжища женщина и откуда можно было снять ее не иначе, какъ при помощи веревокъ. Наконецъ, они воротились опять къ себѣ домой и ихъ жизнь, казалось, вошла снова въ свою прежнюю колею. Но передвиженіе такихъ большихъ массъ народа не совершается безслѣдно и подобнаго рода тревога находить въ самой себѣ источникъ безповойствъ; однажды уже народъ встревожился и поднялся съ своего мѣста—значить, опасность была, и если не прямо отъ разбойниковъ, то, стало быть, она все-таки грозитъ откуда нибудь. Артуръ Юнгъ, будучи въ Эльзасѣ и въ Дижонѣ, слышалъ за табль-д'отомъ такого рода разговоры, что королева составила заговоръ для подведения мины подъ національное собраніе и для истребленія большей части парижскаго населенія; потомъ, нѣсколько времени спустя, въ одной деревнѣ близъ Клермона его самого арестовали и привели къ допросу, предполагая, что онъ навѣрное участвовалъ въ заговорѣ королевы и графа д'Антрега, которые намѣревались взорвать городъ и сослать на галеры всѣхъ, уцѣлѣвшихъ отъ этого взрыва жителей.

Противъ этихъ плодящихся призраковъ возбужденнаго воображенія уже безсилны всякіе доводы благоразумія, всякіе факты. Съ этой минуты каждая община, каждый человекъ, запасаются оружіемъ, готовясь при первомъ случаѣ употребить его въ дѣло. Крестьянинъ роется въ своей кошнѣ, «гдѣ всегда находить десять или двѣнадцать франковъ на покупку ружья». «Въ самой бѣднѣйшей деревнѣ есть своя національная милиція». Во всѣхъ городахъ устроены патрули изъ стражи обывателей и отрядовъ волонтеровъ. По требованіямъ муниципалитетовъ, военные коменданты выдаютъ имъ оружіе, амуницію, обмундировку, такъ какъ, въ случаѣ ихъ отказа, начиналось разграбленіе арсеналовъ, и волею-неволею 400,000 ружей переходятъ такимъ образомъ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, въ руки народа, которому этого мало, ему еще понадобились пушки. Послѣ того какъ Брестъ потребовалъ для себя выдачи двухъ пушекъ, всѣ остальные города Бретани не захотѣли отстать отъ него и потребовали ихъ также, въ свою очередь, такъ какъ тутъ затронуто было чувство самолюбія и потребность выказать также свою силу. Поэтому теперь уже у народа было все для того, чтобы считать себя господиномъ. Вся власть, вся сила, всѣ принудительные и устрашающіе способы находились теперь

въ его рукахъ, единственно только въ его рукахъ, такъ что, при существующемъ междуцарствіи всякихъ законныхъ властей, онъ, сдѣлавшійся теперь владыкою, руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ безумными или кровожадными подстрекательствами голода и подозрительности.

V.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ его насилія: остановленные имъ и отправляемые подъ конвоемъ запасы провіанта; расхищеніе зерноваго хлѣба; количество повѣшенныхъ, обезглавленныхъ или звѣрски убитыхъ мельниковъ и хлѣбныхъ торговцевъ; фермеровъ, принужденныхъ подъ страхомъ смерти выдать ему даже тотъ остатокъ хлѣба, который предназначенъ былъ хозяевами на обмѣненіе полей; число землевладѣльцевъ, обложенныхъ поборами, и множество разрушенныхъ до основанія домовъ. Оставшись безнаказанными, терпимыми, извиняемыми или дурно сдержанными, подобнаго рода грабежи повторяются и практикуются въ началѣ противъ общественныхъ дѣятелей и общественныхъ имуществъ. Какъ это всегда бываетъ, чернь и всякая сволочь идетъ во главѣ всѣхъ этихъ безобразій, налагая свое клеймо на общій характеръ народнаго возстанія.

19 іюля, въ Страсбургѣ, когда получено было извѣстіе о возвращеніи Нэккера къ своему посту, эта босоногая толпа по своему перетолковываетъ общественную радость, которая выразилась въ ея присутствіи. Пять или шесть сотъ человѣкъ этой голытьбы, къ которымъ присоединились еще, кромѣ того, мелкіе ремесленники, бросились въ ратушу, гдѣ собрались городскіе старшины, едва успѣвшіе скрыться и убѣжать вонъ по черной лѣстницѣ, причемъ солдаты не только не взяли за оружіе, а напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ еще начали подстрекать нападающихъ. Цѣлый градъ камней летитъ въ окна, стекла которыхъ разбиваются въ дребезги; желѣзными клещами снимаются съ петель всѣ двери и вся эта толпа черни врывается во внутрь зданія, куда она нахлынула, точно вышедшій изъ береговъ потокъ. Въ одинъ моментъ, на всемъ протяженіи главнаго фасада въ восемьдесятъ футовъ, изъ выбитыхъ оконъ «полетѣли на улицу ставни, рамы, стулья, столы, диваны, книги, бумаги, а съ крыши—куски черепицы, доски, карнизы, рѣшетки балконовъ и всѣ наружныя деревянныя украшенія». Всѣ находившіяся въ общественномъ архивѣ бумаги были развѣяны по вѣтру и

ими устьяны всѣ сосѣднія улицы; документы на освобождение отъ податей, грамоты, дающія права на нѣкоторыя особенныя привилегіи, всѣ подлинныя акты, которые со временъ Людовика XIV обезпечивали за городомъ пользованіе извѣстными вольностями, — сдѣлались добычею пламени. Часть этихъ негодяевъ, забравшись въ подвалы, вышибаетъ дно у бочекъ съ дорогимъ виномъ; такимъ образомъ потеряно было 15,000 мѣръ этого вина, которое, вылившись на землю, образовало цѣлое озеро въ пять футовъ глубиною, гдѣ многіе изъ людей-скотовъ утонули. Другая часть ихъ, нагруженная легко доставшеюся добычею, уходила прочь, въ глазахъ солдатъ, которые и не думали ихъ останавливать. Подобнаго рода опустошеніе и грабежъ продолжаются три дня, причемъ многіе изъ принадлежащихъ городскимъ старшинамъ домовъ «оказываются расхищенными отъ чердака до подвала». Наконецъ, когда честнымъ буржуа было также выдано оружіе, то они восстановили порядокъ, ограничившись приѣтомъ повѣшеніемъ лишь одного изъ этихъ грабителей, и какъ будто въ извиненіе себѣ и въ угоду народу, рѣшили смѣнить прежнихъ старшинъ и понизить цѣну на хлѣбъ и на мясо. Послѣ такихъ послабленій, которыя какъ будто имѣли даже видъ награды, ничего нѣтъ удивительнаго, что бунтъ сталъ быстро распространяться и обнимать собою все большее пространство, такъ что, начавшись въ Страсбургѣ, онъ охватилъ собою города и села всего Эльзаса, и всюду руководителями мятежей являлись пьяницы и негодяи.

Гдѣ бы эти возмущенія ни происходили, въ восточныхъ, сѣверныхъ или западныхъ провинціяхъ, первые зачинщики всегда выходили изъ одной и той же среды. Въ Шербургѣ, 21 іюля, вожаками бунта оказываются «двое людей, занимавшихся разбоемъ по большимъ дорогамъ, которые, захвативъ съ собою женщинъ изъ подгородныхъ мѣстъ, иностранныхъ матросовъ, поденщиковъ, работающихъ въ портѣ, и нѣсколько солдатъ, передѣтыхъ въ шипуны рабочихъ, отправились вмѣстѣ съ ними требовать у завѣдывающихъ хлѣбными запасами ключи отъ амбаровъ, въ которыхъ они принялись хозяйничать по-своему; потомъ они разграбили дома троихъ изъ самыхъ богатыхъ негодяевъ и домъ правительственнаго чиновника де-Гаранто. Всѣ ихъ прихода-расходныя книги и документы были сожжены, такъ что одинъ Гаранто потерпѣлъ убытка, по меньшей мѣрѣ, на 100,000 экю». Всюду этими народными массами руководятъ инстинкты разрушенія, какое-то завистливое остервененіе противъ имущихъ, господствующихъ или благоденствующихъ людей. Въ Мо-

бежѣ, 27. іюля, въ ту самую минуту, когда представители общины собрались для совѣщаній, простой народъ, прямо и по своему, заявилъ свое внимательство въ дѣло. Толпа рабочихъ съ гвоздяныхъ фабрикъ и съ ружейныхъ заводовъ врывается въ ратушу и требуетъ отъ мэра, чтобы онъ понизилъ цѣну на хлѣбъ. Вслѣдъ за этою толпою влѣмывается другая и съ угрожающими криками бросается въ погоню за мэромъ, который хотѣлъ убѣжать отъ нихъ; между тѣмъ прочіе принялись бить стекла въ окнахъ, а гарнизонные и, въ полномъ вооруженіи, призванные для укрощенія ихъ солдаты смотрѣли спокойно на все совершавшееся тамъ буйство и разрушеніе. Смерть мэру, смерть всякому начальству и всѣмъ чиновникамъ! Затѣмъ, бунтовщики отхлынули въ острогу, откуда выпустили всѣхъ арестантовъ и бросились грабить казначейство, потомъ разорять будки при заставахъ, гдѣ наблюдаютъ за провозомъ подлежащихъ извѣстнымъ пошлинамъ продуктовъ; наконецъ, заключили тѣмъ, что побросали рыночные вѣсы и гири въ рѣку. Всѣ таможенные склады и помѣщичьи амбары расхищены, а завѣдывающіе ими принуждены выдать народу росписки въ томъ, что не будутъ требовать обратно всего расхищеннаго. Дома конторщика, приващика и контролера надъ фермерскимъ хозяйствомъ, находившіеся въ двухъ стахъ шагахъ отъ города, подверглись полнѣйшему разгрому, двери и окна выбиты, мебель переломана, бѣлье изорвано въ клочки, а столовое серебро и цѣнные вещи брошены въ колодезь. Точно такое же опустошеніе постигло оба дома мэра, какъ городской, такъ и деревенскій. «Не осталось цѣлымъ ни одного окна, ни одной двери, ни одной вещи и ничего изъ съѣстныхъ припасовъ», такъ что, взявшись за это дѣло разрушенія, негодяи исполняли его добросовѣстно и неустанно «съ 10 часовъ вечера и до 10 часовъ слѣдующаго утра». По просьбѣ всѣхъ честныхъ людей, уstraшенныхъ этимъ фактами, мэръ, который впродолженіи тридцати четырехъ лѣтъ служилъ въ этой должности своему краю, принужденъ былъ подать въ отставку и уѣхать изъ мѣста своего жительства. Въ Руанѣ, начиная съ 24 іюля, на перекресткахъ улицъ стало появляться рукописное объявленіе, которое, уже по своему содержанію и правописанію, въ достаточной мѣрѣ знакомило съ умственнымъ уровнемъ редактировавшихъ его и давало понятіе о способѣ ихъ будущихъ дѣйствій; вотъ оно: «Народъ, ты долженъ прежде всего отрубить здѣсь головы четверымъ: Понткаррѣ (главному президенту), Моссіону (интенданту), Годару де-Бельбефу (генераль-прокурору) и Дюрану

(мѣстному королевскому прокурору). Иначе, мы погибнемъ, и если ты этого не сдѣлаешь, то всякій можетъ сказать про тебя, что ты подлая, бездушная тварь». Кажется, яснѣе этого высказаться уже было невозможно; однакожь муниципальный совѣтъ, которому парламентъ поставилъ на видъ такого рода осужденіе на смерть, отвѣчаетъ на это въ тонѣ завазнаго оптимизма: «что ни одинъ гражданинъ не можетъ считать себя осужденнымъ на смерть, потому что никто не имѣетъ права осуждать его такимъ образомъ; что, напротивъ, онъ можетъ и долженъ считать себя совершенно безопаснымъ въ мѣстѣ своего жительства, будучи вполне увѣреннымъ, что въ городѣ всѣ, до одного человѣка, готовы будутъ тотчасъ же броситься къ нему на помощь, если-бы ему угрожала съ этой стороны какая нибудь опасность».

Такой отвѣтъ былъ равносильнъ позволенію, данному черни дѣлать все, что ей вздумается. Вслѣдствіе чего вожаки бунта работали безпрепятственно въ продолженіи десяти дней; одинъ изъ нихъ, Журдэнъ, адвокатъ изъ Лизье, который, подобно всѣмъ своимъ собратамъ по ремеслу, былъ демагогъ по принципу; другой—странствующій, плохой парижскій актеръ, Бордье, составившій себѣ извѣстность въ роли арлекина, посѣтитель трагитровъ низшаго сорта, «забудыга, гуляка, мошенникъ, пропавшій огонь и воду», ударившійся въ патриотизмъ и отправившійся въ провинцію разыгрывать трагедію въ дѣйствительной жизни. Въ ночь съ 3 на 4 августа начался пятый актъ этой трагедіи, съ Журдэномъ и Бордье въ главныхъ роляхъ, а за ними уже чернь и нѣсколько отрядовъ новыхъ волонтеровъ. Раздался неистовый крикъ: «Смерть всѣмъ скупщикамъ хлѣба! Смерть Моссіону! Мы хотимъ его головы!» Начинается разграбленіе его дома, причемъ большинство этой шайки напивается въ подвалахъ виномъ и тамъ же засыпаетъ. Казначейство, палата сборовъ, заставы, однимъ словомъ, всѣ тѣ зданія, которыя напоминаютъ собою королевскія права, положительно разрушены до основанія. На улицахъ и на площади Вьё-Маршэ запылали костры, въ которые бросали все, что попадалось подъ руку: мебель, платье, бумаги, кухонную мѣдную посуду; вывезенные изъ сараевъ экипажи кидались этою сволочью въ Сену. Только въ то время, когда разъяренная толпа ворвалась въ ратушу, національная гвардія, испугавшись этого обстоятельства, рѣшилась схватить Бордье и кое-кого изъ его шайки. Но на слѣдующій день, раздался крикъ: «Сагабо!» и, подъ предводительствомъ Журдэна, мятежники выломали двери въ тюрьмѣ

Консьержеры, освободили Бордае и въ другой разъ принялись за разгромъ интендантства и его отдѣлений. Наконецъ, когда оба эти негодяи были схвачены и ихъ тотчасъ же повели на висѣлицу, то вся чернь, бывшая на ихъ сторонѣ, такъ горячо вступилась за нихъ, что, для удержанія ея, понадобилось прибѣгнуть къ артилеріи. Въ Безансонѣ, 13 августа, вожаками бунта оказались: лакей содержателя звѣринца, двое, уже судившихся прежде за бунтъ людей и толпа «мѣстныхъ жителей, находившихся у всѣхъ на дурномъ счету», которые разсыпались по городскимъ улицамъ, сманивъ на свою сторону солдатъ. Канониры оскорбляютъ встрѣчаемыхъ ими на пути офицеровъ, хватаютъ ихъ за горло и хотятъ бросить ихъ въ рѣку Дубсъ. Другіе идутъ къ коменданту де-Ланжерону, требуютъ отъ него денегъ, а когда онъ отказался исполнить ихъ требованіе, то они срываютъ съ своихъ фуражекъ кокарды, крича, «что они также принадлежатъ къ среднему сословію», и смыслъ этихъ словъ былъ таковъ, что теперь они уже сами стали господа; вслѣдствіе чего они грозятъ убить интенданта де-Комартэна, врываются въ его домъ и ломаютъ всю его мебель. На другое утро, простой народъ и солдаты входятъ прямо въ кофейни, въ монастыри, въ постоялыя дворы, всюду требуютъ себѣ вина и стѣснаго; потомъ, разгоряченные винными парами, они принимаютъ жечь всѣ королевскія присутственныя мѣста, разбиваютъ ворота у нѣсколькихъ тюремъ и выпускаютъ на свободу всѣхъ контрабандистовъ и дезертировъ. Чтобы положить конецъ этой сатурналіи, придумали устроить большое угощеніе для національной гвардіи подъ открытымъ небомъ, гдѣ бы она побратски сошлась со всѣмъ гарнизономъ солдатъ; но пиръ этотъ вскорѣ превратился въ оргію, причемъ цѣлыя отряды солдатъ валялись мертвецки пьяные подъ столами; между тѣмъ, прочіе, тѣмъ временемъ, унесли съ собою нѣсколько большихъ боченковъ съ виномъ; такъ что, когда упившіеся очнулись и увидѣли себя обдѣленными своими же товарищами, то они тотчасъ же бросились за городъ разбивать подвалы въ окрестныхъ деревняхъ. На слѣдующій день, ободренные такимъ примѣромъ, другіе отряды гарнизона, къ которымъ присоединилось еще не малое количество рабочихъ, предприняли подобную же экспедицію по деревнямъ. Такого рода оргія продолжалась ровно четыре дня, такъ что, во избѣжаніе дальнѣйшихъ послѣдствій грабежей, которые совершались въ Безансонѣ и въ окрестностяхъ его, какъ въ завоеванной непріателемъ странѣ, буржуазная гвардія, вмѣстѣ съ оставшимися вѣрными правительству

солдатами, сама возстала противъ бунтовщиковъ и отправилась ловить мародеровъ, изъ которыхъ двоихъ повѣсила въ тотъ же вечеръ. Вотъ каковъ былъ характеръ этого бунта, этого натиска со стороны свотоподобныхъ негодяевъ, которые, ворвавшись однажды въ человѣческое жилище, умѣютъ только обжираться, упиваться, ломать, истреблять, бить въ общей свалкѣ даже своихъ; и если мы прослѣдимъ всѣ подробности мѣстныхъ историческихъ событій, то должны будемъ убѣдиться, что, въ это время, можно было каждый день ожидать подобнаго рода скачвовъ въ общемъ ходѣ жизни.

Въ Труа, 18 іюля, въ базарный день, крестьяне отказываются платить за право въѣзда въ городъ, такъ какъ такого рода сборъ уничтоженъ въ Парижѣ, то его не должно существовать также и въ Труа.

Будучи приведена въ возбужденное состояніе этимъ беспорядкомъ, чернь собралась цѣлыми толпами, чтобы подѣлать между собою зерновой хлѣбъ и оружіе, а на слѣдующій день къ ратушѣ подступила уже народная масса въ семь или восемь тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ булыжникомъ и дубьемъ. Черезъ день спустя, явилась въ городъ еще новая, набранная по сосѣднимъ деревнямъ толпа, вооруженная цѣпами, лопатами, вилами, подъ предводительствомъ какаго-то столяра, который шелъ впереди всѣхъ, съ саблею на голо; къ счастью «всѣ честные люди буржуазіи» сформировали изъ себя нѣчто въ родѣ національной гвардіи и такимъ образомъ эта первая попытка крестьянскаго открытаго возстанія была подавлена. Волненіе однакожь все-таки не унималось, и постоянно поддерживалось ложными, приходившими со стороны, слухами.

29 іюля разнесся слухъ, что пятьсотъ человѣкъ разбойниковъ вышли изъ Парижа, съ цѣлью грабить и опустошать все, что встрѣтится имъ на пути, вслѣдствіе чего, по деревнямъ, съ утра до ночи, раздавался набатный колоколъ и крестьяне выходили изъ своихъ домовъ вооруженные.

Съ этой минуты всѣмъ чудилось, что надъ головами ихъ носится какая-то невѣдомая опасность; всѣ убѣждены, что необходимо быть осторожными и на-готовѣ противъ какихъ-то враговъ. Этимъ способомъ новые демагоги забрали народъ въ свои руки, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ натравить его на его же начальниковъ. Безполезно было тогда указывать этому народу, что начальники его также патріоты, что они сію минуту привѣтствовали восторженнымъ крикомъ возвращеніе Неккера на его прежній постъ; что многіе изъ священниковъ, монаховъ, даже

канониковъ, первые стали носить національную кокарду; что живущіе въ городѣ и въ окрестностяхъ его дворяне—самые либеральныя люди во всей Франціи; что буржуазная гвардія, 20 іюля, спасла городъ; что всѣ богатые люди много жертвуютъ на поддержку національныхъ артелей для рабочихъ; что мэръ Гюэцъ, «честный и почтенный дѣятель», можетъ быть названъ благодѣтелемъ бѣдныхъ и всего общества. Народъ рѣшилъ, что всѣ его прежніе руководители—люди подозрительнаго свойства. 8 августа собравшаяся народная толпа требуетъ высылки изъ города драгуновъ, оружія для всѣхъ волонтеровъ, установленія постоянной цѣны на хлѣбъ, чтобы онъ стоилъ не дороже двухъ су за фунтъ, и освобожденія изъ тюрьмы всѣхъ арестантовъ. 19 августа національная гвардія удаляетъ своихъ прежнихъ офицеровъ, какъ аристократовъ, и затѣмъ избираетъ на ихъ мѣсто другихъ. 27 августа толпы народа врываются въ ратушу и тамъ приступаютъ къ дѣлежу оружія между собою. 5 сентября двѣсти человекъ, подъ предводительствомъ Трюэля, председателя новаго комитета, отправляются разбивать соляныя амбары и требуютъ, чтобы имъ выдали соль по шести су. Въ то же самое время, въ низшихъ слояхъ городского населенія складывается легенда такого рода: хлѣба мало потому, что мэръ Гюэцъ и господинъ де Сенъ-Жоржъ, прежній комендантъ, захватили его въ свои руки, причемъ о Гюэцѣ стали говорить, какъ пять недѣль тому назадъ говорили о Фулонѣ, «что онъ хочетъ заставить народъ питаться сѣномъ». Звѣрь-народъ глухо рычалъ и готовился броситься на свою жертву.

Но вмѣсто того, чтобы надѣть узду на этого звѣря, считали, по обыкновенію, необходимымъ его шадить. «Вамъ нужно, такъ пишетъ къ сельскимъ старшинамъ одинъ депутатъ изъ Труа, — на нѣкоторое время забыть о вашей власти; вы должны дѣйствовать относительно народа дружелюбно; прибѣгайте лишь къ мѣрамъ кротости, какъ съ равными себѣ людьми, и тогда вы можете быть увѣрены, что онъ будетъ тронутъ этимъ и воротится на путь истинный». Гюэцъ вполне послѣдовалъ этому совѣту; онъ сдѣлалъ даже болѣе того: не смотря ни на какія угрозы со стороны народа и отказываясь даже позаботиться о своей безопасности, онъ почти прямо отдалъ себя ему въ жертву.

«Я никоимъ образомъ не сдѣлалъ зла, говорилъ онъ, — такъ за что же народъ будетъ питать злобу противъ меня?»

Единственная мѣра предосторожности, къ которой онъ напелъ нужнымъ прибѣгнуть, это—обезпечить послѣ своей смерти

пособіе немущимъ: въ своемъ духовномъ завѣщаніи, онъ назначилъ 18,000 ливровъ на вспомошествованіе бѣднымъ и даже наканунѣ своей смерти отправилъ въ кассу приврѣнія бѣдныхъ сумму въ 100 эку. Но развѣ ослѣпленная, обезумѣвшая и остервѣнившаяся народная толпа въ состояніи понять че-либо самопожертвованіе и оказываемыя ей благодѣянія? 9 сентября, мука въ трехъ возахъ, привезенныхъ на рынокъ, оказалась дурнаго качества и потому толпа собравшагося народа загудѣла, а вскорѣ затѣмъ принялась кричать: «Долой всѣхъ мучныхъ торговцевъ! Долой всѣ машины! Долой мѣра! Убить надо мѣра! А на его мѣсто посадить Грюэля!» Грюэцъ, который въ это самое время выходилъ изъ мѣста своей службы, былъ спшибленъ съ ногъ, весь избитъ пинками и кулаками, потомъ схваченъ за шиворотъ, приведенъ въ залу присутствія, причѣмъ получилъ ударъ деревяннымъ бапмакомъ по головѣ и кувыркомъ спущенъ съ большой лѣстницы внизъ. Тутъ бросились было къ нему на помощь чиновники муниципалитета, но имъ не удалось вырвать его изъ рукъ народа; ему надѣли на шею веревку и, затянувъ петлю, поволокли его по землѣ. Случившійся тутъ священникъ умолялъ этихъ злодѣевъ позволить ему спасти несчастному не жизнь, а хотя его душу, но былъ оттолкнутъ толпою прочь и потомъ избитъ. Въ этой толпѣ нашелся еще одинъ извергъ—женщина, которая кинулась на распростертаго старика, стала топтать его ногами и въ довершеніе всего, нахлѣвываясь у ней въ рукахъ ножницами, выколола ему глаза. Его опять потащили, съ веревкою на шеѣ, къ мосту Селль, возлѣ котораго бросили его въ неглубокое мѣсто; потомъ снова вытащили оттуда и снова поволокли по улицамъ, не разбирая лужъ, съ кловомъ сѣна во рту. Между тѣмъ производился грабежъ въ его домѣ и въ домахъ: начальника объѣздной команды, нотариуса Гюйо, господина де-Сенъ-Жоржа. Такой погромъ и расхищеніе продолжались четыре часа; въ подвалѣ у нотариуса оказалось шестьсотъ бутылокъ вина, часть котораго была выпита на мѣстѣ, а другая часть унесена; цѣнныя вещи всѣ пошли въ общій дѣлежъ; все остальное, включая тутъ также чугуныя рѣшетки балконовъ, было уничтожено, или переломано, и бунтовщики, уходя, продолжали орать, что имъ предстоитъ разнести еще двадцать семь домовъ и срубить двадцать семь головъ. «Въ эту ужасную ночь, въ Труа положительно никто не ложился спать».

На слѣдующіе затѣмъ дни, почти впродолженіи двухъ недѣль, весь составъ организованнаго человѣческаго общества какъ

будто рушился совершенно. Расклеванные на всѣхъ углахъ улицъ объявленія возвѣщали о предстоящемъ изгнаніи муниципальных чиновниковъ, канониковъ, нѣсколькихъ лицъ, принадлежавшихъ къ привилегированнымъ сословіямъ, главныхъ негодяевъ и даже сестеръ милосердія; послѣднія, испугавшись такой угрозы, сложили съ себя свои обязанности; множество людей разбѣжалось изъ города по деревнямъ, а тѣ, которые остались, устроили внутри своихъ домовъ нѣчто въ родѣ барикады и отпирали двери не иначе, какъ держа въ руцѣ обнаженную саблю или шпагу. Такъ что не ранѣе 26 числа всѣ люди порядка, тѣсно сплотившись между собою, взяли верхъ надъ мятежниками и арестовали часть ихъ. Вотъ какова была общественная жизнь во Франціи, начиная съ 14 іюля; въ каждомъ городѣ, всѣ officialныя власти чувствовали себя въ зависимости отъ шайки бродягъ, превращавшихся иногда въ толпу людоѣдовъ. Въ Труа, эти злодѣи, подобно дикимъ гуронамъ, мучили несчастнаго Гюэца; а изверги въ Канѣ поступили еще ужаснѣе: майоръ Бельюзонъ, въ такой же степеніи невинный и считавшій свою жизнь болѣе обезпеченною отъ злодѣйскихъ похушеній, вслѣдствіе того, что принималъ отъ своихъ подчиненныхъ присягу въ повиновеніи, былъ звѣрскимъ образомъ убитъ: ему распоролі животь, какъ Лаперузу на островахъ Фиджи, вынули внутренности и сердце его было тотчасъ же съѣдено одною женщиною.

VI.

Въ подобныхъ случаяхъ, уже само собою становятся понятными громадныя недоборы въ полученіи податей и невозможность для преклоняющихся передъ измѣнчивыми народными требованіями муниципальных властей поддерживать ненавистныя для всѣхъ права государственной казны. «Во второй половинѣ сентября, — такъ пишетъ одинъ очевидецъ, — я самъ видѣлъ списокъ тридцати шести комитетовъ или муниципальных корпорацій, которые, на разстояніи пятидесяти миль въ окрестностяхъ Парижа, положительно отказались настаивать на непрѣмѣнномъ взносѣ податей. Одинъ изъ этихъ комитетовъ, изъ опасенія возбудить еще большій бунтъ, смотритъ свозъ пальцы на совершающуюся продажу контрабандной соли. Другой, въ видахъ предосторожности, отнялъ оружіе у сборщиковъ государственныхъ податей. Потомъ, далѣе оказалось, что въ нѣко-

торых округах муниципальные чиновники, сами первые запаслись контрабандною солью и контрабанднымъ табакомъ. Въ Пероннѣ и Гамѣ, куда присланъ былъ приказъ о возобновленіи заставъ, народъ разрушилъ караульныя будки, потомъ отправился къ чиновникамъ, завѣдывавшимъ заставнымъ сборомъ, и потребовалъ отъ нихъ, чтобы они убирались вонъ, въ двадцать четыре часа, пока цѣлы. Такъ что, послѣ двадцатимѣсячнаго сопротивленія, Парижъ, по всей вѣроятности, принудить національное собраніе совѣмъ отмѣнить акцизъ съ предметовъ продовольствія. Изъ всѣхъ заимодавцевъ, самымъ неумолимымъ являлась до сихъ поръ государственная казна, давившая самымъ тяжелымъ гнетомъ спины своихъ должниковъ; а теперь она оказывалась самымъ безсильнымъ кредиторомъ, и вслѣдствіе именно этого тяжкаго гнета, народъ прежде всего захотѣлъ освободиться отъ него, стараясь вымѣстить на немъ свою давнишнюю ненависть. Общее остервененіе обратилось преимущественно на соляныхъ и таможенныхъ приставовъ и на надсмотрщиковъ за продажей вина. Ихъ жизнь всюду находилась положительно въ опасности и они принуждены были спасаться бѣгствомъ. Въ Фалезѣ, въ Нормандіи, народъ собирался «изрубить въ куски» главнаго помощника директора подобнаго рода сборовъ, который жилъ съ семействомъ въ Баньѣ, въ Сентонжѣ; домъ его былъ разграбленъ, а мебель и всѣ бумаги сожжены. При этомъ злодѣи схватили его сына, шестилѣтняго ребенка, и приставили ему ножъ къ горлу, приговаривая: «околѣвай уже и ты, чтобы не оставалось никого изъ твоего поганнаго рода!» Впродолженіи четырехъ часовъ, какъ продолжался этотъ разгромъ, жизнь подчиненныхъ этого чиновника подвергалась нѣсколько разъ опасности; народъ чуть не разорвалъ ихъ въ клочки, и ихъ спасло только то обстоятельство, что въ это время другая толпа, отыскавъ самаго хозяина дома, кинулась на него съ обнаженными саблями и тотъ отчаяннымъ голосомъ замолилъ о пощадѣ; тогда этихъ несчастныхъ отпустили, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они отказались отъ своихъ должностей». Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, послѣдовавшихъ за взятіемъ Бастиліи, возмущенія противъ косвенныхъ налоговъ происходятъ почти безпрестанно и варазъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдругъ, разражаясь точно залпы множества ружей. Съ 23 іюля интендантъ Шампани уже началъ доносить, «что возстаніе поголовное во всѣхъ городахъ подвѣдомственнаго ему округа». На слѣдующій день получается донесеніе отъ алансонскаго интенданта, «что въ провинціи скоро уже никто не будетъ

платить государственныхъ повинностей». 7 августа Нэккеръ объявилъ въ національномъ собраніи, что въ двухъ округахъ Кана и Алансона необходимо было понизить на половину цѣну соли, что «почти вездѣ» взносъ налоговъ приостановленъ или даже совсѣмъ прекращенъ, что контрабандная торговля солью и табакомъ производится «открыто и цѣлыми возами» въ Пикардіи, въ Лорренѣ, въ трехъ епископствахъ, и что сверхъ того, къ главнымъ сборщикамъ податей не поступаютъ даже суммы прямыхъ налоговъ и «сколько ни прилагаютъ они, съ своей стороны, стараній къ высканію ихъ», они положительно не въ состояніи болѣе исполнять свою обязанность.

Съ каждымъ мѣсяцемъ общественные доходы уменьшаются, потому что функціи сердца ослабленнаго общественнаго организма почти совсѣмъ прекращаются; вслѣдствіе истощенія, происходящаго отъ малокровія, оно уже не въ состояніи разливать по всѣмъ мускуламъ организма ту живительную струю силы, которая приводитъ ихъ въ движеніе и производитъ обмѣнъ веществъ, составляющій собою общественный процессъ въ организмѣ.

«Все пришло въ расслабленіе,—такъ говоритъ Нэккеръ,—все сдѣлалось добычею «личныхъ страстей». Но откуда взять силы, чтобы обуздать ихъ и заставить отдавать государству то, что ему слѣдуетъ? Безъ сомнѣнія, духовенство, дворянство, зажиточные буржуа, нѣкоторые честные ремесленники и крестьяне платятъ исправно и даже иногда дѣлаютъ совсѣмъ неожиданно пожертвованія. Но въ общемъ составѣ, люди просвѣщенные, зажиточные и совѣстливые представляютъ собою лучшее меньшинство; а громадная масса народа, эгоистичная, невѣжественная, нуждающаяся, разстается съ своими деньгами только вслѣдствіе понудительныхъ мѣръ, такъ что для полученія ихъ съ нея остается только одно средство—это взять ихъ насильно. Съ незапамятныхъ временъ, сборъ прямыхъ налоговъ производится во Франціи лишь при помощи военной команды или посредствомъ продажи имущества, и это нисколько неудивительно, потому что этотъ сборъ отнимаетъ у крестьянъ половину ихъ чистаго дохода. А теперь, когда крестьяне въ каждой деревнѣ вооружены и дѣйствуютъ между собою за одно, поди-ва сунься къ нимъ сборщикъ податей, если посмѣетъ!» «Тотчасъ, послѣ декрета, которымъ объявлено было равенство податей для всѣхъ, такъ доносить провинціальная эльзасская коммисія,—народъ положительно и вездѣ отказался отъ всякихъ платежей, до тѣхъ поръ, пока въ мѣстные податные списки не занесены будутъ

всѣ прежде избавленные отъ податей и привилегированные люди». Во многихъ мѣстахъ, крестьяне съ угрозами требуютъ, чтобы имъ возвратили уже внесенную ими половинную часть податей; а въ иныхъ, они заявляютъ, что смыслъ декрета долженъ быть примѣненъ обратно, т. е. чтобы лица, вновь поступившія въ разрядъ людей, платящихъ подати, уплатили ихъ впередъ за цѣлый годъ. «При такомъ настроеніи ни одинъ сборщикъ не смѣетъ послать понудительнаго приказа; ни одинъ исполнитель подобнаго рода понудительныхъ мѣръ не смѣетъ къ нимъ прибѣгнуть». Такой страхъ внушаютъ имъ «не смиренные буржуа, но чернь, которая совсѣмъ ввела въ свои руки послѣднихъ», да пожалуй и всѣхъ вообще; всюду происходятъ ужасные беспорядки и сопротивленіе «именно со стороны тѣхъ людей, которымъ нечего терять». Они не только отрѣшаютъ разныхъ чиновниковъ отъ должностей, но присваиваютъ даже себѣ чужую собственность, говоря, что такъ какъ они сами собственно и составляютъ націю, то все, что принадлежитъ націи, слѣдовательно, принадлежитъ имъ. Въ эльзасскихъ лѣсахъ, принадлежащихъ помѣщикамъ или цѣлымъ общинамъ, начались страшныя, совершенно бесполезныя порубки, такъ что онѣ производились народомъ просто какъ бы въ припадкѣ ребяческаго духа истребленія, или въ припадкѣ сумасшествія. «Во многихъ мѣстахъ, чтобы не давать себѣ труда вывозить этотъ срубленный лѣсъ, крестьяне жгли его и довольствовались потому тѣмъ, что увозили золу».

Послѣ постановленій 4 августа и не смотря на законъ, запрещающій охотиться въ чужихъ владѣніяхъ, уже невозможно было пресѣчь однажды начавшееся такого рода истребленіе дичи. Всякій крестьянинъ, который могъ достать себѣ ружье, отправлялся въ эту экспедицію, причемъ весь, еще находившійся на корнѣ хлѣбъ былъ помятъ такъ, что потомъ и жать его оказалось невозможнымъ. Всѣ строенія, гдѣ помѣщалась егермейстерская команда, были разрушены, тесовые заборы снесены, а гдѣ они были слишкомъ прочны и высоки, тамъ крестьяне перелѣзали черезъ нихъ; даже самъ король былъ однажды разбуженъ въ Версали ружейными выстрѣлами, раздававшимися въ его паркѣ. Олени, серны, козы, кабаны, зайцы, кролики убивались тысячами, жарились на кострахъ, сложенныхъ изъ наворованнаго лѣса, и съѣдались тутъ же на мѣстѣ. Впродолженіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, вся Франція, изъ конца въ конецъ, оглашалась ружейными выстрѣлами, причемъ, какъ въ американскихъ саваннахъ, практиковалось охотничье правило,

что всякій живой звѣрь принадлежитъ тому, кто его убьетъ. Въ Шуазелѣ, въ Шампани, не только всѣ зайцы и куропатки были истреблены во владѣніяхъ барона, но даже была выловлена вся рыба изъ прудовъ; но и этого повазалось крестьянамъ недостаточно: они приходили даже на самый дворъ баронскаго замка и стрѣляли живущихъ тамъ на голубятнѣ голубей, послѣ чего ихъ тутъ же приносили, также какъ и рыбу, къ самому хозяину продавать, если всего этого для самихъ крестьянъ было уже слишкомъ много. Въ подобнаго рода экспедиціи отправлялись обыкновенно деревенскіе «патріоты», съ жившими въ окрестностяхъ «контрабандистами» и бродягами; этого сорта люди всегда являются впереди прочихъ, при всякихъ насиліяхъ, причемъ уже ни для кого не будетъ новостью узнать, если толпа, подъ ихъ предводительствомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени перейдетъ отъ покушеній на жизнь общественныхъ дѣятелей и захвата общественной собственности, къ захвату частной собственности и къ покушеніямъ на жизнь частныхъ лицъ.

VII.

И въ дѣйствительности уже существовало сословіе людей, обреченныхъ на погибель, и которымъ народъ даже прискалъ названіе аристократовъ. Относившееся сначала къ дворянскимъ и высшимъ духовнымъ лицамъ, которые, на собраніи государственныхъ чиновъ, отказывались слиться съ классами людей другихъ званій, это смертоносное названіе получило еще болѣе широкое примѣненіе, включивъ въ разрядъ аристократовъ всѣхъ, кого ихъ титулы, ихъ общественныя должности, ихъ связи или ихъ образъ жизни отличали отъ большинства толпы. Все то, что прежде внушало уваженіе къ нимъ, теперь послужило поводомъ къ недоброжелательству, и народъ, хотя терпѣвшій отъ ихъ правъ, но не питавшій ненависти къ самимъ личностямъ, которыя ими пользовались, сталъ потомъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ враговъ. Каждый изъ нихъ въ своемъ помыслѣ дѣлался искупительною жертвою за дурныя намѣренія, приписываемыя людямъ его сословія, дѣйствовавшимъ въ Версали, и, только на основаніи ложныхъ слуховъ по поводу будто бы существующаго заговора въ центрѣ, крестьяне примыкали къ заговорщикамъ. Такимъ образомъ подготовлялось возстаніе земледѣльческаго класса, крестьянъ, и горячія головы, распа-

лившія людскія страсти въ Парижѣ, были причиною того, что послѣднія распалились также и въ провинціи. «Вы хотите знать главныхъ виновниковъ смуть,—такъ писалъ одинъ здраво-мыслящій человекъ въ слѣдственную комиссію, такъ ищите ихъ въ средѣ представителей средняго сословія и въ особенности въ средѣ именно тѣхъ изъ нихъ, которые состоятъ въ званіи прокуроровъ и адвокатовъ. Они пишутъ къ своимъ довѣрителямъ подстрекающія къ возмущеніямъ письма, которыя получаютъ муниципалитетами, состоящими также изъ прокуроровъ и адвокатовъ. Письма эти читаются во всеуслышаніе въ мѣстахъ первой инстанціи, откуда копіи этихъ писемъ разсылаются по деревнямъ, гдѣ, если и найдется кто нибудь умѣющій читать, кромѣ сельскаго священника или помѣщика, то это какой нибудь волно-практикующій ходатай по дѣламъ, отъявленный и заклятый врагъ помѣщика, «стремящійся занять его мѣсто, гордый своимъ красобайствомъ, озлобленный своею бѣдностью и не пропускающій удобнаго случая всячески очернить помѣщика въ глазахъ народа». Всего вѣроятнѣе, что онъ самъ составляетъ и распространяетъ разныя воззванія, въ которыхъ, отъ имени короля, приглашаетъ народъ къ самовольной расправѣ. Въ Севониньи, въ Пуату, къ работникамъ, занятымъ очисткою лѣса, 23 іюля прислано было письмо, въ которомъ имъ велѣли учинить расправу со всѣми живущими въ деревняхъ дворянами-помѣщиками и безощадно убивать тѣхъ изъ нихъ, которые не согласятся отказаться отъ своихъ привилегій, обѣщая при этомъ не только не подвергать исполнителей такихъ убійствъ преслѣдованію закономъ, а даже выдать имъ за то награду». Вслѣдствіе этого былъ схваченъ корреспондентъ депутатовъ отъ дворянства, Деспрѣ Монпеза; его потащили вмѣстѣ съ сыномъ къ государственному прокурору, чтобы принудить его подписать отрѣченіе отъ своихъ правъ и обязанностей; нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей бросились было къ нему на помощь, «но ихъ не допустили до этого, подъ угрозою убить ихъ самихъ и сжечь ихъ дома».

— Подписывай же! кричала разъяренная толпа,—а не то мы сейчасъ распоримъ тебѣ брюхо и сождемъ до тла весь твой домъ и все твое имущество!

Въ эту самую минуту, сосѣдній нотариусъ, по всей вѣроятности, также участвовавшій во всей этой исторіи, явился съ листомъ гербовой бумаги и сказалъ:

— Не противьтесь, милостивый государь. Я сейчасъ только что воротился изъ Ниора; тамъ среднее сословіе поступило точно

также со всѣми дворянами города; одинъ изъ нихъ отказался исполнить это требованіе и въ моихъ глазахъ былъ растерзанъ въ куски. Необходимо было подписать наше отрѣченіе отъ нашихъ привилегій и дать наше согласіе платить одинаковыя съ народомъ подати, какъ будто дворянство не платило ихъ до сихъ поръ. Тогда, вся эта разнузданная толпа объявила, что она сейчасъ пойдетъ и обработаетъ такимъ же образомъ всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ въ ихъ наслѣдственныхъ замкахъ, куда ей предшествовалъ ужасъ, оставлявшій послѣ себя еще болѣе страшный слѣдъ. «Никто не осмѣливается сообщать о всемъ этомъ письменно кому слѣдуетъ, — такъ продолжаетъ свой разсказъ Денрэ, — и я рѣшаюсь на это, рискуя поплатиться своею жизнью. Всюду на дворянъ и на прелатовъ стали смотрѣть, какъ на личности подозрительныя; сельскіе комитеты распечатываютъ ихъ письма; къ нимъ приходятъ для домашнихъ обысковъ; ихъ заставляютъ носить новую кокарду; оставаться помѣщикомъ и не носить ея, — значило подвергать себя неминуемому повѣщенію. Въ Мамерсѣ, въ Мэнѣ, де-Бовуаръ, отказавшійся надѣть такую кокарду, едва не былъ убитъ на мѣстѣ, такъ какъ уже ему накинута на шею петлю. Близъ Флеша, былъ схваченъ также де-Бриссакъ, послѣ чего въ Парижъ отправленъ былъ гонецъ съ запросомъ: доставить ли его туда живымъ «или, предварительно, отрубить ему голову?» Двое депутатовъ дворянства, де-Монтесонъ и де-Вассэ, ѣхавшіе испросить у своихъ довѣрителей разрѣшенія присоединиться къ среднему сословію, были узаны въ окрестностяхъ Манса. Какое кому дѣло до ихъ добросовѣстности, до получаемыхъ ими настойчивыхъ требованій, для освобожденія себя отъ которыхъ они предприняли собственно эту поѣздку; достаточно того, что, будучи въ Версали, они вотировали противъ средняго сословія; чернь гонится за ними, ломаетъ ихъ экипажи и грабитъ все, что нашлось въ ихъ чемоданахъ. Горе дворянамъ, въ особенности тѣмъ, которые пользовались въ своемъ краѣ извѣстнымъ вліяніемъ и если они старались успокоить народную панику! Нѣкто Кюрё, исправлявшій должность городскаго головы въ Мансѣ, распорядился во время голода хлѣбными запасами и, удалившись въ настоящее время въ свой замокъ Нуэ, утверждалъ, что слухи о приближающихся разбойничьихъ шайкахъ, чистѣйшій вымыселъ; что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ бить въ набатъ, но вообще сидѣть спокойно и смиренно у себя по домамъ. Крестьяне тотчасъ же вообразили, что онъ стакнулся съ разбойниками и что, главнымъ образомъ, на него

нужно смотрѣть, какъ на барышника, который скупаетъ хлѣбъ, пока еще тотъ на корню. Они накинулись на него и на де-Монтессона, его зятя, и потащили ихъ обоихъ въ сосѣдную деревню, гдѣ находились судьи. Пока ихъ вели туда, «ихъ толкали, перекидывали изъ руки въ руки, какъ мячъ, потомъ бросали на землю, топтали ихъ ногами, плевали имъ въ лицо и потомъ вымазали ихъ свѣжимъ навозомъ». Де-Монтессонъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья, а Кюрдъ подвергся разнымъ истязаніямъ и умеръ медленною, мучительною смертью. Затѣмъ, одинъ плотникъ, ударомъ топора, отсѣкъ у обоихъ труповъ головы, которыя дали нести дѣтамъ, при двухъ пиликающихъ скрипкахъ и при барабанномъ боѣ. Между тѣмъ, мѣстные судьи, приведенные силою, должны были составить протоколъ о тридцати лундорахъ и нѣсколькихъ билетахъ учетнаго банка, оказавшихся въ боковомъ карманѣ платья Кюрдъ; при этомъ открытіи, въ толпѣ раздался крикъ торжества: вотъ оно, налицо, доказательство того, что онъ хотѣлъ скупить весь, находящійся на корню, хлѣбъ! Таковъ былъ способъ народнаго суда; теперь, когда среднее сословіе составляло уже самую націю, каждая отдѣльная народная группа считала себя вправе изрекать приговоры и приводить ихъ въ исполненіе надъ жизнями и имуществами.

Въ западныхъ, центральныхъ и южныхъ провинціяхъ такіе взрывы народныхъ страстей встрѣчались какъ частные случаи; но въ восточныхъ, въ полосѣ, охватывающей собою пространство отъ тридцати до пятидесяти миль и начиная отъ крайняго сѣвера до Прованса, возмущеніе приняло общій характеръ. Эльзась, Франшъ-Контэ, Бургундія, Мавоннэ, Божолэ, Овернь, Вьенна, Дофинэ, вся эта мѣстность представляла собою мину, гдѣ взрывъ произошелъ разомъ, вдругъ. Первый столбъ всплывшаго пламени показался на границѣ Эльзаса и Франшъ-Контэ, въ окрестностяхъ Бельфора и Везуля, въ томъ феодальномъ краѣ, гдѣ крестьянинъ, обремененный оброками и налогами, переносилъ менѣе терпѣливо всякій лишній гнетъ. Въ его головѣ, какъ-бы помимо его собственной воли, инстинктивно зарождались и бродили всякія разсужденія по этому поводу. «Доброжелательное намъ собраніе и нашъ доброжелатель-король хотятъ сдѣлать насъ счастливыми, такъ не помочь ли намъ въ этомъ, съ своей стороны! Ужь и безъ того, всё говорятъ, что король освободилъ насъ отъ податей, такъ не освободить ли намъ себя и отъ платежа оброка господамъ? Долой помѣ-

щикова! Они сами по себѣ нисколько не лучше своихъ приращиковъ!»

Такимъ образомъ, начался разгромъ замка Санси, принадлежащаго княгинѣ де-Бомонъ; потомъ, 18 числа, послѣдовали грабежи въ замкахъ Люръ, Битанъ и Молянсъ. 29 числа одинъ несчастный случай съ фейерверкомъ, пущеннымъ во время народнаго праздника у де-Меммэй, породилъ въ толпѣ такого рода толки, что приглашеніе народа на этотъ праздникъ было только ловушкою, чтобы измѣнническимъ способомъ отдѣлаться отъ крестьянъ. Остервенѣвшій при этой мысли народъ зажегъ господскій замокъ со всѣхъ концовъ, а на слѣдующей затѣмъ недѣлѣ уничтожилъ три абатства, превратилъ въ развалины одиннадцать замковъ, а прочіе разграбилъ, причемъ «всѣ архивы и дѣловыя бумаги были брошены въ рѣку, приходо-расходныя книги и наслѣдственныя крѣпостныя записи похищены, кладовыя и амбары разграблены». Начиная отсюда, «ураганъ возмущенія» распространился по всему Эльзасу, отъ Гюенга до Ландау. Бунтовщики притомъ предъявляютъ бумагу, будто бы подписанную самимъ королемъ Людовикомъ, въ которой сказано, «что въ продолженіи такого-то срока времени имъ позволено самимъ чинить судъ и расправу»; а въ Сундгау, какой-то хорошо одѣтый ткачъ, подпоясанный голубымъ поясомъ, былъ принятъ за принца, который былъ будто никто другой, какъ второй сынъ короля. Для начала такого самоуправства, они напали на жидовъ, ихъ исконныхъ кровопийцъ, разорили ихъ дома, раздѣлили между собою ихъ деньги и устроили на нихъ положительную облаву, какъ на дикихъ звѣрей. По рассказамъ очевидца, только въ одинъ Базель прибыло до тысячи двухсотъ человѣкъ этихъ несчастныхъ бѣглецовъ съ ихъ семействами. А отъ займодавца-жида, до христіанина-помѣщика разница, по ихъ мнѣнію, была уже не велика и потому уравненіе это должно было произойти немедленно. Ремонтъ былъ спасенъ только отрядомъ драгунъ. Восемьсотъ человѣкъ винулись грабить замокъ Юбербрюнгъ. Нейбургское абатство было разорено въ конецъ. Въ Гебвилле; 31 іюля, пятьсотъ человѣкъ крестьянъ, принадлежавшихъ абатству Мюрбахъ, бросились разносить дворецъ настоятеля и корпусъ, въ которомъ жили каноники. Буфетные шкафы, сундуки, кровати, окна, зеркала, рамы, даже черепичная крыша и дверныя петли, все было изрублено въ куски; «на богатыхъ паркетахъ въ парадныхъ комнатахъ разложены были костры, гдѣ преданы соженію вся бібліотека и всѣ грамоты». Великолѣпная карета абата была такъ изломана, что не осталось ни

одного цѣлаго колеса. «Вино, находившееся въ подвалахъ, было выпито; изъ одной бочки, вмѣщавшей въ себѣ 1,600 мѣръ, болѣе половины было розлито на полъ, а все бѣлье и серебро было унесено». Очевидно, что весь общественный строй перевернулся вверхъ дномъ и что съ перемѣною власти, сама собственность начала переходить въ другія руки.

Приводимъ здѣсь подлинныя слова бунтовщиковъ: во Франшъ-Контѣ, жители восьми приходоу, явившись въ Бернардинскіе монастыри, Грась де-Дье и Лье-Круасанъ, прямо сказали, «что такъ какъ они представляютъ собою среднее сословіе, то теперь уже настало время ихъ господства надъ абатами и монахами, которые уже довольно долго повластвовали надъ ними», и съ этими словами они тотчасъ же отобрали всѣ владѣльческія грамоты и ренты, какими абатство имѣло право пользоваться отъ ихъ приходоу. Въ Верхнемъ Дофинѣ, пока совершалось опустошеніе замка Мюрата, нѣкто, по имени Фереоль, разбивая толстою дубиною всякую попадавшую ему подъ руку мебель, приговаривалъ: «Такъ вотъ же тебѣ, Мюратъ! повластвовалъ ты надъ нами долго, теперь пришла наша очередь! «Даже тѣ негодяи, которые являлись грабить дома, какъ разбойники на большой дорогѣ, думаютъ, что они этимъ способомъ защищаютъ правое дѣло и на оклики караульныхъ всегда отвѣчаютъ такъ: «мы стоимъ за среднее сословіе грабителей». Всюду они считаютъ себя вправѣ поступать такимъ образомъ и ведутъ себя какъ армія завоевателей, повинующихся отсутствующему главнокомандующему. Въ Ремиремонть и въ Люкселъ они предъявляютъ указъ, въ которомъ «разбойничество, грабежъ и разрушеніе, признаются вполне законными дѣйствіями». Въ Дофинѣ предводители шаякъ, выдаютъ себя за людей, имѣющихъ письменныя полномочія отъ самого короля. Въ Овернѣ они прямо говорятъ, «что исполняютъ то, что имъ приказано, и что на то, есть воля его величества». Но нигдѣ, однакожъ, не было примѣровъ, чтобы взбунтовавшіеся деревенскіе жители примѣняли къ своему помѣщику личное чувство мщенія. Если крестьянинъ стрѣляетъ въ дворянъ, которые попадаютъ ему подъ руку, то это не изъ злопамятства. Истребляя цѣлый классъ людей, онъ не преслѣдуетъ единичныхъ личностей. Онъ ненавидитъ только феодальныя права, архивныя грамоты, пролятыя крѣпостныя записи, въ силу которыхъ онъ обязанъ платить; но ненависть его нисколько не относится къ помѣщику, который, если жилъ въ своемъ имѣніи, не только всегда по-человѣчески обращался съ крестьянами, бывалъ сострадателенъ къ

нимъ, но даже благодѣтельствовалъ имъ. Въ Люкселѣ, абать, надъ головою котораго уже былъ занесенъ топоръ, принужденъ былъ подписать отрѣченіе отъ всякихъ правъ на владѣніе своими двадцатью тремя участками земли; онъ жилъ тамъ постоянно сорокъ шесть лѣтъ, впродолженіи которыхъ не переставалъ помогать бѣднымъ крестьянамъ. Въ округѣ Кремье, «гдѣ произведены были самыя ужасныя опустошенія и грабежи», всѣ мѣстные дворяне, какъ сообщаютъ объ этомъ муниципальные чиновники, были «патріоты и благодѣтели народа». Въ Дофинѣ, помѣщики, старшины, прелаты, замки которыхъ подверглись наибольшему разоренію, были первыми людьми, отстаивавшими противъ министровъ народное дѣло и вопросъ о народныхъ вольностяхъ. А въ Оверни, крестьяне даже «неохотно поступаютъ такимъ образомъ относительно своихъ добрыхъ господъ», но полагаютъ, что такъ нужно; все, что они рѣшаются пощадить въ память прежнихъ, оказанныхъ имъ пособій,—это не сжигать замка владѣтельница Ванна, которая всегда такъ много помогала крестьянамъ; но это, однакожь, нисколько не помѣшало послѣднимъ сжечь всѣ документы на право владѣнія помѣстьемъ, и притомъ они три раза бросали управляющаго въ огонь, требуя отъ него какого-то несуществующаго документа, и вытащили его оттуда почти совсѣмъ обгорѣвшаго и то лишь вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ помѣщицы, которая на колѣняхъ умоляла пощадить его жизнь. Эти дѣйствія уподоблялись поступкамъ солдатъ въ походѣ, являющихся исполнителями приказаній, оправдываемыхъ необходимостью, и которые, нисколько не считая себя разбойниками, тѣмъ не менѣе поступаютъ какъ разбойники.

Но въ данномъ случаѣ положеніе дѣлалось еще болѣе трагичнымъ, потому что это есть война въ мирное время, война грубой и дикой толпы противъ образованнаго, гуманнаго, довѣрчиваго меньшинства людей, которое не ожидало ничего подобнаго и вслѣдствіе того не думало о своей защитѣ, и которое ни откуда не видѣло себѣ поддержки. Графъ де-Куртвиронъ находился съ своимъ семействомъ на водахъ въ Люкселѣ, у своего дяди абата Клермонъ-Тонера, семидесятилѣтняго старика, когда, 19 іюля, пятьдесятъ человекъ фужерольскихъ крестьянъ ворвались въ домъ къ его эзекутору и къ сборщику податей, гдѣ истребили все ихъ имущество. Вслѣдъ затѣмъ городской старшина потребовалъ отъ дворянъ и чиновниковъ, пріѣхавшихъ для пользованія водами, чтобы они оставили городъ втеченіи сутокъ, такъ какъ «его предупредили, что

въ домахъ, гдѣ они помѣщаются, будетъ сдѣланъ поджогъ», а онъ, съ своей стороны, не желаетъ, чтобы ихъ присутствіе навлекло на Люксель такого рода опасность. На слѣдующій день караулъ, въ такой же степени предупредительный, какъ и самъ мэръ, допустилъ эту шайку ворваться въ абатство, гдѣ, по обыкновенію, послѣдовали: требованіе отказаться отъ своихъ правъ, уничтоженіе владѣнныхъ записей, опустошеніе винныхъ подваловъ и разграбленіе посуды и всякаго имущества. Ночью графъ де-Куртивронъ нашелъ возможность убѣжать вмѣстѣ съ своимъ дядею; тогда вдругъ раздался набатный колоколъ, толпа бросилась преслѣдовать ихъ и имъ съ величайшимъ трудомъ удалось, наконецъ, скрыться въ Пломбьерѣ. Но пломбьерскіе буржуа, изъ страха быть заподозрѣнными въ укрывательствѣ, заставили ихъ отправиться дальше; на дорогѣ ихъ застигли двѣсти человѣкъ бунтовщиковъ, грозя застрѣлить ихъ лошадей и сломать ихъ экипажи, но имъ и тутъ посчастливилось спастись и они почувствовали себя въ безопасности лишь за предѣлами Франціи, въ Порентриу. На возвратномъ пути оттуда графъ де-Куртивронъ былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами толпы, которая только что покончила разграбленіе абатства Люръ; онъ былъ остановленъ криками: «рѣжь всѣхъ дворянъ на-поваль!» Тѣмъ временемъ злодѣи уже успѣли разграбить совершенно замокъ Вовилье, куда была отвезена больная жена Куртиврона; народъ всюду искалъ ее, чтобы убить, но не нашелъ, потому что она спряталась на сѣнникѣ. Тогда графъ съ женою хотѣлъ тайно уѣхать въ Бургундію, но имъ дали знать изъ Дижона, «что народъ держитъ дворянство въ блокадѣ», и что въ деревнѣ собираются вездѣ приступить къ поджогамъ. Оказывалось что нигдѣ нельзя было найти убѣжища, ни у себя, ни у другихъ, ни во время пути, такъ какъ въ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ задерживали всѣхъ бѣглецовъ. Въ Дофинѣ «настоятельница монастыря Сентъ-Пьеръ-де-Лионъ, еще другая монахиня, помѣщики де-Перотанъ, де-Бельгардъ, маркизь де-ла-Туръ-дю-Панъ и шевалье де-Муадье были арестованы въ Шампьерѣ вооруженнымъ народомъ, отведены въ Котъ-Сентъ-Андрѣ и заперты въ городской ратушѣ, откуда они писали въ Гренобль, прося помощи», такъ что для освобожденія ихъ гренобльскій комитетъ долженъ былъ послать своихъ комисаровъ. Единственнымъ убѣжищемъ для всѣхъ этихъ личностей могли быть только большіе города, гдѣ пока еще существовало, тоже весьма ненадежное, подобіе порядка, или подъ конвоемъ городской стражи, отряды которой приходили изъ Лиона, Дижона и Гренобля для

предупрежденія дальнѣйшихъ наводненій отъ этого, вышедшаго изъ береговъ потока. По деревнямъ, всѣ въ уединенной мѣстности выстроенные замки погибли въ этомъ народномъ наводненіи; а такъ какъ феодальными правами иногда пользовались нѣкоторые разночинцы, то оно постепенно увеличивалось, захватывая все большее пространство. Возстаніе противъ собственности положительно не имѣло границъ. Отъ абатствъ и замковъ оно перешло «къ домамъ простыхъ буржуа». Прежде народъ былъ воля только на крѣпостниковъ, теперь онъ уже озлобился на всѣхъ людей, имѣющихъ хорошее состояніе. Богатые, занимающіеся хлѣбопашествомъ поселяне и деревенскіе священники покидаютъ свои дома и приходы и бѣгутъ въ города, чтобы укрыться отъ преслѣдованій. Съ проѣзжающихъ по большимъ дорогамъ путешественниковъ требуютъ денегъ, подъ угрозой не выпустить ихъ изъ своихъ рукъ, пока они не исполнятъ этого требованія, причемъ главнымъ образомъ пользуются такого рода добычею вожакъ шаекъ, всевозможные воры, контрабандисты и негодяи, уже нѣсколько разъ попадавшіеся подъ судъ. Примѣръ ихъ вызвалъ подражаніе и возбудилъ въ другихъ жадность къ легкой наживѣ подобнымъ способомъ; всѣ повинутыя владѣнія были перевернуты этими разбойниками вверхъ дномъ, такъ какъ, за отсутствіемъ настоящихъ хозяевъ, всякій, кто пришелъ первый, считалъ себя вправѣ распоряжаться тамъ по своему. Такъ, напримѣръ, одинъ сосѣдній арендаторъ увезъ изъ подваловъ покинутаго замка все находившееся тамъ вино, а на другой день пріѣхалъ туда же за сѣномъ. Какой-то замокъ въ Дофинѣ былъ опустошенъ совершенно; изъ него цѣлыми возами вывозили мебель, причемъ не оставили на мѣстѣ даже желѣзныхъ петель въѣздныхъ воротъ. «Это война бѣдныхъ противъ богатыхъ,—такъ говорилъ въ своемъ докладѣ одинъ депутатъ комисиі, присланный въ національное собраніе 3 августа,—нѣтъ пощады никакой собственности, въ чемъ бы она ни состояла». Во Франшъ-Контѣ «около сорока замковъ и помѣщичьихъ домовъ разграблены» или сожжены; на всемъ разстояніи отъ Лангра до Грѣя изъ пяти замковъ среднимъ числомъ оказываются опустошенными три; въ Дофинѣ двадцать семь замковъ были сожжены или разрушены до основанія; пять въ одной маленькой провинціи Вьенуа и, кромѣ того, всѣ монастыри: въ Оверни, по меньшей мѣрѣ, девять, а въ Маконнѣ и Божолѣ, какъ рассказываютъ, семьдесятъ два, не включая въ это число находящихся въ Эльзасѣ. 31 іюля Лалли Толандаль вышелъ на трибуну съ цѣлою массою отчаянныхъ писемъ въ рукахъ, гдѣ за-

ключался перечень тридцати шести сожженныхъ, разграбленныхъ и разрушенныхъ замковъ только въ одной провинціи, а затѣмъ подробности еще худшихъ поступковъ, даже влодѣйствъ, относительно людей: «въ Лангедокѣ де-Баррасъ былъ изрубленъ въ куски, въ глазахъ его жены, находившейся въ послѣднемъ періодѣ беременности, которая тутъ же умерла; въ Нормандіи одинъ разбитый параличомъ помѣщикъ былъ брошенъ въ огонь, откуда его вытащили потомъ съ совершенно обгорѣвшими руками; во Франшъ-Конте помѣщичу де-Батильи заставили отказаться отъ своихъ дворянскихъ грамотъ и отъ всего своего состоянія, подъ угровою лишить ее жизни, такъ какъ уже надъ головою ея занесенъ былъ топоръ для приведенія въ исполненіе этого приговора, въ случаѣ ея отказа; помѣщичу де-Листенэй принудили къ тому же, приставивъ ей вилы къ горлу, при видѣ чего обѣ ея дочери упали безъ чувствъ; графа де-Монжюстена съ женою продержали три часа съ приставленнымъ къ виску дуломъ пистолета, пока производился грабежъ ихъ чемодановъ; потомъ ихъ обоихъ вытащили изъ кареты и собирались уже бросить въ прудъ, если-бы на помощь имъ не явился проходившій мимо полкъ; баронъ де-Монжюстенъ, одинъ изъ двадцати двухъ самыхъ популярныхъ помѣщиковъ, въ продолженіи часа провисѣлъ въ колодцѣ головою внизъ, слушая тѣмъ временемъ переговоры своихъ палачей: утопить ли его сейчасъ же въ колодцѣ, или какимъ нибудь другимъ способомъ лишить его жизни; шевалье д'Амбли былъ схваченъ въ своемъ замкѣ, гдѣ его раздѣли до гола и въ такомъ видѣ потащили въ деревню, выщипали ему волосы и брови, а потомъ бросили его въ навозную яму и принялись плясать вокругъ». Посреди такого полнѣйшаго разложенія общества, при существованіи будто бы какого-то мнимаго правительства, очевидно, что совершалось нашествіе варваровъ, которые закончатъ тероромъ начатое нашествіе, и побѣда которыхъ, подобно нашествію нормановъ въ X и XI вѣкахъ, повлечетъ за собою отнятіе собственности у людей всѣхъ классовъ. Напрасно національная гвардія и часть оставшагося вѣрнымъ своему долгу войска старались удержать первый приливъ этого потока; напрасно національное собраніе готовило для него русло поглубже, чтобы сдержатъ его въ этихъ искусственно созданныхъ берегахъ. Декреты 4 августа и послѣдовавшія затѣмъ постановленія представляли собою не болѣе какъ тонкую паутину, которую протянули поперекъ того потока въ видѣ преграды. Это, конечно, не повело ни къ чему, потому что крестьяне, перетолковывая эти декреты по

своему, считали, что новый законъ даетъ имъ полное право продолжать или возобновлять принятый имъ способъ самоуправства. Они уже прямо не признавали никакихъ, даже самыхъ законныхъ, платежей и оброковъ. «Вчера, такъ пишетъ одинъ оверньскій дворянинъ,—крестьяне заявили намъ, что не хотятъ платить никакихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, и что въ этомъ случаѣ они поступаютъ только по примѣру другихъ провинцій, которыя, по приказанію короля, не платятъ даже и десятой части оброка». А во Франшъ-Конте «большинство сельскихъ общинъ были убѣждены, что не обязаны платить ровно ничего ни королю, ни своимъ помѣщикамъ... вслѣдствіе чего крестьяне принялись уже дѣлить между собою помѣщичьи луга и лѣса». Нужно замѣтить приэтомъ, что грамоты и феодальныя права оставались еще во всей своей неприкосновенности въ большей части Франціи, что крестьянину нужно было во что бы то ни стало уничтожить ихъ, и что онъ всегда былъ вооруженъ. А для того, чтобы новыя крестьянскіе бунты вспыхнули съ еще большею силою, нужно было только, чтобы самая главная, центральная, уже значительно ослабленная узда порвалась совершенно. И этимъ дѣломъ занялись Версалъ и Парижъ, а тамъ, дальше, въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Версалѣ и Парижѣ, одни способствовали осуществленію этого по безразсудству и увлеченію, другіе—по ослѣпленію и нерѣшительности, третьи—по уступчивости, четвертые—насильственными мѣрами, и всѣ вмѣстѣ вели въ одному и тому же концу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Безсиліе начальства и неповиновеніе подчиненныхъ выказывались въ еще большихъ размѣрахъ въ столицѣ, чѣмъ въ провинціяхъ. Въ Парижѣ существовалъ мэръ Бальи, но «съ самаго перваго дня, и какъ будто такъ и слѣдуетъ, находившійся подъ его предсѣдательствомъ муниципальный совѣтъ, т. е. собраніе представителей общины, ввѣлъ привычку управляться самъ собою, совершенно забывая о своемъ начальникѣ». Тамъ существовала центральная власть, муниципальный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ мэра, но «въ то время власть была всюду, за

исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ именно должна была являться господствующая власть; округа отмѣнили ее, но въ то же время удержали на занимаемомъ ею постѣ», причемъ каждый изъ этихъ округовъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто онъ былъ одинъ полнымъ властелиномъ. Существовали также и второстепенныя власти, окружныя комитеты, имѣвшіе у себя по президенту, у котораго есть и секретарь, и бюро, и комисары; но рассказывающіе по улицамъ толпы народа дѣйствовали, не дожидаясь ихъ приказанія, и эта самая, кричавшая подъ ихъ окнами, чернь навязывала имъ свою волю. Однимъ словомъ, какъ говорить самъ Бальи, «всѣ брались за роль начальниковъ и ни одинъ человѣкъ не считалъ себя обязаннымъ повиноваться».

«Представьте себѣ—такъ пишетъ самъ Лустало—такого человѣка, у котораго каждая нога, каждая рука, каждый членъ его тѣла предъявили бы вдругъ свои права на сообразительность и самостоятельность воли въ родѣ того, какъ если-бы одна нога хотѣла ходить, въ то время какъ другая хочетъ отдыхать, когда пищепріемный каналъ отказывался бы проводить пищу въ желудокъ, требующій пищи, когда языкъ начиналъ бы говорить въ то время, когда глаза смыкались отъ одолѣвающего ихъ сна,—и вы получите самое вѣрное понятіе о состояніи, въ какомъ тогда находилась столица. Въ Парижѣ не одна, а цѣлыхъ шестьдесятъ республикъ, «потому что каждый округъ представляетъ собою независимую, отдѣльную власть, которая ни одного полученнаго приказанія не принимаетъ безъ повѣрки, и которая всегда находится въ разладѣ, нерѣдко даже во враждѣ съ властями центра или другихъ округовъ. Каждый округъ принимаетъ доносы, дѣлаетъ распоряженія на счетъ домашнихъ обысковъ, посылаетъ своихъ депутатовъ въ національное собраніе, самовольно рѣшаетъ разные вопросы, расклеиваетъ объявленія по улицамъ не только своего квартала, но даже во всемъ городѣ, а иногда разсылаетъ свои распоряженія и за черту Парижа, считая все подвластнымъ себѣ, и главнымъ образомъ именно то, что всего менѣе подчинено ему». 18 іюля, округъ Пети-Огюстенъ «самъ по себѣ сдѣлалъ постановленіе объ учрежденіи мировыхъ судей и, подъ именемъ трибуновъ, тотчасъ же приступилъ къ выборамъ таковыхъ въ своемъ районѣ и выбралъ на эту должность актера Молэ». 30 числа, округъ Оратуаръ отмѣняетъ амнистію, дарованную въ ратушѣ представителями общины, и посылаетъ двоихъ изъ своихъ членовъ, за тридцать миль отъ Парижа, схватить де-Безанвиля. 19 августа, округъ Назаретъ отправляетъ своихъ комиссаровъ вытребовать и

привезти въ Парижъ оружіе изъ нѣсколькихъ складовъ, находившихся при крѣпостяхъ. Съ самаго начала всё самовольно, каждый отъ своего имени, посылаютъ въ арсеналь, откуда «требуютъ себѣ выдачи гильзъ и пороха въ неограниченномъ количествѣ». Другіе присвоиваютъ себѣ право надзора за дѣйствіями служащихъ въ Отель-де-Виль чиновниковъ и право дѣлать выговоры національному собранію. Округъ Оратуаръ дѣлаетъ у себя постановленіе на счетъ допущенія представителей сельскихъ общинъ въ публичныя мѣста для обсужденія общественныхъ вопросовъ. Округъ Сень-Николя-де-Шанъ противится этому и обращается къ собранію съ просьбою повременить своимъ рѣшеніемъ по этому вопросу. Трудно себѣ представить всю эту путаницу, происходящую отъ постоянныхъ опроверженій и обоюднаго уничтоженія этихъ властей одной другою. Напримѣръ, сегодня Отель-де-Виль захватилъ себѣ пять фуръ съ сукномъ, отправленныхъ куда-то правительствомъ, а округъ Сень-Жерве возстаетъ противъ такого рѣшительнаго присвоенія. Завтра Версаль перехватываетъ обозъ съ зерновымъ хлѣбомъ, предназначившимся для продовольствія Парижа, а Парижъ грозитъ, если ему не возвратятъ этого запаса, пойти противъ Версаля и разгромить его. Я уже считаю излишнимъ приводить здѣсь нѣкоторые комическіе случаи, хотя оущность анархіи и заключается именно въ такомъ смѣшеніи комизма съ трагизмомъ, въ этой общей искалѣченности и ломкѣ, при которыхъ и столица, и наконецъ все государство, получаютъ видъ какой-то безобразной общественной свалки, переходящей въ непервозвратимый развратъ.

Но, при распоряженіяхъ этихъ властей, постоянно находящихся въ столкновеніяхъ между собою, настоящій властелинъ, толпа, выдвигается на первый планъ сама собою. 15 іюля ея первымъ самовольнымъ поступкомъ было взятіе приступомъ Бастиліи, и начальство одобрило такую выходку народа, желая хотя сколько нибудь сохранить за собою нѣкоторый призракъ распоряжающейся власти и предпочитая при этомъ плыть по теченію, если уже нѣтъ возможности имъ руководить. Немного спустя оно распорядилось на счетъ возобновленія взимаемыхъ при проѣздѣ черезъ заставы сборовъ; но вслѣдъ затѣмъ сорокъ челоуѣкъ простыхъ гражданъ явились съ оружіемъ въ рукахъ предупредить свой округъ, что если у заставъ опять появятся сторожа, «то они, съ своей стороны, противъ насилія будутъ также дѣйствовать силою, и если окажется нужнымъ, то даже пустать въ ходъ пушки». На основаніи одного лож-

наго слуха, что будто бы въ абатствѣ Монмартръ находится тайный складъ оружія, игуменью монастыря, де Монтморанси, обвиняютъ въ намѣнѣ и вслѣдъ затѣмъ въ монастырь нахлынула двадцатитысячная народная толпа. Командиръ національной гвардіи и мэръ каждый день ожидали возмущенія; они не смѣютъ никуда отлучиться и со страхомъ рѣшились поѣхать въ Версаль, въ день именинъ короля, для принесенія ему своихъ поздравленій. Какъ только собралась на улицѣ какая нибудь толпа, такъ уже и нужно было ждать вспышки бунта. «Только въ тѣ дни, когда шелъ дождь, я чувствовалъ себя нѣсколько спокойнѣе», такъ говоритъ Бальи. И вотъ подѣ какимъ постояннымъ давленіемъ должна дѣйствовать администрація, такъ что сами избранники народа, самые популярныя и пользующіеся хорошою репутаціею старшины народа, находились во власти бессмысленной толпы, вторгавшейся къ нимъ въ присутственныя мѣста. Въ округѣ Сень-Рокъ, послѣ нѣсколькихъ бесполезныхъ отказовъ, общее собраніе, не смотря на укоры своей совѣсти и на сопротивленіе разсудка, было принуждено распечатать письма, адресованныя на имя: *monsieur*, герцога Орлеанскаго, министровъ военнаго, иностранныхъ дѣлъ и морскаго. Въ комитетѣ общественнаго продовольствія, нѣкто Сюрд, человѣкъ незамѣнимый въ своей должности, на которую его избрало единогласно общественное мнѣніе, подвергся доносу, угрозамъ и оскорбленіямъ, заставившимъ его покинуть Парижъ. За подписаніемъ приказа о перевозкѣ пороха, де-ла-Саль, одинъ изъ самыхъ преданныхъ патріотическому дѣлу дворянъ, едва не былъ убитъ на мѣстѣ; бросившаяся за нимъ въ погоню толпа между тѣмъ привязала веревку къ первому, находившемуся по близости, фонарю, собираясь повѣсить де-ла-Салья; потомъ, ворвавшись въ Отель де-Виль, она выломала всѣ двери, забралась на каланчу, заварачивала даже ковры подѣ столами, заглядывала подѣ ноги избирателей, отыскивая своего злодѣя, и была выпровожена оттуда только отрядомъ явившейся національной гвардіи. Народъ не только изрекалъ приговоры, онъ даже являлся самъ ихъ исполнителемъ и, какъ всегда, поступалъ въ этомъ случаѣ зря, безъ разбора. Въ Сень-Дени, Шатель, помощникъ мэра, которому поручена была раздача муки, сбавилъ, въ ущербъ своему собственному карману, цѣну на хлѣбъ; а 3 августа, въ два часа утра, народъ ворвался къ нему въ домъ, откуда несчастный побѣжалъ на колокольню, чтобы скрыться; но народъ бросился за нимъ туда, задушилъ его, потомъ отрубилъ ему голову,

которую вынесъ къ остальной толпѣ, находившейся на улицѣ. Онъ однакожь взялъ на себя не только роль карателя, но также и милостивца, хотя съ одинаковою разборчивостью. Такъ, напримѣръ, 11 августа, когда въ Версали собирались колесовать какого-то отцеубійцу, народъ закричалъ, что нужно помиловать преступника, и вслѣдъ затѣмъ, освободивъ послѣдняго изъ рукъ палачей, увелъ его прочь. Онъ дѣйствительно распоряжался, какъ властелинъ, но какъ восточный властелинъ, деспотъ-азіатецъ, который самовластно милуетъ или убиваетъ. Одна женщина, возвысившая голосъ противъ такого неумѣстнаго прощенья, была схвачена и была бы навѣрное повѣшена, если бы за нее не вступились другіе. Этотъ новый владыка считаетъ преступленіемъ всякое оскорбленіе, нанесенное его начинающемуся самодержавію. И вслѣдствіе того, передъ нимъ публично и поворно преклоняются. Въ Отель де-Виль, въ присутствіи всѣхъ избирателей и всей публики, первый министръ, испрашивая помилованія де-Безанвилю, выразился слѣдующимъ образомъ: «Передъ самымъ бѣднѣйшимъ, передъ самымъ послѣднимъ изъ парижскихъ гражданъ, я простираюсь ницъ и на колѣняхъ умоляю его о помилованіи». Нѣсколько дней спустя, депутаты національнаго собранія, уже не на словахъ только, а дѣйствительно стали на колѣна, среди улицы, на мостовой, и оставались въ этомъ положеніи долго, простирая руки и со слезами умоляя народъ пощадить жизнь двоихъ людей, изъ которыхъ вымолили однакожь пощадить только одному. Въ этихъ рѣзкихъ чертахъ уже сказывается власть новаго абсолютнаго монарха; такъ что дѣти, являющіяся всегда подражателями взрослыхъ людей, въ тѣхъ поступкахъ, которые у тѣхъ въ наибольшемъ ходу, продѣлывали тоже самое въ мишіатурѣ. Впродолженіи того мѣсяца, который наступилъ послѣ убіенія Бертъе и Фулона, Балли узналъ, что уличные мальчишки устраивали процесіи, въ которыхъ фигурировали двѣ отрубленныя кошачьи головы, насаженныя на колья.

II.

Жалкій владыка, который, со времени признанія всѣми его господства, сталъ бѣдствовать еще болѣе прежняго! Недостатокъ въ хлѣбѣ ощущался въ такой же мѣрѣ, какъ и прежде, и передъ лавочками булочниковъ и хлѣбопекоевъ по прежнему длинною вереницею тянулась масса ожидавшихъ своей очереди

людей. Напрасно Балли съ своимъ комитетомъ продовольствія проводить цѣлыя ночи въ хлопотахъ, это нисколько не измѣняетъ затруднительности положенія. Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, каждое утро, при выдачѣ муки, ее оказывается въ запасѣ не болѣе какъ на одинъ или на два дня впередъ; а при вечерней выдачѣ иногда въ запасѣ не случалось даже необходимаго количества для слѣдующаго утра. Такъ что жизнь жителей столицы зависѣла отъ прибытія хлѣбнаго обоза изъ мѣстностей, находящихся въ десяти, пятнадцать или даже двадцати миляхъ отъ Парижа, и притомъ было неизвѣстно еще, дойдетъ ли этотъ обозъ по назначенію, потому что одинъ изъ такихъ обозовъ, состоявшій изъ двадцати возовъ, былъ разграбленъ, 18 іюля, на руанской дорогѣ, а другой, 4 августа, въ окрестностяхъ Лувье. Если бы не охрана швейцарскаго полка изъ Салиса, который, съ 14 іюля до конца сентября, денно и ночно сопровождалъ барки, нагруженныя хлѣбомъ, то ни одна изъ нихъ не дошла бы изъ Руана въ Парижъ. Жизнь комиссаровъ, которымъ поручены были хлѣбныя закупки и наблюденіе за ихъ отправкою, положительно находилась въ опасности. Тѣ, которые были откомандированы въ Провансъ, попались въ руки народа, и для того, чтобы выручить этихъ несчастныхъ, пришлось послать цѣлый военный отрядъ, съ артилеріей, состоявшій изъ четырехъ-сотъ человекъ. Комисаръ, отправленный въ Руанъ, узналъ, что его собираются повѣсить, если онъ осмѣлится показаться тамъ; въ Мантѣ его телѣжку окружила цѣлая толпа народа, въ глазахъ котораго всякій человекъ, являющійся съ цѣлю вывоза хлѣба, получалъ значеніе общественной язвы; потомъ его заперли въ какомъ-то сараѣ, откуда ему удалось бѣжать и онъ пѣшкомъ возвратился обратно въ Парижъ. Съ самаго начала, какъ это и всегда бываетъ, опасеніе за недостаточный запасъ хлѣба увеличивало самый голодъ, потому что всякій старался заготовить себѣ хлѣба на нѣсколько дней, причемъ даже оказалось однажды, что въ полу-развалившейся избенкѣ какой-то старухи найдены были шестнадцать караваевъ хлѣба, по четыре фунта каждый. Такъ что, вслѣдствіе этого, выдачи, расчитанныя на потребности одного дня, оказывались недостаточными, причемъ люди, пришедшіе позднѣе прочихъ и которые уже должны были становиться въ концѣ хвоста, иногда возвращались домой съ пустыми руками. А съ другой стороны, денежныя вспоможенія, выдаваемые городомъ и государствомъ, для пониженія цѣны на хлѣбъ, сдѣлали то, что хвостъ являющейся за хлѣбомъ толпы все удлинялся, такъ какъ узнавшіе

объ такомъ распоряженіи деревенскіе жители нахлынули въ Парижъ цѣлыми массами и, закупивъ себѣ какъ можно больше хлѣба, возвращались домой обезпеченные на долгое время въ своемъ продовольствіи. Такимъ образомъ, въ Сенъ-Дени, гдѣ цѣна на хлѣбъ понижена была такъ, что онъ продавался по два су за фунтъ, его не хватило для самихъ мѣстныхъ жителей. Къ этой постоянной заботѣ присоединилась еще забота, явившаяся вслѣдствіе остановки разныхъ работъ.

Не только нельзя было быть увѣреннымъ въ томъ, что на будущей недѣлѣ найдется у хлѣбопекоевъ и булочниковъ достаточное количество хлѣба, но въ то время было множество людей, которые были положительно увѣрены, что на будущей недѣлѣ имъ и не на чтò будетъ купить хлѣба.

Съ тѣхъ поръ, какъ ничья жизнь не была ограждена отъ опасности и ничья собственность не обезпечена отъ посторонняго захвата, работа совсѣмъ остановилась. Лишенные своихъ феодальныхъ правъ и, въ довершеніе всего, своихъ арендъ, богатые люди сократили свои расходы; находясь постоянно подъ страхомъ попасть въ руки слѣдственной комисіи, въ ежедневныхъ ожиданіяхъ домашняго обыска, подвергаясь риску предательскаго доноса со стороны своей собственной прислуги, большинство ихъ эмигрировало. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Неккеръ жаловался, что, втеченіи двухъ недѣль, ему пришлось выдать шесть тысячъ заграничныхъ паспортовъ самымъ богатѣйшимъ жителямъ страны.

Въ октябрѣ, знатныя дамы, нашедшія себѣ убѣжище въ Римѣ, пишутъ оттуда, чтобы распустили ихъ домашнюю прислугу и чтобы ихъ дочерей отвезли въ монастырь.

Въ концѣ 1789 года, въ Швейцаріи, какъ говорятъ, было такъ много бѣжавшихъ изъ Франціи людей, что одинъ домъ доставлялъ своему владѣльцу квартирныхъ доходовъ на сумму стоимости самаго дома. вмѣстѣ съ первою группою эмигрантовъ, состоявшею изъ людей, ведшихъ особенно расточительную жизнь, каковы были: графъ д'Артуа, принцъ Конти, герцогъ Бурбонъ и многіе другіе, уѣхали также всѣ богачи-иностранцы, во главѣ которыхъ находилась герцогиня де-л'Инфантадо, тратившая обыкновенно по 800,000 ливровъ въ годъ; такъ что въ Парижѣ осталось всего только трое англичанъ.

Этотъ городъ былъ положительно центромъ роскоши и его можно было назвать европейскою теплицею, гдѣ культивировались всѣ утонченныя и дорого стоящія наслажденія; но однажды стеклянныя рамы ея оказались разбитыми, любители нѣжныхъ,

воспитывавшихся тамъ растений ушли прочь, а растенія гнили въ своей привычной атмосферы, слѣдовательно, не было уже болѣе занятія для тѣхъ рукъ, которыя за ними ухаживали. И эти руки считали себя, въ настоящее время, совершенно счастливыми, если находили себѣ въ благотворительныхъ артеляхъ за бездѣнокъ какую нибудь тяжелую земляную работу! «Я видѣлъ—говорить Балли—пропасть всякихъ содержателей модныхъ магазиновъ, купцовъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, просившихъ, какъ милости, принять ихъ въ число поденщиковъ, получающихъ по двадцати су за свою работу». Возьмите при этомъ въ соображеніе хотя приблизительное количество оставшихся безъ дѣла рукъ въ одной или двухъ корпораціяхъ. Тысячу двѣсти парикмахеровъ нанимали для своихъ заведеній около шести тысячъ рабочихъ рукъ, причемъ изготовкою предметовъ парикмахерской торговли заняты были на дому двѣ тысячи мастеровыхъ; сверхъ этого нужно еще прибавить шесть тысячъ человекъ, исполнявшихъ при ихъ заведеніяхъ всякую черную работу. Корпорація портныхъ состояла изъ тысячи восьмисотъ хозяевъ, имѣвшихъ пять тысячъ работниковъ. «Прибавьте къ этому еще занимающихся этою работою на дому, живущихъ вслѣдствіе особенной протекціи въ Сенъ-Жермэнскомъ и въ Сенъ-Марсельскомъ абатствахъ, помѣщающихся на видныхъ мѣстахъ, въ галереяхъ Тампль, Сенъ-Жанъ де-Латранъ, или, наконецъ, въ отдаленномъ Сенъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ—и во всѣхъ этихъ мѣстахъ окажется, по меньшей мѣрѣ, двѣнадцать тысячъ человекъ, занятыхъ кройкою, примѣриваніемъ, шитьемъ!» Сколько же праздныхъ рукъ оказывалось только въ этихъ двухъ группахъ! Сколько другихъ ремесленниковъ пойдутъ по міру, разныхъ обойщиковъ, басонщиковъ, вышивальщиковъ, вѣрпчиковъ, позолотчиковъ, каретниковъ, переплетчиковъ, граверовъ и всѣхъ прочихъ мастеровыхъ, занятыхъ производствомъ предметовъ роскоши для элегантныхъ парижскихъ жителей! Но даже и у тѣхъ, которые еще имѣли работу, сколько потеряннаго времени, иногда цѣлыхъ дней, проведенныхъ или у дверей лавочки хлѣбопека, или остановокъ при обходѣ патрулей національной гвардіи! Весь этотъ людъ толпился на улицахъ, не смотря на запрещеніе властей Отель де-Вила, и разсуждалъ публично о своемъ бѣдственномъ положеніи: три тысячи, работавшихъ у хозяевъ по найму, портныхъ—возлѣ Колонады; столько же мастеровыхъ, работавшихъ у сапожниковъ, на площади Людовика XV; парикмахерскіе ученики—въ Елисейскихъ поляхъ; четыре тысячи оставшихся безъ мѣста лакеевъ—по близости Лувра; причемъ всѣ они предлагали

свои мѣры, которыя прямо соотвѣтствовали уровню ихъ понятій. Лакеи требовали, чтобы выгнали изъ Парижа всѣхъ савояровъ, которые своими услугами отбивали у нихъ занятіе. Мастеровые изъ портныхъ хотѣли, чтобы имъ установили плату по сорока су въ день, и чтобы доскутнѣямъ, занимавшимся починкою стараго платья, запрещено было шить платью изъ новаго матеріала. Сапожники заявляли такого рода требованіе, что всякій изъ нихъ, кто сошьетъ пару башмаковъ ниже установленной цѣны, долженъ подвергнуться изгнанію изъ отечества. Въ каждой изъ этихъ озлобленныхъ и волнующихся группъ уже крылись зачатки возмущенія; этихъ зачатковъ находилось не мало и во всѣхъ мѣстностяхъ Парижа, какъ, на примѣръ, въ артеляхъ, основанныхъ съ благотворительною цѣлю въ Монмартрѣ, гдѣ собиралось ежедневно до семнадцати тысячъ бѣдняковъ-ролышей; въ рынкѣ Галль, гдѣ булочники хотѣли повѣсить на фонарный столбъ комисара, завѣдывавшаго мучными складами, и непременно хотѣли повѣсить его передъ двумя лавочками своихъ товарищей-хлѣбопекровъ, которыхъ подозревали въ стачкѣ съ нимъ и которыхъ два раза также собирались повѣсить, именно 14 сентября и 5 октября, но тѣ, къ счастью, успѣли скрыться. Въ этой голодной и нищенствующей толпѣ, исполнители казней появлялись все чаще и чаще; и таковыя оказывались въ средѣ дезертировъ, которыхъ число увеличивалось въ каждомъ полку ежедневно и которые иногда за-разъ приходили въ Парижъ партіями, человекъ въ двѣсти пятьдесятъ. Здѣсь «обласканные и угощаемые наперерывъ», получивъ отъ національнаго собранія по 50 ливровъ на человека, обезпеченные отъ имени короля въ безпрепятственномъ пользованіи такимъ задаткомъ, угощаемые городскими частями до отвала, причемъ одна изъ нихъ задолжала 14,000 ливровъ на поставку имъ вина и мозговой колбасы, «они привыкли тратить больше получаемаго ими жалованья», привыкли къ ббльшей свободѣ и распущенности, чѣмъ ихъ товарищи, которыхъ соблазняло такое житіе и которые спѣшили послѣдовать ихъ примѣру. «Въ ночь на 31 іюля, солдаты французской гвардіи, находившіеся въ качествѣ караула при особѣ короля въ Версали, ушли самовольно съ своего дежурства въ Парижъ, безъ офицеровъ, захвативъ съ собою оружіе и всѣ свои пожитки, на томъ основаніи, что они также хотятъ получить отъ города Парижа свою часть угощенія, которымъ пользуются ихъ товарищи». Въ началѣ сентября уже насчитывали до шестнадцати тысячъ подобнаго рода дезертировъ. Они-то именно и являлись

во главѣ людей, совершавшихъ убійства; и это нисколько не удивительно, стоитъ только вспомнить ихъ среду, ихъ воспитаніе, ихъ нравы. Солдатъ королевскаго полка, а никто другой, распоролъ животъ и вырвалъ сердце у Бертъе. Трое же солдатъ прованскаго полка ворвались въ домъ Шателя, въ Сень-Дени, и отрубивъ ему голову, носили ее по улицамъ. Затѣмъ, опять-таки швейцарскіе солдаты убили, въ Пасси, выстрѣломъ изъ ружья начальника объѣздной команды. Ихъ главная квартира находилась въ Пале-Рояль, среди публичныхъ женщинъ, съ которыми они занимались однимъ и тѣмъ же ремесломъ, и среди агитаторовъ, которые передавали имъ условный пароль для дальнѣйшихъ дѣйствій. Съ этихъ поръ все стало зависѣть отъ подобныхъ паролей, и достаточно было взглянуть на этихъ новыхъ вожаковъ народа, чтобы угадать, чего именно должно ожидать впоследствии.

III.

Администраторы и члены окружныхъ собраній, двигатели дѣйствій кордегардіи, распорядители въ мірѣ кофейнъ разныхъ кружковъ и всѣхъ публичныхъ мѣстъ, сочинители брошюръ и основатели газетъ, расплодился какъ масса жужжащихъ насекомыхъ въ ночь передъ грозой. Съ 14 іюля цѣлыя тысячи разныхъ официальныхъ мѣстъ и поприщъ открылись для людей съ безпредѣльнымъ честолюбіемъ; «прокуроры, клерки нотаріусовъ, артисты, купцы, сидѣльцы мелочныхъ лавокъ, актеры», и въ особенности адвокаты, всѣ вдругъ захотѣли сдѣлаться или чиновникомъ, или администраторомъ, или совѣтникомъ, или министромъ при новомъ царствованіи; а газеты, появившіяся на свѣтъ цѣлыми десятками, представляли собою какъ-бы постоянную каеэдру, съ которой эти декламаторы льстили народу въ видахъ своей личной выгоды.

Попавъ въ такія руки, философія оказывалась какъ-бы пародіею на саму себя, пустота которой могла равняться только злонамѣренности и непостижимому ея успѣху. Въ шестидесяти окружныхъ собраніяхъ адвокаты развивали въ напыщенныхъ выраженіяхъ догматы революціоннаго катехизиса. Нѣкоторые изъ нихъ, забывъ всякую умѣренность въ словахъ, приступали прямо къ обсужденію системы государственнаго устройства, указывая на цѣлый рядъ, собственнаго измышленія, законодательныхъ мѣръ, поражая своимъ неистощимымъ краснобайствомъ

слушавшую ихъ толпу, которая, схватывая на-лету пущенныя на ея счетъ похвалы, убѣждалась, что она дѣйствительно обладаетъ всевозможными способностями и совершенно законнымъ образомъ можетъ присвоивать себѣ всякія права. «Когда одинъ изъ таковаго сорта людей еще только собирался говорить, — такъ передавалъ впослѣдствіи одинъ хладнокровный очевидецъ, — то мы заранѣе могли быть увѣрены, что на насъ польется цѣлый потокъ изреченій и цитатъ, хотя-бы по поводу уличныхъ фонарей, или лавчонки, въ которой какая нибудь старуха торговала разными сушеными травами. Его сильный, могучій голосъ положительно потрясалъ своды зданія, и когда, проговоривъ такимъ образомъ часа два, онъ останавливался, чтобы перевести духъ, то въ толпѣ начинались неумолкаемые крики удивленія и восторга, доходившіе до иступленія. Самъ ораторъ тогда навѣрное считалъ себя равнымъ Мирабо, а слушатели воображали себя членами конституціоннаго собранія, рѣшающими судьбы Франціи». Въ газетахъ и въ брошюрахъ господствовалъ тотъ же тонъ и тѣ же самыя приемы. Всѣ мозги охвачены были тогда туманомъ гордости и пышныхъ словъ, такъ что человѣкъ, бредъ котораго доходилъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, считался корифеемъ толпы, которую онъ, такимъ образомъ, подзадоривалъ, давая направленіе ея эгалитированному состоянію.

Обратите вниманіе на самыхъ главныхъ, на самыхъ популярнѣйшихъ вождей народа: это все высохшіе или недозрѣвшіе плоды литературы и адвокатуры. Каждое утро, газеты предлагали ихъ публикѣ, какъ выставленный для продажи товаръ, и если на нихъ оказывался спросъ со стороны распаленнаго покупателя, то, именно, ради ислаго или прожислаго ихъ вкуса. Ни одной здравой политической идеи не зарождалось въ ихъ неопытныхъ или пустыхъ головахъ, никакого дѣйствительнаго знанія, никакой практической опытности. Демулону двадцать девять лѣтъ, Лустало двадцать семь, и весь ихъ баластъ знаній заключался въ поверхностныхъ и на половину уже испарившихся свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ на ученической скамьѣ, при посѣщеніи лекцій въ школахъ правъ, или въ общихъ мѣстахъ, выхваченныхъ кое-гдѣ у Рейналя и ему подобныхъ господъ.

Что же касается Бриссо и Марата, этихъ заносчивыхъ недоучекъ, то они изучали Францію и остальную Европу единственно лишь изъ крохотнаго оконца своей мансарды и сквозь очки созданныхъ ихъ воображеніемъ утопій. Такіе неразвитые или свихнувшіеся умы, разумѣется, считали все, о чемъ говорится въ «*Contra-Social*», за евангельскія истины, потому что

авторъ его сводитъ науку политики единственно лишь къ точному примѣненію элементарной аксіомы, что уже собственно избавляло ихъ самихъ отъ труда изучать эту науку, и что, отдавая общество въ распоряженіе народа, непременно отдаетъ его въ ихъ собственныя руки. Именно ради этой цѣли они и разрушали остатки его, толкая массу къ уравниенію всего до тѣхъ поръ, пока не срютъ этихъ развалинъ до основанія. «Къ моимъ принципамъ—такъ пишетъ Демуланъ—присоединилось еще удовольствіе стать на свое мѣсто, чтобы доказать мою силу тѣмъ, которые пренебрегали мною, и чтобы низвести на одинъ уровень со мною тѣхъ, кого счастье или богатство поставили выше меня. Мой девизъ есть девизъ всѣхъ честныхъ людей: не нужно ни начальства, ни чьего бы-то ни было превосходства». И такъ, прикрываясь великимъ именемъ свободы, всякая тщеславная личность выискиваетъ средства для своей мести, намѣчая при этомъ своихъ жертвъ. Нѣтъ ничего проще, пріятнѣе и естественнѣе, какъ оправдывать свои страсти своею теоріею, будучи бунтовщикомъ—считать себя патриотомъ, и прикрывать виды своего честолюбія пользою для всего рода человѣческаго. Нужно только знать, чѣмъ были эти руководители мнѣній, жившіе въ меблированныхъ комнатахъ три мѣсяца тому назадъ: Демуланъ—адвокатъ безъ практики, весь по уши въ долгахъ, существовавшій кое-какъ на сумму нѣсколькихъ лундоровъ, выклянченныхъ у своихъ родителей; Лустало, еще болѣе темная личность, поступилъ въ предшествовавшемъ году въ бордоскій парламентъ и потомъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы избрать себѣ подходящую карьеру; Дантонъ, второстепенный адвокатъ, вышедшій изъ какой-то труппы Шампани, занявшій даже денегъ на взносъ залога для поступленія въ корпорацію адвокатовъ, перебивавшійся въ своей домашней жизни кое-какъ на одинъ лундоръ въ недѣлю, выдаваемый ему тестемъ-кондитеромъ; Бриссо, праздношатавшійся, неприютный скиталецъ, служившій прежде разсылнымъ у разныхъ литературныхъ бездарностей, побывавшихъ чужимъ матеріаломъ, человѣкъ, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ мыкавшійся по разнымъ странамъ, но изъ поѣздокъ своихъ въ Англию и Америку воротившійся только съ голыми локтями и съ ложными идеями; наконецъ, Марать, освищенный писатель, неудавшійся ученый, недоросль-философъ, обманщикъ, выдавшій чужіе научныя труды за свои собственные и уличенный въ этомъ явномъ подлогѣ публично професоромъ естественныхъ наукъ Шарлемъ, спустившійся съ облаковъ своего непомирнаго честолюбія на низкую должность помощника ветерина-

нара при конюшняхъ графа д'Артуа. А теперь Дантонъ былъ предсѣдателемъ въ Корделье, могъ въ своемъ округѣ велѣть арестовать, кого ему вздумается, причемъ жестокость его рѣшеній, зычность его голоса давали ему, въ ожиданіи лучшаго, господство и роль правителя въ его кварталѣ. Маратъ сказалъ только одно слово, что нужно убить въ Канѣ маіора Бельзюкса, и приказаніе это было немедленно приведено въ исполненіе. Демуланъ сообщаетъ, съ торжествующею улыбкою на устахъ, «что большая часть жителей столицы называютъ его однимъ изъ главныхъ вожаковъ революціи, а многіе говорятъ даже, что онъ именно и произвелъ ее». Будучи подняты такъ высоко и такъ быстро движеніемъ коромысла на чашкѣ вѣсовъ, неужели они не захотятъ удержать этотъ подъемъ, а опуститься? Нѣтъ, они очевидно будутъ, съ своей стороны, способствовать всѣми силами въ еще болшему поднятію коромысла до самой крайней степени высоты. А тамъ, какъ извѣстно, голова невольно кружится; при такомъ случайномъ поднятіи на воздухъ имъ кажется, что они падаютъ, что вызываетъ у нихъ крикъ негодованія и ужаса; имъ всюду чудятся злоумышленія, имъ кажется, что какія-то невидимыя веревки тащутъ ихъ назадъ, и они кричатъ народу, чтобы онъ скорѣе перерубилъ эти веревки. Всею тяжестью своей неопытности, своей неспособности, своей непредусмотрительности, своего страха, своего суевѣрія, своего догматическаго упорства они напираютъ на народъ, толкая его къ разнаго рода насиліямъ, такъ что всѣ ихъ рѣчи и статьи могутъ быть резюмированы въ одной слѣдующей фразѣ: «Народъ, т. е. вся слушающая меня уличная толпа, у тебя есть враги—дворъ и аристократы, но у тебя есть также подвластные тебѣ люди, засѣдающіе въ Отель-де-Виль и въ національномъ собраніи! Учини падъ своими врагами расправу, строгую расправу; всѣхъ ихъ слѣдуетъ повѣсить! И возьми построже въ руки твоихъ подчиненныхъ, заставивъ ихъ дѣйствовать сообразно твоей волѣ».

Дантонъ далъ себѣ названіе «главнаго прокурора висѣлицы» и заявилъ, что сожалѣетъ объ убійствѣ Фулона и Бертье лишь въ томъ отношеніи, «что заслуженная ими казнь была совершена слишкомъ быстро, и что такая поспѣшность помѣшала открытію другихъ уликъ существовавшаго заговора», вслѣдствіе чего изъ рукъ правосудія ускользнуло много измѣнниковъ, которыхъ онъ самъ тутъ же называлъ, человекъ двадцать, случайно, нисколько не заботясь о томъ, на праваго или на дѣйствительно виноватаго падало его обвиненіе; прибавивъ при этомъ:

«мы ходимъ въ потемкахъ, поэтому, нужно чтобы вѣрныя собаки лаяли безъ разбора на всѣхъ прохожихъ, для внушенія страха ворами». Съ этого же времени, Марать указывала народу, какъ на предателей, и обвиняла: короля, министровъ, всю администрацію, судебныя, финансовыя учрежденія, сословіе адвокатовъ, академіи, стараясь увѣрить, «что все это люди подозрительныя»; во всякомъ случаѣ, если народъ бѣдствуетъ, то причиною тому они. «Вѣдь само правительство скупаетъ зерновой хлѣбъ, чтобы продавать его намъ съ подмѣскою отравы!» Другая каверза правительства, по его словамъ, заключалась въ томъ, что оно будто бы нарочно старается держать Парижъ какъ-бы въ блокадѣ, для того, чтобы легче было уморить его жителей голодомъ. Такія слова, произнесенныя въ такое время и брошенныя на вѣтеръ, какъ пожарныя головни, въ объятую ужасомъ голодную толпу, воспаляли ее въ еще болѣшему остервенѣнію и жестокости. И этой самой голодной, потерявшей всякую сообразительность толпѣ, агитаторы и журналисты безпрестанно твердили, что нужно дѣйствовать, — дѣйствовать наравнѣ съ правительственною властью, а если понадобится, то и противъ нея, т. е., говоря другими словами: будемъ дѣлать, что намъ вздумается; мы единственные законные владыки; «въ хорошо устроенномъ государствѣ, настоящимъ верховнымъ владыкою долженъ быть народъ, состоящій изъ разныхъ корпорацій»; мы избираемъ изъ среды себя депутатовъ для того, чтобы они были исполнителями нашей воли, «такъ по какому же праву глина перестала бы поддаваться рукамъ горшечника!»

Затѣмъ, этотъ шумный клубъ, засѣдавшій въ Палѣ Рояль, хотѣлъ замѣнить собою собраніе, находившееся въ Версали, утверждая, что онъ имѣетъ на то всѣ права. Вѣдь собственно Палѣ-Рояль «спасъ націю» въ ночь съ 12 на 13 іюля. «Вѣдь въ немъ собирались ораторы и сочинялись брошюры, которыя развили у всѣхъ, даже у солдатъ, «философскія» воззрѣнія!» Слѣдовательно, его нужно считать гнѣздомъ патріотизма, «мѣстомъ сходокъ избранныхъ патріотовъ», провинціаловъ и парижанъ, которые всѣ имѣютъ право подавать свой голосъ, но не могутъ или не хотятъ пользоваться имъ въ своемъ округѣ. «Будетъ гораздо короче приходить для этого въ Палѣ-Рояль. Тамъ не нужно спрашивать разрѣшенія предсѣдателя, чтобы говорить, или ждать свою очередь по два часа. Всякій приходитъ и прямо заявляетъ свое предложеніе: если оно найдетъ себѣ поддержку, то ораторъ становится на стулъ и оттуда высказываетъ свою мысль. Если она будетъ встрѣчена одобреніемъ,

то онъ тотчасъ же облакаетъ ее въ опредѣленную форму. Если же его освищутъ, то онъ уходитъ прочь. Это всегда такъ дѣлалось у римлянъ». И вотъ вамъ обращенъ національнаго собранія, которое уже, конечно, несравненно лучше, чѣмъ то, другое, полуфеодалное, гдѣ натолкано «болѣе шестисотъ человѣкъ депутатовъ отъ духовенства и дворянства», которымъ не для чего совать свой носъ, потому что «мѣсто ихъ должно быть на галереяхъ». Поэтому нужно, чтобы это новое собраніе, состоящее изъ свѣжихъ силъ, подчинило себѣ прежнее, гнилое, и, на основаніи такихъ соображеній, «публика, посѣщающая кафе Фуа, намѣревается управлять Франціею».

IV.

30 іюля, актеръ, исполнявшій въ балаганахъ роль арлекина и произведшій возмущеніе въ Руанѣ, былъ арестованъ, «и въ Палэ-Роялѣ открыто заговорили о томъ, что нужно идти всею толпою, требовать его освобожденія». 1 августа, Туре, котораго умѣренная партія собранія выбрала предсѣдателемъ, принужденъ былъ отказаться отъ этой обязанности, вслѣдствіе того, что Палэ-Рояль пригрозилъ присылкою цѣлой толпы, которая покончитъ съ нимъ и съ тѣми, кто подавалъ за него свой голосъ, причемъ уже стали раздавать народу списки лицъ, приговоренныхъ къ изгнанію, и въ число которыхъ занесены были имена нѣкоторыхъ депутатовъ. Начиная съ этой минуты, при обсужденіи всѣхъ крупныхъ вопросовъ, какъ-то: уничтоженіе феодальнаго управленія, отмѣна десятиннаго сбора, объявленіе правъ человѣка, учрежденіе двухъ палатъ, veto короля, внѣшнее давленіе оказывало свое вліяніе, вслѣдствіе котораго, не смотря на отказъ признать объявленіе правъ, состоявшійся на секретномъ засѣданіи въ двадцати восьми бюро изъ тридцати, оно было настоятельно потребовано трибунами на публичномъ засѣданіи и было утверждено большинствомъ голосовъ. Какъ и до 14 іюля, если еще не въ большей степени, два рода принудительныхъ мѣръ оказывали свое вліяніе на подачу голосовъ, со стороны господствующей группы мятежниковъ, которые душили обѣими руками за горло всѣхъ, кто пытался имъ противорѣчить.

Одни изъ этихъ мятежниковъ, цѣлыми толпами и постоянно въ одномъ и томъ же составѣ, наполняли галереи, «выступая дѣйствующими лицами въ количествѣ пяти или шестисотъ че-

ловѣкъ», и роль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы, по условленному знаку или слову, поднимать неистовый крикъ. Большинство этой толпы составляли французскіе гвардейцы, переодѣтые въ партикулярное платье, и которыхъ смѣняли другія ихъ товарищи; они заранее спрашивали своего любимаго депутата «въ которомъ часу приходить, если все пойдетъ у нихъ хорошо и если они останутся довольны скуфейниками и аристократами». Другая группа состояла изъ уличныхъ женщинъ, подъ предводительствомъ Тэруанъ де-Мерикуръ, куртизанки съ мужскими манерами, которая распредѣляла мѣста и подавала сигналъ къ свистамъ, или хлопанью въ ладоши. При обсужденіи королевскаго veto, публично и въ самомъ разгарѣ дебатовъ, «на депутатовъ съ галерей сыплются аплодисменты, или ругательства, смотря по тому, какое слово произнесутъ они: задерживающій или неопредѣленный. Крики эти, наконецъ, превратились въ угрозы,—какъ говорить одинъ изъ депутатовъ,— «и нѣкоторые изъ нихъ произносились возлѣ меня почти надъ самымъ ухомъ». Угрозы эти опять повторились при выходѣ. «Лакеи, которыхъ господа прогнали отъ себя за негодность, дезертиры, женщины, одѣтыя въ какія-то лохмотья, сулятъ непокорнымъ висѣлицу» и подступаютъ къ нимъ съ сжатыми кулаками. Въ самой залѣ, даже съ еще большимъ усердіемъ, чѣмъ 14 іюля, «переписываютъ этихъ господъ по именамъ, и эти списки, переданные народу, доставляются имъ въ Пале-Рояль, который уже въ свою очередь разсылаетъ ихъ, въ письмахъ и газетахъ, по провинціямъ». Другая принудительная мѣра заключалась въ томъ, что всякій депутатъ за свое вотированіе отвѣчалъ въ Парижѣ своею собственною жизнью, а въ провинціи за это могла поплатиться жизнью его семья. Члены прежняго средняго сословія откровенно сознаются, что они отказываются отъ проекта двухъ палатъ, потому что «не желаютъ подвергать своихъ женъ и дѣтей перспективѣ быть зарѣзанными». 30 августа, для окончательнаго приведенія собранія къ повиновенію, Сентъ-Гюрюгъ, самый ярый крикунъ въ Пале-Рояль, беретъ съ собою полторы тысячи челоѣкъ и отправляется въ Версаль, тамъ какъ засѣдающій въ саду клубъ, съ высоты своего величія, знанія, неподкупной честности и составленной ему репутаціи о его полнѣйшей непогрѣшимости, рѣшилъ, «что нужно прогнать непонимающихъ дѣла, развращенныхъ и подозрительныхъ депутатовъ». А что они таковы, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что они защищаютъ королевскую санкцію; ихъ всѣхъ, болѣе шестисотъ, изъ числа которыхъ сто

двадцать человекъ депутатовъ, присланныхъ отъ общинъ, которыхъ нужно прежде прогнать, а потомъ уже предать суду. Между тѣмъ, ихъ предупреждаютъ и въ томъ числѣ также епископа лангскаго, председателя собранія, что: «полторы тысячи человекъ уже готовы, чтобы устроить освѣщеніе въ замкахъ депутатовъ, а въ нашемъ въ особенности, ваше высокопреподобіе!» А для большаго поясненія, секретарей собранія увѣдомили письменно, «что двѣ тысячи писемъ» будутъ немедленно отправлены въ провинціи, съ тѣмъ, чтобы сообщить народу о недостойномъ поведеніи депутатовъ. «Ваши дома отвѣтять за ваши мнѣнія; припомните это и спасайтесь, пока вы сами пѣлы!» Наконецъ, на слѣдующій день, 1 августа, пять депутацій Палэ-Рояля, изъ которыхъ одна подъ предводительствомъ Лусталд, приходили по очереди въ Отель де-Виль, съ требованіемъ велѣть бить въ барабанъ для созванія гражданъ, чтобы обновить составъ депутатовъ и ихъ полномочія и чтобы взять съ національнаго собранія слово въ томъ, что оно остановитъ дальнѣйшія обсужденія королевскаго veto до того времени, пока на этотъ счетъ не выскажутся городскіе округа и провинціи; они основывались на томъ внутреннемъ убѣжденіи, что единственный властелинъ, единственный справедливый судья — народъ, всегда вправѣ прогнать прежнихъ депутатовъ и дать свои инструкціи новымъ, какъ своимъ слугамъ. А 2 августа, для большаго поясненія своихъ словъ, новые уполномоченные Палэ-Рояля захотѣли поддерѣпить ихъ своими дѣйствіями; будучи допущены къ представителямъ нижней палаты, они заявили имъ, простымъ жестомъ, обхвативъ двумя пальцами шею, что если они не сдѣлаютъ того, что имъ приказано, то будутъ непременно повѣшены.

Послѣ этого, хотя національное собраніе и старалось выказать, насколько оно возмущено такимъ поступкомъ, объявляя, что оно насколько не боится этихъ угрозъ, и доказывая свою полнѣйшую независимость, но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе случившагося все-таки осталось. «Болѣе трехсотъ членовъ палаты общинъ — такъ пишетъ Мунье — рѣшились самымъ положительнымъ образомъ поддерживать безусловно королевское veto». Но по простествіи десяти дней многіе отступились отъ своего намѣренія, и нѣкоторые прямо изъ преданности къ королю, потому что боялись «общаго возстанія» и не желали подвергать опасности жизнь королевскаго семейства. Но подобнаго рода уступки повлекли только къ еще болѣе большимъ вымогательствамъ, такъ какъ уличные политики теперь на опытъ убѣдились въ томъ, что значить грубое

насиліе надъ законною властью. Ободренные своимъ успѣхомъ и безнаказанностью, они сравниваютъ свою силу съ ея слабостью. Еще одинъ натискъ — и они будутъ полными, безспорными властелинами. Такимъ образомъ, для людей проникательныхъ исходъ этотъ очевиденъ. Когда ораторствующая на уличныхъ перекресткахъ сволочь и простой народъ, убѣдившись однажды въ превосходствѣ своего ума и здраваго смысла, навязываютъ всѣмъ и каждому свои постановленія посредствомъ силы и крѣпости своей глотки, своихъ кулаковъ и своихъ дубинъ, то въ минуту примѣненія этихъ постановленій, знаніе, здравый смыслъ, хладнокровіе, сообразительность, разсудокъ уже оказываются изгнанными изъ людскихъ дѣйствій и все клонится къ погибели, всё стоитъ какъ-бы на краю пропасти. Мирабо, сторонникъ сохранения за королемъ пожизненнаго запретительнаго права, былъ окруженъ цѣлою толпою, которая со слезами умоляла его отказаться отъ такой поддержки въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ваше сіятельство, если король сохранитъ за собою это право, тогда національное собраніе уже ни къ чему не послужитъ и мы останемся рабами». Когда толпу охватило такое настроеніе, то слѣдуетъ все считать потеряннымъ. Уже въ концѣ сентября Мирабо повторилъ нѣсколько разъ графу де-ла-Марку слѣдующія слова: «Да, теперь все кончено; король и королева погибнуть и вы увидите, что народъ, убивъ ихъ, надругается даже надъ ихъ трупами». А восемь дней спустя, противъ короля и королевы, противъ національнаго собранія и не только существующаго правительства, но противъ всякаго правительства вообще, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, разразилась народная буря въ дни 5 и 6 октября; партія насилія, въ то время господствовавшая въ Парижѣ, завладѣла совершенно правителями Франціи, чтобы удержать ихъ у себя на глазахъ и подъ своимъ надзоромъ, для того, чтобы увѣнчать свои переменяющіяся преступленія цѣлымъ рядомъ постоянно совершаемыхъ преступленій.

V.

И въ этотъ разъ, два различныя теченія слились въ одинъ стремительный потокъ, который, несъ эту толпу къ одной и той же цѣли. Съ одной стороны, ее увлекали побужденія голода и отчаяніе женщинъ при такомъ ужасномъ бѣдствіи: если нѣтъ хлѣба въ Парижѣ, то пойдемъ требовать его

въ Версалѣ; когда король, королева и дофинъ очутятся посреди насъ, то они поневолѣ должны будутъ кормить насъ; мы заставимъ воротиться сюда «булочника, булочницу и маленькаго хлѣбника». Съ другой стороны, ее увлекали распаленные мозги и люди, жаждавшіе господства: если наше тамошнее начальство не слушается насъ, то мы пойдемъ туда и принудимъ его къ повиновенію въ самой залѣ присутствія; король все придирается къ нашимъ требованіямъ конституціи и правъ человѣка, такъ пускай же теперь утвердить ихъ; его гвардейцы отказываются носить нашу кокарду, такъ мы насильно заставимъ ихъ принять ее; его хотятъ увести въ Мецъ, такъ пускай воротится теперь въ Парижъ, гдѣ, находясь у насъ на глазахъ и въ нашихъ рукахъ, вмѣстѣ съ собраніемъ, которое ковыляетъ вслѣдъ за нимъ, онъ пойдетъ по указанному пути прямо и скоро, а за нимъ и собраніе волею-неволею будетъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ. И подъ напильномъ подобнаго рода мыслей начались приготовленія къ предполагаемой экспедиціи, о которой уже за десять дней впередъ публично говорили въ Версалѣ. 4 октября въ Парижѣ это предложеніе сдѣлано было одною женщиною въ Пале-Рояль; Дантонъ своимъ зычнымъ голосомъ ричить объ этомъ въ Корделье; Маратъ «одинъ, лично, поднятъ больше гвалта, чѣмъ всѣ четыре апокалипсическія трубы, сзывающія людей на страшный судъ»; Лустало письменно требуетъ «второго приступа революціи». Демуленъ повѣствуетъ объ этомъ періодѣ такъ: «Цѣлый день прѣшелъ въ совѣщаніяхъ въ Пале-Рояль, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, на всѣхъ мостахъ, на всѣхъ набережныхъ... въ отбирани гдѣ попало одноцвѣтныхъ кокардъ, которыя срывались, попирались ногами, съ угрозами повѣшенія на первомъ уличномъ фонарѣ тому, кто вздумалъ бы опять надѣть ее, причемъ одного военного чуть не убили, когда онъ хотѣлъ снова привѣрнуть къ своей фуражкѣ сорванную кокарду; на него замахнулось нѣсколько десятковъ вооруженныхъ дубинами руеъ, готовившихся разможить ему голову, что, разумѣется, отняло у него всякую охоту отстаивать свое право». Всѣ эти симптомы предвѣщали кризисъ; на этомъ колоссальномъ, страдающемъ отъ боли и находившемся въ горячечномъ состояніи тѣлѣ образовался огромный нарывъ, готовившійся прорваться.

Но, какъ и всегда, гнойное свищленіе сововъ находилось внутри самаго организма, причемъ стержень этого нарыва образовался изъ самыхъ зловредныхъ страстей и изъ самыхъ гнусныхъ побужденій. Тутъ привлечена была къ участію даже вся

самая отвратительная сволочь обеих половъ, относительно которой былъ пущенъ въ ходъ денежный подкупъ. Было ли это дѣломъ подначальныхъ интригановъ, эксплуатировавшихъ вожделѣнія слабохарактернаго герцога Орлеанскаго, у котораго они выманили нѣсколько миліоновъ подъ тѣмъ предлогомъ, что доставятъ ему постъ генералиссимуса всѣхъ войскъ королевства? было ли это просто дѣломъ фанатиковъ, которые, съ конца апрѣля, сговорились развратить солдатъ, сформировать изъ нихъ шайки разбойниковъ, чтобы все скрыть до основанія, все уничтожить? но такъ или иначе, эти Маміавели публичныхъ мѣстъ и всякихъ притоновъ сумѣли однакожь взбунтовать также всѣхъ спившихся съ круга оборванцевъ и уличныхъ дѣвокъ. Съ перваго же дня, когда фландрскій полкъ пришелъ занять караулъ въ Версаль, на него успѣли повліять женщинами дурнаго поведенія и денежнымъ подкупомъ. Съ этою цѣлью туда было отправлено шестьдесятъ такого рода женщинъ, а французскіе гвардейцы предложили своимъ новымъ товарищамъ угостить ихъ виномъ на собственный счетъ, пригласивъ ихъ для этого въ Палэ-Рояль, причемъ трое изъ нихъ, воротясь въ Версаль, показывали всѣмъ и каждому полученныя ими деньги мелкою монетою на сумму шесть ливровъ и пріятномъ говорили: «какъ пріятно, право, побывать въ Парижѣ, отсюда всегда возвращаешься съ деньгами!» Такимъ образомъ заранѣе была устранена всякая возможность сопротивленія. Что же касается до самаго способа нападенія, то въ авангардѣ рѣшились послать женщинъ, въ которыхъ не рѣшатся стрѣлять; но для подкрѣпленія такого авангарда въ его рядахъ оказалось множество мушницъ въ женскомъ платьѣ, такъ что, взглянувъшисъ попристальнѣе, ихъ сейчасъ же можно было узнать, не смотря на румяна, по ихъ дурно выбритымъ бородамъ, по ихъ голосу, по ихъ походкѣ.

Подборъ всей этой сволочи, какъ мушницъ, такъ и женщинъ, не трудно было сдѣлать; стоило только для того зайти въ Палэ-Рояль, гдѣ всегда было множество публичныхъ женщинъ и ихъ любовниковъ солдатъ-перебѣжчиковъ, которые вѣроатно и облеклись во вторую перемѣну платья своихъ пріятельницъ; а ночью они, конечно, вмѣстѣ съ ними будутъ находиться на общей сходкѣ, въ національномъ собраніи, гдѣ расположатся на скамейкахъ, какъ у себя дома. По крайней мѣрѣ, первый отрядъ, выступившій въ походъ, былъ таковъ, въ нарядѣ и въ настроеніи шумнаго веселья, соответствовавшемъ ихъ ремеслу. «Вдлѣнная часть этихъ женщинъ были молодыя, одѣтыя въ бѣлыя платья, вычурно причесанныя и напудренные, съ вызывающимъ

видомъ»; многія изъ нихъ даже «громко хохотали, пѣли пѣсни и приплясывали», какъ будто шли гулять за городъ. Три или четыре изъ нихъ были всякому извѣстны по имени и одна изъ нихъ помахиwała саблею, а другая, шедшая рядомъ съ нею, была знаменитая Теруанъ. Маделена Шабри, прозванная всѣми Луизонъ, которую онѣ выбрали изъ среды себя для переговоровъ съ королемъ, была хорошенъкая гризетка, продававшая букеты цвѣтовъ и торговавшая, безъ сомнѣнн, еще чѣмъ нибудь другимъ въ Пале-Рояль. Нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, играли первенствующую роль на избранномъ ими поприщѣ, потому что держали себя уже гораздо приличнѣе, имѣя нѣкоторое понятіе о свѣтовомъ обращенн; говорили даже, что въ числѣ ихъ Шамфоръ и Лакло послали своихъ любовницъ. Прибавьте къ этому еще разныхъ прачекъ, нищихъ, босоногихъ моденьницъ, рыбныхъ торговцевъ, подкупленныхъ уже за нѣсколько дней впередъ. Таково первое ядро этого отряда, который постепенно увеличивался, потому что онѣ волею-неволею забирали на своемъ пути всѣхъ попадавшихся на глаза женщинъ, привратницъ, швей, свеножокъ и даже живущихъ своимъ домомъ хозяекъ изъ буржуазн, къ которымъ заходили и грозили обрѣзать имъ волосы, если онѣ не пойдутъ сейчасъ же вмѣстѣ съ прочими. Выключая этихъ женщинъ, тутъ находились также праздношатавшиеся голыши-мущины, разбойники, воры, всѣ поддонки, освѣщенн густымъ слоемъ на днѣ Парижа, и которые вслывають навверхъ при малѣйшемъ внѣшнемъ толчекѣ, такъ что ихъ собралась уже порядочная толпа позади женщинъ при самомъ началѣ этого шествн въ Отель-де-Виль. Другія толпы имъ подобныхъ отправились еще послѣ нихъ, вечеромъ или ночью. Потомъ еще такія же толпы уже ожидали ихъ въ Версалѣ. Много такихъ личностей оказалось подкупленными, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Версалѣ, причемъ были очевидцы того, что одинъ, человекъ одѣтый въ грязную, бѣлаго цвѣта куртку, перекидывалъ на своихъ ладоняхъ приторинну золотныхъ и серебряныхъ монетъ, какъ-бы хвастаясь этимъ. И эта взбаламученная тина, смѣшавшись съ широкою волною народнаго потока, появлялась позади, впереди, и какія бы усилн ни дѣлались для того, чтобы заставить ее опять опуститься на дно, она все продолжала подниматься и оставляла свой осадокъ всюду, куда доходило наводненне разлившейся рѣки.

Съ самаго начала, въ Отель де-Виль, первый отрядъ, состоящн изъ четырехсотъ или пятисотъ женщинъ, обнлъ съ поста караулъ, который не хотѣлъ прибѣгнуть противъ нихъ

къ помощи штыковъ. Послѣ этого онѣ разбрелись по заламъ и хотѣли сжечь всѣ дѣловые документы, крича, что вся эта исписанная бумага ничего не стоитъ, потому что никто ничего не дѣлалъ съ самаго начала революціи. За ними кинулась толпа мушницъ, которые ломались въ двери и бросились грабить находившіяся при ратушѣ склады оружія. Двѣсти тысячъ франковъ въ билетахъ были украдены изъ кассы, или исчезли неизвѣстно куда; нѣкоторые изъ этихъ разбойниковъ уже подожгли шкафы съ бумагами, другіе повѣсили на кричкѣ потолка одного абата, котораго впрочемъ успѣли въ скоромъ времени вынуть изъ петли, а также потушили начавшійся пожаръ; но это была лишь только интермедія народной драмы. Между тѣмъ, на площади Гравъ, толпа женщинъ все увеличивалась, причемъ они, не умолкая, кричали: «Хлѣба!» и «въ Версаль!» Одинъ изъ участвовавшихъ во взятіи Бастиліи, привратникъ Мальяръ, предлагаетъ имъ свои услуги въ качествѣ ихъ предводителя; на это соглашаются и онъ начинаетъ бить въ барабанъ; при выходѣ изъ Парижа, его сопровождаютъ уже семь или восемь тысячъ женщинъ, въ которымъ присоединилось еще нѣсколько сотенъ мушницъ, но во время пути въ Версаль ему удалось все-таки, хотя съ большимъ трудомъ, поддержать нѣкоторый порядокъ въ этой сборнои толпѣ. Но такъ какъ это именно сборная толпа, представляющая собою грубую силу, то и понозновенія у ней часто анархическаго или деспотическаго характера. Съ одной стороны, всякій и притомъ по преимуществу самый худшій изъ этихъ людей хочетъ дѣлать что ему вздумается, и это въ особенности должно было обнаружиться почти въ тотъ же вечеръ. А съ другой стороны, давленіе массы парализуетъ всякій авторитетъ и заставляетъ дѣлать всевозможныя уступки, отказываясь отъ исполненія какихъ бы то ни было правилъ, и въ этомъ пришлось убѣдиться тотчасъ по прибытіи въ Версаль. Будучи допущены въ собраніе въ ограниченномъ количествѣ, женщины напираютъ на входную дверь, врываются дѣлою толпою, рассыпаются по галереямъ и въ самой залѣ; слѣдомъ за ними появились и мушницы, вооруженные дубинами, алебардами, пиками; вся эта масса нахлынувшихъ людей перепуталась съ находившимися въ залѣ; они очутились вдругъ посреди депутатовъ, рядомъ съ ними на скамейкахъ, также подавая свой голосъ; потомъ они окружили съ угрозами и разными оскорбительными возгласами председателя, который наконецъ покидаетъ свое кресло, куда вмѣсто его усаживается какая-то женщина. Одна, въ особенности голосистая торговка распоряжается на

галереѣ и собравшаяся вокругъ нея сотня женщинъ кричить или умоляетъ по ея сигналу, между тѣмъ какъ она сама прямо обращается къ депутатамъ или начальническимъ тономъ бранить ихъ: «Кто это тамъ говоритъ? Заставьте замолчать этого пустомелю! Теперь не до разговоровъ, когда дѣло идетъ о хлѣбѣ! Пускай лучше поговоритъ наша матка Мирабо; мы хотимъ ее послушать!» Послѣ того, какъ состоялось постановленіе на счетъ предметовъ продовольствія, вожаки бунта стали требовать еще большаго; они хотятъ также вмѣшиваться во все, гдѣ они подозрѣваютъ какіе нибудь захваты; они хотятъ, чтобы хлѣбъ «стоилъ не дороже четырехъ су за шесть фунтовъ, а мясо не дороже шести су за фунтъ». Все это дѣлалось съ цѣлю доказать слѣдующее: «Не воображайте, что мы дѣти, съ которыми можно поступать какъ вздумается; сила теперь въ нашихъ рукахъ, исполняйте то, чего отъ васъ требуютъ». И эта мысль лежитъ въ основѣ всѣхъ политическихъ требованій. Пусть правительство отошлетъ обратно фландрскій полкъ, состоящій изъ тысячи человѣкъ; это все лишніе рты, которые нужно кормить и которые отнимаютъ у насъ хлѣбъ, который долженъ былъ бы идти на наше продовольствіе. Слѣдуетъ также наказать аристократовъ, которые не даютъ булочникамъ возможности выпекать достаточное количество хлѣба. «Долой всѣхъ скуфейниковъ! Насъ губитъ это самое духовенство!» «Господинъ Мунье, почему вамъ вздумалось защищать ненавистное намъ королевское veto? Смотрите, берегитесь, чтобы васъ не вздернули на уличный фонарь!» Подъ этимъ давленіемъ, депутація собранія, съ предсѣдателемъ во главѣ, отправляется пѣшкомъ, по грязи, подъ дождемъ и подъ конвоемъ изступленно кричащихъ женщинъ и вооруженныхъ коньями мушкетеровъ; послѣ пяти-часовыхъ убѣдительныхъ просьбъ или ожиданій, ей удалось наконецъ вырвать у короля, кромѣ указа на счетъ продовольствія, что собственно не представляло большихъ затрудненій, безусловное признаніе правъ и согласіе на конституціонныя учрежденія. Вотъ въ какомъ видѣ находилась тогда независимость собранія и самого короля.

Такимъ образомъ началось водвореніе принциповъ новаго права, намѣчены были главныя черты конституціи, выразились отвлеченныя аксіомы политической истины, подъ диктатурою толпы, которая вытребовала себѣ ихъ посредствомъ принудительныхъ мѣръ, не только при полнѣйшемъ ослѣпленіи на счетъ своихъ прямыхъ цѣлей, но даже въ полусознательномъ состояніи по поводу своего ослѣпленія. Доказательствомъ этому могутъ служить слова жен-

щивъ, обращенныя въ Мунье, когда онъ принесъ имъ королевскую саницію. «Скажите пожалуйста, господинъ президентъ, это будетъ очень выгодно для насъ? Теперь бѣдное население Парижа уже не будетъ больше голодать?»

Между тѣмъ, вокругъ замка, всѣ отребія общества выползли наружу, и публичныя женщины, наведенныя въ Парижѣ, принялись за свое ремесло; не смотря на запрещеніе, онѣ пробрались въ ряды полка, выстроеннаго на площади въ боевомъ порядкѣ. Теруанъ, въ красной курткѣ амазонки, раздаетъ солдатамъ деньги. Нѣкоторыя изъ этихъ тварей говорятъ солдатамъ: «перейдите на нашу сторону; мы сейчасъ побьемъ королевскихъ гвардейцевъ, отнимемъ у нихъ нарядные мундиры и продадимъ ихъ». Другія, выставляя себя солдатамъ напоказъ, подзадориваютъ ихъ, предлагая имъ свои услуги, причемъ тѣ, глядя на нихъ, говорятъ между собою: «ну, потѣшимся же мы теперь до-сыта!» Оказывается, что подъ конецъ дня, весь полкъ поддакъ искушенію; публичныя женщины исполняли свое дѣло добросовѣстно, полагая, что дѣйствуютъ для общаго блага.

Когда политическая идея проникаетъ въ мозги подобныхъ личностей, то вмѣсто того, чтобы облагородиться въ нихъ, она опоплачивается; все что она вноситъ въ нихъ съ собою, это полнѣйшую разнузданность порочныхъ страстей, которая пока еще отчасти сдерживается остаткомъ совѣстливости, между тѣмъ какъ, подъ прикрытіемъ предлога, что люди дѣйствуютъ для общаго блага, вырываются на просторъ всѣ инстинкты разврата и жестокости. Кромѣ того страсти разжигаются отъ обоюднаго соприкосновенія, такъ что вліяніе безпорядочной, смѣшавшейся толпы, криковъ, возгласовъ, сумятицы, ожиданія и потребность пищи производятъ на всѣхъ какое-то ошьяненіе, отъ котораго кружится голова и выходъ изъ котораго одинъ:— яростныя порывы изступленія. Они уже начали понемногу проявляться; передъ уходомъ, одна женщина сказала: «мы понесемъ голову королевы на концѣ пика». А на Севрскомъ мосту прочія дополняютъ это намѣреніе слѣдующей фразой: «ее надо убить, распороть ей брюхо, а изъ кишечекъ ея сдѣлать коварды!» Между тѣмъ дождь продолжался, стало холодно, всѣ устали, всѣ хотятъ ѣсть, а для утоленія голода каждый получилъ по небольшому куску съ трудомъ добытаго хлѣба, уже поздно вечеромъ, на Пласъ-д'Армъ. Но такъ какъ этого оказалось весьма недостаточно, то одна толпа содрала шкуру съ валявшейся тамъ околѣвавшей лошади, изжарила на угляхъ костра кое-какъ ея мясо и чуть не сыремъ съѣла его, какъ ѣдятъ дивари.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если, подъ именемъ патріотизма и «справедливости», въ ихъ головѣ слагались звѣрскіе замыслы противъ «членовъ національнаго собранія, которые не раздѣляютъ взглядовъ народа», противъ «епископа лангскаго, противъ Муње и другихъ». Какой-то одѣтый въ красныя отрепья челоуѣкъ заявилъ, «что ему нужна голова абата Мори для игры въ вѣгли». Но ярость женщинъ по преимуществу обратилась на королеву, какъ на личность, принадлежавшую къ ихъ полу и которая находилась у всѣхъ на виду. «Она одна причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій и нашихъ страданій... Надо ее зарѣзать; мало того—четвертовать». Между тѣмъ наступила ночь, въ продолженіи которой толпа прибѣгла къ насильственнымъ мѣрамъ, причемъ совершеніе ихъ повлекло за собою еще болѣе кроваваго настроеніе въ массѣ народа. «Ужъ попалась мнѣ только въ руки эта смазливая баба, говорилъ какой-то оборванецъ, — ужъ не пожалѣлъ бы я ее и съ особеннымъ удовольствіемъ отрубилъ бы ей башку на первой тумбѣ!» Къ утру въ толпѣ уже начали раздаваться такого рода крики: «Поддавайте намъ сюда эту проклятую мерзавку! Мало-того, если мы уьемъ ее, — мы съѣдимъ ее сердце! Мы отрубимъ ей голову, изрѣжемъ въ куски ее сердце, которое изжаримъ вмѣстѣ съ ея печенью!» Послѣ совершенія первыхъ убійствъ, пробудились у всѣхъ кроваваго инстинкты; женщины, пришедшія изъ Парижа, говорили, «что онѣ захватили съ собою лохани для того, чтобы въ нихъ принести изрубленные куски мяса королевскихъ гвардейцевъ», и эта фраза такъ понравилась, что всѣ встрѣтили ее шумными рукоплесканіями. Во дворѣ зданія національнаго собранія чернь привязала веревку къ одному изъ фонарныхъ столбовъ, но нашла ее недостаточно прочною и замѣнила ее другою, «намѣреваясь повѣсить на ней Мори, д'Эпременили и парижскаго архіепископа. Эта жажда истребленія себѣ подобныхъ овладѣла даже официальными охранителями порядка, и многіе слышали, какъ одинъ солдатъ національной гвардіи сказалъ, «что нужно перерѣзать весь отрядъ охранительной стражи, распороть имъ брюхо, вынуть сердце и съѣсть его въ видѣ закуски за завтракомъ».

Наконецъ, около полуночи, прибыла парижская національная гвардія; но она внесла вмѣстѣ съ собою еще новый элементъ мятежа уже въ существовавшее возмущеніе, потому что сама прибѣгла къ насилію относительно своихъ начальниковъ. «Если господинъ де-Лафайетъ не хочетъ идти вмѣстѣ съ нами,

сказалъ одинъ гренадеръ, — то мы выберемъ своимъ начальникомъ кого нибудь изъ нашихъ стариковъ-гренадеровъ». Разъ такое предложеніе получило одобреніе его прочихъ товарищей, солдаты отправили къ генералу въ Отель де-Виль депутатовъ отъ шести ротъ, которые прямо заявили ему свои требованія: «Генераль, мы не считаемъ васъ измѣнникомъ, но убѣждены, что правительство предательски поступаетъ съ нами. Комитетъ общественнаго продовольствія обманываетъ насъ, его нужно упразднить. Мы хотимъ отправиться въ Версаль перерѣзать поголовно всю охранительную стражу и фландрскій полкъ за то, что они не приняли національную кокарду и надругались надъ нею. Если король Франціи настолько слабъ, что не можетъ управлять ею, то мы возложимъ корону на его сына и тогда все пойдетъ лучше». Напрасно Лафайетъ отвѣчалъ отказомъ и вышелъ увѣщевать солдатъ на площадь Гравъ; напрасно, втеченіи нѣсколькихъ часовъ, онъ упорно стоялъ на своемъ рѣшеніи, то увѣщевая, то приказывая замолчать. Тѣмъ временемъ толпа постепенно увеличивалась вооруженнымъ народомъ, прибывшимъ изъ предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сентъ-Марсо; въ Лафайета прицѣливаются нѣсколько ружей, уже приготовляли веревку, чтобы повѣсить его на уличномъ фонарѣ. Тогда, сойдя съ лошади, онъ хотѣлъ воротиться въ Отель де-Виль, но гренадеры заслонили ему дорогу, говоря: «Такъ ибѣтъ же, чортъ возьми! Вы останетесь съ нами, генераль, вы не покинете насъ!» Будучи ихъ начальникомъ, онъ поневолѣ долженъ былъ идти вмѣстѣ съ ними; представители общины въ Отель де-Виль было такого же мнѣнія на этотъ счетъ и они не только разрѣшили, но даже положительно приказывали идти въ Версаль, «такъ какъ препятствовать этому уже невозможно». Такимъ образомъ въ Версаль прибыло пятнадцать тысячъ человѣкъ; подъ покровомъ ночи, имъ предшествовала и слѣдовала за ними толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, состоявшая изъ всякой сволочи. Съ своей стороны, національная гвардія, окружавшая дворецъ, и версальская чернь, загородившая собою улицы, по которымъ сдѣлалось невозможнымъ движеніе экипажей, положительно отняли у короля всякую возможность выйти изъ дворца, гдѣ онъ оказался какъ-бы безпомощнымъ плѣнникомъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, своими министрами и своимъ дворомъ, потому что, со свойственнымъ ему оптимизмомъ, онъ поручилъ постъ виѣшней охраны дворца солдатамъ Лафайета, а вслѣдствіе упорства, въ присутствіи ему чувствъ гуманности, которымъ онъ рѣ-

шился руководиться до конца, онъ запретилъ своей собственной охранительной стражѣ стрѣлять, такъ что она была тамъ только для вида. Имѣя на своей сторонѣ общечеловѣческое право, законъ и присягу въ вѣрности, повторенія которой Лафайетъ потребовалъ отъ подначальныхъ ему войскъ, чего же могъ онъ бояться? Вѣдь на народъ ничто такъ не вліяетъ, какъ довѣріе и благоразуміе, и вроткія мѣры всегда способны превратить его изъ дикаго звѣря въ покорнаго агнца.

Но такого рода заключенія оказались ошибочными; народъ, какъ былъ, такъ и остался дикимъ звѣремъ, который, съ пяти часовъ утра, уже принялся рыскать вокругъ. Лафайетъ, выбившійся изъ силъ, далъ себѣ отдыхъ на одинъ часъ и этого уже оказалось достаточнымъ. Чернь, состоявшая изъ мужчинъ и женщинъ, вооруженныхъ дубинами и колющими, обрѣла отрядъ національныхъ гвардейцевъ, изъ восьмидесяти человѣкъ, и принудила ихъ стрѣлять по королевской охранной стражѣ; потомъ выломали одну дверь, схватили двоихъ изъ этихъ стражей и отрубили имъ головы. Тотъ, который взялся за это дѣло, могъ бы служить натурщикомъ въ мастерской какаго нибудь художника для воспроизведенія личности палача; онъ былъ атлетическаго тѣлосложенія, съ огромною, густою бородою. Совершивъ свое дѣло, онъ съ торжествующимъ видомъ показывалъ толпѣ свои руки, обрызганныя кровью, и впечатлѣніе, произведенное этимъ зрѣлищемъ на національныхъ гвардейцевъ было таково, что они, вслѣдствіе своей чувствительности, удалились прочь, чтобы не быть свидѣтелями подобнаго рода злодѣяній, тогда какъ они обязаны были оказать самое настойчивое сопротивленіе такимъ злодѣйствамъ. Между тѣмъ толпа, наполнившая собою всѣ лѣстницы, убивала и попирада ногами встрѣчаемую на своемъ пути стражу и ломилась во всѣ двери, осыпая проклятіями королеву, которая успѣла тѣмъ временемъ скрыться; убѣжавъ въ одной юбкѣ. Спрятавшись вмѣстѣ съ королемою и со всѣмъ прочимъ королевскимъ семействомъ въ Лиль-де-Бёфъ, они съ ужасомъ услышали, что толпа уже ломится къ нимъ въ дверь, и ожидали, что вотъ сію минуту всѣ они погибнутъ, какъ увидѣли передъ собою Лафайета, который подоспѣлъ съ своими жандармами, чтобы спасти только одно, что оставалось, это именно жизнь королевскаго семейства, потому что съ мраморнаго двора слышался неистовый крикъ: «Въ Парижъ короля!» и король подчинился этому призыванію. Теперь, когда народъ захватилъ въ свои руки самаго главнаго заложника, согласится ли онъ

принять другаго? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Въ эту самую минуту королева показала на балконѣ, съ своимъ сыномъ и дочерью; но увидя ее, толпа завопила: «не нужно намъ дѣтей!» Она хочетъ имѣть въ своемъ распоряженіи одну королеву, чтобы поднять ее на штыки; это стало понятно сейчасъ же. Тогда, устранивъ дѣтей, Лафайетъ, прикрывая королеву щитомъ своей популярности, показался вмѣстѣ съ нею на балконѣ и публично, почтительно поцѣловалъ у ней руку. Вдругъ, въ этой возбужденной толпѣ произошелъ быстрый переворотъ; при этомъ натянутомъ состояніи нервовъ, люди вообще, а въ особенности женщины, бывають склонны къ самымъ внезапнымъ переходамъ изъ одной крайности въ другую; такъ и тутъ изступленная ярость смѣнилась слезами. Одной привратницѣ, подругѣ Мальяра, въ воображеніи уже показалось, что Лафайетъ, обратившись къ народу отъ имени королевы, будто бы сказалъ: «что она будетъ любить народъ безпредѣльно, какъ Христосъ возлюбилъ свою церковь». Всѣ тронуты, всѣ обнимаются, гренадеры одѣваютъ свои шапки на головы охранительной стражѣ. Теперь уже все пойдетъ хорошо, «народъ завоевалъ себѣ опять своего короля». Поэтому теперь остается только радоваться и шествіе кортежа уже готово: въ самомъ центрѣ его находится король съ семействомъ и сто депутатовъ въ каретахъ; потомъ слѣдуетъ артилерія, съ женщинами, сидящими верхомъ на пушкахъ, за которыми тянется обозъ съ мукою; вокругъ, королевская охранительная стража на лошадяхъ, на крупѣ которыхъ сидѣло еще по одному національному гвардейцу; потомъ народъ, мужчины, вооруженныя пиками, и женщины, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ телѣгѣ, кто въ фіакрѣ, а во главѣ всего шествія толпа, несущая на колыяхъ двѣ отрубленныя головы и остановившаяся въ Севрѣ у парикмахера, чтобы велѣть завить и напудрить ихъ; шесты, на которыхъ онѣ насажены, наклоняють, чтобы сдѣлать видъ, будто головы, всѣ вымазанныя румянами и бѣлилами, раскланиваются на всѣ стороны, что возбуждаетъ общій смѣхъ и разныя остроты. Вся эта толпа, во время пути останавливается, ѣсть и пьетъ, заставляя чокаться съ собою охранительную стражу; всѣ кричатъ; раздаются ружейные выстрѣлы въ ознаменованіе торжества; мужчины и женщины, схватившись за руки, поютъ и пляшутъ въ грязи. Таково новое братство, представляющее собою похоронную процесію всѣхъ легальныхъ и наслѣдственно-законныхъ властей, торжество грубой силы надъ интеллигенціей, справленіе кровожадной и поли-

тической масляницы, страшное паденіе въ глубокую помойную яму, которое, будучи предшествоваемо всѣми признаками смерти, влечетъ вмѣстѣ съ собою главныхъ правителей Франціи, короля, министровъ, депутатовъ, съ тѣмъ, чтобы принудить ихъ управлять государствомъ сообразно безумнымъ народнымъ требованіямъ, и чтобы держать ихъ постоянно подъ страхомъ смерти до той минуты, когда этому народу заблагоразсудится лишить ихъ жизни.

VI.

Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что терроръ установился и установился прочно. Въ тотъ же самый день толпа окружила одну карету, въ которой она предполагала найти господина де-Виріе, заглянула внутрь ея, оцупала всѣ подушки, объясняя свой поступокъ тѣмъ, «что она отыскиваетъ именно этого самаго депутата, чтобы убить его, также какъ и другихъ, которые занесены въ списокъ осужденныхъ». Два дня спустя, абатъ Грегуаръ сообщаетъ національному собранію, «что не проходитъ ни одного дня, чтобы лица духовнаго званія не испытывали всякаго рода оскорбленія въ Парижѣ и чтобы ихъ не преслѣдовали страшными угрозами». Малюэ получилъ предостереженіе такого рода, «что какъ только будутъ розданы ружья милиціи, то первое употребленіе, какое она изъ нихъ сдѣлаетъ, послужитъ въ устраненію отъ дѣлъ депутатовъ, оказавшихся плохими гражданами», въ числѣ которыхъ считаютъ также абата Мори. «Когда я выходилъ на улицу, пишетъ Мунье, — то за мною явно слѣдили; показываться со мною вмѣстѣ считалось почти преступленіемъ. Куда бы я ни отправился, въ сопровожденіи двоихъ или троихъ людей изъ моихъ знакомыхъ, тотчасъ же распространялся слухъ, что я формирую собраніе аристократовъ. Я сдѣлался предметомъ такого ужаса для всѣхъ, что народъ грозился сжечь деревенскій домъ, гдѣ я пробылъ всего только одни сутки, и для того, чтобы успокоить взволнованные умы, хозяева дома должны были обѣщать, что на будущее время не стану принимать ни меня, ни моихъ друзей. Въ продолженіи одной недѣли, пятьсотъ или шестьсотъ депутатовъ выправили себѣ заграничные паспорта, чтобы уже всегда быть на-готовѣ въ отъѣздѣ. На слѣдующій затѣмъ мѣсяцъ, сто двадцать депутатовъ подали въ отставку

или совѣтъ не являлись въ собраніе. Мунье, Лали-Толаядаль, епископъ лангрскій и многіе другіе уѣхали изъ Парижа, а вскорѣ и за границу Франціи». «Въ настоящее время, такъ пишетъ Малле-Дюпанъ, — общественное мнѣніе произноситъ свои приговоры съ оружіемъ въ рукахъ. Вѣрь безусловно или умирай, вотъ рѣшеніе пылкихъ головъ, которыя изрекаютъ его во имя свободы. Умѣренность считается теперь преступленіемъ». Еще 7 октября Мирабо, пріѣхавшій повидаться съ графомъ де-ла-Маркомъ, говорилъ ему слѣдующее: «Если вы найдете возможность дать какимъ нибудь образомъ понять королю и королевѣ положеніе, въ которомъ они находятся, то скажите имъ, что какъ Франція, такъ и они сами, погибнуть безвозвратно, если королевская фамилія не уйдетъ изъ Парижа; а я, съ своей стороны, уже обдумываю планъ того способа, посредствомъ котораго можно было бы устроить этотъ выѣздъ. Къ этому онъ прибавилъ, что предпочитаетъ всякое другое положеніе настоящему, даже междоусобную войну, такъ какъ война, по крайней мѣрѣ, обновляетъ духъ, а теперь, подъ диктатурою демагоговъ, онъ положительно утопаетъ въ грязи. Черезъ три мѣсяца Парижъ, предоставленный самому себѣ, навѣрное превратится въ госпиталь, а можетъ быть даже въ театръ всякихъ ужасовъ. Противъ черни и ея вожаковъ необходимо, чтобы король тотчасъ же вступилъ въ союзъ со всѣмъ прочимъ населеніемъ страны; пусть онъ поѣдетъ въ Руанъ, пусть напишетъ воззваніе къ провинціямъ, чтобы сосредоточить вокругъ себя общественное мнѣніе, а если уже окажется необходимымъ, то пусть окажетъ вооруженное сопротивленіе». А Малуэ, съ своей стороны, говоритъ: «что революція, съ 5 октября, внушаетъ къ себѣ отвращеніе въ умахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей всевозможныхъ партій; но что она уже созрѣла и потому является неотразимымъ фактомъ». Такимъ образомъ трое изъ самыхъ выдающихся умовъ въ періодъ революціи, тѣ самые, оправдавшія предвидѣнія которыхъ доказали ихъ глубокомысліе и здравый взглядъ на вещи, тѣ единственные люди, которые впродолженіи двухъ, трехъ лѣтъ, изъ недѣли въ недѣлю, всегда вѣрно, безошибочно предсказывали событія, приводя въ доказательство тому очевидные признаки, именно: Малле-Дюпанъ, Мирабо и Малуэ, всѣ трое совершенно одинаковымъ образомъ опредѣляли значеніе самаго событія и мѣру его послѣдствій. Тогда чувствовалось, что все катится кубаремъ внизъ, по отвѣсной скалѣ, и никто не имѣетъ достаточно силы, чтобы задержать это стре-

нительное падение. А король, конечно, меньше, чем ктонибудь, был способен на это. «Въ высшей степени нерышительный и слабый его характеръ можно уподобить тѣмъ выточенымъ изъ слоновой кости и смазаннымъ масломъ шарамъ, которые раскатываются врозь и которыхъ никакими силами нельзя удержать въ рукахъ». Что же касается собранія, ослѣпленнаго, изнасилованнаго, толкаемаго впередъ проповѣдуемой имъ теоріей и толпою поддерживающихъ ее мятежниковъ, то каждое изъ его крупныхъ распоряженій только ускоряло это падение.

(Продолженіе будетъ).

К И Т А Й.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИНОКЕНТЬЕВИЧА ЖУРАВЛЕВА, СКОНЧАВШАГОСЯ ВЪ Г. ИР-
КУТСКѢ, ВЪ МАѢ 1874 года).

Александръ Инокентьевичъ Журавлевъ, уроженецъ г. Иркутска, получилъ свое скромное образованіе въ кяхтинскомъ училищѣ китайскаго языка, которое обязано своимъ процвѣтаніемъ, въ то время градоначальнику Кяхты, Александру Ивановичу Деспоту-Зеновичу, положившему всю свою душу, энергію и заботы на просвѣщеніе юнаго поколѣнія г. Кяхты. По его же инициативѣ, первый караванъ, отправлявшійся изъ Кяхты въ Ханькоу для непосредственнаго торговаго производства съ Китаемъ, состоялъ изъ людей имъ лично выбранныхъ, во главѣ котораго стояли, какъ по старшинству, такъ и по своей опытности и личнымъ достоинствамъ, И. А. Керпинъ и К. А. Ивановъ (впослѣдствіи вице-консулъ въ Ханькоу). Изъ числа же самой юной молодежи въ этомъ и въ слѣдующемъ затѣмъ караванѣ находились лучшіе ученики китайскаго училища, между которыми нельзя не назвать М. Г. Шевелева, нынѣ одного изъ крупныхъ дѣятелей въ Ханькоу, и покойнаго А. И. Журавлева, завѣдовавшаго двумя чайными фабриками, арендованными русскими въ Чунь-Янѣ, и положившаго не мало труда на пользу чайнаго производства. Пробывъ предварительно цѣлый годъ въ Пекинѣ,

при русской миссіи, подъ руководствомъ просвѣщенныхъ дѣятельныхъ наставниковъ, каковы: архимандритъ Гурій, покойный о. Исаія и архимандритъ Палладій (недавно скоропостижно скончавшійся въ Марсели на пути изъ Китая въ Россію), замѣчательныхъ своимъ знаніемъ и научными трудами по китайскому языку, молодые люди прибыли въ Ханькоу уже съ подготовкою, что дало имъ возможность скоро освоиться съ мѣстнымъ нарѣчіемъ и узнать самое дѣло. Живя внутри страны, на мѣстѣ чайнаго производства, на фабрикахъ, разбросанныхъ далеко одна отъ другой, имъ приходилось постоянно вращаться врозь, по-одиночкѣ, среди китайскихъ рабочихъ и мѣстнаго населенія и цѣлые мѣсяцы слышать только ихъ рѣчь. Понятно, что черезъ это молодые люди сошлись съ тамошнимъ людомъ, узнали ихъ нравы и обычаи и имѣли возможность собрать массу интересныхъ данныхъ о жизни китайцевъ, народа столь отличающагося отъ другихъ и столь мало извѣстнаго европейцамъ, благодаря своей замкнутости.

Въ своихъ письмахъ изъ Ханькоу къ Дмитрію Иринарховичу Завалишину, помѣщенныхъ имъ въ тотъ же 1873 годъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», описывая мое путешествіе изъ Москвы черезъ Суецъ и нашу жизнь въ Китаѣ, я слегка коснулась главныхъ чертъ жизни китайцевъ, того немногаго, что я могла сообщить; но тогда же я высказывала свое крайнее сожалѣніе, что, по незнанію языка, по той замкнутости, какую ведутъ китайцы, я не въ состояніи была сообщить что-либо большее, даже проживши здѣсь и долѣе. Часто я высказывала тоже самое А. И. Журавлеву и просила его собирать и записывать все, что онъ узнаетъ, замѣтитъ или прочтетъ болѣе или менѣе интересное изъ жизни китайцевъ; и вотъ, благодаря его труду, уже къ концу того же года я имѣла въ рукахъ довольно значительный матеріалъ. Съ своей стороны, я общала ему свое содѣйствіе въ томъ, чтобы сгруппировать, округлить факты, такъ сказать, дать опредѣленную форму и сгладить нѣкоторую шероховатость слога. Долгая жизнь въ Китаѣ, изнурительные жары, подорвали и безъ того слабую натуру А. И. Журавлева; доктора нашли въ немъ уже давно развивающуюся чахотку и посоветовали скорѣе выѣхать, но было уже поздно; вскорѣ по пріѣздѣ въ Иркутскъ онъ слегъ и скончался на 30 году своей жизни. Миръ праху твоему!

Ужé прошло почти четыре года со времени кончины А. И. Журавлева, а его матеріалы все еще лежатъ въ ихъ прежней неприкосновенности, за исключеніемъ развѣ того, что еще въ

бытность мою въ Ханькоу, я составляла конспектъ всего содержанія, да на основаніи личныхъ наблюденій написала первую главу въ видѣ общей характеристики.

Хотя это все отложено въ долгій ящикъ, однако, тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ исполнить данное мною обѣщаніе покойному А. И. Журавлеву и вѣрно когда нибудь наложу свою быть можетъ и тяжелую руку на матеріалъ, столь интересный по содержанію.

Да не будетъ мнѣ въ судъ или осужденіе тѣ погрѣшности, какія могутъ встрѣтиться въ моемъ посильномъ трудѣ; полагаю и здѣсь можетъ быть примѣнима пословица: «всякое дѣло мастера боится».

Елисавета Иванова.

Москва 1878 г.

8 ноября.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общая характеристика китайца.

Всѣ китайцы, какъ мужчины, такъ и женщины, имѣютъ черные какъ смоль волосы, темные глаза, обыкновенно средней величины, самыя же орбиты глазъ нѣсколько продолговаты и иногда приподняты къ вискамъ; косина встрѣчается очень часто. Форма носа такъ разнообразна, что трудно сказать что либо общее; у большинства онъ очень коротокъ, приплюснутъ, съ расплывшимся переносьемъ и приподнятыми кверху ноздрями; впрочемъ это не общее правило; нерѣдко встрѣчаются и носы довольно правильной формы, но почти исключительно у высшаго класса людей, да и скулы послѣднихъ не настолько широки, какъ у большинства. Толстыя губы съ немного выдвинутою впередъ челюстью и изжелта смуглый цвѣтъ кожи составляютъ также одну изъ отличительныхъ чертъ монгольскаго типа. Головы бриты на половину, со лба, съ длинными и черными, какъ смоль, босами чуть не до пяты. Костюмъ мужчинъ: длинный халатъ съ широкою, короткою кофтою, надѣтою сверхъ, болѣе похожій на женскій, придаетъ китайцу оригинальный видъ и дѣлаетъ его по внѣшности совершенно отличительнымъ отъ другой какой либо націи. Китаецъ съ виду неповоротливъ; всѣ движенія его вялы, и чѣмъ выше лицо въ общественномъ положеніи, тѣмъ развалистѣе его походка, что придаетъ всей его фигурѣ своего рода важность. Едва-ли можно признать у китайцевъ существованія танцевъ, за исключеніемъ тѣхъ вычурныхъ тѣлодвиженій, какія можно видѣть на сценѣ и во время пѣнія. Пѣніе китайцевъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ монотонное завываніе, разнообразное иногда выкрикиваніемъ и взвизгиваніемъ, осо-

бенно въ голосахъ женщинъ; а если къ этому еще прибавить авомпанментъ національныхъ инструментовъ, какъ-то: пискливыхъ скрипокъ, напоминающихъ скрипъ немазаной телѣги, и оглушительныхъ бубновъ, то въ результатѣ получается такой концертъ, общее впечатлѣніе котораго на европейца: сильная головная боль, шумъ въ ушахъ и расстройство нервовъ. Даже въ голосахъ болѣе или менѣе обработанныхъ, какъ хоръ молодыхъ дѣвушекъ, который мнѣ приходилось слышать въ пріютѣ сестеръ милосердія, замѣтно положительное отсутствіе какой либо музыкальности.

Не смотря на свою флегматичность, китаецъ въ минуту гнѣва дѣйствуетъ подъ первыми впечатлѣніемъ; но при всемъ томъ онъ трусъ, рѣшается дѣйствовать только въ виду явнаго успѣха и потому очень рѣдко ссорящіеся переходятъ отъ слова къ дѣлу, т. е. отъ брани къ дракѣ. Интересно видѣть, какъ они пѣтушатся, неистово кричать, размахиваютъ съ ожесточеніемъ руками и въ то же время незамѣтно отступаютъ другъ отъ друга; но если въ это время между ними явятся посредники, да вдобавокъ ихъ собственныя сожительницы, то тутъ ужъ раздраженіе доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Конечно ни болѣе, ни менѣе, какъ ради гонора, они дѣлаютъ видъ, что хотятъ вырваться изъ рукъ, ихъ удерживающихъ, и вцѣпиться другъ въ друга, хотя въ сущности и не требуется большихъ усилій съ ихъ стороны, чтобы освободиться отъ своихъ сравнительно слабыхъ посредницъ. Если дѣло и дойдетъ до драки, то и здѣсь китаецъ остается вѣренъ своему характеру и не проявитъ особенной пылкости характера. Напримѣръ, у китайцевъ есть обыкновеніе заванчивать свои счета и получать долги передъ новымъ годомъ; очень часто должники на это время скрываются отъ своихъ кредиторовъ, которые и пускаются за ними въ преслѣдованіе, и если случай натолкнетъ ихъ другъ на друга, то неминуемо происходитъ драка, причемъ всего болѣе достается ихъ длиннымъ косамъ. При этомъ должны быть соблюдены всѣ требуемыя приличія съ болѣе или менѣе продолжительными антрактами для отдыха, когда ссорящіеся преспокойно садятся другъ противъ друга и, покуривая трубку, отъ времени до времени перебрасываются крупными словцами; затѣмъ, они вновь принимаются за драку, пока трескъ ракетъ не возвѣститъ имъ о наступленіи новаго года; тогда моментально косы выпускаются изъ рукъ и непримиримые до тѣхъ поръ враги дѣлаютъ другъ другу «чинъ-чинъ», т. е. привѣтствіе, причемъ кланяются чуть не до земли и желаютъ «фацай» (счастье, бла-

гополуціе), какъ самыя закадычныя друзья. Очень часто за нѣкоторыя незначительныя провинности, не доходя до суда, котораго китайцы всѣ боятся въ одинаковой степени, виновнаго наказываютъ самосудомъ, причемъ нерѣдко бывають и смертныя случаи; а такъ какъ въ Китаѣ судебное слѣдствіе не возбуждается прежде, чѣмъ не будетъ подана жалоба въ судъ со стороны родственниковъ убитаго, то виновные избѣгаютъ по большей части уголовнаго преслѣдованія, если успѣють спрятать концы въ воду. Впрочемъ, изъ всего сказаннаго нельзя еще вывести общаго заключенія о дикости и черствости нравовъ китайцевъ; вѣдь и у насъ подобнаго рода самоуправства не составляютъ рѣдкости въ деревняхъ. Вообще же китайцы народъ въ высшей степени терпѣливый и любящій. Самую нѣжную привязанность питають они къ своимъ дѣтямъ и безграничное уваженіе къ старшимъ. Старость составляетъ гордость человѣка; всякій еще не старый человѣкъ сочтетъ большою любезностью и вѣжливостью, если кто либо, желая узнать его лѣта, сдѣлаетъ ему этотъ вопросъ въ такой формѣ: сколько вамъ за 70? Китайцы замѣчательно гостепріимны; ихъ званые обѣды, состоящіе изъ безконечнаго ряда блюдъ, самыхъ разнообразныхъ, въ родѣ супа изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, каракатиць и т. п., сопровождаются различнаго рода церемоніями, нарушеніе которыхъ можетъ повести за собою серьезныя неприятели. Не даромъ же у насъ всякую излишнюю чопорность называютъ китайской церемоніей. Обязанность каждаго хозяина очень трудна; прежде всего, онъ долженъ выходить на встрѣчу каждаго гостя, затѣмъ въ дверяхъ происходитъ почти такая же сцена, какъ въ «Мертвыхъ душахъ». Хозяинъ проситъ гостя войти перваго; тотъ, изъ соблюденія требуемой вѣжливости, обязанъ отказываться; хозяинъ настаиваетъ, гость еще упорнѣе отказывается и наконецъ, хозяинъ почти силою вталкиваетъ гостя въ дверь; но это еще не все, гостей нужно рассадить по чину, угощать, кланяться. Любезность простирается еще далѣе: самъ хозяинъ собственными палочками, замѣняющими наши вилки и ножи, долженъ брать каждое изъ кушаньевъ и класть на тарелку того или другаго изъ гостей. Мнѣ пришлось лично испытать подобное удовольствіе въ качествѣ гостя на обѣдѣ, данномъ въ честь нашего пріѣзда въ Фукао въ 1873 г. Во время обѣда мнѣ пришлось занять почетное мѣсто и сидѣть возлѣ хозяина, который то и дѣло подглядывалъ мнѣ то то, то другое изъ кушаньевъ. Отказываться, значило быть невѣжливою. Счастье мое, что я, какъ уроженка Сибири и даже Кяхты, съ дѣтства привыкла къ ки-

тайцамъ и съ особеннымъ удовольствіемъ ѣла китайскіе обѣды, которые своеобразнымъ вкусомъ не могутъ нравиться большинству европейцевъ.

Народные обычай и повѣрья—тотъ же законъ, всякое нарушеніе которыхъ считается чуть-ли не грѣхомъ. Едва-ли между китайцами найдется такой вольнодумецъ, который считалъ бы обремененіемъ для себя самыя негѣние изъ обычаевъ и рѣшился бы сбросить съ себя ихъ иго. Ужь, кажется, что можетъ быть хуже и безчеловѣчнѣе обычая уродовать ноги женщинъ и подвергать ихъ этой своего рода пыткѣ. Сами отцы и матери сознаютъ это, но все-таки строго держатся обычая, завѣщаннаго праотцами. Вотъ его легендарное происхожденіе, записанное А. И. Журавлевымъ.

Обычай уродовать ноги женщинъ начался далеко до Р. Х., а именно во времена царствованія династіи «Шань», одинъ изъ царей которой Чжоу-ванъ, принося жертву богинѣ Нью-гуа, былъ такъ пораженъ красотой изображенія этой богини, что далъ немедленное приказаніе отыскать подобную же красавицу въ предѣлахъ своего царства по портрету, нарисованному имъ самимъ. Богиня, желая угодить царю, а себя избавить отъ его думъ, послала ему красавицу, подобную себѣ, но только, къ несчастію, съ птичьими ногами. Царь былъ въ отчаяніи, но, нечего дѣлать, чтобы не возмущаться созерцаніемъ подобнаго уродства, онъ приказалъ Дань-ци, какъ звали красавицу, завернуть ноги въ холстъ, отчего онѣ стали походить на копытца лошади, что очень понравилось царю. Придворныя дамы начали подражать Дань-ци, сначала ради моды, а потомъ этотъ обычай вошелъ и въ народъ. Для большей цѣлесообразности эту операцію стали производить надъ пятилѣтними дѣвочками, когда еще кости мягки и нога еще мало развита. Ноги ребенка туго бинтуютъ въ холстъ, такимъ образомъ, что всѣ пальцы, за исключеніемъ большаго, который одинъ остается на свободѣ, сгибаютъ къ подошвѣ, отчего они, вслѣдствіе стягиванія, почти вплотъ подходятъ къ большому пальцу; а чтобы остановить развитіе ступни въ длину, то пятку также пригибаютъ къ подошвѣ и опять крѣпко бинтуютъ. Иногда впродолженіи года ребенокъ не въ состояніи отъ этого ходить. Бинтъ не снимается и во время сна; отъ этого ноги начинаютъ прѣть, образуются болячки и ребенокъ испытываетъ страшныя мученія, особенно въ первые три мѣсяца. Отъ времени до времени ноги промываются лекарствами, пересыпаются порошкомъ, но бинтъ не снимается и впослѣдствіи, нога нога приметъ желанную форму копытца въ три китайскихъ

вершка длиною (т. е. $1\frac{1}{2}$ верш.), въ противномъ случаѣ нога снова начнетъ расти, да притомъ сразу ослабленная битовка производитъ страшную ломоту въ ногѣ. Башмакъ дѣлается съ очень острымъ носкомъ изъ розоваго, пунцоваго и голубаго атласа, весь вышитый шелкомъ и золотомъ, и надѣвается собственно на большой и согнутые пальцы, которые служатъ большимъ упоромъ всей тяжести тѣла, чѣмъ самая ступня, отчего китайки при ходьбѣ не въ состояніи сгибать колѣнъ, а стоя на одномъ мѣстѣ, вѣчно должны балаansirовать. Не говоря уже о привилегированномъ классѣ, но и женщины низшаго сословія, при всей своей бѣдности, не избавлены отъ общепринятаго правила; только катонки дѣлаютъ нѣкоторое исключеніе и стоятъ по развитію выше другихъ женщинъ Китая, отчего и болѣе предпочитаются европейцами въ качествѣ нянекъ при дѣтяхъ. Идеаль красоты китайской женщины значительно разнится отъ понятія европейскаго. Какъ ни будь хороша китаянка, а неизбѣжно должна уже съ 6-ти-лѣтняго возраста бѣлиться и румянить не только щеки, но и уши, переносье, лобъ и подбородокъ, имѣть черные густые волосы, лицо формою арбузнаго сѣмьчва (подлинное сравненіе китаяца), неширокій лобъ, тонкія черныя брови дугою, узкіе, приподнятыя къ вискамъ глазки, носъ прямой, но ничуть не острый и не приплюснутый, уши большія и длинныя, ротъ маленький, розовыя губки на подобіе цвѣта персика, бѣлые зубы, ростъ средний, полнота умѣренная, плечи нѣсколько опущенныя внизъ, приятно крошечныя ноги, изуродованныя съ подобающимъ искусствомъ, такъ чтобы нога была прямая и одинаковой толщины; кривыя же ноги случаются нерѣдко отъ плохаго пристрастія за ходомъ развитія ноги послѣ операціи.

Обрядовая сторона и въ самой религіи китаяца беретъ начало надъ нравственнымъ убѣжденіемъ. Китаецъ скорѣе суется въ религію, чѣмъ религіозенъ въ томъ значеніи, какъ мы привыкли понимать слово «религіозность». Китайцы, за исключеніемъ сравнительно небольшого числа обращенныхъ, благодаря усиленнымъ трудамъ мисіонеровъ, въ христіанство, всѣ язычники. Преобладающая религія это буддизмъ, перенесенный сюда изъ Индіи въ началѣ христіанской эры, и религія Конфуція, основанная на ученіи этого китайскаго философа. Въ Монголіи—ламайская, представителемъ которой является далай-лама, жительствующій въ Тибетѣ, и кутухта, имѣющій своимъ мѣстопребываніемъ городъ Ургу, священное мѣсто, куда стекается масса монголовъ-богомольцевъ. На западѣ Китая преобладаетъ магометанство, такъ какъ большинство населенія татары. Свобода вѣроисповѣданія

существуетъ во всемъ Китаѣ. Мисіонеры дѣлаютъ довольно большіе успѣхи; особенно выдаются католики, которые владѣютъ въ мѣстахъ, доступныхъ европейцамъ, поземельною собственностью, строятъ огромные соборы и всевозможные благотворительные пріюты. Впрочемъ, масса не особенно благоволитъ къ нимъ, что особенно выразилось въ бунтѣ народа, бывшемъ въ Тянь-Цзинѣ въ 1870 году, когда былъ сожженъ кафедральный соборъ и пріютъ сестеръ милосердія для дѣвочекъ. Сестры были все убиты. Жертвою этого мятежа сдѣлались и трое изъ нашихъ соотечественниковъ: молодая новобрачная М. Н. Попова, ея мужъ и купецъ Басовъ, въ то время какъ они возвращались домой съ званого обѣда и нечаянно наткнулись на одну изъ шайкъ бунтовщиковъ; трое другихъ спаслись только благодаря тому, что предводителемъ шайки оказался служившій нѣкогда у одного изъ нихъ. Въ народѣ ходилъ слухъ, что дѣти, воспитываемыя сестрами, убиваются, а изъ ихъ глазъ дѣлается лекарство. Еще задолго до этого времени подбрасывали различнаго рода прокламаціи, но всѣ были совершенно спокойны и никто не хотѣлъ вѣрить, даже въ самый день рѣзни, въ возможность осуществленія подобной катастрофы. Но не трудно было возбудить массу, суевѣрную до крайности. Китаецъ вѣритъ въ существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ и оборотней. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ будутъ подробно приведены легендарныя повѣствованія нѣкоторыхъ народныхъ повѣрій, гдѣ болѣе или менѣе выразился характеръ народа.

Буввальное исполненіе прадѣдовскихъ обычаевъ является главною причиною застоя Китая; однако, не смотря на свою замкнутость, вліяніе европейцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ для нихъ есть доступъ, не можетъ остаться безслѣднымъ. Уже нѣкоторые изъ китайцевъ начали отправлять своихъ сыновей въ учебныя заведенія въ Англію или Америку, да и не выѣзжая изъ родины, многіе пишутъ и читаютъ по-англійски; наконецъ, и въ обыденной жизни, не говоря уже о ввозѣ мануфактурныхъ произведеній Европы, многіе предметы роскоши входятъ въ употребленіе: ковры, мебель, лампы, зеркала и даже разбитый рояль или органъ, такъ какъ болѣе или менѣе порядочные на-рхвать покупаются самими европейскими колонистами. Въ Кантонѣ, Шанхаѣ и Ханькоу ежегодно бываютъ аукціоны имущества тѣхъ изъ европейцевъ, которые совсѣмъ уѣзжаютъ на родину; здѣсь преимущественно покупателями являются китайцы. Въ китайскихъ лавкахъ можно найти всевозможные европейскіе товары. Подъ вліяніемъ европейцевъ образовались цѣлыя кор-

пораціи ремесленниковъ, чуть-ли не по всѣмъ отраслямъ, и даже дамскихъ портныхъ, которые достигли такого совершенства, что въ состояніи сдѣлать самый фешенебельный балый костюмъ. Въ Гонконгѣ и Кантонѣ существуетъ цѣлый классъ художниковъ-портретистовъ или копистовъ, такъ какъ съ натуры имъ удается только рисовать цвѣты и бабочекъ, собственно же портреты они дѣлаютъ съ фотографическихъ карточекъ въ увеличенномъ видѣ и масляными красками на холстѣ или кости, въ формѣ медальоновъ или кабинетныхъ портретовъ; эти послѣдніе замѣчательно хороши, тѣмъ болѣе, что кость по своему натуральному цвѣту подходитъ близко къ цвѣту кожи и тѣмъ даетъ всему портрету болѣе жизни. Рисунки рыбъ, цвѣтовъ и бабочекъ, сдѣланные на рисовой бумагѣ, отличаются особенною художественностью и яркостью красокъ, гдѣ, впрочемъ, большею частью преобладаетъ фантазія художника, а не строгое подражаніе природѣ; особенно въ колѣпціи бабочекъ встрѣчается такое сочетаніе самыхъ яркихъ и разнообразныхъ рисунковъ, какого нельзя встрѣтить въ дѣйствительности. Что же касается другой отрасли художественнаго отдѣла, какъ-то: изображенія людей, животныхъ и ландшафта, то она остается еще на степени младенчества. Перспективы не существуетъ; всѣ фигуры плаваютъ какъ-бы въ воздухѣ, облака рисуются въ видѣ розоваго очертанія. Пропорціональность фигуръ въ рисункѣ и ихъ сопоставленіе самое неестественное. Художниковъ въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать, не существуетъ. Здѣсь нельзя искать самостоятельной идеи художника или свободнаго и своеобразнаго размаха кисти; впрочемъ, здѣсь необходимо сдѣлать оговорку: въ Китаѣ существуетъ родъ художественныхъ произведеній высшей школы или такъ называемой «великой кисти», гдѣ именно размахистость кисти и имѣетъ особенную цѣнность и гдѣ фантазія художника витаетъ внѣ предѣловъ дѣйствительности, что именно и возвышаетъ подобный родъ живописи въ глазахъ любителей и знатоковъ. Въ подражаніе европейцамъ, китайцы нынѣ рисуютъ ландшафты уже съ соблюденіемъ нѣкотораго рода общепринятой формы и законовъ перспективы, но кропотливость и отчетливость деталей доходитъ до смѣшнаго; все то, что мы видимъ въ отдаленіи какъ-бы въ туманѣ или только слабыя очертанія предмета, здѣсь выступаютъ съ одинаковою яркостью красокъ, не только дома и деревья, но даже цвѣты со всѣмъ ихъ разнообразіемъ колеровъ. Составъ красокъ безподобенъ. Бумага, употребляемая для рисованія и такъ называемая рисовая, готовится изъ одного растенія, которое мнѣ

приходилось видѣть въ Амойѣ, но, къ величайшему сожалѣнію, мнѣ говорили только его китайское названіе, которое очень скоро улетучилось изъ памяти. Бумага чрезвычайно тонка, прозрачна и до такой степени хрупка, что ее приходится наклеивать на обыкновенную.

Бумага же, употребляемая для письма, готовится изъ тонкой кожицы бамбука, также тонка, мягка и всегда желтоватаго цвѣта; она скоро впитываетъ въ себя чернила, а потому на ней невозможно писать обыкновеннымъ перомъ; китайцы пишутъ кисточками, употребляя тушь вмѣсто чернилъ. Буквъ въ письмѣ китайцевъ не существуетъ; вмѣсто нихъ знаки, выражающіе собою цѣлое понятіе. Знаки имѣютъ своеобразную форму и пишутся не рядомъ, а сверху внизъ и отъ лѣвой руки къ правой. Всѣхъ знаковъ считается до 37,000; но достаточно знать и до 2,000 и даже меньше, чтобы имѣть возможность читать любую книгу. Требуется необыкновенная память, чтобы запомнить такую массу знаковъ. Собственно же разговорный языкъ при практикѣ усваивается очень легко; единственное затрудненіе въ томъ, что, какъ говорится, что ни городъ, то и новое нарѣчіе, иногда столь различное, что нѣтъ возможности понимать другъ друга. Напримѣръ, кантонецъ въ Ханькоу будетъ таиникъ же иностранцемъ, какъ и всякій вновь пріѣзжающій туда европеецъ. На такомъ незначительномъ разстояніемъ, какъ Ханькоу и Вучанъ, отдѣленные другъ отъ друга только рѣкою Янси, существуютъ уже два различныя нарѣчія.

Всего народонаселенія Небесной имперіи считается до 200.000.000 и только въ послѣднее время началась значительная эмиграція въ Австралію, Америку и другія ближайшія колоніи. Скученность населенія заставляетъ собственника дорожить каждымъ незначительнымъ клочкомъ земли и тщательно относиться къ его обработкѣ, не смотря ни на какія затрудненія, будь то склоны горы или даже значительная возвышенность. По дорогѣ къ Балгану, въ Гоанговскомъ ущельѣ сплошь и рядомъ встрѣчаются запаханые и разработанные куски земли на уступахъ такихъ горъ, гдѣ, казалось бы, человѣческая нога не въ состояніи была ступить. Благодаря усиленному труду человѣка и теплomu климату, нѣрѣдко на низменностяхъ получается вторичный сборъ рису и многихъ овощей, а чай собирается даже и три раза въ годъ. Но при всемъ трудолюбіи китаецъ, очень часто ему приходится не по силамъ бороться съ климатическими условіями; вотъ уже два года, какъ страшная засуха

уничтожила весь посѣвъ; часто ужасный голодъ свирѣпствуетъ въ Китаѣ и Индіи, а неразлучныя съ нимъ разнаго рода эпидеміи уничтожаютъ страшную массу населенія, такъ что люди мрутъ, какъ мухи; голодъ, этотъ ужасный бичъ, вырываетъ сразу тысячи жертвъ, уничтожаетъ въ людяхъ все ихъ человѣческое достоинство и всякое проявленіе души, и люди дѣлаются хуже звѣрей. Всѣ усилія правительства и общества не въ состояніи предотвратить этого народнаго бѣдствія. При недостаткѣ статистическихъ свѣдѣній трудно опредѣлить, до какой цифры доходить смертность. При такомъ громадномъ населеніи жизнь и трудъ человѣка цѣнятся очень мало. Потребности бѣднаго люда очень ограничены, но все же онѣ существуютъ. Рисъ, составляя главную пищу китайца, хотя и очень дешевъ, но все же его нужно вкупить. Рисъ требуетъ обильнаго орошенія, такъ что растетъ почти въ болотѣ; орошеніе производится за мѣсяцъ и за два до посѣва и мѣсяцъ спустя; аппаратъ, употребляемый для этого, состоитъ изъ цѣпи, снабженной извѣстнымъ количествомъ черпальцевъ; онъ имѣетъ видъ ящика, открытаго съ обоихъ концовъ. Одинъ конецъ, чрезъ который проходитъ цѣпь съ черпальцами, сообщается съ рѣкою или колодеземъ. Цѣпь съ бадами проходитъ чрезъ горизонтальный стержень, утвержденный на двухъ перпендикулярныхъ столбахъ; стержень, снабженный лучеобразнымъ упоромъ, приводится въ вращательное движеніе ногами рабочаго, и чѣмъ быстрѣе движеніе, тѣмъ болѣе накачивается воды. Весь аппаратъ дѣлается изъ бамбука, чрезвычайно легокъ и свободно можетъ быть переносимъ на плечахъ съ одного мѣста на другое. Китайцы ухитряются поднимать воду для орошенія полей и на значительные уступы горъ посредствомъ громаднаго колеса съ черпальцами, которыя при вращеніи высоко бросаютъ воду на ближайшій уступъ, гдѣ устраивается резервуаръ, изъ котораго снова водочерпательное колесо поднимаетъ воду выше и т. д. до мѣста своего назначенія, гдѣ она разливается черезъ жолоба по разнымъ направленіямъ.

Земледѣльческія орудія, какъ-то борона и плугъ, мало отличаются отъ нашихъ. Вспахиваніе полей производится быками или буйволами, лошади же вовсе не употребляются при сельскомъ хозяйствѣ. Вообще скотоводство, за неимѣніемъ большаго количества пастбищъ, не развито; скотъ кормится соломой, очень мелокъ и вовсе нѣтъ усовершенствованныхъ породъ; даже китайскіе кавалеристы развѣзжаютъ на такихъ клячахъ, какія у насъ встрѣчаются только въ деревняхъ. Несовершенство путей сообщенія, страшно узкія улицы, при постоянной массѣ движе-

нія, а главное недостатокъ корма, заставило китайца прибѣгнуть къ подобному способу передвиженія, какъ носилки; къ тому же заработная плата такъ ничтожна, что, въ экономическомъ отношеніи, содержаніе и наемъ двухъ носильщиковъ для носилокъ стоитъ сравнительно дешевле лошади, вслѣдствіе этого здѣсь образовалась ассоціація носильщиковъ, которые достигаютъ въ этомъ отношеніи нѣкотораго совершенства. Такъ, напримѣръ, въ Фукао я рисковала каждую минуту вывалиться изъ носилокъ, такъ быстро мчали меня тамошніе носильщики; дома и люди мелькали почти какъ при быстрой ѣздѣ. Исключеніе составляетъ Монголія, гдѣ лошади если не отличаются статностью, за то замѣчательно сильны и быстры; сами же монголы лихіе наѣздники и притомъ на дикихъ, неосѣдланныхъ лошадяхъ. У нихъ развито овцеводство; монголы ведутъ кочевую жизнь и переходятъ съ мѣста на мѣсто съ своими стадами.

Въ южномъ Китаѣ, какъ прибыльная отрасль ховяйства, стоитъ на первомъ планѣ свиноводство, тѣмъ болѣе, что свинина вообще предпочитается въ Китаѣ другому какому либо мясу и болѣе доступна по своей дешевизнѣ. Породы свиней доведены до громадныхъ размѣровъ; мнѣ приходилось видѣть свинью не менѣе порядочной коровы и при этомъ такая масса жиру, что она не въ состояніи двигаться.

Садоводство и огородничество процвѣтаютъ въ Китаѣ. Китайцы—искусные садоводы и большіе любители цвѣтовъ. Декоративная сторона доведена до совершенства. Самый крохотный садикъ обладаетъ такимъ разнообразіемъ флоры, какого трудно встрѣтить и въ любомъ ботаническомъ саду. Самыя причудливыя формы они придаютъ многимъ растеніямъ, какъ-то формы звѣрей, птицъ и т. д. Вычурныя бесѣдки, искусственные гроты, пруды, съ перекинутыми черезъ нихъ красивыми мостиками, составляютъ непремѣнную принадлежность мало-мальски порядочнаго сада. Рыбный промыселъ, благодаря множеству рѣкъ и озеръ, составляетъ одну изъ главныхъ статей внутренней торговли; рыба въ изобиліи и потому доступна для бѣднаго класса по своей дешевизнѣ. Подъ вліяніемъ этихъ условій, въ прибрежныхъ странахъ, какъ-то: Шанхаѣ, Гонконгѣ и Макао образовался цѣлый классъ лодочниковъ, которые, не имѣя пристанища на землѣ, живутъ и умираютъ въ своихъ джонкахъ, этихъ плывучихъ домахъ всей семьи. Жизнь ихъ подвергается различнаго рода случайностямъ; не говоря уже объ единичныхъ жертвахъ, цѣлыя сотни лодокъ, со всѣмъ людомъ, жившимъ на немъ, гибнутъ ежегодно отъ страшныхъ періодическихъ вѣтровъ-тайфу-

новъ. Послѣ тайфуна 1874 г. въ одномъ Гонконгѣ насчитывалось до 6,000 погибшихъ. Сила вѣтра была такъ ужасна, что португальскій корветъ забросило волнами на нѣсколько миль въ рисовое поле. Желѣзныя крыши летали по воздуху. Эти же лодочники были, въ прежнее время, и пиратами, которые теперь совсѣмъ уничтожены, благодаря усиліямъ англичанъ. Рыболовство производится сѣтями или съ помощью баклановъ, птицъ, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ гусемъ, съ тою только разницею, что они темнаго цвѣта и имѣютъ длинный клювъ. Бакланъ ныряетъ и имѣетъ способность долго оставаться подъ водою. Поймавъ рыбу, онъ показывается на поверхности и готовъ уже проглотить ее, но металлическое кольцо, надѣтое на шею, сдавливаетъ ему горло, а между тѣмъ къ нему подплываетъ рыбакъ и выхватываетъ изъ клюва добычу; иногда птица и успѣваетъ проглотить небольшую рыбу, но, замѣтивъ это, хозяинъ схватываетъ птицу и выдавливаетъ изъ горла рыбу. Бакланы ловятъ и большихъ рыбъ, но съ большимъ трудомъ; если лодочникъ не поспѣшитъ на помощь, то рыба легко успѣваетъ вырваться изъ клюва птицы. Интересно видѣть драку двухъ баклановъ изъ-за добычи, когда обоимъ приходится поймавъ одну и ту же рыбу; одинъ глотаетъ хвостъ, другой—голову и борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока не побѣдитъ сильный или хозяинъ не явится на выручку.

Фабрикъ и заводовъ не существуетъ; мануфактурное и техническое производство все ручное; если и существуютъ своего рода ткацкія, то самой простѣйшей конструкціи. Кантонъ составляетъ центръ мануфактурнаго производства. Шелковыя ткани, креповыя шали, съ богатою вышивкою, ширмы и экраны, вышитыя по атласу—верхъ совершенства; рисунки птицъ и цвѣтовъ замѣчательно художественно исполнены цвѣтными шелками. Шелкъ для шитья и вышиванія самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, по своей тонкости и крѣпости, едва-ли не превосходить берлинскій. Бумажное производство стоитъ сравнительно гораздо ниже, за исключеніемъ бѣлой ткани, на подобіе батиста, которая готовится изъ одного растенія и известна у англичанъ подъ именемъ glass-cloth. Въ настоящее время, ввозъ бумажныхъ и шерстяныхъ товаровъ изъ Англій достигъ большаго развитія.

Издѣлія изъ слоновой кости и серебра славятся своею тонкою рѣзбою, требующею большаго терпѣнія и усидчивости, тѣмъ болѣе, что вся работа ручная. Золотыя и серебряныя издѣлія цѣнятся ни во что, что уже само по себѣ показываетъ,

какъ низка заработная плата. Въ Кантонѣ, между прочимъ, мнѣ приходилось быть въ мастерской золотыхъ дѣлъ, и я была крайне удивлена, увидавъ, что зеленая и голубая эмаль на золотѣ и серебрѣ есть ничто иное, какъ перушки небольшой птички и притомъ натурального цвѣта; китайцы выдергиваютъ ихъ изъ шкурки и, съ помощью кисточки, наклеиваютъ на вещь по рисунку чевани и затѣмъ покрываютъ лакомъ. Тамъ же хороши рѣзные издѣлія изъ чернаго дерева, какъ-то: мебель, этажерки и шкафы. Фуцао славится своими лакированными ящиками изъ дерева; но Японія въ этомъ отношеніи превзошла Китай. Китайскія фарфоровыя вазы извѣстны всему свѣту, но, по моему мнѣнію, японскій фарфоръ стоитъ выше. Издѣлія чрезвычайно тонки; масса, изъ которой онѣ сдѣланы, такъ плотна, что, напри- мѣръ, чашка можетъ выдерживать довольно сильный жаръ. Рисунки же всѣ очень однообразны, какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи.

Женщины мало работаютъ внѣ дома, причиною тому, какъ условія самой жизни, такъ и уродливость ногъ.

Много силъ и способностей этого трудолюбиваго и терпѣливаго народа гибнетъ отъ распространеннаго употребленія опиума. Это громадное зло не могутъ уничтожить ни законъ, ни проповѣди мисіонеровъ, ни даже собственное сознаніе вреда, происходящаго отъ куренія опиума.

Куреніе опиума, по свидѣтельству одного мисіонера, увеличивается чуть не съ каждымъ днемъ. Сами китайцы говорятъ, что у нихъ больше торговцевъ опиума, чѣмъ риса. Опиумъ вводится внутрь человѣка чрезъ легкія, посредствомъ куренія. Приготовленный для куренія, онъ имѣетъ видъ патоки; до подобнаго состоянія его доводятъ кипяченіемъ, что требуетъ большой сноровки и предусмотрительности. $\frac{1}{100}$ унціи стоитъ 800 чахъ (около 1 р.).

Трубка, употребляемая для куренія опиума, дѣлается закрытою чашечкою, съ очень малымъ отверстіемъ, которое курящій все время куренія долженъ держать передъ огнемъ. Куреніе производится лежа на широкыхъ нарахъ, такъ какъ сонъ овладѣваетъ субъектомъ немедленно. Привычка къ куренію прививается очень скоро, съ удивительною регулярностью; кто уже разъ привыкъ курить въ опредѣленное время, тотъ не въ состояніи бороться съ собою; въ противномъ случаѣ онъ испытываетъ самыя непріятныя ощущенія, вялость и неспособность къ какой нибудь дѣятельности овладѣваетъ всѣмъ его существомъ, но какъ скоро онъ удовлетворитъ свою потребность, то снова становится бодрымъ, веселымъ и здоровымъ.

По своей дороговизнѣ, опиумъ, казалось бы, не могъ быть доступенъ большинству; но, однако, не смотря на это, зло распространено одинаково во всѣхъ классахъ; для удовлетворенія этой страсти, многіе жертвуютъ всѣмъ: домою, семьей и доходятъ до крайней нищеты. Курящаго опиумъ можно узнать сразу по матово-блѣдному цвѣту лица, безжизненнымъ и мутнымъ глазамъ, и по общей худобѣ тѣла; плечи кажутся какъ-то необыкновенно приподнятыми, а голова уходитъ ниже въ туловище, какъ будто бы на одинаковомъ уровнѣ съ плечами. Впрочемъ, многіе изъ нихъ доживаютъ до глубокой старости и тѣмъ дольше курятъ, тѣмъ большее количество для нихъ требуется. Противъ опиума не существуетъ какого либо противодія, кромѣ собственной твердой воли и глубокаго сознанія этого зла. Но во всѣмъ проповѣдямъ мисіонеровъ противъ куренія китайцы относятся съ недовѣріемъ и имѣютъ на это всегда тотоевое возраженіе. «Вы сами—говорятъ они—внесли опиумъ въ Китай, а теперь сами же возстаете противъ него; зачѣмъ же вы сдѣлалите, если знали все зло, какое оно можетъ принести?»

Нельзя не упомянуть о чаѣ, какъ важнѣйшей статьѣ отпускнуой торговли Китая, служащемъ почти единственнымъ и главнымъ чайнымъ рынкомъ всемірной торговли, куда стекаются иностранцы всѣхъ націй, владѣющіе значительными колоніями въ Кантонѣ, Шанхаѣ, Ханьбоу, Фучао и другихъ городахъ китайской имперіи, и гдѣ оборотный капиталъ достигаетъ громадной цифры.

Достигнувъ своего крайняго развитія, чайное производство занимаетъ массу рабочихъ рукъ и кормитъ тысячи народа. Вслѣдствіе густоты населенія страны, всякій годный клочекъ земли тщательно обрабатывается. Такое благодарное растеніе, какъ чайный кустъ, вполне вознаграждая владѣльца, заставляетъ его крайне дорожить даже незначительнымъ клочкомъ земли, удобной для произрастенія чайнаго куста, тѣмъ болѣе, что за послѣднимъ не требуется иного ухода, кромѣ вскапыванія отъ времени до времени земли вокругъ кустовъ.

Чайныя плантаціи разводятся преимущественно по склонамъ горъ, рыхлый, легко превращающійся въ пыль, желтый сланецъ которыхъ служитъ лучшею почвою чайному растенію. Разсадка кустовъ производится не позднѣе апрѣля; для этого вскапываютъ глинистую почву, растирая куски попадающагося сланца, затѣмъ вырываютъ ложи для сѣмянъ въ два вершка глубиною, на разстояніи аршина одна отъ другой, и опускаютъ въ нихъ по нѣсколько зеренъ. Каждое зерно величиною въ небольшой лѣсной

орѣхъ и содержитъ до 4-хъ ядеръ. Чайное деревцо растетъ кустарникомъ и не достигаетъ болѣе 3 фут. вышины, по толщинѣ едва-ли когда превышающей $\frac{3}{4}$ вершка въ діаметрѣ у основанія. Листъ его зубчатый, похожій на листъ камеліи-фуксій. На четвертомъ году чайный кустъ становится уже годнымъ для сбора, а на десятомъ, когда листъ его дѣлается очень грубымъ, онъ замѣняется новыми отростками.

Сборъ чая производится три раза въ годъ; первый—въ апрѣлѣ, какъ только распустится зеленая почка, почему чай этого сбора и отличается нѣжностью и ароматомъ; второй—въ іюнѣ, а третій—въ августѣ. Обыкновенно самъ хозяинъ со своими чадами и домочадцами, начиная съ восхода солнца и до полудня, производятъ эту операцію сбора, срывая съ деревца молодые побѣги съ листочками, которые и бросаютъ въ бамбуковыя корзины. Придя домой, листъ разсыпаютъ тонкимъ слоемъ на бамбуковыя рогожки и затѣмъ выставляютъ для просушиванія на солнце, причемъ отъ времени до времени его переворачиваютъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока листъ не получитъ нѣкоторую мягкость и вялость. Тогда его мнутъ или топчутъ ногами, отчего онъ свертывается, и наконецъ, всыпаютъ въ корзины, ящики или другаго рода домашнюю утварь, которую плотно закрываютъ для защиты отъ вліянія воздуха и такъ оставляютъ на ночь, въ продолженіи которой листъ получаетъ темно-красный цвѣтъ. Отсюда, вѣроятно, и названіе «Хун-ца» или красный чай.

На слѣдующій день чай снова высыпаютъ на бамбуковыя рогожки и подсушиваютъ въ тѣни. Если же чай не предназначенъ для скорой продажи на чайную фабрику, то, чтобы предохранить отъ плѣсени, его просушиваютъ на горячихъ угляхъ. Съ этою цѣлью чай всыпаютъ въ бамбуковыя корзины, имѣющія видъ цилиндра до 6 четвертей вышины и до 3-хъ въ діаметрѣ, съ небольшимъ перехватомъ посрединѣ, куда вставляется конусообразная, конусомъ вверхъ плетеная изъ бамбука же крышка, на которую и насыпается чай; подъ корзину ставится небольшая, вершковъ 8 въ діаметрѣ, чугунная чаша, наполненная раскаленными углями, которые, чтобы умѣрить жаръ, засыпаются слоемъ пепла. Нагрѣтый до тепла чай снимаютъ осторожно съ углей вмѣстѣ съ корзиною, перемѣшиваютъ руками, снова ставятъ на угли и повторяютъ это раза три, пока чайный листъ достаточно подсохнетъ; затѣмъ его охлаждаютъ и выбираютъ болѣе крупныя сучки и стебли. Этимъ кончается первоначальная подготовка и чай въ такомъ видѣ поступаетъ въ продажу

на фабрики. Здѣсь онъ подвергается еще большому просушиванію на угляхъ, для чего и поступаетъ въ сушильное отдѣленіе, гдѣ въ глиняныхъ градахъ, на подобіе огородныхъ, сдѣланы для углей небольшія углубленія, на которыя и ставится чай въ такихъ же корзинахъ, какъ и при первоначальной подготовкѣ, съ тою однако же разницею, что здѣсь онъ подогрѣвается сильнѣе и тщательнѣе перемѣшивается руками.

Совершенно просушенный такимъ образомъ еще теплый чай поступаетъ въ другое отдѣленіе фабрики для просѣиванія чрезъ рѣшетки и сита, начиная съ самаго крупнаго (въ ячейку котораго свободно проходитъ палецъ), причѣмъ оставшіеся листья чая разминаютъ руками, чтобы онъ весь могъ пройти безъ остатка чрезъ рѣшето, чего не допускается при послѣдующемъ переходѣ къ болѣе мелкимъ рѣшетамъ. Остающійся на полотнѣ послѣднихъ чай отбрасывается въ отдѣльныя корзины.

Всѣхъ ситъ и рѣшетъ 18. Первоначально чай просѣивается обыкновенно черезъ 12 ситъ, а остальные 6 служатъ добавочными при дальнѣйшей обработкѣ; чрезъ послѣднее, самое мельчайшее сито, проходитъ только чайная пыль.

Разсортированный надлежащимъ образомъ чай поступаетъ въ отдѣленіе ручныхъ вѣялокъ, состоящихъ изъ ящичковъ съ тонкими деревянными колесами. Ящики раздѣляются параллельно оси колеса четырьмя перегородками, такимъ образомъ, что, при поворотѣ колеса, въ первое отдѣленіе попадаютъ сучки, камешки и другой болѣе тяжелый соръ; во второе хорошо свернувшійся листъ; въ третье плоскій листъ, идущій на выдѣлку, такъ называемаго, чернаго пекинскаго кирпичнаго чая; наконецъ, въ четвертое падаетъ чайная пыль. Хорошо свернушіеся листья чая поступаютъ къ работникамъ, преимущественно женщинамъ, для очистки его отъ стеблей и сучковъ, послѣ чего онъ еще разъ подвергается окончательному поджариванію съ соблюденіемъ, какъ и прежде, особенной осторожности, чтобы уголья, посыпанные пепломъ, давали ровный надлежащій жаръ и чтобы не уронить листочковъ въ огонь и тѣмъ не испортить аромата и не сообщить ему запаха гари. Этимъ заканчивается процессъ приготовленія чая, извѣстнаго въ торговлѣ подъ именемъ байховаго, который раздѣляется на нѣсколько сортовъ, имѣющихъ массу подраздѣленій и наименованій, зависящихъ отъ мѣста рожденія чая.

Тщательная укупорка чая также имѣетъ немаловажное значеніе, не только сохраняя его вкусъ и ароматъ, но и предохраняя его отъ порчи. Какъ только кончается послѣдній про-

цесъ приготовленія чая, его высыпаютъ въ деревянные различ-ной величины, смотря по требованію заказчиковъ, ящики, толщина стѣновъ которыхъ бываетъ не болѣе $\frac{1}{8}$ вершка. Ящикъ снаружи оклеивается толстою сѣрою бумагою, покрывается олифою, а затѣмъ оплетается въ два или три ряда тонкою драпью бамбука. Для еще большаго предохраненія отъ сырости, въ промежуткѣ между ящикомъ и плетеньемъ кладутся въ нѣсколько рядовъ бамбуковые же прилистники. Это собственно не листья бамбука, а такъ называемые въ ботаникѣ прилистники или рострубы, растущіе не на вѣтвяхъ, а облетающіе стволъ нѣкоторыхъ растений.

Внутри ящикъ въ нѣсколько рядовъ выложенъ тонкою желтой бумагою, плотно закрывающей со всѣхъ сторонъ чай; нѣкоторые сорта чая, въ особенности предназначенные для отправки моремъ, прежде укупориваютъ въ ящикъ изъ листового свинца, залаянный со всѣхъ сторонъ, который и вставляется уже потомъ въ вышеописанный деревянный ящикъ, снабженный марвою чая и фирмы.

Купленный на чайныхъ рынкахъ Китая чай грузится на пароходы различныхъ компаній для отправки моремъ въ различные порты; кирпичный же идетъ моремъ только до Тяньдзина, откуда онъ отправляется сухопутно караваномъ въ Кяхту, а отсюда идетъ далѣе по назначенію.

Такъ называемый кирпичный чай, получившій свое названіе отъ формы, какую онъ принимаетъ отъ дѣйствія преса, выдѣлывается изъ остатковъ краснаго чая или байховаго. Этотъ сортъ чая поступаетъ преимущественно въ продажу татарамъ, киргизамъ и въ Сибири бурятамъ, публикѣ же онъ мало извѣстенъ, за исключеніемъ Забайкальскаго края Сибири, гдѣ онъ составляетъ почти потребность населенія преимущественно рабочаго класса. Здѣсь кирпичный чай варятъ въ горшочкахъ съ цѣльнымъ молокомъ, солью и масломъ, а иногда подбавляютъ и муки, поджаренной въ маслѣ, отчего онъ дѣлается очень питательнымъ и приобрѣтаетъ очень своеобразный вкусъ. Нужна привычка, чтобы онъ не показался новичкамъ отвратительною микстурою, чего я, впрочемъ, не могу сказать про себя; но о вкусахъ не спорять.

Выдѣла кирпичнаго чая производится въ продолженіи цѣлаго года, но лучшими сортами считаются чай лѣтней пресовки. Онъ также имѣетъ свои подраздѣленія, какъ, на примѣръ, пекинскій чер-ный, на производство котораго, какъ сказано выше, идетъ несвернувшійся листъ послѣ просѣвки краснаго чая. Его высыпаютъ въ

мѣшечки и подвергаютъ распариванію на бамбуковыхъ рѣшеткахъ, укрѣпленныхъ надъ котлами съ кипящею водою; затѣмъ покрываютъ глухою, конической формы, крышкою и держатъ такимъ образомъ подъ паромъ отъ 2—3 минутъ, послѣ чего листъ дѣлается влажнымъ и мягкимъ, тогда его кладутъ въ деревянные формы и пресуютъ.

Чай, подверженный дѣйствию преса, еще часа на два остается въ формахъ, изъ которыхъ его выколачиваютъ, складываютъ рѣшеткой и оставляютъ около недѣли на воздухѣ для окончательной просушки и, наконецъ, завертываютъ каждый кирпичъ въ бумагу и укладываютъ въ ящики. На выдѣлку обыкновеннаго кирпичнаго чая употребляютъ старше листья, срываемые вмѣстѣ съ вѣтвями. Ихъ первоначально заваливаютъ, но не на солнцѣ, какъ при обдѣлкѣ байховаго чая, а въ горячихъ котлахъ, свертываютъ, высушиваютъ и затѣмъ уже несутъ для продажи на фабрики. Здѣсь сучья и стебли измельчиваютъ, нережѣиваютъ и туго набиваютъ въ нарочно устроенныя для этого помѣщенія, гдѣ чай подвергается моренью, отчего вкусъ и цвѣтъ его мѣняются: изъ горько-вяжущаго онъ получаетъ мягкій вкусъ, а изъ зеленоватаго переходитъ въ темный цвѣтъ.

Когда чай достаточно вылежался, его провѣтриваютъ, охлаждаютъ и пресуютъ въ кирпичи тѣмъ же способомъ, какъ и черный пекинский. Наконецъ, третій сортъ, пекинский зеленый, выдѣлывается почти изъ того же матеріала, какъ и обыкновенный, съ тою только разницею, что сюда примѣшивается менѣе стеблей, да и самый листъ употребляется болѣе молодой. Зеленоватый же цвѣтъ онъ сохраняетъ потому, что подвергается меньшему замариванію. Самая его обдѣлка ничѣмъ не отличается отъ способа обдѣлки вышеупомянутыхъ сортовъ кирпичнаго чая.

Выдѣлка кирпичныхъ чаевъ собственно русскими началась съ 1862 года, сначала черезъ китайскихъ подрядчиковъ; но такъ какъ приготовленный чай не удовлетворялъ требованію заказчиковъ, то съ 1863 года посредство подрядчика было устранено и выдѣлка кирпичнаго чая стала производиться подъ приглядомъ самихъ русскихъ на арендованныхъ ими же фабрикахъ, находящихся отъ Ханькоу въ разстояніи 200 миль и болѣе, во внутрь страны, по Ян-си-Кіангу.

Въ настоящее время выдѣлка кирпичныхъ чаевъ переведена большею частью въ самый Ханькоу и пресовка чая производится уже посредствомъ паровыхъ машинъ американской системы, приспособленныхъ къ дѣлу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обыденная жизнь и семейныя права и привилегіи.—Устройство городовъ: дома, пища, одежда и семейныя отношенія.

Каждый китайскій городъ непремѣнно долженъ быть окруженъ ровомъ, валомъ и зубчатою каменною стѣною, съ нѣкоторыми главными и второстепенными воротами, ведущими въ городъ. Ворота образуютъ глубокую нишу, съ возвышающеюся надъ нею башнею, съ загнутыми вверхъ углами крыши, столь извѣстный стиль всѣхъ китайскихъ построекъ. Здѣсь всюду устроены таможни, такъ какъ и внутренняя торговля обложена пошлиною.

Многолюдство населенія заставляетъ дорожить каждымъ клочкомъ земли; городскія улицы до того узки, что противоположныя крыши едва не сходятся одна съ другою, гдѣ не въ состояніи проѣхать не только какой либо экипажъ, но и носилки безпрестанно задерживаются на пути, а при встрѣчѣ съ другими, однѣ изъ нихъ непремѣнно должны прижаться къ зданіямъ и дать дорогу другимъ; да и пѣшеходъ не безъ труда и задержки можетъ пробраться съвозъ тѣсную толпу; массы носильщиковъ снуютъ взадъ и впередъ съ своимъ тяжелымъ грузомъ. Европейецъ, иди по вѣчно-многолюднымъ улицамъ большаго китайскаго города, долженъ преимущественно имѣть своего рода снаровку и, что называется, смотрѣть въ оба, иначе рискуетъ подвергнуться различнаго рода неприяностямъ, а болѣе всего онъ не долженъ возмущаться посылаемымъ ему, на каждомъ шагу, эпитетомъ-прозвищемъ—ангуизо (заморскій чортъ) и не принимать его за личное оскорбленіе, такъ какъ китаецъ-простолудинъ или сельскій житель, придя въ городъ, конечно, съ удивленіемъ будетъ смотрѣть на иностранца, а о другомъ какомъ нибудь болѣе приличномъ названіи онъ едва-ли и имѣетъ понятіе. Внутри страны, отдаленной отъ портовъ, доступныхъ европейцамъ, масса имѣетъ о нихъ самое нелѣпое понятіе, такъ, напримѣръ, то, что европейцы имѣютъ только по одной ногѣ, вслѣдствіе чего они могутъ ходить не иначе, какъ подъ ручку вдвоемъ и къ тому же имѣютъ хвостъ. Карикатуры на европейца въ большомъ ходу между народомъ. При тѣснотѣ улицъ, зданія буквально лѣнятся одно возлѣ другаго, такъ что, сплошь и рядомъ, у двухъ домовъ различныхъ домохозяевъ бываетъ

одна общая стѣна дома. Дворовъ почти не существуетъ; нечистоты валяются прямо на улицу; гигиеническихъ условій никакихъ, всюду убійственный запахъ; понятно, что различнаго рода эпидеміи имѣютъ здѣсь готовую почву и обильную жатву; нѣтъ ребенка, который не страдалъ бы главною болѣзнію. Въ большихъ городахъ фасады домовъ совершенно скрыты лавками, идущими сплошь всѣхъ улицъ. Эти лавки ни болѣе, ни менѣе, какъ навѣсы. Благодаря теплomu климату, вся жизнь китайца проводится большею частью на улицѣ.

Въ южномъ Китаѣ дома строятся на скорую руку и часто изъ необожженаго кирпича. Постройка производится во всякое время года; прежде всего дѣлаютъ основаніе дома, ставя столбы на извѣстное разстояніе въ длину и ширину предполагаемаго зданія и связываютъ ихъ между собою перекладинами, будь то даже двухъ-этажное зданіе, затѣмъ утверждаютъ подпорки для крыши на два ската и тотчасъ же покрываютъ черепицею. Окончивъ съ крышею, начинаютъ уже потомъ выводить и самыя стѣны въ одинъ кирпичъ, связывая ихъ глиною, съ ничтожнымъ количествомъ извести.

Большіе дома строятся изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ корпусовъ, соединенныхъ между собою. Подобнаго рода постройки не отличаются ни прочностью, ни красотою. Китайскія кумирни хотя и замѣчательны оригинальностью архитектуры, но онѣ мало выдѣляются изъ общаго и теряются среди массы зданій, гѣснящихся возлѣ. О внутреннемъ комфортѣ, какъ мы привыкли его понимать, не можетъ быть и рѣчи. Даже люди болѣе или менѣе зажиточные не пользуются самыми необходимыми удобствами. Пріемная комната, имѣющая, съ одной стороны, значеніе нашей гостиной, а съ другой—служащая нѣкотораго рода моленной, гдѣ исполняются различныя религіозныя церемоніи обыденной жизни, составляетъ необходимую принадлежность мало-мальски достаточной семьи. Она непременно должна находиться въ срединѣ зданія; на первомъ планѣ противъ входа виситъ изображеніе какого либо святаго или философа древнихъ временъ; тутъ же у стѣны ставится длинный узкій столъ, на одномъ концѣ котораго помѣщается зеркало, а на другомъ—ваза или искусственный букетъ цвѣтовъ подъ стекломъ. Стулья, покрытые красною матеріею, въ строгомъ порядкѣ чинно располагаются у стѣнки другъ противъ друга; между ними небольшіе квадратные столики для чая (чай-цзи). Картины и дуй-цзи, съ замысловатыми и поучительными изреченіями, довершаютъ украшеніе комнаты.

Какъ любители цвѣтовъ, китайцы, за неимѣніемъ сада, украшаютъ свою приемную и цвѣтами. Полъ деревянный или изъ глины, съ примѣсью песка и вѣчно грязный. Жилыя комнаты располагаются по сторонамъ; онѣ недоступны для посторонняго посѣтителя, а потому и сообщить что либо интересное о нихъ довольно трудно.

Какъ обстановка комнатъ, такъ и одежда китайца не подчинены вліянію скоро-проходящей моды; если она нѣсколько и измѣнилась съ теченіемъ цѣлыхъ столѣтій, то тутъ на нее вліяли внѣшнія условія жизни и по большей части политическія, такъ что, можно сказать, она имѣетъ свою собственную исторію.

Покрой платья мужчины заимствованъ уже отъ манжуровъ, а женскій—чисто китайскій.

Все бѣлье и чулки дѣлаются изъ толстаго, небѣленаго холста, производства страны; сверхъ бѣлья надѣвается курточка въ родѣ жилета, иногда же, впрочемъ, съ рукавами, а затѣмъ уже халатъ, со съющенной полою, стянутый поясомъ, въ которому прицѣпляется чехоль для вѣера лѣтомъ, весь вышитый шелкомъ и мишурою, кисеть для табаку, футляръ для очковъ и трубка. Бурма или короткая прямая кофта, съ разрѣзами по бокамъ, съ прямымъ или косымъ воротомъ и широкими рукавами, довершаетъ обыденный костюмъ китайца; зимній костюмъ, начиная съ бѣлья и кончая халатомъ и курмою, все это толсто простегивается на ватѣ. Такъ какъ климатъ не суровый, то каминовъ или печей въ домахъ не существуетъ; кушанье же готовится на очагѣ или жаровнѣ.

Обувь мужчины не отличается красивою формою; башмакъ дѣлается изъ чернаго атласа, бархата или сукна, на толстой подошвѣ изъ свернутаго въ нѣсколько разъ войлока, съ подшивкою изъ кожи. Подошва, толщиною не менѣе вершка, дѣлаетъ обувь необыкновенно тяжелою. Поверхъ чулка надѣваются еще шерстяные или шелковые наколѣнники, имѣющіе значеніе нашихъ гетровъ. Они начинаются отъ взяма и идутъ выше колѣнъ.

На головѣ носится черная атласная круглая шапочка, какъ у татаръ, а сверхъ нея черная войлочная шляпа, съ загнутыми вверхъ полями. Уши предохраняются отъ холода наушниками, подбитыми мѣхомъ. Лѣтомъ тотъ же покрой костюма, только изъ болѣе легкой матеріи. Вѣеръ составляетъ непремѣнную принадлежность какъ мужчины, такъ и женщины, какъ богатаго, такъ и бѣднаго; каждый носильщикъ тяжестей, едва полуодѣ-

тый, изнемогая от жаровъ, никогда не разстанется съ своимъ вѣромъ. Простолудинъ носить лѣтомъ соломенную шляпу съ неимоვნно-широкими полями, горожанинъ же или чиновникъ — соломенную, остроконечную, съ кистью изъ волосъ буйвола, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ.

Парадный костюмъ, который богатый китаецъ надѣваетъ въ торжественныхъ случаяхъ, дѣлается изъ болѣе или менѣе дорогой шелковой матеріи, преимущественно черной, голубой или сѣрой. Курма (чанъ-гуа или да-гуа) въ этомъ случаѣ длинная, съ прямою полою, шьется изъ чернаго атласа или дорогаго мѣха, вверхъ шерстью, за исключеніемъ собольяго, который имѣютъ право носить только чиновники отъ 1-го до 4-го класса, и мѣха чернубурой лисицы, которая составляетъ точно также, какъ и желтый цвѣтъ, принадлежность императорскаго дома и никто, подъ страхомъ смертной казни, не имѣетъ права носить его.

Подкафтанье изъ болѣе яркой матеріи составляетъ дополненіе праздничнаго костюма.

Шалочка замѣняется шляпою, также опушеною мѣхомъ и съ красною кистью на верхушкѣ; а башмаки — сапогами изъ чернаго атласа.

Платье чиновника отличается отъ обыкновеннаго праздничнаго только тѣмъ, что имѣетъ на груди и на спинѣ богатое шитье шелкомъ и золотомъ, а на шляпѣ шарикъ, означающій его чинъ, а затѣмъ длинныя четки, ниспадающія до пояса; впрочемъ, длина четокъ также обуславливается классомъ чина. При представленіи ко двору, чиновники высшихъ классовъ имѣютъ халатъ, весь разшитый шелками и золотомъ, съ изображеніемъ драконовъ съ четырьмя пальцами на лапахъ. Шарикъ же на шапкахъ замѣняются столбиками изъ граненаго хрустала. Жены чиновниковъ имѣютъ право носить одинаковое съ мужьями шитье на платьѣ, означающее ихъ чинъ, а также четки и жемчужныя головныя уборы. Костюмъ женщинъ богатаго класса людей отличается своею оригинальностью и богатствомъ вышивки, но, не смотря на это, онъ нисколько не граціозенъ и не изященъ и также, какъ и мужской костюмъ, не подчиняется какому либо вліянію моды.

Узкая юбка, прямая, просторная и длинная кофта, съ неимоვნно широкими рукавами, и постоянное балансированіе съ размахиваніемъ рукъ убиваетъ всякую граціозность китайской женщины; ни природная грація, ни изящество формъ, ни даже самая уродливость стана не могутъ выдѣляться изъ общаго при

подобной и вышкватости всего костюма. Костюмъ богатой женщины стоитъ большихъ денегъ; онъ дѣлается изъ дорогой шелковой матеріи; широкіе отвороты рукавовъ, полы кофты и передъ юбки вышиваются разноцвѣтными шелками, а еще болѣе богатый имѣетъ сплошную вышивку. Женщины бѣднаго класса носятъ юбки только въ торжественные дни, обыкновенный же костюмъ: шальвары, обшитые внизу синею тесьмою, и широкая кофта, доходящая до колѣнъ, съ подобною же обшивкою на косой полѣ. Кантонки же носятъ, какъ шальвары, такъ и курму совсѣмъ черную, безъ всякихъ украшеній, изъ матеріи, похожей на нашъ вошенный каленкоръ.

Прическа составляетъ нѣчто важное, какъ въ туалетѣ женщины богатаго и бѣднаго класса, такъ и мужчины. Какую-то особенную нѣгу и наслажденіе испытываетъ китаецъ во время длиннаго процесса бритья, мытья и причесыванія головы. Прическа женщинъ необыкновенно замысловата и оригинальна; при всемъ навыгѣ, она требуетъ не мало времени; однако, не смотря на это, самая бѣдная женщина, даже въ рубищѣ, не отнесется къ ней небрежно. Китайки обыкновенно зачесываютъ всѣ волосы наверхъ, туго стягиваютъ ихъ шнуркомъ, смазываютъ клеємъ, а затѣмъ уже дѣлаютъ изъ волосъ замысловатый узелъ, или вся прическа имѣетъ видъ бабочки. Въ разныхъ частяхъ Китая существуютъ своеобразныя прически. Масса цвѣтовъ, золотыхъ и серебряныхъ шпилекъ дополняютъ украшеніе головы. При подобной кропотливости прически, китайки не считаютъ необходимымъ ежедневно заниматься ею, тѣмъ болѣе, что смазанные клеємъ волосы могутъ долго оставаться гладкими.

Изголовьемъ же во время сна имъ служитъ плетеная изъ бамбука подушка въ родѣ свамеечки, которую китайцы подкладываютъ только подъ шею, такъ что голова остается почти на вѣсу; при такомъ положеніи прическа ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть испорчена; немного клею на щетку, и въ одинъ моментъ можно исправить неаккуратность и случайно торчащій волосокъ, и такимъ образомъ прическа можетъ сохраниться цѣлою недѣлю. Молодыя дѣвушки носятъ одну косу, а сверху довольно оригинальную и красивую шапочку въ родѣ повязки. Браслеты, кольца, серьги и даже серебряныя наноготники для предохраненія отъ ломки своихъ длинныхъ ногтей, которые составляютъ шикъ и нѣкотораго рода аристократизмъ, довершаютъ парадный туалетъ женщины.

Положеніе женщины, какъ въ семейномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи, не особенно завидно; хотя нельзя сказать,

чтобы она была вполне безлична, но все-таки большой роли какъ въ томъ, такъ и другомъ отношеніи не играетъ. Мать наследнаго принца за его несовершеннолѣтіемъ имѣетъ право быть регентшей, но не самостоятельной правительницею. Въ семьѣ, какъ мать, женщина пользуется почетомъ и уваженіемъ дѣтей, правомъ самостоятельной расправы надъ непочтительными дѣтьми; но въ отношеніи мужа она своего рода раба, хотя законная жена и пользуется всѣми правами и привилегіями надъ остальными женами мужа, которыя считаются ни болѣе, ни менѣе, какъ наложницами, не имѣющими ни права голоса, ни вліянія даже надъ своими собственными дѣтьми и во всемъ подчинены законной женѣ своего господина, который имѣетъ право продать каждую изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ имѣть отъ нея сына, но и тогда онѣ остаются такими же рабами, какъ и прежде. Число наложницъ не ограничено закономъ, жена же должна быть одна, и только въ случаѣ ея смерти мужъ можетъ возвести любую изъ второстепенныхъ женъ на степень законной. Мужъ есть полный и неограниченный господинъ своего дома и домохозяинъ; онъ долженъ подавать добрый примѣръ дѣтямъ, учить ихъ всему хорошему и обращаться съ ними съ любовью; законъ и въ отношеніи жены требуетъ гуманнаго обращенія, мужъ обязанъ ее любить, охранять ея честь и отдавать предпочтеніе передъ другими женами.

Въ случаѣ смерти мужа и долгой его отлучки изъ дому, жена пользуется правами полнаго, главы дома. Непокорная жена можетъ быть изгнана изъ дому. Полный же разводъ допускается закономъ по требованію только мужа и притомъ на основаніи доказанныхъ причинъ, какъ-то:

- 1) Неуваженіе къ родителямъ мужа.
- 2) Грубое обращеніе съ дѣтьми.
- 3) Неуваженіе къ мужу.
- 4) Нарушеніе супружеской вѣрности.
- 5) Бездѣтство.
- 6) Заразительныя болѣзни.
- 7) Ненависть къ мужу.

Давъ бракоразводное письмо, мужъ оставляетъ у себя дѣтей; жена, можетъ вторично выйти за другаго. Мужъ имѣетъ право смерти надъ невѣрною женою; за это онъ не только не подлежитъ преслѣдованію закона, но и получаетъ одобреніе, если тотчасъ же заявитъ объ этомъ властямъ. Этимъ правомъ пользуется и свекровь, свекоръ же за подобное преступленіе наказывается смертію. Жена не можетъ жаловаться судомъ на своего

мужа, какъ младшая на старшаго, а ея требованія на разводъ не могутъ быть уважены. Если она убѣжитъ изъ дома мужа, то ея родные со стыдомъ возвращаютъ ее и униженно просятъ извиненія у мужа и его родныхъ. Мужъ, доведшій жену своимъ жестокимъ обращеніемъ до самоубійства, подлежитъ суду.

Дѣти вполне подчинены какъ отцу, такъ и матери; они должны уважать и почитать ихъ старость, а въ крайнемъ случаѣ, родители могутъ требовать судомъ наказанія непочтительныхъ дѣтей, въ чемъ судъ долженъ исполнить буквально ихъ требованіе. Если отецъ приноситъ жалобу на сына, то только одна мать имѣетъ законное право его защиты; если же наоборотъ, то отецъ не имѣетъ этого права, даже если виновный по требованію матери подлежитъ засѣченію до смерти, что, конечно, случается какъ исключеніе; въ этомъ право голоса и защиты надъ приговореннымъ дается еще дядѣ по матери; трудно объяснить, на какомъ основаніи здѣсь отецъ имѣетъ меньшее право, чѣмъ дядя.

Почтеніе къ старшимъ и безграничное повиновеніе родителямъ считается величайшею добродѣтью человѣка. Само небо наказуетъ непочтительныхъ дѣтей: оно убиваетъ ихъ грозю. Отцеубійцы наказываются страшною казною гуа гдѣ виновнаго рѣжутъ на куски. Дѣти наложницъ вполне подчинены законной женѣ отца, которую они величаютъ матерью-хозяйкой, а свою родную мать матерью-воспитательницею. Весь почетъ и уваженіе отъ дѣтей принадлежитъ матери-хозяйкѣ; поздравленіе съ новымъ годомъ приносится прежде ей, а потомъ уже матери и то съ разрѣшенія хозяйки. Даже если сынъ наложницы достигаетъ почетнаго мѣста и ученой степени, то и тогда его мать остается рабою; а въ случаѣ его женитьбы въ брачномъ контрактѣ пишется: такой-то (имя жениха), по полученіи согласія матери-хозяйки, имѣетъ право вступить въ бракъ съ такою-то (имя невесты).

Сынъ составляетъ гордость семьи и опору старости, дочь же является своего рода обузою и положительно лишнимъ ртомъ въ семьѣ бѣдняка; большинство дѣвочекъ убивается тотчасъ же по появленіи на свѣтъ или же продается за безцѣнокъ.

Старшій сынъ, послѣ смерти отца, дѣлается неограниченнымъ главою дома; хотя мать фиктивно и имѣетъ то же право, но въ сущности она становится зависимою отъ сына; на немъ лежитъ обязанность вести дѣла отца, хранить его завѣтъ, исполнять семейные обычаи и праздничныя церемоніи и чтить память отца религіозными обрядами.

При раздѣлѣ наслѣдства, старшій пользуется двойною частью передъ другими братьями, если отецъ не оставляетъ опредѣленнаго завѣщанія. Вдова-мать получаетъ часть, равную съ младшими дѣтьми; замужнія дочери считаются выдѣленными, незамужнія получаютъ незначительную часть на приданое. Незаконныя жены считаются безправными, а если и получаютъ кой-какія крохи, то по усмотрѣнію законной вдовы. Сынъ рабыни является главою семьи и главнымъ наслѣдникомъ только въ крайнемъ случаѣ, если нѣтъ законнаго наслѣдника, хотя бы онъ былъ и младшій между дѣтьми.

Въ случаѣ какого-либо недоразумѣнія и спора между наслѣдниками, ближайшіе родственники должны принять въ томъ участіе и стараться рѣшить все дѣло полюбовно, для чего всѣ собираются въ храмъ предковъ; въ крайнемъ же случаѣ дѣло переносится въ судъ, идетъ по разнымъ дистанціямъ, тянется цѣлыя годы, запутывается и въ концѣ концовъ тяжущіеся остаются почти нищими, а все ихъ наслѣдство переходитъ въ карманы праведныхъ судей. Тогда истцовъ выгоняютъ вонъ и тѣмъ заканчивается все дѣло.

Вѣрность женъ, даже по смерти мужей, а также и невѣсты женихамъ, считается одною изъ вѣдичайшихъ добродѣтелей женщины, которая заслуживаетъ общій почетъ и уваженіе. Женщина, овдовѣвшая до 30 лѣтъ и воспитавшая добродѣтельнаго сына, въ 60 лѣтъ получаетъ почетное названіе «добродѣтельной вдовы», титулъ, утверждаемый самимъ императоромъ, въ честь чего передъ воротами дома такой особы строятъ каменные ворота съ надписью вверху: Шень-чзи (высочайшій указъ), а ниже: Сяо-цзе, т. е. почтительная и добродѣтельная.

Невѣста, оставшаяся незамужнею послѣ смерти своего жениха, въ 60 лѣтъ получаетъ титулъ: Чшень-цзе (непорочная) въ честь чего также воздвигаются ворота; для этого требуется заявленіе почетныхъ людей передъ властями и ихъ ручательство ненарушимости вышесказанныхъ добродѣтелей, затѣмъ уже дѣло поступаетъ на утверженіе самого императора.

Подобныя же ворота ставятся въ честь столѣтняго юбилея уважаемаго старца, а также ученаго, получившаго степень магистра.

Множество памятниковъ подобнаго рода встрѣчаются въ горахъ «Сюань-хуа-фу», недалеко отъ Колгана.

(Продолженіе будетъ).

КНЯЖНА ВЛАДИМІРСКАЯ

или

ЗАЦЪПИНСКІЕ КАПИТАЛЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Графиня Головкина.

Въ Москву пріѣхала странная женщина. Она пріѣхала по ярославской дорогѣ, потому что, надо полагать, заѣзжала въ Сергіевскую лавру. Она пріѣхала на тройкѣ въ простой рогожной кибитѣ, подбитой внутри мѣхомъ красной лисицы. Кони ея, чудо кони, казалось изъ огня вынесутъ; они были разряжены и раздвѣчены всѣмъ, что могло придти въ голову досужему любителю конскихъ украшеній. Серебряный наборъ, подобранный бляха къ бляхѣ, на-шляяхъ, хомутахъ и уздахъ, сверкалъ зеркаломъ на ихъ вороной, гладвой и тоже какъ черное зеркало отливающей шерсти, свѣшиваясь съ поперечинъ шлеи чуть не до колѣнъ и звеня привѣшенными къ нему побракушками и бубенчиками, вылитыми изъ чистаго зо-

лота. Въ гриву и хвосты коней были вплетены разноцвѣтные цвѣты и ленты изъ шелку и золота; подсѣдальникъ и дуга обвивались золотымъ ободкомъ; удила были золотыя; пряжки, кольца раззолочены и украшены кистями и выдѣланными изъ гаруса и шелва цвѣтами. На дугѣ висѣли два серебряныхъ колокольца, которые, во время скорой ѣзды, вмѣстѣ съ бубенчиками, лясаніемъ бляшекъ и привѣскокъ, издавали такой звонъ, что можно было оглохнуть.

Она была одѣта въ какой-то изъ дорогихъ соболей тулупъ, покрытый грубою крапешиною; на ногахъ были простыя валенныя кенги, но онѣ въ кибиткѣ были обернуты дорогою турецкою шалью и покрыты шелковымъ персидскимъ ковромъ. На голову былъ надѣтъ какой-то волчій не то малахай, не то скуфья, изъ-подъ которой выбивались привѣски русской кички изъ крупныхъ бурмицкихъ зеренъ; шея была обернута грязнѣйшимъ въ мірѣ полотенцемъ, приколотымъ къ ея груди драгоценною бриллиантовою булавкою. Въ рукахъ у нея были четки, сдѣланныя изъ можжевеловыхъ ягодъ.

На облучкѣ кибитки сидѣлъ кучеръ, съ черною, нѣсколько посѣдѣвшею бородою, въ армякѣ изъ оленьяго мѣха, шерстью вверхъ, подбитомъ бѣлымъ зайцемъ и опушеннымъ бобромъ, въ высокой медвѣжьей шапкѣ, оленьихъ же рукавицахъ и сѣрыхъ высокихъ валенкахъ, обшитыхъ волкомъ. Съ другой стороны кибитки, тоже на облучкѣ, сидѣлъ выѣздной лавей, въ высокой бобровой шапкѣ, въ шинели темно-зеленаго сукна, подбитой волкомъ, и съ множествомъ воротниковъ, одинъ подъ другимъ, идущихъ отъ самой шеи ниже локтей, и тоже въ оленьихъ рукавицахъ и такихъ же, какъ у кучера, сапогахъ. Лавей былъ бритый, хотя, проѣзжая мимо церквей, крестился, складывая пальцы въ двухперстное крестное знаменіе.

Повозка летѣла по улицамъ Москвы; пристяжныя вились въ кольца, осыпая встрѣчныхъ сухимъ снѣгомъ морознаго утра; коренная частою рысью, можно сказать, отбивала терціи. Кучеръ поводилъ рукою по воздуху, оживляя бѣгъ лошадей; колокольцы заливались.

— Стой, стой! вдругъ раздалось изъ повозки.— Стой! Ефимъ, Ефимъ, стой!

Звонъ колокольцевъ и бряцанье бубенчиковъ и бляхъ были такъ велики, что Ефимъ не скоро услышалъ; наконецъ остановился.

Изъ кибитки живо выскочила ѣхавшая и бѣгомъ бросилась назадъ.

Кибитка стояла, лошади дрожали отъ нетерпѣнія.

Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, вѣхавшая въ кибиткѣ подняла негодную, полузамерзшую, собачку, визжавшую отъ холода и съ переломленою ногою. Схвативъ собачку, она вернула ее въ свои собола, вернулась, сбѣла, и кибитка опять понеслась.

Черезъ десять минутъ опять «стой!»

— Ты озябла, бѣдная? спросила вѣхавшая у старушки, чуть ползшей къ церковной паперти, чтобы на обычномъ мѣстѣ просить милостыню.

— Озябла, кормилица, по старости очень озябла! отвѣчала старуха, одѣтая въ заплатаанный зипунъ выношеннаго сѣраго сукна и завернутая въ какое-то тряпье.

— Такъ вотъ завершись! И она отдала ей съ ногъ свою турецкую шаль.

— Спасибо, кормилица, дай тебѣ Богъ здоровье, спасибо! И голодно-то какъ, со вчерашняго дня... говорила старуха, не принимая цѣнности сдѣланнаго ей подарка.

Барыня, услышавъ о голодѣ, оторвала отъ своей подвѣски крупное бурмицкое зерно и подала ей.

— Продай и купи себѣ хлѣба! сказала она.

Кибитка понеслась далѣе.

Впрочемъ, дѣйствительная цѣнность сдѣланныхъ старухѣ подарковъ ей не досталась. Соскочившій съ облучка лакей подбѣжалъ къ ней и не то съ насмѣшкою, не то съ участіемъ сказалъ:

— Ну на кой чортъ тебѣ это, старуха, развѣ на балъ въ своия чоботахъ собираешься? Продай!

— На балъ, не на балъ, а все, думаю, дадутъ что нибудь. Платокъ хорошій, да бусыня видишь какая!

— Вотъ я дамъ пять цѣлковыхъ; отдавай, старуха, въ гордѣ два напросишься. Еще, пожалуй, въ кутузку попадешь; слазуть — уерала!

Старуха, которая пяти цѣлковыхъ у себя разомъ въ цѣлую жизнь не видала, не вѣрила своему счастью и отдала за нихъ тысячную шаль и крупное бурмицкое зерно.

Лакей улыбнулся и, по своей великой щедрости, накинулъ еще цѣлковый безъ торгу.

Карета вѣхала на Невитскую и остановилась противъ узорочнаго, расписнаго дома, принадлежавшаго когда-то знаменитому кесарю Федору Юрьевичу Ромодановскому.

— Графиня пріѣхала! раздалось въ домѣ, и все засуетилось и бросилось къ ней на встрѣчу.

Графиня вышла изъ вибитки, какъ-то разсѣянно поглядѣла на домъ, перекрестилась, взглянувъ на недалеко стоявшую приходскую церковь, надѣла на стоявшаго подлѣ, снявшаго шапку и просившаго милостыню, нищаго свой малахай, а на стоявшаго подлѣ мальчика грязное, снятое съ своей шеи полотенце, и хотѣла было идти на подвѣздъ, какъ ее окружила прислуга, выбѣжавшая изъ дома.

— Матушка, графиня, васъ ли мы видимъ? Дождались мы этой радости. Дайте вашу ручку поцѣловать! Не простудите головку! Родная, кормилица наша, и ждали-то мы, и молились... Привель-таки Богъ! Позвольте вашу ручку поцѣловать! Намаались, чать, родимая! Кормилица вы наша!..

И прислуга понесла свою барыню наверхъ на рукахъ.

Барыня молчала, смотря на всѣхъ разсѣянно. Ее поставили среди ея гостиной. Она постояла, посмотрѣла кругомъ, потомъ какъ-бы механически пошла далѣе, прошла столовую и буфетную палаты, и вошла въ образную.

Образная была небольшая комната, обставленная кругомъ образами и увѣшанная теплившимися передъ ними лампадами. Въ углу, за аналоемъ, стоялъ въ золотой ризѣ большой старинной иконописи образъ Спасителя въ терновомъ вѣницѣ; передъ нимъ теплилась лампада, а на аналоѣ стоялъ изъ чернаго дерева съ серебрянымъ ободкомъ крестъ.

Общая тишина, торжественность обстановки, теплившіяся лампады, запахъ ладана, произвели нѣкоторое впечатлѣніе на вошедшую. Она прослезилась. Потомъ взглянула на образъ, стала на колѣни, перекрестилась и распростерлась ницъ.

Люди подошли, она была безъ чувствъ.

Подняли графиню, положили въ постель, послали за докторами.

Пріѣхавшая была графиня Екатерина Ивановна Головкина, урожденная княжна Ромодановская. Единственная дочь единственнаго сына знаменитаго князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановскаго, предсѣдателя пятичленнаго совѣта, управлявшаго царствомъ во время путешествія Петра за границу, потомъ начальника Москвы, преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, имѣвшаго титулъ величества и право производить въ чины. Крестница самого государя, она росла, дѣлаясь и отцомъ, и дѣдомъ, и оберегаемая цѣлымъ сонмомъ приспѣшницъ и рабынь. Казалось, на ея долю выпало все, чтобы ея жизнь была завид-

ною для всѣхъ. Несокрушимое здоровье, рѣдкая красота, игривый, веселый и легкій характеръ, неисчерпаемое состояніе и положеніе дѣда, перваго послѣ царя человѣка въ имперіи, дѣлали ее какъ-бы привилегированною счастливницею будущаго. Ея положеніе не измѣнилось и со смертію дѣда. Отецъ вступилъ на ту же стезю, получилъ то же званіе князя-кесаря и титулъ величества. Двадцати лѣтъ она вышла замужъ и по любви. Мужъ ея, графъ Михайлъ Гавриловичъ Головкинъ, сынъ государственнаго канцлера и потомъ предсѣдателя верховнаго совѣта, графа Гаврилы Ивановича Головкина, былъ старше ея лѣтъ на пять. Скромный, серьезный, любившій умственный трудъ и занимавшійся переводами класиковъ, онъ, не смотря на свою молодость, пользовался тогда еще общимъ расположеніемъ и уваженіемъ. Онъ былъ также богатъ, знатенъ и могъ надѣяться на все, что только можетъ дать жизнь. А тутъ еще взаимная любовь.

Весело праздновалась свадьба княжны Катерины Ивановны. Сѣнныя и постельныя дѣвушки; одаряемыя чуть не ежедневно влюбленнымъ женихомъ, звонко распѣвали свадебныя и подблюдныя пѣсни; смѣясь и шути, готовили приданое. Онѣ вышивали серебромъ и золотомъ роброны и душегрѣйки, обшивали дорогими кружевами занавѣси и бѣлье, суля прекрасной невѣстѣ, ихъ дорогой и золотой княжнѣ, ихъ радости, такое счастье, какаго, кажется, и на свѣтѣ не бываетъ, но которое, казалось, должно было осуществиться во-очію на молодыхъ, когда княжна ихъ станетъ молодою графинею. Прошелъ дѣвичникъ, весело отпраздновали свадьбу. Государь Петръ I посаженнымъ отцомъ былъ; самъ устраивалъ машкараду, чтобы повеселить молодыхъ и старыхъ, самъ потѣшныя огни зажигалъ.

Не забыть былъ, разумѣется, всепьянѣйшій соборъ съ его княземъ-папою Бутурлинымъ, не забыты были и машкары разныя, чтобы позабавить молодыхъ на другой день. Все было весело, все было радостно, какъ радостно, надо было думать, пройдетъ и вся жизнь новобрачныхъ.

Казалось, что все такъ и шло. Графиню Екатерину Ивановну всѣ любили. Свекоръ Гаврило Ивановичъ души въ ней не чаялъ. Не стало государя Петра I, милостива была и государыня, а послѣ нея и молодой государь и къ отцу, и къ свекру, и къ мужу, и къ ней. А государя не стало, такъ двоюродную тетку государынею сдѣлали, да какую еще тетку-то, которая любить и помнить родныхъ.

Такъ-то оно такъ, да вотъ у тетки былъ фаворитъ, конюхъ

проявлять, изъ нѣмцевъ, Биронъ. Онъ Михайлу Гавриловича терпѣть не могъ и не давалъ ходу. Ну это бы еще и ничего, съ этимъ можно помириться; жить есть чѣмъ и не занимая важныхъ мѣстъ, а государыня хоть и слушала фаворита, но свою родню въ обиду не давала. А вотъ горе: болѣзненъ сталъ Михайлъ Гавриловичъ, хворалъ все и грустенъ сталъ отъ того; занятіе классиками бросилъ, а все больше сидѣлъ и охалъ. Ну какое женѣ веселье, когда мужъ, да еще любимый мужъ все боленъ.

Пришлось графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ вмѣсто свѣтлой, веселой жизни въ сидѣлки идти, за больнымъ ходить.

Но умерла государыня и совершился переворотъ. Цесаревна Елисавета вступила на престолъ и графъ Михайлъ Гавриловичъ былъ арестованъ.

По инициативѣ князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, мстившаго графу Михайлу Гавриловичу за то, что онъ сперва противился его браку на его сестрѣ Настасьѣ Гавриловнѣ, а потомъ, когда свадьба, не смотря на противодѣйствіе, состоялась, то отстаивалъ свою сестру, передъ нимъ виноватую, отъ его мужчины самовластія,—дѣло это было представлено въ такомъ видѣ, что императрица Елисавета должна была признать ссылку графа Михаила Гавриловича необходимою, ради личной безопасности. Она и утвердила эту ссылку безъ противорѣчія, такъ какъ и сама имѣла поводы быть сердитою на графа Головкина; но, утвердивъ предположеніе о его ссылкѣ, она пожалѣла Екатерину Ивановну, которую она любила, какъ любила ее всѣ. Она сейчасъ же послала къ ней Лестока уговаривать, чтобы она не ѣхала съ мужемъ, обѣщая ей свою милость и покровительство.

— Что Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучитъ! отвѣчала Катерина Ивановна.

Напрасно Лестоку изъ кожи бился, стараясь доказать, что для самого мужа ея будетъ выгоднѣе и покойнѣе, если она останется здѣсь; говорилъ, что императрица не тронетъ даже его имѣній, оставить ее пользоваться всѣмъ, стало быть, она и ему будетъ въ силахъ помогать; потомъ, что, пользуясь здѣсь милостью императрицы, она скорѣе можетъ выпросить ему помянутое. Катерина Ивановна была непреклонна.

— Какая жена я буду своему мужу, когда, живя съ нимъ въ довольствѣ и счастья, я покину его въ бѣдности и несчастіи? отвѣчала Катерина Ивановна.

Лестоку прибѣгнувъ къ угрозамъ, говоря, что разсерженная государыня, узнавъ ея упорство, причислитъ и ее къ числу

преступниковъ, заслуживающихъ кары, и велить конфисковать не только его, но и ея имѣніе, и подвергнетъ обоихъ самой строгой ссылкѣ.

— Тѣмъ паче, тѣмъ паче и старательнѣе я должна ходить за нимъ, говорила графиня.—Онъ боленъ, страдаетъ, несчастливъ... Онъ и здѣсь страдалъ; но здѣсь было все къ его услугамъ, все старалось ему угодить. И тутъ я была необходима. Я успокою бывало его, утѣшу, отвлеку мысли отъ болѣзни чѣмъ нибудь мелкимъ, услугу—и ему пріятно. Да, здѣсь сто человѣкъ къ услугамъ было; домъ—дворецъ; всего полная чаша. А тамъ кто ходить за нимъ станетъ, кто позаботится, чтобы хоть водою напоить его отъ жажды, хоть хлѣбомъ накормить отъ голода? Кто прикроетъ его, когда онъ озябнетъ; освѣжить, когда онъ горитъ? Кто разсѣетъ его въ минуту грусти; поплачетъ, наконецъ, съ нимъ о нашемъ общемъ несчастіи? И когда же онъ брошенъ будетъ всѣми? Когда лѣта подходятъ къ старости, а болѣзнь требуетъ спокойствія. И я брошу его, оставлю его вмѣстѣ со всѣми, я, его жена, подруга его жизни? Ему и голодъ, и жажду будетъ легче перенести, если онъ будетъ видѣть, что вмѣстѣ съ нимъ и я твердо переносу ихъ; въ холодъ я согрѣю его, въ жаръ—освѣжу его, въ трудныя минуты болѣзни, слабости, разстройства—облегчу; утѣшу, успокою; наконецъ, если ужъ судилъ такъ Богъ, въ послѣднія минуты жизни закрою глаза ему и похороню его... Я сильна, здорова и не стара, продолжала Катерина Ивановна.—И она встала передъ Лестокомъ, вытянулась во весь свой стройный ростъ, протянула бѣлыя, нѣжныя, но сильныя, мускулистыя руки. Ей было тогда съ небольшимъ за сорокъ, но она сохранилась хорошо, ни одной морщинки не было на ея бѣломъ, нѣжномъ лицѣ. Глаза еще метали огонь; губы еще розовѣли отъ волненія.—Правда, непривычна я къ работѣ, балована съ молодости, но я для своего мужа-друга съумѣю сбросить съ себя баловство, приучить себя трудиться. Онъ берегъ мою молодость въ счастіи, я буду зелѣять и беречь его старость въ студѣ и горѣ. Я русская, графъ, сказала она, выпрямляясь и сжимая руки, будто Пивоя на своемъ треножникѣ,—виновата, вы еще не графъ... все равно будете графомъ. Я русская, государыня тоже русская, а по нашему обычаю: «оставь отца и мать и прилѣпись къ мужу своему»; стало быть, оставь богатство, почести, раздѣли съ нимъ бѣдность его, раздѣли нужду его. Скажите это государынѣ, графъ; скажите ей, что пусть она не лишаетъ меня того, что и по русскому закону составляетъ мою обязанность передъ людьми и Богомъ!

Катерина Ивановна болѣе ничего не хотѣла говорить, и Лестокеъ этотъ отвѣтъ ея долженъ былъ передать государынѣ.

Что въ этомъ разговорѣ особенно поразило Лестока, такъ это то, что она угадала его тайную мысль, его задушевное желаніе, о которомъ онъ не говорилъ никому въ жизни; ему очень хотѣлось получить графское достоинство. И каково было его изумленіе, когда, возвратясь домой, онъ нашелъ тамъ придворнаго курьера съ высочайшимъ рескриптомъ о пожалованіи его графомъ.

«Да это пророчица какая-то!» подумалъ Лестокеъ и поѣхалъ къ государынѣ благодарить за милость и передать отвѣтъ графини Головкиной.

— Пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ! сказала Елисавета. — Я для нея же хлопотала.

И графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ былъ сосланъ, имѣнія его конфискованы; но имѣній Ромодановскихъ не коснулись, обязавъ только не посылать ни денегъ, ни писемъ къ барынѣ безъ разрѣшенія сибирскаго губернатора.

Въ глубинѣ Якутской области, въ тѣсной, дымной юртѣ лежалъ больной графъ Михаилъ Гавриловичъ. Передъ нимъ, на грубо прибитой къ пню отъ срубленнаго дерева доскѣ, стоялъ серебряный стаканъ съ сокомъ изъ ежевики; ноги его были покрыты оленьими шкурами. Въ юрту вошла графиня Катерина Ивановна въ нагольномъ тулупѣ изъ шкуры дикаго барана и въ дорогомъ шелковомъ платкѣ на головѣ. Она несла ведро воды. Видно было, что ей тяжело и она гнулась отъ тяжести, за которую не умѣла надлежаще взяться.

Прошло не болѣе трехъ мѣсяцевъ со времени ихъ ссмыли, но она и постарѣла, и похудѣла.

— Это ты, Катя, другъ мой? спросилъ Михаилъ Гавриловичъ слабымъ голосомъ, — какъ я радъ, что ты пришла! Меня знобить все, да и скучно. Хоть бы Богъ смерть послалъ, силъ нѣтъ все это переносить... Садись сюда!

— Грѣхъ роптать на милость Божию! отвѣчала Катерина Ивановна. — Я сейчасъ къ тебѣ приду, только принесу вязанку дровъ, чтобы скольконибудь юрту нагрѣть на ночь, а то на дворѣ пурга несосвѣтлая.

— Другъ мой, ты все себя мучишь! А я даже... помочь тебѣ не могу... И графъ Михаилъ Гавриловичъ застоналъ.

— Что ты, Миша, Богъ съ тобою! Да мнѣ радость, что

могу для тебя потрудиться. Богъ труды любить. А то мы, живемъ въ довольствѣ и роскоши, и Бога забываемъ, и собою не дорожимъ. Теперь, по крайности, я знаю зачѣмъ живу, я тебѣ нужна! Она подошла къ мужу и весело его поцѣловала.

Въ юрту вошелъ не то инородецъ, не то какой-то ряженый, въ мѣховой малицѣ, малахаѣ, оленьихъ сапогахъ и весь укутанный возими, невидѣнными шурами, на которыхъ свѣтилась однакожь мѣдная бляха, доказывающая его официальное положеніе.

— Канитанъ-исправникъ письмо вамъ прислалъ, изъ губернаторской канцеляріи доставлено. И онъ подалъ письмо.

— Письмо? что такое? спросилъ графъ съ видимымъ трепетомъ и надеждою.

— Благодарю, голубчикъ, сказала графиня.— Да ты самъ-то, почитай, замерзъ; постой, я тебя согрѣю! Поди сюда, садись! Она пододвинула ему толстый обрубокъ дерева, скрылась за занавѣску и вынесла оттуда серебряную чарку съ водкою и кусокъ пирога съ рыбою.

Посмыльный выпилъ и поблагодарилъ.

Графъ съ нетерпѣніемъ разорвалъ конвертъ, взглянулъ на письмо и съ тупымъ горемъ, опуская руки съ письмомъ, проговорилъ:

— Это отъ Онуфрича!

— Такъ что-жъ! спасибо, что пишеть, прочитаемъ. И она стала читать.

«Матушка графиня, ваше графское сіятельство, писалъ Онуфричъ, управлявшій имѣніями, бывшими князей Ромодановскихъ, которыя составляли теперь собственность Катерины Ивановны, крѣпостной ея челоувѣкъ, старшій, заслуженный дворовый прежняго времени.— Смѣю доложить вашей милости, что какъ по домамъ вашимъ, такъ и по всѣмъ имѣніямъ все благополучно. Оброки и доходы собраны и по приказу господина Лодыженскаго отправлены къ господину Велю для взноса оныхъ въ указанный банкъ, чтобы ваше сіятельство во всякое время получить могли. Для доставки же хоть какой-либо части вамъ, господинъ Лодыженскій научилъ войти съ прошеніемъ къ сибирскому губернатору. Онъ сказалъ, что больше какъ о тысячѣ и просить нельзя, и то велѣлъ особо, къ какому-то его знакомому чиновнику писать; что если тысяча будетъ разрѣшена, то вышлетъ двѣ, съ тѣмъ, чтобы тысячу вамъ доставили, а другую чиновники между собою подѣлили.

«А у насъ, матушка графиня, приключилось несчастье. На

другой день, какъ вась-то съ милостивымъ государемъ, нашимъ отцомъ, графомъ Михайлой Гавриловичемъ увезли, сбѣжали кучеръ Ефимъ, да двое изъ выѣздныхъ: Николай и Сидоръ. Ефимъ и Сидорка съ женами, да и Маланью, горничную вашу, сманили съ собою, а съ ними, чего никто бы не ждалъ, и старая Арефьевна, ваша ключница, тоже сбѣжала и, грѣха таить нечего, сдѣлали-таки уносъ: шубы теплыя, бѣлье, да изъ серебра кое-что унесли. Подалъ явку въ полицію. Богъ вѣсть, найдутъ ли, а насъ всѣхъ таскають. Безъ вась, матушка, мы совсѣмъ осиротѣли. Нами теперь кто хочетъ, тотъ и помывааетъ, и кабы не баринъ Лодыженскій и совсѣмъ бы сгинуть пришлось...»

Но письмо ей дочитать не пришлось. Графъ Михаилъ Гавриловичъ отъ волненія обманутой надежды на прощенье, которую возбудило въ немъ привезенное черезъ капитанъ-исправника письмо, впалъ въ безчувствіе.

Пришлось хлопотать около него; за то посыльный, видя тягость положенія бѣдной графини, облегчилъ нѣсколько ея трудъ тѣмъ, что натаскалъ въ юрту на цѣлую недѣлю дровъ.

Прошло два мѣсяца. Графъ Михаилъ Гавриловичъ сидѣлъ въ той же юртѣ, пожелтѣвшій, высохшій, больной. Графиня варила для мужа оленій языкъ. Въ юртѣ было нѣсколько больше удобствъ, было кое-что устроено, потому что имъ разрѣшено было получить 1,000 р. Хотя и изъ этой тысячи къ нимъ дошло только 500 р., но и пятью стами можно было кое что сдѣлать въ немногосложной, бѣдной обстановкѣ якутскаго ссыльнаго.

Графиня сняла съ тагана кострюлю, поставила на новый, прочно сколоченный изъ березы, грубый, некрашенный даже столъ и предложила мужу почитать что нибудь, пока сваренная ею похлебка немного остынетъ.

Михаилъ Гавриловичъ хотѣлъ было взять Горація. Онъ любилъ читать женѣ и слушать ея подчасъ мѣткія замѣчанія. Имѣя латинскіе подлинники, онъ обыкновенно читалъ по-русски, перевода, какъ говорятъ, à livre ouvert, но Катерина Ивановна остановила его.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, не хочу я этого сладкаго поклонника невѣрія. Прочти мнѣ лучше, что Тацитъ пишетъ объ Иисусѣ Христѣ!

Въ это время передъ юртой раздался шумъ и вошло нѣсколько человѣкъ.

Первую минуту и графъ и графиня нѣсколько потерялись; что это за люди, обшндрѣвшіе, занесенные снѣгомъ и ввалив-

шіеся Богъ вѣсть откуда, какъ снѣгъ на голову. Можетъ недобрые люди, позавидовавшіе ихъ скудному хозяйству, которое, однакожь, могло быть признано богатствомъ, противъ хозяйства каковаго нибудь якута. Можетъ быть бѣглецы съ заводовъ, или изъ ссыльныхъ. Графъ взглянулъ было даже на висѣвшее близъ его кровати ружье, но вошедшіе бросились къ ихъ ногамъ.

— Что это? кто? Ефимъ, ты? Маланья? Ты, Николашка? Сидорка, Афимья... А ужъ тебя не знаю, какъ и зовутъ?

— Устинья, Сидоркина жена!

— Чтó вы? какъ вы?

— Служить пришли вашей милости! Думаемъ, чтó тамъ нашъ графъ, наша графиня. Здѣсь намъ они роднымъ отцомъ и матерью были, а тамъ каково имъ? Чай и лошадей заложить некому, а самъ-то графъ, сердечный, и не умѣетъ. Кто же служить-то имъ будетъ? А графиня-то... Вотъ подумали, сговорились и ушли, говорилъ Ефимъ со слезами, обнимая колѣна графа.

— Съ нами и Арефьевна пошла было, да на дорогѣ захворала и побывшилась, померла значить, говорила Маланья, плача у ногъ графини. — Матушка вы наша, кормилица, да какъ же вы похудѣли, да постарѣли... Да какія на васъ ботиночки-то жесткія.

— Да какъ же вы добрались?

— Кое-гдѣ ѣхали, а больше пѣшкомъ.

— Вотъ вещи насъ много отагощали; мы что можно собрали, думаемъ, графу и графинѣ тамъ, на чужой-то сторонѣ, все нужно.

— А я и деньги вашей милости привезъ, дѣлать нечего, изъ-подъ ключа досталъ. Онуфричу-то сказать побоялся; онъ нонче все съ важными барами знается; а я думаю: графъ и графиня тамъ въ тѣснотѣ и крайности бѣдствуютъ, безъ денегъ имъ тоже нельзя. Ну, думаю, пусть воромъ почитаютъ; вотъ три тысячи, всѣ до копейки уберегъ! Ефимъ опять кланялся.

— А я, матушка, взяла и башмачки-то ваши тепленькія, любимыя, и душегрѣйку... говорила Маланья.

Тутъ ни графъ, ни графиня не выдержали, расплакались сами какъ дѣти; бросились они на шею своимъ крѣпостнымъ, обнимали ихъ, цѣловали, будто увидѣли родныхъ и самыхъ близкихъ.

Полегче стало жить графу и графинѣ. Имъ служили, о нихъ заботились трое мужчинъ и три женщины, и служили съ охотою, со всею преданностью любящихъ людей. Они жили уже

не въ куртѣ, а въ избѣ, выстроенной Ефимомъ съ товарищами, т. е. даже и не Ефимомъ, потому что дворовые люди плохіе плотники; но съ деньгами можно было найти плотниковъ даже въ Якутской области, и Ефимъ, окруживъ верстѣ 80, нашель двухъ хорошихъ плотниковъ и печника, которые, при помощи своихъ и даже самаго графа Михаила Гавриловича въ здоровыя минуты, выстроили двѣ избы съ промежуточными между ними крытыми сѣнями. Въ одной избѣ расположились дворовые, а въ другой, съ чистою горницею и особою свѣтелкою, сами графъ, графиня, и при ней ея горничная Маланья.

И такъ, жить стало полегче графинѣ. Не приходилось таскать дрова или воду, не приходилось самой варить себѣ супъ. Тѣмъ не менѣе, съ нравственной стороны, ей было страшно тяжело, Мужъ больной, хмурый, видимо находился во всегдашней тоскѣ, близкой къ отчаянію; обстановка жизни была тяжелая; наконецъ, гнетъ скуки, усиливавшійся отъ самаго отсутствія дѣятельности—все это не могло не оказать на графиню Катерину Ивановну самаго вреднаго вліянія. Катерина Ивановна, разумѣется, первою обязанностью своею, первою заботою поставила себѣ мужа; онъ былъ и ея первою душевною болью. Видя его страданія въ хронической болѣзни, подтачивавшей его жизнь, облегчить которую было не въ ея власти, видя его безысходную тоску, она изстрадалась, измучилась сама. Не могла также она не смущаться мыслію, что даже тѣми немногими удобствами, которыми они пользуются, они обязаны безпредѣльному великодушію людей, которые рисковали своею жизнью, чтобы доставить имъ эти удобства, и о которыхъ прежде она не думала, и даже за людей не почитала. Совокупность всего, давившая постепенно годъ, два, пять, десять лѣтъ, естественно отразилась на характерѣ Катерины Ивановны, на ея воззрѣніи на жизнь. Какъ ни жива она была съ молодости, какою легкостью и веселостью нрава она не обладала, а все день ото дня становилась апатичнѣе, вялѣе; она начинала относиться ко всему безучастнѣе, такъ что иногда казалось будто слушая, она не слышитъ, смотря—не видитъ.

Одно, что не перемѣнялось въ Катеринѣ Ивановнѣ, это ея безконечная доброта ко всему живущему и безпредѣльная любовь къ мужу. Начиная отъ пѣвчей птички и жившаго у нихъ ежа и оканчивая каждымъ мимо идущимъ, всякій не могъ не чувствовать ея безпредѣльной доброты, готовой, не подѣлиться съ каждымъ, а каждому отдать все. Что же касается до мужа, то

она смотрѣла ему въ глаза, ловила его желанія и всего болѣе мучилась его страданіями.

А страданія эти были чрезвычайны. Къ общей болѣзненности, происходившей или по крайней мѣрѣ усилившейся отъ нервныхъ потрясеній, у него открылся еще ракъ въ груди. И съ такою то болѣзнью приходилось бороться Катеринѣ Ивановнѣ, противъ такой болѣзни приходилось отстаивать дорогую ей жизнь мужа и друга, которому она посвятила всю себя.

Наконецъ, отстаивать было уже нечего. Не только дни, но даже и часы Михаила Гавриловича были сочтены. Четырнадцать лѣтъ она ходила за нимъ въ глубинѣ Сибири, четырнадцать лѣтъ берегла его не только отъ болѣзни, но и отъ самого себя, а тутъ и беречь было нечего. Михаилъ Гавриловичъ лежалъ въ смертной агоніи. Что было съ Катериной Ивановной въ это время, нельзя и сказать. Было глухое отчаяніе, было умоизступленіе, была нестерпимая сердечная боль, выразить которую нѣтъ словъ. Но она сдержала слово, данное ею при выѣздѣ изъ Петербурга: она закрыла ему глаза и похоронила его. И потомъ впала въ апатію, до потери сознанія.

Въ такомъ видѣ повезли ее изъ Сибири, послѣ почти полугодовой переписки о ея выѣздѣ. Тутъ въ ней разгорѣлась страсть къ лошадямъ, какъ и вообще ко всѣмъ животнымъ; она думала: они теперь везутъ меня, вывозятъ изъ этихъ ужасныхъ мѣстъ, я должна быть имъ особо благодарна. И вотъ она обвѣшивала ихъ разными цацами, какъ бы одѣвала ихъ въ погрешки, бубенчики. Страсть эта, которую можетъ быть отчасти развилъ Ефимъ, страстный любитель лошадей, заставила ее весьма долго ѣхать изъ Сибири. Жаль было лошадей. Они ѣхали на долгихъ. Съ дороги одну изъ повозокъ съ людьми отправили въ Москву приказать, чтобы отопили домъ и были готовы принять графиню, а сама она съ Ефимомъ и Николашей заѣхали въ Троицкую лавру. Наконецъ и она пріѣхала въ Москву въ свой отцовскій домъ, и послѣ молитвы передъ образомъ, которымъ отецъ благословилъ ее на счастье, выдавая замужъ, повторивъ свое благословеніе передъ смертью, теперь лежала у себя на постелѣ безъ чувствъ и безъ памяти.

Дворня чуть не вся разбѣжалась за докторами.

Но докторамъ не удалось повозиться съ Катериной Ивановной; она опомнилась сама, вдругъ вскочила, надѣла на голову не то токъ, не то малахай, вообще что-то непонятное, навинула на себя платокъ, надѣла торопливо свой соболій тулупъ и побѣжала.

Она вошла въ церковь, гдѣ часто бывала еще дитятей и молилась, чтобы Богъ укротилъ гнѣвъ и сердце ея дѣда, страшнаго кесаря Ѳедора Юрьевича, и послалъ въ его сердце мило-сердіе и прощеніе; гдѣ молилась, чтобы Богъ научилъ его прощать виновныхъ, а не мучить невинныхъ; она пришла туда и теперь и стала молиться за упокой души всѣхъ: и дѣда, и отца, и мужа, и свекра; всѣхъ схоронила, одна осталась... Правда и ей пора было умирать, за шестьдесятъ стувнуло, да что же дѣлать-то, когда не умирается, когда смерть не приходитъ? Послѣ молитвы ей стало легче. Она пошла тихонько домой, въ то время, какъ весь домъ чуть съ ума не сошелъ, куда дѣвалась большая барыня.

Графинѣ попался мужичекъ худенькій, блѣдненькій, больной. «Точь въ точь мой Михаилъ Гавриловичъ, какъ я его въ Сибирь-то привезла!» сказала она себѣ и подошла къ нему.

А шубенка на немъ была рваная, перерваная, овчина-то въ ней вытерта до-нельзя и закорузла такъ, что не разгибается, а грязная какая, кажется только грязью и держится.

— Что озябъ, мужичекъ? спросила графиня. Это былъ ея любимый вопросъ. Въ Сибири она привыкла спрашивать прежде не холоденъ ли, а потомъ не голоденъ ли.

— Озябъ, сударыня, больно озябъ; да ишь морозы-то стояли какіе...

— А далеко идешь?

— Да за Москву версть съ двадцать будетъ, деревня Голяшкина есть, мы оттелѣ.

— Ты совсѣмъ замерзнешь, мужичекъ, куда-жь тебѣ? Давай скорѣй свою шубу, а возьми мою, моя теплѣе будетъ!

Какъ же это, барыня? спросилъ мужичекъ недоумѣвая.

— Снимай, снимай, въ этой шубѣ согрѣешься!

И она уже станула съ себя свой тулупъ.

Муживъ тоже не задумался снять свой полушубокъ.

И она обмѣняла свой соболій, правда крытый простой крашениной тулупъ на рванный, грязный полушубокъ, который надѣла на себя, не замѣчая, что сошла съ толпа, съ любопытствомъ оглядывавшая, какъ это барыня мѣняется шубами съ мужикомъ.

Дома такъ и ахнули, увидѣвъ графиню въ мужичьемъ полушубкѣ.

— Матушка, графиня, что съ вами? да гдѣ же шубка-то ваша?

— Ничего, ничего! Я съ мужичкомъ помѣнялась. Бѣдняку далеко идти приходится, а морозно, озябъ сердечный.

Всѣ разинули рты.

— Э-эхъ, какъ же вы упустили, и никто не пошелъ за ней! Тулупчика соболя жалъ, тамъ на мѣстѣ рублей пятьсотъ стоилъ... Какъ же упустить было? Мы съ прїѣзда занялись военчѣмъ, а васъ тутъ мало что ли было? говорилъ Николай прислугѣ.

— Да кто же зналъ, что она на улицѣ шубами мѣняться станетъ?

— Видишь, кажется, что она какъ малый ребенокъ. Нѣтъ, мы ужъ всегда за ней. Встрѣтитъ кого она, съ себя что есть отдастъ. «Помяните раба Божья Михаила», говорить; а то такъ помѣняется; а мы ужъ тутъ и выкупаемъ. Маланья, встати, возьми у меня графинину шаль, да бурмицкое зерно, давеча шесть пѣлковыхъ выкупу затратилъ...

— Ей бы лучше деньгами...

— Деньги ей нельзя носить. Первому встрѣчному разомъ всѣ отдастъ; говорятъ, что она словно малый ребенокъ! Нѣтъ ужъ братцы, какъ тамъ знаете, а за ней надо ходить.

И Николашка началъ любезничать съ выросшими безъ него красавицами, хотя и ему было уже подъ сорокъ лѣтъ.

IX.

Она угадала.

Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой уже другой день сидитъ и занятъ какими-то соображеніями.

Онъ что-то разбираетъ, потомъ пишетъ, потомъ походить у себя въ кабинетъ и опять пишетъ, иногда вымарываетъ написанное и пишетъ съ изнова.

Возьмемъ на выдержку кое-что изъ того, что онъ пишетъ.

«Если-бы государь императоръ Петръ Ѳеодоровичъ волею Божіею скончаться изволилъ, то, какъ прирожденный русскій государь и Петра Великаго внукъ, былъ бы торжественно погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ, гдѣ покоятся и великіе его предки, съ надписью ихъ именъ, дней рожденія и кончины. Пусть кто-нибудь осмотритъ соборъ, найдетъ ли онъ тамъ между въ Бозѣ опочивающими государями мѣсто упокоенія государя Петра III Ѳеодоровича?»

Далѣе:

«Когда скончалась императрица Анна Иоанновна, тогда съ полною торжественностью была выставлена въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, и весь народъ допускался къ ея лицеизрѣнію и для прощанія съ покойною втеченіи шести недѣль, да не будетъ въ народѣ сомнѣнія о дѣйствительности ея кончины. Подобнымъ же образомъ стояло тѣло императрицы Елисаветы Петровны, чтобы всякій видѣлъ, что волей Всевышняго государыня призвана на судъ Божій, и что погребается дѣйствительно ея брѣнное тѣло. А было ли выставлено такимъ образомъ, сколько времени, и кто могъ видѣть дѣйствительно скончавшагося Петра III?»

Далѣе:

«Государь, какъ извѣстно, въ лѣтнее время, мѣстопребываніе свое имѣлъ въ Ораніенбаумѣ, но извѣстно, что тамъ онъ не умиралъ, а въ виду всѣхъ, здоровый и веселый, поѣхалъ въ Петергофъ. Не умиралъ онъ и въ Петергофѣ, ибо Петергофъ былъ полонъ войска, предводимаго императрицею Еваториною и, въ случаѣ несчастія, о смерти его войску было бы извѣстно. На другой день императрица возвратилась въ Петербургъ, но императора ни въ Петергофѣ не осталось, ни въ Петербургѣ онъ не прибывалъ. Ясно, что съ дороги онъ буда нибудь скрылся».

Далѣе:

«Государь, какъ извѣстно, пользовался особою популярностью у раскольниковъ. Это слѣдуетъ особенно имѣть въ виду. Впрочемъ, расколъ и крѣпостное право—это такіе два элемента страданія русскаго народа, которые могутъ опрокинуть все. Всякому повѣрять, всякаго примуть, кто будетъ обѣщать имъ волю и бороду...

«Голштинское знамя, которое легко можетъ быть черезъ Глѣбова получено, можетъ представлять несомнѣнное доказательство существованія связи между отцомъ и сыномъ, императоромъ и его наслѣдникомъ, который мать свою можетъ признавать узурпаторшею его правъ».

Далѣе:

«Родовая княжна Владимірская, опираясь на свое право, какъ родная по матери племянница государыни императрицы Анны Иоанновны, слѣдовательно, представительница старшей вѣтви дома Романовыхъ, въ коемъ женщины не исключаются изъ престолонаслѣдія, можетъ также указать на происхожденіе свое, по отцу, отъ ближайшей линіи московскаго дома прежнихъ рус-

скихъ царей. Этимъ она вызоветъ сочувствіе старыхъ родовъ, особенно если обѣщается возстановить прежнюю боярскую думу, со всѣми ея правами».

Одинъ изъ такихъ параграфовъ Трубецкой докончить не успѣлъ. Отъ императрицы прибылъ камеръ-фурьеръ, съ требованіемъ немедленно явиться къ ней.

Трубецкой заперъ бумаги въ потайной ящикъ, торопливо надѣлъ мундиръ и отправился.

Екатерина скорыми шагами ходила по кабинету, ожидая Трубецкаго, и была въ волненіи.

Когда Трубецкой вошелъ, она продолжала еще ходить и, какъ ему показалось, что-то говорила про себя.

Трубецкой остановился подлѣ дверей, отдавъ почтительный поклонъ государынѣ. Та не отвѣчала на поклонъ и продолжала ходить.

Потомъ она остановилась почти прямо противъ него, остановивъ на немъ пристальный взглядъ, въ которомъ Трубецкой замѣтилъ то неуловимо-жесткое выраженіе, которое обыкновенно скрадывалось ея ласковостью и любезностью. Онъ помнилъ, что такимъ же взглядомъ она обвинила мужа, послѣ обѣда празднованія мира съ Прусіею, когда ей публично было нанесено имъ оскорбленіе.

«О-о! подумалъ Трубецкой,—буря!»

И онъ постарался довести сдержанность свою до послѣдней степени.

— Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, наконецъ сказала она и повторила: — князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, скажите, что я вамъ сдѣлала, и долго ли еще вы думаете быть врагомъ моимъ?

— Я, ваше императорское величество? отвѣчалъ Трубецкой, дѣлая видъ не только изумленнаго, но и пораженнаго.—Я позволяю себѣ думать, по крайней мѣрѣ, по степени своего усердія, что я первый нижайшій слуга вашего величества и, по глубокой преданности, вѣрнѣйшій изъ вашихъ подданныхъ!

— Вы мой вѣрнѣйшій подданный? насмѣшливо проговорила Екатерина.—Не потому ли я должна была спасти васъ отъ ярости солдатъ, когда вы хотѣли присоединиться къ моему отряду. Солдатскій инстинктъ понимаетъ, видно, вѣрнѣе, чѣмъ мы, хвастающіе своимъ умомъ. Они вѣрнѣе знаютъ, гдѣ истина и гдѣ притворство. Но я не стану притворяться; мнѣ вашей вѣрноподданнической преданности и не нужно. Но я не могу допустить и не допущу вашихъ интригъ, вашихъ каверзъ! Чего

вы хотите? Неужели вы думаете, что ваши подземные подкопы против моих дѣйствій могутъ быть мною не замѣчены?

Екатерина говорила скоро, нервно и, видимо, не выбирая словъ. Ея круглый и нѣсколько раздвоенный подбородокъ дрожалъ. Видно было, что она волновалась и волненіе ея не успокоивалось отъ высказываемой мысли; напротивъ, оно усиливалось и росло съ каждымъ ея словомъ.

Сдержанный, владѣющій собою вполне, князь Трубецкой не только не смутился отъ этого потока словъ государыни, но, напротивъ, своимъ взглядомъ, улыбкою, всѣмъ турниромъ корпуса онъ какъ-бы вызывалъ высказаться отервеннѣе.

— Не знаю, хотя мнѣ это очень грустно, всемилостивѣйшая государыня, обожаемая нами императрица, въ чемъ вы изволите усматривать мои интриги и каверзы. Если въ моихъ дѣйствіяхъ есть какія упущенія, то винюсь передъ вашимъ величествомъ, каюсь въ нихъ, какъ въ ошибкѣ, а никакъ не въ интригахъ, которыя, съ моей стороны, противъ особы вашего величества не имѣли бы смысла. Я преданныйшій слуга, я рабъ вашъ, всемилостивѣйшая государыня, о какихъ же подкопахъ тутъ я смѣю даже думать?

Сдержанность Трубецкого повліяла на Екатерину, и она продолжала хладнокровнѣе:

— Вы, князь, напрасно думаете, что можете прикрыть ваши дѣйствія непроницаемостью. Мои глаза видятъ хорошо. При моемъ мужѣ и тетѣ вы царствовали; что-жъ, не думаете ли вы, что можете царствовать и теперь?

Проговоривъ эти слова твердо, сухимъ, жесткимъ тономъ, какъ-бы бросающимъ ихъ Трубецкому въ упоръ, Екатерина опустила въ кресло передъ столомъ, выдвинула впередъ одну изъ своихъ ножекъ въ ажурномъ розовомъ шелковомъ чулкѣ и смотрѣла на Трубецкого строго, какъ-бы ожидая отвѣта.

— Не смѣю ничего возражать противъ словъ вашего императорскаго величества, хотя душевно огорчаюсь, что мой сильный трудъ принимается вами въ такомъ смыслѣ, отвѣчалъ скромно Трубецкой.—Если я смѣлъ представлять иногда свои заключенія по разнымъ дѣламъ на благоусмотрѣніе покойнаго государя, также какъ и императрицы вашей тетушки, то только съ ихъ всемилостивѣйшаго соизволенія; но при этомъ основаніе дѣла и инициатива его вчинанія принадлежали всецѣло ихъ величествамъ...

— Нѣтъ! Я знаю, что говорю. Вы царствовали! Я не виню васъ въ этомъ! Я понимаю, что если всѣ боялись труда, то кому

нибудь да нужно же было трудиться! Но теперь,—я не боюсь труда! Чего же вы хотите? Наконецъ, позвольте васъ спросить, что вы сдѣлали такого особаго, такого выдающагося, во время вашего самовластнаго управленія всѣми внутренними дѣлами имперіи, сперва какъ генераль-прокуроръ, потомъ какъ главный и единственно дѣятельный членъ высшей конференціи, чтобы имѣть право на притязанія власти? Розлили ли вы довольство и благоденствіе, устроили ли правосудіе? Отстранили ли злоупотребленія, или усилили государственное могущество? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Вы не сдѣлали ничего, вы занимались интригами! Вы добивались власти только для возвышенія своихъ родныхъ и друзей и для преслѣдованія вашихъ враговъ. Какое же право вы имѣете даже желать того, чего, вы это уже доказали, вы не въ силахъ приложить къ дѣлу такъ, чтобы оно было полезно для всѣхъ?

— Позволю себѣ доложить вашему величеству, что такого рода желаній у меня нѣтъ, не было и не могло быть! Я понимаю, что желаніе власти для подданнаго есть преступленіе. Я всегда выполнялъ, по мѣрѣ разума и умѣнья, мои обязанности въ той должности, на которую призывала меня высочайшая воля, служилъ по совѣсти, но никогда ничего не домогался и даже ничего не просилъ. Если же кто доносилъ вашему императорскому величеству о какихъ либо моихъ домогательствахъ, то онъ просто клеветаль...

Трубецкому пришло въ голову, что основаніе разговора Екатерины лежитъ въ какихъ нибудь наговорахъ и доносахъ на него Алексѣя Петровича Бестужева.

— Я не вѣрю клеветамъ! рѣзко отвѣтила Екатерина.—Но если у васъ нѣтъ никакихъ домогательствъ, то къ чему же всѣ эти каверзы? Къ чему распространеніе всѣхъ этихъ слуховъ, всѣ эти заговоры, соглашенія, всѣ эти, именно какъ я выразилась, подкопы подъ мою власть, подъ мое управленіе, которое, не знаю, будетъ ли хорошо,—по краткости времени я не успѣла еще этого доказать,—но съ Божіею помощію думаю, что будетъ во всякомъ случаѣ не хуже вашего. Спрашиваю: къ чему же эти подкопы?

— Ваше величество, смѣю удостовѣрить, что ни о какихъ подкопахъ я никогда не думалъ; что, какъ вѣрный рабъ и поданный вашего величества, я...

— Какъ! перебила его Екатерина,—и вы хотите меня увѣрить, что во всѣхъ этихъ дѣлахъ, во всѣхъ предначертаніяхъ, предпринимаемыхъ противъ меня людьми, которые меня или не

знають вовсе, или понимаютъ превратно, вы не принимали участія; что не ваша опытная рука руководила ихъ началомъ; что не вы бросили первую искру между этими несчастными, которые сами не знали, что дѣлали и чего желаютъ? Вы хотите увѣрить, что ни Гурьевъ, ни Хрущовъ, ни Хитрово, ни Ласунскій и Рославлевы не были вами, не непосредственно, конечно, а со стороны, подъ сурдинкою, направляемы, научаемы, сближаемы? Хотите увѣрить, что вы не принимали участія въ ихъ...

— Не только не принималъ участія, всемилостивѣйшая государыня, но и не зналъ о нихъ; не зналъ ни одного изъ поименованныхъ вашимъ величествомъ лицъ и, кажется, кромѣ Хитрово, съ дядею котораго я знакомъ, никогда не видѣлъ, да едва-ли когда нибудь о нихъ и слышалъ.

И Трубецкой, говоря это тономъ полнѣйшей искренности, смотрѣлъ Екаторинъ прямо въ глаза, какъ-бы убѣждая, что его слова не могутъ возбуждать сомнѣнія, что не вѣрить имъ нельзя.

Екаторина на секунду потушилась.

— Князь Никита Юрьевичъ, строго и холодно отвѣчала она послѣ секунднаго молчанія, поднимая и останавливая на Трубецкомъ глаза свои и, можно сказать, проникая его своимъ, какъ-бы стальнымъ взглядомъ.—Что же, вы хотите, чтобы я прибѣгла къ вашему способу открытія истины, прибѣгла къ пыткѣ? Хотите?

И Екаторина откинулась назадъ на спинку кресла и молчаливо перебирала между пальцами золотой рейсфедеръ.

— Не забудьте, князь Никита Юрьевичъ, продолжала она потомъ, будто отчеканивая каждое слово,—что если я врагъ безплезныхъ жестокостей, то, ради спокойствія государства, я не останавлиюсь даже передъ мѣрами, хотя бы и противными моему чувству. Не забудьте также, что ни противъ кого пытка не можетъ быть такъ оправдана, какъ противъ васъ. Вы столько разъ обрушали ее, всею тяжестью вашей власти, на людей совершенно невинныхъ. Вы не забыли, надѣюсь, пытокъ, которымъ подвергли князей Долгоруковыхъ? Не забыли пытки, которой, даже противъ воли государыни, вы подвергли бѣднаго Лестока, вашего, одно время, союзника?

— Все дѣло о графѣ Лестоке ведено было, ваше величество, графомъ Александромъ Ивановичемъ Шуваловымъ! проговорилъ Трубецкой, котораго слово пытка хотя и передернуло,

по который выдержалъ себя настолько, что Екатерина его внутреннего содроганія не замѣтила.

— Что вы мнѣ говорите о Шуваловѣ? возразила Екатерина, снова разгораясь отъ противорѣчія. — Вы думаете, я не знаю, что Шуваловы и вы были одна когорта, я не хочу сказать одна шайка людей, злодѣйски обманывавшихъ покойную государыню. Наконецъ, если вы и не принимали участія въ назначеніи пытки, то всегда имѣли право остановить ее вашею генераль-прокурорскою властью. Но вы не только не остановили, вы ее усилили! Впрочемъ, и кромѣ этихъ именъ, болѣе ста протоколовъ о назначеніи пытки подписаны вашею рукою. Это даетъ мнѣ полное право, при вашемъ запираельствѣ, прибѣгнуть къ тому же, къ чему съ такою охотою и безъ разбора вы подвергали другихъ!

— Ваше величество, моя жизнь всецѣло принадлежитъ вамъ, и если я долженъ подвергнуться пыткѣ, то... ваша царская воля! Но прошу позволенія сказать, что, по существующимъ правиламъ, пытка назначается тогда, когда существуетъ какойнибудь оговоръ, или представляется поличное, опредѣляющее въ большей или меньшей степени виновность. Если существуетъ противъ меня таковой оговоръ, то смѣю съ чувствомъ истиннаго вѣрноподданническаго почитанія просить, не соблаговолите ли приказать заявить мнѣ этотъ оговоръ, чтобы я могъ представить по немъ свои личныя объясненія, которыя потомъ и утвердилъ бы на розыскѣ.

— О, вы знаете, что вы слишкомъ хорошо замаскировались, чтобы могъ быть на васъ оговоръ. А поличное? Вы и тутъ закрылись вашимъ достоинствомъ фельдмаршала, чтобы не подвергаться обыску. Впрочемъ, развѣ назначить обыскъ и найти поличное теперь, пока вы тутъ стараетесь увѣрить меня въ своей невинности...

При словахъ государыни объ обыскѣ, Трубецкой зналъ, что если нельзя было его оговорить, то еще менѣе могли чтонибудь у него найти. Поэтому онъ принялъ эти слова спокойно. Но вдругъ онъ вспомнилъ о листѣ, который только что писалъ, не успѣлъ окончить и потому не передалъ туда, гдѣ бы онъ былъ безопасенъ отъ всякихъ обысковъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ бы переданъ переписаннымъ чужою, неизвѣстною рукою. Онъ вспомнилъ объ этомъ листѣ, спрятанномъ, правда, въ потайной ящикъ; но никто лучше его не зналъ, что для Ромодановскихъ, Ушаковыхъ, Елагиныхъ, Шишневскихъ, вообще для такого рода слѣдователей, которые управляли преображен-

скимъ привазомъ, тайными и розыскныхъ дѣлъ канцеляріями, потайныхъ ящиковъ не существуетъ.

«Что если, подумаль онъ, — и въ самомъ дѣлѣ пока здѣсь она со мной разговариваетъ, тамъ Шишковскій перебираетъ бумаги въ моемъ кабинетѣ и находить...»

Отъ этой мысли у Трубецкаго на лбу выступилъ холодный потъ и онъ невольно смутился. Екатерина это замѣтила.

— Все это я могу сдѣлать, могу приказать; но я не зла. Я готова обратиться ко всякому съ моимъ монаршимъ милосердіемъ, но лишь къ тому, кто искренно и отъ души раскаивается. Говорите, князь, тогда не нужно будетъ ни пытки, ни обыска. Вы желали, вы искали случая меня низложить?

— Государыня!..

— Говорите просто, откровенно! Я сказала, что тогда и только тогда вы можете надѣяться на мое милосердіе! Говорите же. Вы были пружиною?.. Говорите! Видите, я спрашиваю васъ сама; будетъ хуже, когда...

Государыня не успѣла окончить, какъ Трубецкой упала передъ ней на колѣни.

— Виновать, прости государыня, пощади и помилуй!

Государыня презрительно улыбнулась и, не предлагая ему встать, спросила:

— Черезъ кого?

— Ни черезъ кого, государыня! Я говорилъ имъ или при нихъ, но такъ, что они и думать не могли, что я ихъ настраиваю и что слова мои есть внушеніе.

— Когда?

— Все время, со дня вступленія вашего на престолъ и потери моего значенія!

— Гдѣ?

— И здѣсь, и въ Москвѣ!

— Встаньте и объясните мнѣ откровенно, что васъ къ тому вынудило? Вы вѣдь приняли присягу добровольно. Вы могли отказаться мнѣ служить, какъ Голицынъ и Гудовичъ. Я бы не претендовала на васъ, предоставила бы полную свободу; но вы..

Трубецкой не вставалъ.

— Всемилостивѣйшая государыня, милосердная мать къ виновному рабу, прости меня не по дѣломъ моимъ, а по своей благодати! говорилъ Трубецкой голосомъ нѣкогда симпатичнымъ и теперь еще звучащимъ трогательностью мольбы. — Точно, государыня, я не долженъ былъ принимать присяги. Я долженъ былъ отказаться отъ службы. Но у меня десять человѣкъ дѣтей; у меня на

рукахъ два брата, сестра и трое племянниковъ. Всѣ мы живемъ только моею службою и царскимъ жалованьемъ. Куда мнѣ съ ними было дѣться? Я подумала: что съ ними я буду дѣлать, когда и службы, и царской милости лишусь? Вѣдь всѣ мы съ голоду помремъ! Вѣдь всѣмъ намъ придется Христовымъ именемъ подъ окнами побираться. Прости, милосердная, бѣднаго отца, который съ горя съ ума сошелъ, задумалъ идти противъ воли Божіей!..

Екатерина молчала. Потомъ вдругъ, взглянувъ на него съ презрѣніемъ еще разъ, она проговорила тихо:

— Встаньте, вланяться нечего!

Съ этими словами она встала и ушла. Трубецкой остался на колѣняхъ ни живъ, ни мертвъ.

«Кто сказалъ ей,—думалъ онъ.—Неужели она сама догадалась?»

Х.

Князь священной римской имперіи.

Во Франкфуртъ Али-Эметѣ прибыла окруженная всѣмъ своимъ дворомъ и со внѣшнею пышностью, но почти безъ гроша денегъ. Впрочемъ Ванъ-Тоуэрсъ успѣлъ ту же минуту занять на свое имя небольшую сумму у одного афериста, который зналъ его отца миліонера, и, не зная, что эти миліоны давно уже на воздухѣ, польстился на большіе проценты.

Но эта сумма была каплей въ морѣ по жизни Али-Эметѣ.

Положеніе ея было весьма тяжкое. Она остановилась въ гостиницѣ «Трехъ королей», первой тогда въ городѣ и самой дорогой, и обставила себя по возможности прилично принятому положенію; между тѣмъ средствъ не было никакихъ и какъ ни были гофъ-интендантъ ея двора де-Маринъ, ея шталмейстеръ баронъ Шенкъ и гофмейстеръ Ванъ-Тоуэрсъ или баронъ Эмбсъ, чтобы перехватить сколько нибудь на текущіе расходы, все было напрасно. Кромѣ незначительной суммы, занятой Ванъ-Тоуэрсомъ, всѣ они не могли добыть ни копѣйки. Нѣмцы народъ положительный и ни въ дающеѣ, ни въ ожидаемня наследства вѣрить не хотѣли.

Али-Эметѣ сама знала, что надѣятся ей не на что. Послѣ

разговора съ отцомъ Флавіо она поняла, что и дядя, и кредитъ, и отношенія ея все въ рукахъ отцовъ іезуитовъ, а отъ послѣдователей Игнатія Лойолы нельзя ждать помощи, не принявъ ихъ плановъ, т. е. не отдавъ въ ихъ распоряженіе всю себя.

Но на такое самоотверженіе Али-Эметэ согласиться не хотѣлось. Она была слишкомъ самолюбива и слишкомъ увѣрена въ себѣ, чтобы думать, что безъ іезуитской помощи она ничего не можетъ. Жизнь слишкомъ баловала ее, слишкомъ много вывела въ самыя тяжкія минуты, чтобы думать, что если можетъ съ нею что случиться благопріятнаго, то только при выполненіи условій отца Флавіо. Ей хотѣлось быть самостоятельною, хотѣлось бороться, хотѣлось заставить ихъ принять что хочетъ она, а не подчинять себя ихъ волѣ; хотѣлось независимости, свободы. Но чтобы отстаивать свободу, чтобы бороться, нужно жить, чтобы жить нужны средства къ жизни, а средствъ-то не было никакихъ.

Вотъ прислуга просить жалованье; экипажъ и лошади требуютъ содержанія; гостинница—платежа по счетамъ, а у Али-Эметэ не было ничего.

Тутъ только Али-Эметэ поняла могущество капитала и поняла въ такой степени, какой далеко она не могла достигнуть, находясь въ крайней нуждѣ въ Берлинѣ и Лондонѣ. Высокость положенія, какое она заняла, особенно давала чувствовать тяжесть нужды, невыносимость крайности. Она поняла теперь, что капиталъ можетъ давить, можетъ гнесты, и не только представителей труда, но и представителей рода; она поняла, что этотъ гнетъ особенно тяжело ложится на послѣднихъ.

Въ эту тяжелую минуту, когда Али-Эметэ приходила уже въ отчаяніе, когда рѣшалась писать къ отцу д'Аржанто, что, дѣлать нечего, она предоставляетъ себя ихъ власти, въ эту минуту, нежданно, негаданно, вновь явился въ ней съ своимъ предложеніемъ и посильною помощью графъ Ропшфоръ де-Валькуръ.

Тутъ было не до деликатности и не до разборчивости въ женихахъ. Посильная помощь была принята, а вмѣстѣ было не отринуту и предложеніе.

«Онъ не богатъ, правда, думала Али-Эметэ, — но имѣетъ кое-что, все же жить можно; а мнѣ теперь иначе предстоить или къ іезуитамъ, или въ воду броситься! Нѣтъ, я предпочитаю выйти замужъ за Валькура».

— И такъ, да? прелестнѣйшая изъ прелестнѣйшихъ, спросилъ сорока-лѣтній де-Валькуръ, стараясь придумать мадригаль,

чтобы блеснуть своимъ остроуміемъ.—Позвольте же вашу ручку, чтобы я могъ поцѣловать ее въ надеждѣ обладанія.

— Я никогда и не говорила «нѣтъ!» отвѣчала Али-Эметѣ, подавая ему руки и бросая взглядъ, полный вызывающей кокетливости.

Графъ, кажется, готовъ былъ растаять отъ счастья.

Получивъ согласіе Али-Эметѣ осчастливить его своею рукою, онъ сталъ просить дозволенія представить ей своего повелителя, владѣтельнаго графа, князя священной римской имперіи Филиппа Фердинанда II Гольштейнъ-фонъ-Лимбургъ-де-Линанжъ.

Али-Эметѣ, давно мечтавшая о короляхъ и принцахъ, внутренно обрадовалась этому заявленію своего жениха. Она съ восторгомъ услышала, что увидитъ, наконецъ, у себя настоящаго князя, владѣтельнаго, самодержавнаго графа, а не только графа по титулу. Съ тѣмъ вмѣстѣ она была настолько осторожна, что не пожелала высказаться передъ женихомъ, не захотѣла, чтобы онъ видѣлъ, что это предложеніе ее радуетъ; поэтому она немножко поморщилась, дѣлая видъ, будто просимое де-Валькуромъ дозволеніе, представить ей его государя, весьма ей не нравится.

— Здѣсь, въ обстановкѣ гостинницы? Фи! сказала она.

Тогда гостинницы не отличались еще роскошью нашего времени. Въ нихъ останавливались только тѣ, кому остановиться было рѣшительно негдѣ, и хотя гостинница «Трехъ королей» была самая дорогая и лучшая въ городѣ, но далеко не имѣла того убранства, чтобы въ ней, въ самомъ дѣлѣ, можно было принимать владѣтельныхъ особъ.

— Я сгорю отъ стыда, продолжала Али-Эметѣ,—когда мой гофмейстеръ долженъ будетъ ввести принца въ залу, въ которой у оконъ нѣтъ даже занавѣсокъ. Нѣтъ, графъ, мы лучше примемъ его высочество въ Парижѣ!

Де-Валькуръ сталъ убѣждать, увѣряя, что его графъ и не вздумаетъ обратить вниманіе на убранство комнатъ, особенно если она захочетъ быть съ нимъ любезною.

— Мой свѣтлѣйшій господинъ, принцъ, любитель и знатокъ женской красоты, объяснял де-Валькуръ,—поэтому не можетъ не замѣтить жемчужины даже среди и невзрачнаго убранства франкфуртской гостинницы!

Де-Валькуръ видимо вновь желалъ сказать недвусмысленную любезность своей невѣстѣ. Тогда было въ обычаѣ говорить любезности не только невѣстѣ, но даже женѣ.

Но Али-Эметѣ все еще отказывалась. Де-Валькуру пришлось

долго ее просить, прежде чѣмъ она рѣшилась согласиться, какъ-бы уступая его настояніямъ и единственно изъ любви къ нему.

Представленіе состоялось на другой день.

Имперскій владѣтельный графъ Голштейнъ-фонъ-Лимбургъ въ два часа дня подъѣхалъ къ гостинницѣ «Трехъ королей» въ роскошномъ англійскомъ тюльбюри, новость того времени, съ двумя адъютантами. Его сопровождали еще верхомъ унтеръ-штаммейстеръ и два кирасира его миниатюрной гвардіи. Его гофмаршалъ де-Валькуръ встрѣтилъ на подъѣздѣ. Онъ ввелъ его на лѣстницу гостинницы, на этотъ разъ устланную ковромъ. Ванъ-Тоуэрсъ, по своему званію гофмейстера принцессы, встрѣтилъ его и привѣтствовалъ отъ имени своей княжны. Затѣмъ принялъ его камергеръ де-Маринъ и ввелъ въ комнаты Али-Эметъ, украшенные на этотъ разъ всѣмъ, чѣмъ только можно было украсить ихъ втеченіи сутокъ. Тамъ, въ первой же комнатѣ, его встрѣтила Али-Эметъ. Она сдѣлала передъ нимъ реверансъ неопытной невинности, будто робѣющей предстать передъ столь высокою и знаменитою особою, какою въ настоящую минуту она принимала. Въ то же время въ глазахъ ея свернуль неизобразимо отрадный огонекъ, засвѣтилось что-то несказанно обаятельное, выразившееся также въ ея тихихъ, граціозныхъ, будто округленныхъ движеніяхъ, и въ ея гармонической рѣчи. Казалось, будто она въ одно и то же время благоговѣла передъ величіемъ удостоившаго посѣтить ее гостя и сознавала, что обязанность хозяйки не допускаетъ ее только восторгаться его личностью и оставаться созерцательницею его особы; что она должна постараться быть въ его глазахъ тѣмъ, чѣмъ бы онъ желалъ, чтобы она для него была.

Старый сентиментальный холостякъ, поразвратничавшій таки на своемъ вѣку довольно, что однакожь не мѣшало ему до сорока пяти лѣтъ строить идеалы,—графъ Голштейнъ-фонъ-Лимбургъ былъ совершенно озадаченъ этой неожиданной, невѣроятной красотой. Онъ совершенно разстаялъ отъ огня этихъ глазъ, этихъ изящныхъ, но полныхъ страсти движеній, этого легкаго перекачиванія съ ножки на ножку и мелодически музыкальнаго привѣтствія. Онъ позабылъ и кто онъ, и зачѣмъ пріѣхалъ, забылъ и Рюшфора, и своихъ адъютантовъ; онъ только смотрѣлъ и смотрѣлъ, какъ-бы обливаемый радостью ея взгляда.

Онъ слышалъ, что де-Валькуръ что-то говорилъ, она тоже; на это отвѣчалъ онъ, но что—онъ не помнилъ. Помнить, какъ онъ почтительно поцѣловалъ руку княжны, какъ они усѣлись на ди-

ванъ, говорили что-то, и она была такъ же прекрасна, такъ же очаровательна, какою онъ ее нашель съ перваго взгляда.

Онъ уѣхалъ отъ Али-Эметѣ совершенно оболдованный и не смѣлъ говорить о ней ни слова. Ромфоръ де-Валькуръ напрасно неоднократно заговаривалъ съ нимъ о своей невѣстѣ, онъ молчалъ. Даже де-Валькуръ начиналъ вазаться ему его врагомъ; адъютанты же, которые поздравляли де-Валькура, казались ему какими-то пустыми болтунами, а унтеръ-штабмейстеръ—несчастливымъ, который, дежурия у его экипажа, не видѣлъ сіанія ея глазъ. Его охватывало отчаяніе при мысли, что до завтрашняго дня онъ видѣтъ ее ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ.

Али-Эметѣ замѣтила впечатлѣніе, которое она произвела на князя при самомъ его входѣ. «Видно было, что онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такую красавицу, какъ я,—думала Али-Эметѣ.—Я его поразила! Вотъ бы...» И она замолчала передъ своею мыслью, самодовольно улыбаясь. Ей, впрочемъ, нельзя было не быть довольною. Съ визитомъ князя всѣ дѣла ея неожиданно повернулись къ лучшему. Ей и кредитъ открылся, и надежды явились, и помощь. Послѣднюю предложилъ князь, узнавъ о ея непріятномъ положеніи, будто бы вслѣдствіе трудности имѣть непосредственныя и правильныя сношенія съ Персією. Съ великодушіемъ принца, онъ предложилъ ей свой бланкъ на 20,000 гульденовъ, для устройства ея франкфуртскихъ дѣлъ, и пригласилъ переселиться изъ Франкфурта въ его владѣнія, предоставляя въ ея распоряженіе одинъ изъ его замковъ, въ которомъ—завѣрялъ онъ—не коснется васъ никакая непріятность, никакія притязанія! Притомъ онъ обѣщаль въ тотъ же день написать и своему посланнику при версальскомъ дворѣ, де-Буру, чтобы онъ занялся устройствомъ ея парижскихъ дѣлъ.

— Онъ уговорить вашихъ кредиторовъ на отсрочку! говорилъ принцъ.—Вы только укажите, съ кѣмъ и какъ говорить!

«Я всего лучше отправлю въ Парижъ де-Морина, подумала Али-Эметѣ.—Пусть лучше онъ возится тамъ съ де-Буромъ. А то мнѣ страшно надоѣлъ этотъ долговязый, увядшій французъ, съ его приторными любезностями и безъ гроша денегъ. Пусть ѣдетъ и хлопочетъ по моимъ долгамъ! Это его дѣло! А мнѣ здѣсь довольно Ванъ-Таурера и Шенка. Послѣдній будетъ исправлять должность камергера. Къ тому же, при недостаткѣ средствъ, слѣдуетъ быть умѣреннымъ. Я могу ограничиться однимъ гофмейстеромъ, къ чему еще тутъ гофъ-интендантъ? Признаться,

нужно было бы мнѣ и отъ этихъ отдѣлаться. Пустая мебель, и только лишнія издержки... Ну, да это тамъ увидимъ».

Разсуждая о владѣтельномъ князѣ, бывшемъ сегодня у нея, она улеглась съ ножками на диванъ и размечталась.

«Вотъ это такъ! это бы точно... говорила она себѣ.— Это былъ бы настоящій покровитель, и великодушный покровитель; а то что? Вотъ тогда бы вы, отцы іезуиты, увидѣли, какъ бы вы стали мною распоряжаться! Мы бы посмотрѣли, какъ бы вы обратились ко мнѣ, будто къ своей крѣпостной, за какіе-то десять тысячъ франковъ въ мѣсяцъ пенсіи! Плюю я на ваши десять тысячъ, вотъ что! Если хотите, чтобы я содѣйствовала вашимъ планамъ, то исполняйте мои желанія, принимайте мои условія. А то еще угрозы,—дескать съ голоду умирать заставимъ, пенсіи лишимъ. Не тутъ-то было! Я не боюсь васъ! Ваши угрозы мнѣ не опасны. У меня будутъ средства и безъ васъ. Вотъ ваша пенсія на четыре мѣсяца у меня въ карманѣ. Что взяли? А если?... но владѣтельной княжнѣ дома Голштейнъ-де-Линанжъ нельзя грозить какимъ-то раскрытіемъ, какъ этотъ гнусный абать себѣ позволилъ... Ёто бы я ни была, а буду ею... А Рошфоръ? Что стану я дѣлать съ нимъ? Не пойду же я въ самомъ дѣлѣ замужъ за Рошфора? Съ нимъ, я полагаю, лучше всего предоставить распорядиться князю. Если онъ хочетъ, если я ему понравилась,—а я ему очень понравилась,—то онъ найдетъ способъ сойтись поближе, а когда мы сойдемся, то и отдѣлаться отъ соперника. Да, я надѣюсь, что когда сойдемся, то разойтись онъ не захочетъ. Не онъ первый, сойдясь со мною, забываетъ себя! А о немъ я особенно постараюсь; я хочу, чтобы онъ не только себя, но цѣлый міръ бы забылъ... Только нужно удалить этихъ... они же мнѣ надобли, какъ горькая рѣдьба, особенно Шенкъ... Теперь вопросъ: будетъ ли онъ у меня завтра? Я надѣюсь—будетъ!»

И точно, графъ Лимбургъ былъ на другой день, былъ и на третій, только безъ свиты. Онъ началъ ѣздить каждый день, иногда заѣзжалъ даже два раза въ день, такъ что бѣдный графъ Рошфоръ, видя, что его повелитель и властелинъ рѣшительно отбиваетъ у него невѣсту, просто сходилъ съ ума. Напрасно онъ старался успокоить себя, стараясь вспомнить, что вѣдь она была его любовницею и, вѣроятно, не одного его любовницею. Она держала же себя всегда такъ таинственно, даже странно... «Она просто развратная женщина! говорилъ себѣ Рошфоръ.— «Да! продолжалъ онъ,—но... но что же мнѣ дѣлать, когда она для меня дороже и милѣе всѣхъ дѣвственницъ въ мірѣ?» Онъ рѣ-

шился на объясненіе, но и объясненіе ни къ чему не повело.

— Развѣ я могу отвѣчать за свои чувства, сказала ему Али-Эметѣ—и за будущія мои желанія. Я васъ любила, чего-жъ вамъ больше? Можетъ быть и опять полюблю!

— Когда же свадьба?

— Когда мнѣ захочется; разумѣется, если захотите и вы! Въ настоящую минуту мнѣ не до свадьбы. Меня занимаетъ отсутствіе писемъ изъ Персіи. Что мой дядя?

— Но вы не отказываете мнѣ?

— Нѣтъ, не отказываю! Я ни въ чемъ никогда и никому не отказываю. Но я не могу теперь. Теперь некогда, а тамъ, послѣ, когданибудь...

Рошфоръ-де-Валькуръ рвалъ на себѣ волосы съ отчаянія, а Али-Эметѣ уходила одѣваться, чтобы ѣхать на какую-нибудь увеселительную прогулку съ княземъ.

Разъ передъ такою прогулкою вбѣгаетъ къ ней Ванъ-Тоуэрсъ, блѣдный, дрожащій.

— Что случилось?

— Меня сажаютъ въ тюрьму по переданному изъ Парижа векселю въ восемь тысячъ франковъ. Помнишь, когда мы твой парюръ изъ опаловъ съ бриліантами взяли!

— Ахъ, Боже мой, что же дѣлать? сказала Али-Эметѣ.

У нея была не размѣнена еще квитанція, данная ей графомъ Лимбургскимъ нѣсколько дней назадъ. Квитанція эта была въ 20,000 гульденовъ, стало быть болѣе чѣмъ на 40,000 франковъ; но она сочла благоразумнымъ о ней умолчать.

— Не знаю, я съ ума схожу! Неужели мнѣ умереть въ тюрьмѣ? Вѣдь въ томъ мѣсяцѣ срокъ здѣшнему займу, а тамъ узнаютъ, успѣютъ явиться новые кредиторы!

— Богъ съ тобою, кто это допуститъ тебя умирать въ тюрьмѣ? Уѣзжай куда-нибудь!

— Невозможно! Церберы стерегутъ всѣ выходы.

— А денегъ нѣтъ?

— Откуда же? Ты знаешь, что я занялъ 15,000 франковъ. Ими только и жили мы во Франкфуртѣ, и отъ нихъ вчера я послѣдніе 500 франковъ размѣнялъ.

— Не тужи; я вотъ ѣду на прогулку съ княземъ и уговорю его заплатить. Поцѣлуй же горячѣй, горячѣй, вотъ такъ!

Она страстно обвила Ванъ-Тоуэрса своими руками и горячо его цѣловала...

И Ванъ-Тоуэрсъ, утѣшенный, отправился въ тюрьму...

Али-Эметѣ поѣхала съ княземъ кататься за городъ. Во время

прогулки, ей, разумѣется, въ голову не пришло говорить о выкупѣ Ванъ-Тоуэrsa, да говорить и нельзя было. Она не успѣла еще размѣнять данной имъ квитанціи, а у нея деньги не любили долго оставаться неразмѣнными. Какъ же еще просить? «Пусть посидитъ немного, подумала она;— послѣ я гдѣнибудь достану денегъ и заплачу. Мнѣ же теперь нельзя ни его, ни Шенка при себѣ имѣть. Если ужъ я хочу сближаться съ княземъ, то должна стоять на высотѣ своего положенія. Де-Маринъ уѣхалъ и слава Богу! теперь нужно бы куда нибудь спустить и Шенка. Пошлю-ка его въ Бибрихъ, а тамъ, уѣзжая съ княземъ, оставлю его своимъ повѣреннымъ во Франкфуртѣ. И я буду одна, совершенно одна, съ..моимъ милымъ княземъ, моимъ владѣтельнымъ герцогомъ, и буду свободна, какъ вѣтеръ. Отлично, отлично! Чтѣ взяли отцы іезуиты? Нужна ли мнѣ теперь ваша пенсія?»

Во время прогулки Али-Эметъ приняла предложеніе князя ѣхать съ нимъ въ его замокъ Нейсенъ.

Тоскующій, грустный Рошфоръ-де-Валькуръ не находилъ себѣ мѣста. Онъ видѣлъ, что его повелитель потерялъ голову отъ княжны Владимірской, что онъ просто влюбился въ нее какъ мальчикъ. Онъ видѣлъ, что и она принимаетъ его ухаживанья и видимо предпочитаетъ быть даже любовницею владѣтельнаго князя, принятію его предложенія быть графиней де-Рошфоръ.

«Это безчестно, это гадео, говорилъ себѣ де-Валькуръ и тосковалъ страшно.— «Что я?» подумалъ онъ вдругъ.— «Да вѣдь она захочетъ, такъ онъ на ней женится. Я по себѣ могу судить. А онъ и теперь себя не помнитъ. Онъ весь ей отдался... Но развѣ это честно? Развѣ это соотвѣтственно? Развѣ можно, пользуясь своимъ положеніемъ, отнять у своего вѣрнаго слуги то, что тотъ признавалъ и признаетъ своимъ единственнымъ счастіемъ? И съ кѣмъ это хочеть онъ играть такую шутку, со мною, графомъ Рошфоръ-де-Валькуръ, представителемъ имени, которое гремѣло еще тогда, когда никто и не думалъ о графахъ Лимбургскихъ. Мы извѣстны съ крестовыхъ походовъ. Мы владѣли вассальными графствами пространствомъ не менѣе, чѣмъ не только Лимбургъ и Стимуръ, но и вся Голштинія съ своимъ пресловутымъ Шлезвигомъ, о которомъ всѣ спорятъ и никто не хочеть понять, что споръ-то весь не стоитъ выѣденнаго яйца. Если Людовикъ XIII, по наущенію Ришелье, своею іезуитскою политикою сдавилъ Валькуровъ, если они были вынуждены отдаться великодушію имперскихъ графовъ Лимбургскихъ и за то

посвятили себя ихъ службѣ, то это не дастъ никакого права унижать и обижать ихъ, касаясь нѣжнѣйшихъ привязанностей ихъ представителя, разбивая своимъ воловѣтствомъ его счастье. Я не могу этого вынести, не могу оставить! Я потребую объясненія. И тогда пусть бережется. Передъ нимъ будетъ не его гофмаршалъ, а графъ Рошфоръ-де-Валькуръ, который никому въ мірѣ не дастъ безнаказанно ступить себѣ на ногу. Но она, она,—вопросъ въ ней. Бѣгу сейчасъ, спрошу, потребую категорическаго отвѣта: да или нѣтъ»...

И онъ отправился въ гостиницу «Трехъ королей», чтобы видѣть и говорить еще разъ съ Али-Эметѣ.

— Принцеса Владимірская у себя? принимаетъ? торопливо спросилъ де-Валькуръ у швейцара гостиницы.

— Онѣ изволили выѣхать и болѣе здѣсь не стоятъ! отвѣчалъ лѣниво швейцаръ.

Де-Валькуръ остолбенѣлъ.

— Какъ выѣхали? когда? куда?

— Такъ точно! Вчера утромъ онѣ поручили своему шталмейстеру покончить свои счета съ гостиницею; а потомъ, въ обѣдъ, заѣхалъ къ ея свѣтлости его высочество принцъ Голштейнъ-фонъ-Лимбургъ. Они вмѣстѣ и уѣхали. Послѣ нихъ уже уѣхали ея камеръ-юнгфера, дѣвица Мешедѣ, камердинеръ и прочая прислуга. Его превосходительство, г. шталмейстеръ, временно управляющій дворомъ принцесы, еще здѣсь, для омончанія какихъ-то дѣлъ. Впрочемъ, и они сегодня ѣдутъ, по порученію княгини, въ Бибрихъ...

— Когда же княжна хотѣла возвратиться?

— Ничего не могу сказать! Думаю, что скоро воротиться не полагаютъ, такъ какъ комнаты сдали и всѣ вещи свои увезли.

— Ты думаешь, что они совсѣмъ уѣхали? совсѣмъ? вскрикнулъ Рошфоръ-де-Валькуръ дико и съ ожесточеніемъ, будто швейцаръ былъ сколько нибудь виноватъ въ томъ, что они уѣхали.

Швейцаръ не отвѣчалъ, поглядывая на страннаго барина, который видимо горячился, самъ не зная, по его мнѣнію, отчего.

— Говори, они совсѣмъ уѣхали? Отвѣчай же!

— Думаю, что совсѣмъ; а впрочемъ все-таки лучше узнать объ этомъ въ отелѣ его высочества принца Лимбургскаго, такъ какъ они хотѣли заѣхать туда.

Де-Валькуръ бросился къ отелю своего государя, гдѣ онъ,

будто нарочно, разстроенный холодностью Али-Эметъ, дня три не былъ.

— Принцъ дома? спросилъ онъ у дежурнаго камеръ-фурьера.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Они вчера изволили, вмѣстѣ съ ея свѣтлостью принцессою Владимірскою, на прогулку за городъ поѣхать!

— Куда?

— Неизвѣстно; они ничего не изволили сказать!

— Какъ же мнѣ не сказали, что онъ ѣдетъ?

— Его высочество особо приказывали васъ не беспокоить. Они сказали: «что это графъ и вчера не былъ, вѣрно нездоровъ. Не беспокойте его! Я скоро буду!»

— Куда же, куда, въ который изъ своихъ замковъ? вскрикнулъ де-Валькуръ.

Онъ схватилъ себя за голову, и передъ изумленнымъ камеръ-фурьеромъ, его гофмаршалъ залился слезами.

Оставивъ Трубецкаго, Екатерина вошла въ кабинетъ и на-скоро стала писать.

«Они увидятъ, владѣю ли я собою, умѣю ли прощать враговъ своихъ, сказала она. — Но пусть же берегутся; они увидятъ также, умѣю ли я и карать ихъ»...

«Перфильичъ! писала она торопливо къ Ивану Перфиловичу Елагину, своему статсъ-секретарю. — Приѣзжай ко мнѣ скорѣе, да захвати съ собою тетрадку моихъ замѣчаній о службѣ гражданской и военной, да еще выписку о родѣ и знатности князей Трубецкихъ!»

Написавъ эту записку, она приказала ее отнести, а сама вышла къ Трубецкому. Вышла спокойною, твердо, безъ малѣйшаго выраженія гнѣва, но съ сдержанною холодностью.

Тотъ все еще стоялъ на колѣняхъ передъ ея креслами.

— Встаньте, сказала я вамъ! проговорила Екатерина сухо. — Не увеличивайте вины вашихъ еще непослушаніемъ.

Трубецкой поневолѣ всталъ.

— Слушайте! сказала Екатерина. — Вы, надѣюсь, понимаете, что послѣ всего, что случилось между нами, всякая ваша служба при мнѣ невозможна. Сегодня же вы подадите просьбу объ отставкѣ. Но чтобы не заставить васъ умирать съ голоду съ десяти дѣтьми или протягивать руку, какъ вы говорите, хотя я

и знаю, что вы лжете, то, кромѣ пенсіи, которая вамъ назначится, вы, за вашу продолжительную службу въ важныхъ чинахъ военныхъ и гражданскихъ, въ царствованіе восьми государей, въ томъ числѣ и меня, по устройству моей коронаціи, получите еще въ награду пятьдесятъ тысячъ рублей. Видите, я умѣю прощать враговъ и цѣню искреннее признаніе. Но слушайте же: если я еще чтонибудь услышу или узнаю о вашихъ коварныхъ затѣяхъ, то вы не убережете вашу голову! Не благодарите! прощайте! чтобы болѣе я васъ не видала!

Эти слова были послѣдними, которыя Трубецкой слышала отъ Екатерины. Ему было запрещено къ ней являться.

«Ну чтожь? подумалъ онъ, садясь въ карету, чтобы ѣхать къ себѣ.—Это вѣрно! Ты не услышишь обо мнѣ, ни слова не услышишь! И теперь бы не услышала, если-бы я не боялся этой проклятой записки. Но будемъ осторожнѣе! Поведемъ дѣло такъ, чтобы комаръ носу не поточилъ, и тогда увидимъ!.. Унизили, осмѣяли, выгнали,—хорошо, очень хорошо! Но посмотримъ, не будетъ ли и на моей улицѣ праздникъ!.. И расщедрилась: пятьдесятъ тысячъ... еще императрица! Да мнѣ откупщики и раскольники по сту давали!»

Получивъ отставку, Никита Юрьевичъ уѣхалъ въ Москву и поселился тамъ въ своемъ домѣ, доставшемся ему по наследству, на правахъ маіората, послѣ дяди Ивана Юрьевича, въ Кремлѣ, единственномъ частномъ домѣ, который оставался въ Кремлѣ. Онъ жилъ тамъ съ царскою роскошью. Фраза его о бѣдности была, какъ угадала императрица, только фразою, была ложь, была продолженіе нескончаемаго канюченія, которымъ отличались русскіе царедворцы XVIII вѣка. Она была сказана въ тѣхъ видахъ, что не удастся ли затронуть чувствительность Екатерины. Бѣднаго отца десятерыхъ дѣтей поневолѣ жалуютъ. А главное, хотѣлось показать, что вотъ, дескать, какова была его безкорыстная служба. Сколько лѣтъ служилъ, генераль-кригсъ-комисаромъ былъ, армию во время войны и мира продовольствовалъ, потомъ сколько лѣтъ генераль-прокуроромъ всей Россіей управлялъ, а выходитъ въ отставку нищимъ. Вѣдь Аристидъ по безкорыстію, неправда ли?..

Переѣхавъ въ Москву, Трубецкой устроилъ свою переписку въ такомъ видѣ, чтобы не бояться какогонибудь листа бумаги при обыскѣ. Онъ никогда ничего не писалъ дома. За то въ укромныхъ, ему извѣстныхъ мѣстахъ, онъ писалъ много, только такъ, что нигдѣ даже не поминалось его имени.

«Иванушки уже нѣтъ, на него стало быть нечего и расчи-

тывать! нужно придумать что нибудь похитрѣе, думалъ Трубецкой.—Посмотримъ, не помогутъ ли тутъ отцы іезуиты и мои милые раскольники?»

Али-Эметэ весело щебетала въ покойномъ дормезѣ, катившемся по превосходной дорогѣ, между виноградниками прирейнскихъ провинцій, сидя рядомъ съ владѣтельнымъ княземъ Голштейнъ-Лимбургскимъ, графомъ Стирумскимъ и Оберштейнскимъ, въ сопровожденіи конвоя изъ четырехъ человекъ его конной гвардіи, подъ начальствомъ унтеръ-шталмейстера.

«Правда, графъ былъ уже человекъ не молодой. Ему третій или четвертый годъ все шель сорокъ второй. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ и очень красивъ; немножко тяжеловатъ какъ-то, ну и обрюзгъ уже порядочно. «Но что нужды? думала Али Эметэ.— Молодыхъ и красивыхъ я найду сколько угодно; а владѣтельныхъ князей, родовитыхъ владѣтельныхъ князей, ихъ не такъ-то много. Да онъ и не дуракъ. Деликатность, нѣжность, доброта въ глазахъ свѣтятся. Правда, ужъ черезъ-чуръ сентименталенъ, но это ничего! За то онъ Божією милостію владѣтельный князь священной имперіи, герцогъ своего государства, и если я сойду съ нимъ, то могу быть не какой-то неизвѣстной никому княжной Владимірской, которой и имя и бумаги словно чудомъ съ неба упали, а настоящей владѣтельной графиней, въ которой и императоръ, и короли поставятъ себѣ за долгъ относиться съ обычнымъ уваженіемъ. Какъ далеко это будетъ отъ дѣвицы Шель въ Берлинѣ, или m-me Тремуль въ Лондонѣ».

Принцъ сидѣлъ подлѣ нея и не столько слушалъ ея рѣчи, въ которыхъ впрочемъ не было ничего особеннаго, сколько прислушивался къ ея голосу, гармоническому смѣху и веселости, именно щебетанью, которымъ Али-Эметэ умѣла такъ завлекать. Онъ сидѣлъ, слушалъ и мечталъ.

«Правда! Тогда Вонъ-Тауэрсъ мнѣ очень нравился, продолжала разсуждать про себя Али-Эметэ, болтая что-то князю.— Онъ, бѣдняжка, тогда сновался во всѣ стороны, чтобы угодить своей княжнѣ, украсить свою милую Эметэ... Что-то онъ теперь? Случается, я думаю, въ своей тюрьмѣ, бѣдный. Но что же дѣлать? Изъ первыхъ же денегъ я его непременно выкуплю, съ тѣмъ однакожъ, чтобы ко мнѣ, по крайней мѣрѣ первое время, ни ногой. Нельзя! никакъ нельзя! Особенно съ его манерами. Онъ и тогда меня похировалъ нерѣдко! Нѣтъ, нѣтъ, да и прорвется въ немъ что нибудь биржевое, что нибудь торговое. Вотъ въ этомъ

отношеніи мой принцъ безукоризненъ. Въ немъ ужъ ни найдешь ни гѣни лавочничества, ни гѣни мужичества, что я всегда такъ ненавидѣла въ Ванъ-Тоуэрсѣ и Шенгѣ. Особенно Шенгъ. Онъ былъ мнѣ даже противенъ, когда ни съ того, ни съ сего бывало вдругъ вздумаетъ расчитывать сколько онъ со мною прожилъ. Нѣтъ также въ немъ ничего заносливаго, ничего хвастливаго, какъ у Марина. Онъ, какъ англичане говорятъ, истинный джентльменъ, дѣйствительный, настоящій принцъ, *maître de salon*, безъ того фатовства, въ которомъ эти петиметры утонули. Князь, дѣйствительно князь. И если не очень красивъ, то изященъ до-нельзя, изященъ до великолѣпія! О, я заставлю его полюбить себя, заставлю безъ ума влюбиться!»

Разсуждая про себя такимъ образомъ, она въ промежуткахъ весело болтала, рассказывая князю свои впечатлѣнія и оживляя свои рассказы солью шутки и сдержанной любезности свѣтской женщины.

А онъ, заслушиваясь ее, въ то же время думалъ:

«Какъ хороша! Боже мой, какъ хороша! Она очаровательна! Съ нею я чувствую себя молодымъ, чувствую счастливымъ. Подлѣ нея я чувствую, что во мнѣ кровь кипитъ, разливается отрада. Я счастливъ, безумно счастливъ!.. Полюбить ли она меня хоть немного? Ахъ, если-бы полюбила!»

Долго ли, коротко ли мечтали и разсуждали они, сидя въ дормезѣ и мѣняя заблаговременно заготовленныхъ лошадей и конвойныхъ, только, наконецъ, на вершинѣ одной крутой и высокой горы показались башни, потомъ открылась зубчатая стѣна съ полукруглыми отверстиями и красная крыша, за которою высились столѣтніе дубы и каштаны густо разросшагося сада. Это былъ одинъ изъ замковъ графа Лимбургскаго, цѣль ихъ путешествія.

— Ахъ, какъ у васъ тутъ хорошо, принцъ! вскрикнула Али-Эметѣ, выйдя на одну изъ терасъ замка и оглядывая кругомъ окрестность.

И дѣйствительно, передъ ними открылась прелестная картина. Замокъ стоялъ на конусообразномъ крутомъ холмѣ, передъ которымъ растилалась цвѣтущая волнистая долина, покрытая виноградниками и пшеницею. Мѣстами высились купы зелени, обозначающей сады ярко свѣтящихся домиковъ, съ ихъ красными и зелеными крышами и украшенными цвѣтами входами и балконами. Вдали видѣлась готическая церковь. Вся долина представляла поватость, идущую все ниже и ниже до самаго Рейна. Ее прорѣзывала неширокою, извилистою полоскою рѣка Нейса,

омывающая самую подошву холма, на которомъ стоялъ замокъ. Воды ея то скрывались за волнами холмовъ, то сверкали зеркаломъ, отражая въ себѣ чудный ландшафтъ. На горизонтѣ видѣлись башни другихъ замковъ, то красовавшихся своимъ гордо поднятымъ флагомъ, то напоминавшихъ прошлое своими развалинами.

— Какъ хорошо тутъ у васъ, принцъ! повторила Али-Эметъ. — А вы еще говорили, что здѣсь скучно. Удивительно, какъ это люди, обладающіе столь прелестными предметами, такъ мало дорожатъ ими. Признаюсь, я хотѣла бы жить и умереть здѣсь.

— Ваше присутствіе, княжна, можетъ оживить всякую мѣстность, прогнать всякую скуку, и отъ васъ зависитъ осчастливить этимъ мой скромный замокъ и его, счастливаго тогда, обладателя.

— Прелестно, прелестно! продолжала Али-Эметъ, какъ-бы не вслушавшись въ слова князя. — Здѣсь и дышется какъ-то легче, и смотрится свѣтлѣе. О да, пока я буду здѣсь, я буду часто бывать у васъ! Но я боюсь совсѣмъ засмотрѣться, потому и буду просить васъ, князь, продолжать обходъ, чтобы ознакомить вполнѣ съ изяществомъ вашихъ владѣній скиталицу, которая о своихъ владѣніяхъ можетъ говорить только, увя! по воспоминаію самаго юнаго дѣтства.

На такое приглашеніе графъ Филиппъ Лимбургскій, съ любовью петиметра, предложилъ ей продолжать прогулку по замку.

Минова рядъ комнатъ, отдѣланныхъ за-ново уже самимъ принцемъ, когда онъ заложилъ свое графство Стирумъ, съ достаточною роскошью во вкусѣ временъ регентства, слѣдовательно, съ непрерывнымъ напоминаніемъ пластически-изящныхъ и художественно-сладоэротическихъ преданій Греціи, натянутыхъ, впрочемъ, на французскій ладъ, т. е. напудренныхъ, подвитыхъ, поддѣланныхъ подъ французскую чопорность и аркадскую сентиментальность, — они наталкивались непрерывно на что нибудь, что ужъ ни въ какомъ случаѣ не могло содѣйствовать успокоенію волненія, которое чувствовалъ влюбленный князь, прогуливаясь съ молодою женщиною одинъ на одинъ.

То видѣли они, какъ лебедь покидаетъ Леду, то какъ Юпитеръ ласкаетъ Европу, то какъ богиня красоты Венера учитъ ребенка-Амура любить. А тамъ цѣлый рядъ сценъ изъ походовъ дѣвственной Діаны съ Вулканомъ. Али-Эметъ весело отшучивалась отъ намековъ и замѣчаній, которыя однакожъ не оставались

безслѣдными и отражались яркимъ румянцемъ на ея оживленномъ личикѣ и покрывали поволокою ея свѣтившіеся, страстные глаза. Наконецъ, они вошли въ зимній садъ.

Графъ Лимбургскій, какъ и всѣ сентиментальные люди, очень любилъ садоводство, поэтому зимній садъ у него былъ устроенъ превосходно.

Глубина сада была занята пальмами, раскидывающими свои вѣтви у самаго потолка; подъ ними росли разнообразныя папоротники, драпированныя рододендронами и азалиями въ цвѣту. Кругомъ ихъ располагались бордюрные растенія и травы по обѣ стороны узкой дорожки до самаго бассейна, посреди котораго легкою струею билъ фонтанъ.

Позади фонтана былъ устроенъ цвѣтущій гротъ, передъ которымъ стояла художественной работы мраморная статуя молчанія.

Саркастическая улыбка каменной полу-богини, прижимающей маленькій сквозящій пальчикъ къ смѣющимся губкамъ, была такъ хороша, такъ выразительна, что не могла не остановить на себѣ вниманіе. Невольно думалось: а что тамъ, что за нею, въ этомъ гротѣ, который будто нечаянно, будто самъ собою образовался изъ дикихъ, поздреватыхъ камней и закрылся ползучими растеніями и цвѣтами.

Тамъ, впрочемъ, не было ничего особаго. Тамъ былъ прелестнѣйшій укромный уголокъ съ зеркальными стѣнами и потолкомъ, драпированными розовымъ штофомъ. Цвѣты, зелень, дорогія бездѣлушки изъ фарфора и бронзы, расположенныя на изящныхъ этажеркахъ и кронштейнахъ, украшали этотъ уголокъ, посреди котораго мраморная Психея любовалась спящимъ Амуромъ, закрывая собою роскошное ложе, покрытое тоже розовымъ штофомъ и приготовленное для современныхъ Клеопатръ и Фринъ, которыя, надо полагать, въ прежнія времена нерѣдко являлись сюда утѣшать собою, скучавшую въ одиночествѣ, его графскую свѣтлость.

За ложемъ, у противоположной входу стѣнѣ шумѣлъ маленькій каскадъ, дававшій воду для освѣженія и отражавшійся въ зеркалахъ всю прелесть своего движенія, маскировавшаго и закрывавшаго горѣвшую лампаду, для которой пленка каскада служила какъ-бы стеклянною ширмою. Свѣтъ въ гротъ входилъ только сверху.

— Здѣсь восхитительно! сказала Али-Эметъ, дѣйствительно очарованная прелестью убѣжища.—Здѣсь можно забыть пѣлый міръ, можно увлечься до самозабвенія. Это рай на землѣ! Затѣмъ, помолчавъ немного и чувствуя, что рука бняжа, въ

которой онъ держалъ ея руку, дрожить отъ волненія, она освободила свою руку и спросила:—скажите, князь, много увлеченій проходило мимо васъ здѣсь, на этомъ валипсинаомъ островѣ нѣги и любви?

И она сѣла на кушетку, стоявшую въ сторонѣ отъ сладострастнаго ложа, приготовленнаго будто для выполненія обязанностей культа, прототипомъ которыхъ могли служить пиры Вальтасара.

Принцъ Филиппъ былъ въ эту минуту рѣшительно внѣ себя. Онъ готовъ былъ, кажется, отдать свою душу за одну минуту увѣренности, что былыя увлеченія могутъ возобновиться, и еще съ такимъ существомъ, которое, ему казалось, было прелестнѣе всѣхъ Аспазій и Клеопатръ въ мірѣ. Онъ не нашелся для отвѣта и нервно дрожалъ.

— Идите, князь! продолжала Али-Эметэ, бросая на принца взглядъ не то строгій, не то насмѣшливый.—Оставаться долго здѣсь опасно. И въ самомъ дѣлѣ можетъ придти въ голову, что и я, какъ новая Калипсо, встрѣтила неожиданно Телемака.

Она встала и пошла, а онъ все еще стоялъ, все еще искалъ словъ, что ему сказать объ увлеченіяхъ, будто въ самомъ дѣлѣ видѣніе Калипсы въ его гротѣ отуманило его мысли и ослѣпило глаза.

Не смотря однакожъ на свою сентиментальную идеализацію обожаемой женщины, идеализацію, невольню впадавшую въ платонизмъ, графъ Лимбургскій не всегда оставался нѣмымъ. Сколько ни притупились его чувства пожилыми лѣтами и всѣмъ прошлымъ жизни, ни въ какомъ случаѣ не слыхомъ ужъ воздержной; сколько, наконецъ, ни были онѣ парализированы фиктивнымъ раздраженіемъ напускнаго платонизма,—все же постоянное вліяніе чарующей красоты, вліяніе, побѣждающее всѣ колебанія, вызвало и въ немъ горячее слово. Слово это, согласно его характеру, его образу жизни, настроенію его мыслей, усвоенныхъ изъ общественныхъ отношеній и понятій того времени, было въ высшей степени туманно. Оно высказалось не какъ порывъ всепобѣждающей страсти, а какъ поклоненіе, какъ мольба, въ которой самая недоступность возносилась до степени апогеоза. Эта мольба просила себѣ только право обожать. Но Али-Эметэ была не изъ тѣхъ существъ, которыя долго бы хотѣли быть Лаурою для своего Петрарки. Она быстро поставила вопросъ на болѣе матеріальную почву.

— Мой князь, мой милый, добрый князь, сказала она, обвивая его голову, когда онъ стоялъ передъ нею на колѣняхъ. — Мнѣ не слѣдовало бы васъ слушать. Я должна была бы бѣжать, скрыться, исчезнуть... Но я не въ силахъ... Зачѣмъ я здѣсь? спрашиваю я себя, — зачѣмъ слушаю ваши обольстительныя, смущающія мою душу слова? Не знаю; въ васъ что-то есть, что меня приковываетъ, увлекаетъ, и я не въ силахъ противиться себѣ... не скрою этого отъ васъ. У меня много поклонниковъ, много ухаживателей, воздыхателей; многіе искали моей руки; послѣдній изъ нихъ былъ вашъ гофмаршалъ графъ де-Вальбуръ. Не скажу, чтобы никто изъ нихъ мнѣ не нравился; но они нравились мнѣ до перваго объясненія, а потомъ... потомъ бывало я невольно начинала раздумывать: что? къ чему? какія будутъ послѣдствія? А начну раздумывать — невольный холодъ обдастъ всякую мечту. И если даже нравился мнѣ человѣкъ, я невольно начинала его избѣгать. Вы первый, котораго почему то я не могу избѣгать; первый, который почему-то не возбуждаетъ во мнѣ ни сомнѣній, ни вопросовъ.. Я не спрашиваю себя, чтѣ и зачѣмъ? Васъ я слушаю, слушаю, и все хочу еще слушать! Нѣтъ, мало слушать...

И она живо наклонилась къ нему и горячо, страстно поцѣловала его добъ.

Князь безъ памяти, безъ ума, прижалъ ее къ своей груди.

Но въ ту же минуту она встала и на страстную мольбу князя отвѣчала:

— Черезъ часъ, въ саду, я твоя!..

Время шло незамѣтно. Князь Лимбургскій блаженствовалъ съ молодсю подругою, забывъ все на свѣтѣ. Онъ забылъ и свою тѣжбу съ королемъ прускимъ, и свою заботу о выкупѣ оберштейнскихъ правъ, и о своихъ притязаніяхъ на Голштинію. Онъ все забылъ; онъ видѣлъ только одну очаровательницу, въ которой слился для него цѣлый міръ.

— Моя Элиза, моя несравненная Элиза, говорилъ онъ, — моя пеллетильница, моя султанша, очаровательная Геба, своимъ нектаромъ опьяняющая самого громовержца, скажи, отчего, смотря на тебя, я не могу ни о чемъ думать, кромѣ тебя?

— Я думаю потому, отвѣчала смѣясь Али-Эметъ, — что и я не думаю о моемъ владимірскомъ княжествѣ и о Персіи, когда бываю съ тобою и играю передъ тобою роль очарованной Калипсо.

— Ты Гебою лучше. Впрочемъ, нѣтъ!.. Я и самъ не знаю, чѣмъ и когда ты лучше. Мнѣ всегда кажется, что лучше того, чѣмъ ты есть въ ту минуту, какъ я на тебя смотрю, уже ничего не можетъ и быть.

— А я люблю тебя всегда лучше рыцаремъ. Впрочемъ, вѣдь ты и такъ рыцарь чести и благородства. Не даромъ, говорятъ, Линанжи носили девизъ: «Богъ и моя честь!» Они были истинные рыцари, а ты ихъ прямой потомокъ!

— Да, но потомокъ безъ желѣза и крови.

— За то съ чувствомъ и душою. Ты мнѣ часто говорилъ, что ты немолодъ; за то твоя душа, твое чувство вѣчно молоды и вѣчно хороши, а душою любить можно только душу! Кстати, сегодня я хочу быть Психеею, будящею своего Амура... Согласенъ?

Рядъ такого рода страстныхъ сценъ, въ которыхъ Али-Эметъ являлась то Гебою, то Психеею, закружили графа Лимбургскаго совершенно. Жизнь полная нѣги и наслажденія совершенно поглотила все его существо. Онъ теперь не понималъ, какъ онъ могъ жить иначе, и расчетъ Али-Эметъ, думавшей, что тотъ, кому она отдается, никогда ее не забываетъ, въ разсужденіи графа Лимбургскаго оказался вѣрнымъ до математической точности. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ предложилъ своей Элизѣ не только свое сердце, но и руку.

— Зачѣмъ? сказала она. — Развѣ такъ мы недовольно счастливы?

— Но счастье наше не гарантировано на цѣлую жизнь. Умоляю, Элиза, успокой меня, общай!..

— Да, но у меня также есть обязанности; эти обязанности требуютъ, чтобы прежде, чѣмъ я рѣшу свою участь, я подумала о нихъ.

Увѣренная въ себя, Али-Эметъ не торопилась принять предложеніе, которое, она знала впередъ, онъ радъ будетъ повторять безъ конца. И точно, графъ началъ умолять ее всѣми мѣрами.

— Но вѣдь у меня есть женихъ, ты позабылъ, — графъ Рошфоръ де-Валькуръ. Мнѣ нужно прежде кончить съ нимъ. Правда, давая ему слово, я не думала, чтобы я могла когонибудь полюбить, и рѣшилась болѣе потому, что нужно же имѣть когонибудь, кто бы меня защищалъ и охранялъ; но все же...

Но ей не удалось договорить; вошелъ дежурный камердинеръ и доложилъ свѣтлѣйшему графу: гофъ-маршалъ вашего высочества графъ Рошфоръ де-Валькуръ.

Али-Эметэ хотѣла уйти, но графъ Лимбургскій остановилъ ее.

— Я пойду къ нему, сказалъ онъ и вышелъ.

До ушей Али-Эметэ доходилъ крупный разговоръ, потомъ брань, наконецъ, сильный звонъ колокольчика, шумъ множества голосовъ, и разомъ наступившее молчаніе.

Любопытство страшно мучило Али-Эметэ; ей очень хотѣлось пройти двѣ комнаты, которыя раздѣляли ее отъ кабинета графа, куда вѣроятно пригласили Рошфора. Однакожь боязнь вдругъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ своимъ прежнимъ женихомъ удержала ее отъ этого.

Графъ вышелъ блѣдный, разстроенный.

— Что у васъ тамъ было? спросила она спокойнымъ тономъ, подавляя свое любопытство.

— Ничего! отвѣчалъ графъ. — Я велѣлъ его посадить въ крѣпость!

— Въ крѣпость? за что?

— Представь себѣ, какой негодяй! Вздумалъ увѣрять, что ты была его любовницей!

— Вотъ они всегда такъ, эти мушкетеры; скажи имъ ласковое слово, они готовы увѣрять, что отъ нихъ безъ ума были. Ты лучше чѣмъ ктонибудь можешь знать, была ли я чьейнибудь любовницей!

— Ты мой идеалъ, моя богиня, моя несравненная! отвѣчалъ имперскій князь, цѣлуя ея руку. — Осчастливь только своей ручкой преданнѣйшаго тебѣ друга и вѣрнѣйшаго раба твоей красоты. Если могъ быть твоимъ покровителемъ Рошфоръ, почему же ты не хочешь выбрать своимъ покровителемъ меня?

И началась опять для графа Лимбургскаго жизнь нѣги и наслажденія; опять забывалъ онъ цѣлый міръ въ объятіяхъ обворожившей его цирцеи, думая только о томъ, какъ бы убѣдить ее принять его имя и титулъ, какъ бы сдѣлать, чтобы она рѣшилась стать владѣтельной свѣтлѣйшей графиней, имперской княгиней Голштейнъ-Лимбургской.

Графъ въ наслажденіи забывалъ все; но не забывали своихъ предположеній отцы іезуиты; не забывалъ ихъ и князь Радзивиллъ. Не даромъ же платилъ онъ втеченіи двухъ лѣтъ по сто двадцати тысячъ франковъ. Не забывалъ прекрасной княжны и Огинскій, которому воспоминаніе отрадныхъ минутъ, проведенныхъ съ нею, были тою радостью, ради которой — какъ онъ говорилъ — онъ, родовитый полякъ, можетъ забыть даже свою отчизну.

Письма, получаемыя изъ Россіи, заставляли ихъ дѣйствовать. Екатерининскіе генералы разбивали поднятыхъ противъ нея турокъ. Изъ Константинополя писали, что безъ существенной, серьезной помощи султанъ не выдержитъ и заключить миръ. Шведы не смѣли и думать подняться, хотя не могли помириться съ мыслью, что изъ первенствующей державы сѣвера они стали почти ничѣмъ. Польша была подъ русскимъ гнетомъ и прусскій король видимо заискивалъ въ Екатеринѣ, чтобы, вмѣстѣ съ ней, воспользоваться польскими раздорами.

«Ну мы и Австріи что нибудь дадимъ,—думалъ Фридрихъ II;—а если она не захочетъ, то... вдвоемъ съ русской императрицей, мы обойдемся и безъ нея».

«Нужно дѣйствовать, непременно нужно дѣйствовать, думали и іезуиты,—а русскій вельможа, живущій въ Спа, говоритъ, что единственное средство потрасти могущество Екатерины заключается въ томъ, чтобы выставить ей соперницу, права которой были бы тверже, происхождение несомнѣннѣе, законность яснѣе, чѣмъ тѣ основанія, на которыхъ опирается самодержавіе Екатерины».

И отцы іезуиты рѣшили отыскать Али-Эметѣ и убѣдить ее приступить къ ихъ планамъ, во что бы то ни стало.

Порученіе отыскать и уговорить выпало на красавца поляка Доманскаго.

— Убѣдите ее, чѣмъ хотите и какъ хотите, говорилъ отецъ д'Аржанто;—скажите, что пенсія ея будетъ удвоена; что на первое время будетъ ей выдана болѣе или менѣе значительная сумма; что свобода ея стѣснена не будетъ. Общайте все, только бы она начала, вошла бы хоть въ переписку съ кѣмъ нужно. Не забудьте, что вы этимъ послужите церкви и церковь не забудетъ васъ.

Случай помогъ Доманскому напасть на слѣдъ барона Эмбса или Ванъ-Тоуэрсса. Онъ нашелъ его во франкфуртской долговой тюрьмѣ.

Не смотря на то, что забытый Ванъ-Тоуэрсъ, томась въ заключеніи, имѣлъ всѣ основанія быть озлобленнымъ противъ бывшей своей любовницы, онъ ни однимъ звукомъ не захотѣлъ ей въ чемъ либо повредить. Послѣдняя ласка ея все еще нѣжила его воспоминаніе, и онъ тогда только указалъ Доманскому адресъ Али-Эметѣ, когда увѣрился, что всѣ предложенія, которыя Доманскій хотѣлъ ей сдѣлать, клонятся къ ея пользѣ.

Въ одинъ день, когда графу необходимо было по дѣламъ

сѣздить въ Кобленць, къ замку его подѣхаль красивый кавалеристъ, спросилъ свѣтлѣйшую принцесу Владимірскую Елисавету, княжну Всероссійскую, и приказаль о себѣ доложить, какъ о прїѣземъ изъ Мосбаха съ важными бумагами. Она его приняла.

Пока она разглядывала красавца-поляка и вспоминала, что она когда-то видѣла другаго такого же поляка-красавца, но котораго она, отвлеченная разными обстоятельствами, тогда упустила изъ виду, Доманскій вынулъ сумку и подаль ей два пакета, объясняя, что одинъ пакетъ данъ ему отцомъ-іезуитомъ д'Аржанто, а другой врученъ для доставленія ей важнымъ русскимъ княземъ, живущимъ въ Спа. Кромѣ того, онъ показаль ей вексель на значительную сумму, данный переводомъ на франкфуртскаго банкира Аленца, заявляя, что этотъ вексель будетъ принадлежать немедленно ей, какъ только она приметъ его предложеніе.

Отецъ Флавіо удостовѣрляль ее, что все сказанное Доманскимъ, она можетъ принять за истину, такъ какъ онъ есть прямой ихъ уполномоченный и довѣренный.

Второй пакетъ содержаль въ себѣ приглашеніе прїѣхать въ Спа, для важныхъ объясненій съ оберъ-камергеромъ русской императрицы, бывшимъ нѣкогда первымъ вельможей русской имперіи: фамилію его слышала Али-Эметѣ, но забыла. Приглашеніе не было нѣмѣмъ подписано.

Совокупность прїятныхъ извѣстій, съ красивою наружною и прїятными манерами привезшаго ихъ, заставили Али-Эметѣ съ нимъ разговориться. Разговоръ, направленный Доманскимъ умно и ловко на предметы, которые ее интересовали, еще болѣе расположилъ ее въ его пользу. Она пригласила его навѣщать ее чаще. Доманскій этимъ воспользовался и, по прїѣздѣ князя Лимбургскаго, былъ ему представленъ, какъ посланецъ отъ повѣреннаго ея персидскаго дядюшки. Чтожъ такое? Вѣдь она знала изъ послѣдняго своего разговора съ отцомъ Флавіо, что ея персидскій дядюшка, производившій ей пенсію послѣдніе два года, былъ никто иной, какъ отцы іезуиты и князь Радзивиллъ, пане-воханко. Ну, а Доманскій былъ посланъ отъ нихъ, стало быть, никакой лжи въ томъ, что Доманскій представляется въ видѣ дядюшкина посланца, нѣтъ и не бывало.

Нужно сказать, что, живя съ графомъ Лимбургскимъ на правахъ его будущей сунруги, она не только разыгрывала сладострастные сцены въ гротѣ замка, но и съ акуратностью биржеваго маклера близко знакомилась съ положеніемъ его дѣль.

Она убѣдилась, что его общественное положеніе, какъ по происхожденію, такъ и по занимаемому имъ мѣсту въ составѣ римской священной имперіи, стоитъ весьма высоко; но что этому положенію тоже далеко не соотвѣтствуютъ его денежныя средства. Бюджетъ княжества Лимбургъ почти полностью поглощался содержаніемъ придворнаго штата и княжеской миниатюрной арміи; графство Стирумское было заложено и имперскій комисаръ наложилъ уже запрещеніе на его доходы, такъ какъ не платились проценты, а на выкупъ его у князя Голштейнъ-Лимбургъ средствъ не было; графство Оберштейнъ находилось въ совокупномъ владѣніи съ графомъ Трирскимъ и вслѣдствіе именно таковой двойственности правленія, доходы съ него были ничтожны.

Сообразивъ это, Али-Эметэ рассчитала, что если представительство княжескаго двора оставить въ томъ видѣ, какъ оно есть, то собственно на расходы князя остается не болѣе 20,000 франковъ въ мѣсяць; а она, не будучи владѣтельной княжной, умѣла проживать болѣе чѣмъ по 30,000. Теперь, послѣ того какъ князь, втеченіи года, живя съ ней, не думалъ ни о расходахъ, ни о доходахъ, они прожили чуть-ли не на 150,000 франковъ болѣе, чѣмъ позволялъ скромный бюджетъ княжества. Что же они будутъ дѣлать слѣдующій годъ? Вѣдь для приведенія дѣлъ въ равновѣсіе, нужно втеченіи десяти мѣсяцевъ, какъ говорятъ, положить зубы на полку.

Этотъ расчетъ заставилъ Али-Эметэ придти къ заключенію, что пенсія отъ отцовъ іезуитовъ, князя Радзивилла, или дядюшки, для нея необходима какъ воздухъ. Безъ нея она захлебнется, потонетъ въ долгахъ и потопить вмѣстѣ съ собою графа Лимбургскаго.

Поэтому, съ практичностью именно биржеваго маклера, она сообразила, что ей отказаться отъ предложеній Доманскаго невозможно. Она должна принять планы іезуитовъ и приступить къ дѣйствіямъ, согласнымъ ихъ желаніямъ. Если-бы она отказалась и вышла замужъ за князя, то пожалуй она и съ нимъ вмѣстѣ очутилась бы въ томъ же положеніи, какое она уже испытала, бывъ дѣвицею Шель въ Берлинѣ и госпожею Треймуль въ Лондонѣ, и которое въ особенности выпало на ея долю во Франкфуртѣ, когда ей едва не пришлось изъ-за ничтожной суммы отправиться въ тюрьму, гдѣ и до сихъ поръ томится пожертвованный ею ея бывший любовникъ. Во всякомъ случаѣ, выйдя замужъ за князя и не принеся ему ничего, она видѣла, что «нужно будетъ наблюдать самую строгую экономію». А

Али-Эметъ всего болѣе на свѣтѣ ненавидѣла экономію. При томъ же владѣтельной княжнѣ лимбургской быть въ положеніи дѣвицы Шель немислимо. Это погубило бы и ее, и князя, и даже самое княжество. «Стало быть, рѣшительно мнѣ нужны мои зацѣпнскіе капиталы; я должна взять ихъ, а для этого принять предложеніе іезуитовъ и начать дѣйствовать, тѣмъ болѣе, что они предлагаютъ мнѣ на то средства, далеко превосходящія тѣ, о которыхъ говорилось прежде... Теперь станемъ обсуждать, говорила себѣ Али-Эметъ.—Если мои дѣйствія будутъ успѣшны и я не только доважу свои права, но и вступлю на русскій престолъ и стану, такимъ образомъ, царицею сѣвера, тогда, разумѣется, ни о какихъ княжествахъ, ни о какихъ имперскихъ графствахъ мнѣ не будетъ стоять и думать. Если же мнѣ это не удастся, но я войду съ царицею въ соглашеніе объ отдачѣ мнѣ только моего владимірскаго княжества на правахъ лена, то тогда, безразлично: я могу выйти замужъ за Лимбургскаго князя или не выходить, смотря по обстоятельствамъ. Если же, наконецъ, царица и на то не согласится, то, безъ всякаго сомнѣнія она рада будетъ отдѣлаться отъ всѣхъ моихъ притязаній безусловнымъ предоставленіемъ полученія доставшихся мнѣ по завѣщанію зацѣпнскихъ капиталовъ и имѣній, тѣмъ болѣе, что большая часть этихъ капиталовъ находится внѣ Россіи и не можетъ быть востребована ея абсолютною властью. А тогда,—думала она,—выйдя замужъ за свѣтлѣйшаго, владѣтельнаго князя лимбургскаго, графа стирумскаго и оберштейнскаго, я займу положеніе, достойное моей мечты. Я буду безспорно и несомнѣнно владѣтельная великая княгиня, которая, полученными ею въ наслѣдство капиталами, подниметь не только своего мужа, князя, но и самыя его княжества...»

«Между тѣмъ, что же я могу потерять, соглашаясь принять предложеніе Доманскаго и приступить къ дѣятельному отысканію своихъ правъ при помощи іезуитовъ и выдвигаемаго ими князя Радзивилла? Ровно ничего! Нужно будетъ, согласно объясненію Доманскаго, ѣхать въ Спа, Парижъ, потомъ въ Венецію, Римъ и, можетъ быть, Константинополь. Тѣмъ лучше! Я люблю путешествія, люблю разнообразіе; они же предлагаютъ мнѣ въ тому средства, даже съ избыткомъ. Правда, свадьбу придется отложить; да я и сама не тороплюсь. Я увѣрена въ себѣ и знаю, что чѣмъ болѣе я буду откладывать, тѣмъ сильнѣе князь будетъ рваться, домогаться и желать. Я знаю, увѣрена въ этомъ...» Она убѣдилась опытами многихъ, что ни одинъ мужчина, обладавшій ею, не забывалъ ее никогда. Стало

быть, ей бояться, что графъ лимбургскій вздумаетъ отказаться отъ нея, было нечего; напротивъ, онъ тверже и тверже будетъ въ своемъ словѣ. А если-бы и измѣнилъ, если-бы отказался, то для него же хуже; черезъ недѣлю онъ на колѣняхъ умолялъ бы простить его отказъ. «Да объ этомъ и говорить нечего, разсуждала она,—онъ не откажется ни въ какомъ случаѣ. А вотъ я займусь пока этимъ молодымъ и красивымъ полякомъ, кстати онъ мнѣ нравится. А тамъ увидимъ, что нужно будетъ дѣлать!» Затѣмъ она сейчасъ же перенесла вопросъ опять на экономическую почву.—«Станемъ разсуждать далѣе, продолжала Али-Эметъ.—Ни у меня, ни у князя теперь денегъ нѣтъ ни гроша. Доманскій предлагаетъ сейчасъ же получить значительную сумму на издержки. Эти деньги я могу предложить своему князю на выкупъ его Оберштейна. Онъ мнѣ, разумѣется, отдастъ ихъ, и вознаградитъ, и отблагодаритъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ пораженъ моимъ великодушiемъ и безкорыстiемъ. Можетъ быть и Оберштейнъ весь отдастъ мнѣ въ благодарность; а тогда я, въ случаѣ полной неудачи съ русскою императрицею и неполученiя даже зацѣпскихъ капиталовъ, и въ случаѣ даже, если-бы не пошла замужъ за моего лимбургскаго купидона, буду княгиня Оберштейнская... Все же лучше, чѣмъ сомнительное имя, перешедшее ко мнѣ случайно, вѣроятно по ошибкѣ. И такъ, рѣшаюсь!»

Можно себѣ представить, какъ изумился графъ лимбургскій, когда, однажды, его милая княжна, ему, скучавшему отъ неудачъ въ денежныхъ дѣлахъ и запутанности своихъ счетовъ, сказала, сопровождая слова свои очаровательною улыбкою:

— Ты говорилъ, другъ мой, что очень бы хотѣлъ выкупить права на совмѣстное владѣнiе Оберштейномъ у графа Трирсваго, но стѣсняешься въ средствахъ для этого выкупа. Вотъ мнѣ повѣренный моего дядюшки прислалъ нѣкоторую сумму; возьми ее и сдѣлай изъ нея то, что найдешь полезнымъ.

Графъ совершенно растерялся передъ этими словами своей очаровательницы. Кромѣ того, что они выводили его изъ затруднительнаго денежнаго положенiя и оканчивали дѣло, переговоры по которому тянулись такъ долго, а когда пришли къ концу, то встрѣтили новыя затрудненiя въ его безденежь, — эти слова указывали на безкорыстную преданность ему любимой имъ особы, ея вѣру въ него и самоотрицанiе ради его спокойствiя. Онъ не находилъ словъ, чѣмъ и какъ доказать свою благодарность и свое поклоненiе передъ ея великодушiемъ, и дѣйствительно,

Али-Эметэ рассчитала вѣрно: выкупивъ Оберштейнъ, онъ записалъ его на ея имя въ пожизненное владѣніе.

— Это будетъ твое приданое, при выходѣ за меня замужъ, сказалъ онъ.

— Къ чему это, мой другъ, отвѣтила Али-Эметэ. Я надѣюсь, что послышки отъ дядюшки будутъ повторяться; да и отдадутъ же, полагаю, и мое наслѣдство. Только мнѣ нужно будетъ, на короткое время, тебя оставить и съѣздить по своимъ дѣламъ въ Парижъ и Венецію... Полно, полно, не надолго! прибавила она, замѣтивъ, что графъ поблѣднѣлъ.—И я ѣду вѣдь не сейчасъ же; мы обдумаемъ какъ сдѣлать, чтобы какъ можно менѣе быть врозь; вѣдь мы съ тобою нераздѣльные...

Однако же, не смотря на эту нѣжность, частые пріѣзды изъ Мосбаха Доманскаго и уединенныя прогулки съ нимъ Али-Эметэ, начали въ большей или меньшей степени тревожить графа.

Онъ видѣлъ, что Доманскій былъ красавецъ, былъ ловокъ, уменъ... Правда, общественное положеніе его было ничтожно; бѣдный шляхтичъ, на службѣ богатаго магната, не можетъ сравниться съ нимъ, владѣтельнымъ принцемъ... Но эти женщины часто не смотрятъ на общественное положеніе, и весьма легко можетъ быть... Это «можетъ быть» мучило его, росло съ каждымъ днемъ, особливо когда онъ сравнивалъ свою отяжелѣвшую уже фигуру и обрюзглое лицо съ стройностью и свѣжестью Доманскаго. Онъ не выдержалъ, и о своихъ сомнѣніяхъ передалъ Али-Эметэ.

— Ахъ, Боже мой, не ревнуешь ли ты меня? сказала она.— Но какое же право ты имѣешь меня ревновать? А еще ты настаивалъ, чтобы я за тебя шла замужъ. Развѣ можно идти замужъ за ревнивца? Я съ нимъ вижу часто; хожу или сижу съ нимъ одна потому, что онъ отъ довѣреннаго дяди, былъ въ Россіи и намъ есть о чемъ съ нимъ поговорить, что нисколько не интересно ни для кого, кромѣ меня, и я вовсе не желаю, чтобы ктонибудь объ этомъ зналъ. Проговоривъ это, она вдругъ прибавила какъ-бы съ грустью:

— Но если ты ревнуешь, Богъ съ тобой! Я тебѣ не жена и дѣлаю что хочу! Признаюсь, терпѣть не могу ревности!

Графъ на колѣняхъ выпросилъ себѣ прощеніе.

— Я слишкомъ люблю тебя, чтобы не простить! сказала ему Али-Эметэ, обнимая его и цѣлуя голову, которую онъ склонилъ къ ея колѣнамъ...

Сцена была весьма нѣжная. Графъ даже плакалъ отъ великодушія и нѣжности той, которую любилъ больше жизни, и общалъ никогда въ жизни не огорчать ея подозрѣніями и

ревностью. А между тѣмъ въ тотъ же вечеръ Али-Эметэ говорила Доманскому, любуясь его красивыми черными усами, такъ рѣвко отличавшими его отъ всѣхъ бритыхъ подбородковъ и пудренныхъ головъ тогдашней французской моды.

— Нужно ѣхать скорѣй, а то мой старикъ сегодня уже заявилъ претензію на ревность. А именно въ немъ, и только въ немъ, я ревности-то и не хочу возбуждать!

— Только въ немъ? спросилъ Доманскій, страстно глядя на ея красивую головку и маленькія очаровательныя ручки.

— Это что за вопросъ? спросила она его холоднымъ и строгимъ голосомъ.

Доманскій сконфузился и покраснѣлъ; но Али-Эметэ уже улыбалась и снова своимъ обычнымъ чарующимъ голосомъ продолжала:

— И такъ—ѣхать, ѣхать! И ревность успокоимъ, и намъ будетъ свободнѣе... Да вѣдь и отцы іезуиты будутъ безпокоиться; пожалуй подумаютъ, что ихъ деньгами я даромъ воспользуюсь...

— Куда-жъ вы думаете прежде всего?

— Въ Спа, къ оберъ-камергеру. Ты знаешь какъ его фамилія?

— Графъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ!

— А?...

И поѣздка была рѣшена. Начались сборы. Доманскій уѣхалъ, и потомъ, будто случайно, присоединился къ вняжнѣ уже въ пути. Графъ Лимбургскій проводилъ свою очаровательницу съ молитвою и слезами.

Али-Эметэ поѣхала, убаюкиваемая розовою мечтою.

А. Шардинъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОСНОВЫ МОЛЕКУЛЯРНОЙ БИОЛОГИИ.

IX.

Проблема жизни и самостоятельность протоплазмы.

Обзор фактовъ, рассмотрѣнныхъ въ двухъ предыдущихъ главахъ, привелъ насъ къ заключенію, что ученіе о произвольномъ зарожденіи, понимаемое въ смыслѣ непосредственнаго происхожденія простѣйшихъ существъ изъ безжизненной матеріи, не можетъ быть признано.

Еще ранѣе, изслѣдуя основные, характерные признаки жизни, мы видѣли, что элементы жизни даны въ неорганическомъ мірѣ; но здѣсь эти элементы, такъ сказать, разрознены, не соединены въ одно цѣлое; они подавлены массою простѣйшихъ физико-химическихъ свойствъ и потому не могутъ обнаруживаться въ той совокупности, въ которой выражается жизнь.

Сопоставляя оба эти положенія, мы видимъ, что жизнь обязана своимъ происхожденіемъ не самозарожденію, а постепенному обособленію, постепенному выдѣленію элементовъ жизни въ одно цѣлое. Задача молекулярной биологии сводится, стало быть, къ тому, чтобы изслѣдовать процессъ такого обособленія и условія, его опредѣляющія.

Здѣсь, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе одно обстоятельство, которое необходимо имѣть въ виду. Идея развитія устраняетъ возможность проведенія демаркаціонной линіи

между жизненными явлениями и явлениями неорганического міра. Жизнь есть продолженіе, а потому всякая попытка найти ея начало, уловить моментъ ея возникновенія будетъ напрасною тратою времени и труда.

Положеніе это весьма обстоятельно оцѣнено и выяснено Гербертомъ Спенсеромъ: «Въ первобытномъ мірѣ, говоритъ названный мыслитель, — низшіе типы органическихъ веществъ, своимъ взаимнымъ воздѣйствіемъ, при надлежащихъ условіяхъ, развили высшіе типы органическихъ веществъ, заканчивавшихся протоплазмой, способной организоваться. И врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что формированіе такой протоплазмы, вещества, способнаго видоизмѣняться чрезвычайно легко и многообразными путями, происходило такимъ же образомъ. Я узналъ, продолжаетъ далѣе Спенсеръ, — отъ одного изъ нашихъ первыхъ химиковъ, профессора Франкланда, что протеинъ (бѣлковое вещество) можетъ существовать, по крайней мѣрѣ, въ тысячѣ изомерическихъ формъ. Подвергаясь тѣмъ безчисленнымъ видоизмѣненіямъ условій, которыя представляетъ земная поверхность, здѣсь — въ количествѣ свѣта, тамъ — въ количествѣ тепла, и всюду — въ минеральномъ качествѣ своей водной среды, это чрезвычайно измѣнчивое вещество должно было претерпѣть то одну, то другую изъ своихъ безчисленныхъ метаморфозъ. Взаимнымъ же вліяніемъ его метаморфическихъ формъ, при благопріятныхъ условіяхъ, мы можемъ приписать продуктъ еще болѣе сложныхъ, еще болѣе чувствительныхъ, еще болѣе разнообразно измѣняющихся частей органической матеріи, которая, въ массахъ еще болѣе простыхъ и мелкихъ, чѣмъ существующія Protozoa (простѣйшія животныя), обнаружила дѣйствія, переходящія мало-помалу въ тѣ, которыя называются жизненными, — дѣйствія, обнаруживаемыя въ нѣкоторой степени самимъ протеиномъ (бѣлковымъ веществомъ) и только въ болѣе высокой степени низшими изъ извѣстныхъ живыхъ существъ»¹⁾.

И такъ, очевидно, что уловить моментъ возникновенія жизни невозможно. Жизнь возникла не вдругъ, а рядомъ постепеннаго накопленія соотвѣтствующихъ особенностей. И, подобно тому, какъ возникновенію живаго существа предшествовало происхожденіе біорганическаго вещества, такъ точно происхожденію послѣдняго должны были предшествовать высшія, четырехчленные бѣлковыя соединенія, которыя, въ свою очередь,

¹⁾ Гербертъ Спенсеръ, «Основаніе біологія», т. I, стр. 362—363.

составляютъ результатъ низшихъ, трехчленныхъ органическихъ соединеній, возникающихъ изъ еще болѣе низшихъ, двухчленныхъ неорганическихъ соединеній.

Такимъ образомъ, путемъ постепеннаго развитія, усложненія органическихъ соединеній, должны были шагъ за шагомъ обособляться тѣ признаки, которые, въ силу продолжительности процесса, выдѣлились, въ концѣ концовъ, въ одно цѣлое, именуемое жизненностью. Должна была выработаться высшая, наиболѣе сложная форма органическаго образованія—протоплазма, для того, чтобы могла обнаружиться высшая, наиболѣе сложная форма движенія—жизнь. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ жизни помимо протоплазмы, потому что нигдѣ внутри молекулярное движеніе не достигаетъ такихъ сложныхъ сочетаній, какъ въ только что названномъ органическомъ образованіи.

Вотъ эта-то сложность сочетаній и дала возможность выработаться той опредѣленности и самобытности проявленій, которыми такъ характеризуется жизненность.

Для доказательства истинности настоящаго положенія и надлежащей оцѣнки его біологическаго значенія достаточно сопоставить элементарнѣйшія проявленія жизненности съ аналогическими явленіями неорганическаго міра. Сюда, конечно, прежде всего относятся явленія движенія, именно, массоваго движенія. Онѣ общи всѣмъ тѣламъ и одушевленнымъ, и неодушевленнымъ. Мы не знаемъ такого тѣла, мы не можемъ себѣ даже представить такое тѣло, которое не отличалось бы большей или меньшей степенью подвижности, которое не обладало бы способностью передвигаться или не могло бы быть передвигаемо съ мѣста на мѣсто. Но, сопоставляя между собою эти явленія массоваго движенія, какъ онѣ обнаруживаются среди одушевленныхъ и неодушевленныхъ тѣлъ, мы находимъ существенное различіе. У первыхъ, эти явленія отличаются опредѣленною самостоятельностью, самобытностью, онѣ всегда болѣе или менѣе активны; у вторыхъ, напротивъ, онѣ непосредственно зависятъ отъ внѣшняго стимула и всегда болѣе или менѣе пассивны. Никто не станетъ отождествлять полета бабочки съ движеніемъ ключка бумаги, подхваченнаго вѣтромъ; такимъ же образомъ и среди живыхъ существъ наблюдаются пассивныя движенія (напримѣръ, колебанія листьевъ, причиняемыя вѣтромъ), которыя не могутъ быть, однако, отождествляемы съ активными фізіологическими движеніями (напримѣръ, складываніе листочковъ стыдливой мимозы).

Эти различія въ характерѣ массоваго движенія весьма су-

ществены и должны быть отнесены къ числу основныхъ различій. По нимъ мы прежде всего заключаемъ о томъ, имѣемъ ли мы дѣло съ живымъ существомъ или неодушевленнымъ предметомъ.

И такъ, самоподвижность есть основной признакъ жизни. Явленія движенія, не отличающіяся этимъ характеромъ, относятся къ числу безжизненныхъ. Это въ такой мѣрѣ истинно, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самоподвижность недостаточно рѣзко очерчена, мы склонны относить всѣ подобнаго рода явленія къ числу безжизненныхъ, какъ о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ факты изъ исторіи развитія ботаническаго знанія, гдѣ съ замѣчательнымъ упорствомъ и втеченіи продолжительнаго времени отвергалось біологическое значеніе многихъ несомнѣнно жизненныхъ явленій, пока вышепоименованный признакъ не былъ вполне обнаруженъ ¹⁾. Та же причина послужила источникомъ рѣзкаго разграниченія, нѣкогда установленнаго между растительнымъ и животнымъ царствомъ, — разграниченія, впоследствии сказавшагося въ ученіи о пассивномъ характерѣ растительной жизни и активномъ — жизни животной.

Съ другой стороны, указанное значеніе самоподвижности подтверждается и тѣмъ, противоположнымъ, хотя и не менѣе общезвѣстнымъ фактомъ, что всѣ явленія массоваго движенія, отличающіяся мнимою, кажущоюся самоподвижностью, считались жизненными и продолжали считаться таковыми до тѣхъ поръ, пока мнимая самоподвижность не была разоблачена. Первобытная біологія переполнена подобными фактами; не менѣе поучительные примѣры можно встрѣтить и въ исторіи микроскопіи.

И такъ, повторяемъ еще разъ: хотя явленія движенія обнаруживаются не только среди живыхъ существъ, но и среди неодушевленныхъ предметовъ, но только среди первыхъ онѣ достигаютъ наибольшей самостоятельности, только среди первыхъ онѣ отличаются характеромъ внутренняго, а не внѣшняго стимула; только въ первомъ случаѣ явленія эти всегда и исключительно служатъ внѣшними выразителями внутренней дѣятельности, составляютъ прямой и непосредственный результатъ этой дѣятельности, всецѣло опредѣляются этою дѣятельностью и потому должны быть рассматриваемы, какъ явленія, присущія

¹⁾ См. наши «Очерки историческаго развитія естествознанія» «Русская Рѣчь» 1880 г., кн. XII-я.

живому существу. Не то во второмъ случаѣ, въ случаѣ явленій массоваго движенія, обнаруживаемыхъ неодушевленными тѣлами; здѣсь такое прямое, непосредственное отношеніе между данными явлениями и внутреннею дѣятельностью совершенно отсутствуетъ и, во всякомъ случаѣ, здѣсь оно не необходимо, а напротивъ, явленіе всецѣло зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ.

Мы еще рѣзче обозначимъ это различіе, если примемъ во вниманіе, что въ случаѣ того или другаго передвиженія, испытываемаго неодушевленнымъ предметомъ, послѣднее не расходуетъ на это передвиженіе ни единой доли своей внутренней энергіи, ни единой доли своего внутреннего молекулярно-атомнаго движенія. Для каждаго даннаго случая, то и другое остаются величинами постоянными. Въ случаѣ же самоподвижности, обнаруживаемой живыми существами, таковая всецѣло развивается на счетъ внутренней энергіи послѣднихъ, необходимо предполагаетъ эквивалентную затрату этой внутренней энергіи.

Отсюда само собою уже вытекаетъ другое, не менѣе важное различіе: если въ одномъ случаѣ рассматриваемыя здѣсь явленія движенія служатъ внѣшними выразителями внутренней дѣятельности, то очевидно, онѣ настолько же необходимы, насколько существуетъ данная внутренняя дѣятельность; если же, въ другомъ случаѣ, такое отношеніе между этими явлениями движенія и внутренней дѣятельности отсутствуетъ, то здѣсь уже онѣ, конечно, не могутъ быть необходимыми.

Вотъ почему, хотя неодушевленные тѣла и могутъ испытывать тѣ или другія массовыя движенія, но эти движенія не необходимы для существованія даннаго тѣла и для сохраненія его физико-химическихъ свойствъ; кристалъ, напримѣръ, разъ образовавшись, продолжаетъ затѣмъ существовать и удерживать свои свойства, совершенно независимо отъ того, испытываетъ ли онъ при этомъ массовыя движенія или нѣтъ.

Напротивъ, для каждаго живаго существа, насколько оно живетъ и обнаруживаетъ свою жизнедѣятельность, массовыя движенія, какъ выразители этой дѣятельности, необходимы. Жизнедѣятельность, внѣ условій самоподвижности, невозможна, то и другое неразрывны. Этому не противорѣчатъ даже жизненныя явленія растительнаго царства, потому что и здѣсь, какъ увидимъ ниже и какъ мы должны допустить, согласно протоплазматической теоріи, указанное соотношеніе необходимо, хотя такая необходимость и выступаетъ менѣе рѣзко, нежели среди животныхъ. Но само собою разумѣется, что между необходи-

мостью и полезностью одинъ шагъ; само собою разумѣется, что явленія движенія, обнаруживаемыя живыми существами, будучи необходимыми, не могутъ быть въ то же время бесполезными.

Съ другой стороны, явленія, отличающіяся характеромъ полезности, производятъ на насъ впечатлѣнныя цѣлесообразности. «При всѣхъ нашихъ антелеогическихъ наклонностяхъ, говоритъ Вундтъ,—мы не можемъ отрицать факта цѣлесообразности жизненныхъ явленій»¹⁾. Это положеніе, справедливое въ отношеніи всѣхъ жизненныхъ явленій вообще, должно быть справедливо, конечно, въ частности и по отношенію къ явленіямъ движенія, обнаруживаемымъ одушевленными тѣлами.

Такимъ образомъ, характернымъ признакомъ жизненности этихъ явленій служить не только самоподвижность, но и ихъ цѣлесообразность. Первое идетъ рука объ руку съ послѣднимъ. Самоподвижность, какъ опредѣляемая внутреннею энергіею живаго существа и, стало быть, всецѣло отвѣчающая данному состоянію внутренней энергіи, не можетъ не отличаться цѣлесообразностью.

И такъ, фактъ цѣлесообразности жизненныхъ явленій находитъ себѣ объясненіе въ другомъ болѣе общемъ фактѣ—въ прямой зависимости этихъ явленій отъ самой природы живаго существа, его внутренней энергіи. Жизненные явленія только потому и цѣлесообразны, что ихъ опредѣляющими моментами служатъ внутреннія, а не внѣшнія причины.

Къ сожалѣнію, однако, это положеніе, будучи ложно понято и ошибочно истолковано, послужило источникомъ весьма важныхъ недоразумѣній. Прежніе физиологи усмотрѣли въ явленіяхъ самоподвижности и цѣлесообразности доказательство существованія какой-то особой жизненной силы, исключительно присущей одушевленнымъ тѣламъ,—силы, управляющей всѣми физиологическими явленіями. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ біологическаго знанія, эта метафизическая сущность была изгнана, причемъ однако, какъ нерѣдко бываетъ, физиологи впали изъ одной крайности въ другую, противоположную. Признаніе «жизненной силы» шло въ разрѣзъ съ истинами біологіи и давало совершенно ложное понятіе о той внутренней энергіи, о тѣхъ внутреннихъ, опредѣляющихъ причинахъ, которыми обуславливаются самоподвижность и цѣлесообразность. Но от-

---

¹⁾ Вильгельмъ Вундтъ, «Основанія физиологической психологіи». Русскій переводъ, стр. 1013, Москва изд. 1881.

вергая «жизненную силу» физиологи пошли дальше и отвергли определяющее значение самой внутренней энергии, внутренних причинъ.

Ошибка въ томъ именно и состояла, что объясненіе факта было отождествлено съ самымъ фактомъ. Въмѣсто того, чтобы дать иное объясненіе внутреннимъ причинамъ, определяющимъ самоподвижность и цѣлесообразность, и попытаться свести эти причины къ механическому принципу, они нашли самое признаніе ихъ метафизическимъ. Само собою разумѣется, что съ этой и по-нынѣ еще весьма распространенной точки зрѣнія, оставалось отнести определяющія причины жизненныхъ явленій къ внѣшнимъ условіямъ.

Такъ и было сдѣлано. Объясненіе жизнедѣятельности стали искать въ процессахъ окисленія, въ непосредственномъ соединеніи вдыхавшагося кислорода съ углеродомъ тканей; энергія жизнедѣятельности была поставлена въ прямую зависимость отъ энергіи окислительныхъ процессовъ, причемъ главная, активная роль приписывалась кислороду. Появилось нынѣ весьма еще популярное сравненіе животнаго организма съ паровой машиною, — сравненіе, признаніемъ котораго совершенно уже устранялось вышеуказанное значеніе самоподвижности и цѣлесообразности. Приходилось отвергать и то, и другое. Но закрыть глаза передъ фактомъ не значить еще отвергнуть его. Самоподвижность и цѣлесообразность слишкомъ характерные признаки жизненности для того, чтобы можно было такъ легко отъ нихъ отдѣлаться; онѣ продолжали заявляться на каждомъ фактѣ и требовали объясненія, а между тѣмъ объяснить ихъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ причинъ оказывалось дѣломъ невозможнымъ.

Такимъ образомъ совершенно неосновательное отождествленіе понятія о внутреннихъ причинахъ съ метафизическими сущностями окончательно спутало и затемнило основную проблему жизни. Игнорированіе внутренними причинами было доведено до того, что всѣ явленія измѣняемости, обнаруживаемыя живыми существами, стали разсматриваться, какъ прямые продукты внѣшнихъ условій. Самоизмѣняемость, подобно самоподвижности отвергалась, какъ понятіе яко-бы идущее въ разрѣзъ съ идеей развитія и механическимъ принципомъ. Способность организмовъ къ обнаруженію тѣхъ или другихъ измѣненій приписывалась исключительно измѣняемости определяющихъ условій.

Примѣромъ такого односторонняго ученія могутъ служить толкованія Герберта Спенсера, который прямо принимаетъ, что если въ окружающихъ условіяхъ нѣтъ измѣненій, «которыя могли

бы причинить органическія измѣненія, то и нечего ожидать этихъ послѣднихъ», что «организмы, находящіеся въ полномъ равновѣсіи съ условіями, въ которыхъ они живутъ, могутъ измѣняться только если измѣнятся ихъ условія, такъ какъ утверждать противное, значило бы признать возможность дѣйствія безъ причины, что значило бы отрицать постоянство силы». ¹⁾

Обращаемъ главное вниманіе читателей на подчеркнутыя слова; онѣ прямо доказываютъ, что причиною измѣненій организмовъ признаются исключительно внѣшнія условія существованія; только въ такомъ случаѣ, «и утверждать противное значило бы признать возможность дѣйствія безъ причины», такъ какъ иначе возможность органическихъ измѣненій, независимо отъ измѣненій окружающаго, говорила бы не въ пользу дѣйствія безъ причинъ; а въ пользу того, что, помимо внѣшнихъ причинъ, дѣйствіе это опредѣляется также и внутренними причинами. Вопросъ стало быть въ томъ, имѣемъ ли мы право отрицать значеніе этихъ внутреннихъ причинъ на томъ только основаніи, что нѣкогда онѣ объяснялись метафизическими сущностями. Достаточно однако обратиться къ самымъ элементарнымъ фактамъ, чтобы видѣть, что мы такого права не имѣемъ, и что отождествленіе внѣшнихъ условій съ понятіемъ о причинѣ ложно въ самомъ основаніи своемъ.

По мнѣнію, напримѣръ, Спенсера, «признавать, что несходства въ силахъ могутъ не производить несходства въ дѣйствіяхъ, значить отрицать постоянство силы» ²⁾. Но почему же такъ? Возьмите самый простой примѣръ: вода при 4° Ц., будучи подвергнута нагрѣванію, расширяется; будучи подвергнута охлажденію, опять-таки расширяется. Въ данномъ случаѣ, не смотря на несходство въ силахъ, результатъ одинъ и тотъ же, несходство въ дѣйствіяхъ отсутствуетъ, хотя, насколько намъ извѣстно, никто не усматривалъ въ этомъ фактѣ примѣръ непостоянства силы.

Вотъ эта-то возможность сходства дѣйствій въ указанныхъ условіяхъ не доказываетъ ли, что обнаруживаемыя даннымъ тѣломъ измѣненія опредѣляются не только внѣшними, но и внутренними причинами, и что тѣ, которые отрицаютъ значеніе послѣднихъ, сами должны примириться съ возможностью дѣйствія безъ причины.

¹⁾ Г. Спенсеръ, «Основанія біологіи» т. I, стр. 199.

²⁾ Тамъ же.

Но это еще не все. Даже среди неорганических тѣлъ существуютъ прямыя указанія въ пользу измѣняемости независимо отъ внѣшнихъ условій, независимо въ томъ смыслѣ, что тѣла могутъ обнаруживать тѣ или другія частичныя измѣненія и тогда, когда въ окружающемъ отсутствуютъ побудительныя къ тому стимулы. Извѣстно, напримѣръ, что коэффициентъ расширенія одного и того же желѣзнаго бруска измѣняется отъ времени. Тѣ же измѣненія испытываетъ и стекло. Въ термометрахъ такое измѣненіе обуславливаетъ смѣщеніе нулевой точки, продолжающееся иногда по нѣсколько лѣтъ. Точно также извѣстно, что пружина, потерявшая часть своей упругости, вновь приобрѣтаетъ ее послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго покоя; что стеклянные предметы иногда лопаются и распадаются на куски безъ всякой видимой причины.

Всѣ подобныя факты, а ихъ можно было бы значительно умножить, свидѣтельствуютъ, конечно, о нѣкоторыхъ частичныхъ измѣненіяхъ, изъ которыхъ однако ни одно не обязываетъ насъ признать, что для каждаго даннаго момента это явленіе предполагаетъ соответствующія измѣненія въ окружающихъ условіяхъ. Здѣсь мы имѣемъ наглядное свидѣтельство въ пользу того, что тѣ или другія измѣненія могутъ быть вызываемы не только внѣшними, но и внутренними причинами, и что признаніе послѣднихъ вовсе не ведетъ къ признанію метафизической сущности, такъ какъ причины эти составляютъ прямой результатъ внутренняго движенія.

Нѣтъ спора, что явленія измѣненія не могутъ имѣть мѣста прежде, чѣмъ не нарушено равновѣсіе между внѣшнимъ и внутреннимъ состояніемъ; но совершенно непонятно, однако, почему такое нарушеніе равновѣсія должно непременно исходить извнѣ и не можетъ исходить изнутри. Элементарнѣйшіе факты изъ міра неорганическихъ явленій говорятъ противное. Но въ такомъ случаѣ, какое же основаніе существуетъ тому, чтобы отрицать возможность самоизмѣняемости относительно организмовъ, разъ таковая обнаруживается среди неодушевленныхъ тѣлъ, отличающихся меньшею сложностью строенія.

И такъ, самоизмѣняемость, подобно самоподвижности, не можетъ быть отрицаема; и то и другое явленіе опредѣляется внутренней энергіей живаго существа, а потому и то и другое отличается характеромъ цѣлесообразности. Само собою разумѣется, мы вовсе не имѣемъ въ виду разсматривать эти явленія, какъ исключительно присущія жизненности. Приведенныя только что факты говорятъ противное; но дѣло въ томъ, и па

это обстоятельство мы въ особенности обращаемъ вниманіе читателей,—дѣло въ томъ, что только среди жизненныхъ явленій самоизмѣняемость и самоподвижность совершенно рѣзко очерчены; только здѣсь явленія движенія, обнаруживаемыя тѣломъ, достигаютъ той обособленности, благодаря которой внутренняя энергія обнаруживается уже во всей своей цѣлостности.

Другое дѣло, какъ объяснять подобное обособленіе и гдѣ слѣдуетъ искать тому причины? Въ этомъ отношеніи новѣйшія ученія физиологовъ совершенно расходятся съ возрѣніями, еще недавно составлявшими едва ли не «азбучную истину» биологіи. И эти ученія тѣмъ болѣе для насъ цѣнны, что онѣ идутъ рука объ руку съ установленною выше точкою зрѣнія относительно опредѣляющаго значенія внутреннихъ причинъ и даютъ возможность свести эти причины къ основному механическому принципу.

Мы говоримъ о внутримолекулярной подвижности протоплазмы и объ опредѣляемой этою подвижностью ея саморазлагаемости. Это ученіе о саморазлагаемости даетъ прямой и совершенно ясный отвѣтъ на основные вопросы биологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на тотъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь.

Само собою разумѣется, что послѣ того уже, когда протоплазма была признана физическою основою жизни, вопросъ о жизнѣдѣтельности былъ поставленъ въ прямую зависимость отъ вопроса объ основныхъ свойствахъ протоплазмы, ея энергіи. Чѣмъ опредѣляются эти свойства, эта энергія? До послѣдняго времени и здѣсь опять-таки активная роль приписывалась внѣшней причинѣ, именно, поглощаемому извнѣ кислороду.

Но такое, однако, объясненіе могло держаться до тѣхъ только поръ, пока постепенно накопившимися фактами не было доказано, что дыхательный процессъ не можетъ быть отождествляемъ съ прямымъ окисленіемъ; что между количествомъ поглощаемаго кислорода и выдыхаемой углекислоты не существуетъ прямого отношенія; что выдѣленіе углекислоты, которою сопровождается дѣятельность протоплазмы, наблюдается независимо отъ поглощенія кислорода и имѣетъ мѣсто даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній изъ процесовъ отсутствуетъ¹⁾.

Само собою понятно, что, въ виду подобнаго свидѣтельства

¹⁾ Сводъ относящихся сюда фактовъ, см. у Клода-Бернара: «Жизненные явленія, общія животнымъ и растеніямъ», и у Пеллгера: «Ueber die physiologische Verbrennung in den lebendigen Organismen» (Archiv f. d. gesammte Physiologie, 1875, Bd. 10).

факторовъ, первоначальное объясненіе оказывалось неудовлетворительнымъ. Возможность проявленія протоплазмой жизненной энергіи въ отсутствіи кислорода въ окружающей средѣ и продолжающееся приэтомъ образованіе углекислоты являются прямымъ свидѣтельствомъ въ пользу того, что окислительные процессы служатъ не причиною жизнеспособности протоплазмы, а слѣдствіемъ этой жизнеспособности, и что, стало быть, не въ кислородѣ слѣдуетъ искать ея жизненный стимулъ.

Но гдѣ же именно?

Вотъ на это и отвѣчаетъ ученіе о внутримолекулярной подвижности протоплазмы и ея саморазлагаемости.

Прежде всего отмѣтимъ слѣдующее основное положеніе, засвидѣствованное многочисленными фактами: переходъ отъ однороднаго состоянія къ разнородному есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, переходъ отъ устойчиваго равновѣсія къ неустойчивому; въ категоріи перваго состоянія относятся тѣла, по составу наиболѣе простѣйшія, во второй категоріи относятся тѣла наиболѣе сложные. Но сложность состава, согласно основному ученію механической теоріи, опредѣляется, какъ было уже пояснено выше¹⁾, сложностью внутренняго движенія.

Съ другой стороны, чѣмъ сложнѣе эта форма внутренняго движенія, тѣмъ менѣе она устойчива, тѣмъ легче она можетъ распадаться на составляющія ее простѣйшія формы движенія. Но изъ всѣхъ тѣлъ, наибольшою сложностью состава отличается протоплазма; стало быть, въ протоплазмѣ именно указанныя внутримолекулярная подвижность и неустойчивость должны достигать наибольшаго развитія, должны обнаруживаться съ наибольшою интенсивностью. Другими словами, такъ какъ неустойчивость формы внутренняго движенія усиливается вмѣстѣ съ усложненіемъ послѣдней, то, само собою разумѣется, по мѣрѣ возрастанія этой сложности, долженъ въ концѣ концовъ наступить такой моментъ, когда прочность данной формы будетъ равняться нулю, когда она будетъ распадаться на свои элементарныя части (на простѣйшія формы движенія) независимо отъ внѣшнихъ причинъ.

Такимъ именно сложеніемъ и отличается живая протоплазма, живой бѣлокъ; это приводитъ насъ къ заключенію, что, по самой природѣ своего внутримолекулярнаго движенія, живая протоплазма (живой бѣлокъ) находится въ состоя-

¹⁾ См. I главу «Предварительныя замѣчанія».

нѣи постояннаго и непрерывнаго саморазложенія или самораспаденія.

Слѣдствіемъ такого самораспаденія и являются тѣ продукты, напримѣръ, образованія углекислоты, происхожденіе которыхъ обыкновенно приписывалось процесамъ окисленія. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, образованіе выдѣляемой при дыханіи углекислоты происходитъ не путемъ прямого окисленія, на счетъ кислорода воздуха, а такъ, что въ моментъ распаденія живаго бѣлка, кислородъ послѣдняго вступаетъ въ соединеніе съ его углеродомъ. Другими словами, не только углеродъ выдыхаемой углекислоты, но и кислородъ ея, передъ самымъ моментомъ ея образованія, представляютъ составную часть живаго бѣлка. Стало бытъ поглощаемый извнѣ кислородъ долженъ войти въ составную часть живаго вещества, прежде чѣмъ вступать въ свободное соединеніе съ углеродомъ. Соединеніе это является слѣдствіемъ, а не причиною жизнедѣятельности протоплазмы, слѣдствіемъ ея основнаго внутремоллекулярнаго состоянія—саморазлагаемости.

Такимъ образомъ объясняется давно замѣченный фактъ — выдѣленіе углекислоты, которымъ сопровождается дѣятельность протоплазмы, и относительная независимость такого выдѣленія отъ внѣшняго кислорода. Это одинъ изъ наглядныхъ примѣровъ того, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ внутреннихъ причинъ, внутренней энергіи живаго существа.

Ученіе о саморазлагаемости протоплазмы, такъ опредѣленно сформулированное Пфлюгеромъ ¹⁾ и Детмеромъ ²⁾, гѣмъ именно и замѣчательно, что оно даетъ ясное понятіе объ этой внутренней энергіи и объясняетъ намъ причину ея самостоятельности и самобытности. Мы теперь легко поймемъ, гдѣ слѣдуетъ искать причину самоподвижности; она есть прямой результатъ саморазлагаемости протоплазмы, которая въ свою очередь выражаетъ собою состояніе внутремоллекулярнаго движенія послѣдней.

Можно судить, какъ все это далеко отъ того предположенія, будто признаніе внутренней энергіи и ея активной, опредѣляющей роли ведетъ къ признанію метафизической сущности и несовмѣстимо съ истинами біологіи. Мы видимъ на самомъ

¹⁾ См. названную выше работу его въ Archiv f. d. gesammte Physiologie.

²⁾ W. Detmer: System der Pflanzenphysiologie (Enzyklopaedie der Naturwissenschaften, Erste Abtheilung, 18 Lieferung. 1881).

дѣлѣ какъ разъ обратное: признаніе внутренней энергіи обязательно и цѣлкомъ сводится къ признанію основнаго механическаго принципа — движенія. Безъ этого, проблема жизни навсегда должна остаться загадкою. Протоплазма, по причинѣ своей многосложной внутримолекулярной подвижности, въ самой себѣ носитъ стимулъ къ дѣятельности, и вотъ эта-то самодѣятельность и производитъ на насъ впечатлѣніе жизненности. Одна только протоплазма самодѣятельна и потому одна только протоплазма жизненна.

Никакое другое органическое существо не отличается саморазлагаемостью, и если оно распадается на свои составныя части, то только подъ влияніемъ внѣшнихъ условій; здѣсь совершенно отсутствуетъ тотъ внутренній стимулъ къ самодѣятельности, которымъ характеризуется жизненность.

Въ этомъ существенномъ различіи и слѣдуетъ искать причину того, почему даже питательный бѣлокъ не обнаруживаетъ жизненныхъ свойствъ; ему недостаетъ для этого той сложности внутримолекулярнаго движенія, которой отличается бѣлокъ живой протоплазмы, или, какъ объясняютъ Шфлюгеръ и Детмеръ, атомы питательнаго бѣлка находятся въ состояніи устойчиваго равновѣсія. Переходъ къ такому устойчивому равновѣсію отъ неустойчиваго и опредѣляетъ собою переходъ отъ дѣятельнаго состоянія къ недѣятельному, отъ жизни къ смерти.

И такъ, питательный, безжизненный бѣлокъ если и испытываетъ какія измѣненія, такъ только подъ влияніемъ внѣшнихъ причинъ и на счетъ этихъ внѣшнихъ причинъ; напротивъ, живой бѣлокъ, по причинѣ саморазлагаемости, измѣняется подъ влияніемъ внутренней энергіи и на счетъ этой энергіи, на счетъ своихъ составныхъ частей. Но такое расходованіе внутренней энергіи должно въ концѣ концовъ истощиться, если бы оно не возобновлялось. А это въ свою очередь приводитъ къ заключенію, что саморазложеніе, взятое отдѣльно, недостаточно для полной характеристики основныхъ началъ жизни, — заключеніе, въ истинности котораго мы уже имѣли случай убѣдиться въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Саморазложеніе только потому и можетъ служить стимуломъ жизнѣдѣятельности, что оно идетъ рука объ руку съ образовательной способностью, съ способностью протоплазмы, по мѣрѣ разрушенія, вновь возобновляться на счетъ извлекаемаго извнѣ матеріала. Эта послѣдняя способность, по характеру своему, противоположна предыдущей, и потому, если саморазложеніе, съ точки зрѣнія механической теоріи, выражаетъ собою

распаденіе наиболѣе сложной формы мелекулярнаго движенія на простѣйшія, то, обратно, образовательная способность представляет собою сочетаніе простѣйшихъ формъ движенія въ наиболѣе сложную форму, какою характеризуется природа живой протоплазмы.

Такимъ образомъ, становится уже совершенно понятною неразрывная связь между организующимъ процесомъ и саморазложеніемъ; это двѣ стороны одного и того же цѣлаго, двѣ соединенныя подъ угломъ плоскости, изъ которыхъ по одной простѣйшія формы движенія поднимаются до наиболѣе сложныхъ сочетаній, для того, чтобы, достигнувъ вершины, вновь спуститься внизъ по другой. Жизнь потому именно и возможна, что въ ней сливаются въ одно цѣлое оба названныхъ процесса—сложненіе и разложеніе силъ; по самому характеру своему, внутремлекулярное движеніе протоплазмы служить одновременно условіемъ для сочетанія простѣйшихъ формъ движенія въ наиболѣе сложныя (организующій процессъ) и для распаденія послѣднихъ на простѣйшія (деорганизующій процессъ). Отсюда возможность постоянного обновленія и саморазложенія протоплазмы; это постоянство саморазложенія опредѣляетъ самодѣятельность протоплазмы; самодѣятельность же протоплазмы служитъ виѣшнимъ признакомъ той опредѣленности и цѣлесообразности дѣйствій, которою характеризуются жизненныя явленія.

Установленная здѣсь точка зрѣнія была бы однако недостаточно подробно выисченною, если-бы мы не обратили вниманія на отношеніе жизнѣдѣтельности къ виѣшнимъ условіямъ. Какъ должно быть понимаемо это отношеніе, согласно ученію о саморазлагаемости протоплазмы? Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что надлежащее его рѣшеніе должно устранить одно существенное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано по поводу вышеустановленныхъ основныхъ положеній. Согласно именно этимъ основнымъ положеніямъ, мы пришли выше къ заключенію, что живая протоплазма, по самому характеру своего внутремлекулярнаго движенія, находится въ состояніи постоянного самораспаденія, которымъ и опредѣляется дѣятельность протоплазмы; въ виду этого же мы установили и различіе между живымъ бѣловомъ, какъ самодѣятельнымъ, и мертвымъ, какъ недѣятельнымъ.

Но вотъ въ чемъ дѣло: вѣдь если саморазлагаемость дѣйствительно выполняетъ ту роль, которая здѣсь ей приписывается, то необходимо, конечно, допустить, что живыя существа, покуда онѣ живыя, не могутъ находиться въ состояніи хими-

ческаго безразличія или индифферентизма, ибо данное состояніе совершенно противоположно состоянію саморазложенія. А между тѣмъ «существуютъ случаи, гдѣ опытъ заставляетъ признать такое состояніе». Сюда именно относится то состояніе окаменѣнія или временной остановки жизнедѣятельности, которое Клодь Бернаръ назвалъ скрытою жизнью.

«Скрытую жизнь, по нашему мнѣнію, говоритъ Клодь Бернаръ, —представляютъ тѣ вещества, организмъ которыхъ находится въ состояніи химическаго безразличія или бездѣйствія (индифферентизма)... Въ царствѣ растительномъ сѣмена, а въ царствѣ животномъ нѣкоторыя оживающія животныя, угрицы (*anguillulae*), тардиграты, коловратки, представляютъ намъ это состояніе химико-жизненнаго безразличія и бездѣйствія. Мы знаемъ уже между растеніями и животными достаточно большое число такихъ случаевъ; но, независимо отъ этихъ характеристическихъ примѣровъ, можно сказать, не боясь ошибиться, что скрытая жизнь обильно распространена въ природѣ, и что она объяснить намъ въ будущемъ весьма большое число фактовъ, считающихся въ настоящее время таинственными».

И такъ, состояніе скрытой жизни далеко не составляетъ исключенія. Какимъ же образомъ примирить эти двѣ противоположности? Какимъ образомъ возможно состояніе химически-жизненнаго безразличія, разъ живенность предполагаетъ саморазлагаемость протоплазмы? Само собою разумѣется, что противорѣчіе это должно быть устранено; явленія, обнаруживаемыя скрытою жизнью, должны быть согласованы съ ученіемъ о саморазлагаемости, съ ученіемъ объ опредѣляющей роли внутримолекулярнаго движенія протоплазмы, ея самодѣятельности, для того, чтобы данное ученіе могло отвѣчать истинамъ биологіи. Съ этою цѣлью намъ надлежитъ ближе ознакомиться съ признаками, которыми выражается скрытая жизнь, и съ тѣми условіями, которыми она опредѣляется. Однимъ изъ наиболѣе общезвѣстныхъ примѣровъ скрытой жизни могутъ служить сѣмена.

«Если не всё онѣ являются одинаковыми въ этомъ отношеніи, —говоритъ Клодь Бернаръ, —то можно понять, почему и вслѣдствіе какихъ условій скрытая жизнь удерживается менѣе легко въ одномъ изъ нихъ, чѣмъ въ другихъ. Это происходитъ оттого, что составляющіе ихъ матеріалы подвержены большимъ или меньшимъ измѣненіямъ отъ вліянія атмосферическихъ дѣятелей».

«Можно сказать, что жизнь сѣмени, находящаяся въ скрытомъ состояніи, есть только возможная жизнь; она имѣетъ воз-

возможность обнаружиться, если ей дадутъ подходящія условія; но она не обнаружится никакимъ образомъ, если не будетъ этихъ условій. Сѣмя имѣетъ въ себѣ самомъ, въ своей организаціи, все, что нужно для жизни; но оно не живетъ, потому что ему недостаетъ необходимыхъ физико-химическихъ условій».

«Было бы ошибочно думать, что сѣмя въ этомъ случаѣ представляетъ жизнь до такой степени обособленную, что ея обнаруженія ускользаютъ отъ наблюденія, именно вслѣдствіе такой сильной степени ослабленія. Это невѣрно ни въ принципѣ, ни фактически».

«Что касается принципа, то мы знаемъ, что жизнь происходитъ отъ содѣйствія двоякаго рода факторовъ, изъ которыхъ одни—внѣшніе, заимствуемые изъ космическаго міра, а другіе—внутренніе, находящіеся въ организмѣ. Эти взаимодействующіе факторы не могутъ быть разъединены, и очевидно, что если-бы одинъ изъ нихъ былъ устраненъ,—живой организмъ пересталъ бы жить. Онъ одинаково не можетъ существовать, какъ внѣ условій среды, такъ и при однѣхъ исключительно этихъ условіяхъ. Теплота, воздухъ и влажность еще не жизнь; но не жизнь и одна организація».

«Дѣйствительно, мы знаемъ, что сѣмена, по прошествіи многихъ лѣтъ и даже вѣковъ, могутъ послѣ этого продолжительнаго бездѣйствія проростать и производить новое растение. Онѣ во все это долгое время находились въ состояніи такой инерціи, которая ничѣмъ не разнится отъ безжизненности. Если-бы онѣ проявляли жизненность въ самой слабой степени, продолжительный процессъ накопленія измѣненій сдѣлалъ бы, наконецъ, ее замѣтною. Эта органическая жизнь, съ другой стороны, должна была бы угаснуть; однако, при благоприятныхъ условіяхъ, она не угасаетъ».

«Такимъ образомъ, сѣмя содержитъ въ себѣ самомъ, въ своей внутренней организаціи, все, что необходимо для жизни; но чтобы вызвать въ немъ жизнь, необходимо содѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ»¹⁾.

Не менѣе поучительный примѣръ скрытой жизни представляютъ также пивныя дрожжи. Если подвергнуть ихъ, когда онѣ находятся въ полной дѣятельности, постепенному высушиванію, то дрожжи скоро приходятъ въ состояніе скрытой жизни; ихъ

¹⁾ Клодъ Бернаръ, «Жизненные явленія, общія животнымъ и растениямъ», стр. 62.

можно затѣмъ подвергнуть очень высокой температурѣ или дѣйствию алкоголя, не разрушая, такъ что если затѣмъ помѣстить ихъ въ благоприятныя условія, то они оживаютъ и снова могутъ развиваться.

Наконецъ, животныя организмы, именно простѣйшіе, каковы нѣкоторые инфузоріи, также обнаруживаютъ примѣры скрытой жизни; будучи подвергнуты высыханію, онѣ замораживаются, покрываются цистою и въ такомъ видѣ продолжаютъ бездѣйствовать, пока благоприятныя условія не дадутъ возможность обнаружиться ихъ скрытой жизни.

Что же доказываютъ всѣ эти факты? Если живая протоплазма, будучи въ состояніи скрытой жизни, можетъ быть вызвана къ дѣятельности не иначе, какъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, то не доказываетъ ли это, что послѣднія именно и служатъ стимуломъ къ ея жизнедѣятельности, и не опровергаютъ ли подобныя факты предъидущее заключеніе о самодѣятельности. Что же это за самодѣятельность, если для обнаруженія ея необходимъ толчокъ извнѣ?

Не смотря однако на такое, повидимому совершенно наглядное несогласіе фактовъ съ ученіемъ о саморазложеніи протоплазмы, въ дѣйствительности оказывается, что тутъ нѣтъ ровно никакого противорѣчія, и что одно изъ этихъ явленій не только можетъ быть согласовано съ другимъ, но и составляетъ необходимое слѣдствіе его.

Въ самомъ дѣлѣ, два фактора, главнымъ образомъ, опредѣляютъ собою переходъ къ скрытой жизни—именно, высыханіе, обусловливаемое отсутствіемъ влажности, и окончаніе, обусловливаемое пониженіемъ температуры; то и другое задерживаютъ внутримолекулярное движеніе протоплазмы въ такой мѣрѣ, что саморазложеніе ея становится невозможнымъ, вслѣдствіе чего останавливается и связанный съ саморазложеніемъ образовательный процессъ, а затѣмъ и всѣ остальные жизненныя отправленія.

И такъ, скрытая жизнь есть результатъ временной задержки, вызванной подавляющимъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Если это внѣшнее вліяніе очень продолжительно и крайне интенсивно, то внутримолекулярное движеніе протоплазмы могло бы быть подавлено въ такой мѣрѣ, что возвратъ къ начальному состоянію, къ саморазложенію, оказался бы уже невозможнымъ ни при какихъ условіяхъ; тогда, очевидно, мы имѣли бы передъ собою не скрытую жизнь, а смерть. Но разъ съ устраненіемъ внѣшнихъ подавляющихъ условій задержанное внутримолекулярное движеніе протоплазмы вновь возвращается къ своему персона-

начальному нормальному состоянію, саморазложеніе тотчасъ же вступаетъ въ свои права, а вслѣдъ за нею пробуждаются и всѣ жизненные процессы. Стало быть, и въ данномъ случаѣ саморазложеніе продолжаетъ идти рука объ руку съ жизнедѣятельностью; жизненные явленія останавливаются, разъ останавливается саморазложеніе протоплазмы.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что фактъ скрытой жизни не только не отрицаетъ опредѣляющаго значенія самодѣятельности протоплазмы, а напротивъ, служитъ однимъ изъ вѣснихъ аргументовъ въ пользу того, что внѣ условій данной самодѣятельности проявленія жизнедѣятельности невозможны.

Тоже подтверждается и пробужденіемъ скрытой жизни; возможность такого пробужденія всецѣло зависитъ отъ возможности восстановленія той внутримолекулярной подвижности, которою опредѣляется саморазложеніе протоплазмы. Это и достигается устраненіемъ внѣшнихъ условій, подавляющихъ данную подвижность. Къ числу такихъ условій относятся, какъ было упомянуто, высыханіе и холодъ. Стало быть, устранить эти условія значить возвратитъ протоплазмѣ ея нормальную влажность и температуру.

Влажность и теплота освобождаютъ внутримолекулярную подвижность отъ того состоянія, которымъ устраняется возможность саморазложенія протоплазмы; тѣмъ не менѣе однако не онѣ служатъ стимуломъ пробуждающейся жизни, какъ это обыкновенно принимается, хотя онѣ и необходимы для его обнаруженія. Различіе несомнѣнно весьма существенное. Точка опоры необходима для передвиженій живаго существа, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, что эти передвиженія опредѣляются точкою опоры, или что она служитъ стимуломъ къ такимъ передвиженіямъ. Тоже самое и относительно внѣшнихъ условій влажности и теплоты; онѣ необходимы, но не какъ стимуль, а какъ условіе для его обнаруженія; ихъ необходимость такъ же мало отрицаетъ самоподвижность протоплазмы, какъ и необходимость точки опоры—свободное передвиженіе животнаго.

Справедливость настоящаго заключенія легко можетъ быть доказана: если саморазложеніе протоплазмы и въ случаѣ разсматриваемыхъ явленій играетъ выдающуюся, преобладающую роль, то очевидно она должна служить начальнымъ, исходнымъ пунктомъ пробужденія скрытой жизни. Это дѣйствительно и имѣетъ мѣсто, какъ то свидѣтельствуется процессомъ пробужденія живаго существа, погруженнаго въ состояніе скрытой жизни, и условіями такого пробужденія.

Вотъ что говорить о томъ и другомъ Клодь Бернарь:

«Прежде всего снова становится возможнымъ жизненное разрушеніе, вслѣдствіе возврата физическихъ и химическихъ явленій; затѣмъ, въ свою очередь, возвращается и созидаящая жизнь, когда животное снова начинаетъ принимать пищу. Какъ только организму возвращены влажность и теплота, ткани его, какъ это показали изслѣдованія Шевреля, снова поглощаютъ то количество воды, какое онѣ имѣли до высыханія, и вслѣдствіе этого снова являются ихъ механическія и физическія свойства сопротивленія, эластичности, прозрачности и жидкаго вида. Тотчасъ же возвращаются и химическія явленія: высохшіе ферменты, поглощая воду, возобновляютъ свою дѣятельность; приостановившіяся броженія снова продолжаются въ живомъ организмѣ, также какъ и внѣ его.

И такъ, возвращеніе жизни совершается посредствомъ предварительнаго возстановленія актовъ жизненнаго разрушенія, а потомъ ужъ является и созидаящая жизнь. Это законъ, который заслуживаетъ особеннаго вниманія. Животное, или растеніе, оживая, всегда начинаетъ разрушать свой организмъ, тратить матеріалы, запасенные прежде. Это наблюденіе дѣлаетъ понятнымъ для насъ необходимость новаго условія для оживленія и возвращенія къ явной жизни. Необходимо, чтобы животное обладало запасами, накопленными въ тканяхъ, чтобы имѣть возможность питаться и пополнять свои первые расходы до того момента, когда, возстановивъ вполне свое существованіе, оно будетъ въ состояніи почерпать извнѣ, посредствомъ принятія пищи, матеріалы, необходимые ему для того, чтобы дѣлать новые запасы. «Мы находимъ здѣсь случайное примѣненіе того великаго закона,—замѣчаетъ далѣе Клодь Бернарь,—на которомъ мы постоянно настаиваемъ, т. е. что питаніе никогда не бываетъ прямымъ и непосредственнымъ, но всегда непрямымъ. Накопленіе запасовъ есть такимъ образомъ необходимость для существъ въ состояніи скрытой жизни: возобновленіе жизненныхъ проявленій возможно только на счетъ ихъ».

«Какъ только начались снова явленія жизненнаго разрушенія въ существѣ, бывшемъ до того энергичнымъ, тотчасъ же начинается свое дѣло и жизненное созиданіе, и жизнь возстановляется во всей своей цѣлости съ своими двумя порядками характеристическихъ явленій»¹⁾.

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 88.

Сопоставляя приведенныя слова знаменитаго физиолога съ предъидущимъ заключеніемъ о значеніи самораспаденія протоплазмы, мы находимъ полнѣйшее подтвержденіе послѣдняго. Пробужденіе скрытой жизни въ условіяхъ влажности и тепла только потому и оказывается возможнымъ, что источникомъ жизненности служить внутримолекулярная подвижность протоплазмы. Если-бы было иначе, то «предварительное возстановленіе актовъ жизненнаго разрушенія» (самораспаденія), не могло бы составлять необходимости для пробужденія скрытой жизни. Но въ томъ-то и дѣло, что, независимо отъ этихъ «актовъ», влажность и теплота безсильны и сами по себѣ были бы не въ состояніи вызвать скрытую жизнь къ дѣятельности. И замѣтите, какъ дѣйствительно всесторонне опредѣляющее значеніе саморазлагаемости протоплазмы: накопленіе запасовъ, какъ мы видѣли, необходимо для «оживанія или возвращенія къ явной жизни», и такая необходимость становится понятною только тогда, если основнымъ условіемъ возрожденія мы признаемъ саморазрушеніе протоплазмы: саморазрушеніе опредѣляетъ собою накопленіе запасовъ. Но это еще не все. Предъидущіе факты, обнаруживаемые состояніемъ скрытой жизни, заслуживаютъ вниманія и въ другомъ отношеніи, болѣе общемъ. Если скрытая жизнь и достигается путемъ подавленія внѣшними условіями самодѣятельности протоплазмы, то, съ другой стороны, это исключительно имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ самодѣятельность выражена наиболѣе слабо, гдѣ она обнаруживаетъ наименьшую степень развитія. Въ самомъ дѣлѣ, для всякаго, конечно, ясно, что сюда именно относятся наиболѣе простѣйшія животныя и растенія. Это не подлежитъ сомнѣнію, какъ съ принципіальной точки зрѣнія, такъ и со стороны фактической. Но, съ другой стороны, рядомъ съ этимъ, какъ показываютъ факты, состояніе скрытой жизни наблюдается только среди низшихъ животныхъ, каковы нѣкоторыя инфузоріи и другія простѣйшія формы, и среди растеній; причемъ даже здѣсь состояніе это соотвѣтствуетъ наиболѣе ранней, первичной фазѣ живаго существа, когда самодѣятельность находится еще на низшей стадіи развитія, когда она едва только обнаруживается. Такъ, напримѣръ, высшія растенія могутъ находиться въ состояніи скрытой жизни только въ первомъ, зачаточномъ періодѣ своего существованія, именно, въ видѣ сѣмянъ; даже почки не обнаруживаютъ къ тому наклонности, не говоря уже о вполнѣ развитомъ, взросломъ растеніи, такъ какъ оцѣпененіе, въ которое впадаютъ растенія

зимой, не может быть отождествляемо съ скрытою жизнью: въ этомъ послѣднемъ состояніи жизнедѣятельность приостанавливается, въ случаѣ же оцѣпененія она только ослабѣваетъ. Наконецъ, не менѣе поучителенъ и тотъ фактъ, что простѣйшія животныя, впадающія въ состояніе скрытой жизни, испытываютъ при этомъ измѣненія, наиболѣе соответствующія періоду, предшествующему размноженію ихъ; въ томъ и другомъ случаѣ движеніе приостанавливается и животное заколонировано, покрывается цистой; а такъ какъ заколонированіе, предшествующее размноженію, можетъ быть разсматриваемо, (о чемъ рѣчь еще впереди), какъ стремленіе устранить внутримолекулярную подвижность протоплазмы отъ подавляющаго вліянія внѣшнихъ условій, то невольно рождается вопросъ: не слѣдуетъ ли здѣсь именно искать причины заколонированія и въ случаѣ перехода животнаго въ состояніе скрытой жизни, разъ подавляющее вліяніе внѣшнихъ условій въ особенности преобладаетъ. Какъ бы то ни было, но, въ виду устанавливаемой нами точки зрѣнія относительно опредѣляющаго значенія самодѣятельности протоплазмы, достоинъ замѣчанія уже тотъ фактъ, что состояніе скрытой жизни наблюдается только среди низшихъ организмовъ; но у болѣе высоко-организованныхъ существъ значеніе самодѣятельности протоплазмы такъ рѣзко уже выступаетъ впередъ, что здѣсь невозможна даже временная остановка ея безъ того чтобы не причинить организму смерть. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, подавляющее вліяніе внѣшнихъ условій необходимо должно сказываться иначе; напримѣръ, пониженіе температуры среды ведетъ не къ полной остановкѣ самодѣятельности протоплазмы, какъ въ разсмотрѣнномъ выше случаѣ, а къ ея пониженію; внутримолекулярная подвижность протоплазмы не настолько подавлена, чтобы процессъ саморазложенія былъ невозможенъ, онъ только значительно ослабленъ, вслѣдствіе чего въсоответствующей степени ослабѣваетъ и проявленіе всѣхъ жизненныхъ процессовъ. Сюда именно относится состояніе оцѣпенѣнія или замиранія растеній во время зимы.

Въ этомъ состояніи, какъ было уже замѣчено выше, жизнь неполнѣе погасаетъ въ растеніяхъ: «матеріальныя перемѣны ассимиляціи и дезассимиляціи не совершенно уничтожаются въ нихъ, но только сводятся до минимума. Произростаніе неясно; жизненный процессъ почти незамѣтенъ. Весною, когда снова является теплота, жизненное движеніе усиливается; произростаніе, почти остановившееся, идетъ съ усиленною энергіею; соки

начинают двигаться, деляются листья, почки раскрываются и развиваются, новые части, корни, ветви распространяются в почву или в воздух».

Аналогичные же явления наблюдаются и в животном царстве. Все беспозвоночные и все позвоночные с «холодной кровью» обнаруживают такую же, как и растение, зависимость от космической среды. «Холод мертвит их, и если во время зимы они не могут уйти от его влияния, то жизнь их ослабевает, дыхание замедляется, пищеварение приостанавливается, движения становятся слабыми или совершенно прекращаются. У млекопитающих это состояние называется спячкою: сурок представляет примѣръ таких животных».

Во всех этих случаях мы видим такую тѣсную зависимость жизненных проявлений от космической среды, что они, хотя и не прекращаются совершенно, как в состоянии скрытой жизни, тѣмъ не менѣе ослабѣваютъ или усиливаются въ весьма сильной степени, сообразно съ измѣненіями внѣшнихъ условій. Здѣсь мы имѣемъ то самое состояніе, которое Клодъ Бернаръ называетъ колеблющеюся жизнью или зависимою отъ внѣшней среды. Самодѣтельность протоплазмы, опредѣляемая ея внутримолекулярною подвижностью, хотя и не отличается тѣмъ минимальнымъ развитіемъ, которое, какъ въ случаѣ съ скрытою жизнью, допускало бы полное подавленіе ея внѣшними условіями, но она, однако, не настолько еще интенсивна, чтобы не испытывать, подъ влияніемъ этихъ условій, тѣхъ или другихъ колебаній.

Только среди высшихъ животныхъ формъ, самодѣтельность эта достигаетъ уже такого полного развитія, такого постоянства, что разсмотрѣнныя здѣсь колебанія становятся совершенно невозможными.

Сюда именно относится третья форма жизни, которую Клодъ Бернаръ называетъ постоянною или свободною жизнью. Она свойственна животнымъ съ высшей организаціей, и характерною чертою ея служить то, что «эта жизнь не приостанавливается ни при какихъ условіяхъ; она течетъ постоянно и, повидимому, совершенно независимо отъ колебаній космической среды, отъ измѣненія матеріальныхъ условій, окружающихъ животное. Ихъ органы, аппараты, тѣни функционируютъ замѣтно одинаковымъ образомъ, и ихъ дѣятельность не испытываетъ тѣхъ значительныхъ измѣненій, какія оказываются у животныхъ съ колеблющеюся жизнью. И это происходитъ отъ

того, что внутренняя среда их¹⁾, облекающая органы, ткани, элементы тканей, не измѣняется; атмосферическія перемѣны останавливаются у этой среды, такъ что можно справедливо сказать, что физическія условія среды для высшаго животнаго постоянны; оно облечено неизмѣнною средою, которая составляетъ какъ-бы собственную его атмосферу въ постоянно измѣняющейся космической средѣ. Организмъ какъ будто самъ помѣстилъ себя въ теплицу. Такимъ образомъ постоянныя измѣненія космической среды не доходятъ до него; онъ не связанъ съ ними, онъ свободенъ и независимъ²⁾.

Это постоянство жизненныхъ процессовъ представляетъ, самое наглядное свидѣтельство въ пользу значенія самодѣтельности протоплазмы: тамъ, гдѣ самодѣтельность эта достигаетъ высшей стадіи развитія, — она же достигаетъ этой стадіи именно среди внѣшнихъ животныхъ формъ, — тамъ и опредѣляемые ею жизненные процессы отличаются наибольшимъ постоянствомъ. Ихъ можно уничтожить; но приостановить, или даже замедлить ихъ, какъ въ случаѣ съ колеблющеюся жизнью, невозможно, и именно потому, что физическія условія среды для высшихъ животныхъ постоянны и внутренни; онѣ выработаны самимъ организмомъ и имѣютъ своимъ назначеніемъ поддерживать внутримолекулярную подвижность протоплазмы въ состояніи постоянства ея саморазлагаемости и самодѣтельности.

Внѣшнія условія, какъ отсутствіе влаги и холода, подавляютъ или понижаютъ самодѣтельность протоплазмы и тѣмъ или приостанавливаютъ проявленіе жизненныхъ процессовъ, или суживаютъ ихъ до минимальныхъ размѣровъ. Но тамъ, гдѣ внутренняя среда постоянна, гдѣ физическія свойства органической жидкости, окружающей и питающей всѣ анатомическіе элементы тканей, вполне соответствуютъ внутримолекулярной подвижности протоплазмы, тамъ очевидно послѣдняя совершенно уже застрахована отъ подавляющаго вліянія внѣшнихъ условій, тамъ самодѣтельность протоплазмы и опредѣляемые ею жизненные процессы будутъ постоянны.

Такимъ образомъ, необходимость устраненія внутримолекулярной подвижности протоплазмы отъ подавляющаго вліянія внѣшнихъ факторовъ породило внутреннюю среду; приспособ-

¹⁾ Такъ Клодъ Бернаръ называетъ органическую жидкость, окружающую и питающую всѣ анатомическіе элементы тканей.

²⁾ Клодъ Бернаръ: «Жизненные явленія» и т. д., стр. 96.
Кн VIII.—Августъ, 1881.

леніе внутренней среды къ требованіямъ самодѣтельности протоплазмы, къ условіямъ ея наиболѣе всесторонняго развитія, породило постоянство этой среды. Отсюда уже становится совершенно понятнымъ, что всѣ функціи, направленные къ поддержанію постоянства во внутренней средѣ организма, представляютъ прямое и непосредственное отношеніе къ самодѣтельности протоплазмы.

Съ другой стороны, какъ видно изъ предыдущаго анализа соответствующихъ фактовъ, то же отношеніе обнаруживаютъ въ этой самодѣтельности и три формы жизни: скрытая, колеблющаяся и постоянная. Этими тремя формамъ, какъ тремя различными степенямъ обособленія жизненныхъ процессовъ отъ внѣшнихъ явленій, соответствуютъ и три степени развитія самодѣтельности протоплазмы: низшая, средняя и высшая; причемъ между ними наблюдается постепенный рядъ переходовъ; одинъ изъ такихъ переходовъ былъ уже указанъ нами. Такъ, мы видѣли, что высшія растения, отличаясь, въ періодъ полного развитія, колеблющеюся жизнью, въ начальномъ, зародышевомъ состояніи обнаруживаютъ явленія скрытой жизни. Такимъ же образомъ высшія животныя, отличающіяся постоянною жизнью, въ зародышевомъ состояніи обнаруживаютъ явленія колеблющейся жизни, тогда какъ состояніе скрытой жизни здѣсь уже совершенно отсутствуетъ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ Клодъ Бернаръ: «Хотя болѣе развитыя, именно теплокровныя животныя, которыя имѣютъ усовершенствованную внутреннюю среду, т. е. циркулирующія жидкости съ постоянною температурою, не подвержены непосредственной зависимости отъ внѣшнихъ условій, но тѣмъ не менѣе, въ извѣстномъ періодѣ ихъ существованія, въ началѣ, онѣ начинаютъ жить какъ существа съ колеблющейся жизнью. Это бываетъ тогда, когда онѣ находятся въ состояніи яйца. Работа развитія, которая должна совершиться въ птичьемъ яйцѣ, требуетъ извѣстной степени температуры, довольно близкой къ температурѣ взрослога животнаго; но если яйцо не имѣетъ этой надлежащей температуры, то оно находится въ оцѣпенѣніи. Оно не находится въ состояніи химическаго индифферентизма (какъ въ случаѣ съ скрытою жизнью), ибо можно доказать, что оно дышетъ, — оно поглощаетъ кислородъ и выдѣляетъ углекислоту; тѣмъ не менѣе этотъ матеріальный обмѣнъ совершается не очень дѣятельно. Если взять свѣже-снесенное куриное яйцо и помѣстить его въ сосудъ съ баритовою водою, то эта вода начнетъ медленно мутиться, вслѣдствіе осажденія углекислаго

барита, происходящего отъ дыхательнаго выдѣленія углекислоты. Яйцо, оставаясь нѣкоторое время въ этомъ состояніи застывшей жизни, способно развиваться въ новое животное, если будутъ осуществлены условія насиживанія. Но оно не можетъ сохранить этой способности неопредѣленное время. Спустя нѣсколько недѣль оно портится, т. е. умираетъ, и становится негоднымъ для насиживанія. И такъ, оно не было совершенно инертно; оно жило незамѣтнымъ образомъ. Если же, напротивъ, подвергнуть яйцо температурѣ отъ 38 до 40 градусовъ, то жизненная дѣятельность усилится, дыханіе, свидѣтель этого энергическаго движенія, дѣлается весьма замѣтнымъ, рубчикъ начинаетъ дѣлиться, являются сначала зачатки зародыша и, вслѣдствіе послѣдовательнаго эпигенезиса, совершаютъ типъ птицы, вполне образовавшійся; тогда жизнь уже не является оцѣпенѣвшею, она, напротивъ, достигаетъ крайней степенн дѣятельности»¹⁾).

И такъ, мы видимъ въ приведенныхъ здѣсь опытахъ прямое указаніе на переходъ колеблющейся жизни въ постоянную и независимость такого перехода отъ опредѣленнаго состоянія «жизненнаго движенія», т. е. внутримолекулярной подвижности протоплазмы. Въ самомъ дѣлѣ, пока эта подвижность находится подъ подавляющимъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, яйцо продолжаетъ оставаться въ состояніи оцѣпенѣнія и не развивается; но разъ данныя условія устранены и самодѣятельность протоплазмы вступаетъ въ свои права—тотчасъ же возрастаютъ всѣ жизненные процессы и временно задержанное развитіе вновь обнаруживается; другими словами, это значитъ, что явленія развитія идутъ рука объ руку съ самодѣятельностью протоплазмы: онѣ понижаются, когда понижается эта самодѣятельность; онѣ возрастаютъ, когда возрастаетъ эта самодѣятельность. Стало бытъ и въ отношеніи данныхъ явленій обнаруживается та же причина, и здѣсь опредѣляющая роль принадлежитъ не внѣшнимъ, а внутреннимъ условіямъ, именно, внутримолекулярной подвижности протоплазмы.

Если мы теперь, въ виду вышерассмотрѣнныхъ данныхъ, попытаемся составить себѣ общее представленіе объ отношеніи жизненныхъ явленій къ внѣшнимъ вліяніямъ и о характерѣ этихъ явленій, то должны будемъ признать, что въ томъ и другомъ случаѣ вопросъ сводится къ опредѣленію взаимодѣйствія

¹⁾ Тамъ же, стр. 90.

между внутремолекулярнымъ движеніемъ протоплазмы и окружающимъ движеніемъ космической среды.

Какого рода это взаимодействіе? Явленія скрытой, колеблющейся и постоянной жизни ясно показываютъ намъ, что жизнедѣятельность возможна только въ условіяхъ внутремолекулярной подвижности протоплазмы. Но эта подвижность, какъ выражающаяся саморазлагаемостью протоплазмы, не можетъ, по природѣ своей, не отличаться опредѣленностью характера; отсюда опредѣленность отношеній между жизнедѣятельностью и окружающей средою. Внѣшнія условія должны соответствовать внутреннимъ условіямъ саморазлагаемости протоплазмы, для того, чтобы жизненные явленія могли имѣть мѣсто; въ этомъ случаѣ, соответствіе устанавливается всегда въ прямой зависимости отъ основныхъ требованій внутренней природы протоплазмы; жизненные явленія не могутъ идти на компромисъ съ тѣми внѣшними условіями, которые не соответствовали бы даннымъ требованіямъ, и во всей своей общности жизненные процессы сводятся именно къ устраненію такого несоответствія и къ подбору условій, отвѣчающихъ наиболѣе широкому проявленію самодѣятельности протоплазмы. Иначе, какимъ образомъ живое существо, по мѣрѣ своего развитія, могло бы выработать свою внутреннюю среду, и еще болѣе, какимъ образомъ могло бы выработаться постоянство этой среды? Вѣдь это постоянство вполне соответствуетъ постоянству жизнедѣятельности и вовсе несоответствуетъ непостоянству окружающей среды.

Вотъ почему положительно невозможно согласиться съ основнымъ положеніемъ спенсеровскаго ученія, рассматривающаго жизнь, какъ непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Спенсеръ выставляетъ это положеніе какъ основную истину біологій, что заставляетъ насъ удѣлать здѣсь мѣсто нѣкоторымъ изъ его доводовъ и посмотреть, въ какой мѣрѣ они подтверждаютъ ученіе о непрерывномъ приспособленіи внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ.

«Когда мы желаемъ, говорить Спенсеръ,—отличить живой предметъ отъ мертваго, то обыкновенно наблюдаемъ, сопровождается ли измѣненіе, производимое нами, или природою въ окружающихъ условіяхъ, какимъ либо условленнымъ измѣненіемъ въ предметѣ. Замѣчая, что нѣкоторые предметы съеживаются, когда ихъ трогаютъ, или улетаютъ, когда приближаются къ нимъ, или вздрагиваютъ при шумѣ, ребенокъ составляетъ себѣ первое грубое понятіе о живомъ и неживомъ; и взрослый человѣкъ, чтобы убѣдиться, мертвое ли передъ нимъ животное

или живое трогает его, например, палкою, а если оно находится на некоторомъ разстояніи, то вскрикиваетъ, или бросаетъ въ него камень. Растительная и животная жизнь одинаково узнаются первоначально этимъ путемъ. Мы не только находимъ обыкновенно отвѣтное дѣйствіе, когда на живой организмъ вліяетъ внѣшній стимуль, но замѣчаемъ при этомъ и извѣстную приспособленность въ отвѣтномъ дѣйствіи». И мертвыя тѣла, подобно живымъ, обнаруживаютъ измѣненія при извѣстныхъ измѣненіяхъ условія; напримеръ, кусокъ соды, брошенный въ серную кислоту, шипитъ; смоченная веревка укорачивается; кусокъ хлѣба чернѣетъ, если его держать передъ огнемъ. Но въ этихъ случаяхъ мы не видимъ связи между испытываемыми измѣненіями и сохраненіемъ этихъ тѣлъ въ цѣлости, или, чтобы избѣжать всякой телеологической запутанности, измѣненія не имѣютъ здѣсь какихъ либо видимыхъ отношеній къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыя непременно, или вѣроятно, послѣдуютъ. Въ жизненныхъ же измѣненіяхъ подобныя отношенія очевидны. Растеніе, когда на него падаетъ тѣнь, растетъ въ ту сторону, гдѣ больше свѣта, необходимаго къ его жизни, и въ этомъ проявляется извѣстная приспособленность.

Такую же приспособленность Спенсеръ находитъ и въ болѣе общихъ жизненныхъ процессахъ.

«Оставляя въ сторонѣ менѣе важныя условія, говоритъ англійскій мыслитель, — мы находимъ, что дѣйствія, совершающіяся въ растеніи, предполагаютъ окружающую среду, заключающую въ себѣ по крайней мѣрѣ углекислоту и воду, а также надлежащее количество свѣта и теплоты. Внутри листьевъ усваивается углеродъ и выдѣляется кислородъ; внѣ ихъ находится газъ, изъ котораго извлекается углеродъ и невѣсомые дѣятели, способствующие этому извлеченію. Каковъ бы ни былъ характеръ процесса, ясно, что есть внѣшніе элементы, готовые подвергнуться спеціальнымъ перераспределеніямъ при спеціальныхъ условіяхъ. Ясно, что растеніе, при солнечномъ свѣтѣ, представляетъ эти условія и такимъ образомъ причиняетъ эти перераспределенія. Слѣдовательно, измѣненія, составляющія жизнь растенія, находятся въ соотвѣтствіи съ сосуществованіями въ окружающей средѣ. Далѣе, если мы спросимъ, какъ живетъ низшій протозоонъ (простѣйшее животное), то получимъ отвѣтъ, что, съ одной стороны, его вещество постоянно подвержено окисленію, а съ другой — постоянно поглощаетъ пищу; и чтобы животное могло продолжать свое существованіе, уподобленіе должно идти, въ

уровень съ окисленіемъ, или превосходить его. Если затѣмъ мы спросимъ, при какихъ обстоятельствахъ возможны эти совмѣстныя измѣненія, то получимъ въ отвѣтъ, что среда, въ которой находится нашъ протозоонъ, должна содержать кислородъ и пищу, кислородъ въ количествѣ, достаточномъ для произведенія нѣкоторой дисинтеграціи (разрушенія), и пищу въ такомъ количествѣ, чтобы эта дисинтеграція могла быть вознаграждаема. Другими словами, два враждебные процесса, совершающіеся внутри, предполагаютъ присутствіе въ окружающей средѣ матеріаловъ, которые своимъ средствомъ могутъ вызвать эти процессы. Оставляя эти низшія формы, открываемыя помощью микроскопа и принимающія свою поверхность пищу и окисленные жидкости, съ которыми онѣ соприкасаются, мы переходимъ къ нѣскольکو болѣе высокимъ формамъ, тѣмъ которыхъ отчасти обособлены въ уподобляющія и дыхательныя. Въ этихъ животныхъ мы видимъ соотвѣтственность между извѣстными дѣйствіями въ пищеварительномъ мѣшкѣ и свойствами извѣстныхъ окружающихъ тѣлъ. Чтобы существо подобнаго рода могло продолжать свою жизнь необходимо не только, чтобы въ окружающей средѣ были массы вещества, способнаго превращаться въ его тѣмъ, но чтобы введеніе этихъ массъ въ его желудокъ сопровождалось отдѣленіемъ растворяющей жидкости, которая привела бы ихъ въ состояніе, пригодное для поглощенія. Специальнымъ внѣшнимъ свойствамъ должны соотвѣтствовать спеціальныя внутреннія свойства».

Вотъ именно въ виду такихъ и подобныхъ соотвѣтствій, Спенсеръ и приходитъ къ признанію непрерывныхъ приспособленій внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Но составляетъ ли это признаніе прямой выходъ изъ тѣхъ фактовъ, на которыхъ оно основывается? Сдѣлать думать, что нѣтъ, или, во всякомъ случаѣ, что оно крайне односторонне. Начать хоть съ приспособленности въ отвѣтномъ дѣйствіи, вызываемомъ внѣшнимъ вліяніемъ. Приспособленность никто и отрицать не станетъ, но приспособленность къ чему? Вѣдь самъ же авторъ говорить, что отвѣтныя дѣйствія направлены къ сохраненію цѣлости организма; но не ясно ли какъ Божій день, что это возможно только тогда, когда данныя дѣйствія вполне отвѣчаютъ требованіямъ самой природы организма. На какомъ же, если такъ, основаніи усматривать въ нихъ приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ?

Несомнѣнно, что существованіе растений предполагаетъ существованіе среды, содержащей по крайней мѣрѣ углекислоту

и воду, а также надлежащее количество свѣта и теплоты; но самъ же авторъ допускаетъ, что и то и другое испытываетъ измѣненія въ условіяхъ, которыя представляетъ растеніе и которыя, стало-быть, находятся въ гармоніи съ внутренней природой послѣдняго. Какимъ же образомъ измѣненія эти могутъ разсматриваться, какъ приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ? Конечно, съ общераспространенной точки зрѣнія, по которой кислородъ разсматривается источникомъ жизнедѣятельности, легко придти къ заключенію, что жизненные явленія не только предполагаютъ существованіе кислорода въ окружающей средѣ, но предполагаютъ его всегда въ опредѣленномъ количествѣ; но, согласно ученію о саморазлагаемости протоплазмы, такого рода зависимость теряетъ свое универсальное значеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо становятся односторонними и основанныя на ней заключенія о внутреннихъ отношеніяхъ къ внѣшнимъ.

Если въ томъ фактѣ, что жизнь есть слѣдствіе окислительныхъ процессовъ, можетъ быть усматриваемо приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, то разъ этотъ фактъ оказывается мнимымъ и наоборотъ, жизненность является причиною окислительныхъ процессовъ, мы очевидно должны придти къ обратному заключенію. Тоже самое и относительно соответствія спеціальныхъ внутреннихъ свойствъ спеціально внѣшнимъ.

Если-бы внѣшнія условія, внѣшнія свойства, въ свою очередь, не соответствовали внутремолькулярнымъ движеніямъ, опредѣляющимъ саморазлагаемость протоплазмы, то и обратныя соответствія были бы невозможны. Жизненные явленія опредѣляются не только приспособленіемъ къ окружающей среде, но и приспособленіемъ окружающаго себѣ. Къ этому заключенію приводитъ признаніе самодѣятельности протоплазмы, — самодѣятельности, которая, какъ увидимъ ниже, объединяетъ самыя разнообразныя явленія жизни, которая даетъ возможность понять многіе, безъ того совершенно темныя вопросы биологіи.

Л. К. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

КОРОЛЕВСКИЙ СОКОЛЬ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ.

ВАЛЕРІЯ ПШИБОРОВСКАГО.

(Переводъ съ польскаго).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Задумная ночь ¹⁾ въ 1564 году.

На ратушѣ только что пробилъ 9 часовъ вечера, и на крыльцо ея вышелъ трубачъ, громко труба на весь городъ, чтобы жители старой Варшавы ²⁾ гасили огонь и шли, какъ подобаетъ, спать.

Это былъ вечеръ задумнаго дня anno Domini 1564 года. Весь день стояла, по обыменовенію, бурная, дождливая, вѣтряная погода. Темно-свинцоваго цвѣта небо, покрытое черными тучами, навѣвало тоску и уныніе; темно, хоть глазъ выколи, было и на

---

¹⁾ Соответствуетъ нашей родительской суботѣ, когда поминаются всѣ покойники.

²⁾ Лабиринтъ узкихъ, грязныхъ, кривыхъ улицъ, и поминъ существующій подъ этимъ названіемъ въ Варшавѣ; въ то время, къ которому относится этотъ разсказъ, старый городъ былъ обнесенъ стѣною.

улицахъ Варшавы; только у воротъ ратуши висѣлъ на крючкѣ маленький, весь закопченный фонарикъ, неровное пламя котораго бросало красноватый, мигающій свѣтъ на площадь и на запоры воротъ. Дождь частилъ и частилъ, а вѣтеръ, свободно гуляя по городу, рвалъ и металъ во всѣ стороны маленький жестяной флюгеръ, который, что есть мочи, скрипѣлъ на башнѣ ратуши. Было холодно; сырая мгла пронизывала до костей.

Только что трубачъ замолкъ, какъ по домамъ усердно принялись гасить огни, такъ какъ король былъ въ Варшавѣ, а маршалъ ¹⁾ двора его величества строго слѣдилъ за исполненіемъ его приказовъ. Бѣда, если объѣзжіе маршала замѣтятъ у когонибудь свѣтъ позже урочнаго часа—сейчасъ штрафъ, а то въ тюрьму; вотъ и гасили огни, а темнота все болѣе и болѣе охватывала городъ. На улицахъ было пусто, такъ пусто, что городъ точно вымеръ, и одинъ только дождь шлепалъ по лужамъ, да вѣтеръ завывалъ между стѣнами.

Тогдашнюю Варшаву можно было охватить однимъ взглядомъ; глазамъ наблюдателя представилась бы масса нагроможденныхъ другъ на друга, лѣзшихъ все выше и выше къ небесамъ домовъ; темная, страшная, могучая масса, которая какъ-бы сливалась съ чернымъ, затученнымъ небомъ. Изъ этой массы то здѣсь, то тамъ, выдавалась стройная башня ратуши или какогонибудь костела; башня эта рисовалась на мутномъ фонѣ неба, точно сказочный великанъ; она росла и ширилась въ темнотѣ, и каждый выступающій карнизъ, каждый изгибъ стѣны точно вздувался и лѣзъ впередъ, силясь найти, розыскать солнце, которое скрылось гдѣ-то тамъ, въ безграничномъ пространствѣ... А надъ всѣмъ городомъ царствовала глубокая ночная тишина, которую нарушалъ только вой вѣтра, да однообразный плескъ дождевыхъ капель; и вотъ, вотъ, казалось, наполнятся эти пустыя улицы привидѣніями и блуждающими остовами; и ждутъ эти страхи только перваго удара полуночнаго часа, чтобы начать маяться по свѣту ²⁾.

Пока все было тихо и пусто, но не вездѣ. У ратуши по-прежнему поскрипывалъ, качаясь на крючкѣ, фонарь; по-прежнему былъ вѣтеръ, визжалъ и флюгеръ, за то на Голэмбей улицѣ ³⁾ было шумно и людно. А улица была узкая, очень узкая; по обѣ

¹⁾ Оберт-гоемейстеръ.

²⁾ Задущная ночь—ночь всякихъ страховъ и привидѣній.

³⁾ Голубиная улица.

стороны тѣснились высокіе дома, такъ что приходилось порядкомъ задрать голову, чтобы увидѣть хотя маленькій кусочекъ неба — днемъ, конечно; а что тутъ было ночью, да еще такую пасмурною, дождливою, темною ночью! Было темно, какъ въ могилѣ; раскроить себѣ голову было нетрудно, а къ тому еще глубокая вонючая грязь лежала на улицѣ отъ стѣны до стѣны и дождь шлепалъ по ней на славу.

Но не смотря на все, на улицѣ было шумно; слышались тяжелые шаги по грязи, какъ будто толпа людей шла къ Новомейскимъ воротамъ. Въ толпѣ слышались разговоры, громкіе голоса.

— Эй, ты, Антошка! много набралъ? спрашивалъ кто-то грубымъ, хриплымъ, точно бычачьимъ голосомъ.

— А чтобы ихъ, варшавскихъ кашеевъ! двухъ золотыхъ, и того нѣтъ! отвѣчалъ другой, пискливый голосъ.

— Ну, ну, не грѣши—люди добрые! и совѣсть есть, и копелки отгрызаютъ охотно.

— Вотъ, у меня есть на угощеніе, отозвался первый голосъ.

— Такъ угости меня горѣлкой, Магера!

— Ишь ты мудрецъ какой! Дуракъ ты, новичекъ, не умѣешь, оттого и не слышуются тебѣ проши да полъ-золотки ¹⁾; да, погоди, я тебя вымуштрую! В загонокъ только, не сразу идѣ Кразовъ построил ²⁾!

Пока оба голоса перебранивались, гдѣ-то впереди запѣла какая-то баба, приплясывая по грязи; за нею запѣли и другія, и все разныя, срамныя, грязныя пѣсенки о дѣвкахъ, да молодкахъ:

Такимъ образомъ, вся толпа доплелась до Новомейскихъ воротъ. Ворота замыкали; было свѣтло: горѣли большія смолянки, а гауптвахта была освѣщена фонаремъ. Свѣту было достаточно, чтобы видѣть всю толпу, которая приплелась по Голэмбей улицѣ.

Толпа была большая: человекъ тридцать мушницъ, женщинъ и дѣтей, ободранныхъ, искалѣченныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, все дяды ³⁾. Они шли съ промысла; цѣлый день сидѣла эта сволочь

¹⁾ Злотый—тридцать грошей, полъ-загонокъ—пятнадцать.

²⁾ «Nie od gazi Kraków zbudowano».—польская пословица. Смыслъ ея — на все нужно время.

³⁾ Дяды—нищіе по профессіи; по цѣлымъ днямъ сидѣли съ четками въ при-творяхъ и на лѣстницахъ костеловъ; типъ, въ настоящее время, почти совсѣмъ вымершій. Дядовъ можно видѣть теперь почти единственно на паперти костела Св. Креста.

передь костелами, а теперь убиралась за городъ, потому что имъ нельзя было ночевать въ городѣ, а только extra muros.

Городскіе стражники замѣтили ихъ и напустились съ бранью:

— Ахъ вы, собачьи дѣти! Теперь только тащите вонь! А, чтобъ васъ!.. Ну, пошевеливайтесь, не то мы замкнемъ ворота, а кто останется, того бургомистръ велитъ завтра высѣчь въ ратушѣ.

И давай лупить, кого въ спину, кого по головѣ, кого за шиворотъ, пока не вытолкали всѣхъ за ворота. Нѣкоторые дяды огрызались и отбивались.

— Держи рыло, прикривала на нихъ стража,—а то въ ратушу!..

Вышли вонъ всѣхъ, замкнули ворота; а дяды, выйдя за городъ, начали драться, при чемъ грозили кулаками и дубинками, а кто хотѣлъ отнять отъ ноги костыль, молодецки размахивали имъ въ голову.

Наругавшись до-сыта, побрели они къ костелу Св. Маріи, а тамъ, соединившись съ другою толпою, спустились внизъ къ Вислѣ, къ большой харчевнѣ, сквозь открытыя двери которой видѣлся яркій красноватый свѣтъ.

Харчевня стояла у мощенаго хода, который поднимался вверхъ по Мостовой улицѣ до самыхъ Новомейскихъ воротъ. Это былъ большой, деревянный, полуосѣвшій въ землю домъ; много въ немъ было грязи и отвратительной мерзости. Весь онъ состоялъ изъ одной большой комнаты съ клѣткою и сѣнями; въ комнатѣ горѣлъ на очагѣ огонь; въ углу, на бочкѣ, дремала старая, безобразная баба, а у печки на лавкѣ храпѣлъ ребенокъ, прикрытый лохмотьями: подлѣ ребенка спала собака. И собака, и ребенокъ грѣлись, прижавшись другъ къ другу. Двери были отперты настежь, вѣтеръ свободно вривался въ нихъ, а потому, не смотря на хорошій огонь, въ избѣ было холодно. Тишина въ ней прерывалась только храпѣньемъ спавшихъ, чириканьемъ сверчка, да отдаленными голосами дядовъ.

Какъ только дяды явились, все преобразилось; первымъ дѣломъ закрыли они наружныя двери— правда, стало душно, да за то тепло; набралось же этихъ оборванцевъ въ избу не мало, казалось, плюнуть негдѣ. Отовсюду, изъ всѣхъ костеловъ приплелись они, и поднялся шумъ и гамъ; особенно голосили бабы; но что онѣ говорили, о чемъ кричали, разобрать было невозможно.

Съ полчаса длился этотъ шумъ, пока, наконецъ, надъ го-

ловами всѣхъ не раздался съ бочки голосъ извѣстнаго уже намъ Магера:

— Панове, замолчите!

Всѣ замолкли и стало такъ тихо, что слышно было, какъ трещалъ вурокъ сала, жарившійся на огнѣ; жарила его дѣвочка, тотъ самый ребенокъ, который до прихода дядовъ дремалъ у печки:

Магера былъ молодой, здоровенный и свирѣпый на видъ мущина; теперь онъ уже не былъ калѣкою, обѣ ноги его были здоровешеньки.

Обождая немного, онъ началъ:

— Панове, сегодня задушки; устроимъ же, какъ ведется, дядовскій балъ и выберемъ себѣ короля; пусть всѣ обращаются къ нему за разрѣшеніемъ споровъ и жалобъ. Ну, а теперь загляй! первымъ дѣломъ балъ. Эй, баба!

Толпа задвигалась, расступилась и передъ Магерой появилась та самая старуха, которая дремала въ углу избы, старуха безобразная, рябая, кривая; она смѣялась—и изо рта ея торчалъ единственный черный зубъ.

— Ну, я здѣсь, сказала она.

— Приготовь намъ яичницу съ колбасою, приказывалъ Магера, не сходя съ своей бочки,—дай намъ бочку меду и пива, да и вина также. Ты уже знаешь, что надо. Да ну, пошевеливайся!

Баба ничего не отвѣчала, засуетилась и стала бить яйца. спуская въ большой горшокъ одни только желтки, такъ какъ дяды не ѣдятъ въ задушки яичницы съ бѣлками. Пова яичница была на огнѣ, дяды принялись плясать по комнатѣ; и не было между ними ни одного ни горбатаго, ни хромага, ни слѣпаго, всѣ сразу выздоровѣли. Бабы, подоткнувъ юбки, также отплясывали.

Появилось пиво и началась шумная, разливная попойка. Трудно было узнать здѣсь смиренныхъ, молчаливыхъ, богомольныхъ дядовъ; во всѣхъ былъ видѣнъ задоръ и разгулъ.

Вотъ Магера, подбоченясь, откатываетъ такой обертась, что вся изба дрожить и трясется; съ нимъ вмѣстѣ пляшетъ молодая, раскрасившаяся какъ свекла, женщина; за этой парю другая, третья, четвертая—кричать, подзадариваютъ другъ друга.

А тамъ, въ уголку, молодежавый еще дядь цѣлуется съ дѣвкою; другой чокается съ отвратительною мегерою, которую всѣ

зовуть толстою Марыською. И все это кричить и ореть во все горло.

Тѣмъ временемъ яичница съ колбасою и саломъ варилась на очагѣ; запахъ расходился по всей избѣ и щекоталъ глотки голодныхъ дядовъ. Когда же старуха поставила яичницу на столъ, всѣ накинулись на нее, глубокая тишина воцарилась въ комнатѣ, и было слышно только, какъ вылъ вѣтеръ и шумѣлъ, падая, дождь.

Отъ времени до времени порывы вѣтра усиливались; со свистомъ врвался онъ въ трубу, встряхивалъ крышу хаты или, оторвавъ ставень, хлопалъ имъ въ стѣну. Страшная была, воистину задушная ночь.

Когда дяды поѣли яичницу, Магера опять призвалъ всѣхъ къ молчанію, влѣзъ на столъ и только что хотѣлъ начать ораторствовать, какъ вѣтеръ съ страшнымъ шумомъ ворвался въ трубу, дунулъ въ избу изъ печи огнемъ и дымомъ, въ то же время съ трескомъ открылись настежь двери и на порогѣ появился какой-то человѣкъ, весь освѣщенный красноватымъ пламенемъ очага и окруженный облаками дыма.

Всѣ испугались; самъ Магера позеленѣлъ и поблѣднѣлъ. Да и было чего пугаться, такъ зловѣще выдѣлилась фигура пришельца въ багрово-красномъ свѣтѣ, на мгновеніе охватившемъ комнату и опять погасшемъ въ глубинѣ очага.

Пришелецъ былъ высокаго роста; на головѣ его былъ нѣмецкій¹⁾ баретъ съ краснымъ перомъ; длинная, коричневая епанча закрывала его до пятъ; съ боку висѣлъ большой мечъ въ желѣзныхъ ножнахъ. На ногахъ были толстые сапоги изъ темно-бронзовой кожи, съ большими шпорами; сапоги были покрыты густымъ слоемъ грязи. Съ епанчи струилась вода, а красное перо, все мокрое, болталось на спинѣ.

Не говоря уже о томъ, что весь нарядъ этого человѣка поражалъ своею необычайностью и вовсе не былъ принятъ въ Польшѣ, лицо его, освѣщенное красноватымъ отблескомъ огня, бросалось въ глаза еще болѣе, чѣмъ нарядъ. Изъ-подъ нахлобученной на добъ шапки сверкали большіе черные глаза, такіе пронизательные, такіе полные огня и силы, что никто не былъ бы въ состояніи выдержать его взоръ.

¹⁾ Польскій народъ, а особенно шляхта, еще до начала нынѣшняго столѣтія носилъ по большей части національное платье, контуши и шапки (шляхта контушова). Платье ненародное, въ противоположность народному, называлось, какъ и въ Россіи, «нѣмецкимъ».

Носъ у него былъ длинный, но красивый, губы тонкія, а надъ ними маленькимъ завиткомъ торчали вверху черные усики. Борода также была черная, маленькая; однимъ словомъ, человекъ этотъ вовсе не былъ похожъ на хорошаго шляхтича, а скорѣе на самого сатану. Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ; не молодъ, но и не старъ, да и вообще едва-ли кто могъ бы сказать навѣрно, сколько ему лѣтъ.

И такъ, войдя съ шумомъ и громомъ въ избу, онъ остановился на порогѣ и съ любопытствомъ сморгнулъ на дядю. Да и было на что; комната дѣйствительно представляла необычайное зрѣлище. Мы уже говорили, что она биткомъ была набита дядями; въ ней царствовалъ полумракъ; кромѣ огня на очагѣ, да маленькаго огарка на столѣ, въ комнатѣ не было другаго освѣщенія, а этого было очень мало для такой большой и темной избы. При этомъ желтовато-багровомъ освѣщеніи дяди и бабы казались въ своихъ лохмотьяхъ толпою вѣдьмъ и колдуновъ, собравшихся на задуманный пиръ на Лысую гору¹⁾). Когда же на порогѣ такъ неожиданно появилась, точно видѣніе съ того свѣта, зловѣщая фигура незнакомца и въ комнатѣ водворилась безмолвная тишина, севозъ которую слышался только заунывный вой вѣтра и удары оторванной ставни, всѣ дяди точно окаменѣли и красноватый свѣтъ очага безпокойно забѣгалъ по ихъ лицамъ и лохмотьямъ. Всѣмъ имъ казалось, что передъ ними грѣшная душа съ того свѣта.

Пока загадочный незнакомецъ стоялъ въ дверяхъ и молча смотрѣлъ на странную картину избы, изъ-за него появилась фигура другаго человека, въ такомъ же баретѣ, но безъ пера, въ епанчѣ и съ мечемъ; онъ несъ кожаный чемоданчикъ и очевидно игралъ роль слуги. Это былъ молодой, здоровенный парень, рябой и глуповатый на видъ. Онъ остановился, окинулъ глазами комнату, протеръ кулакомъ глаза и, громко вздохнувъ, молча подошелъ къ огню, столкнулъ съ лавки дремавшую дѣвочку и преспокойно усѣлся. Чемоданъ онъ положилъ къ ногамъ, протянулъ руки и сталъ грѣться.

— Хозяинъ здѣсь? спросилъ, наконецъ, незнакомецъ.

Тутъ дяди пришли въ себя и Магера, плюнувъ, съ досадою отвѣчали:

— Если-бы и былъ, такъ не выйдетъ!

¹⁾ Лысая гора находится въ южной Польшѣ; по народнымъ преданіямъ, это гора вѣдьмъ, колдуновъ и всякой «нечисти».

Слуга, протерѣвъ еще разъ глаза, жмурясь и кривясь, пристально посматрѣлъ на Магера. Магера былъ уже сильно выпивши; замѣтивъ упорный взглядъ слуги, онъ съ яростью напустился на него:

— Лопни твои глаза, собачій сынъ, проходимецъ ты! Чего буркалы-то на меня выпучилъ?

— Выпучилъ! засмѣялся слуга.—Захотѣлъ—и выпучилъ!

— Захотѣлъ! Вотъ я тебѣ! Захотѣлъ! крикнулъ, покраснѣвъ со злости, Магера и соскочилъ съ своей бочки.—Валѣя его! крикнулъ онъ своимъ и всѣ дяды и бабы, схвативъ дубинки, костыли, долбни, кинулись на слугу.

— Молчать! раздался голосъ его пана.

— Что ты, приказывать, что-ли, намъ вздумалъ, сатана? рывкнулъ Магера.—Эй, молодцы, связать ихъ! каша имъ березовой!

Оба гостя вскочили и, обнаживъ мечи, прижались къ стѣнѣ. Дяды притихли; но Магера, разсвирѣпѣвъ, кинулся впередъ, какъ сумасшедшій, и тутъ же получилъ сильный ударъ въ лицо. Онъ упалъ, обливаясь кровью. Тогда шляхтичъ зловѣщимъ голосомъ сказалъ дядамъ:

— Молчите и слушайте! Не пройдетъ и получаса, какъ всѣ вы, всѣ погибнете... слышите?

Въ словахъ его слышалась какая-то сверхъестественная мощь; голосъ его точно выходилъ изъ-подъ земли и раздавался какъ погребальный колоколь. Наступила тишина; всѣ точно прислушивались; и вотъ, сквозозъ однообразный свистъ вѣтра, послышался далекій, глухой шумъ и плескъ волнъ, точно вода подымалась и заливала берегъ.

— Это Висла, вода васъ затопитъ! прибавилъ шляхтичъ и, поднавъ руку, осѣнилъ всѣхъ крестнымъ знаменіемъ.—Да станетъ! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!

Ужасъ овладѣлъ дядами; бабы визжали и кричали, боясь потонуть, въ случаѣ внезапнаго ночнаго наводненія; и всѣмъ казалось, будто вѣтеръ все явственнѣе и явственнѣе доноситъ ревъ волнъ, которыя рвутся на берегъ, опрокидывая все передъ собою. Такъ угрожающе-страшенъ былъ этотъ шумъ, что толпа задрожала, а незнакомецъ, спрятавъ мечъ въ ножны, связалъ угрюмымъ, гробовымъ голосомъ:

— А я вамъ повторяю, что всѣ вы погибнете здѣсь.

Дяды въ страхѣ смотрѣли, какъ окаменѣлые, на ужаснаго незнакомца, между тѣмъ какъ все ближе и ближе доносился зловѣщій шумъ и плескъ, а вмѣстѣ съ ними донесся и полноч-

ный бой ратушевыхъ часовъ. Рѣзкій звонъ то утихалъ, то раздавался такъ громко, что, казалось, часы били тутъ, на крышѣ харчевни.

Долго слышались удары протяжнаго боя и точно вторилъ имъ шумъ вздувавшейся Вислы. Казалось, пробилъ смертный часъ всему живому, и съ послѣднимъ ударомъ незнаомецъ, протянувъ руку, сказалъ:

— Вотъ она, ваша погибель! Милосердіе всемогущаго Бога да будетъ съ вами!

Въ то же мгновеніе нѣсколько дядовъ бросилось къ дверямъ. Блѣднѣе полотна, волосы дыбомъ, вернулись они и кричали:

— Спасайтесь, кто можетъ! Висла разлилась!

Поднялся шумъ, суматоха; каждый рвался къ дверямъ, къ окнамъ; бабы падали, кричали и стонали подъ ногами мужчинъ, а слуга шляхтича стоялъ у печки и хохоталъ, взявшись за бока, до упаду.

Наконецъ, весь этотъ сбродъ съ крикомъ и шумомъ повысыпалъ на улицу и комната опустѣла. Шляхтичъ обратился тогда къ своему слугѣ и велѣлъ ему покурить въ комнатѣ, а лошадей ввести въ сѣни. Самъ же началъ ходить взадъ и впередъ. Ни шуму воды, ни плеска волнъ не было уже слышно; только вѣтеръ гудѣлъ, да издали раздавались крики удравшихъ дядовъ.

Когда Куба¹⁾ покурить въ избѣ, шляхтичъ приказалъ ему постлать постель:

— Ну вотъ, намъ есть гдѣ пріютиться; мнѣ спать хочется; постели постель, да перевяжи голову этого дьяда.

— А когда перевяжемъ, что тогда? Оставить его здѣсь или на дворъ вынести?

— Пусть себѣ лежитъ, завтра будетъ здоровъ.

— Ой, хозяинъ, не лучше ли его вытащить вонъ?

— Дѣлай, какъ я велѣлъ! отвѣчалъ строго шляхтичъ.

Куба, ни слова не возражая, развязалъ чемоданъ, вытащилъ изъ него большой свертокъ и лосиную шкуру, постлалъ все на столъ и уложилъ барина. Когда тотъ заснулъ, Куба сходилъ за лошадьми, ввелъ ихъ въ сѣни и тогда только занялся дядомъ, который безъ чувствъ лежалъ на землѣ.

Предварительно онъ запустилъ руку въ кошну его, высыпалъ изъ нея все серебро и всю мѣдь и набилъ кошну углемъ, а затѣмъ сталъ перевязывать порядкомъ разбитое лицо Магеры.

¹⁾ Простонародное польское прозвище.

Смывъ водою всю кровь, Куба приложилъ къ ранѣ какой-то мази, затѣмъ, закрывъ двери на запоръ, придвинулъ къ нимъ дѣда, а самъ завалился подъ печкою.

Вотъ что дѣлалось въ Варшавѣ въ задушную ночь 1564 года.

II.

Жидъ Эдиди.

Подъ утро, на разсвѣтѣ, шляхтичъ и Куба были уже на ногахъ. Куба развелъ огонь и подогрѣлъ немного вина; вина же было вдоволь, такъ какъ дѣды, удирая, побросали все какъ было. Выпивъ вино, шляхтичъ оправился, велѣлъ Кубѣ осѣдлать коней и оба готовились уже отправиться въ путь, когда слуга вспомнилъ о раненомъ.

— А что станемъ мы дѣлать съ дядомъ, хозяинъ?

— Оставимъ здѣсь, пусть выспится; протрезвится—и будетъ здоровъ какъ бытъ.

И они поѣхали. Лошади были у нихъ превосходныя, черныя, какъ вороново крыло; у барскаго коня была на лбу бѣлая звѣздочка и такой же чулокъ на задней ногѣ. Это были, что называется, прекрасныя турецкіе бахматы ¹⁾, стройныя какъ дѣвы и выносливыя какъ литвины. Путники направились къ городу. День былъ пасмурный, угрюмый; только вѣтра, какъ наваунѣ, не было; дождь также пересталъ; слегка приморозило и мѣстами была даже гололедица.

Съ трудомъ поднялись они на гору къ костелу св. Маріи, и оттуда, черезъ Новый городъ, направились къ Новомейскимъ воротамъ, съ любопытствомъ осматриваясь по сторонамъ. День, какъ мы говорили, былъ пасмурный; на темномъ фонѣ тучъ угрюмо выдѣлялись башни и башенныя воротъ, по обѣ стороны которыхъ тянулась крѣпостная стѣна также съ вышками и бойницами. Изъ-за стѣны видѣлись городскія башни; первую бросалась въ глаза башня ратуши, высокая, стройная, украшенная рѣзьбою и колоннами; на жестяномъ флюгерѣ ея красовался гербъ города, сирена—извѣстное чудище, полуженщина, полу-

¹⁾ Бахматъ—верховая татарская степная лошадь.
Кн. VIII.—Августъ, 1881.

рыба. Дальше торчали крыши домовъ, еще дальше маленькая четырехугольная башенка костела отцовъ Августіановъ, а еще дальше большая, самая высокая башня Свентоянскаго костела ¹⁾. Башня эта царила надъ всѣмъ городомъ, какъ церковь должна властвовать надъ всѣмъ земнымъ.

Тогда башня эта отличалась красотою своею архитектурю; она начиналась надъ самымъ фронтомъ костела, высоко подымалась къ небесамъ, и своею рѣзбою, карнизами и лѣсомъ колонокъ походила на нѣмецкіе готическіе костелы. Изъ оконъ ея можно было видѣть добрую часть окрестностей—черные лѣса за Вислою и желтые мазовецкіе пески. Да и костель былъ самый большой и самый великолѣпный во всей Варшавѣ, а за нимъ возвышался королевскій замокъ, также изукрашенный башнями, башенками, зубцами ²⁾.

Вообще Варшава была и тогда довольно большимъ, красивымъ городомъ; не говоря уже о предмѣстьяхъ, которыя широко раскинулись вокругъ ея стѣнъ.

Знакомцы наши, вѣхавъ въ городъ, направились по Голэмбей и, миновавъ рынокъ и ратушу ³⁾, очутились на Свентоянской улицѣ, гдѣ стали оглядываться по сторонамъ, какъ люди, совершенно незнакомые съ городомъ. Улица была почти пустая; только около костела переминался съ ноги на ногу какой-то оборванецъ - дядь. Завидѣвъ ѣхавшихъ, онъ прикурнулъ къ стѣнѣ и, бормоча молитвы, зорко наблюдалъ за движеніями всадниковъ.

Послѣдніе, внимательно присматриваясь къ домамъ, шагомъ подвигались впередъ и остановились, наконецъ, передъ самымъ костеломъ. Тутъ только встрѣтили они какого-то горожанина, въ подбитомъ сѣрымъ барашкомъ плащѣ; опираясь на палку, онъ медленно шелъ къ рынку.

Шляхтичъ, обращаясь къ встрѣчному, остановилъ его:

— Скажи мнѣ, пожалуйста, почтеннѣйшій, гдѣ здѣсь домъ жида Эдиди?

¹⁾ Костель св. Яна (Іоанна), соборный костель, такъ называемый «Фари», теперь обновленъ; ни башни, ни вообще фронта въ такомъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ 17 столѣтіи, теперь нѣтъ; костель едва выдѣляется изъ массы прочихъ зданій.

²⁾ Въ прежнемъ видѣ сохранилась только часть замка надъ Вислою; со стороны города замокъ обезображенъ казарменною, казенною постройкою.

³⁾ Въ настоящее время ратуша находится не на рынкѣ стараго города, а на Театральной площади; построена въ шестидесятыхъ годахъ.

Дядь подь востеломъ навострилъ уши, продолжая усердно шептать молитву.

Горожанинъ отвѣчалъ:

— Да вотъ, дома черезъ два, поближе къ замку, гдѣ надъ дверями высѣченъ изъ камня корабль, тамъ и живетъ жидъ Эдиди; на костеръ бы его, басурманина, прибавилъ онъ вполголоса, собираясь идти своею дорогою.

— Еще вопросъ, почтеннѣйшій, кликнулъ шляхтичъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ остановясь мѣщанинъ.

— Хотѣлъ бы я еще знать; дома ли жидъ?

— Почему мнѣ знать? А впрочемъ, важется дома; я встрѣтилъ его еще вчера, онъ шелъ въ замокъ къ королю. Да постучитесь только, и узнаете, дома ли.

— Таеъ этотъ жидъ имѣетъ достуць къ королю? продолжалъ шляхтичъ свой допросъ.

— Говорять-то говорить, да я-то тутъ причеъъ? И поклонившись, онъ пошелъ дальше, бормоча про себя: «Баричъ видно; деньги идетъ занимать за жидовскіе проценты; впрочемъ, ну его! мнѣ-то какое дѣло? Любопытство, говорить, первый шагъ въ адъ».

Всадники тронулись дальше, а къ мѣщанину подскочилъ дядь и, осторожно оглядываясь по сторонамъ, облинулъ его:

— Вельможный пане райцо ¹⁾.

— Чего тебѣ? прикрикнулъ на него мѣщанинъ, — чуть свѣтъ, а ты ужь попрошайничаешь? Вчера, что ли, мало собралъ?

— Эхъ, панъ Гиза ²⁾, я вовсе не милостыню, сказалъ дядь, почесывая въ затылкѣ, — я только кой-что хотѣлъ сказать вашей милости вонъ о томъ шляхтичѣ.

— Ну, чтожъ ты хотѣлъ сказать?

— А то, что берегитесь; это чародѣй, черноовнижникъ.

При этихъ словахъ Гиза вдрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— А ты откуда это знаешь?

— Да ужь знаю, все знаю; я хотѣлъ уже предостеречь раньше, чтобы ваша милость съ нимъ не говорили, да нельзя было... Да, да, это самъ сатана!

— Господи Исусе Христе! перекрестился, озираясь, Гиза; — что ты говоришь?

¹⁾ Пане райцо звательный падежъ отъ панъ райца; райца, радца, вѣмецкій р а т м а нъ—совѣтникъ; такъ назывались члены городского совѣта.

²⁾ Гиза—простонародное прозвище.

— Да, такъ, умри я на мѣстѣ! Вчера вечеромъ прїѣхалъ онъ въ харчевню «Собачій хвостъ» на Рыбакахъ¹⁾, знаете? Вода подошла, мы едва ноги унесли, а онъ остался, и живъ вѣдь, колдовство значитъ; вѣдь вода колдуновъ не беретъ. А видѣли вы его коня?—черный. Прости Господи, конь этотъ—самъ нечистый!

Мѣщанинъ дрожалъ и крестился.

— Да вотъ еще въ жиду ѣдетъ, продолжалъ дядъ;—знаютъ же люди, что такое жидъ. Нѣтъ, это не просто; быть обѣдѣ!

— Господи Иисусе Христе! Сохрани и помилуй! простоналъ Гиза;—чтоже дѣлать-то?

— Гм, промычалъ дядъ, тревожно озираясь вокругъ;—а вотъ что: лучше всего идти въ ратушу, созвать совѣтъ и велѣтъ стражникамъ взять черно книжника, да и на костерь его.

Гиза уже ничего не отвѣчалъ, только, подобравъ полы, побѣжалъ въ ратушу, а дядъ, еще разъ оглядѣвшись вокругъ, пробормоталъ:

— Ну, мнѣ пора въ костель; тамъ колдунъ меня не достанетъ и ничего мнѣ не сдѣлаетъ. И онъ вошелъ въ церковь.

Между тѣмъ всадникъ стоялъ уже передъ домомъ жида, а Куба неистово стучался въ двери. Домъ былъ небольшой, двухэтажный, очень узкій; на улицу выходило всего три окна, но постройка была крѣпкая и очень старая. Окна были узкія, глубокія, съ крѣпкими рѣшетками. Двери также узкія, желѣзныя, обованныя гвоздями.

Надъ дверями, на каменной плитѣ, былъ искусно высѣченъ корабль, съ распущенными парусами, а подъ нимъ горою подымались волны и была надпись: «*per aspera ad astra*». Надпись эта какъ-бы говорила о тайныхъ, упорныхъ стремленіяхъ жителей дома къ земному величію. На крышѣ возвышались три каменныхъ же шпица, которые, конечно, не имѣли никакой практической цѣли, а служили только украшеніемъ дома. Однимъ словомъ, домъ былъ построенъ какъ крѣпость; стѣны были полтора-локтевые, много было желѣза и рѣшетокъ, а въ дверяхъ два отверстія, прикрытыя сзади желѣзными ставнями, изъ-за которыхъ можно было поражать непріятеля.

Долго стучался Куба въ двери, пока наконецъ поднялась одна изъ ставень и строгій, угрюмый голосъ спросилъ:

¹⁾ Рыбаки—улица въ нижнемъ городѣ, надъ Вислою; была населена рыбаками.

— Кто тамъ?

— Здѣсь живетъ Эдиди? отозвался всадникъ.

— Здѣсь; а что вашей милости надо?

— Ну же! Не стану я разговаривать съ тобою на улицѣ; отвори двери!

— Но кто вы такой?

— Куба, скажи ему, кто я, привазалъ шляхтичъ, слугъ.

Слуга нагнулся и шепнулъ что-то въ отверстіе, послѣ чего немедленно послышался скрипъ и визгъ замковъ и засовъ.

— Э, э! заворчалъ Куба;—этотъ собака жидъ живетъ какъ въ крѣпости.

Тѣмъ временемъ двери отворились настежь и въ темныхъ сѣняхъ показался высокій мущина въ желтомъ халатѣ и бѣлой чалмѣ; въ тѣ времена жида носили турецкія чалмы. Жидъ этотъ не былъ похожъ на зауряднаго жида; его бѣлая борода и гордая осанка придавали ему видъ сенатора. Изъ-подъ густыхъ, сѣдыхъ бровей сверкали два черныхъ, пронизательныхъ глаза; носъ у него былъ орлиный, а губы поддергивались презрительною усмѣшкою.

Онъ стоялъ въ дверяхъ въ своемъ шелковомъ жупанѣ и смотрѣлъ на шляхтича, который, слѣзши съ коня, вошелъ въ сѣни.

— Ты Эдиди?

— Я, а что?

— Да ничего; мнѣ надо переговорить съ тобою.

— Денегъ у меня нѣтъ, пане Твардовскій ¹⁾; ломанаго гроша у меня не найдете.

— Ты хорошо знаешь, что денегъ мнѣ не надо; золота у меня вдоволь ²⁾... А что, можно ввести сюда лошадей?

— Ны ³⁾! Почему нѣтъ?

— Куба, введи лошадей, сказалъ Твардовскій и пошелъ было впередъ, но тотчасъ же остановился и спросилъ:—гдѣ же ты живешь? Здѣсь темно, хоть глазъ выколи.

¹⁾ Панъ Твардовскій, польскій Фаустъ, герой многихъ народныхъ сказокъ и преданій. Сюжетъ этотъ подвергался много разъ литературной и сценической обработкѣ. «Панъ Твардовскій» поэма въ стихахъ, начатая Мицкевичемъ, окончена Одмицеиъ. Подъ тѣмъ же именемъ ставится на польскихъ сценахъ фантастическій балетъ.

²⁾ По народнымъ преданіямъ Твардовскій то дѣлалъ золото самъ, то продалъ чорту душу за нестоимый кошелекъ, то непосредственно вызывалъ его чарами на поверхность земли.

³⁾ Ны—междометіе часто и теперь еще употребляется польскими жидами.

— А вотъ сейчасъ я проведу; дайте только запереть двери. Когда Куба ввелъ лошадей, жидъ закрылъ двери и пригласилъ за собою гостя.

Они поднялись по узкой и темной лѣстницѣ; жидъ шелъ впереди, но каждую минуту оглядывался, ворча что-то подъ носъ по-жидовски. Первая комната была зала въ два окна, которыя выходили на Свентоянскую улицу; сквозь окна видѣлся Свенто-Янскій костель съ своею стройною высокою башнею. Жидъ былъ блѣденъ и, съ выраженіемъ глубокаго почтенія, смотрѣлъ на Твардовскаго.

Комната, въ которой они стояли, была большая и пустая; кромѣ стола, да дубовыхъ лавокъ по стѣнамъ, ничего въ ней не было. Не смотря на это, она поражала своимъ великолѣпіемъ. Стѣны, отъ пола до потолка, терялись въ складкахъ дорогой узорчатой турецкой каменн; она одна стояла много тысячъ; потолокъ, двери, окна были украшены искусною рѣзбою, какъ въ королевскихъ или магнатскихъ дворцахъ. Косяки розоваго мрамора скваны были затѣйливою металлическою рѣзбою. Посреди потолока, выложеннаго рѣзными досками изъ чернаго дуба, какой-то живописецъ нарисовалъ полчища Фараона, тонущія въ Черномъ морѣ. Но лучше всего былъ паркетъ, изъ такого же мрамора, какъ косяки оконъ и дверей; а на каминѣ стояли часы; въ тѣ времена они были въ Польшѣ рѣдкостью и стоили очень дорого. Надъ часами, какъ символъ времени, висѣла фигура Сатурна, старика съ косою и песочными часами.

Въ комнатѣ было темно и холодно, пахло сыростью и затхлымъ духомъ.

Жидъ униженно поклонился, но остановился поодаль, а когда Твардовскій подходилъ, онъ старался уйти отъ него, какъ отъ зачумленнаго.

— Гм! холодненько у тебя, какъ на псарнѣ, милѣйшій! сказала, оглядѣвшись, Твардовскій.

— Что же дѣлать! Комнатъ много, развѣ я могу отапливать весь домъ; времена теперь тяжелыя.

Твардовскій усѣлся.

— Ну ужъ кому-кому, а тебѣ не пристало жаловаться; самъ по уши въ золотѣ сидишь, какъ мой кумъ Борута въ Ленчицкомъ замкѣ... знаемъ мы...

Жидъ тревожно оглянулся по сторонамъ.

— Ну! Великій учитель! Зачѣмъ говорить? Не ровень часъ, далеко ли до бѣды? Ай, вай! прибавилъ онъ и зачмокалъ губами, сдѣлавъ недовольное лицо.

Твардовский промолчалъ, какъ-бы не разслышавъ словъ жида; онъ упорно смотрѣлъ на каминъ, на часы, а потомъ, обратившись къ жиду, сказалъ:

— Ступай, затопи теперь печь; мнѣ холодно, мерзнуть я не хочу, а переговорить надо мнѣ съ тобою о многомъ. Вчера я тащился цѣлый день по отвратительнымъ дорогамъ и порядкомъ прозябъ. Ну же! ступай, затопи!

Жидъ не отвѣчалъ ни слова; онъ низко поклонился, вышелъ и тотчасъ же вернулся со старою жидовкою, которая внесла вязанку дровъ, затопила каминъ и ушла.

Твардовский придвинулъ къ огню скамейку и усѣлся.

— Ну-съ, такъ первымъ дѣломъ скажи мнѣ, Эдиди, въ Варшавѣ ли король?

— Въ Варшавѣ. Гдѣ же ему быть-то?

— Ну, а какъ тамъ дѣла, въ замѣ-то? Все рассказывай! Затѣмъ только я и прїѣхалъ, чтобы разузнать всю подноготную; а отъ кого же, какъ не отъ тебя вывѣдать можно?

— Что я?.. я бѣдный жидъ... откуда мнѣ знать? я ничего не знаю, я торгую... какое мнѣ дѣло до великихъ людей, до короля... ай, вай!

Твардовский оглянулся, посмотрѣлъ на жида, и строго прикрикнулъ на него:

— Не ври, говорю я тебѣ! Не знаю я, что-ли, какую роль ты играешь въ замѣ? Ну, развязывай языкъ!

— Ясновельможный учитель, не сердись, я все скажу, ай, вай, какой горячій! спохватился жидъ, чмокая губами.

— Говори мнѣ теперь, что Зайонковская все еще тамъ?

— А какъ же! какого ей рожна уходить-то? Теперь она большая барыня, страшная барыня... всѣмъ ворочаютъ она и панъ Мнишекъ.

— А-а, промчалъ Твардовский,—а тебѣ да Мнишку и на руки, что Зайонковская развельможилась? Что, правда?

— Ей-ей, нѣтъ, вельможный учитель! Я не лгу, я правду говорю; эта Зайонковская намъ поперегъ горла стала.

— Вотъ тебѣ на! скажите на милость! да ты же самъ сводничалъ ее королю? Чѣмъ же она тебя такъ разогорчила?

— Ну что-жь, я, такъ я! Только когда я ихъ сводилъ, она была себѣ скромненькая шляхтяночка при дворѣ королевы Анны, тихая, воды не замутишь; а теперь фря такая, что и-и!

— А король? По прежнему ее жалуетъ?

— Что король, того я не знаю; только мнѣ сдается, что

она и королю надѣла. Заѣлась какъ крыса, да и лицомъ-то... ай, вай!

Твардовскій молчалъ и всматривался въ кровавые огненные языки, которые лизали стѣнки камина и слабо освѣщали почти темную комнату. Жидъ стоялъ у окна, съ безпокойствомъ вперивъ глаза въ своего гостя. Такъ прошло болѣе получаса.

— Вѣдь и у тебя дочь есть, очнулся Твардовскій,—и, говорить, красавица?

Жидъ поблѣднѣлъ; но, овладѣвъ собою, онъ отвѣчалъ съ притворнымъ равнодушіемъ:

— Дочь? что моя дочь? бѣдная жидовочка... нечего и словъ терять.

Твардовскій оглянулся, пытливо посмотрѣлъ на жида и опять задумался. Жидъ все стоялъ у окна и съ нетерпѣніемъ подергивалъ свою бороду. Вдругъ до ушей ихъ донесся колокольный звонъ; онъ громко гудѣлъ вдоль узкой, тихой улицы. Жидъ посмотрѣлъ въ окно.

— Гдѣ это звонятъ? спросилъ Твардовскій.

— На ратушѣ, отвѣчалъ жидъ;—ссылаютъ городской совѣтъ. Только зачѣмъ?

Твардовскій всталъ и большими шагами сталъ мѣрить комнату вдоль и поперекъ, а жидъ поминутно посматривалъ въ окно; колоколь все звонилъ, да звонилъ.

— Сегодня нѣтъ засѣданія, что-бы это было? проворчалъ жидъ;—чего ихъ зовутъ такъ рано?

— Слушай, жидъ! обратился къ нему вдругъ Твардовскій. Но жидъ не слушалъ и все смотрѣлъ въ окно.

— Эдиди! кликнулъ его тотъ вторично,—слушай же!

— Ну, что-жь это такое? Зачѣмъ совѣтъ? Зачѣмъ такъ звонить? шепталъ жидъ.

— А ну ихъ къ чорту! вспылилъ Твардовскій,—будешь ты слушать, нехристь ты?

Жидъ обернулся.

— Слушаю, слушаю, господинъ; да зачѣмъ они звонятъ-то? Что это значить?

— А, чтобъ ты... тебѣ-то какое дѣло? Пусть себѣ звонятъ, хоть до втораго пришествія; слушай, наконецъ!

— Ну! слушаю.

— Вотъ что... началъ Твардовскій и опять замолчалъ, продолжая ходить взадъ и впередъ.

Колокольного звона уже не было; съ улицы доносился глухой шумъ; въ комнатѣ же было тихо, такъ что слышались

только мёрные шаги Твардовскаго и трескъ дровъ на очагѣ.

— Такъ вотъ что... снова началъ Твардовскій,—скажи мнѣ, кто такая Гижанка?

— Гижанка?.. обомлѣлъ жидъ.—Гижанка—это дочь варшавскаго ратмана, казначея, богача. Ну? а зачѣмъ вамъ она?

— Да ты ужъ знаешь зачѣмъ... тебѣ-ли не знать?.. Скажи мнѣ, какова она собой-то?

— О-о-о! красавица дѣвка!.. ай, вай! ей бы панной родиться!

— М-м... а гдѣ же она?

— Она... она... заикался жидъ,—она въ монастырѣ; монашени стерегутъ.

— Какія монашени?

— Бернардинки... подлѣ замка.

— Можно ее видѣть?

— Ой, это трудно... очень трудно...

— Лжешь, собака! крикнулъ Твардовскій и глаза его сверкнули какъ два угля;— я знаю, ты ходишь туда, товарѣ носишь.

— Ай, вай! всполохился жидъ,—зачѣмъ, вельможный учитель, такъ сердиться? Ну да, правда, я ношу имъ товары; но вѣдь я всюду ношу, вѣдь это мой гешефтъ... Чѣмъ мнѣ жить, если не торговать? я не шляхтичъ, не вельможа, я не могу не промыслять.

Пока жидъ говорилъ, Твардовскій стоялъ передъ каминомъ и смотрѣлъ въ огонь; наконецъ, онъ перебилъ жида:

— Сегодня, подъ вечеръ, ты сведешь меня въ монастырь и покажешь Гижанку, вотъ тебѣ сказъ. А теперь согрѣй вина, мнѣ холодно; до завтра я твой гость... лошадямъ овса дай!

Эдиди слушалъ точно пришибленный, но не возражалъ.

— Все исполню, господинъ, сказалъ онъ, низко кланяясь, и вышелъ.

На томъ разговоръ и кончился.

III.

Мужни трехъ сословій.

Пока Твардовскій разговаривалъ съ жидомъ, Гиза—городской гласный и казначей, успѣлъ впопыхахъ, весь въ поту, добѣжать до ратуши; хотя день былъ холодный, да самъ онъ

былъ человекъ тучный и здоровый. Торопливо ввалился онъ въ залу совѣта и спросилъ, здѣсь-ли бургомистръ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Гиза тотчасъ отправился къ нему, усѣлся, и, расноясавшись, началъ:

— Братъ родной! бѣда стряслась!

Бургомистръ былъ съ виду человекъ представительный, высокаго роста и съ осанкою сенатора. Звали его Григоріемъ Барычкой. Вся Рѣчь Посполитая знала его, потому что въ 1539 году онъ собственными руками перенесъ изъ Нюренберга чудотворную статую Иисуса Христа, которую поганые еретики нѣмцы вышвырнули изъ костела.

Въ настоящую минуту на немъ былъ зеленый испанскій плащъ, какіе тогда носили въ Польшѣ, а сверхъ него была наброшена турецкая бурка на легкомъ мѣху. Человекъ онъ былъ сѣдой, сановитый, подбритый по-польски ¹⁾, бородастый и усатый, опирался на палку, а съ боку прицѣплена была коротенькая сабля.

Когда Гиза осиплымъ голосомъ сообщилъ ему свою новость, бургомистръ съ важностью спросилъ его, въ чемъ дѣло.

— Большое несчастье, говорю я; а ужъ если я говорю что большое несчастье, такъ вѣрно такъ, умри я на мѣстѣ!..

При этомъ Гиза съ ужасомъ озирался по сторонамъ и утиралъ потъ.

Бургомистръ сѣлъ.

— Скажите-же мнѣ, панъ и братъ, что случилось; умеръ ктонибудь или, можетъ быть, избави Боже, пожаръ? началъ онъ.

— Хуже того, хуже, говорю я... ей-ей, влянусь головою! Вѣдь вы знаете, человекъ я бывалый; хоть въ нѣметчинѣ и не былъ, да знаю и Краковъ, и Гданскъ ²⁾, и Вильно... никогда еще такихъ страховъ, какъ сегодня, я не видывалъ... быть бѣдѣ, я ужъ знаю!

— Да ну-же, въ чемъ дѣло? настаивалъ Барычка.

— Скажу, скажу; духъ вотъ переведу... бѣжалъ я какъ ошпаренный... человекъ я старый... Не изъ одной печи хлѣбъ ѣлъ, многое на свѣтѣ видѣть случалось; бѣда будетъ, говорю я; это вѣрно, не даромъ я Гиза...

¹⁾ Поляки брили голову какъ малороссы, только не такъ сильно; выбривали виски и часть затылка.

²⁾ Гданскъ — Данцигъ.

— Пане брате! перебилъ его Барычка, — коли такъ переливать изъ пустаго въ порожнее, толку не будетъ. Большая бѣда, говорите вы? Нужна значить, скорая помощь, такъ живѣй, къ дѣлу!

— Сейчасъ, сейчасъ, отдохну только; все, какъ на ладони, представлю. Вотъ видите-ли: выхожу я изъ дому, купить на рынкѣ матеріи женѣ своей на юбку, хочу скорняку Ланцбарку отдать подбитъ барашкомъ, зима вѣдь на носу... а тутъ, у Свентоянскаго костела, останавливаетъ меня какой-то шляхтичь, верхомъ, лошадь турецкая, и спрашиваетъ. Надо сказать, что шляхтичь одѣтъ былъ не по нашему; не мало случилось мнѣ видѣть людей и шляхты, недаромъ былъ я въ Краковѣ на коронаціи королевы Барвары (помяни ее Господь во царствіи своемъ), знаю я, какъ паны одѣваются; а если я говорю что нѣ такъ, такъ не такъ, не зовись я Гизой...

— Ну, и что же этотъ шляхтичь? перебилъ его Барычка.

— А то, что странный и совсѣмъ необыкновенный шляхтичь. И конь его, доложу вамъ, черный какъ смоль, и только звѣздочка бѣлая на лбу, да чулокъ на задней ногѣ, а это большая рѣдкость: я знаю толкъ въ лошадяхъ; въ молодости, при покойникѣ отцѣ моемъ (царствіе ему небесное) я торговалъ лошадьми и вопѣйку себѣ сколотилъ... я знаю лошадей... а коли я говорю что такъ, такъ такъ оно и есть, не зовись я Гизой...

— Знаемъ мы, знаемъ, братъ родной! А шляхтичь-то что?

— Да... шляхтичь... что я сказалъ?... да, шляхтичь... но лошадь-то, лошадь его, еще чуднѣе самаго шляхтича. Лошадь стояла, а изъ ноздрей и рта сыпались искры, и дымъ валилъ клубами, а глаза свѣтились какъ у волка... Ну да, такъ, такъ, пане брате; такъ говорю я, а если я говорю что такъ...

— Чтѣ, чтѣ ты говоришь? искры сыпались? всполохился Барычка.

— Такъ... искры! какъ въ кузницѣ, и сѣрымъ дымомъ пахло... не зовись я Гизой!..

— Господи Іисусе Христе! да вѣдь это былъ самъ нечистый! воскликнулъ Барычка.

— Да, и мнѣ такъ кажется; а если мнѣ такъ кажется, такъ, такъ и есть. Кому же знать, какъ не мнѣ: не изъ одной печи хлѣбъ я ѣдалъ и не перваго чорта видѣлъ. Развѣ подъ Краковымъ на Кшеменкахъ не самъ дьяволъ? да какой еще!

въ жупанѣ и фѣризи, какъ по писаному... Ого! Знаемъ мы! Вѣдь недаромъ...

— Да скажи же мнѣ, о чемъ онъ съ тобой разговаривалъ?

— Да вотъ и то... спрашивалъ, гдѣ домъ жида Эдиди. Извѣстно, нечистый всегда къ невѣрнымъ льнетъ; я знаю, я не изъ одной печи хлѣба поѣлъ...

— Ну, а ты ему что на это?!..

— А я что? Перетрусилъ, крестное знаменіе потихоньку сдѣлалъ и показалъ, гдѣ живетъ нехристь жидъ; онъ и поѣхалъ, а я на рынокъ пошелъ. Только тутъ подскочилъ ко мнѣ дядь, Анткомъ ¹⁾ зовутъ, подъ костеломъ всегда сидитъ... я его было того, а онъ за мной. Пане, говоритъ, шляхтичъ этотъ чародѣй; вчера въ харчевнѣ «Собацій хвостъ» дядовъ разогналъ, сказалъ, что Висла разлилась... Ого! знаю я такихъ господчиковъ! если ужъ пожаловалъ къ намъ, быть бѣдѣ!.. я не спроста, говорю; не даромъ я Гиза...

— Какъ тутъ быть? Что дѣлать? повторалъ Барычка, шагая по комнатѣ, встревоженный и перепуганный.

— Да я къ вамъ не съ голыми же руками пришелъ, началъ опять Гиза, а съ готовымъ совѣтомъ, какъ и что дѣлать съ такою поганью. Головы у меня, что ли, на плечахъ нѣтъ? Да, знаю я, что дѣлать! А если я говорю что знаю, такъ это вѣрно, какъ то, что зовутъ меня...

— Ну чтоже, чтоже дѣлать, говори! понукалъ Барычка, остановившись.

— Что дѣлать? А вотъ что: во первыхъ, ударить въ набатъ и созвать всѣхъ собратьевъ, всѣхъ трехъ сословій, какъ слѣдуетъ, а потомъ, когда расскажем имъ что и какъ, напишемъ указъ, чтобы взять чернокнижника; возьмемъ его, костеръ разложимъ на площади и сожжемъ. И по дѣломъ имъ, чернокнижникамъ, чтобы бѣдъ на людей не накликали, вотъ что!

Барычкѣ совѣтъ этотъ не больно понравился; онъ еще больше замаялся.

— Что на умѣ, то и на языке! сказалъ онъ Гизѣ;—а если чернокнижникъ дворянинъ? Развѣ мы можемъ вязать шляхтича, да своею властью казнить его смертью? Да и кто можетъ сдѣлать это безъ суда? Этого и самъ король сдѣлать не можетъ, а не то что бургомистръ старой Варшавы.

¹⁾ Антекъ—уменьшенное отъ Антоній.

— Вотъ тебѣ на! вспылить Гиза;—законовъ Рѣчи посполитой я не знаю, что ли? Изъ одной печи, что ли, я хлѣбъ ѣлъ? Бока на полатяхъ отлежалъ? Правъ своихъ не вѣдаю, можетъ быть? Былъ я и въ Краковѣ, и въ Гдансѣ, тамъ Val-tisum видѣлъ и знаю что и какъ. Если ужъ я говорю что такъ, такъ такъ! А вамъ скажу я, пане брате, что не знаете, что знать должны, вотъ что!..

— Какъ такъ не знаю? скажите пожалуйста! обидѣлся Барыча.

— А такъ не знаете! Не знаете, что чернобнижникъ все равно что опальный, что висѣльникъ; каждый его взять можетъ, каждый можетъ убить. Я это знаю, вѣдь я...

— Если такъ, такъ давай ихъ сюда, нашихъ ратмановъ сказалъ Барыча;—пусть узнають, что у насъ завелось.

Тотчасъ же позвалъ онъ холопа и велѣлъ ударить въ колоколъ, что на ратушѣ. Колоколъ загудѣлъ и звонъ его, какъ мы видѣли, удивилъ и встревожилъ Эдиди.

И вотъ собрались всѣ думные граждане въ ратушу, удивленные и встревоженные неожиданнымъ зовомъ. Въ числѣ ихъ было много лучшихъ людей: Фузеръ, деверь Гизы, также Чамеръ, Войтехъ Барыча—братъ бургомистра, Витгофъ, Ланцбаркъ и много другихъ ¹⁾.

Когда всѣ заняли свои мѣста, бургомистръ выяснилъ имъ дѣло, по поводу котораго созванъ совѣтъ, и просилъ подать голоса, какія слѣдовало бы принять мѣры.

Первый заговорилъ Фузеръ, человекъ уже немолодой, одѣтый въ нѣмецкое платье:

— Удивляюсь, и опять удивляюсь, чего ради было дѣлать такой переполохъ, сзывать насъ съ такимъ гвалтомъ, точно турки или татары подошли подъ Варшаву; и вся кутерьма затѣяна изъ-за того, что Гиза встрѣтилъ на Свентоянской улицѣ какого то шляхтича, который спрашивалъ, гдѣ живетъ Эдиди! Что же тутъ необычайнаго? Развѣ никому не случалось встрѣчать на улицѣ людей, незнакомыхъ съ городомъ, которые спрашиваютъ, требуютъ указаній? Гиза говоритъ — чары... ну, положимъ, мало ли что дѣлается на свѣтѣ; допустимъ, что есть колдовство; да здѣсь-то я ничего не вижу сверхъес-

¹⁾ Первыя городскія поселенія въ Польшѣ были основаны нѣмцами; поселенія было даровано Магдебургское право. Этимъ объясняется множество нѣмецкихъ, совершенно впрочемъ ополячившихся фамилій въ числѣ именитыхъ, древнѣйшихъ мѣщанскихъ и купеческихъ семействъ.

тественнаго. Скажу вамъ прямо, панове: мнѣ кажется, что шляхтичъ братъ вовсе не чернонижний, и что все дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ...

Гиза вскочилъ точно ужаленный.

— Вотъ-те философъ какой нашелся! Пошлялся по нѣмецкѣ, нахватался разныхъ новшествъ, которыя теперь всю Рѣчь Посполитую заражаютъ, да и толкуетъ намъ, что чаръ нѣтъ! Изъ одной печи, что-ли, я хлѣбъ, говорю, ѣлъ, что не знаю, что говорю? А если я говорю, такъ это такъ, не зовись я Гизой...

— Гм... началъ Витгофъ,—дѣйствительно не случилось ничего такого, что бы указывало на колдовство; мнѣ также кажется, что насъ напрасно созвали... Таково мое мнѣніе; можетъ быть я и не правъ, почему знать...

— Будто бы? горячился Гиза. — Никакъ и взаправду ты думаешь, что правъ? Ты лютеранинъ... тебѣ все шиворотъ на выворотъ кажется...

— А ты чего къ вѣрѣ-то цѣпляешься огрызнулся Витгофъ.—Ты олухъ папскій, а я вѣдь къ тебѣ не привязываюсь, хотя бы слѣдовало.

— А мой совѣтъ таковъ, отозвался Чамеръ: — разоидетесь-ка по домамъ и оставимъ шляхтича въ покоѣ, вотъ вамъ Богъ...

— Ишь! Бога приплетать вздумалъ, а самъ съ тѣмъ итальянцемъ, съ Монтелупи, вѣру новую измышляетъ! Не то лютеранскую, не то кальвинскую, не то аріанскую, чудовищную какую-то, взѣлся Гиза.

— Эй, Гиза! буркнулъ Витгофъ, — чего въ чужую душу носъ суешь! скверно, братъ!

Но Гиза уже не владѣлъ собою.

— Носомъ меня попрекать вздумалъ, еретикъ безбожный! Я тебѣ носъ-то утру! А, что-бы вы всѣ передохли, лютры вы, кальвины, безбожники!..

— Господа, вмѣшался строгимъ тономъ бургомистръ, — успокойтесь! на что это похоже, ссориться въ совѣтѣ! Какой подаете вы примѣръ городу, вы, его думцы!

Всѣ успокоились. Барычка продолжалъ:

— На то, что я созвалъ васъ, была важная причина; дѣло совѣмъ не такое пустое и вздорное, какъ вамъ кажется. Послушайте, что сказалъ объ этомъ шляхтичъ одинъ дядь... ну же, Гиза, рассказывай.

Гиза рассказалъ.

— Мнѣ сдается, началъ опять Фузеръ, — что вчерашнее наводненіе — враки; былъ задушный день, дяды напились и плетутъ теперь небялицы.

— Вотъ видишь, Фузеръ, какой ты нехристь: нахвотался лютерскихъ новинокъ, да и думаешь, что всю мудрость постигъ, зарядилъ Гиза, — а не тутъ-то было! Я много на вѣку своемъ видѣлъ, и знаю, что правда, что ложь; былъ я вѣдь и въ Гданскѣ, и въ Краковѣ, и даже въ Вильнѣ, и что знаю, то знаю... А ты, братъ бургомистръ, вели привести сейчасъ дядя, Антека, пусть самъ расскажетъ.

— Хорошо! сюда его, дядя! крикнули всѣ.

Послали стражниковъ, и черезъ нѣсколько минутъ дядѣ предсталъ передъ городскимъ совѣтомъ. Онъ хлопалъ глазами и изумлялся, точно не зналъ, зачѣмъ его вызвали.

Бургомистръ Барычка сталъ допрашивать дядя.

— Ты зовешься Антекъ?

— Я, милостивецъ ты нашъ, я Антекъ.

— Расскажи же намъ, да не ври, какое такое наводненіе было у васъ, вчера, у харчевни «Собачій хвостъ»? Ну, пошевеливайся!

— Мм... кормилецъ, бормоталъ дядѣ, — чудеса тамъ творились и колдовство было воочию. Говорить боюсь, съ чародѣями шутить плохо; того гляди, псомъ или свиньею меня обратитъ, это дѣло заурядное. А хуже всего, что самъ колдунъ въ городъ и живетъ у жида Эдиди.

— Дуракъ! обозвалъ его Фузеръ; — ничего съ тобою не стнется. А не будешь говорить, такъ на то у насъ есть мастеръ своего дѣла, запустить тебѣ клинья за ногти, такъ, небось, соловьемъ запоешь.

Дядѣ вскинулъ изъ подлобья глазами на Фузера и началъ:

— Ну хорошо, расскажу все по-истинѣ, какъ на исповѣди. Пошли мы, дяды, вечеромъ, когда стали гасить огни, въ харчевню «Собачій хвостъ»; балъ дядовскій хотѣли себѣ, по обычаю, устроить; а тутъ, когда уже перевалило за полночь, поднялась страшная буря и вѣтеръ вылъ, какъ стая волковъ. Ужинъ былъ у насъ не ахти-какой, денегъ маловато собрали на задушкахъ, времена трудныя...

— Лжетъ-то какъ, проворчалъ Витгофъ.

— Лжетъ! завопилъ Гиза, — а ты-то самъ? далъ ты ему хоть грошъ за упокой души отца своего? Царствіе ему небесное, хорошій былъ человекъ, настоящій католикъ, не то что ты, еретикъ паскудный!..

— Держи рыло, Гиза, тебѣ я говорю, осадилъ его Витгофъ, потерявъ терпѣніе.

— Провалиться тебѣ, окаянному! заревѣлъ въ отвѣтъ Гиза; рыло держать! приказывать мнѣ вздумать! А вотъ же тебѣ: еретики ты, и basta!

— Господа, успокойтесь! раздался голосъ Барычки.

Гиза обернулся.

— Пане бургомистръ, исполняй долгъ свой, у насъ есть законъ, *lex ducalis*; онъ велитъ убивать еретиковъ рукою палача и сжигать на кострѣ. На костеръ Витгофа, на костеръ, говорю я! Рѣчи его—отрава, ядъ ереси, не зовись я Гизой!

Поднялся гвалтъ. Фуверъ, Витгофъ, Чамеръ, Ланцбарекъ и другіе диссиденты накинулись на Гизу:

— Такъ ты костромъ намъ грозить вздумать, палача намъ сулишь, собачій ты сынъ! Покажемъ мы тебѣ ужю палача! Мы граждане Рѣчи Посполитой и не про насъ припасенъ топоръ, да плаха... типунъ тебѣ на языкъ!

Они окружили Гизу, грозили ему кулаками, а нѣкоторые схватились за сабли. Барычка же бѣгалъ отъ одного въ другому, просилъ успокоиться, простить Гизѣ; у него-де языкъ долготъ; что въ головѣ, то и на языкѣ; а человекъ онъ добрый, душа-человекъ.

Кое-какъ успокоились и Барычка, возсѣвъ на своемъ курьельномъ креслѣ и распустивъ кушакъ, началъ:

— Какой срамъ, что *patres patriae*, отцы отечества, граждане нашей Рѣчи Посполитой, ссорятся, какъ старыя торговки, что сидятъ въ будвахъ подъ ратушею... какой соблазнъ для людей!

— Чего-жъ онъ ко мнѣ пристааетъ! буркнулъ Фуверъ.

— Ну, говори! что тамъ еще? да живѣе! прикрикнулъ Барычка на дядя.

— Вѣдмъ мы, значить, убогенькій нашъ ужинъ, продолжалъ дядя, — а тутъ, какъ рванетъ вѣтеръ, какъ дунетъ въ избу огнемъ и дымомъ! Двери отворились, точно громомъ въ нихъ ударило, и вошелъ чернокнижникъ, тотъ самый, съ которымъ панъ казначей разговаривалъ у костела. Изъ глазъ у него сыпались искры и... (дядя безпокойно осмотрѣлся по сторонамъ) это самъ нечистый, говорю я, самъ антихристъ! Я перекрестился и смотрю, что будетъ дальше; а онъ вздрогнулъ и сейчасъ къ намъ... Магера, знаете, охочъ до драки; видитъ, что шутки плохи, давай на встрѣчу; такъ тотъ только пальцемъ повелъ и Магера повалился, весь въ крови. Мы всѣ струхнули, а онъ

громкимъ голосомъ говоритъ: «бѣгите, вода подымается и зальетъ васъ». Я прислушался—и впрямь вода будто идетъ, шумитъ, рвется на насъ, какъ бѣшеная. Недолго думая, мы ударились бѣжать, а она за нами, и такъ до Новомейскихъ воротъ; тогда только и попритихла... Вотъ вамъ вся истина.

Дядь замолеъ и водворилась глубокая тишина. Всѣ задумались надъ рассказомъ дяди, а бургомистръ кивнулъ ему головою и сказалъ:

— Ступай и жди, когда позовемъ—придешь.

Дядь поклонился и послушно вышелъ.

— Что же дѣлать, панове? спросилъ бургомистръ.

— Какъ что? закричалъ Гиза,—послать стражу, связать чародѣя, пытать его, а потомъ на костеръ. Кому знать, какъ не мнѣ? Не изъ одной печи я хлѣбъ ѣлъ; знаю, что дѣлать съ колдунами... такъ на всемъ свѣтѣ дѣлаютъ. Былъ я и въ Нюрнбергѣ...

Всталъ и Фуверъ.

Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Гиза напрасно горячится. Мы не сеймъ, мы не король, а только мѣщане, и не имѣемъ права схватить шляхтича. Панове! Развѣ вы не знаете, что посягательство на права шляхтича пахнетъ головою? И чего ради? Гдѣ же это слыхано? Оборванецъ какой-то, дядь изъ-подъ костела, говорить, что шляхтичъ колдунъ, а мы сейчасъ и за оружіе. Такъ дѣла не дѣлаются. Я не спорю, этотъ шляхтичъ, быть можетъ, и чародѣй, какъ другіе чародѣи; а все же захватить его безъ суда... ай, ай! осторожнѣе господа! Подождемте! Ясновельможный панъ маршалъ теперь въ отлучкѣ, но, говорятъ, скоро вернется; пусть онъ разсудитъ.

— Добрый совѣтъ! Добрый совѣтъ! Подождемъ! подхватило нѣсколько голосовъ, и, не смотря на крикъ и проклятія Гизы, рѣшили оставить шляхтича въ покоѣ, хоть бы до прїѣзда маршала двора.

Затѣмъ всѣ думцы разошлись по домамъ. Такъ окончилось пресловутое засѣданіе.

IV.

Синьоръ Гентилисъ.

Когда Магера, котораго мы оставили въ харчевнѣ «Собачій хвостъ», протрезвился и выспался, онъ всталъ, осмотрѣлся по сторонамъ и плюнулъ.

«Тыфу ты! Что со мною дѣлается?» сказалъ онъ.

И вотъ, припомнилась ему вчерашняя ночь, вспомнилъ онъ задушки, балъ ядовскій, потомъ загадочнаго шляхтича, и какъ тотъ ударилъ его по головѣ; помнилось ему, что онъ упалъ, а затѣмъ все подернулось мракомъ. Магера ощупалъ голову; пальцы его наткнулись на трыпку, но боли не было. Онъ потянулся, ѣвнулъ и, увидѣвъ на столѣ съѣдобное, яичницу и колбасу, принялся за ѣду, потому что голодъ мучилъ его порядкомъ. Поѣвъ все и запивъ яичницу пивомъ, онъ отдышался и сталъ раздумывать, но не могъ рѣшительно ничего придумать. Замѣтивъ, что солнце уже высоко и что день уже перевалилъ за половину, онъ взялъ посохъ и, сказавъ: «ну, пора въ городъ», хотѣлъ уже отправиться въ путь, когда вдругъ, ощутивъ карманы своей сермяги, вмѣсто денегъ вытащилъ горсть углей. «Тыфу! бѣсовское навожденіе, это что? сказалъ онъ и сталъ разсматривать угли, шаря по всѣмъ карманамъ.—Вѣдь денегъ у меня было не мало, гдѣ же они? Все уголь, да уголь»...

Онъ перекрестился разъ, другой, плевалъ, напептывалъ—ничего не помогало: угли оставались углями, а денегъ не было. Вперивъ глаза въ уголь комнаты, Магера стоялъ въ остолбенѣніи; потомъ встрепенулся и побѣжалъ къ дверямъ, бормоча:

«Колдовство и только! шляхтичъ этотъ колдунъ, дѣло ясно».

Разсуждая на эту тему, онъ добрался до города, прошелъ Голѣмбю и рыножь, и встрѣтился на Свентоянской улицѣ съ Антеомъ.

— Магера! крикнулъ тотъ:—ты живъ?

— Да, живъ!

— Вотъ-те на! А я думалъ, что колдунъ пришибъ тебя на смерть.

— Да... Колдунъ, говоришь ты?

— И какой еще! Вотъ паны райцы хотять взять и сжечь его. Я теперь прямо изъ ратуши; меня звали туда, чтобы я показывалъ...

— Нда! промышалъ Магера,—колдунъ-то онъ колдунъ. А я вотъ тебѣ расскажу штучку, только ты, смотри, молчи; съ колдунами плохія шутки: того глади и тѣло, и душу загубишь.

— Знаю, знаю; говори, съ тобою что было такое?

— Что такое? Вѣдь ты знаешь, полоснулъ онъ меня по лбу, вотъ и рана осталась... да только все это вздоръ; есть кое-что похуже, слушай только.

— Слушаю, слушаю.

— Ты знаешь, вчера на задушкахъ я набралъ-таки дене-

жесть, съ десять злотыхъ было; прогулять я ихъ не прогулялъ, вѣдь мы въ харчевнѣ ничего не платили...

— Нѣтъ, не платили... шляктичь этотъ, а потомъ наводненіе...

— Да, наводненіе? Правда, правда, наводненіе... Вотъ что скажу я тебѣ: никакого наводненія не было; прямехонько вышелъ я изъ харчевни—и слѣдовъ наводненія нѣтъ, изба сухая совсѣмъ.

— Чары, чары! бормоталъ Антекъ.

— А, вотъ видишь!.. А также и то: были у меня деньги, а теперь уголь... смотри! И Магера вытащилъ изъ кармана горсть углей. Антекъ понятился, врестаясь.

— Господи Іисусе Христе! Вмѣсто денегъ вдругъ уголь! Чары, чары!

— Вотъ видишь!

— Брось, Магера, брось! рука отсохнетъ!

— Съ какой радости? Я спрячу... я ужъ знаю, что сдѣлаю, а колдуну не сдобровать... Вѣдь въ городѣ онъ?

— А какъ же? Заѣхалъ въ домъ къ жиду Эдиди.

— Эдиди, говоришь ты?

— Да.

— Ну, буркнулъ Магера,—ладно! Я обоихъ на костеръ спроважу, ей-ей!

Во время разговора подошелъ къ нимъ человѣкъ странной наружности, въ черномъ короткомъ плащѣ, въ баретѣ венеціанскаго бархата и въ башмакахъ съ пряжками. Онъ былъ худъ, какъ щепка, и высокъ ростомъ. Изъ-подъ барета сверкали злобно большіе черные глаза, осѣненные густыми, щетинистыми бровями. Прямой, длинный носъ былъ вкруто загнутъ книзу, а подъ нимъ торчали маленькіе усики; тонкія губы презрительно усмѣхались.

Человѣкъ этотъ шелъ медленно, крадучись, точно котъ, и подойдя къ дядамъ, заговорилъ на ломаномъ польскомъ языкѣ.

— Эй, Магера, отчего ты весь въ крови?

Завидѣвъ подошедшаго, Магера униженно поклонился ему.

— А, пане Гентились! сказалъ онъ.

Гентились на поклонъ не отвѣтилъ, а, подойдя еще шага на два, внимательно посмотрѣлъ на овровавленную тряпку, которою была обвязана голова Магеры.

— Кто это лобъ тебѣ расквасилъ? спросилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Да вотъ, баринъ, отвѣчалъ дядъ, бросивъ косвенный

взглядъ на домъ Эдиди, — колдунъ какой-то, а то и самъ антихристъ, почему я знаю!

— Колдунъ? восхлибнулъ Гентились и глаза его свернули какъ уголья, — что за колдунъ такой?

— Гм! это длинная пѣсна, проворчалъ дядь; — только вѣрно, что это чародѣй; а живетъ онъ въ домѣ вонъ того провлятаго жида.

— У Эдиди?

— Да, такъ.

Гентились на мгновение задумался, какъ-бы ввѣщивалъ за и противъ какаго-то плана, а потомъ, съ жаромъ, свойственнымъ итальянцамъ, сказалъ:

— Пойдемъ, Магера, мнѣ надо поговорить съ тобою!

Дядь пошелъ. Они перешли черезъ улицу и свернули въ ворота на Канонию ¹⁾, гдѣ всегда было пусто и тихо. Гентились осмотрѣлся и началъ:

— Скажи, откуда ты знаешь, что онъ колдунъ?

— А что ты дашь мнѣ, милостивецъ ты нашъ? спросилъ дядь. — Мои вѣсти кой-чего да стоятъ, а въ карманѣ у меня пусто.

— Ты знаешь, отвѣчалъ Гентились, — что я пріѣхалъ сюда не для денегъ, а правды ради; я бѣденъ, какъ Господь мой Иисусъ Христосъ.

— Страшный, страшный колдунъ! лукаво подстрекнулъ Магера.

Гентились пошарилъ по карманамъ и, вывернувъ по одиначкѣ одинъ за другимъ, нашелъ, наконецъ, мелкую серебряную монету. Сунувъ ее дяду, онъ сказалъ:

— Ну, теперь говори!

Дядь слово въ слово повторилъ тогда рассказъ свой о томъ, что случилось наканунѣ въ харчевнѣ «Собачій хвостъ», показавъ свои углы и прибавилъ, что въ ратушѣ былъ уже совѣтъ, на которомъ рѣшено схватить и сжечь колдуна живьемъ.

Гентились, выслушавъ эту исторію, глубоко задумался.

— А жида также сожгутъ? спросилъ онъ потомъ.

— А какъ же? удивился дядь. — Если онъ тамъ живетъ, такъ вѣдь жидъ съ нимъ за одно.

— Магера, а дѣвочка?

— Ваша будетъ; сожгутъ жида, вы ее и возьмете.

¹⁾ Заулокъ за Свято-Янскимъ костеломъ.

Глаза итальянца вспыхнули.

— Ступай въ ратушу и оговори колдуна! сказалъ онъ.

— Конечно, оговорю, отвѣчалъ дядь.

— Магера, воскликнулъ вдругъ итальянецъ, — чего тутъ юни-то разводить! Вѣдь эти сиволапые ничего не сдѣлаютъ; имъ ли съ колдуномъ связываться! Въ ратушѣ они ни до чего не додумаются; а пока додумаются, того-то и слѣдъ простынетъ. Послушай моего совѣта, Магера!

— Что же мнѣ дѣлать?

— Васъ, дядовъ-то, въ Варшавѣ много?

— Да, порядочно наберется.

— Соберитесь и силою возьмите домъ жида. Тогда ты въ золотѣ потонешь, Магера; колдуна убейте, а Эсепрь мнѣ.

— Ладно-то, ладно, буркнулъ Магера, — да только насъ потомъ перевѣшаютъ, какъ сволочь какую нибудь.

— Дуракъ! Дождаться ты будешь, что-ли? Ноги въ руки — и драла! А что тамъ кой-кого изъ вашихъ повѣсятъ — въ первой, что-ли, это будетъ? Вѣдь тутъ золотомъ пахнетъ!

Дядь замолчалъ и, уставясь въ землю, долго думалъ. День уже вечерѣлъ и по Каноніи ползла сѣрая мгла, между тѣмъ какъ крыша и башня костела тонули еще въ красноватыхъ лучахъ заходящаго солнца. Какъ ореоломъ славы окружали эти лучи островерхую крышу и шпиць колокольни.

Дядь все еще думалъ, а Гентились стоялъ передъ нимъ, въ нетерпѣннѣи, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ну, что-жъ ты молчишь, Магера?

— Какъ что? Совѣтъ добрый, сдѣлаемъ... да не сейчасъ; пока дядамъ скажу, пока что... сразу нельзя... Завтра въ ночи разобьемъ.

— Помни дѣвку, Магера; все золото тебѣ, только она для меня.

— Ну, конечно.

— Завтра, подъ вечеръ, зайди ко мнѣ... за дѣломъ будто... расскажешь, какъ и что.

Они разошлись. Дядь, задумавшись, потащился на Свентоянскую улицу, а Гентились, пройдя мимо замка, прошелъ на улицу Св. Мартына, которую потомъ прозвали Пивною. Онъ шелъ медленно, нагнувъ баретъ на глаза, съ видомъ человѣка, павшаго подъ гнетомъ дьявольскаго искушенія или глупо погруженнаго въ мрачныя думы.

На улицѣ было пусто и темно. Дойдя до дома подлѣ костела отцовъ августіановъ, онъ вынулъ изъ кармана огромный

ключъ, отворилъ двери и по узкой лѣстницѣ поднялся въ первый этажъ. Отворивъ еще однѣ двери, онъ очутился въ своей комнатѣ.

Комната имѣла странный, необычайный видъ. Она была въ два окна на улицу, съ маленькими стеклами въ свинцовыхъ рамкахъ. Послѣдніе дневные лучи неровно освѣщали ея стѣны и комната, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ убранствомъ, носила какою то сверхъестественный, таинственный отпечатокъ. Въ углу бѣлѣли оскаленные зубы человѣческаго черепа, впадины котораго чернѣли въ тѣни, а выступающія мѣста были еще какъ-бы залиты свѣтомъ. Подъ потолкомъ, на желѣзныхъ крюкахъ, висѣло страшное чудовище, все сморщенное и ссохшееся; изъ пасти его торчалъ рядъ зубовъ; это былъ крокодилъ, о которомъ въ то время знали только, что живетъ онъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ Фараонъ топилъ жидовъ. Кромѣ многихъ другихъ отвратительныхъ и необычныхъ у истиннаго христіанина предметовъ, по угламъ валялись большія книги, покрытыя пылью и паутиною, но въ дорогихъ переплетахъ, съ мѣдными и серебряными застежками. На конторѣ у окна лежала большая открытая книга и каждому бросалась въ глаза надпись, сдѣланная на ней крупными буквами:

«Ad Vitelionem paralipomena, seu astronomiae pars optica»¹⁾.

Передъ конторкою стояло высокое кресло, обитое ободранною, потертою собачьею шкурою; дальше—столъ, а на немъ множество разнаго хлама: реторты, книги, инструменты, въ беспорядкѣ и покрыты пылью. Видно было, что хозяинъ комнаты давно уже не дотрогивался ни до книгъ, ни до инструментовъ, ни до востей; точно смертью повѣяло надъ нимъ и онъ отдалъ весь скарбъ свой мышамъ и паукамъ. Отъ всего несло запахомъ затхлой сырости.

И такъ, Гентилисъ вошелъ въ комнату и подошелъ къ окну. Черезъ нѣсколько времени выглянулъ изъ-за облаковъ мѣсяцъ и съвозъ лабиринтъ крышъ и башенъ бросилъ лучъ на книги, на черепъ, въ пасть крокодила, и освѣтилъ стѣну, на которой было написано красными буквами: «Homunculi quanti sunt! Homunculi quanti sunt!»²⁾, а ниже «anathema, anathema!»

¹⁾ Вителіо—польскій математикъ XIII столѣтія, оставилъ сочиненіе объ оптикѣ, впервые напечатанное въ 1533 году. Ad Vitelionem paralipomena значитъ: «Сборникъ знаній до Вителіо».

²⁾ О люди, чего они стоятъ!

Гентились продолжалъ стоять у окна и съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ темноту. Въ глазахъ его свѣтилось отраженіе мѣсяца и покрытыхъ серебристою поволокою стѣнъ; губы были стиснуты и смертная блѣдность покрывала лицо; только края рта его вздрагивали отъ времени до времени. Вся фигура его была олицетвореніемъ затаенной страсти.

Весь освѣщенный лучами мѣсяца, посреди странной обстановки комнаты, онъ казался не отъ міра сего; прильнувъ лицомъ къ стеклу, смотрѣлъ онъ въ окно и вдругъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

На противоположной сторонѣ улицы, окно въ окно, подавался свѣтъ, а за нимъ силуэтъ дѣвушки. Она была красавица такая, какія рисуются только въ нашемъ воображеніи. Бѣлое, точно мраморное, чело было окружено черными косами, съ саневатымъ, при блескѣ лампы, отливомъ. Подъ правильнымъ изгибомъ бровей сверкали большіе, черные, бездонные, съ поволокою глаза. Дѣвушка была одѣта въ яркіе, шитые золотомъ цвѣта; въ ушахъ висѣли большія золотыя сережки, а въ нихъ огромные солитеры, искрившіеся всѣми лучами радуги.

Пройдясь по комнатѣ, она сѣла у окна и, облокотясь на руку, глядѣла на небо, на мѣсяцъ и звѣзды; потомъ подошла къ ней другая и, взявъ гитару, стала что-то наигрывать.

Гентились ближе прижался къ окну, вперилъ глаза и дрожалъ какъ въ лихорадѣ. Опершись руками на подоконникъ, онъ судорожно впился въ него пальцами, какъ когтями. На смертельно-блѣдномъ лицѣ крупными каплями выступилъ потъ, точно вмѣсто зимы вдругъ наступило жаркое лѣто.

Съ полчаса стоялъ онъ у окна и глубокая тишина царствовала въ комнатѣ. Изъ угловъ, изъ-подъ груди книгъ выползли мыши и юркими тѣнями забѣгали по свѣтлымъ пятнамъ луннаго свѣта. Подъ печью зачирикалъ сверчокъ. Казалось, никого не было въ комнатѣ, кто присутствіемъ своимъ могъ бы прогнать это звѣрье. Самъ Гентились черною тѣнью рисовался въ окнѣ, глубоко вдыхая отъ времени до времени, а на столѣ черепъ точно перемигивался насмѣшливо съ темною ночью и луною.

Вдругъ въ окнѣ по другую сторону улицы что-то случилось. Дѣвушка встала, взглядѣлась и, какъ пораженная громомъ, отскочила отъ окна. Въ ту же минуту погасъ свѣтъ и глубокая ночь водворилась въ комнатѣ. Гентились тяжело вздохнулъ, отвернулся и, схватившись обѣими руками за голову, простоналъ:

— Пусть кровью и огнемъ придется мнѣ добыть тебя, ты будешь моею... безъ тебя мнѣ жизнь—не жизнь!

Онъ упалъ въ кресло и, наклонивъ голову, задумался; но не надолго. Показалось ему, что черезъ улицу опять засвѣтился огонь. Онъ поднялъ глаза, всталъ и, подойдя, увидѣлъ жида Эдиди, который, открывъ окно и поднявъ руки, произносилъ какія-то заклинанія.

Гентились прислушался.

— Проклятый песъ, громилъ кого-то Эдиди,— пусть вороны выклюютъ глаза, которые воззрились на дочь Израиля! Будь проклятъ, проклятъ, трижды проклятъ! Пусть язвы покроютъ тебя, какъ Юва на кучѣ гноя! Пусть тѣло твое высохнетъ и кости сгниютъ! Пусть, какъ Агарь въ пустынѣ, ты будешь молить о каплѣ воды и пусть никто не подастъ тебѣ!

Жидъ дрожалъ отъ гнѣва; голосъ его мощно раздавался и гремѣлъ въ тишинѣ¹⁾).

Гентились отскочилъ отъ окна и, бросившись на землю, заткнулъ руками уши. Онъ лежалъ долго, очень долго; ему казалось, что все еще раздаются проклятія жида и поражаютъ землю, какъ громовыя стрѣлы.

Когда онъ всталъ, все было темно и тихо, какъ прежде. Онъ подошелъ, взглянулъ на окна жида и съ сдержаннымъ стономъ сказалъ:

— Вспомнишь ты меня, проклятый! Будешь ты, какъ собака, валяться у ногъ моихъ и лизать стопы мои! Часъ мести насталъ, погоди ты!

И онъ грозилъ костлявою, сухою рукою, а мѣсяцъ по прежнему украдкою освѣщалъ мертвую голову и за печкою такъ же уныло трещалъ сверчокъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Въ средніе вѣка жида, какъ и всѣ восточные народы, ревниво охраняли женъ и дочерей своихъ отъ взоровъ мужчинъ, а особенно иновѣрцевъ.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТЪ.

РОМАНЪ ДЖЕМСА ПАЙНА.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вилла Кедръ.

Въ нашъ грубый матеріальный вѣкъ, мода говорить, а можетъ и думать, что эгоизмъ и личный интересъ лежать въ основѣ всего; но если оно и такъ, то факторы эти, въ извѣстныхъ случаяхъ, такъ хорошо сокрыты, что трудно до нихъ добраться, а между тѣмъ, несомнѣнно, существуютъ же и другіе, руководящіе нашими взаимными и общественными отношеніями. Относительно, напримѣръ, Мэтью Гельстона и его принципала опредѣлился странный фактъ, а именно то, что взаимное ихъ нерасположеніе къ леди Перджитеръ несравненно болѣе ихъ сблизило, чѣмъ до сихъ поръ могли это сдѣлать ихъ взаимные интересы. Миледи больше не повазывалась, и неудавшееся предсказаніе и въ то же время невозможность отплатить ей за ея дерзость, страшно ожесточили противъ нея ювелира, между тѣмъ какъ обязательныя поѣздки Мэтью въ Мурстритъ совершенно достаточно поддерживали и его негодованіе. Онъ ему становились, съ каждымъ днемъ, все ненавистнѣе, все тяжелѣе, такъ какъ состояніе здоровья его жены все болѣе и болѣе его тревожило и онъ страшился оставлять ее въ такіе неурочные часы.

Что, однако, возстановляло Мэтью противъ ювелира, такъ это видимое желаніе послѣдняго стать на дружескую ногу съ обитателями Кэвендишгрова. Доводы дяди Стэфена нѣсколько успокоили его подозрѣнія относительно агатоваго кольца; только онъ все-таки не могъ понять, зачѣмъ человѣкъ этотъ все лѣзетъ къ нимъ.

Это было, однако, не совсѣмъ-то справедливо, такъ какъ «человѣкъ этотъ» былъ всего только два раза: разъ, чтобы оставить свою карточку вскорѣ послѣ того обѣда, и второй разъ съ букетомъ для миссисъ Гельстонъ. Въ послѣднемъ случаѣ предполагалось, конечно, что букетъ былъ назначенъ для Эми, и былъ отданъ миссисъ Гельстонъ только вслѣдствіе отсутствія молодой дѣвушки, занятой своими уроками.

Затѣмъ пришло приглашеніе всему семейству провести цѣлый день на его виллѣ, лежавшей на берегу Темзы.

Хотя сезонъ для подобныхъ экскурсій почти уже кончился, но стояло нѣсколько дней ясныхъ и теплыхъ; настало «индійское лѣто», которое иногда посѣщаетъ туманные берега Темзы, и мистеръ Сайнэтъ очень любезно выразилъ надежду, что новые друзья его не откажутся воспользоваться имъ. Предложеніе это долго обсуждалось нашимъ маленькимъ обществомъ и встрѣтило сильное сопротивленіе въ лицѣ Мэтью, всѣ же остальные вклонились въ пользу принятія его.

Эми, впрочемъ, предлагала остаться дома, чему зять ея очень сочувствовалъ; съ другой стороны, настоящее разстроенное состояніе здоровья сестры побуждало ее ѣхать, для того, чтобы не оставлять ее одну; къ тому же дядя Стэфенъ рѣшительно воспротивился ея отъезду.

— Я слышалъ, говорилъ онъ, — что Гамлета случалось играть безъ принца, но никогда — безъ Офеліи. Отлично бы принялъ мистеръ Сайнэтъ, пріѣзжай мы безъ тебя!

Даже и самъ мистеръ Бэрло, принявшій извѣстіе о поднесеніи кольца съ самымъ искреннимъ добродушіемъ и полнѣйшимъ равнодушіемъ относительно побудительныхъ причинъ дарившаго, до того онъ былъ увѣренъ и глубоко спокоенъ, — и тотъ усердно совѣтовалъ всему обществу безъ исключенія принять приглашеніе мистера Сайнэта.

— Не слѣдуетъ отказываться отъ маленькаго развлечения, тѣмъ болѣе, что поѣздка эта будетъ полезна твоей сестрѣ, Эми, говорилъ онъ своей невѣстѣ.

И слова его не могли не повліять на нее. Сама она была увѣрена, что мистеръ Сайнэтъ не имѣлъ никакой задней мысли

и сердилась на своихъ за то, что они, по ея мнѣнію, неправильно истолковывали его вниманіе, а, можетъ быть, и надѣялась, что своимъ поведеніемъ, въ настоящемъ случаѣ, онъ имъ докажетъ всю несостоятельность ихъ предположеній. Въ ней не было ни на волосъ кокетства; она даже внутренно не успокоивала себя тѣми доводами, какіе обыкновенно приводятся въ подобныхъ случаяхъ особами ея пола, что, напримѣръ, человѣкъ этотъ годился ей въ отцы, или что все это пустая шутка. Ей не показалось бы это шуткою, сочти она это возможнымъ вообще, но она все относила исключительно къ честному и искреннему желанію мистера Сайнэта поближе сойтись съ ихъ семействомъ и къ его неумѣнію взяться за это дѣло.

Что касалось дяди Стѣфена, то, повидимому, вся эта исторія сильно его забавляла и, казалось, онъ больше всѣхъ приглашенныхъ думалъ насладиться этою поѣздкою, какъ вдругъ случилось нѣчто, измѣнившее его пріятное настроеніе. Явился посланный отъ мистера Сайнэта, за нѣсколько часовъ до ихъ отправленія, съ предложеніемъ его экипажа, въ видахъ удобства, дамамъ.

Подобная выходка крайне не понравилась мистеру Дергаму. ненавидѣвшему всякія поползновенія на покровительство; онъ обозвалъ ювелира «чертовски заносчивымъ дуракомъ» и написалъ ему отказъ, на томъ основаніи, что экипажъ имъ уже нанятъ, и что время не позволяетъ ему измѣнять ихъ програму. Однако, дѣло все-таки было испорчено и старый отшельникъ проникся, относительно мистера Сайнэта, тѣмъ враждебнымъ настроеніемъ духа, котораго такъ боялась Эми во время перваго посѣщенія этого господина.

Хотя дядя Стѣфенъ и успокоивалъ себя мыслию о томъ, что мистеръ Сайнэтъ послалъ экипажъ для Эми, для того, чтобы она узнала на опытѣ, какъ пріятно его имѣть всегда въ своемъ распоряженіи, но, въ сущности, его личное самолюбіе было тутъ задѣто.

Вилла Кедръ, получившая это названіе вслѣдствіе прекраснаго дерева этой породы, освѣнявшаго половину лужайки передъ домомъ, была прелестнымъ мѣстопребываніемъ въ лѣтніе мѣсяцы. Зимомъ она была, несомнѣнно, непривѣтлива и сыра, какъ всѣ прибрежные дома; но освѣщенная солнцемъ, проникавшимъ въ красивыя комнаты, съ открытыми французскими окнами, отражавшими переливы рѣки, протекающей подъ ними, она казалась нарядною и веселенькою. Положимъ, что мебель слишкомъ была въ глаза, а стѣны и потолки покрыты слишкомъ обильною позолотою, но все же впечатлѣніе, произведенное

всѣмъ этимъ на мистера Дергама, нельзя было назвать совершенно основательнымъ, когда онъ мысленно сопоставилъ это жилище въ одинъ рядъ съ магазиномъ въ Паулетстритѣ.

Что касается дамъ, то онѣ разсыпались въ самыхъ искреннихъ и обильныхъ похвалахъ, къ великому удовольствію владѣльца.

— Да, говорилъ онъ, — для простаго негоціанта, подобно мнѣ, подобная дача достаточно хороша, такъ что, владѣя ею, можно, пожалуй, вообразить себя важною особою.

Но если мистеръ Сайнэтъ ожидалъ, что кто либо изъ присутствовавшихъ подтвердитъ подобное предположеніе, то онъ крайне ошибся.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ съ поспѣшностью, въ какой обыкновенно прибѣгаютъ говорящіе послѣ неудачнаго или провалившагося замѣчанія, подобно стрѣлку, который, разъ не попавъ въ цѣль, часто такъ теряется, что совершенно упускаетъ ее изъ виду, — впрочемъ, все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на вещи.

— Совершенно справедливо, замѣтилъ сухо мистеръ Дергамъ; — вотъ почему одна высокопоставленная личность въ Испаніи всегда ѣла вишни въ очкахъ, увѣряя, что онѣ черезъ это становились крупнѣе и питательнѣе.

— Это мнѣ напоминаетъ о томъ, замѣтилъ хозяинъ, — что въ бесѣдѣ есть нѣсколько фруктовъ, которые я хотѣлъ вамъ предложить.

— О, какъ прелестно! воскликнула Сэбей; — я не видѣла бесѣдки съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы повинули милый, старый Тарлтонъ.

Бесѣдка, о которой она вспомнила, была неприглядная, полуразвалившаяся лачуга, украшенная еловыми шишками и покрытая паутинами, находившаяся въ ректорскомъ саду, и гдѣ, по вечерамъ, свободно летали стаи летучихъ мышей. Но для доброй, невзыскательной Сэбей съ этими незатѣйливыми развалинами соединялось такъ много свѣтлыхъ, дорогихъ дѣвическихъ воспоминаній, что она съ истинною любовью вспоминала о нихъ; а потому, естественно, что видъ этого разрушеннаго стекляннаго павильона, въ который они вошли, съ мраморнымъ столомъ посрединѣ, гдѣ, вмѣсто ихъ обыденнаго воскреснаго чая съ пирошками, красовалась цѣлая груда ананасовъ и винограда — все произведенія его собственныхъ теплицъ, какъ пояснилъ ихъ хозяинъ, — естественно, что видъ всего этого озадачилъ и разочаровалъ Сэбей.

— Все изъ моихъ теплицъ, повторялъ онъ;—но, къ сожалѣнiю, вслѣдствiе этого не дешевле мнѣ обошлись.

Передъ ними простиралась широкая, крытая, деревянная тераса, со ступенями, спускавшимися къ самой рѣкѣ, съ которой доносился къ нимъ мѣрный всплескъ веселъ и неумолчный смѣхъ катающихся.

— Очень мило, прелестно! откровенно сознался мистеръ Дергамъ.

— Да это настоящiй рай, вздыхала Эми, очарованная видомъ красивой рѣки, столь непохожей на мутную тарлтонскую Лэть.

— А между тѣмъ, это рай, который очень рѣдко можетъ похвастаться такими пери, какъ тѣ, которые удостоили посѣтить его сегодня, связалъ любезно мистеръ Сайнэтъ;—меня посѣщаютъ лишь изрѣдка кое-какiе друзья-холостяки, для того, чтобы заразить всю окрестность табачнымъ дымомъ. Я вообще живу здѣсь какъ отшельникъ.

— Но пища ваша не отшельническая, смѣялась Сэбей.

— Немногоимъ лучше, могу васъ увѣрить; хотя я надѣюсь, что кухарка моя сегодня постарается ради такого исключительнаго случая. Но, скажите, что можетъ сравниться съ природою? ей и подражать невозможно.

Мистеръ Дергамъ, невольно вспомнившiй его рассказъ о томъ, какъ радужность производилась въ искусственныхъ камняхъ посредствомъ разныхъ кислотъ, засмѣялся.

— О чемъ ты смѣешься, дядя? спросила Сэбей.

— Я развѣ смѣялся? Я сейчасъ подумалъ о томъ, что сказалъ мистеръ Сайнэтъ касательно подражанiя природѣ,—онъ совершенно правъ. Нѣмцы, на примѣръ, справедливо замѣтили, что пистолеть, такъ часто вкладываемый въ руку убитаго, для того, чтобы сочли его за самоубiйцу, никого обмануть не можетъ, такъ какъ въ дѣйствительныхъ случаяхъ самоубiйства онъ всегда спазматически сжатъ въ пальцахъ.

— Дорогой мистеръ Дергамъ, какъ можете вы говорить о подобныхъ вещахъ? уворизненно воскликнула Эми.

— Подобное сопоставленiе родилось во мнѣ, вѣроятно, въ силу контраста, такъ какъ все здѣсь говоритъ о жизни и о свѣтѣ; а человеческiй умъ часто противится впечатлѣнiямъ, насильственно въ него вводимымъ, и потому прибѣгаетъ къ противоположнымъ.

— Вѣроятно, вслѣдствiе этого и я, сидя здѣсь, въ этой роскошной обстановкѣ, мысленно уношусь въ нашу тарлтон-

скую бесѣдку, сказала Сѣбей, улыбаясь.—Ты помнишь, Мэтью, старую бесѣдку, какъ мы ее тогда называли?

— Могу ли я когда забыть ее, моя дорогая? сказалъ Мэтью нѣжно;—хотя ей должно быть обидно подобное сравненіе.

— Какая, однако, странная вещь—память, философически замѣтилъ мистеръ Сайнэтъ.—И совершеннаго забвенія не существуетъ.

— Дювержье приводитъ странный фактъ, какъ физическое подтвержденіе сейчасъ сказаннаго, замѣтилъ дядя Стѣфенъ.— Онъ говоритъ, что клеймо каторжника, исчезнувшее съ годами, можетъ опять явственно выступить, если ударять ладонью по тому мѣсту до тѣхъ поръ, пока оно не покраснѣетъ; тогда клеймо, которое покраснѣть не можетъ, будетъ замѣтно именно вслѣдствіе своей бѣлизны. Да и самый матеріалъ, изъ котораго мы построены, далеко не таковъ бранный, какъ это обыкновенно предполагаютъ. Кости наши часто сохраняются нѣсколько столѣтій спустя послѣ смерти. Напримѣръ, въ Парижѣ, въ церкви св. Діонисія, найдены кости короля Дагоберта, хорошо сохранившіяся послѣ четырехсотъ лѣтъ. Гюблеръ увѣряетъ, что добывалъ желатинъ изъ костей муміи, имѣвшей двѣ тысячи лѣтъ, а Орфила утверждаетъ, что извлекалъ его въ количествѣ двадцати семи процентовъ при кипяченіи шестисотлѣтнихъ костей.

— Непріятно, хотя и очень поучительно, замѣтилъ мистеръ Сайнэтъ, дѣлая притомъ кислую гримасу.

— Я съ вами согласна, сказала Эми,—и не удивляюсь тому, что вы не раздѣляете вкуса мистера Дергама относительно смѣшнаго и ужаснаго.

— Какая неблагодарность, сказалъ дядя Стѣфенъ укоризненно:—я никого не знаю, Эми, кто бы болѣе тебя любилъ страшныя исторіи.

Мистеръ Сайнэтъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, но въ то же время съ восторгомъ, и молчалъ. Можетъ быть онъ отыскивалъ въ умѣ своемъ какой-нибудь страшный рассказъ, чтобы усладить ея слухъ; если такъ, то къ счастью для него раньше чѣмъ онъ успѣлъ найти его, раздался мѣрный плескъ весель и къ ступенькамъ подошла шлюпка съ четырьмя гребцами и съ мягкими сидѣньями для пятерыхъ, надъ которыми былъ протянутъ тендъ, защищавшій ихъ отъ солнца.

— Хотя вы и отказались воспользоваться моимъ экипажемъ, однако, смѣю надѣяться, что вы не откажете прокатиться въ моей шлюпкѣ, сказалъ мистеръ Сайнэтъ;—къ тому же предобѣденная прогулка по водѣ очень рекомендуется всѣми медведями.

Во всемъ томъ, что мистеръ Сайнэтъ дѣлалъ и говорилъ этотъ день, была такая смѣсь простоты и хитрости, напыщенности и жалкихъ шуточекъ, печальнаго результата и добрыхъ намѣреній, что все это несомнѣнно возбудило бы интересъ въ любомъ антропологѣ. Кто-то сказалъ, что если у человѣка существуетъ доброе намѣреніе быть приятнымъ другимъ, то это должно ему удаться, — теорія весьма утѣшительная, но врядъ-ли выдерживающая строгую критику.

Мистеръ Сайнэтъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы самому браться за весло; онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что видъ человѣка нѣсколько тучнаго, пожилаго, трущагося безъ сюртука надъ весломъ, не особенно красивое зрѣлище, между тѣмъ какъ управленіе рулемъ, если приэтомъ не дѣлаетъ спазматическихъ движеній, чтобы приспособиться въ каждому повороту лодки, — положеніе, не лишенное извѣстнаго достоинства. По его правую руку сидѣла Сэбей, по лѣвую — Эми, и разговоръ его былъ раздѣленъ между ними, хотя надо сознаться, что далеко не въ равной степени. Къ послѣдней обращались всѣ его замѣчанія, произносимыя вполголоса, относительно красоты окружавшей ихъ природы, и брались въ соображеніе всѣ ея желанія относительно направленія. Вслѣдствіе ея предложенія, онъ высадилъ все общество на поросшій лѣсомъ островокъ, который они принялись осматривать.

— Островки въ этой мѣстности называются eyots (глазками) и я нѣсколько сомнѣваюсь, миссъ Тэрло, сдумаете ли вы написать это слово.

Оказалось, что онъ ошибся, и онъ выразилъ по этому поводу удивленіе.

— Вы забываете, сказала она, — что мое призваніе учить дѣтей правописанію.

— Ахъ да, отвѣчалъ онъ нѣжно и приэтомъ вздохнулъ. Вздохъ долженъ былъ выразить его сожалѣніе, что столько красоты и ума пропадаетъ даромъ въ подобномъ занятіи; нѣжностью же интонаціи онъ желалъ дать ей почувствовать, что есть человѣкъ и способный, и желающій освободить ее отъ этого ига.

Въ первый разъ Эми показалось, что смѣшныя подозрѣнія ея друзей относительно мистера Сайнэта не совсѣмъ-то безосновательны, и ей даже стало нѣсколько жаль его. Когда они всѣ снова усѣлись въ лодку, ювелиръ направилъ ее на цѣлый островокъ водяныхъ лилій и просилъ ее сорвать ихъ нѣсколько.

— Онъ самое прелестное украшеніе для обѣденнаго сто-

ла, сказалъ онъ; — а главное, онѣ растутъ безъ помощи садовника.

Это онъ сдѣлалъ съ тайнымъ расчетомъ, такъ какъ въ умѣ его было украшеніе совсѣмъ инаго рода. Онъ зналъ, что Эми тогда сниметъ перчатки, а ему хотѣлось посмотрѣть, одѣто ли у нея его агатовое кольцо. Случилось такъ, что, желая выказать ему нѣкоторую любезность, она одѣла его сегодня, хотя и не безъ сильнаго сомнѣнія относительно своего поступка; и совинные глаза его радостно загорѣлись, когда онъ увидѣлъ кольцо. Теперь она не могла замѣтить, что любезность его значительно увеличилась, вслѣдствіе чего, чувствуя всю неловкость своего положенія, она сдѣлалась вдругъ серьезною и сдержанною, а это, въ сожалѣнію еще усилило его надежды. Онъ былъ настолько предусмотрителенъ, что догадался снабдить обоихъ мужчинъ очень объемистыми и превосходными сигарами, и подъ прикрытіемъ дыма или, скорѣе, благодаря сонливости, навѣянной на нихъ этою божественною травкою, онъ продолжалъ свое наступленіе, не возбуждая при этомъ ихъ вниманія. Однако Сэбей все хорошо замѣчала и страшно боялась, что Мэтью, наконецъ, увидитъ его маневры. Неоспоримый, хотя и странный фактъ, что мужчина можетъ ухаживать за женщиною безъ того, чтобы она это замѣтила, но только не въ присутствіи другой, такъ какъ другая замѣтитъ это несомнѣнно. Въ настоящемъ же случаѣ обѣ уже успѣли это раскусить и жестоко раскаявались въ томъ, что приняли его приглашеніе.

Окончивъ прогулку, заключившуюся пѣснею, пропѣтою обѣими сестрами въ глубинѣ прохладной бухточки, которую мистеръ Сайнэтъ окрестилъ названіемъ, «Дуэтъ сирень», они отправились обѣдать. И обѣдъ былъ дѣйствительно замѣчательный, хотя и несервированный на золотой посудѣ съ вензелями, какъ злобно предполагалъ дядя Стэфенъ. Середину стола занимало зеркало, на которомъ были разложены свѣжія водяныя лиліи, словно плававшія въ своей родной стихіи.

— Этимъ мы обязаны вамъ, миссъ Тэрло, сказалъ хозяинъ съ улыбкою, показывая на лиліи, что было нѣкоторымъ образомъ любезностью въ ущербъ истинѣ, такъ какъ она сорвала ихъ всего съ полдюжины, а здѣсь ихъ было около пятидесяти. Дамы не были особенно сообщительны, размышляя про себя объ извѣстной непріятности, ожидавшей ихъ слишкомъ пылкаго хозяина (даже скромная Эми и та теперь уже больше не сомнѣвалась); но Мэтью, подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ того, что скоро этотъ день со всѣми его удовольствіями придетъ къ

благополучному заключенію, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ къ разговору; между тѣмъ, какъ мистеръ Дергамъ, весьма любившій хорошо покушать, сталъ положительно краснорѣчивымъ подъ благотворнымъ вліяніемъ изысканнаго обѣда.

По поводу всѣхъ лакомыхъ блюдъ, разставленныхъ передъ нимъ, онъ разсказалъ про одного знаменитаго эпикурейца, которому было доставлено изъ Сентъ-Мало два блюда яицъ ржаныхъ, стоявшія пятьдесятъ червонцевъ, и ухитрившагося продать сто пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Хозяинъ былъ весьма польщенъ и порадованъ подобнымъ сообщеніемъ, тѣмъ болѣе, что дѣло касалось большихъ денежныхъ суммъ.

— У этого человѣка были, вѣроятно, огромные доходы, замѣтилъ онъ.

— Да, могли быть отличные, говорилъ дядя Стѣфенъ, — если-бы онъ не проживалъ своихъ капиталовъ. Однако онъ до конца сохранилъ хорошій вкусъ, что впрочемъ вещь неизбѣжная; какъ свидѣлствуютъ всѣ моралисты. Онъ разорился въ конецъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей далъ ему однажды золотой, чтобы спасти его отъ голодной смерти, и два часа спустя засталъ его ошпищивающимъ собственноручно овсянку; наконецъ, когда ему пришлось довольствоваться самою простою пищею, онъ положилъ конецъ своему существованію.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ мистеръ Сайнэтъ, отирая капли пота, выступившія у него на лбу, такъ какъ разсказы мистера Дергама, почерпаемыя послѣднимъ изъ его многосторонней жизненной опытности и разнообразнѣйшаго чтенія, нѣсколько смущали ювелира.

Въ видахъ ли заглаженія или же изъ чувства признательности за таковой превосходный обѣдъ, дядя Стѣфенъ воснулъ, наконецъ, болѣе близкаго и пріятнаго мистеру Сайнэту предмета, и угостилъ его описаніемъ у Плинія охоты на бирюву въ Карминіи, гдѣ камень этотъ выступаетъ на поверхность страшныхъ свалъ и обрывовъ, на подобіе голубаго глаза, который сбиваютъ камнями и петлями, подобно тому, какъ англійскіе мальчики сбиваютъ орѣхи съ дерева.

Восхищеніе мистера Сайнэта этою охотою, о которой онъ прежде никогда не слышалъ, было безгранично; когда же его всевѣдущій гость сталъ приводить цитаты изъ Теофраста относительно плодovitости брилiанта, восторгъ его достигъ высшихъ предѣловъ. Конечно, ему было не безъизвѣстно, что брилiанты, вслѣдствіе нѣкотораго различія въ блескѣ, раздѣляются на муж-

скіе и женскіе, но чтобы они могли производить себѣ подобныхъ—это было для него совсѣмъ неожиданною новостью.

Правда и то, что мистеръ Сайнэтъ, подобно многимъ умнѣйшимъ людямъ, никогда не могъ въ точности опредѣлить, шутить ли мистеръ Дергамъ или говорить серьезно; но онъ вполнѣ вѣрилъ въ ученость старика, и былъ слишкомъ высокаго мѣнія о человѣческой природѣ, чтобы допустить въ мужчинѣ, не легкомысленномъ и твердыхъ правилъ, возможность небрежнаго отношенія или подшучиванія, когда дѣло касалось столь важнаго предмета, какъ брилліанты.

Вообще же, и не смотря на не совсѣмъ благопріятное начало визита, хорошее впечатлѣніе, произведенное старикомъ на мистера Сайнэта, ни мало не пострадало; онъ бы остался безгранично доволенъ и всѣми своими гостями, не скажи ему Мэтью на прощанье одного словечка, крайне его смутившаго. Барыни въ это время пошли снаряжаться въ отъѣздъ, а дядя Стэфенъ напояливалъ въ передней свое теплое пальто.

Это было отвѣтомъ на очень настоятельное приглашеніе хозяина посѣтить его опять всѣмъ обществомъ ровно черезъ недѣлю, въ будущую субботу, если продержится хорошая погода.

— Очень жаль, что приходится отказаться, сказала Мэтью, — но мы давно уже приглашены мистеромъ Бэрло отобѣдать въ этотъ день въ Хрустальномъ дворцѣ.

— Такъ отложите вашъ обѣдъ и пріѣзжайте ко мнѣ, отвѣтилъ мистеръ Сайнэтъ нѣсколько нетерпѣливо. — Для Хрустальнаго дворца можете выбрать и другой день.

— Конечно; только дѣло въ томъ, что мистеръ Бэрло занятой человекъ и рѣдко бываетъ свободенъ, сказала Мэтью, улыбаясь.

— А кто этотъ мистеръ Бэрло? спросилъ мистеръ Сайнэтъ тономъ, какъ бы говорившимъ: что это за птица, чтобы мѣшать моимъ планамъ.

— Онъ молодой адвокатъ и женихъ моей невѣстки, Эми.

— Неужели! провнесь мистеръ Сайнэтъ довольно сдержаннымъ голосомъ. — Это извѣстіе совершенно для меня неожиданно.

— Чтò случилось? освѣдомился дядя Стэфенъ, входя въ комнату уже одѣтый и замѣтивъ серьезное выраженіе лица хозяина.

— Ничего особеннаго, сказала Мэтью; — мистеръ Сайнэтъ только недоволенъ тѣмъ, что мы не можемъ повторить нашего пріятнаго визита въ будущую субботу.

— Это такъ неожиданно, машинально повторялъ мистеръ Сайнътъ.

— Все въ жизни неожиданно, мой дорогой сэръ, свазалъ дядя Стэфенъ, обыкновенно послѣ обѣда становившійся еще болѣе философомъ и еще сообщителнѣе. — Сайтей приводитъ намъ крайне поразительный примѣръ, подтверждающій мои слова. Убийцу заставляють воснуться лица своей жертвы: не показывается крови, не совершается и никакого чуда, какъ это ожидалось для того, чтобы обвинить его; когда же его оставляють одного съ трупомъ, то ему кажется, что мертвецъ вдругъ поднимаетъ голову, смотритъ на него и этимъ вырываетъ у него признаніе.

На нѣсколько мгновеній лицо мистера Сайнъта покрылось такою смертною блѣдностію, что его самого можно было принять за мертвеца; однако онъ весьма скоро оправился и отвѣтилъ съ своею обычною увѣренностію:

— Мистеръ Дергамъ, я съ вами совершенно согласенъ; часто обстоятельства складываются совсѣмъ иначе, чѣмъ мы того ожидаемъ. Такъ, если не въ субботу, то когда нибудь въ другое время, мистеръ Гельстонъ.

Мэтью никогда еще такъ не жалѣлъ своего принципала, какъ въ настоящую минуту. Онъ чувствовалъ, что очень опечалилъ его своимъ извѣстіемъ, хотя надежды ювелира были нѣсколько смѣшны и ни на чемъ не основаны. Онъ не зналъ, что ювелиръ былъ ошеломленъ только на минуту и что онъ далеко еще не отказался отъ всѣхъ своихъ надеждъ, да врядъ ли бы отказался даже и тогда, если бы сама Эми Тэрло отвергла его.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ «Восходящемъ Солицѣ».

Въ числу многихъ промысловъ, почти прекращающихъ свое существованіе въ зимніе мѣсяцы, хотя, подобно зимней спячкѣ сурка, не имѣющихъ особаго вліянія на общественное благосостояніе, даже если этотъ сонъ окажется совершенно непробуднымъ, принадлежитъ промыселъ спортсменскаго агента (tout). Когда кончается сезонъ испытаній, онъ перестаетъ прятаться въ цвѣтущемъ дровѣ во избѣжаніе потасовки и безжалостныхъ

ударовъ вѣнута; не выступаетъ болѣе съ записною книжкою въ рукахъ, подслушивая чужіе разговоры; нѣтъ, онъ покидаетъ цвѣтущія долины, зеленую поляну, съ ея звонкими жаворонками и весеннимъ благоуханіемъ, и становится (что, можетъ быть, болѣе всего соотвѣтствуетъ его романтической лѣтней жизни) водокачалъщикомъ на одной изъ лондонскихъ извощичьихъ биржъ. Въ большинствѣ случаевъ, какъ, напримѣръ, касательно Дика Дартмора, сосѣдній трактиръ даетъ ему нѣкоторыя добавочныя средства къ существованію; онъ его разсмысленный или комисіонеръ, готовый вообще на всевозможныя услуги; понадобится, напримѣръ, музыка — и онъ летитъ добывать прелестныхъ исполнителей въ лицѣ какихъ нибудь странствующихъ негровъ, или же представясь необходимою вытурить съ помощью рукъ или даже ногъ какого-либо посѣтителя, угостившагося въ ущербъ собственнаго блага или скорѣе блага трактирнаго.

Помимо этихъ двухъ должностей, у Дика Дартмора была еще одна, а именно, наблюденіе за всѣми отъѣздами и прибытіями въ своемъ районѣ; всякій разъ какъ посылали за кэбомъ въ Гайблу Мьюсь, онъ непремѣнно сопровождалъ его къ самымъ дверямъ нанимателя и настаивалъ на томъ, чтобы ему позволили носить и укладывать багажъ, по весьма разнообразному тарифу, обыкновенно зависѣвшему отъ рѣшительности характера его нанимателя и простиравшемуся, смотря по обстоятельствамъ, отъ шести пенсовъ съ павета и кончая кружкой пива за все включительно. Было время, въ дни горячій и неутомимой молодости Дика, когда онъ, съ наступленіемъ поздней осени, отправлялся къ одной изъ станцій лондонскихъ желѣзныхъ дорогъ и, устремивъ свои взоры на какой нибудь сильно нагруженный кэбъ съ повлажею многочисленнаго семейства, возвращавшагося съ морскихъ купаньевъ, пускался за нимъ, сопровождая его до самаго мѣста назначенія, въ надеждѣ на заработокъ при разгрузкѣ. Неудачныя экспедиціи, случавшіяся очень нерѣдко, были путешествія въ отдаленнѣйшія окраины, когда рѣшительный отецъ семейства объявлялъ, что не имѣетъ надобности въ посторонней помощи и, что случалось также частенько, выпроваживалъ его при помощи ближайшаго полицаина.

Но эти наслажденія для Дика давно уже покончились; онъ слишкомъ отяжелѣлъ для подобныхъ экскурсій, а утраченная сила не всегда удачно замѣнялась ловкостью, съ какою онъ выбиралъ всѣ легчайшіе пакеты, предоставляя сундуки и чемоданы болѣе выносливымъ плечамъ извощиковъ. Надо сознаться, что

въ сокровенной исторіи этого бѣдняги былъ нѣкоторый промежутокъ или междуцарствіе, продолжавшееся по меньшей мѣрѣ два года, проведенные имъ въ несравненно болѣе тяжеломъ трудѣ, чѣмъ всѣ вышеописанные, и все это вслѣдствіе того, что онъ отнесъ нѣкій предметъ, вынутый имъ изъ кѣба, прямо къ ростовщику и пристроилъ его по возможности весьма выгодно. Я далеку отъ мысли, что такая жизненная опытность дурно повліяла на нравственность Дика; я ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы бросить подобную тѣнь на общество и на тюремную дисциплину ея величества; скажу только, что пользы Дикю она не принесла. Онъ вышелъ изъ тюрьмы, какъ многіе выходятъ изъ цѣркви, т. е. такимъ же, какъ и вошелъ; одно было нехорошо: онъ сдружился тамъ съ разными темными личностями, о существованіи которыхъ даже и не подозрѣвалъ хозяинъ «Восходящаго Солнца», а то онъ, пожалуй, еще меньше довѣрялъ бы Дикю, хотя, по правдѣ сказать, довѣріе его не простиралось дальше общаго прилавка его пивной.

По большей же части Дикю приходилось стоять лишь у входныхъ, безпрестанно отворявшихся дверей, подобно перу у вратъ рая, съ ужасно голоднымъ и озабоченнымъ видомъ и съ соломенкою во рту. Но вдругъ съ Дикомъ произошла внезапная перемена къ лучшему, удивившая всѣхъ и крайне поразившая тѣхъ, которые знали его ближе. Онъ явился въ одно прекрасное ноябрьское утро въ «Восходящее Солнце» безъ своихъ соломенныхъ подвязокъ, одѣтый въ полный костюмъ поношеннаго платья. Сказать, что Гайбла Мьюсъ и все ея сосѣдство было въ сильнѣйшемъ возбужденіи (какъ, на примѣръ, по случаю убійства), было бы выраженіемъ недостаточно сильнымъ. Совершалась самая усиленная мозговая работа, чтобы объяснить подобный феноменъ. Хозяинъ трактира, извѣстный острякъ—и платившійся—таки за это качество малочисленностью посѣтителей—объявилъ, что вѣроятно умерла тетка Дика и завѣщала ему цѣлый миліонъ. Одна мысль о сопоставленіи подобной суммы съ мистеромъ Дартморомъ была уже достаточно забавна; но ничто не могло сравниться съ предположеніемъ, что у него могла быть какая-либо родственница. Извѣстно, что матери у него никогда не было, объ отцѣ же не могло быть и рѣчи, а тѣмъ менѣе о теткѣ; да, никакая геральдика не была бы въ состояніи доказать его родство съ какимъ бы то ни было членомъ человѣческаго семейства. Онъ, бѣдняга, былъ такимъ же одинокимъ, непризнаннымъ и сиротою, какъ соломенка, которую онъ держалъ во рту. Было и иное, хотя не менѣе дикое пред-

положеніе, а именно, что Дикъ выигралъ въ большую гамбургскую лотерею, объявленіе о которой разъ попало въ пивную трактира, и что онъ теперь владѣтель великолѣпнаго замка на Рейнѣ со всѣми его феодальными правами; послѣднее же и самое распространенное рѣшеніе этой задачи было предположеніе, что ему удалось тайкомъ пробраться въ конюшню и тамъ искалѣчить какого нибудь «общаго любимца», за что онъ и былъ щедро награжденъ своимъ благодарнымъ патрономъ.

На всѣ подобныя предположенія, откровенно высказываемыя въ его присутствіи, Дикъ отвѣчалъ лишь лукавымъ взглядомъ и прищуриваніемъ лѣваго глаза. Глаза его, въ былыя времена, быть можетъ, и довольно блестящіе, теперь имѣли видъ варенныхъ, между тѣмъ какъ вся остальная часть его фیزیономіи носила на себѣ явные слѣды жаркой печи. Она была положительно испечена, точно такъ же, какъ подвергаютъ этой операциіи лица модныхъ барынь, какъ говорятъ, во время процесса эмальирования; только, что касается Дика, то у него это былъ природный, а не искусственный процессъ, и совершившійся, вонечно, не съ цѣлью сдѣлать его «прекраснымъ навсегда». Дикъ былъ вообще некрасивъ, чтобы не сказать отталкивающъ; но въ своемъ поддержанно-новомъ костюмѣ онъ казался еще несравненно хуже обыкновеннаго. Эффектъ, производимый имъ, былъ такой несообразный, что младшій полисменъ во всей корпораціи навѣрное бы сказалъ: «онъ его укралъ»; между тѣмъ какъ ученый, дѣлающій изысканія надъ человѣческой природою, прибавилъ бы безъ малѣйшаго колебанія: «послѣ того, какъ убилъ самымъ жестокимъ и звѣрскимъ способомъ его первоначальнаго владѣльца».

Однако сосѣди его, обитатели Гайблы Мьюсъ, вслѣдствіе ли того, что они не изучали человѣческой природы и не были полисменами, или же, можетъ быть, вслѣдствіе того, что у мистера Дартмора не только завелось новое платье, но и повывали денежки въ его карманахъ, такъ ли, или иначе, но мнѣнія ихъ оказались несравненно болѣе милосердными. Находились и такіе, которые вспоминали, что, какъ имъ казалось и прежде, въ Дикѣ было много хорошаго, и не даромъ же они ему всегда предсказывали успѣхъ и благосостояніе. Но мистеръ Джонъ Рутерфордъ, чтобы отдать ему справедливость, не принадлежалъ къ числу этихъ слѣпыхъ обожателей успѣха, хотя, съ другой стороны, онъ и не отвергалъ его существованія, пренесправно выживая съ мистеромъ Дартморомъ всякій разъ, какъ этотъ

джентльменъ приглашалъ его; а подобныя приглашенія все чаще и чаще возобновлялись за послѣднее время.

Съ ужасомъ замѣчала миссисъ Рутерфордъ частыя посѣщенія своимъ супругомъ «Восходящаго Солнца» и она еще меньше обыкновеннаго стала довѣрять Дикъ, не смотря на всѣ его любезности; но въ вещахъ неважныхъ, когда дѣло шло о джигѣ и о пивѣ, «честный Джонъ» дѣлалъ по своему, не вникая никакимъ уважаніямъ.

Однажды, вечеромъ, того же ноября, мистеръ Ричардъ Дартморъ довелъ свою щедрость до чистѣйшей расточительности, пригласивъ мистера Рутерфорда поужинать въ «Восходящее Солнце». Банкетъ этотъ давался въ отдѣльномъ кабинетѣ, комнатѣ, отдѣленной отъ общей пивной деревянною перегородкою, доходившею почти до потолка, — комнатѣ, отводимой обыкновенно почетнымъ посѣтителемъ. Хотя Джонъ былъ его единственнымъ приглашеннымъ, ужинъ былъ не только обиленъ, но и великолѣпенъ. Потрохи изображали супъ; entrée изображалось телячьимъ ливеромъ, а pièce de résistance — бычачьимъ сердцемъ. Гость его любилъ все то, что онъ обыкновенно обзывалъ «внутренними частями», и Дикъ постарался угодить ему. Что же касается сладкихъ кушаньевъ, то посѣтители «Восходящаго Солнца» вообще мало ихъ придерживались, за то поваръ его умѣлъ въ совершенствѣ поджаривать ракушки, а сегодня онъ превзошелъ самого себя. Покончивъ съ ракушками, наша счастливая парочка принялась за виски и за трубочки, а разговоръ перешелъ на дневныя событія. Послѣ неисчерпаемаго перечня всѣхъ достоинствъ Артемизы, возникъ вопросъ о томъ, до какой суммы можетъ дойти выигрышъ, если падеть на ея долю, а отсюда разговоръ незамѣтно перешелъ на денежные дѣла вообще.

— Это великое дѣло, скажу я вамъ, мистеръ Рутерфордъ, говорилъ Дикъ, протягивая ноги и запуская руки въ карманы. Это было теперь его любимую позою, такъ какъ ему очень нравилось, что онѣ больше не проходили насквозь кармановъ, — великое дѣло имѣть много денегъ!

— Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ его собесѣдникъ, пуская большое облако дыма и наблюдая повидимому съ большимъ интересомъ за тѣмъ, какъ оно поднималось подъ самый потолокъ. — Только самому-то еще не приходилось этого испытывать.

— Ну а вотъ я такъ испыталъ, возразилъ Дикъ. Затѣмъ онъ нагнулся къ нему и таинственно прошепталъ: — Что вы мнѣ скажете, если я вамъ, напримѣръ, сообщу, что у меня

денегъ... да все равно, не скажу сколько... которыми я могу вполне распоряжаться.

— Если вы не говорите мнѣ сколько именно, то что же я могу вамъ на это отвѣтить? сказала Джонъ спокойнымъ тономъ челоуѣка, знающаго, что логичность на его сторонѣ.

— Какъ бы тамъ ни было, а я богатъ, Рутерфордъ, т. е. сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ я былъ. А это что нибудь да значить, не правда ли? Такъ что же вы мнѣ на это отвѣтите?

— Что-жъ, замѣтилъ Джонъ, желая быть вѣжливымъ и остерегаясь дѣлать какіе бы то ни было сомнительные намеки, — я скажу, что это славная штука.

— Славная и есть, мистеръ Рутерфордъ; а что славнѣе всего, такъ это, видите ли, возможность съ моей стороны устроить и другому хорошую штуку; положимъ хоть, для примѣра, и вамъ.

— Да вы ужъ и одолжили меня, угостили на славу, говорилъ Джонъ, обводя рукою комнату, въ которой благовонная начинка бычачьяго сердца дружно смѣшивалась съ ароматомъ вѣски, — очень меня разодолжили.

— Есть о чемъ говорить! возразилъ тотъ презрительно. — Это ничего сравнительно съ тѣмъ, что я могу сдѣлать, и что я хочу для васъ сдѣлать, если въ васъ есть хоть капля разсудка.

— Ну, это вещь условная, отвѣтилъ Джонъ или изъ врожденнаго чувства приличія, или же вслѣдствіе воспоминанія о своей проницательной Салли, такъ часто отвергавшей въ немъ вышеупомянутое качество.

— Для начала, дружище, вотъ билетъ въ пять фунтовъ, который поручено мнѣ передать тебѣ отъ нѣкоего господина, цвѣтъ денегъ котораго тебѣ уже немного знакомъ.

Джонъ не безъ волненія взялъ деньги и поднялъ ихъ къ свѣчамъ, украшавшимъ столъ.

— Все какъ слѣдуетъ быть, и водяной знакъ на мѣстѣ, сказалъ онъ.

— Да ужъ, конечно, все какъ слѣдуетъ; ужъ что капитанъ дѣлаетъ, то навѣрное хорошо; онъ какъ есть настоящій джентльменъ.

— Кажись что и такъ, соглашался Джонъ, убѣдившись въ исправности предмета рѣчи. — Ну а что съ меня потребуютъ, какую услугу за эту маленькую бумажечку?

— Да ровно ничего, произнесъ Дикъ торжествующимъ голосомъ и скрестивъ ноги, — она ваша совершенно и безусловно.

— Тогда передайте капитану вмѣстѣ съ моимъ почтеніемъ

мою полнѣйшую готовность работать на него на тѣхъ же условіяхъ вплоть до самой его смерти.

— Ну это, положимъ, не совсѣмъ-то такъ, возразилъ Дикъ, — а только все-таки работы почти никакой, плата же очень большая.

— А какая? освѣдомился тотъ.

— Да цѣлыхъ сто фунтовъ.

— Это важная штука, замѣтилъ мистеръ Рутерфордъ, выпуская на этотъ разъ въ пространство не только одинъ дымъ, но и значительное количество легочнаго воздуха.

— И все немедленно чистыми деньгами, продолжалъ мистеръ Дартморъ, — не то, что ваши тамъ обѣщанія заплатить, или векселя и т. п.; а отсчитаютъ двадцать точно такихъ же билетиковъ и прямо на ладонь.

Мистеръ Рутерфордъ посмотрѣлъ на свою ладонь, какъ-бы сомнѣваясь, достаточно ли она достойное помѣщеніе для подобной суммы.

— А какая же работа, мистеръ Дартморъ? произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія. — Какую такую маленькую услугу требуетъ отъ меня капитанъ за эти деньги?

— Только и всего, что остановить вашъ кабъ въ извѣстномъ мѣстѣ и затѣмъ опять ѣхать дальше.

— Для этого стоитъ только запретъ мою кобылу, она это любитъ, и мы съ нею разъ, пожалуй, сорокъ остановимся, намъ все ни почемъ, весело болталъ Джонъ. — Ну такъ дѣло въ шляпѣ и отлично!

— Прошу васъ, не дурачьтесь, Рутерфордъ, будьте серьезны, урезонивалъ его Дикъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. — Это далеко не шутка, а напротивъ, дѣло весьма важное.

— Просимъ прощенія, сказалъ съ достоинствомъ честный Джонъ. — Я думалъ, что это только шутка, такъ какъ вы называли это вещью столь незначительною. Ужъ не воровство ли?

— Тсс! сказалъ Дикъ, поднимая палецъ и сомнительно поглядывая на верхнюю часть деревянной перегородки. — Никогда не употребляйте подобныхъ словъ. Неужели же вы думаете, что я предложу честному человѣку, подобному вамъ, сдѣлать что-либо противозаконное? Нѣтъ, мистеръ Рутерфордъ, для этого я слишкомъ уважаю васъ и вашу супругу.

— Я передамъ ей вашу любезность, да за одно и все то, что вы говорили.

— Что? Неужели же вы сдѣлаете подобную глупость? воскликнулъ Дикъ, видимо испуганный. — Вѣдь этотъ пяти-фунто-

вый билетъ данъ вамъ былъ съ тѣмъ, чтобы вы молчали во всякомъ случаѣ и какъ бы мы не порѣшили на счетъ дѣла.

— Значить работа все-таки есть, мистеръ Дартморъ, это держать языкъ свой на привязи, замѣтилъ Джонъ, довольный своимъ открытіемъ.—Ну для многихъ это не совсѣмъ-то легкая работа, но, въ счастію, не для меня. Общаю вамъ не говорить ни слова, что бы ни случилось.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ, Рутерфордъ; я зналъ, что вы добрый малый, говорилъ Дикъ ласково.—Вотъ видите ли въ чемъ дѣло: мы хотимъ немножко позабавиться и намъ нужна ваша помощь... маленькая невинная продѣлка, шуточка на счетъ мистера Гельстона.

— А, вотъ какъ! сказала Джонъ.—Это то, что леди и джентльмены прозываютъ пріятельскою шуточкою; такъ, что-ли?

— Именно такъ, дружище. Капитанъ знакомъ съ мистеромъ Гельстономъ, даже друженъ съ нимъ, такъ что не сомнѣвайтесь, это все по-пріятельски. Вѣдь вы возите его иногда по ночамъ въ Мурстритъ, не правда ли?

— Да, вожу.

— И отсюда въ Паулетстритъ?

— Именно.

— Между этими двумя улицами и почти что вамъ по дорогѣ находится Гренплэсъ. Вы знаете? Такое спокойное, уединенное мѣстечко.

— Гренплэсъ? и почти мнѣ по дорогѣ? отвѣтилъ онъ, ображая.—Т. е., при обыкновенной таксѣ, вези я кого нибудь изъ Мурстрита въ Паулетстритъ, понадобится ему проѣхать по Гренплэсъ,—я потребую прибавки.

— Конечно, конечно, мистеръ Рутерфордъ; но, вообще говоря, мѣсто это все-таки вамъ по дорогѣ, не правда ли?

— Положимъ, что и такъ; я иногда и тамъ проѣзжаю съ мистеромъ Гельстономъ.

— Вотъ и отлично! И такъ, первый разъ какъ вы поѣдете въ Мурстритъ, предупредивъ меня сперва объ этомъ, вы только остановитесь въ Гренплэсѣ проѣздомъ въ Сити. Я въ слѣдующій разъ сообщу вамъ номеръ дома.

— И когда остановлюсь, что же мнѣ слѣдуетъ дѣлать?

— Ровно ничего; все будетъ сдѣлано другими. Тамъ мистера Гельстона будутъ дожидаться нѣкоторые его друзья.

— Будутъ дожидаться и того, что съ нимъ въ кэбъ? съ разстановкою дополнилъ мистеръ Рутерфордъ.

— Можетъ быть; но не въ томъ дѣло. Это васъ совсѣмъ

не касается. Положимъ, что ночь будетъ темная, вѣроятно будетъ идти снѣгъ; вдругъ ваша лошадь захромаетъ, или же вамъ это покажется, и случится это прямо противъ означеннаго дома, что будетъ совершенною случайностью. Вашъ сѣдокъ внезапно очутится посреди своихъ друзей и войдетъ съ ними въ домъ, чтобы провести тамъ ночь. Причемъ же вы-то тутъ, скажите? Совсѣмъ ни причемъ. Вамъ только слѣдуетъ остановить вашъ взбѣ въ известномъ мѣстѣ и затѣмъ ѣхать дальше, и за это вамъ заплатятъ сто фунтовъ.

— А вы предполагаете, что полиція удовольствуется этимъ разказомъ, когда пропадетъ мистеръ Мэтью Гельстонъ и она придетъ ко мнѣ дѣлать дознаніе? ослѣдомился мистеръ Рутерфордъ, сося свою трубку, что было его привычкою въ минуту глубокаго волненія, и пристально уставясь на своего собесѣдника.—Мнѣ кажется, что меня-то перваго и заберутъ.

— Съ какой-же стати? Вы имъ прямо объявите, что мистеръ Гельстонъ вышелъ по своей доброй волѣ и отправился въ одинъ изъ домовъ Гренплеса, номеръ котораго вы, конечно, не замѣтили.

— Это слишкомъ большой рискъ, мистеръ Дартморъ.

— Нисколько, риску тутъ ни малѣйшаго. Подумайте-ка хорошенько обо всемъ этомъ, поразмыслите.

Наступило непродолжительное молчаніе, во время котораго мистеръ Рутерфордъ погружился въ размышленія.

— А когда мистеръ Гельстонъ вернется, продолжалъ онъ угрюмо,—когда онъ вернется, что тогда? Думаете ли вы, что его разсказъ о добровольномъ его входѣ въ этотъ домъ совпадетъ съ моимъ?

— Онъ никогда оттуда не выйдетъ, т. е., прибавилъ мистеръ Дартморъ, увидавъ его смущеніе,—не будетъ въ состояніи вамъ повредить; его до тѣхъ поръ не выпускать, пока онъ этого не пообѣщаетъ; а онъ, какъ вы же мнѣ говорили, не измѣнитъ своему слову.

— Да, Дикъ, замѣтилъ мистеръ Рутерфордъ, произнося слова очень медленно и серьезно,—онъ честный, щедрый, добрый, прекрасный господинъ, котораго я знаю уже много лѣтъ и о которомъ ничего, кромѣ хорошаго, не слышалъ; у него для каждаго найдется ласковое, привѣтливое слово, и онъ родомъ изъ Мидлэндея, откуда и я.

— Это очень интересно, отвѣчалъ Дикъ, стараясь впасть въ сочувственный тонъ;—есть тому же оно какъ нельзя лучше въ данномъ случаѣ, такъ какъ вслѣдствіе этого васъ будутъ

меньше подозрѣвать и повѣрять скорѣе вашему разсказу. Не мѣшало бы также прикинуться нѣсколько пьянымъ въ эту ночь, чтобы объяснить вашу забывчивость и ошибку.

— Ошибку въ томъ, что я принялъ капитана съ компаніей за его друзей, а насиліе надъ нимъ за любезное приглашеніе?

— Именно такъ, и вашу забывчивость относительно номера дома, добавилъ Дикъ.

— Бѣдный мистеръ Мэтью! произнесъ Дикъ, говоря какъ бы самъ съ собою;—такъ-то его отблагодарить за всю его доброту ко мнѣ? Вѣдь это отецъ его жены. Дикъ, который меня выручилъ тогда изъ бѣды, хотя онъ и былъ священникъ да все ради миссъ Изабель.

— О, чортъ съ нимъ, съ отцомъ его жены! воскликнулъ мистеръ Дартморъ, съ внезапнымъ раздраженіемъ, по случаю введенія въ разговоръ такого посторонняго факта.—Слыханная ли вещь, чтобы человекъ въ здоровомъ разсудкѣ молоть такой вздоръ? Вѣдь мы же не собираемся запереть въ Гренплэсъ ни отца его жены, ни жену его.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, Дикъ, отвѣчалъ тотъ спокойно.—Будь его жена, бывшая миссъ Изабель, съ нимъ, имъ бы обоимъ не было такъ дурно, потому что они составляютъ одно... именно такъ, какъ говоритъ священникъ, и это суцая истина. Это бы ее убило, я знаю; вѣдь она нѣжный цвѣточекъ и еще совсѣмъ недавно у ней родился сыночекъ, а это далеко не подкрѣпляетъ. И съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ родился этотъ ребенокъ, мистеръ Мэтью совсѣмъ неузнаваемъ. Такой онъ довольный и радостный, только словно бы ему еще тяжелѣе покидать ее по ночамъ. И вотъ она будетъ сидѣть всю ночь съ ребенкомъ и поджидать его, а онъ все-таки не вернется! Нѣтъ, Дикъ, этого сдѣлать я рѣшительно не могу.

— Ну ужъ и разодолжилъ! Скажу я вамъ, милѣйшій, что изъ всѣхъ нюней, мямлей и размазней — вы, съ позволенія сказать, что ни на есть худшій; потому только, что женщина, въ силу обыкновеннаго закона природы, въ тому же будучи замужемъ, родитъ мальчика, вы...

— Нѣтъ, Дикъ, не то, извинялся мистеръ Рутерфордъ, перебивая его;—совсѣмъ не то. Что меня касается, я не очень то долюбиваю ребятъ; но видишь ли, когда жена моя была больна горячкою и всѣ сосѣди бѣжали отъ нея, думая, что у нея скарлатина, миссисъ Гельстонъ приходила сама каждый день, говоря, что дѣлаетъ это ради стараго времени, когда за ея больною матерью ухаживала мать Селли еще въ Торлтонѣ,

и никогда она не приходила безъ чего либо подрѣвнительнаго и хорошаго для моей, больной хозяйки. Нѣтъ, Дикъ, я все-таки не таковъ подлець, какъ вы, хотя жена и говоритъ мнѣ, что я скоро буду не лучше; я не могу вамъ услужить въ этомъ вашемъ маленькомъ предпріятіи, нивакъ не могу! Съ этими словами, честный Джонъ всталъ со стула и протянулъ руку за своей зюджеткой.

— Рутерфордъ, воскликнулъ Дикъ, также поднимаясь и удерживая его за руку:—не отказывайтесь отъ подобнаго случая, онъ уже больше никогда не представится. Я вижу, что вы заблуждаетесь; вы вѣрно предполагаете убійство.

— Предполагаю? презрительно отвѣтилъ Джонъ.—Я знаю, что убійство будетъ: мистеръ Мэтью иначе не отдастъ эти самые бриліанты, какъ вмѣстѣ съ жизнью.

— Мистеръ Рутерфордъ, воскликнулъ Дикъ, заслоня дверь спиною,—я васъ обманулъ. Весьма естественно, что мнѣ хотѣлось устроить все подешевле, да и работа-то казалась мнѣ такою ничтожною, а плата высокою. Но капитанъ назначилъ двѣсти фунтовъ, а не сто: первую сотню за то, что вы остановите вашъ кабъ, а вторую за то, что поѣдете дальше.

— О, вотъ какъ! спокойно возразилъ тотъ, обвязывая шерстяной шарфъ вокругъ шеи, такъ какъ погода была сырая и холодная.—Это составило бы, конечно, разницу, не рѣшивъ я сначала совсѣмъ отказаться отъ этого дѣла. И знайте, васъ я не виню, а только одного капитана. Есть люди глуше отъ самого рожденія, между тѣмъ, какъ другіе впадаютъ въ глупость, вслѣдствіе пристрастія къ напиткамъ.

Дикъ сперва ничего не отвѣтилъ на эти оскорбительныя и, по правдѣ сказать, неблагодарныя слова; онъ только уставился въ какомъ-то идиотскомъ молчаніи на своего уходившаго гостя. Внезапно лучъ разума озарилъ его одеревенѣлое лицо.

— Джонъ Рутерфордъ, произнесъ онъ, грозя ему указательнымъ пальцемъ, или скорѣе указывая на Джона, такъ какъ палець дрожалъ самъ собою:—я знаю, отчего вы отказываетесь участвовать съ нами. О, вы хитрецъ, и не проведете меня вашими сладкими и пустыми рѣчами.

— Что вы этимъ хотите сказать? спросилъ Джонъ улыбаясь, вслѣдствіе ли сдѣланнаго ему комплимента, или же вслѣдствіе какой-то внутренней, сильно занимавшей его мысли.

— А вотъ что я хочу сказать: вы сами хотите добыть эти бриліанты и помимо насъ; только послушайте добраго совѣта: оставьте это дѣло, Джонъ Рутерфордъ; это штука очень опасная.

— Ничто не дается безъ риска, мистеръ Дартморъ, отвѣчайте тотъ хладнокровно.

— А между тѣмъ, когда мы просимъ васъ только на минуту остановить кѣбъ и затѣмъ спокойно ѣхать дальше, вы говорите о рискѣ! Могу васъ увѣрить, что весь этотъ рискъ ничто, сравнительно съ тою вѣрною смертью, которую вы себѣ приготавливаете, если вы помѣшаете капитану, такъ какъ онъ отъ этого дѣла не откажется ни за что на свѣтѣ.

— Я ужасно боюсь его, Дикъ; ужасно, весело возразилъ мистеръ Рутерфордъ. — Я содрагаюсь, когда я думаю о немъ, что, можетъ быть, вы и потрудитесь ему передать вмѣстѣ съ моимъ низайшимъ почтеніемъ. Только, видите ли, небольшая мнѣ корысть прямо лѣзть въ тюрьму изъ-за какихъ нибудь двухсотъ фунтовъ. Что же касается моего собственнаго намѣренія относительно этихъ самыхъ бриліантовъ, то, долженъ сознаться, что я объ нихъ такъ не мало думалъ и предполагаю, между прочимъ, что они пришлись бы къ лицу моей хозяйкѣ; одно бѣда—это могло бы возбудить нѣкоторое подозрѣніе, одѣнь она ихъ только, примѣрно, у себя на верандѣ; а какая ей корысть, если одѣть ихъ нельзя? Я подумалъ и о томъ, что можно ихъ продать за порядочную сумму, на которую можно пожить припѣваючи, не трудясь, да еще нанять человѣка, чтобы ватать меня въ моемъ же кѣбѣ. Я часто и много думалъ о нихъ; объ одномъ только не думалъ я, Дикъ Дартморъ, а именно о томъ, чтобы добыть эти бриліанты, рискуя при этомъ свободою и жизнію для капитана Лангтона или, чтобы проще выразиться, не думалъ о томъ, чтобы вытаскивать каштаны изъ огня для поганой обезьяны.

— А что же пятифунтовый билетъ и ужинъ, которымъ я васъ угощаль? заявилъ мистеръ Дартморъ, всплывъ праведнымъ негодованіемъ.

— Ужинъ, Дикъ, какъ я понялъ изъ вашихъ словъ, былъ дружественнымъ угощеніемъ; душевно сожалѣю, что вы мнѣ не сказали о томъ, что платить капитанъ; я бы тогда не терзался чувствомъ личнаго одолженія, особенно же касательно уничтоженія великолѣпныхъ рагушекъ. Что же касается пятифунтовой бумажки, то я равъ слышалъ, какъ моя хозяйка читала въ одной книгѣ о томъ, что существуетъ залогъ молчанія, вотъ мнѣ онъ и выплаченъ съ тѣмъ, чтобы я не болталъ. Если это успокоитъ капитана, то можете ему сообщить, что залогъ этотъ мнѣ очень пригодится.

Съ этими словами, сопровождавшимися веселымъ бивкомъ и

улыбкою, свидѣтельствовавшей о его довольномъ настроеніи духа, мистеръ Джонъ Рутерфордъ распростился съ своимъ насильственнымъ благодѣтелемъ. Но выраженіе добродушнаго лица его измѣнилось, лишь только онъ вышелъ на улицу.— «Я знаю, что этимъ кончится раньше или позже, говоритъ онъ самому себѣ,— и не разъ говорилъ объ этомъ мистеру Мэтью». — «Такъ отчего же, отвѣчаетъ онъ мнѣ,— до сихъ поръ этого не сдѣлали?» — «Да потому, говорю я,— что слишкомъ многимъ хочется, оттого и не удается никому». А онъ засмѣялся и отвѣчаетъ мнѣ на это: — «Хорошо сказано». — «Теперь же не до смѣху; эта поганая обезьяна, какъ я его называлъ, хотя онъ въ тысячу разъ хуже того, дѣйствительно замышляетъ недоброе. Впрочемъ, и я замышляю дѣло, и пятерочка капитана какъ разъ встаетъ, чтобы пустить его въ ходъ». Онъ шелъ дальше, изрѣдка продолжая свои разсужденія. — «Говорятъ, что они стоятъ двадцать пять тысячъ фунтовъ. Хотѣлось бы знать, что дадутъ за нихъ въ лавкѣ? Какая тогда нужда ѣздить съ кэбомъ, да хотя бы быть и капитаномъ. Вѣдь это цѣлая куча денегъ, цѣлая куча!»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Душевное возмущеніе.

Не смотря на всю свою сдержанность въ разговорѣ съ мистеромъ Дартморомъ относительно дѣла мистера Мэтью, Джонъ Рутерфордъ сообщилъ ему, однако, одно извѣстіе, оказавшееся вполне вѣрнымъ. Въ эквандишгровскомъ семейномъ кружкѣ оказалось маленькое прибавленіе, сдѣлавшее Мэтью совершенно неузнаваемымъ. Но эту переимѣну къ лучшему нельзя было собственно отнести къ рожденію ребенка, хотя и безконечно радовавшего мать.

Какъ общее правило, отцы вообще не особенно-то восхищаются появленіемъ ребенка, развѣ только какъ наслѣдника, чтобы имѣнія ихъ не перешли въ чужія руки. Надо, чтобы ребенокъ перешелъ сперва нѣкоторыя первобытныя стадіи своего развитія, раньше чѣмъ отецъ привяжется къ нему. И такъ, Мэтью радовался пока исключительно хорошему состоянію здоровья жены, тѣмъ болѣе, что онъ сначала страшно за нее боялся; она была такая тоненькая и нѣжная, сама казалась

совершеннымъ ребенкомъ, такъ что немудрено было ему и опасаться. Однако, какъ замѣтила сидѣлка, она показала себя вполне молодцомъ и все обошлось совсѣмъ благополучно.

Сперва Мэтью негодовалъ на тѣ часы занятій, которые ему приходилось проводить вдали отъ жены; но, находя ее по возвращеніи всегда веселою и улыбающеюся, и видя ея быстрое и замѣтное поправленіе, онъ, наконецъ, успокоился. Что же касается ребенка, то онъ не только былъ кумиромъ матери, но и тети Эми, и что всего важнѣе, начиналъ уже пользоваться безграничнымъ расположеніемъ самого дяди Стэфена. Правда, что во время своего періода красноты и цвѣтѣнія, онъ не избѣгъ сарказмовъ этого джентльмена, сравнивавшего его даже съ яйцомъ въ сматку; но когда ребенокъ въ первый разъ обхватилъ своимъ маленькимъ кулачкомъ его палець, сердце дяди Стэфена окончательно покорилось.

Такимъ образомъ, обычная меланхолія Мэтью нѣсколько разсѣялась подъ вліяніемъ этого солнечнаго луча, но только на короткое время. Несчастіе нѣкоторыхъ людей заключается въ томъ, что они видятъ исключительно черную сторону всего. По мѣрѣ того, какъ проходило его опасеніе относительно жены, другое, болѣе отдаленное, начинало его тревожить. Это была возможность его полнѣйшей размолвки съ мистеромъ Сайнэтомъ, которая отняла бы у него послѣднія средства къ существованію, тѣмъ болѣе, что всѣ надежды на Мэдъ почти окончательно улетучились. Онъ тщательно скрывалъ свои опасенія отъ Сэбей, а равно и отъ всѣхъ другихъ; однако мысль эта, имѣвшая нѣкоторое основаніе, никогда не покидала его.

Съ той самой минуты, какъ онъ сообщилъ мистеру Сайнэту извѣстіе относительно мистера Фрэнка Бэрло, обращеніе съ нимъ перваго совсѣмъ измѣнилось. Онъ, конечно, никогда не намекалъ на причину, однако причина эта была какъ нельзя лучше извѣстна Мэтью; ни одинъ изъ поступковъ его не встрѣчалъ больше одобренія его патрона, и ему постоянно ставился въ упрекъ его отказъ дѣйствовать какъ «конфиденціальный агентъ» фирмы.

Къ тому же ювелиръ довольно откровенно говорилъ ему, что обстоятельства могутъ заставить его, вслѣдствіе отказа Мэтью исполнять порученіе въ Мурстритѣ, сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ составѣ своей конторы. Мэтью ясно понималъ значеніе этихъ словъ, предвѣщавшихъ ни что иное, какъ отказъ ему. Могло бы показаться естественнымъ и благоразумнымъ, что, находясь въ подобномъ затрудненіи, Мэтью возобновитъ свое со-

гласіе на поѣздѣ къ леди Перджитеръ. Но дѣло въ томъ, что хотя здоровье Сэбей и не пострадало вслѣдствіе родовъ, она сдѣлалась очень нервна и безконечно радовалась тому, что, съ концомъ года, окончатся и ночныя поѣздки ея мужа.

— Я теперь никогда не спокойна, моя радость, когда тебя нѣтъ со мною; но хуже нѣтъ этихъ зимнихъ ночей, когда я представляю себѣ, что съ тобою случилось что либо ужасное. Если я засыпаю, то вижу про тебя все страшныя сны; если я не сплю, я вся дрожу отъ страха.

Она прежде никогда такъ не волновалась, и хотя ночныя поѣздки его постоянно ее тревожили, однако, до сихъ поръ, она переносила ихъ спокойно, какъ и всѣ другія испытанія. Теперь же, когда ей было обѣщано избавленіе отъ этого горя, ей было бы вдвое тяжелѣе снова мириться съ нимъ; къ тому же Мэтью, не безъ основанія, предполагалъ, что, согласись онъ даже опять на эти поѣздки, явится сейчасъ же иная причина несогласія или недовольства имъ мистеромъ Сайнэтомъ; такимъ образомъ, онъ подвергалъ себя униженію совершенно бесполезно, въ то же время напрасно огорчая жену.

Однако, съ своей собственной точки зрѣнія, мистеръ Сайнэтъ не безъ причины такъ замѣтно измѣнилъ свои отношенія къ Мэтью.

Дважды, послѣ извѣстнаго визита въ виллу Кедръ, такъ многообѣщающе-начавшагося для него, такъ прелестно проведеннаго имъ и такъ печально окончившагося, посѣщалъ онъ Кавендишгровъ, и оба раза миссъ Тэрло не показывалась. Хотя онъ зналъ, что она была дома и ухаживала за сестрою; но ему сообщили, что миссисъ Гельстонъ была еще очень больна и требовала неотлучнаго присутствія сестры. Всѣ ихъ поклонны и привѣтствія, передаваемые дядею Стэфениомъ, нисколько его не утѣшали. Онъ очень злобствовалъ на подобное поведеніе и началъ вымещать это на своемъ подчиненномъ, и не вслѣдствіе какого либо личнаго къ нему нерасположенія, а, напротивъ, на мѣренно, желая дать дѣлу ходъ, какъ онъ объяснялъ это самому себѣ. Вообще въ немъ не было истиннаго великодушія, и онъ рассчитывалъ на то, что, затруднивъ по возможности положеніе Мэтью, онъ этимъ самымъ склонитъ его въ свою пользу относительно свояченицы. Онъ ни мало не сомнѣвался въ томъ, что она дѣйствительно невѣста мистера Барло; но это ему казалось вещь весьма условною и непрочною, особенно же если имѣлась въ виду болѣе выгодная и подходящая партія; а что въ настоящемъ случаѣ дѣло обстоило именно такимъ образомъ,

онъ нисколько не сомнѣвался. Онъ даже старался себя увѣрить въ томъ, что молодой дѣвушкѣ, столь прекрасной и образованной, сильно вредили тѣмъ, что позволили согласиться на предложеніе какого-то мелкаго, бѣднякаго адвоката, между тѣмъ какъ ей открывалась несравненно болѣе блестящая будущность, о которой она ничего не знала только потому, что ему не давали возможности объясниться.

Зная характеръ Мэтью Гельстона, не трудно себѣ представить, какое дѣйствіе имѣли на него подобныя придиры со стороны его принципала. Проснувшись въ немъ опять прежняя горечь, нѣсколько улегшаяся вслѣдствіе утѣшительнаго положенія вещей дома. Какою несправедливою и чудовищною казалась ему мысль о томъ, что дорогіе его могутъ быть лишены средствъ къ существованію изъ-за каприза этого человѣка. Какъ жестока казалась ему мысль и о томъ, что всѣ способности его и все умѣнье пропадутъ даромъ, такъ тяжелое предчувствіе рисовало ему будущность въ самыхъ черныхъ, непривѣтливыхъ краскахъ.

Не зная побудительныхъ причинъ, волновавшихъ его племянника, мистеръ Дергамъ все болѣе и болѣе изумлялся, когда, по вечерамъ, за трубею, тотъ высказывалъ свои убѣжденія относительно права собственности, совсѣмъ негармонизировавшія съ табачнымъ дымомъ. Въ то время онъ еще не придавалъ этому серьезнаго значенія, смотря на подобныя изліянія исключительно съ точки зрѣнія врожденнаго и наслѣдственнаго сплина, проявлявшагося нѣсколько сильнѣе обыкновеннаго; однако, скоро должно было настать время, когда всѣ эти разговоры получили для него глубочайшее значеніе, въ особенности же одинъ изъ нихъ, когда Мэтью, переходя изъ абстрактнаго въ конкретное, упиралъ на леди Перджитеръ и на несправедливость владѣнія ею брилліантами.

— Мой милый Мэтью, шутя отвѣтилъ ему тогда дядя Стэфенъ, — услышь мистеръ Сайнэтъ подобный разговоръ, онъ не только бы добровольно отказался отъ твоихъ услугъ относительно этихъ брилліантовъ, но просто побоялся бы, что ты, чего добраго, спустишь ихъ въ рѣву, чтобы разогорчить миледи.

— Нѣтъ, это было бы насмѣшкою надъ самымъ счастьемъ, злобно отвѣтилъ Мэтью. — Возьми я брилліанты, я сдѣлалъ бы это, конечно, не съ цѣлью обогатить ими Темзу. Боже милосердный! продолжалъ онъ, вставая и въ волненіи зашагавъ по комнатѣ, — когда подумаешь, что какая нибудь полдюжина этихъ блестящихъ каменьевъ, теперь совсѣмъ бесполезныхъ, служащихъ причиною ссоры или дѣлающихъ еще отвратительнѣе жен-

щину, которая ихъ носить, были бы въ болѣе достойныхъ рукахъ средствомъ къ благосостоянію и довольству, могли бы осуществить научныя мечты или...

— Или же снабдить мечтателя—лукаво замѣтилъ дядя Стэфенъ—усерднымъ, хотя и принудительнымъ трудомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять, при даровомъ помѣщеніи въ Портлендѣ, очень чистенькомъ, да къ тому же снабжающемся тепломъ по самой усовершенствованной методѣ.

— Это дѣйствительно иной взглядъ на предметъ и съ болѣе практической точки зрѣнія, согласился Мэтью, и разговоръ объ этомъ болѣе не возобновлялся. Мистеръ Дергамъ однако замѣтилъ, что племянникъ его былъ въ этотъ вечеръ молчаливѣе обыкновеннаго и походилъ на человѣка, занятаго какою нибудь подавляющею, исключительною мыслью.

Однако въ присутствіи Сэбей и Эми, онъ всегда сдерживался, да и вообще крайне рѣдко выказывалъ свою изнанку, какъ онъ обыкновенно самъ называлъ свое недовольство общественнымъ строемъ, даже въ разговорахъ съ дядею.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Послѣдній его вечеръ.

Въ пятницу, четвертаго декабря года, о которомъ идетъ рѣчь, погода была замѣчательно холодная. Снѣгу въ этотъ день не шло, но его столько напало во всю предъидущую недѣлю, что его лежало много по всему городу, благодаря сильнымъ морозамъ и не смотря на всѣ старанія метельщиковъ убрать его. Вѣтеръ такъ и разгуливалъ, ища себѣ добычи. Подобная погода для большинства лондонцевъ не представляетъ особаго неудобства, такъ какъ ни работы наши, ни развлечения не происходятъ на открытомъ воздухѣ, и не смотря на всѣ рассказы моряковъ о летающихъ трубахъ съ домовыхъ крышъ, не такъ-то опасно ходить по улицамъ въ бурную погоду, какъ плыть по морю. Положимъ, что четырехколесные кэбы и omnibuses имѣютъ свои неудобства, но за то вѣтеръ не въ состояніи ихъ опрокинуть; что-же касается подземной желѣзной дороги, то она окончательно безопасна. Такимъ образомъ передвиженіе, оставаясь котораго составляетъ наше исключительное общественное

бѣдствіе, идетъ своимъ чередомъ. Скажу боже: у насъ сворѣе даже радуются особенно бурной и вѣтренной погодѣ, такъ какъ во время ея случается больше забавныхъ происшествій на углахъ и перекресткахъ и приобрѣтается такимъ образомъ лишній сюжетъ для разговоровъ вечеромъ у камина.

Безъ всякаго сомнѣнія нашъ маленькій эквандишскій кружокъ по обыкновенію сидѣлъ бы мирно и весело за своимъ обѣдомъ, не смотря на сильные поровы зимняго вѣтра, свободно и съ ревомъ гулявшаго между обнаженными деревьями сада, если-бы одинъ изъ нихъ не былъ осужденъ въ эту-же ночь подвергнуться всѣмъ его немилостямъ. Онъ уже отвезъ леди Перджитеръ брилліанты, одѣваемые ею сегодня на большой балъ, даваемый какимъ-то посланникомъ; а въ три часа ночи ему предстояла тяжелая обязанность пріѣхать за ними и по обыкновенію отвезти ихъ обратно въ Паулетстритъ. Къ тому же онъ страдалъ отъ сильной простуды, которую старался скрыть по мѣрѣ возможности, самъ не обращая на нее почти никакого вниманія.

Но не смотря на это, жена его очень радовалась тому, что сегодняшнее путешествіе его будетъ послѣднимъ, такъ какъ леди Перджитеръ собиралась провести Рождество въ своемъ имѣніи, а съ новаго года онъ былъ совершенно освобожденъ отъ этихъ неприятныхъ поѣздокъ. Къ тому же сегодня, въ первый разъ послѣ появленія на свѣтъ малютки, Сэбей присутствовала за общимъ обѣдомъ, обстоятельство сильно всѣхъ радовавшее. Она была свѣжа, весела и казалась здоровою, хотя дядя Стэфенъ и утверждалъ, что она еще болѣе обыкновеннаго походила на тонкій китайскій фарфоръ. Эми также была особенно оживлена и интересна, что, до нѣкоторой степени, можно было приписать присутствію мистера Френка Барло. Ему, вѣроятно, не сообщили о недавнемъ ухаживаніи мистера Сайнэта или, скорѣе, объ его попыткѣ къ ухаживанью; но онъ во всякомъ случаѣ не придавалъ бы этому ни малѣйшаго значенія. Онъ не безъ нѣкотораго юмора рассказывалъ объ одномъ случаѣ въ судѣ, происшедшемъ въ то же утро, въ которомъ, конечно, Бэтсъ и Барло (Бэтсъ былъ его старшій партнеръ) играли выдающуюся роль, защищая выигравшую сторону. Они долго хлопотали о томъ, чтобы добыть свидѣтельство въ банкротствѣ одному изъ своихъ кліентовъ, болѣе чѣмъ сомнительно пострадавшему отъ крушенія своего судна. Они возлагали всѣ свои надежды на глухоту и чрезмѣрную разсѣянность судьи; однако до тѣхъ поръ ихъ опонентъ, защитникъ кредиторовъ, такъ усерд-

ствовавль, что удобнаго случая никакъ не представлялось. Но замѣтивъ, что врагъ ихъ ушелъ завтракать нѣсколько раньше, чѣмъ судъ прервалъ засѣданіе съ этою же цѣлью, они воспользовались удобнымъ моментомъ и въ самыхъ краткихъ словахъ объяснили, какимъ образомъ ихъ кліентъ потерялъ все свое состояніе по случаю крушенія судна «Парамата», потопленнаго совсѣмъ не намѣренно, какъ утверждаютъ ихъ враги, а погибшаго по волѣ Провидѣнія. Не погибни «Парамата», кліентъ ихъ былъ бы счастливъ и уважаемъ всѣми; не погибни «Парамата», никогда подобная просьба, столь унижительная для человѣка въ его положеніи, не осквернила бы устъ его. Проголодавшійся судья слышалъ все сказанное едва-ли на половину, но озадаченный частымъ повтореніемъ имени этого несчастнаго судна, онъ вдругъ спросилъ.

— А что мистеръ Парамата противится этому?

Этого-то вопроса, только конечно съ вставленіемъ другаго имени, болѣе всего опасался защитникъ.

— Парамата — это судно, милордъ, пришлось-таки ему прошептать.

— Я не спрашиваю васъ о томъ, кто онъ, раздражительно воскликнулъ судья; — я спрашиваю, противится ли онъ?

— Господинъ Парамата не противится, милордъ.

— Очень хорошо; въ такомъ случаѣ вашъ кліентъ получить свидѣтельство.

Такимъ образомъ, когда защитникъ кредиторовъ вернулся съ завтрака, онъ увидѣлъ свое поражение. Разсказъ этотъ нѣсколько озадачилъ Эми, однако въ отвѣтъ на нѣкоторыя шутки дяди Стѣфена и остальныхъ она все-таки взяла сторону жениха.

Когда вечеръ пришелъ къ концу и дядя Стѣфенъ оставилъ Мэтью, выкуривъ свою трубочку, когда одинъ за другимъ всѣ огоньки въ домѣ потухли и Мэтью остался совсѣмъ одинъ, у него стало очень тяжело на сердцѣ. Не смотря на свою почти болѣзненную впечатлительность, онъ никакъ бы не допустилъ мысли о предчувствіи какого-либо несчастья; однако сегодня, когда эхо серебристаго голоса Сэбей и добродушнаго смѣха дяди замерли въ отдаленіи, какое-то тяжелое, непонятное чувство внезапно охватило его. Онъ даже не поднялъ, по обыкновенію, покрывала съ своей возлюбленной Мэджъ, но сидѣлъ съ трубкою во рту, не замѣчая того, что она давно потухла, уставивъ взоръ въ пространство, съ мыслями, смутно обращенными въ будущность, не представлявшую для него никакой теплой надежды. Вдругъ, далеко за-полночь, между двумя по-

рывами бури, бушевавшей по-прежнему, онъ услышалъ надъ головою шаги дяди Стѣфена. Думая, не заболѣлъ ли старикъ, онъ тихонько поднялся и постучался у его спальни; войдя, онъ нашелъ дядю дрожавшаго и въ одной рубашкѣ, отыскивавшаго какое-то изреченіе въ Эсхилѣ, при слабomъ свѣтѣ ночника.

— Очень жалѣю, что напугалъ тебя, дорогой мой Мэтью, сказала онъ, — но слова эти положительно не давали мнѣ покоя и я хотѣлъ провѣрить свою память.

На возвратномъ пути Мэтью заглянулъ въ спальню жены и нашелъ ее спящею съ ребенкомъ у груди. Его нѣсколько успокоилъ видъ ея безмятежнаго счастья и онъ тихонько поцѣловалъ ее въ лобъ. Какъ онъ завидовалъ ея безграничной вѣрѣ и надеждѣ, никогда ее не покидавшей. Какъ онъ завидовалъ дядѣ Стѣфену и отсутствію у послѣдняго дѣйствительныхъ заботъ, дававшему ему возможность заниматься цитатами изъ Эхила. И Эми, вѣрно, видѣла во снѣ своего жениха.

Въ самомъ началѣ третьяго часа, когда онъ только что собирался начать свои приготовленія къ отъѣзду, раздался звонокъ, и къ изумленію своему, онъ замѣтилъ, что кэбъ уже ждетъ его у воротъ. Онъ всегда слышалъ шумъ его колесъ заблаговременно, сегодня же дулъ юго-восточный вѣтеръ, несомнѣнно донесшій бы этотъ звукъ до него еще яснѣе обыкновеннаго. Однако причина этого необычнаго молчанія скоро объяснилась: шель опять сильный снѣгъ и вся земля была густо имъ покрыта, а вѣтеръ такъ и плакалъ и вылъ надъ нею.

— Жестовая погода, мистеръ Мэтью, сказалъ извозчикъ, сходя съ своего сидѣнья и размахивая руками какъ пингвинъ.

— За то сегодня наша послѣдняя поѣздка, Джонъ; войдите-ка и выпейте стаканъ виски, чтобы согрѣться.

— Благодарю васъ, сэръ, пожалуй выпью. И когда водка была принесена и стаканъ его наполненъ, онъ сказалъ: — выпью за ваше счастье.

— Благодарю, отвѣчалъ Мэтью нѣсколько угрюмо; что значили для него пожеланія Джона въ сравненіи съ мольбами о его благополучіи всѣхъ живущихъ подъ этою кровлею.

— И за удачу нашей поѣздки, прибавилъ Джонъ, хлебнувъ вторично и опоражнивая стаканъ.

— А развѣ вы боитесь неудачи? небрежно освѣдомился Мэтью, не придавая впрочемъ словамъ своимъ никакого значенія.

— О нѣтъ, сэръ, нисколько; но такъ какъ вы говорите, что это наша послѣдняя поѣздка, а ничего дурнаго пока не

случилось, то если чему суждено случиться, то оно будетъ или сегодня, или никогда.

— Понимаю, Джонъ; вотъ ваша сигара. Передъ тѣмъ что-бы сѣсть въ кэбъ, Мэтью Гельстонъ по обыкновенію взглянулъ на одно верхнее окно и, въ своему удивленію, увидѣлъ тамъ огонь; занавѣсъ была приподнята и оттуда выглядывало лицо, старавшееся пронижнуть снѣжный покровъ ночи.

Онъ понялъ сейчасъ же, что жену его разбудилъ необычный звонокъ и что она напрягала зрѣніе, желая увидѣть его до отъѣзда. Онъ послалъ ей воздушный поцѣлуй, хотя она и не могла его видѣть, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Ея лицо съ любовью слѣдило за удаляющимся кэбомъ, пока падающій снѣгъ не скрылъ его; затѣмъ, со вздохомъ, за которымъ слѣдовала улыбка при видѣ спящаго ребенка, она снова легла спать.

Съ Мэтью же по дорогѣ въ Мурстритъ ничего не случилось; но когда извозчикъ его открывалъ дверцу кэба, ручка задѣла за палецъ Джона, которое распахнулось и выставило на показъ стволъ пистолета. Но Мэтью, преисполненный мыслей о Мэджи и о своемъ грустномъ положеніи, ничего не замѣтилъ и спокойно вошелъ въ домъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Ожиданіе.

Уже было пять часовъ утра; буря все по прежнему свирѣпствовала, а Мэтью Гельстонъ еще не вернулся домой. Разъ это случилось, но всего только одинъ разъ, и фактъ этотъ несказанно утѣшалъ и успокаивалъ Сэбей, въ то время какъ она лежала и въ темнотѣ прислушивалась, не раздастся ли стукъ колесъ его кэба. Но ничего не было слышно, кромѣ порывистаго завыванія вѣтра, монотоннаго стука маятника и спокойнаго дыханія малютки. Тяжело и утомительно лежать и прислушиваться даже и тогда, если мы увѣрены, что тотъ, кого мы ждемъ, непременно придетъ; но когда мы въ этомъ не увѣрены, когда каждую минуту мы все болѣе волнуемся и сомнѣваемся, тогда это щемящее, гнетущее чувство. Часы пробили половину шестаго и Сэбей дрожала какъ въ лихорадкѣ отъ томительной неизвѣст-

мости. Такъ поводно онъ никогда еще не оставался. Теперь ей становилось пыткой лежать въ бездѣйствіи, рисуя себѣ всевозможные ужасы, и потому она тихонько встала, боясь разбудить спящаго ребенка. Что могло такъ задержать его? Зимой балы никогда не кончаются такъ поводно какъ лѣтомъ; да оставайся хоть леди Перджитеръ до самаго конца, и вернись въ четыре часа, Мэтью все-таки могъ бы быть уже дома. Себѣй даже въ настоящую минуту не забывала своей обычной заботливости о спокойствіи другихъ, не хотѣла тревожить сестры, спальня которой въ верхнемъ этажѣ, и закутываясь въ свой капотъ, она тихонько пробралась внизъ, въ столовую. У нея была искра надежды на то, что быть можетъ часы ея невѣрны, что они ушли за ночь впередъ, а часы въ гостиной образецъ исправности, такъ какъ ихъ провѣряетъ самъ дядя Стэфенъ, и они-то ей докажутъ, что она заблуждается на счетъ времени; но образецъ исправности указывалъ на сорокъ минутъ шестаго и сердце ея замирало отъ страха и тяжелой неизвѣстности.

«И въ такую ужасную ночь оставаться такъ долго на морозѣ и съ такой сильной простудой! Бѣдняжка, какъ онъ раскворается!» Это были ея самыя свѣтлыя мысли. Но что чаще всего приходило ей на умъ и на чемъ она не смѣла остановиться, это мысль о томъ, что случилось съ нимъ страшное, ужасное происшествіе, соединенное съ брилліантами. Она знала, что во время подобныхъ поѣздокъ съ нимъ былъ всегда револьверъ; но въѣдъ вору также могли быть вооружены, или же могли вырвать у него пистолетъ изъ рукъ и употребить противъ него же. Джонъ Рутерфордъ навѣрное пришелъ бы сообщить имъ, если-бы случилось что-либо серьезное; но можетъ быть и онъ раздѣлилъ судьбу своего сѣдока.

Стоя у окна гостиной, у котораго она откинула ставни, она пристально смотрѣла въ черную пустую улицу, время отъ времени проводя рукою по лбу, какъ-бы желая разогнать тѣ темныя мысли, слишкомъ ужасныя для того, чтобы здравый разумъ могъ ихъ допустить. Вотъ она представляетъ себѣ, что она вдова, а малютка тамъ, наверху, къ голосу котораго она чутко прислушивается во все время этой страшной пытки — бѣдный сиротка. И затѣмъ опять она упрекала себя въ томъ, что въ ней такъ мало вѣры въ благость Божію.

А между тѣмъ подобныя бѣдствія случаются каждодневно, и многія тысячи нѣжныхъ и невинныхъ созданій часто проводятъ цѣлые часы посреди этихъ страданій, этого невыразимо-тяжелаго ожиданія. Съ причиною ли или безъ причины, но пока

чувство это продолжается—терзанія для всѣхъ равно тяжелы. Сэбей, только что вставшая съ теплой постели, полуоткрытая, не чувствовала суроваго холода зимней ночи, одѣвшего оконную раму въ блестящія кристаллы; за то какъ непривѣтливо, какъ холодно было у нея на сердцѣ. Она стояла, словно бѣлая статуя, съ лицомъ, прислоненнымъ къ рамѣ, въ глазахъ же ея, устремленныхъ на востокъ, горѣлъ безпокойный, тревожный огонь. Вдругъ часы сосѣдней церкви пробили шесть.

«Онъ умеръ, онъ умеръ! глухо простонала она, когда мѣрные, холодные удары провесались и замерли въ ночномъ воздухѣ.—О Мать, дорогой Мать! я никогда больше не увижу тебя!»

Хотя онаго ворила съ сильнымъ отчаяніемъ, но отчаяніе еще не охватило ее. Дѣло, конечно, становилось очень серьезнымъ. Долѣ нельзя было предполагать, чтобы Матью удержало позднее возвращеніе леди Перджитеръ. Однако отъ серьезнаго положенія дѣлъ до безнадежности еще далеко, и потому послѣ этого горькаго возгласа, вырваннаго у нея силою ея горя, она отъ мысли перешла къ дѣйствию. У нея были по крайней мѣрѣ друзья и близкіе, къ которымъ она могла обратиться за помощью, за совѣтомъ. Въ этотъ часъ тяжелаго испытанія передумала она также и о томъ, что чувствовали къ Матью всѣ ее окружающіе. Что Эми его любила, это она хорошо знала, какъ знала и то, что она болѣе другихъ понимала его характеръ; также несомнѣнно была и привязанность къ нему дяди Стефена, только ей казалось, что старикъ не исполнилъ умѣлъ цѣнить его сердечность, его доброту и справедливость, его незаслуженныя неудачи и несчастія. Да, только Эми и она знали вполне всю цѣну тому сокровищу, которое она быть можетъ потеряла. Что же касается всѣхъ остальныхъ ихъ друзей и знакомыхъ, включая туда и самого мистера Барло, то она хорошо знала, что они неспособны ни понять, ни оцѣнить его. Всѣ они приписывали его задумчивость и молчаливость мрачности характера; они считали его безъ причины озлобленнымъ и гордымъ, хотя и неувереннымъ въ себѣ. И прежде она слышала подобные намеки, тогда они возбуждали ее негодованіе, а въ настоящую минуту они возбудили ея ненависть. Для нея никто на свѣтѣ не могъ сравниться съ ея дорогимъ Матью.

Но всѣ ея мысли поглотились только одной.

— Эми, дорогая Эми, что-то случилось, говорила она прерывающимся, хотя и сдержаннымъ голосомъ, склонившись надъ спящею сестрою.

— Что-то случилось? Не съ ребенкомъ? воскликнула Эми, просыпаясь въ испугѣ и вскакивая съ постели.

— Нѣтъ, со злобою отвѣтила Сэбей; что значилъ ребенокъ въ сравненіи съ отцомъ.

— Съ Мэтью?

— Великій Боже! что говоришь ты, Сэбей? И Эми не теряла времени, одѣваясь съ самою поразительною быстротою.

— Онъ еще не вернулся, а уже шесть часовъ.

— И только-то, моя голубушка? Его вѣрно задержала погода.—Она быстро подошла къ окну.—Посмотри, какой идетъ сильный снѣгъ.

— Погода его бы не задержала.

— Не погода, а кэбъ; что нибудь случилось съ лошадыю и невозможно было достать другой. Я увѣрена, что онъ сейчасъ вернется.

Сэбей уже имѣла эту надежду, но отказалась отъ нея; теперь тѣ же самыя слова, произнесенныя Эми, какъ будто нѣсколько ее успокоили.

— Это возможно, дорогая моя, но невѣроятно; онъ, во всякомъ случаѣ, пришелъ бы даже пѣшкомъ, зная, какъ мы безпокоимся.

— Но вѣдь онъ не могъ знать о нашемъ безпокойствѣ. Онъ естественно предполагаетъ, что мы всѣ спокойно спимъ, какъ спала, напримѣръ, я, северная эгонства, вмѣсто того, чтобы утѣшать тебя. А ты давно уже встала, дорогая? Какъ ты озябла. И она закутала ее въ свой теплый капоть.

— Нѣтъ... да. Не знаю сколько... цѣлую вѣчность.

— Бѣдная моя! Какъ Мэть будетъ огорченъ, увидѣвъ по возвращеніи, что ты такъ тревожилась.

— Ахъ, если-бы онъ только вернулся! воскликнула Сэбей, опускаясь на стулъ въ изнеможеніи;—вернись онъ хоть раненый и больной, чтобы я могла за нимъ ухаживать, но только вернись, Мэть, Мэть!

— Онъ непременно вернется, Сэбей, успокойся; посмотри, уже свѣтаетъ, а къ утру онъ навѣрное вернется; будемъ надеяться. Вѣдь это только благоразумно, такъ какъ...

— Эми, воскликнула Сэбей, вскакивая со стула:—я не могу этого больше вытерпѣть; я пойду въ Паулетстритъ и узнаю тамъ все.

— Что же ты тамъ узнаешь, Сэбей. Не волнуйся, дорогая, вѣдь тамъ еще все будетъ заперто.

— Но тамъ всегда кто нибудь остается, говорила Сэбей,

нервно теребя платье и въ то же время прислушиваясь къ малѣйшему шуму.

— Но они ничего не могутъ знать про Мэтью; вѣдь онъ намъ рассказывалъ, какъ все тамъ происходитъ: какъ онъ самъ отворяетъ дверь и владеть брильянты въ сундукъ.

— Да, брильянты! воскликнула Сэбей, въ ужасѣ ломая руки.—Они убили его изъ-за этихъ брильянтовъ.

— Дорогая Сэбей, кто убилъ его? Какъ можешь ты предаваться такимъ чудовищнымъ мыслямъ? Тогда они, значитъ, убили и Джона Рутерфорда; а если это такъ, неужели мы бы не услышали такой ужасной вещи? Я допускаю, что можно волноваться...

— Не знаю, что лучше, говорила Сэбей, какъ бы сама съ собою, не обращая вниманія на слова сестры,—отправиться ли въ Паулетстритъ или же въ Гайблу Мьюсь. Быть можетъ, у мистера Сайнета ничего еще не знаютъ; но миссисъ Рутерфордъ...

— Ну вотъ, именно! быстро перебила ее Эми.—Неужели ты думаешь, что если-бы Сэлли думала, что случилось несчастье съ мужемъ, она не пришла бы сюда? Онъ, подобно Мэтью, конечно, еще не вернулся; однако она, какъ видно, совсѣмъ не помышляетъ о грабежѣ и убійствѣ. Тебѣ же, въ такую погоду, и думать нечего выходить, это было бы просто безуміемъ; къ тому же, что скажетъ Мэть, вернись онъ домой и не найди тебя здѣсь? Но если это тебя хотя немного успокоитъ, я сейчасъ же отправлюсь въ Гайблу Мьюсь, а дядя Стэфенсъ пойдетъ въ Паулетстритъ.

— Что такое? кто говорить обо мнѣ? раздался сильный голосъ снизу, такъ какъ сестры были еще въ комнатѣ Эми.—Что случилось, скажите на милость? Я, благодаря Эсхилу, нажилъ себѣ такой ужасный бронхитъ, что едва могу говорить; но это мнѣ не мѣшаетъ слышать.

— Въ такомъ случаѣ идти онъ не можетъ, тихо произнесла Сэбей.—Умоляю тебя, не проси его объ этомъ. Только скорѣе надо что нибудь предпринять.

— Тише! Франкъ пойдетъ непременно, говорила Эми. Затѣмъ, возвысивъ голосъ, она продолжала:—Бѣдная Сэбей ужасно взволнована тѣмъ, что Мэтью до сихъ поръ не вернулся, мистеръ Дергамъ.

— Еще не вернулся? хрипѣлъ старикъ.—А который теперь часъ?

— Уже шесть.

Послѣдовала пауза, означавшая, что дядя Стэфенсъ сильно призадумался.

— О, это ничего, это вслѣдствіе адской погоды; вѣрно лошадь поскользнулась и не можетъ идти дальше, или же вашъ честный Джонъ выпилъ лишній стаканъ виски, по случаю холода. Повѣрьте, Мэтью вернется домой къ завтраку. Я сейчасъ одѣнусь и посмотрю, что дѣлать.

Обѣ женщины переглянулись, совсѣмъ неуспокоенныя тѣмъ, что сказалъ старикъ; тонъ, которымъ онъ говорилъ, бѣра даже въ соображеніе его бронхитъ, сильно противорѣчилъ словамъ. Онъ самъ, повидимому, очень безпокоился.

— И такъ Сэбей, говорила Эми вѣжливѣе, но серьезнѣе голосомъ:—оставайся спокойно дома съ ребенкомъ и не теряй надежды; наша обязанность, относительно твоего мужа, прямо заставляеть насъ удерживать тебя отъ всякой неосторожности. Я сейчасъ же дамъ знать Фрэнку, чтобы онъ приходилъ немедленно.

— Онъ не отпуститъ тебя, вздыхала Сэбей, не переставая прислушиваться.—Послушай, какъ воевъ вѣтеръ, и снѣгъ падаетъ все сильнѣе.

— Не отпуститъ меня? Удержать меня не имѣетъ права никто, отвѣчала Эми, одѣвая свои самыя толстыя сапоги.—Ты мнѣ сестра, а Мэтъ братъ, и все равно что родной. Я обязана о немъ заботиться болѣе, чѣмъ о комъ либо въ настоящую минуту, и я исполню свой долгъ, Сэбей.

Кто могъ бы усумниться въ ея рѣшимости и готовности, посмотрѣвъ на ея доброе, честное, хорошее лицо.

— Да благословить тебя Богъ! воскликнула Сэбей, обвивая руками шею сестры и разрыдавшись въ первый разъ.—Онъ такъ всегда любилъ тебя, Эми.

— Перестань, перестань! успокоивала сестра;—мужайся и вѣрь, что все, что любовь въ состояніи сдѣлать, будетъ сдѣлано для Мэта. Только сперва посоветуемся съ Фрэнкомъ, онъ умница и сдумаетъ намъ сказать, какъ намъ лучше быть.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Ранній утрь.

Мистеру Фрэнку Барло дѣлало много чести то обстоятельство, что хотя онъ былъ нѣсколько дэнди и немало времени обыкновенно посвящалъ своему туалету, однако не прошло и

десяти минутъ, какъ онъ уже явился на призывъ Эми. Надо сознаться, что онъ былъ нѣсколько самонадѣянъ и самодоволенъ, что при первомъ знакомствѣ, когда его хорошія качества еще не успѣли обнаружиться, вооружили противъ него дядю Стафена. Однако эта увѣренность и самонадѣянность и вселили теперь вѣру въ него обѣихъ сестеръ. Хотя онъ видимо поторопился, но лицо, а равно и манеры его были совершенно спокойны, хотя на первомъ и изображалась нѣкоторая нѣжность.

Онъ внимательно и съ участіемъ выслушалъ рассказъ Эми, переданный ему въ присутствіи сестры, и затѣмъ спокойно вынулъ часы.

— Теперь ровно семь часовъ, сказалъ онъ. — Если, чего упаси Боже, случилось что либо серьезное съ Мэтью, то мы должны объ этомъ узнать не позже, чѣмъ черезъ два часа. Это общее правило и для полиціи, и для госпиталей. Я беру фактъ съ самой его мрачной стороны; но гораздо вѣроятнѣе то, что Мэть самъ скоро вернется и объяснитъ причину замедленія. Дамы, безъ всякаго сомнѣнія, должны остаться дома (его проницательный взоръ вѣроятно замѣтилъ толстые сапоги Эми и, можетъ быть, нѣкоторое лихорадочное нетерпѣніе въ манерахъ Сэбей), для того, чтобы слѣдить за ходомъ дѣла и дѣйствовать согласно съ нимъ. Поспѣшность необходима, но слѣдуетъ спѣшить съ толкомъ и съ осмотрительностью. Что же касается до меня, то я скажу одно слово мистеру Дэргаму и сейчасъ же отправлюсь въ Паулетстритъ.

Слова эти, произнесенныя съ твердымъ убѣжденіемъ присяжнаго адвоката, произвели наилучшее дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что говорившій предложилъ именно ту услугу, которую отъ него ожидали.

— Дорогая миссисъ Гельстонъ, продолжалъ онъ:— умоляю васъ не тревожиться. Несомнѣнно что нибудь случилось, что задержало вашего мужа; но вѣдь изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что случилось именно что либо ужасное.

Затѣмъ, пока женщины оставались въ гостиной, онъ поднялся къ мистеру Дэргаму и наглухо заперъ за собою дверь.

— Берло, какъ вы думаете, что могло съ нимъ случиться? спрашивалъ старикъ, едва перевода дыханіе, вслѣдствіе тревоги и бронхита, а также вслѣдствіе необычайной поспѣшности, съ какою одѣвался.

— Мэтью безъ сомнѣнія ограбили, или же совершили попытку къ кражѣ, отвѣчалъ тотъ шепотомъ. — Вотъ почему я всегда такъ возставалъ противъ его поѣздокъ.

— Когда же вы возставали противъ нихъ? Напротивъ, насколько мнѣ помнится, вы всегда ему совѣтовали не отказываться, возразилъ раздражительно мистеръ Дѣргамъ.

— Я боялся, что отказомъ онъ повредитъ себѣ въ глазахъ своего принципала, говорилъ Бэрло.— Но я всегда считалъ это рискомъ; конечно, большинство изъ насъ всегда чѣмъ нибудь да рискуетъ.

— Такъ вы думаете, что онъ рисковалъ свою жизнь?

— Предполагаю, что онъ подвергалъ ее опасности.

— Но вѣдь онъ всегда бралъ съ собой револьверъ, замѣтилъ старикъ въ раздумьѣ.

— И по моему поступалъ крайне неосторожно, мистеръ Дѣргамъ. Да развѣ онъ виноватъ, если у него отнять брилліанты? Развѣ онъ отвѣтственъ за нихъ, развѣ какъ не пренебрегъ всѣми разумными предосторожностями. Стрѣлять же въ вора—является предосторожностью даже неразумною, такъ какъ побуждаетъ послѣдняго сдѣлать тоже самое. Однако мнѣ пора въ Паулетстритъ, тамъ вѣрно что нибудь да извѣстно.

— Какъ мнѣ кажется, Бэрло, вы не очень-то принимаете къ сердцу случившееся.

— Отъ души жалѣю, что вы такъ думаете, мистеръ Дѣргамъ. Для Мэга я сдѣлаю все, что только въ человѣческихъ силахъ, какъ это и будетъ доказано по всѣмъ вѣроятіямъ; но нельзя же терять разсудка. Бѣдная миссисъ Гельстонъ на краю Богъ знаетъ чего, такъ сильно она встревожена и испугана. Эми же почти не меньше взволнована, опасаясь за сестру.

— Я предполагаю и надѣюсь, что она взволнована и ради самого Мэга, отвѣтилъ мистеръ Дѣргамъ.— Если вы воображаете, что Эми чувствуетъ расположеніе только къ своимъ кровнымъ роднымъ, или къ человѣку, за котораго она собирается выйти замужъ, вы очень ошибаетесь мистеръ Бэрло.

Дядя Стѣфенъ говорилъ съ жаромъ, а также не терялъ изъ виду совѣта того знаменитаго оратора, который убѣждалъ согласовать слова съ подходящими тѣлодвиженіями. Онъ сильно негодовалъ на мистера Бэрло за то, что тотъ выбралъ подобный моментъ, чтобы обвинять Мэтью въ неосторожности или какой-либо другой ошибкѣ; а также и за предположеніе его, что Эми не любила Мэга ради его самого. И какъ смѣлъ этотъ проклятый страпчій (какъ называлъ онъ его теперь мысленно) воображать, что дѣвушка, подобная Эми, могла забыть старѣйшаго и лучшаго друга, благодаря блестящей перспективѣ сдѣлаться миссисъ Бэрло?

— Дорогой мистеръ Даргамъ, я крайне сожалѣю, что оскорбилъ васъ, съ чувствомъ возразилъ молодой адвокатъ. — Если вы предполагаете во мнѣ недостаточное уваженіе или расположеніе къ какому-либо изъ членовъ вашей семьи, вы совершенно ошибаетесь; я, можетъ быть, слишкомъ привикъ скрывать свои чувства.

— Ничуть не бывало, безжалостно перебилъ его дядя Стэфенъ; — къ сожалѣнію, вы слишкомъ ихъ выставляете на показъ. Вы, сударь, никогда не любили моего племянника, и пользуетесь именно этимъ случаемъ, чтобы доказать это.

Мистеръ Барло въ ужасѣ поднялъ руки. Онъ дѣйствительно былъ невиновенъ въ томъ, что ему приписывали; а просто предполагая, что лучше отнестись къ дѣлу съ юридической точки зрѣнія, онъ такъ и поступилъ. Выраженіе лица его было такое умоляющее и искреннее, что старикъ невольно смягчился.

— Ну успокойтесь; надѣюсь, что намѣренія ваши хороши.

— И я это докажу на дѣлѣ, съ достоинствомъ отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Отправляюсь немедленно въ Паулетстритъ, мистеръ Даргамъ, и если случилось что-либо, чего мы такъ опасаемся, я немедленно сообщу это вамъ.

Дядя Стэфенъ кивнулъ головой; онъ не былъ въ состояніи отвѣчать, такъ мысль о возможной страшной катастрофѣ ужасала его.

На прощанье, крѣпко пожавъ руку миссисъ Гельстонъ и поцѣловавъ свою невѣсту, мистеръ Барло быстро отправился въ путь.

Едва лишь затворилась за нимъ дверь, какъ Эми уже одѣвала пальто и шляпу для того, чтобы пойти въ Гайблу Мьюсъ.

— Дорогая Эми, посмотри, какой идетъ сильный снѣгъ! вздыхала Сэбей. — Пусти лучше меня.

— Тебя-то ужъ никакъ не пуцу, во первыхъ именно по случаю этого сильнаго снѣга; подобная погода для тебя убійственна; я же сильна какъ лошадь и такъ же вынослива.

— Но только обѣщай мнѣ взять первый попавшійся тебѣ кѣбъ.

— Конечно! я не потеряю ни одной минуты.

— Нѣтъ, дорогая, я подумала о тебѣ, жалобно говорила Сэбей; — а между тѣмъ я знаю, что ты забываешь себя и думаешь исключительно только о Мэтѣ.

— Да развѣ возможно иначе. Вѣдь Мэтью мнѣ настолько же братъ, насколько онъ тебѣ мужъ; онъ даже больше мнѣ чѣмъ братъ. Онъ предложилъ свой кровъ, я связана съ нимъ

всѣми узами уваженія и благодарности, а ты еще говоришь о снѣгѣ; да я пошла бы босая, если-бы могла этимъ быть ему полезною.

— Дорогая моя, какъ я люблю тебя за то, что ты его такъ любишь! воскликнула Сэбей, бросаясь въ объятія сестры.

— Я очень этому рада; но тебя я люблю ради тебя самой. Помни же, моя голубушка, что бы ни случилось, есть на свѣтѣ одинъ человѣкъ, хотя только женщина, но на которую ты можешь вполне положиться; хотя, конечно, у тебя и помимо меня довольно друзей.

— А самъ Мэтью? въ испугѣ произнесла Сэбей.

— Конечно и самъ Мэтью. Я только хотѣла сказать, что я могу быть тебѣ полезною при случаѣ. Ну, прощай же! Какъ я буду рада, если узнаю, что мое маленькое путешествіе принято напрасно, и что Мэтъ дома, когда я вернусь. А вотъ и дядя Стефенъ; это отлично, онъ за тобой присмотритъ, пока меня нѣтъ, чтобы ты не предприняла чего-либо неблагоразумнаго.

И она выразительно посмотрѣла на мистера Дѣргамъ,

— Я присмотрю за Сэбей, пока не вернется тотъ, чья это главная и неотъемлемая обязанность.

Никто ему не отвѣтилъ; такъ было тяжело у всѣхъ на сердцѣ.

— Прощай, голубушка моя; прощайте, мистеръ Дѣргамъ! — И Эми быстро вышла, затворивъ за собою дверь.

— Кто можетъ съ нею сравниться? кто? говорила взволнованная Сэбей.

— Никто, съ самаго времени всемірнаго потопа, отвѣчалъ дядя Стефенъ. — Она, подобно голубю, вылетѣвшему изъ ковчега, принесетъ намъ оливковую вѣтвь, т. е. добрыя вѣсти.

Сэбей повачала головой, ничего не отвѣтивъ. Она чувствовала, что у нея отняли поддержку, при помощи которой она и то едва могла стоять.

Между тѣмъ Эми быстро подвигалась, скорѣе подобно ласточкѣ, чѣмъ голубю, едва касаясь свѣжной пелены и самымъ прямымъ путемъ. Дорогу въ Гайблу Мьюсь она хорошо знала, такъ какъ часто съ сестрою посѣщала Сэлли Рутерфордъ во время болѣзни послѣдней. Хотя Эми и говорила, что не боится никакой погоды, однако ей никогда еще ни приходилось быть на улицѣ, пѣшкомъ въ такую бурю. Послѣ неудачной попытки защититься зонтикомъ, она его закрыла и пошла еще быстрѣе. Ни одной души не было видно этимъ суровымъ декабрьскимъ утромъ, а тѣмъ менѣе кэба; вообще подобные экипажи рѣдко

попадались въ сосѣдствѣ Грова, въ особенности же когда въ нихъ ощущалось больше необходимости, т. е. въ дурную погоду.

Быстро пройдя полмили, она очутилась въ широкомъ переулкѣ, казавшемся еще шире, вслѣдствіе бѣлаго савана, его покрывавшаго, а также вслѣдствіе присутствія въ этой бѣлой пустыни единственнаго полицмена, пристально уставившагося на Эми и затѣмъ покачавшаго головой, не укоризненно, а просто не понимая, что могло понадобиться молодой барышнѣ, подобной ей, на улицѣ, въ такую ужасную погоду и въ такую рань, когда еще и омнибусы не выѣхали? При видѣ полицейскаго, мысли Эми приняли самое мрачное направленіе, да и вообще она почти не сомнѣвалась въ томъ, что на Мэтью напали воры, узнавшіе о большой цѣнности сокровища, ему порученнаго. Нѣсколько часовъ назадъ, онъ ѣхалъ по этой же дорогѣ, но тогда еще ничего не могло съ нимъ случиться; если что-либо и произошло, такъ, вѣроятно, послѣ того, какъ онъ оставилъ Мурстритъ вмѣстѣ съ бриліантами. Вдругъ она остановилась. Странная мысль пришла ей въ голову: не былъ ли самъ Джонъ Рутерфордъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ?

Сэлли, жену его, она хорошо знала и вполне ей довѣряла; что же касается Джона, то она разъ слышала отъ отца такой объ немъ отзывъ: онъ человѣкъ ненадежный, занимающійся не очень благовидными дѣлами. Подобному человѣку легко было подпасть подъ вліяніе дурныхъ товарищей, воспользовавшихся имъ для своихъ цѣлей. Если Рутерфордъ былъ въ союзѣ съ ними, то его молчаніе, до сихъ поръ только успокоивавшее Сэбей и ее, легко объяснялось. Мысль эта все болѣе и болѣе овладѣвала ею.

Если допустить, что Рутерфордъ человѣкъ честный, то даже цѣлой шайкѣ воровъ было бы трудно справиться съ нимъ и съ его сѣдокомъ; если же онъ нечестенъ, да къ тому же если съ Мэтью не было пистолета, тогда... Кровь ее леденѣла при одной мысли объ этомъ, не смотря на скорость, съ которою она шла; но черезъ минуту она подумала, что подобныя подозрѣнія были неосновательны и несправедливы. Человѣкъ этотъ былъ многимъ обязанъ и ея семейству, и самому Мэтью, и всегда увѣрялъ ихъ въ своей преданности. Молодость его была довольно буйная, за то онъ уже давно остепенился и занимался честнымъ ремесломъ; она также знала, что жена его вполне ему довѣряла. Нѣтъ, она не имѣла права предаваться такимъ оскорбительнымъ, несправедливымъ мыслямъ относительно этого человѣка,

и даже когда она узнаетъ, что онъ не вернулся, то постарается все-таки ихъ заглушить въ себѣ, а онъ навѣрное не вернулся.

Эми не встрѣтила и полдюжины людей до самой Гайблы Мьюсь; но на углу послѣдней стояла небольшая кучка у самыхъ дверей трактира. «Восходящее Солнце» что-то исключительно поздно всходило въ это утро или, во всякомъ случаѣ, долго не проливалось на посѣтителей своихъ благотворныхъ лучей, и господа эти укрывались на крыльцѣ отъ хлопьевъ падашаго снѣга, поджидая когда-то откроется дверь для выпивки утренней чарочки.

— Это сущее свинство, произнесъ одинъ изъ нихъ рѣзкимъ грубымъ голосомъ и такъ громко, что Эми легко могла его слышать, проходя мимо, не будь она такъ погружена въ свои думы.

— Я все караю здѣсь съ самыхъ шести часовъ. Ночь была такая жаркая.—Раздался взрывъ хохота.—Развѣ я сказалъ —жаркая? Конечно, я хотѣлъ сказать холодная, такъ что я не могъ уснуть, а никто такъ не согрѣваетъ, какъ мятная водка.

— Что правда, то правда, и это ты въ первый разъ въ жизни не врешь, Дивъ, замѣтилъ другой, а между тѣмъ ты порядкомъ накачался вчера вечеромъ; можно было подумать, что съ тебя хватить до завтрака.

— Положимъ, что и такъ, отвѣтилъ мистеръ Дартморъ (это былъ онъ) съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, съ какимъ мы обыкновенно говоримъ о нашихъ добродѣтельныхъ поступкахъ.—Я порядочно-таки хватилъ; за то я рано ушелъ спать и спалъ какъ сурокъ, и это хорошо извѣстно Бэнету; онъ меня растолбалъ въ пять часовъ за то, что я храпѣлъ; затѣмъ я не могъ уснуть отъ холода и еще раньше шести пришелъ сюда, чтобы погрѣться джиномъ съ мятой.

Казалось, факты эти не могли имѣть существеннаго интереса, даже для самого мистера Дартмора, а между тѣмъ онъ какъ-то особенно упиралъ на нихъ и на всѣ подробности.

— Я ни разу не проснулся до самыхъ пяти часовъ утра, началъ онъ снова, когда засовы дверей отодвинулись изнутри и вся кампанія ринулась въ трактиръ вся, за исключеніемъ самаго оратора. Взоръ его упалъ на Эми, шедшую въ Мьюсь, обстоятельство, повидимому, возбуждвшее его любопытство. Въ-сто того, чтобы послѣдовать за своими товарищами, шумно толпившимися у прилавка съ требованіемъ своихъ любимыхъ напитковъ, онъ направился къ арѣ, составлявшей входъ въ Мьюсь и, спрятавшись за выдающимся быкомъ, пристально

глядѣлъ ей вслѣдъ. Вдругъ онъ громко ударилъ въ ладоши и воскликнулъ съ торжествующимъ злорадствомъ:

Такъ я и зналъ! Она идетъ въ Рутерфорду. Право не пожалѣлъ бы цѣлаго фунта, чтобы услышать его рассказъ!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Эми дѣлаетъ допросъ.

Эми, въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно интереса, возбужденнаго ея появленіемъ въ мистерѣ Ричардѣ Дартморѣ, даже и не подозрѣвая существованіе этой личности, быстро шла по просыпающейся Мьюсь, къ немалому удивленію нѣсколькихъ конюховъ, уже стоявшихъ у своихъ дверей. Сэлли открыла ей дверь въ востюкѣ почти бальномъ, такъ вообще мало было на ней какого-либо одѣянія, и съ выраженіемъ таковаго удивленія на кругломъ, красномъ лицѣ, какое можно видѣть развѣ на святочныхъ маскахъ.

— Господи Боже! Что привело васъ сюда, миссъ Тэрло? воскликнула она; — да еще въ такое ужасное утро, когда пожарные медвѣди и тѣ прячутся!

— Несчастіе, Сэлли, большое безпокойство и волненіе! Мистеръ Гельстонъ не вернулся.

— Боже великій, что вы говорите!

— И вотъ, всѣ мы страшно перепутаны; но сами вы развѣ не безпокоитесь? Мы думали, что отсутствіе Джона хорошій знакъ, насколько это касалось моего зятя, хоть съ ними обоими могло что нибудь случиться.

— Но Джонъ, слава Богу, вернулся! Джонъ дома! воскликнула миссисъ Рутерфордъ.

— Джонъ дома! вашъ мужъ вернулся! О, Сэлли, что же это значить?

— Я сейчасъ обо всемъ разужнаю, миссъ Эми.

Она говорила съ горячностью и даже съ гнѣвомъ; но, вступивъ на лѣстницу, она внезапно остановилась, и выраженіе честнаго лица ея измѣнилось совершенно.

— Что вы думаете? воскликнула Эми, хватая ее за руку. — Чего вы опасаетесь, Сэлли? Умоляю васъ, говорите!

— Я ничего не опасаясь; по крайней мѣрѣ я ничего не

опасаюсь относительно Джона. Онъ тутъ совсѣмъ не причемъ. Да, я въ этомъ увѣрена, хотя онъ за послѣднее время слишкомъ часто посѣщаетъ «Солнце» и тамъ знакомится съ разными прощальгами. Но, я убѣждена, миссъ Эми, что, чтобы ни случилось, у моего Джона руки чисты!

— Что хотите вы этимъ сказать? руки, незамазаны кровью? воскликнула Эми въ сильнѣйшемъ возбужденіи.

— Боже упаси, миссъ! не говорите такъ; а то мнѣ сдѣлается дурно, всхлипывала Сэлли.— Со мной уже разъ былъ припадокъ, когда Джона привезли домой въ его же кэбъ, потому что на него наѣхалъ омнибусъ. Не говорите про 'кровь, а то я уже чувствую, что мнѣ нехорошо. Нѣтъ, я вотъ что хотѣла сказать: если что-либо случилось съ этими самыми бриліантами, то, повѣрьте, мой Джонъ столько же объ этомъ знаетъ, сколько вашъ двухмѣсячный племянникъ. У него такой ужъ нравъ, что онъ даже не желаетъ чужаго добра, а не то чтобы красть его. Миссъ Эми, не судите его строго; вы все думаете объ этой лѣтберійской исторіи, о дичи, которую онъ застрѣлилъ; но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло: богачи и бѣдные никогда на счетъ этого не сойдутся; это совсѣмъ не то, что воровство. Что же касается этихъ бриліантовъ...

— Богъ съ ними, съ бриліантами! нетерпѣливо воскликнула Эми.— Я хочу узнать про Мэтью.

— Такъ подождите здѣсь, на лѣстницѣ, и вы узнаете сейчасъ все отъ самого Джона, отвѣтила Сэлли голосомъ, недопускавшимъ противорѣчія. Она хотѣла этимъ доказать, что на столько вѣрила своему мужу, что предоставляла самой Эми судить о томъ, виновенъ онъ или нѣтъ. Планъ свой она привела въ исполненіе слѣдующимъ образомъ: дверь съ лѣстницы вела прямо въ ихъ общую спальню, такъ что до всякаго, стоявшаго на верхней ступенькѣ, явственно доносилось каждое слово, произносимое въ этой комнатѣ. Туда-то и поставила миссъ Рутерфордъ Эми и затѣмъ отправилась будить своего безмятежно почивавшаго мужа.

— Джонъ! Джонъ!

— Что тебѣ? слышался сонный и невнятный голосъ.

— Въ которомъ часу вернулся ты вчера ночью?

— А тебѣ на что? Достаточно поздно для того, чтобы подольше поспать сегодня. Ну, оставь же меня въ покоѣ, отвяжись!

— Нѣтъ, не оставлю, пока ты мнѣ не отвѣтишь на мой вопросъ. Когда ты вернулся вчера?

— Да около четырехъ часовъ, и какое было проклятое утро.

— Но ты не отвезъ мистера Мэтью домой, какъ всегда?

— А! это странно... Дѣйствительно не отвезъ, какъ мнѣ теперь помнится; но какъ могла ты узнать объ этомъ?

— Тамъ какъ бы ни узнала, да знаю; и онъ до сихъ поръ еще не вернулся домой, а уже восьмой часъ на исходѣ.

— Ну, и будетъ съ тебя; я тебѣ отвѣтилъ и довольно; перестань трещать; я больше не скажу ни слова. И Джонъ, подобно негодующей морской свинкѣ, перевернулся на другую сторону.

— Джонъ, Джонъ Рутерфордъ! раздался твердый, звонкій голосъ съ лѣстницы:— послушайте! Я миссъ Тэрло, которую вы знаете, и я пришла узнать о моемъ дорогомъ братѣ, Мэтью Гельстонѣ.

Надо было видѣть физиономію Джона, когда эти слова достигли его ушей. Если-бы жена его бросила ему въ голову мѣдный чайникъ, только что закипавшій надъ огнемъ, да и себя въ придачу, онъ кажется и тогда не былъ бы такъ удивленъ. Его прежде всего болѣзненно поразило чувство непристойности его самого и всего окружающаго, въ виду чести, такъ неожиданно выпавшей ему на долю, и онъ растерянно хватался за всѣ принадлежности своего туалета, въ изобиліи покрывавшія постель, и все это навьючивалъ себѣ на шею въ самомъ повитическомъ безпорядкѣ. Онъ въ эту минуту нѣсколько напоминалъ Діану, захваченную врасплохъ Актеономъ и прикрывающуюся чѣмъ попало. Только Джонъ былъ изумленъ несравненно болѣе Діаны; лицо его сильно побагровѣло отъ тяжелаго сознанія неприличія своего положенія, а голосъ, которымъ онъ, прибѣгая пріятномъ къ трогательному шопоту, умолялъ жену замолвить за него нѣсколько словъ, имѣлъ несомнѣнно апоплексическія свойства.

— Ужь потрудитесь нѣсколько спуститься по лѣстницѣ, миссъ Эми, сказала Селли, тронутая затруднительнымъ положеніемъ мужа.— Джонъ въ одну секунду одѣнется и все вамъ объяснить.

И дѣйствительно, по прошествіи двухъ минутъ Джонъ показался на верхней площадкѣ лѣстницы, въ своемъ обычномъ домашнемъ востомѣ, и смиренно приготовился отвѣчать на всѣ вопросы.

— Я пришла, чтобы узнать отъ васъ причину отсутствія мистера Гельстона. Отчего онъ не вернулся домой?

— Вот видите ли, миссъ Эми, я не стану васъ обманывать, да и нѣтъ причины этого дѣлать, такъ какъ не случилось ничего дурнаго. Я предполагалъ, что мистеръ Мэтью теперь давно уже дома, а то бы я первымъ дѣломъ побѣхалъ къ вамъ, чтобы вамъ обо всемъ сообщить; но дѣло въ томъ, что ему порядкомъ нездоровилось. Къ тому же была такая бурная ночь, а онъ сильно кашляетъ, вотъ по этому-то случаю леди Перджитеръ и удержала его у себя на ночь.

— Леди Перджитеръ удержала его въ Мурстритѣ?

— Меня сперва самого это удивило, миссъ Эми; сознаюсь, я самъ думалъ, что мистеръ Мэтью ужъ такой человѣкъ, что во всякомъ случаѣ вернется домой. Да ужъ больно выдѣ вътеръ, снѣгъ такъ и падалъ, а миледи предложила ему переночевать у нея; такъ сказала мнѣ, по крайней мѣрѣ, вояса сажень—ихъ лакей. Ну онъ и остался.

— Это совсѣмъ невѣроятно! воскликнула Эми.

— Да я и самъ очень подивился этому, согласился Джонъ. Особенностью Эми было никогда не бросаться съ одного предмета на другой, не прослѣдивъ сперва основательно перваго.

— Говорилъ вамъ мистеръ Гельстонъ, что онъ нездоровъ?

— Нѣтъ, миссъ Эми; я только по лицу его это замѣтила. Онъ выглядѣлъ совсѣмъ блѣднымъ и больнымъ, да и кашлялъ сильно.

— Но скажите, замѣтили бы вы все это, не скажи вамъ лакей, что мой зять остается ночевать въ Мурстритѣ?

— Я думаю, что нѣтъ, миссъ.

И такъ, можно было заключить, что причина, заставившая Мэтью принять такое неожиданное приглашеніе, да къ тому же такое неприятное для него, не заключалась въ какомъ либо сильномъ или серьезномъ болѣзненномъ принадлеѣ. Джонъ говорилъ такъ честно и прямо; она не сомнѣвалась въ томъ, что онъ говорить правду, а между тѣмъ, правда казалась такою невѣроятною.

— И вамъ не прислали сказать, сколько времени мистеръ Гельстонъ предполагалъ остаться? продолжала она.

— Нѣтъ, миссъ. Тогда шелъ сильный снѣгъ, такъ что я ничего не спросилъ; да, по правдѣ сказать, и я очень былъ радъ прямо вернуться домой.

— Однако, вы поняли такъ, что мистеръ Гельстонъ намѣревался вернуться утромъ, когда буря стихнетъ и раньше чѣмъ кто либо у насъ встанетъ, такъ что объ его продолжительномъ отсутствіи мы бы и не узнали?

— Именно такъ, миссъ; въ прогивномъ случаѣ, я поѣхалъ бы въ Гровъ и сообщилъ бы вамъ о случившемся.

— Миѣ сейчасъ нуженъ кэбъ, сказала Эми, послѣ минутнаго раздумья;—конечно не вашъ, такъ какъ и лошадь, и вы вѣроятно устали.

— Я сейчасъ позову кэбъ съ веранды, отвѣтила миссисъ Рутерфордъ, стоявшая на верхней ступенькѣ и оттуда слушавшая все происходившее.

Къ тому времени многіе извозчики уже выѣхали и кэбъ немедленно былъ поданъ.

— Не прикажете ли миѣ ѣхать съ вами, миссъ Эми? сказала Селли.—Миѣ только минутку, чтобы одѣть шляпу.

— Нѣтъ, не беспокойтесь, отвѣтила съ благодарностью Эми.—Я и одна справлюсь. Она въ душѣ чувствовала нѣкоторую признательность къ это доброй женщинѣ; но въ настоящую минуту ея общество было бы ей невыносимо. Эми все еще сильно волновалась. Хотя опасенія ея на счетъ убійства и воровства нѣсколько разсѣялись, но на мѣсто ихъ явилось новое, почти не менѣе ужасное опасеніе относительно Мэтью. Ей казалось невѣроятнымъ, чтобы, въ здоровомъ умѣ и при физической возможности добраться до дому, онъ предпочелъ оставаться нѣсколько часовъ въ Мурстритѣ. Она начала бояться, что, вслѣдствіе недавнихъ опасеній за Сэбей, прибавленныхъ къ его обычному бремени заботъ, мозгъ его не выдержалъ и онъ помѣшался. Во все время своего пути въ Мурстритъ, казавшагося ей цѣлою вѣчностью, Эми чувствовала, что сама она какъ-бы теряетъ рассудокъ.

Наконецъ, она достигла этой длинной улицы съ высокими, мрачными домами, казавшимися еще громаднѣе и угрюмѣе посреди все еще бушевавшей вьюги. Хотя было уже около девяти часовъ, но не было никакихъ признаковъ пробуждающейся жизни; всѣ шторы были спущены, ставни закрыты, какъ будто въ каждомъ домѣ находился покойникъ; не было слышно даже шума съ сосѣдняго рынка, за вѣтромъ и сильнымъ снѣгомъ.

Хотя резиденція сэра Чарльса Перджитера и не являла, судя по наружности, большихъ признаковъ жизни, однако, какъ видно, не все въ ней покоилось сномъ, и на звонокъ извозчика появилась одна изъ «косыхъ саженой» (какъ называлъ ихъ Джонъ Рутерфордъ) и даже съ бѣльшею поспѣшностью, чѣмъ это дѣлалось въ обыкновенное визитное время.

Правда, что одѣяніе его не было настолько полно и безукоризнено какъ въ визитное время: онъ былъ просто-на-про-

сто въ какой-то засаленной курточкѣ, а пудра въ волосахъ его была такого свойства, что военное министерство несомнѣнно отнесло бы ее въ разрядъ «попорченныхъ», т. е. она видимо была еще вчерашняя.

— Чего вамъ? освѣдомился онъ злостно, только слегка приотворивъ дверь.

— Я привезъ сѣдока! говорилъ извозчикъ, — которому нужно узнать про одного мистера Гельстона.

— Какъ! еще одинъ! воскликнулъ лакей съ злораднымъ смѣхомъ. — Весь городъ, кажется, помѣшался на этомъ человѣкѣ?

— Такъ мистеръ Гельстонъ не здѣсь? спросила Эми, теперь сама вышедшая изъ кэба и поднявшаяся по скользкимъ ступенямъ. — Значитъ ему лучше и онъ уѣхалъ домой?

— Если вы говорите про этого господина отъ мистера Сайнэта, сударыня, то могу вамъ сказать, что онъ прѣзжалъ сегодня по-утру за брилліантами миледи, какъ и всегда; и вотъ все, что мы о немъ знаемъ.

— Какъ? Развѣ ваша госпожа не просила его остаться по случаю дурной погоды и его собственного нездоровья? Мнѣ такъ сказали.

— Тогда, сударыня, вамъ сказали неправду. При этомъ выраженіе лица лакея было очень знаменательно; на немъ можно было прочесть приблизительно слѣдующее: изъ всѣхъ небылицъ, когда либо придуманныхъ, самая невозможная, несомнѣнно та, что леди Перджитеръ пригласила этого господина отъ Сайнэта ночевать въ Мурстритѣ изъ-за того, что онъ простудился.

— Но его извозчикъ сказалъ мнѣ, что оставилъ его здѣсь! въ ужасѣ воскликнула Эми.

— Его извозчикъ! презрительно повторилъ лакей. — Чего не скажетъ извозчикъ, чтобы услужить сѣдову; а то можетъ быть онъ самъ ограбилъ и убилъ этого господина, а теперь старается на насъ свалить бѣду. Во всякомъ случаѣ, мистера Гельстона здѣсь нѣтъ, сударыня, прибавилъ онъ нѣсколько добродушнѣе, замѣтивъ мертвенную блѣдность, покрывшую лицо Эми при его неумѣстной шуткѣ; — другой лакей, мой товарищъ, сказалъ мнѣ, что мистеръ Гельстонъ прѣхалъ въ три часа и затѣмъ уѣхалъ въ половинѣ четвертаго, съ брилліантами миледи. Могу васъ увѣрить: это все, что намъ извѣстно.

Человѣкъ этотъ или такъ хорошо заучилъ свой урокъ, что его нельзя было сбить въ его показаніяхъ, или же, и что было вѣроятнѣе, говорилъ правду. Эми больше не возражала, но, пораженная ужасомъ и не зная что думать и чего бояться, она поспѣшно сѣла въ кэбъ и приказала везти себя въ Паулетстритъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Философія мистера Сайнэта.

Какъ во снѣ, но только съ полнымъ сознаниемъ того, что сонъ этотъ былъ страшною дѣйствительностью, Эми подъѣхала къ дверямъ мистера Сайнэта. Ставни съ магазина ювелира еще не были сняты, но въ отвѣтъ на звонокъ немедленно явился самъ хозяинъ. Видъ его, послѣ всѣхъ тяжелыхъ распросовъ, ничего ей не отрывшихъ, нѣсколько ее обнадежилъ, между тѣмъ какъ ея прїездъ видимо былъ ему прїятенъ.

— Боюсь, что чести васъ видѣть я обязанъ несчастію, миссъ Тэрло; но радъ во всякомъ случаѣ вашему посѣщенію. Онъ протянулъ ей руку, которую она пожала машинально и вошла за нимъ. Магазинъ былъ ярко освѣщенъ газомъ и находившіеся въ немъ говорили между собою шопотомъ, но съ возбужденіемъ, о таинственномъ и несчастномъ происшествіи.

— Имѣете ли вы какія либо извѣстія о моемъ зятѣ? былъ первый вопросъ Эми.

— Совсѣмъ никакихъ, миссъ Тэрло; я знаю только, что онъ не былъ здѣсь эту ночь. Ко мнѣ прислали нарочнаго съ этимъ извѣстіемъ, и брилліантовъ нѣтъ въ сундукаѣ.

Тогда впервые ужасное значеніе ихъ отсутствія, до тѣхъ поръ забытое при мысли о самомъ Мэтью, промелькнуло въ умѣ Эми.

— Неужели, мистеръ Сайнэтъ, неужели, воскликнула она съ жаромъ, — вы предполагаете, что Мэтью Гельстонъ...

— Совсѣмъ нѣтъ, серьезно проговорилъ мистеръ Сайнэтъ. — Я питаю глубокое довѣріе къ честности вашего зятя; я убѣжденъ въ томъ, что вашъ родственникъ, человекъ, котораго вы любите и уважаете, неспособенъ на безчестный поступокъ.

Эми такъ была взволнована, что не поняла всего значенія этихъ словъ; ей и въ голову не могло придти, что у мистера Сайнэта достаетъ духу говорить ей комплименты, когда надъ головою ихъ висѣло такое страшное несчастіе. Она поняла только одно: мистеръ Сайнэтъ вѣрилъ въ Мэтью, и она была ему за это благодарна.

— Никто изъ тѣхъ, кто зналъ его, не можетъ сомнѣваться въ его честности, сказала она.

— Я совершенно того же мнѣнія, миссъ Тэрло. Прошу

вась войти и переговоримъ объ этомъ дѣлѣ; это комната вашего зятя.

И онъ ввелъ ее въ комнату, въ которой Мэтью обыкновенно сидѣлъ и работалъ надъ своими часами и птицами.

Подобно магазину, въ который она выходила, комната эта была ярко освѣщена и вся залита свѣтомъ. Она представляла такой контрастъ съ мрачною улицею, что Эми, увидѣвъ все это золото и каменья, ее окружавшіе, была нѣсколько ослѣплена и на минуту почувствовала себя какъ-бы волшебствомъ перенесенною въ какую-то очарованную пещеру, наполненную брилліантами и рубинами, что дѣлало ее еще болѣе безпомощной и безнадежной.

Она еще ничего не ѣла и была сильно утомлена и измучена. Она сознавала, что энергія ея, до сихъ поръ сильно напряженная, начинала ослабѣвать; а вотъ передъ ней человѣкъ, совершенно сдержанный и спокойный, хотя ему угрожала огромная денежная потеря. Было естественно, что она почувствовала къ нему довѣріе и не скрывала этого.

Мистеръ Сайнэтъ, замѣтивъ ея блѣдное лицо и дрожація руки, позвонилъ и приказалъ принести чашку кофе, которую она приняла съ благодарностью, хотя ничего не могла съѣсть.

— Конечно, обстоятельство это крайне важно для насъ обоихъ, сказалъ онъ, когда краска опять немного заиграла на ея щекахъ;—но мы ничего не выиграемъ, если будемъ бесполезно убиваться. Сегодня утромъ здѣсь былъ одинъ господинъ изъ Кэвендишгрова.

— Мистеръ Бэрло?

— Кажется, такъ; я хорошенько не разслышалъ его имени, небрежно отвѣтилъ мистеръ Сайнэтъ.—Между тѣмъ онъ говорилъ мнѣ, что мистеръ Гельстонъ домой не возвращался; здѣсь онъ также не былъ; я послалъ узнавать у леди Перджитеръ, и прислуга ея увѣряетъ, что онъ уѣхалъ, взявъ съ собой брилліанты, въ половинѣ четвертаго утра. Вотъ и все, что намъ пока извѣстно.

Эми склонила голову. Это было дѣйствительно все, что они знали о Мэтью, и это все было хотя и мало, но такъ многозначительно и допускало такія ужасныя предположенія.

— Первое, что слѣдуетъ сдѣлать и что я уже исполнилъ—дать знать о случившемся полиціи.

Эми вскочила, какъ ужаленная, и кровь бросилась ей въ лицо.

— Полиціи! повторила она.

— Несомнѣнно. Мы описали ей наружность мистера Гель-

стона со всевозможною точностью и описаніе это теперь уже на всѣхъ столичныхъ станціяхъ. Если съ нимъ случилось, чего Боже упаси, несчастье, черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ объ этомъ знать. Затѣмъ слѣдуетъ захватить извозчика. Сколько мнѣ извѣстно, вашъ зять постоянно нанималъ того же человѣка, нѣкоего Джона Рутерфорда, а мистеръ Барло обѣщалъ сообщить мнѣ немедленно о томъ, гдѣ онъ живетъ.

— Онъ живетъ въ Гайблѣ Мьюсь, Бромптонъ; я сама была тамъ сегодня утромъ.

— Неужели! Вы настолько же проворны миссъ Тэрло, насколько энергичны, сказалъ ювелирь, съ восхищеніемъ смотря на нее и записывая адресъ.—Человѣка этого вы, конечно, не нашли.

— Напротивъ, онъ вернулся въ обыденное время. Рассказъ его, слышанный мною отъ него самого, въ высшей степени страненъ. Онъ говоритъ, что, по случаю дурной погоды, простуды и кашля моего зятя, леди Перджитеръ пригласила его остаться у нея до утра. Вотъ почему онъ и уѣхалъ, оставивъ его тамъ.

— Онъ оставилъ его въ Мурстритъ! воскликнулъ мистеръ Сайнэтъ, быстро вскакивая.—И вслѣдствіе приглашенія миледи! Это невозможно!

— Конечно, оно кажется въ высшей степени невѣроятнымъ, и когда я отправилась въ Мурстритъ, то получила тамъ тотъ же отвѣтъ, какой былъ данъ вашему посланному. а именно, что Мэтью уѣхалъ, какъ обыкновенно, взявъ брилліанты. Съ своей стороны, я должна прибавить, что Рутерфордъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, говорившаго правду.

— И это пожалуй возможно, бормоталъ про себя мистеръ Сайнэтъ, быстрыми шагами прохаживаясь по комнатѣ;—все возможно съ подобною женщиною.—Я знаю, что ей нужны были деньги; она сперва старалась ихъ добыть отъ меня; а такъ какъ ей не удалось продать своихъ брилліантовъ, то она кочетъ меня заставить заплатить за нихъ штрафъ. Двадцать пять тысячъ фунтовъ! Это ужасно! это чудовищно!

— А Мэтью! жалобно встала Эми;—что случилось съ Мэтью? О, мистеръ Сайнэтъ, если-бы вы только видѣли лицо его жены сегодня утромъ!

— Конечно, это также ужасно; однако леди Перджитеръ не могла же его убить. Не думаю, чтобы она была способна и на это. Къ тому же прислуга ея не такъ-то ее любитъ, чтобы серьезно рисковать изъ-за нея.

— Что хотите вы сказать, мистеръ Сайнэтъ? Что слуги ея не помогли бы ей убраться Мэтью?

— Вотъ именно, украсть его; конечно, это чудовищное предположеніе, но въ этомъ дѣлѣ все чудовищно.

— Вы правы, мистеръ Сайнэтъ; въ этомъ дѣлѣ одного только положительно допустить нельзя.

— Я понимаю васъ, дорогая миссъ Тэрло. Вы намекаете на невиновность мистера Гельстона. За нее я ручаюсь своею жизнью. Онъ протянулъ ей руку и Эми взяла ее и съ чувствомъ пожала.

— Богъ да благословитъ васъ за эти слова, мистеръ Сайнэтъ. Мой зять не способенъ сдѣлать зло кому-бы то нибыло; каждый знающій его знаетъ и это, и мысль, что вы того же о немъ мнѣнія, очень и очень меня утѣшаетъ.

— Я буду стоять за него горой, дорогая моя миссъ Тэрло, вѣрьте мнѣ.

И онъ взялъ ее руку въ обѣ свои. Никогда не воображала она, что можетъ быть настолько къ нему расположена. Чтобы ни случилось, она чувствовала, что всегда сохранить о немъ благодарное воспоминаніе, ради его поведенія въ эту тяжелую минуту.

— Теперь же, дорогая миссъ Тэрло, продолжалъ онъ:— прошу васъ сообщить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о домашнемъ образѣ жизни вашего зятя. Въ подобномъ дѣлѣ, маленькій намекъ, съ виду незначительный, часто можетъ быть очень полезенъ, можетъ, наконецъ, навести на слѣдъ его пребыванія. Считаю лишнимъ прибавлять, что все это останется исключительно между нами.

— Увѣряю васъ, мистеръ Сайнэтъ, что мнѣ нечего рассказывать. Какимъ вы видѣли Мэтью у него дома, такимъ онъ и былъ всегда; скромный, домосѣдъ, нѣсколько сдержанный и сосредоточенный и, насколько мнѣ извѣстно, незнакомый ни съ кѣмъ; кромѣ васъ, внѣ своего домашнего кружка.

— Вы говорите: сосредоточенный, раздумывалъ мистеръ Сайнэтъ;—въ такомъ случаѣ у него была какая нибудь затаенная, поглощающая его мысль, какое нибудь скрытое горе.

— Я этого не думаю, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Правда, было время, когда умъ его былъ сильно занятъ однимъ ученымъ изобрѣтеніемъ—примѣненіемъ атмосфернаго воздуха къ способамъ передвиженія.

— А, воздухоплаватель, мечтатель!

— Нисколько; мысль его была напротивъ очень практична.

Онъ придумывалъ локомотивъ; онъ вполне серьезно надѣялся на успѣхъ, однако за послѣднее время окончательно потерялъ увѣренность и примирился съ неудачей.

Мистеръ Сайнэтъ качалъ головой.

Ни одинъ изобрѣтатель никогда не отказывается отъ своей идеи, а тѣмъ менѣе принимаетъ неудачу съ покорностью.

— Но Мэтью совсѣмъ не похожъ на другихъ, мистеръ Сайнэтъ.

Ювелиръ еще сильнѣе забачалъ головой.

Безъ сомнѣнія, дорогая миссъ Тэрло, изобрѣтеніе это стоило вашему зятю порядочныхъ денегъ.

— Къ сожалѣнію, да.

— И онъ вѣроятно предполагалъ, продолжалъ мистеръ Сайнэтъ, — что будь у него много денегъ, несравненно больше, изобрѣтеніе его было бы усовершенствовано.

— Право, не могу вамъ сказать, говорила Эми; — хотя я знаю, что мистеръ Дэргамъ охотно далъ бы и больше.

— Значитъ мистеръ Гельстонъ бралъ у дяди въ долгъ?

Эми вся вспыхнула. Она чувствовала, что невольно разоблачаетъ семейныя тайны, къ тому же не понимала, какимъ образомъ подобныя разоблаченія могли способствовать къ отысканію Мэтью.

— Если не ошибаюсь, мистеръ Дэргамъ дѣйствительно потерялъ нѣсколько денегъ, вслѣдствіе вѣры своей въ изобрѣтеніе моего зятя; только деньги эти были даны добровольно и совсѣмъ не въ долгъ.

— Понимаю, сказалъ мистеръ Сайнэтъ и затѣмъ, помолчавъ, добавилъ: — хотя вы и говорите, что у мистера Гельстона нѣтъ близкихъ друзей въ городѣ, однако, вслѣдствіе этого же изобрѣтенія, не познакомился ли онъ съ какими либо личностями, менѣе научно-образованными, но съ большимъ опытомъ жизни? Не говорилъ ли онъ когданибудь объ этомъ?

— Никогда! Онъ былъ механикъ — самоучка и даже не любилъ общества тѣхъ, которые раздѣляли его вкусъ. Онъ, болѣе чѣмъ кто либо, довольствовался обществомъ своего семейства; но семейству своему онъ былъ невыразимо дорогъ! Сестрѣ моей онъ замѣнялъ весь міръ. Ужасно, если мы его потеряли!

— Было бы безъ сомнѣнія ужасно, дорогая миссъ Тэрло; однако ни онъ, ни бриліанты, еще не пропали окончательно, а только временно. Не будемъ терять надежды. Это вы, Жоржъ?

Въ эту минуту кто-то тяжелымъ шагомъ подходилъ къ двери. Услышавъ голосъ мистера Сайнэта, онъ постучался и

вошелъ. Это былъ высокій, среднихъ лѣтъ мужчина, гладко выбритый, съ серьезнымъ, но не рѣзкимъ выраженіемъ лица.

— Рекомендую: господинъ изъ сысевой полиціи (Scotland Yard), мистеръ Брейль—миссъ Тэрло! Ну что, Жоржъ, попалъ на слѣды?

— Нѣтъ, сударь, гдѣ еще. Мы не успѣли добраться и до нити.

— Справедливо. Однако я могу вамъ нѣсколько помочь. Вотъ адресъ извозчика, отвозившаго вчера мистера Гельстона въ Мурстритъ и, согласно его собственному показанію, оставившаго его въ домѣ сэра Чарльса Перджитера. Крайне странное показаніе.

Господинъ изъ Скотланд-ярда жалостно улыбнулся.—Онъ намъ во всякомъ случаѣ пригодится, сказалъ онъ.

— Извѣстно ли вамъ что либо противъ этого человѣка?

— Джонъ Рутерфордъ... соображалъ сыщикъ,—нѣтъ, противъ этого имени ничего; но не въ томъ дѣло.

— Жена его прекрасная женщина, вмѣшалась Эми,—и я считаю ея мужа честнымъ человѣкомъ. Надѣюсь, что вы не посадите его въ тюрьму безъ достаточныхъ уликъ.

— Дорогая миссъ Тэрло, сказалъ ювелиръ,—первымъ дѣломъ слѣдуетъ арестовать этого человѣка. Подумайте о мистерѣ Гельстонѣ.

Причина, побудившая ее говорить, было именно мысль о Мэтью. Будъ онъ еще живъ, не опечалила ли бы его мысль, что, ради него и безъ достаточной причины, позорятъ человѣка, которому онъ всегда такъ довѣрялъ. Если же онъ уже умеръ, то тѣмъ болѣе слѣдовало уважать его безграничную любовь къ справедливости.

— Мистеръ Сайнэтъ, нельзя ли учредить надзоръ за Джономъ Рутерфордомъ, такъ чтобы онъ не имѣлъ возможности бѣжать, если онъ виновенъ; съ другой же стороны, для того, чтобы не пострадало его доброе имя, если онъ невиненъ?

Ювелиръ вопросительно посмотрѣлъ на мистера Брейль, который утвердительно кивнулъ головой.

— Это, безъ сомнѣнія, можно, только будетъ стоить денегъ. Но все равно: разъ дама эта желаетъ, пусть такъ и будетъ.

— Но, мистеръ Сайнэтъ!... начала Эми.

Онъ ее остановилъ движеніемъ руки.

Это сущіе пустяки, сказалъ онъ,—о которыхъ не стоитъ и говорить. Теперь же мистеръ Брейль и я, мы займемся главною сутью дѣ-

ла. Въ скоромъ времени, вѣроятно, мы будемъ очень рады вашему совѣту и вашей помощи; но, въ настоящую минуту, видите ли, миссъ Тэрло, такъ какъ мой другъ Жоржъ очень откровененъ и не знаетъ настолько мистера Гельстона, какъ знаемъ его мы, то онъ можетъ сказать что либо для васъ оскорбительное. Его прямая обязанность разсматривать случившееся со всевозможныхъ сторонъ.

— Понимаю, произнесла Эми съ невольнымъ вздохомъ, и встала.— Очень вамъ благодарна, мистеръ Сайнэтъ, за вашу доброту и участіе. Теперь мнѣ ничего инаго не остается дѣлать, какъ идти домой, хотя домъ безъ него покажется пустымъ и чужимъ.

Мысль о томъ, что ожидаетъ ее дома, если Матью еще не вернулся, а мистеръ Бэрло уже успѣлъ сообщить дурныя извѣстія, ледѣнила ее сердце.

— Неправда ли, вы сообщите намъ сейчасъ, немедленно, если будете имѣть вѣрныя извѣстія, даже если онѣ и дурны, чего Боже сохрани! Да? не такъ ли?

— Я непременно буду сообщать вамъ все, миссъ Тэрло, во всякомъ случаѣ,—говорилъ мистеръ Сайнэтъ, пожимая ей руку и провожая ее до дверей, гдѣ ее ждалъ кэбъ.—Будьте увѣрены, что я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, и не ради себя одного. Мужайтесь и надѣйтесь на лучшее.

Совѣтъ былъ добрый и Эми желала бы ему послѣдовать, но это было не такъ-то легко. Теперь вся душа ея была омрачена предчувствіемъ чего-то страшнаго, а между тѣмъ надо было съ твердымъ голосомъ и съ сухими глазами явиться къ Сэбей, чтобы сообщить ей объ отсутствіи всякихъ извѣстій.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Мистеръ Жоржъ Брейль.

Мистеру Сайнэту дѣлало вообще много чести то обстоятельство, что онъ имѣлъ настолько самообладанія, даже болѣе того, выставилъ себя такимъ философомъ въ присутствіи Эми Тэрло, не смотря на угрожавшее ему огромное несчастье. Это былъ человѣкъ съ крѣпкими нервами, еще болѣе загрубѣвшими, вслѣдствіе усвоенія дѣловыхъ привычекъ; онъ привыкъ обра-

щаться съ большими денежными суммами и рисковать ими. Къ тому-же жизненная опытность его далеко превышала опытность обыкновенныхъ торговыхъ людей; на душѣ его было много тайнъ, не постыдныхъ, а просто случайныхъ, неразлучныхъ съ его призваніемъ, снабдившихъ-бы достаточнымъ матеріаломъ цѣлую полдюжину любыхъ романистовъ. Въ его почтенномъ магазинѣ было, на примѣръ, на много тысячъ фунтовъ драгоценностей, о которыхъ онъ едва-ли могъ сказать, его-ли эта собственность или нѣтъ, такъ какъ владѣтелей ихъ не существовало или, по крайней мѣрѣ, не являлось уже болѣе полустолѣтія. Въ былыя времена, торговля книгами, подобно старымъ церковнымъ регистрамъ, велась не очень-то аккуратно. Являлись случайные посѣтители, оставлявшіе для починки или чистки очень цѣнные предметы, не заботясь о томъ, чтобы обезпечить себя относительно ихъ возвращенія, даже хотъ-бы просто оставивъ свой адресъ, настолько имя мистера Стара пользовалось неограниченнымъ довѣріемъ въ коммерческомъ мірѣ; затѣмъ вещи эти такъ и оставались; имена, вѣроятно, передавались наустно, были забыты, а владѣтели этихъ именъ и этихъ драгоценностей такъ и не являлись за ними. Они несомнѣнно намѣревались вернуться черезъ недѣлю или двѣ, но случалось, что или смерть уносила ихъ въ этотъ непродолжительный періодъ, или-же они теряли разсудокъ и съ нимъ память. Мистеръ Старъ былъ человѣкъ честный и добился того, что отыскалъ адреса нѣкоторыхъ изъ нихъ; но часто и это не помогало: случалось, что они не оставляли наслѣдниковъ, или-же никто о нихъ ничего не зналъ, кромѣ того, что они жили и умерли. Были и такіе, которые никогда не были настоящими владѣльцами этихъ драгоценностей и, оставивъ ихъ, часто не рѣшались вернуться, опасаясь того, что фактъ этотъ могъ быть обнаруженъ за это время и что они будутъ привѣтствованы не добродушнымъ лицомъ мистера Стара, а грознымъ и суровымъ лицомъ тогдашняго полицейскаго сыщика.

Подобная опытность и воспоминаніе объ этихъ странныхъ случайностяхъ безъ сомнѣнія нѣсколько помогли пережившему товарищу Стара не потерять головы даже и тогда, когда стала угрожать ему такая громадная потеря. Онъ никогда не былъ тѣмъ, что мы привыкли понимать подъ именемъ спекулятора; но само его призваніе какъ-то неволью клонилось къ этому направленію. Онъ привыкъ къ денежнымъ потерямъ, хотя и не къ такимъ огромнымъ, а главное, онъ былъ сангвиникъ и думалъ, что не все, что въ опасности, уже потеряно. Къ тому-же

онъ былъ серьезно влюбленъ въ Эми и быстро сообразилъ, что это несчастіе, въ какой-бы степени оно его ни посѣтило, представляло ему прекрасный случай заслужить ея признательность. И онъ вполне этимъ воспользовался. Онъ (за нѣкоторыми исключеніями, которыхъ она не примѣтила, благодаря своей тревогѣ) велъ себя какъ джентельменъ въ этомъ дѣлѣ и какъ человѣкъ съ достоинствомъ. вмѣсто того, чтобы подобно Шейлоку, оплакивать свои пропавшіе червонцы, онъ выказалъ ей симпатію въ ея семейномъ горѣ и этимъ доказалъ, что сердце его не принадлежало всецѣло его золоту, какъ можетъ быть въ этомъ увѣряли. А главное, онъ установилъ между собою и Эми довѣренныя сношенія, которыя онъ надѣялся со временемъ усовершенствовать.

Однако все это стоило ему не малыхъ усилій. Когда достигло до него извѣстіе, что Мэтью Гельстона не было утромъ въ Паулетстритѣ (что стало извѣстно всѣмъ въ домѣ по нѣкоторымъ особымъ часамъ, которые Мэтью всегда переставлялъ въ минуту своего отъѣзда, до такой степени были предусмотрѣны всѣ случайности, касавшіяся парюры), ударъ для него былъ очень силенъ, тѣмъ болѣе, что, хорошо зная Мэтью, онъ догадывался, что должно было случиться крайне серьезное обстоятельство, помѣшавшее ему исполнить его обязанность; а видъ пустаго мѣста въ сундукѣ, обыкновенно занимаемаго брилантами, окончательно его ошеломилъ. Хотя мистеръ Сайнэтъ и былъ сангвиникъ, но какой темпераментъ способенъ устоять передъ подобнымъ погромомъ; а не было сомнѣнія, что не найдись брилланты, ему придется уплатить всю сумму въ 25,000 фунтовъ сполна.

Улыбка сбѣжала съ лица ювелира и оставила его очень серьезнымъ, послѣ того, какъ онъ заперъ дверь за Эми Тэрло. Однако въ немъ самомъ и въ тонѣ, съ которымъ онъ обратился къ сыщику, когда вернулся къ нему въ гостиную, не было ничего жалкаго или унылаго.

— Въ такомъ затруднительномъ положеніи, Жоржъ, намъ съ вами еще не приходилось быть, сказалъ онъ. такъ какъ мистеръ Брейль и онъ уже много дѣлъ передѣляли вмѣстѣ. — Штрафъ, который мнѣ придется заплатить, громаденъ, если эти брилланты дѣйствительно пропали.

— Т. е., если вашъ повѣренный ихъ укралъ, замѣтилъ мистеръ Брейль.

— Или, если его самого украли вмѣстѣ съ ними, что рѣшительно безразлично, замѣтилъ ювелиръ: — съ той минуты,

какъ леди Перджитеръ получаетъ его росписку, а одинъ отвѣтственъ за все, что можетъ случиться.

— Вы говорите о роспискѣ, которую онъ оставляетъ, уѣзжая съ ними изъ Мурстрита.

— Именно о той.

— Бриліанты такъ крупны, что ихъ можно узнать даже безъ оправы?

— Въ этомъ я сомнѣваюсь. Нѣкоторые изъ нихъ прекрасны. У меня есть рисунокъ всей парюры, если вы желаете посмотрѣть на нее.

Мистеръ Брейль слегка кивнулъ, какъ-бы говоря, «еще успѣю» и что-то занесъ въ свою записную книжку.

— Теперь относительно самого мистера Гельстона, каковъ онъ съ виду?

— Онъ средняго роста и на видъ среднихъ лѣтъ, хотя въ дѣйствительности гораздо моложе; волосы вьющіеся, каштановые; сложеніе довольно плотное, впрочемъ нѣтъ, это только кажется, вслѣдствіе его медленныхъ движеній. Сколько мнѣ помнится, онъ говорилъ мнѣ, что вѣситъ...

— Не можете ли добыть мнѣ его фотографію, перебилъ мистеръ Брейль.—Этимъ мы выгадаемъ массу времени.

— О, я думаю, что безъ труда вамъ ее достану, сказалъ мистеръ Сайнэтъ, и онъ подумалъ, что обратится за этимъ къ Эми Тэрло. — Съ нею снимутъ копию и раздадутъ ихъ, неправда ли?

— Да, по полицейскимъ участкамъ и въ иныхъ мѣстахъ. Затѣмъ замѣтивъ, что ювелиръ нѣсколько поморщился отъ этой мысли, онъ добавилъ: — не собственно съ цѣлью арестованія этого господина, а чтобы удостовѣриться въ его личности, если окажется, что случилось съ нимъ несчастіе.

— Понимаю, сказалъ мистеръ Сайнэтъ.—Но мое твердое убѣжденіе, Жоржъ, что человѣкъ этотъ невиновенъ.

Онъ дѣйствительно такъ думалъ и въ то же время имѣлъ двадцать пять тысячъ причинъ, для подтвержденія своего мнѣнія.

— Именно такъ, сэръ, сказалъ спокойно Брейль.

— Это не мѣшаетъ однако же наблюдать за его домомъ, неправда ли?

Новое затрудненіе. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ мистеръ Сайнэтъ несомнѣнно сказалъ бы да; но окружать домъ своей возлюбленной полицейскими, не могло назваться вполне рыцарскимъ поступкомъ.

— Что касается частныхъ, Жоржъ, то это уже ваше дѣло, холодно отвѣтилъ онъ.

— Предполагаю, что у васъ нѣтъ никакого подозрѣнія на какую бы то ни было личность, сэръ.

На языкѣ мистера Сайнэта вертѣлось имя леди Перджитеръ, однако онъ промолчалъ.

Но мистеръ Брейль, повидимому, замѣтилъ его нерѣшительность и опять что-то внесъ въ свою записную книжку, надо полагать, не какую нибудь поэтическую фантазію.

— Если подозрѣніе у васъ и самое слабое, то все-таки очень не мѣшало бы высказать его, продолжалъ онъ заискивающимъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никого не подозрѣваю. И затѣмъ, помолчавъ, прибавилъ:— Жоржъ, такъ какъ вы намѣреваетесь учредить надзоры, то предполагаю, что вы это сдѣлаете и относительно Мурстрита; вѣдь извозчикъ увѣряетъ, что оставилъ тамъ мистера Гельстона.

— Номеръ дома сэра Черльса Перджитера кажется десятый, сказалъ сыщикъ, записывая эту цифру въ свою книжку.

Касательно этого пункта мистеръ Сайнэтъ не сказалъ больше ничего; однако было высказано совершенно достаточно.

— Вашъ ассистентъ велъ правильную и регулярную жизнь, съ тѣхъ поръ какъ онъ служитъ у васъ?

— Совершенно.

— А что извѣстно вамъ касательно его домашней жизни?

— Я знаю изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что онъ велъ дома самую скромную и тихую жизнь.

— Вы говорите «изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ», сказалъ мистеръ Брейль и едва замѣтная улыбка пробѣжала по его серьезному лицу,—предполагаю, что вы это знаете отъ его жены?

— Нѣтъ, не отъ жены; я узналъ это отъ его свояченицы, той молодой дѣвицы, которая сейчасъ была здѣсь.

— Очень этому радъ, мистеръ Сайнэтъ, потому что женѣ—осмѣливаюсь вамъ это сказать, такъ какъ вы холостякъ—часто менѣе чѣмъ кому-либо извѣстны дѣла мужа. Могу васъ увѣрить, что въ подобныхъ случаяхъ, въ девяти изъ каждыхъ десяти, по крайней мѣрѣ, замѣшана женщина.

— Но только не въ данномъ случаѣ, Жоржъ; я думаю, что вамъ слѣдуетъ совершенно отказаться отъ этого предположенія.

Лицо мистера Брейля сильно вытянулось.

— Крайне жалѣю объ этомъ, сэръ, сказала онъ нѣжно.— Когда въ подобныхъ маленькихъ дѣлахъ замѣшаны женщины, то всегда есть надежда; до нихъ добраться всегда легче, чѣмъ до нашего брата. Во всякомъ случаѣ будемъ стараться. И сейчасъ всталъ, спрятавъ въ карманъ свою записную книжку.

— Любезный Брейль, поступайте, конечно, по собственному усмотрѣнію; но мнѣ сдается, что вы беретесь за дѣло подъ вліяніемъ сильнѣйшаго недоразумѣнія, сказалъ ювелиръ серьезно.— Не забывайте, что пропали не одинъ бриліантъ, но что съ ними вмѣстѣ пропалъ и мистеръ Гельстонъ.

— Вотъ это-то именно я и помню, мистеръ Сайнэтъ. Если пропадаетъ какой-либо неодушевленный предметъ, то говоришь себѣ: не могъ же онъ уйти самъ по себѣ, кто нибудь да взялъ его; когда же пропадаетъ человѣкъ, то я говорю себѣ: не могъ же онъ уйти безъ ногъ,— другими словами, гораздо вѣроятнѣе то, что онъ убѣжалъ самъ, чѣмъ то, что его унесли. Впрочемъ, черезъ нѣсколько часовъ кое-что намъ будетъ ужъ извѣстно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Мнѣнія расходятся.

Ужасно было положеніе Сэбей, когда часъ проходилъ за часомъ и не приносилъ ей извѣстія о мужѣ. Отчаяніе все болѣе и болѣе овладѣвало ею; она уже говорила себѣ: «Матью умеръ».

Мистеръ Барло, конечно, не принесъ ей никакихъ извѣстій. Мистеръ Сайнэтъ принялъ его съ поразительною холодною, которую онъ не зналъ чему приписать, тѣмъ болѣе, что самъ онъ, на этотъ случай, совершенно отбросилъ свой формально-судейскій тонъ; онъ, напротивъ того, упиралъ на страшное безпокойство и горе Сэбей, какъ-бы желая этимъ засвидѣтельствовать дѣйствительное исчезновеніе Матью. Однако мистеръ Сайнэтъ принялъ это извѣстіе съ нѣмногою холодною, показавшеюся мистеру Барло нѣсколько подозрительною. Онъ также выразилъ очень мало участія семейному горю, въ то же время не переставая говорить о потерѣ своихъ бриліантовъ.

— Какъ свѣтскій человѣкъ свѣтскому человѣку... началъ онъ, и всѣ его дальнѣйшія замѣчанія вполнѣ соотвѣтствовали его предъидущимъ рѣчамъ. Онъ нимало не сомнѣвался въ честности

друга мистера Бэрло; однако мистеру Бэрло должно же быть очевидно, что фактъ исчезновенія мистера Гельстона одновременно съ брилліантами на сумму 25,000 фунтовъ очень неприятенъ. Безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени все объяснится и брилліанты отыщутся; но если ихъ не найдутъ, то врядъ ли мистеръ Бэрло удивится, услышавъ что-либо неприятное.

Прежде, въ разговорахъ съ своимъ будущимъ зятемъ, мистеръ Бэрло имѣлъ обыкновеніе защищать его принципала, однако сегодняшній визитъ измѣнилъ нѣсколько его взглядъ. Ему казалось, что ювелиръ не отнесся къ нему съ уваженіемъ, подобающемъ адвокату, хотя и начинающему; но онъ въ то же время нѣсколько извинилъ его поступокъ въ виду обстоятельствъ, хотя все-таки не допускалъ возможности проявленія въ себѣ раздражительности и грубоватости въ подобномъ же положеніи. Къ тому же онъ припомнилъ, что Мэтью находился у него на службѣ всего какихъ нибудь два года и что, въ виду происшествія столь ужаснаго, человѣку немудрено сдѣлаться эгоистомъ, заботиться о своихъ интересахъ даже въ ущербъ интересамъ другихъ и подозрѣвать всѣхъ вокругъ себя. Адвокатъ ушелъ отъ мистера Сайнэта съ убѣжденіемъ, что послѣдній далеко не былъ увѣренъ въ томъ, что Мэтью Гельстонъ, на свояченицѣ котораго онъ собирался жениться, не убѣжалъ, похитивъ перджитерскіе брилліанты, и онъ сильно негодовалъ на него за это.

Понятно, что Сэбей онъ ничего объ этомъ не сказалъ, тѣмъ болѣе, что подобная мысль не могла никакимъ образомъ придти ей въ голову; если она и вспоминала о брилліантахъ, то развѣ только потому, что владѣтельница ихъ была какъ-бы причиною несчастія ея мужа. Но что больше всего терзало ее въ данную минуту—это возможность самаго несчастія и различныя предположенія относительно его степени.

Тѣ объясненія отсутствія ея мужа, которыми она до тѣхъ поръ себя успокоивала, или которыя предлагались ей другими, теперь сдѣлались немислимыми. Только серьезная болѣзнь или смерть могли помѣшать Мэтью придти избавить ее отъ невыразимаго мученія. Послѣ возвращенія мистера Бэрло, у нея оставалась еще одна слабая надежда; она думала, что быть можетъ Мэтью вдругъ сильно занемогъ и поручилъ Рутерфорду сообщить ей объ этомъ, а тотъ этого не сдѣлалъ. Что-же касается мистера Бэрло, то онъ не хотѣлъ поддерживать въ ней такой тщетной надежды, справедливо боясь, что минутное облегченіе искупится потомъ тѣмъ сильнѣйшимъ страданіемъ.

Продолжительное отсутствіе Эми, нѣсколько обнадеживавшее

Сэбей, наоборотъ сильно тревожило его за судьбу Мэтью. Бъ тому же онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что она отправилась въ Гайблу Мьюсь одна, да еще въ такую убійственную погоду, и хотя онъ этого не говорилъ Сэбей, она сама замѣтила его недовольство, и ее сильно огорчала мысль, что онъ не одобряетъ поступка Эми—последнюю, быть можетъ, услугу, которую она ей оказывала ради Мэтью, тѣмъ болѣе, что какая-то святая смерти уже лежала для нея на всемъ томъ, что касалось ея мужа, и малѣйшій укоръ или неуваженіе къ нему казались ей святотатствомъ.

— Я бы лучше хотѣла остаться наединѣ, пока не вернется Эми,—тихо и почти поворно проговорила Сэбей, послѣ того, какъ мистеръ Берло сообщилъ ей всѣ подробности о своей поѣздѣ. И раньше чѣмъ онъ успѣлъ дойти до дверей гостиной, она уже припала къ окну и по прежнему все продолжала прислушиваться; адвокатъ же отправился къ дядѣ Стэфену въ курительную комнату.

Дневное движеніе уже проснулось въ Кэвэндиш-гровѣ; прохожіе спѣшили въ Сити, уклоняясь отъ сильныхъ порывовъ вѣтра и огромныхъ хлопьевъ снѣга; безшумно скользили тележки торговцевъ, а время отъ времени проѣзжалъ нагруженный поклажею кэбъ, наполненный веселыми лицами швольниковъ, отправлявшихся домой на праздники. Какъ ей казалось страннымъ, что люди продолжаютъ предаваться своимъ дѣламъ и удовольствіямъ, между тѣмъ какъ ея сердце все изныло отъ тяжелой, снѣдающей тоски.

Вдругъ подъѣхалъ кэбъ, въ которомъ сидѣла Эми. Сэбей увидѣла ея блѣдное, грустное лицо и на немъ прочитала роковой отвѣтъ.

— Нѣтъ извѣстій о Мэтью? были ея первыя слова.

— Нѣтъ, дорогая моя, никакихъ, отвѣтила Эми, обнимая сестру.

— Но вѣдь никакія извѣстія не значить хорошія?

— Нѣтъ. Но все-таки, дорогая Сэбей, дурныхъ извѣстій пока еще нѣтъ. Пока все это только грустно и странно, и непонятно.

Затѣмъ, когда онѣ усѣлись вмѣстѣ въ гостиную, она рассказала ей все, что случилось: о своей поѣздѣ къ извозчику, и о томъ, что Рутерфордъ сообщилъ ей относительно приглашенія лэди Перджитеръ.

— Это ложь! воскликнула Сэбей;— эта женщина безъ сердца. Она употребила выраженіе самого Мэтью относительно

миледи. Что ей до того, что́ станется съ моимъ ненагляднымъ Мэтью, лишь-бы брилiанты ея были цѣлы!

— Но брилiанты ея не цѣлы, Сэбей. Слуги ея говорятъ, что Мэтью уѣхалъ съ ними какъ обыкновенно, между тѣмъ какъ Рутерфордъ увѣряетъ....

— Я вѣрю Рутерфорду, быстро перебила ее Сэбей. — Мэтью всегда ему довѣрялъ.

Эми не знала что и отвѣтить на это нелогичное замѣчанiе; тѣмъ болѣе, что относительно этого предмета она сама сомнѣвалась, и потому она продолжала свой рассказъ.

Сэбей жадно слѣдила за каждымъ словомъ, въ то же время не переставая прислушиваться, въ ожиданiи того, на что утрачена и послѣдняя надежда, послѣ всего сказаннаго. Подъ конецъ она совсѣмъ смодела, красивая головка ея поникла и руки лежали на колѣняхъ съ крѣпко сжатými пальцами.

— Дорогая моя, не отчаивайся, шептала Эми; — если-бы случилось что-либо ужасное, страшное, теперь мы бы объ этомъ уже знали. Будетъ сдѣлано все возможное, и не только нами, но и другими, сильнѣйшими. Мистеръ Сайнэтъ употребитъ всѣ усилiя.

— Да благословитъ его за это Богъ! прошептала Сэбей.

Эми не рѣшилась высказать причину, заставлявшую всѣхъ такъ усердно браться за дѣло, мистера Сайнэта же въ особенноти: имъ были дороги брилiанты, а не Мэтью. Однако она сознавалась, что ювелиръ былъ очень добръ.

— Надо запастись терпѣнiемъ, Сэбей, ради самого Мэтью; мистеръ Сайнэтъ говоритъ, что очень важно въ подобныхъ случаяхъ не падать духомъ.

Въ отвѣтъ на это Сэбей взяла руку сестры и крѣпко ее пожала. «Для чего теперь жить?» мысленно спрашивала она себя, и какъ-бы въ отвѣтъ на это, сверху раздался слабый крикъ ребенка.

Сэбей немедленно встала.

— Фрэнкъ еще здѣсь съ дядей Стэфеномъ; пойдѣ въ нимъ, пока я буду съ малюткой.

Сэбей не имѣла обыкновенiя называть мистера Барло — Фрэнкомъ и сдѣлала это теперь ради сестры, а также въ видѣ вознагражденiя за то нѣсколько враждебное чувство, которое онъ возбудилъ въ ней противъ себя.

Есть натуры, остающiяся посреди самаго страшнаго горя справедливыми къ другимъ.

Эми застала Фрэнка и дядю Стэфена куращими трубку

мира. Чувство раздраженія, возникшее въ старикѣ противъ адвоката, теперь совсѣмъ улеглось и уступило мѣсто одному серьезному опасенію въ виду общей опасности, грозившей имъ, такъ какъ мистеръ Бэрло высказалъ ему всѣ свои предположенія относительно Мэтью, котораго онъ считалъ почти погибшимъ.

— Зная его, насколько мы его знаемъ, мистеръ Дэргамъ, не трудно предположить, что только самое худшее могло помѣшать ему сообщить намъ о себѣ.

— Неужели же вы думаете, что его убили? восликинулъ старикъ.

— Боюсь, что онъ попался въ руки негодяевъ, да!

Затѣмъ они молча продолжали курить, пока Эми не вошла въ комнату.

Ее поразило то, что хотя оба казались грустными и серьезными, лицо Фрэнка выражало больше горя, нежели лицо дяди. Она еще не понимала того, что старость притупляетъ въ насъ всѣ чувства, даже способность душевно страдать. Человѣку, уже долго жившему, пришлось видѣть въ жизни столько горя, даже если и самъ онъ не испыталъ его, что оно теряетъ для него свой исключительный характеръ, составляющій его главную горечь. Себей не казалась дяди Стэфену особенною жертвою злой судьбы; она только раздѣляла общую участь. Сердце его обливалось кровью и за нее, и за племянника, котораго онъ горячо любилъ; но въ немъ было нѣкоторое общее равнодушіе къ человѣческой судьбѣ вообще, которая нѣсколько заглушила его скорбь.

Оба съ глубочайшимъ вниманіемъ выслушали ея рассказъ.

— Я убѣжденъ, что этому Рутерфорду все отлично извѣстно, рѣшилъ мистеръ Бэрло;—рассказъ его очевидная ложь.

— Фрэнкъ, если-бы ты самъ его слышалъ, ты навѣрное не говорилъ бы этого.

— Мистеръ Сайнэтъ, повидимому, дѣлаетъ все, что нужно въ данномъ случаѣ, замѣтилъ дядя Стэфенъ.

— Я въ этомъ увѣрена, подтвердила Эми. — Мнѣ не случилось видѣть человѣка, который бы отнесся къ дѣлу болѣе серьезно и въ то же время разумно и сдержанно. Также слышалъ, которому онъ поручилъ веденіе дѣла, показался мнѣ очень смышленнымъ.

— Ему слѣдовало бы немедленно захватить извозчика и засадить его, сказалъ мистеръ Бэрло.

— Онъ и предлагалъ это; только я отклонила его отъ этого намѣренія, Фрэнкъ. Если-бы ты самъ слышалъ Рутер-

форда, ты былъ бы навѣрное моего же мнѣнія; такая ужасная вещь посадить въ тюрьму невиннаго. Подумай о томъ, что сказали бы про самого Мэта въ подобномъ случаѣ и какъ бы такой поступокъ огорчилъ его.

— Ну, а какого мнѣнія былъ самъ мистеръ Сайнэтъ? освѣдомился мистеръ Бэрло, не безъ нѣкотораго сарказма.

— Вотъ видишь ли: сперва онъ раздѣлялъ мнѣніе сыщика, что бѣднягу слѣдуетъ посадить въ тюрьму; но послѣ онъ согласился со мной, что это было бы несправедливо. Чему ты улыбаешься, Фрэнкъ?

— Улыбаюсь твоей простотѣ, моя голубушка. Мнѣ кажется, что я не заблуждаюсь на счетъ цѣли мистера Сайнэта. Ты воображаешь, что онъ сокрушается о судьбѣ Мэтью, котораго онъ никогда не любилъ, и о Сэбей, которую онъ видѣлъ всего дважды въ жизни, а не о брилантахъ, за потерю которыхъ онъ отвѣчаетъ.

— Я этого не говорила, Фрэнкъ, отвѣчала Эми спокойно;— я только замѣтила, что, беря въ соображеніе ту огромную сумму, которую онъ здѣсь рискуетъ потерять, онъ не мало сочувствовалъ нашему горю.

— Найдись теперь одни бриланта. безъ Мэтью, и ты увидишь, что это нимало его не огорчитъ, замѣтилъ мистеръ Бэрло.— По крайней мѣрѣ я вынесъ подобное впечатлѣніе, послѣ моего сегодняшняго съ нимъ разговора.

— А мое впечатлѣніе было совершенно иного рода, Фрэнкъ; да я и не понимаю, къ чему было ему выказывать какое бы то ни было участіе, если онъ его, дѣйствительно, не чувствовалъ.

— Понятно, что онъ интересуется исчезновеніемъ Мэтью, отвѣтилъ мистеръ Бэрло,— такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ исчезли и бриланта. Что же касается твоего предположенія относительно доброты его къ Рутерфорду, то оно вполнѣ ошибочно; онъ обращается съ нимъ подобно тому, какъ рыбакъ обращается съ червякомъ, передъ тѣмъ, чтобы вздѣть его на удочку.

— Или, напримѣръ, какъ адвокатъ обращается съ своимъ свидѣтелемъ, вставилъ дядя Стэфенъ.

— Именно такъ, согласился мистеръ Бэрло, не замѣчая сарказма.— Что же касается показаній Рутерфорда, т. е. если возможно вообще имъ вѣрить, то онъ клонится къ тому, чтобы доказать, что бриланта находятся въ рукахъ леди Перджитеръ и что, слѣдовательно, мистеръ Сайнэтъ за нихъ не отвѣчаетъ.

Цѣль его очевидна: онъ желаетъ этимъ задобрить ювелира и перетащить его на свою сторону.

— Если то полнѣйшее отсутствіе состраданія, которое выражается въ твоихъ словахъ, есть слѣдствіе юридическаго воспитанія, Фрэнкъ, сказала Эми съ негодованіемъ, то я душевно рада, что сама я не адвокатъ.

И замѣтивъ, что Сэбей и безъ того уже слишкомъ долго оставалась одна, она вышла изъ комнаты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Самоотверженное рѣшеніе.

Хотя бы близкіе, дорогіе наши и повоились въ свѣже-вырытыхъ могилахъ, а тѣ, которые пропали, такъ и не возвращались, — неумолимая жизнь все идетъ своимъ чередомъ. И завтракъ, и обѣдъ, и чай, все по обыкновенію подавалось въ маленькой кэвендишгровской семьѣ; всѣ по обыкновенію сидѣли за столъ, но ѣлось мало. Одинъ дядя Стэфенъ пилъ и ѣлъ какъ всегда; его старческій аппетитъ мало измѣнялся вслѣдствіе душевныхъ заботъ. И Эми принуждала себя ѣсть, боясь потерять силу и энергію на тотъ случай, когда снова потребуется ея помощь; она не посѣщала своихъ ученицъ, рѣшившись не оставлять сестры до тѣхъ поръ, пока продолжится эта тяжелая неизвѣстность.

Сэбей заставляла себя также сидѣть за столомъ; но каждый кусокъ, который она старалась проглотить, душилъ ее, и вставая, она немедленно, подобно автомату, механизмъ котораго заведенъ, садилась къ окну гостиной.

Уже прошло двѣнадцать часовъ, съ тѣхъ поръ какъ Мэтью долженъ былъ вернуться, а извѣстій о немъ не имѣлось, и мистеръ Сайнэтъ ничего не посылалъ сказать. Снѣгъ пересталъ, но настала ночь, а вѣтеръ все не переставалъ жалобно, раздрающе выть. А Сэбей думала: «Слышитъ ли онъ теперь эти дикіе порывы вѣтра, чувствуетъ ли ужасный холодъ, или же онъ на небѣ, откуда можетъ быть смотреть на меня? Нѣтъ, пусть лучше не видитъ меня, а то страшное горе мое отзовется и на немъ».

Время отъ времени поднималась она навверхъ, чтобы въ

сороковой разъ посмотрѣть, готово-ли все для принятія мужа, если его принесутъ больнаго. Въ комнатѣ его топился каминъ, и пламя, падая на всѣ принадлежащія ему предметы, на которыхъ съ любовью останавливались ея глаза, казалось прожигало ея сердце. Говорятъ, что тоже самое испытываютъ матери, потерявшія единственныхъ дѣтей своихъ, когда смотрять на ихъ игрушки. Ее больше оставляли одну, по ея же просьбѣ. Эми сидѣла съ ребенкомъ.

Въ четыре часа изъ города вернулся мистеръ Бэрло, куда онъ ушелъ по обыкновенію, и сама Эми впустила его.

— Нѣтъ ли извѣстій? былъ его первый вопросъ.

— Нѣтъ, Фрэнкъ, а у тебя?

Онъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, извѣстій собственно нѣтъ, т. е. хорошихъ извѣстій, но...

Она сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ замолчалъ; но Сэбей, услышавшая какъ открылась входная дверь, была уже рядомъ.

— Фрэнкъ, говорите, что-такое? Я все лучше перенесу, чѣмъ эту неизвѣстность.

— Она скоро объяснится, дорогая миссисъ Гельстонъ. Я хотѣлъ только сказать, что это дѣло уже въ рукахъ печати, такъ что таинственность, по крайней мѣрѣ относительно бѣднаго Мэтью, должна скоро разоблачиться.

— Отчего же вы говорили, что извѣстія не хороши? просто душно спросила она.

— Да потому, что неприятно, когда въ наши частныя дѣла вмѣшуются газеты; я надѣялся, что все благополучно окончится и безъ огласки.

— Это все равно, лишь бы Мэтью нашелся.

— Вы правы. Очень радъ, дорогая миссисъ Гельстонъ, что вы такъ здраво смотрите на вещи. А я опасался, что это васъ еще больше встревожить.

Говоря это, онъ значительно посмотрѣлъ на Эми. Та сейчасъ же поняла, что онъ обманываетъ ея сестру; онъ дѣлалъ это конечно съ пользою для нея; онъ могъ что-либо узнать, что необходимо было скрыть пока отъ Сэбей; а между тѣмъ, ей казалось жестокимъ, что сестру обманываютъ, тѣмъ болѣе, что такъ легко было успокоить ея подозрѣнія, такъ она всѣмъ легко довѣряла. Словно злоупотребляли довѣріемъ ребенка.

— Понятно, что въ конторѣ я почти что и не работалъ, сказалъ мистеръ Бэрло.

— Это я тебя послала туда, вставила Эми. Она дѣйстви-

тельно, настояла на томъ, чтобы онъ шелъ, зная, что для дѣятельнаго человѣка, преданнаго своему занятію, тяжело оставаться дома празднымъ, тѣмъ болѣе, что присутствіе его не могло имъ быть полезнымъ; но она хотѣла, чтобы Сэбей не знала, отчего онъ ушелъ.

— Конечно, я бы остался, если-бы могъ чѣмъ служить, сказалъ мистеръ Бэрло.

— Я въ этомъ увѣрена, сказала Сэбей съ благодарностью, не отрывая взора отъ темнаго окна.

— Однако, я совсѣмъ не могъ работать, продолжалъ мистеръ Бэрло,—такъ какъ всѣ мысли мои были здѣсь, съ вами. Хотя товарищъ мой и смѣтливый, но, не посоветовавшись съ вами, миссисъ Гельстонъ, я не хотѣлъ говорить ему о нашемъ горѣ. Я все надѣялся, что, по возвращеніи домой, найду все благополучнымъ, и что слѣдовательно, не будетъ надобности посвящать всѣхъ или хоть кого либо, въ нашу тайну; но все-таки я думаю, что если до завтра ничего не случится, то я посоветуюсь съ мистеромъ Бэтсомъ.

Сэбей ничего не отвѣтила; что значили для нея какой-нибудь мистеръ Бэтсъ или даже всѣ остальные?

Эми грустно посмотрѣла на жениха и шепотомъ прибавила:

— Фрэнкъ, она совсѣмъ не слышитъ тебя; что хотѣлъ ты сказать мнѣ, когда вошелъ?

Онъ до половины вытащилъ изъ кармана газету и указалъ на дверь. Они тихонько встали и вышли; въ то же время дверь столовой отворилась и дядя Стэфенъ сдѣлалъ имъ знакъ, чтобы они вошли. Грустно было смотрѣть, какъ притихъ старикъ въ своемъ же домѣ, словно не опасенія смерти, а сама она уже вошла въ него.

— Я зналъ, что вы здѣсь, Бэрло, сказалъ онъ,—только я предпочелъ не выходить; наше присутствіе кажется, только стѣсняетъ ее. Скажите, что вы слышали?

— Я пока ничего не слышалъ; объ этомъ еще не говорятъ; но я что-то видѣлъ. Вотъ вечерняя газета и въ ней слѣдующая замѣтка: «Тайнственное исчезновеніе ювелирскаго помощника. Ходятъ слухи о томъ, что внезапно исчезъ ассистентъ одного изъ извѣстныхъ ювелировъ, магазинъ котораго поменьше чѣмъ въ ста миляхъ отъ Паулетстрита. Вслѣдствіе странной или несчастной случайности, чтобы не сказать больше, одновременно исчезло изъ магазина большое количество драгоценнѣйшихъ брилліантовъ. Полиціи объ этомъ дано знать, и, какъ намъ кажется, она уже нашла на слѣдъ». Довольно ясно, какъ видите.

— Сэбей была бы въ отчаяніи, если-бы прочла это, сказала Эми, невольно содрагаясь.

— Не думаю, замѣтилъ дядя Стэфенъ.

— Но вѣдь здѣсь стараются доказать, что Мэтью воръ, горячилась Эми.

— Что же изъ этого слѣдуетъ? Какое значеніе можетъ имѣть мнѣніе какогонибудь жалваго писаки?

— Несомнѣнно, что личность эта какаянибудь ничтожность; но тѣмъ не менѣе, мнѣніе его можетъ быстро распространиться, и мы должны къ этому приготовиться. Это еще только первый комъ грязи, брошенный въ насъ.

— И ты серьезно такъ думаешь, Франкъ?

— Я увѣренъ въ этомъ, Эми.

— Бѣдная, бѣдная моя Сэбей! ей и безъ того такъ тяжело!

— Ты права, сказалъ дядя Стэфенъ;—но если я не ошибаюсь, гнусная клевета противъ ея мужа послужить для нея возбуждательнымъ средствомъ. Переносить будетъ, пожалуй, еще тяжелѣе, только тяжелѣе въ иномъ смыслѣ. Ея безграничная любовь, вотъ главная причина ея горести; клеветы эти, служащія орудіемъ врагамъ, вооружать и ее; я знаю, что у нея хватитъ на это мужества.

— Но какъ ужасна мысль, что приходится вооружаться! вздыхала Эми.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ мистеръ Барло;—но по моему, мистеръ Дэргамъ правъ. Что возникнетъ необходимость это сдѣлать, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; всѣмъ намъ придется вооружиться. Я посвятилъ весь день на размышленіе объ этомъ предметѣ и пришелъ къ заключенію, что если Мэтью не отъищется по простствіи нѣсколькихъ часовъ, то весь міръ, за весьма малымъ исключеніемъ, будетъ на сторонѣ этого грошоваго писаки. Мы составимъ меньшинство изъ четырехъ.

— Это приблизительно обыкновенная пропорція людей разумныхъ, относительно всей массы населенія, философски замѣтилъ дядя Стэфенъ. — Могу васъ увѣрить, что, за исключеніемъ конечно присутствующихъ, мнѣ не пришлось встрѣтить и четверыхъ, способныхъ оцѣнить случайную правду.

— Ничто, во всякомъ случаѣ, не сократитъ нашего меньшинства, замѣтила Эми;—что бы ни думали другіе, но намъ хорошо извѣстно, что имя Мэтью Гельстона не можетъ быть сопоставлено даже съ проступкомъ, тѣмъ менѣе съ преступленіемъ.

— Хорошо сказано, воскликнулъ дядя Стэфенъ;—не знай

я этого раньше, такіа прекрасныя уста меня бы навѣрное убѣдили. Такого защитника могъ приобрѣсти себѣ только дѣйствительно достойный человѣкъ. Какъ вы объ этомъ думаете, мистеръ Барло?

— Мнѣ кажется, что это и не подлежитъ вопросу, мистеръ Дѳргамъ, сказалъ адвокатъ.—Если я, въ подобныхъ случаяхъ, высказываюсь и менѣе другихъ, сказалъ онъ, съ любовью положивъ руку на плечо Эми,—то на дѣлѣ я сумѣю доказать свою преданность.

— Несомнѣнно, какъ пародія на одно извѣстное изрѣченіе, скажу я вамъ, замѣтилъ дядя Стѳфенъ, дѣлая притомъ маленькую гримасу, при иныхъ обстоятельствахъ перешедшую бы въ улыбку:—онъ, прикрытый лишь своей пергаментной кожей, не побойтся и того, на что пойдетъ рыцарь въ своихъ блестящихъ латахъ.

— Надѣюсь, что такъ, осторожно отвѣтилъ адвокатъ и не изъ довѣрія къ себѣ, а просто вслѣдствіе нѣкотораго сомнѣнія относительно смысла сказанныхъ словъ.—Пусть каждый изъ насъ работаетъ по мѣрѣ силъ и возможности.

— Объ одномъ прошу: будемъ работать вмѣстѣ, сухо сказалъ дядя Стѳфенъ,—такимъ образомъ легче будетъ справиться со всѣми невзгодами.

Эми молча, но серьезно смотрѣла то на одного, то на другаго и думала, что хорошо имѣть такихъ преданныхъ и вѣрныхъ друзей; одно только ее сильно тревожило: они точно защищали память Матю, какъ-бы отчаяваясь когда либо увидѣть его въ живыхъ.

Ужина въ этотъ вечеръ и не подавали, такъ какъ дядя Стѳфенъ рано удалился, страдая отъ своего бронхита, а обѣ женщины были рады избавиться отъ того, что теперь было для нихъ пустою церемоніей. Сѳбей рано ушла къ себѣ; она ласково отвергла предложеніе сестры раздѣлить съ нею ея постель, но общала ей лечь и непременно уснуть. Самой же Эми совсѣмъ не спалось, и по прошествіи нѣкотораго времени, она тихонько встала и на цыпочкахъ провѣрала въ спальнѣ сестры. Дверь была настежъ; въ каминѣ пылалъ яркій огонь; ребенокъ спокойно спалъ въ своей кроватѣ, но тамъ не было ни Сѳбей, ни слѣдовъ того, чтобы она прежде лежала на постелѣ. Что могло съ нею случиться? Неужели же она, истомленная и измученная, дошла до полузабытья и теперь, ночью, вышла на улицу, чтобы искать своего дорогого пропавшаго? Эми въ ужасѣ сбѣжала съ лѣстницы, но, къ своей великой радости,

нашла входную дверь, какъ и всегда, закрытою и замкнутою. Слабый свѣтъ проникалъ снизу, изъ курительной комнаты; она спустилась съ сильно бьющимся сердцемъ, но быстрымъ и беззвучнымъ шагомъ, и остановилась у полуоткрытой двери. Въ отдаленномъ углу комнаты, рядомъ съ машиною мужа, нагнувшись надъ ней, стояла Сэбей. Снявъ покрывало, она смазывала масломъ всѣ маленькіе колесики и затѣмъ терла ихъ кускомъ фланели, какъ обыкновенно дѣлалъ это самъ Мэтью.

Она не слышала шаговъ сестры и усердно продолжала свою работу. Сперва Эми сильно испугалась, думая, что Сэбей потеряла разсудокъ; но она успокоилась, увидѣвъ, что глаза ея выражали лишь нѣжную заботливость. Думала ли она, что мужъ ея скоро вернется, и приготавливала все къ его возвращенію, или-же исполняла это какъ священный долгъ памяти умершаго? Во всякомъ случаѣ это было трогательное зрѣлище.

Эми грустно вздохнула и удалилась такъ же тихо, какъ и пришла, не потревоживъ сестры; сердце ея разрывалось отъ жалости. Какая горькая будущность, вѣроятно, ожидала это нѣжное существо? Какая невыразимая кручина, какое непроглядное горе сжигало ее, если она находила облегченіе въ подобномъ занятіи! Эми почти что сердилась на себя за то, что присутствіе жениха было въ состояніи ободрить и успокоить ее, между тѣмъ какъ Сэбей не имѣла ни защитника, ни утѣшенія. На волѣняхъ призывала она небо въ свидѣтели того, что никогда не повинетъ своей бѣдной сестры и никогда, ради собственнаго счастья, не откажется раздѣлить или облегчить ея горе. Если Сэбей такъ незаслуженно обречена на страданія, то ея долгъ облегчить ея судьбу и пожертвовать собою, чего бы ей это ни стоило. Она горячо любила своего Фрэнка, но теперь явилась у нея новая обязанность, обязанность священная, ради которой она готова была жертвовать своею любовью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Госпожа и служанка.

Въ то самое утро, когда исчезъ Мэтью Гельстонъ, леди Перджитеръ встала нѣсколько ранѣе, чѣмъ обыкновенно вставала послѣ бала. Лицо ея, отличавшееся по утрамъ особенною неприв-

лсательностью, было сегодня къ тому же крайне озабочено. Для тонкаго наблюдателя, а таковымъ была несомнѣнно ея горничная, Пэтти Сельвудъ, было очевидно, что подобно бѣдной Сэбей, она также не спала въ ожиданіи какихъ-либо неприятныхъ извѣстій. Она молчала, хотя ей видимо хотѣлось заговорить, и время отъ времени, когда вниманіе Пэтти было отвлечено ея прическою, она бросала на нее быстрые, но недовѣрчивые и вопросительные взгляды. Однажды Пэтти даже поймала ее на этомъ, заглянувъ въ зеркало, причемъ миледи сильно покраснѣла и закусила губу съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла укусить Пэтти.

Странно, что хотя цивилизація и идетъ впередъ гигантскими шагами, но человѣческая природа остается все тою же, какъ была нѣсколько тысячъ, а можетъ быть и нѣсколько миліоновъ лѣтъ тому назадъ. Будь, напримѣръ, еще рабы, или вассалы, какъ въ доброе старое время, Пэтти Сельвудъ пришлось бы не лучше чѣмъ рабыни у любой римской матроны. Чего бы миледи надъ нею ни продѣлала, особенно въ настоящую минуту, такъ какъ дѣвушка этой извѣстенъ былъ одинъ крайне важный для нея секретъ, о которомъ та упорно молчала, между тѣмъ какъ единственная личность, съ которою можно было безъ всякаго опасенія говорить о немъ, была именно сама она, а ей очень хотѣлось узнать, не случилось ли еще чего, имѣвшаго отношеніе къ этому секрету.

При подобныхъ условіяхъ было крайне интересо наблюдать за выраженіемъ лица миссъ Сельвудъ, отлично знавшей чего отъ нея желали, но рѣшившейся во что бы то ни стало не начинать первой разговоръ; приэтомъ она казалась не только вполне хладнокровною, но выказывала даже нѣкоторую невинную, веселость при исполненіи своихъ обязанностей, что невыразимо бѣсило ея госпожу. Пэтти снова и снова приглаживала ея жалкіе кудри, словно восторгаясь ихъ красотою и мягкостью. Наконецъ, миледи не выдержала.

Какъ вы глупы, Сельвудъ! воскликнула она; — вотъ уже болѣе получаса, что вы возитесь съ моими волосами!

— О, миледи, простите меня; я думаю, что это вслѣдствіе сырости... и какая ужасная погода! улицы всѣ переполнены снѣгомъ! А что за страшная ночь! Такого сильнаго вѣтра я въ жизни не слышала, какой былъ, когда вы послали за бѣднымъ мистеромъ Гельстономъ.

— Молчите, дура! гнѣвно сказала леди Перджитеръ. — Я же вамъ приказала никогда объ этомъ не говорить.

— Покорно прошу васъ извинить мнѣ, миледи, что я осмѣлилась упомянуть объ этомъ, даже между нами; что касается меня, то вы можете быть спокойны: я не проболтаюсь, особенно когда дѣло идетъ о предметѣ такой важности, какъ вы сами изволили вчера выразиться.

Опять выставились надъ нижнею губою длинныя верхніе зубы леди Перджитеръ, которыми она въ своей безсильной ярости немилосердно кусала эту губу. Въ настоящую минуту она болѣе нѣмъ когда-либо походила на лошадь и вдобавокъ на злобную. Она молчала и потому миссъ Сельвудъ продолжала самымъ заяскивающимъ тономъ:

— Относительно меня, миледи, вы можете быть совершенно спокойны, я не скажу ни полслова. Что же касается до порученія вернуть мистера Гельстона, то оно было исполнено Гарвеемъ, такъ что ему дѣло это извѣстно.

— Кто сегодня дежуритъ въ передней? Гарвей?

— Нѣтъ, миледи.

— Впрочемъ это безразлично; къ нему не станутъ обращаться съ вопросами. Однако, который теперь часъ?

— Половина одиннадцатаго, миледи.

— Уже такъ поздно! И леди Перджитеръ облегченно вздохнула.—Очевидно, что въ Паулетстритъ до сихъ поръ ничего еще неизвѣстно, а иначе намъ уже давно сообщили бы о случившемся.

— Но намъ уже сообщили, миледи!

— Какъ? что? Леди Перджитеръ взошла со стула и какъ разъяренная тигрица устыдилась на свою горничную; глаза ея такъ загорѣлись, что Пэтти поспѣшила изъ предосторожности поставить между ними тотъ стулъ, на которомъ миледи только что сидѣла.

— Такъ значитъ что нибудь случилось и вы осмѣлились утаить это отъ меня?

— Я не смѣла вамъ сообщить объ этомъ, миледи, защищалась Пэтти, привидываясь испуганною, хотя въ душѣ она нисколько не боялась своей госпожи, а только ненавидѣла ее.

— Вѣдь сами вы, миледи, приказали мнѣ не упоминать объ этомъ предметѣ и только что изволили повторить свое приказаніе.

Но хотя она старалась говорить съ крайнею покорностью, однако во взглядѣ ея такъ и горѣло злорадство.

— Вы лжете! воскликнула леди Перджитеръ,—и вы знаете, что мнѣ это хорошо извѣстно. Васъ радуеть то безпокойство,

которое я испытываю. Она остановилась на минуту и затѣмъ продолжала тихимъ, но внятнымъ голосомъ: — Мѣсто у васъ здѣсь очень удобное, неправда ли? и воровать можно, чѣмъ вы и пользуетесь; а также вѣдь очень удобно быть подъ одною кровлею съ Гарвеемъ. Ахъ вы, — здѣсь она на минуту остановилась, въ своемъ негодованіи не находя подходящаго эпитета, наконецъ, отъискала — ахъ вы свинья! Вы думали, что если я сознательно закрываю на это глаза, то я слѣпа. Я могла бы васъ сегодня выгнать на улицу безъ всякаго атестата, или съ такимъ, отъ котораго вамъ бы не поздоровилось, понимаете вы меня?

— О да, понимаю, миледи.

Въ голосѣ дѣвушки слышался такой избытокъ горечи и злости, что оиъ невольно остановилъ гнѣвъ леди Перджитеръ.

— Развѣ можно быть такой неразумной и доводить меня до крайностей, продолжала она болѣе мягкимъ тономъ. — Я почти всю ночь не спала, думая объ этомъ Гельстонѣ, о бѣдномъ мистерѣ Гельстонѣ, какъ вы его сейчасъ назвали мнѣ на зло. Вамъ отлично извѣстно, какъ я желаю узнать что случилось; а между тѣмъ вы молчите, Сельвудъ. Развѣ послѣ этого я не была вправѣ разсердиться и наговорить вещей, которыхъ бы не сказала, будь я спокойнѣе? Не отсылайте въ передѣлку того чернаго шелкового платья, о которомъ вы говорили мнѣ вчера, можете взять его себѣ.

— Благодарю васъ, миледи.

Леди Перджитеръ теперь опять сидѣла у своего туалета, а Пэтти что-то прибирала у комода; она не рѣшалась подойти къ зеркалу, боясь, чтобы госпожа ея не прочла выраженія ея лица; на щедрое предложеніе миледи ей трудно было отвѣтить съ спокойствіемъ, уже не говоря о благодарности.

— Я терпѣть не могу ссоръ съ старыми слугами, продолжала леди Перджитеръ, — и всегда жалѣю, если скажу имъ что либо рѣзкое.

— Я увѣрена, что вы объ этомъ сожалѣете, миледи, отвѣчала Пэтти, стараясь придать особое значеніе своимъ словамъ.

Леди Перджитеръ смолчала, а затѣмъ уже обратилась къ горничной съ прямымъ вопросомъ:

— Такъ скажите, Пэтти, что же случилось въ Паулет-стритѣ?

— Этого я не знаю, миледи; здѣсь же, сегодня утромъ, были два посланныхъ, одинъ отъ мистера Сайнэта, а другой,

какъ мнѣ говорили, отъ семейства мистера Гельстонъ, и оба прѣзжали узнавать о томъ, что съ нимъ случилось.

— Что съ нимъ случилось? въ ужасѣ, едва слышно, пролепетала леди Перджитеръ.

— Да, миледи; говорятъ, что онъ пропалъ и съ вашими брилліантами; сюда же они прѣзжали, предполагая, что сэръ Чарльзъ оставилъ его ночевать. Вотъ вамъ спиртъ; понюхайте его, и побольше. Теперь вамъ лучше, неправда ли?

Леди Перджитеръ вообще рѣдко теряла присутствіе духа, въ настоящую же минуту она едва не потеряла сознанія. Все лицо ея страшно поблѣднѣло, за исключеніемъ кончика носа, сохранившаго свой оживленный колоритъ.

— Мнѣ говорилъ Блэкъ, миледи, который видѣлъ эту даму.

— Какую даму?

— Предполагаю, что жену мистера Гельстона; она въ страшномъ волненіи подѣхала въ кабѣ. Говорятъ, что у нея со всѣмъ недавно родился ребенокъ.

— Какая чушь! воскликнула леди Перджитеръ, — какое мнѣ дѣло до этой женщины и до ея ребенка? Всего этого можно было ожидать; я чувствовала, что это случится; противъ меня настоящій заговоръ.

— Заговоръ, миледи?

— Несомнѣнно; они будутъ стараться доказать, что брилліанты у меня, что человекъ этотъ оставилъ ихъ мнѣ, понимаете?

— Кажется, понимаю, миледи. И она откровенно прибавила: — вы же, съ своей стороны, если брилліанты не отыщутся, желаете, чтобы мистеръ Сайнэтъ выплатилъ вамъ, взаменъ ихъ, 25,000 фунтовъ.

— Конечно! Я заставлю его заплатить.

— Только зналъ бы онъ, что мы знаемъ, замѣтила миссъ Сельвудъ какъ-бы между прочимъ, — то это было бы не такъ легко.

— Это можетъ только задержать дѣло, возразила леди Перджитеръ, спокойнымъ голосомъ, но стиснувъ зубы и стуча ногами о полъ; — вотъ почему я прошу васъ молчать; никому ни слова! Скажите то же и Гарвею, и сдѣлайте это немедленно.

— Но если меня спросать о...

— Тише!.. молчите!.. васъ ни о чемъ не спросать. Они даже и меня не посмѣютъ спрашивать. Но спроси они, я отрекусь отъ этого. Когда имѣешь дѣло съ лжецами, то необходимо самой лгать.

Въ это время постучались въ дверь и Пэтти пріотворила ее.

— Внизу ждетъ человѣкъ, миледи, который желаетъ переговорить съ вами.

— Человѣкъ? какой человѣкъ? Не мистеръ Сайнэтъ? прибавила она испуганнымъ шепотомъ.

— Нѣтъ, миледи; совершенно чужой. Онъ говоритъ, что если вамъ неудобно принять его теперь, то онъ придетъ повдѣне; но что дѣло его безотлагательное.

— Пусть онъ подождетъ, я сейчасъ его приму, сказала миледи; затѣмъ, обращаясь опять къ Пэтти, ованчивавшей ея туалетъ, она прибавила: — хорошо, хорошо... что я на видѣ? блѣдна и взволнована?

— Нисколько, миледи; у васъ вашъ всегдашній величественный видъ, восторженно произнесла Пэтти.

— Пэтти, вы хорошая дѣвушка; я собиралась дать вамъ къ Рождеству маленький подарокъ, но, все равно, возьмите его теперь: вотъ вамъ пять фунтовъ.

— Благодарю васъ, миледи.

— И, помните, ни слова о томъ, что было произнесено вчера вечеромъ.

— Будьте спокойны, миледи.

И леди Перджитеръ выплыла изъ комнаты своею самою важною походкою.

Миссъ Сельвудъ съ восхищеніемъ глядѣла ей вслѣдъ, пока не исчезъ за дверью ея длинный шлейфъ; затѣмъ лицо ея приняло злобное выраженіе и она крѣпко сжала свой маленькій кулакъ.

— Такъ я свинья, миледи, вы назвали меня свиньей! Заплатите вы мнѣ за это!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Ранній визитъ.

Тупостью леди Перджитеръ не отличалась; въ ней было, наоборотъ, достаточно хитрости и природной смѣтливости, только она выдѣлялась самымъ крайнимъ невѣжествомъ. Ростовщикъ, ея отецъ, не счелъ нужнымъ дать ей даже то поверхностное образованіе, которое обыкновенно получается въ его сословіи.

Онъ, быть можетъ, предполагалъ, что огромныя деньги, которыми она будетъ обладать, сгладятъ всѣ остальные недостатки, или же, не получивъ самъ никакого образованія и такъ отлично обойдась безъ него, онъ не придавалъ ему ни малѣйшаго значенія. У нея былъ отличный почеркъ, чисто дѣловой, какъ выразался онъ съ гордостью; и почеркъ ея дѣйствительно былъ далеко не женскій, ва то орѳографія ея была убійственна. Читеніемъ она никогда не занималась; даже въ газетахъ она проглядывала исключительно «хронику большаго свѣта», что составляло единственный сюжетъ ея разговоръ, ва исключеніемъ комментариевъ о послѣднемъ или о предстоящемъ балѣ. Она положительно тяготилась всѣми другими разговорами и, что весьма естественно, рѣдко встрѣчался собесѣдникъ, рѣшавшійся злоупотребить вниманіемъ такой важной особы, обладательницы 30,000 фунтовъ годоваго дохода, да еще бриліантовъ почти на подобную же сумму. Такимъ образомъ, каждый разговоръ, требовавшій самыхъ поверхностныхъ знаній, всегда сильно затруднялъ леди Перджитеръ.

Когда ей была подана карточка съ надписью: «мистеръ Брейль, сысенаго отдѣленія, Скотланд-ярдъ», самимъ этимъ господиномъ (явившимся въ миледи съ такимъ раннимъ визитомъ), она немедленно приняла къ заключенію, что онъ въ ней присланъ полицію. Она кое-что слышала о Скотланд-ярдѣ, слышала и о сыщикахъ и по своему сообразила такъ; конечно, знай она хотя немного больше, прочти она хотя одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ романовъ, въ которыхъ описываются обязанности и дѣятельность сыщиковъ, она бы знала, что они работаютъ и для частныхъ лицъ. Такимъ образомъ ей и въ голову не пришло, что человекъ этотъ можетъ быть посланнымъ отъ мистера Сайнста; она въ немъ видѣла исключительно члена того учрежденія, которое поддерживается общественными налогами и, естественно, должно относиться съ болѣею любезностью въ тѣмъ, которые платятъ больше.

— Меня прислали къ вамъ по дѣлу о вашихъ бриліантахъ, миледи, которые, кажется, пропали, сказалъ мистеръ Брейль, сперва почтительно поклонившись.

— Какъ, мои бриліанты пропали! Я ничего объ этомъ не слышала. Она говорила съ большимъ хладнокровіемъ и видимо очень обдуманно; но дѣло въ томъ, что она все-таки отвѣтила такъ, вслѣдствіе минутнаго влеченія. Она всегда руководилась аристократическимъ правиломъ казаться равнодушною и видимо не волноваться ни въ какомъ случаѣ; къ тому

же она думала, что поступаетъ политично, давъ сперва высказаться сыщичку. Но миледи не только бы возмутилась, а даже очень испугалась (чему она имѣла достаточное основаніе), зная она, что полицейскій думалъ про себя въ ту минуту: «то, что вы говорите, суцая ложь, миледи».

— Дѣло въ томъ, сударыня, что мистеръ Гельстонъ, помощникъ мистера Сайнэта, пропалъ; а бриліанты вѣроятно уже были ему вручены вами?

— Конечно да! съ жаромъ подтвердила леди Перджитеръ.

— Вотъ видите ли сударыня: я взялъ на себя веденіе этого дѣла и, понятно, стараюсь собрать всевозможныя свѣдѣнія.

— И вы поступаете согласно интересамъ закона, сказала одобрительно леди Перджитеръ.

— Именно такъ. И всякое сообщенное мнѣ свѣдѣніе послужить къ общему благу, за исключеніемъ только тѣхъ, которые поступили нечестно въ этомъ дѣлѣ.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, сказала леди Перджитеръ. — А также нѣтъ сомнѣнія и относительно того, добавила она не безъ строгости, — что есть личность или личности (она воображала, что выражается самымъ судебскимъ слогомъ), поступающія здѣсь, какъ вы выражаетесь, нечестно.

— Оно такъ, сударыня; здѣсь, по крайней мѣрѣ дѣло идетъ о грабежѣ.

— Да, по крайней мѣрѣ, мистеръ Брейль; а можетъ быть и о чемъ либо большемъ.

— О, кажется вы правы, сударыня! Можно биться объ закладъ, что здѣсь не обошлось и безъ убійства.

— Въ этомъ я съ вами несогласна, мистеръ Брейль.

Сыщикъ, движенія котораго были очень спокойны и методичны, быстрой обмененнаго поднялъ на нее глаза.

— Мнѣ только такъ кажется, продолжала она, опасаясь, что слишкомъ высказалась. — Разскажите прежде вы, что знаете.

— Мнѣ, сударыня, нечего разсказывать; мое дѣло только слушать, что говорятъ другіе въ подобныхъ случаяхъ. Я, конечно, былъ у мистера Сайнэта.

— И что же! нетерпѣливо воскликнула она, такъ какъ онъ говорилъ очень медленно, словно съ трудомъ произнося слова.

— Ему извѣстно только то, что мистеръ Гельстонъ сегодня утромъ у него не былъ въ магазинѣ, а слѣдовательно и не вернулъ бриліантовъ. Затѣмъ, леди Перджитеръ, я отправился въ извозчику, къ тому самому, который привезъ къ вамъ ми-

стера Гельстона. Я долженъ замѣтить, что человѣкъ этотъ показался мнѣ честнымъ, и онъ передалъ мнѣ простой рассказъ, хоть и страшный, но передалъ повидимому безъ всякихъ утаекъ.

— Что же, здѣсь ничего нѣтъ удивительнаго. И онъ вамъ рассказалъ?

— Онъ утверждаетъ, что привезъ мистера Гельстона къ вамъ, какъ обыкновенно, но назадъ его не отвозилъ; говорить, что оставилъ его у васъ.

— Оставилъ мистера Гельстона въ Мурстритъ? въ моемъ домѣ?

«Если она разыгрываетъ комедію, думалъ про себя мистеръ Брейль,—въ такомъ случаѣ она отличная актриса», такъ какъ и лицо и голосъ ея выражали полнѣйшее изумленіе и даже негодованіе.

— Это его слова, миледи: что мистера Гельстона пригласили остаться здѣсь.

— Такъ этотъ человѣкъ или сумасшедшій, или былъ пьянъ. Развѣ возможна подобная вещь? Неужели вы предполагаете, что мужъ мой, сэръ Чарльсъ Перджитеръ, на такой дружеской ногѣ съ личностью, подобною этому Гельстону, чтобы приглашать его остаться здѣсь?—Слова эти были сказаны съ самымъ леденящимъ презрѣніемъ, однако не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на мистера Брейля.

— Я ничего не предполагаю, миледи, почтительно отвѣтилъ онъ;—мое дѣло только выслушивать предположенія другихъ. Предположеніе же Рутерфорда, т. е. извозчика, было слѣдующее: мистеръ Гельстонъ оказался больнымъ простудой или чѣмъ-то другимъ; ночь была очень бурная и потому вы сами, миледи, пригласили его.

— Я пригласила? воскликнула леди Перджитеръ;—это уже слишкомъ дерзко!

— Пригласили его черезъ вашего лакея остаться на нѣсколько часовъ. Вотъ его показаніе: «Въ четверть четвертаго, говорилъ Рутерфордъ,—въ сильную снѣжную матель, я только что отъѣхалъ отъ двери съ моимъ сѣдокомъ, т. е., конечно, съ мистеромъ Гельстономъ, когда одна изъ косыхъ саженей» —прошу прощенія, миледи, онъ хочетъ сказать, одинъ изъ лакеевъ,—«бѣжить мнѣ въ слѣдъ и зоветь меня. Я останавливаюсь и онъ говоритъ съ мистеромъ Гельстономъ. Мистеръ Гельстонъ приказываетъ мнѣ подѣхать обратно къ дому и затѣмъ входитъ въ него. Черезъ минуту или двѣ лакей опять выходитъ,

и говорить, что госпожа его предложила мистеру Гельстону переночевать по случаю дурной погоды, и что онъ принялъ ее предложеніе. Затѣмъ я уѣзжаю, очень довольный тѣмъ, что можно ѣхать прямо домой... Что онъ повидимому и сдѣлалъ, заключилъ мистеръ Брейль, закрывая свою записную книжку.

— Все это сначала до конца одна ложь! воскликнула леди Перджитеръ, вся блѣдная отъ гнѣва.— Это равносильно предположенію, что я стала бы приглашать самого извозчика.

— Значитъ, вы этимъ хотите сказать, миледи, что весь этотъ рассказъ одна выдумка, не такъ-ли? замѣтилъ мистеръ Брейль съ нѣкоторою любезною докучливостію.— Напримѣръ, вы совсѣмъ не послали вашего лакея за мистеромъ Гельстономъ?

Съ минуту она колебалась. Затѣмъ отвѣтила рѣшительно:

— О нѣтъ, никогда!

— Отлично, сударыня; въ такомъ случаѣ я больше ничего не имѣю сказать въ настоящую минуту.

Онъ уже брался за шляпу, чтобы уходить, когда она остановила его движеніемъ руки и начала повелительно: но я имѣю....

— Очень хорошо, сударыня; совершенно въ вашемъ услугамъ. И онъ вторично сѣлъ.

— Такъ какъ вы здѣсь въ интересахъ закона и справедливости, продолжала она жесткимъ, но спокойнымъ тономъ,— то вы должны узнать правду, или то, что я считаю правдою, мистеръ Брейль. Вы вѣдь только что выразили желаніе слышать мнѣніе другихъ.

— Вы совершенно правы, сударыня; всякое предположеніе въ данномъ случаѣ можетъ имѣть цѣну, особенно-же если оно истекаетъ отъ васъ, миледи.

— Это не предположеніе, а убѣжденіе,—убѣжденіе, созданное во мнѣ поведеніемъ извѣстной личности, которой этотъ Гельстонъ служитъ только орудіемъ. Когда я упоминала о томъ; что въ этомъ дѣлѣ есть что-то худшее, чѣмъ грабежъ, я намекала на то, что, если не ошибаюсь, законъ называетъ заговоромъ.

Сыщикъ утвердительно склонилъ голову.

— Существуетъ въ законѣ, дѣйствительно, подобная вещь, и она крайне серьезна, сказалъ онъ.

— За это слѣдовало бы непремѣнно вѣшать, рѣшительно замѣтила леди Перджитеръ.— И такъ совѣтую вамъ обратить вниманіе на мое убѣжденіе и посмотреть на дѣло съ этой стороны.

— Т. е. вы думаете, что это маленькое дѣло было принято цѣлой компаніей, сударыня?

— Я въ этомъ увѣрена. Этотъ Гельстонъ не довольно уменъ, чтобы рѣшиться на это самому; но представился извѣстный случай совершить разбой, онъ сообщилъ объ этомъ своему хозяину, и вмѣстѣ они порѣшили меня ограбить.

— И вы, конечно, не имѣете ничего, сударыня, противъ того, чтобы сообщить мнѣ вакаго рода былъ этотъ случай? спросилъ мистеръ Брейль, стараясь вызвать ее на откровенность.

— Это сути дѣла не касается, мистеръ Брейль; но я имѣю основаніе предполагать, что случай былъ, и мистеръ Сайнэтъ имъ воспользовался.

— Позвольте вамъ замѣтить, сударыня, что не представляется надобности называть именъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

— Очень хорошо. Вы понимаете, что все сказанное должно остаться между нами.

— Несомнѣнно, миледи; а такъ какъ свидѣтелей не имѣется, кромѣ насъ съ вами, то трудно доказать и диффамацию. Предполагаю, что искъ вашъ слѣдующій: если бриллианты пропали въ то время, когда не находились въ вашемъ владѣніи, за нихъ отвѣчаетъ мистеръ Сайнэтъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Вотъ откуда и истекаетъ это гнусное показаніе, что будто-бы его помощникъ ночевалъ вчера здѣсь. А что извозчикъ былъ подкупленъ—это совершенно ясно.

— Такъ, если осмѣлюсь спросить, гдѣ, по вашему мнѣнію, сударыня, находится теперь мистеръ Гельстонъ.

— Я увѣрена, что онъ гдѣ-нибудь припрятанъ, что отлично извѣстно мистеру Сайнэту. Подобному человѣку очень легко передѣлать мою парюру такъ, что никто ее не узнаетъ. Вѣдь это обойдется ему еще дешевле, нежели заплатить мнѣ за нихъ полцѣны, что онъ имѣлъ безсовѣстность предлагать. И лицо леди Перджитеръ, блѣдное при началѣ разговора, теперь разгорѣлось при одномъ воспоминаніи о нанесенномъ оскорбленіи.

— Такъ-съ, сударыня; я поразмыслю о томъ, что вы мнѣ сообщили и постараюсь, такимъ образомъ, добраться до сути дѣла. Покорно благодарю васъ, миледи, и желаю вамъ добраго здоровья.

Немедленно послѣ его ухода леди Перджитеръ позвонила, чтобы позвать горничную.

— Сообщили вы Гарвею мои приказанія—быстро проговорила она—относительно того, чтобы онъ молчалъ?

— Конечно, миледи.

— Но вы передали ему это какъ-бы отъ себя, неправда-ли?

— Само собою разумѣется, миледи, отвѣчала Пэтти съ улыбкой, какъ-бы говорившей: вѣдь я-же не дура.—Сейчасъ-же послѣ того, какъ я вышла отъ васъ, миледи, я ему строго-на-строго приказала; и, говоря откровенно, онъ былъ бы очень радъ угодить мнѣ, только....

— Только что? съ нетерпѣніемъ переспросила ее госпожа.

— Бъ сожалѣнію, мы нѣсколько опоздали, миледи, потому что первое лицо, на которое наткнулся этотъ мистеръ Брейль, былъ именно Гарвой, такъ какъ онъ отворялъ ему дверь, и первый вопросъ, предложенный этимъ господиномъ, былъ слѣдующій: «Не посылала ли васъ вчера ваша госпожа, чтобы вернуть мистера Гельстона?» на что онъ совершенно простодушно сказалъ правду, т. е. «да, посылала».

Леди Перджитеръ ничего не отвѣтила; она прошептала одно слово «болванъ», и опустилась въ кресло; но только тѣ, которые увѣрили, что лицо миледи было неспособно что либо выразить, сознались бы въ своемъ заблужденіи, если-бы они увидѣли ее въ эту минуту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Дѣло предается гласности.

Одною изъ особенностей скромнаго семейнаго кружка въ Кэвендиш-гровѣ было отсутствіе всякихъ ежедневныхъ газетъ. Дядя Стэфенъ всегда утверждалъ, что извѣстія, заслуживающія особаго вниманія, рано или поздно, но непременно до него дойдутъ, между тѣмъ, какъ все, незаслуживающее вниманія, напрасно его не тревожило; что же касается Мэтью, то онъ слишкомъ былъ погруженъ въ собственныя думы и въ размышленія надъ причинами неудачи Мэджи, чтобы интересоваться событіями дня. За то мистеръ Барло регулярно сообщалъ, по крайней мѣрѣ дамамъ, о всемъ случавшемся. Онъ былъ «человѣкомъ дня», какъ говорилъ про него дядя Стэфенъ, какъ по природѣ, такъ и по призванію, и потому и утреннія, и вечернія газеты были его насущною потребностью. Но на утро, послѣ исчезновенія Мэтью, онъ нашелъ свою любимую газету

ужь черезъ-чуръ интересною; онъ испытывалъ чувство человѣка, привыкшаго принимать хининъ, но нечаянно хватившаго шесть гранъ вмѣсто обычныхъ двухъ. Потрясеніе было хотя и сильное, но далеко не непредвидѣнное, такъ какъ онъ отлично зналъ, что вчерашній маленький параграфъ въ вечерней газетѣ, непременно къ утру разрастется подобно любому грибу и будетъ сѣрвированъ къ утреннему завтраку по всему королевству. «Главнѣннственное исчезновеніе ювелирскаго асистента» теперь разрослось въ «громадную вражу бриліантовъ», а обстоятельство пропажи Мэтью прямо сопоставлялось съ «потерею этихъ бриліантовъ, бывшихъ такъ долго хорошо извѣстнымъ украшеніемъ леди Перджитеръ всѣмъ посѣтителямъ высшаго круга». Беря во вниманіе краткое время, съ тѣхъ поръ протекшее, было поразительно, какъ точны были всѣ подробности. Однако мистеру Барло показалось, что параграфъ этотъ былъ болѣе или менѣе «внушенъ», такъ какъ онъ говорилъ, какъ о фактѣ давно извѣстномъ и неоспоримомъ, о томъ обстоятельстве, что вся отвѣтственность въ потерѣ этихъ драгоценностей падеть на «почтенную и старинную фирму Стара и Сайнэта», которую репортеръ достойно сожалѣлъ; но онъ высказывалъ еще больше сочувствія леди Перджитеръ, которую «никакія деньги не были въ состояніи вознаградить за утрату парюры, въ дѣйствительности безцѣнной и очень дорогой, вслѣдствіе семейныхъ воспоминаній». Но самая извѣстная часть всего разказа, достаточно длиннаго, была его конецъ; онъ заключался слѣдующими словами: «Намъ сообщаютъ о томъ, что пропавшей личности, Мэтью Гельстону, только разъ или два передъ тѣмъ повѣрялись эти бриліанты, и что онъ находился на службѣ у господъ Старъ и Сайнэтъ всего нѣсколько мѣсяцевъ».

«Одно утѣшеніе, что этихъ жерзавцевъ можно преслѣдовать; скажи они еще хотя немного яснѣе и они заплатятъ за это, было первымъ восклицаніемъ мистера Барло, когда онъ прочелъ газету.—А, между тѣмъ, какимъ ударомъ будетъ подобное обвиненіе для Эми и ея сестры; онъ навѣрное замѣтять это, а можетъ быть что либо и худшее; отыщется какой нибудь усердный другъ, который рано или поздно все имъ разскажетъ. Ужъ лучше пойти теперь и покончить съ этимъ дѣломъ».

Онъ отправился къ нимъ и показалъ газету дядѣ Стэфену и Эми; первый согласился съ нимъ, что этого надо было ожидать, но Эми пришла въ страшное негодованіе. Она говорила, что человѣкъ этотъ не рѣшился бы написать подобную вещь

про Матью, если-бы увидѣлъ только его бѣдную жену, не знающую больше ни сна, ни покоя, и погруженную въ отчаяніе.

— Дорогая моя Эми, говорилъ дядя Стефенъ, — онъ только бы прибавилъ параграфъ и про нее для того, чтобы этимъ заработать еще нѣсколько лишнихъ шиллинговъ. А развѣ Собою дѣйствительно совсѣмъ не спать?

— Кажется, что нѣтъ. Я входила къ ней въ комнату во всякое время и заставляла ее всегда бодрствующею; сидитъ ли она, лежитъ ли, или стоитъ, глава ея теперь никогда не закрыта, и въ нихъ какое-то странное выраженіе, пугающее меня. Даже ребенокъ, по временамъ, точно боится ея и страшно плачетъ. Я просто опасалась за ея разсудокъ, если она увидитъ эту газету.

— А, между тѣмъ, это не имѣло дурнаго дѣйствія на тебя, которое ея второе я, замѣтилъ дядя Стефенъ; — оно, наоборотъ, какъ будто тебя приободрило.

— При ея теперешней слабости здоровья, это было бы нѣсколько рискованно, заявилъ мистеръ Берло.

— По моему, нѣтъ ничего худшаго, чѣмъ полнѣйшая неизвестность, убѣждалъ старикъ; — всякое извѣстіе, всякая перемѣна лучше, чѣмъ ничего. Если-бы вы могли убѣдить ее, что затрогивается честь ея мужа и что ее слѣдуетъ защитить, быть можетъ это ее нѣсколько бы оживило.

— А какъ она въ этомъ нуждается! прошептала Эми, вздохнувъ глубоко.

Въ эту минуту раздался громкій звонокъ.

— Вѣдь сейчасъ звонили? спросилъ дядя Стефенъ такимъ голосомъ, словно тридцати-четыре-фунтовая пушка разразилась подъ самымъ его ухомъ, а онъ еще спрашиваетъ: «не произошло ли сейчасъ выстрѣла?»

Эми бросилась въ переднюю и застала тамъ мистера Сайнэта, отряхивавшаго съ сапогъ снѣгъ, который присталъ къ нимъ во время его перехода черезъ садикъ, и спрашивавшаго у горничной про нее.

— Дорогая миссъ Тэрло, сказалъ онъ съ жаромъ, — я именно къ вамъ.

— Есть какія-либо извѣстія?

— Т. е. не совсѣмъ извѣстія; но я общалъ пріѣхать къ вамъ, если что-либо случится.

— Вы очень добры, мистеръ Сайнэтъ; но скажите, приносите ли вы намъ надежду?

— Во всякомъ случаѣ это поможетъ нашему дѣлу, сказалъ онъ, вынимая ту же газету, которую только что принесъ мис-

теръ Берло.—Распространеніе путемъ печати всегда полезно къ подобнымъ случаямъ; но эти ужасныя, гнусныя клеветы...

— Это вы, мистеръ Сайнэтъ? раздался слабый, надтреснутый голосъ сверху.

— Да, сударыня, это я, отвѣчалъ ювелиръ не особенно любезно.—Надѣюсь, что ваше здоровье по возможности хорошо. Я сейчасъ же къ вашимъ услугамъ, если вы желаете меня видѣть, мнѣ только надо сказать пару словъ наединѣ миссъ Тэрло.

— Фрэнкъ, здѣсь мистеръ Сайнэтъ, сказала Эми, когда показался мистеръ Берло, съ недовольнымъ выраженіемъ на своемъ обыкновенно любезномъ лицѣ.—Онъ хочетъ передать намъ что то,—приятномъ она совсѣмъ понизила голосъ,—чего не должна слышать Сэбей.

— Эми, ты ничего отъ меня не скроешь, неправда ли? жалобно молила Сэбей сверху, точно она слышала ея слова.—Я хочу, я должна слышать, что скажетъ мистеръ Сайнэтъ!

Она говорила жалобнымъ и капризнымъ голосомъ большого ребенка. Эми обратилась къ ювелиру.

— Я должна идти къ сестрѣ, послѣшно сказала она.—Прошу васъ, мистеръ Сайнэтъ, сказать все мистеру Берло и дядѣ Стефену, они уже знаютъ, насколько ей можно сообщить.

Такъ какъ не было возможности добиться съ нею разговора наединѣ, то ювелиръ послѣдовалъ за мистеромъ Берло въ гостиную.

— Какое печальное дѣло! сказалъ мистеръ Дѣргамъ, протягивая руку гостю.

— А, такъ вы уже читали газету? Дѣло это въ тысячу разъ хуже, чѣмъ вы предполагаете; оно отвратительно, и я удивляюсь, что печать допускаетъ подобныя маневры.

— Маневры! повторилъ дядя Стефенъ.—Мнѣ кажется, что инсинуаціи, заключающіяся тамъ, заслуживаютъ болѣе сильнаго термина.

— Вы правы, мистеръ Дѣргамъ; это самая низкая продажка и мнѣ совершенно ясно, что человѣкъ, написавшій эти строки, былъ подкупленъ леди Перджитеръ. Это ей обошлось фунтовъ въ десять, а вѣришь, что и въ двадцать. Какъ вамъ нравится выраженіе, что никакія деньги не вознаградятъ эту женщину за ея брилліанты, когда мнѣ лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, что вотъ уже три мѣсяца, какъ она всѣми силами старается отъ нихъ избавиться! А затѣмъ намекъ на то, что отвѣтственность моя за нихъ—вполнѣ извѣстный фактъ, между

тѣмъ какъ подлежитъ еще большому сомнѣнiю, не прибрала ли она сама эти брилiанты. Это гнусно! это подло!

— А я такъ сперва думалъ, что вы намекаете на тѣ, крайне непрiятныя обвиненiя, которыя газета эта пускаетъ въ ходъ противъ моего племянника, сухо замѣтилъ мистеръ Дѣргамъ.

— Да, и это очень нехорошо, очень нехорошо! допустилъ мистеръ Сайнэтъ.

— Но все-таки потеря добраго имени—ничто въ сравненiи съ потерей денежною, добавилъ дядя Стѣфенъ тономъ философа.

— Сознаюсь, должно быть чертовски доброе имя, если оно стоитъ 25,000 фунтовъ! возразилъ мистеръ Сайнэтъ.—Я, по крайней мѣрѣ, такого не знаю.

— Значить, вы не имѣете больше ничего намъ сообщить, сухо спросилъ мистеръ Бэрло,—вромѣ тѣхъ свѣдѣнiй, которыя мы сами знаемъ изъ газетъ?

— Я даже и этого не желалъ вамъ сообщать, отвѣтилъ мистеръ Сайнэтъ.—У меня есть до миссъ Тэрло просьба и въ тому же я имѣю кое-что ей передать. Мы уже условились относительно этого.

— Быть можетъ вамъ неизвѣстно, мистеръ Сайнэтъ, возразилъ Бэрло,—что не принято, чтобы постороннiе мужчины дѣлали какiя-бы то ни было условiя съ молодыми дѣвцами. Если вы имѣете что-либо сказать миссъ Тэрло, то будете такъ добры передать ей это черезъ меня, имѣющаго честь быть ея женихомъ.

— Вы, какъ мнѣ кажется, дѣловой человѣкъ, мистеръ Бэрло, холодно отвѣтилъ ювелиръ,—и потому должны были бы знать, что конфиденциальныя дѣла, каково настоящее, ведутся обыкновенно между двумя заинтересованными лицами безъ вмешательства третьяго. Вы здѣсь не имѣете голоса.

— А вы очень дерзки, сказалъ адвокат.—Что же касается до миссъ Тэрло, то одну вы ее не увидите, ни теперь, ни послѣ, за это я вамъ ручаюсь. Наверхъ вы иначе не подниметесь, какъ вмѣстѣ со мною.

— Въ такомъ случаѣ я предпочитаю совсѣмъ не входить, такъ какъ говорить о своемъ дѣлѣ въ вашемъ присутствiи не желаю, возразилъ мистеръ Сайнэтъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ показалась Эми.

— Не зайдете ли вы къ моей сестрѣ, мистеръ Сайнэтъ; она очень желаетъ васъ видѣть и съ такимъ нетерпѣнiемъ ждетъ отъ васъ извѣстiй. Я думаю, Фрэнкъ, сказала она, видя

что онъ также поднялся,—всѣмъ намъ не слѣдуетъ идти; это слишкомъ утомить бѣдную Сэбей; лучше оставь насъ однихъ.

— Это совершенно естественно, замѣтилъ дядя Стэфенъ, между тѣмъ какъ Берло стоялъ въ нерѣшительности. Ему было совѣстно при настоящихъ грустныхъ обстоятельствахъ выказывать свою ревность, да еще въ присутствіи ничего не знавшей Эми; онъ въ сущности нисколько и не ревновалъ ее, ему просто не хотѣлось уступить, такъ ненавистенъ былъ ему въ настоящую минуту мистеръ Сайнэтъ.

— Не предпочла ли бы Сэбей видѣть его, видѣть мистера Сайнэта наединѣ? сказалъ онъ; впрочемъ предложеніе это не выдержало критики, даже въ глазахъ самого говорившаго.

— Видѣть мистера Сайнэта наединѣ? повторила Эми съ удивленіемъ.—Это невозможно, Фрэнкъ; я должна быть съ нею. Ты не можешь себѣ представить, въ какомъ она ужасномъ состояніи. Прошу васъ сюда, мистеръ Сайнэтъ. И онъ съ триумфомъ послѣдовалъ за нею.

Однако пріятный разговоръ съ мистеромъ Берло открылъ нѣсколько глаза ювелиру. Сказать по правдѣ, онъ едва-ли обратилъ вниманіе на газетное обвиненіе Мэтью Гельстона, такъ онъ былъ исключительно занятъ своими собственными обидами и своею любовью къ Эми. Теперь-же онъ сообразилъ, что, по крайней мѣрѣ въ этомъ домѣ, ждали и отъ него нѣкотораго сочувствія къ ихъ огромному горю.

Къ тому-же онъ не могъ незамѣтить тѣхъ слѣдовъ, которые успѣло положить это горе на жену Мэтью Гельстона. Сэбей уже потеряла свой прежній юношескій видъ и только казалась еще болѣе хрупкою и нѣжною. Она производила впечатлѣніе увядшаго цвѣтка и казалась теперь очень очень недолговѣчною.

Ювелиръ смотрѣлъ на нее съ невольнымъ участіемъ и почтительно поцѣловалъ протянутую ему худенькую, прозрачную ручку.

— Я глубоко сожалѣю о томъ огромномъ несчастіи, которое постигло васъ, сударыня, произнесъ онъ хотя и съ мимолетнымъ, но искреннимъ участіемъ.

— И вы, сэръ, понесли потерю, тихо проговорила она, глубоко вздохнувъ,—хотя и иную.

— О, не упоминайте этого, сказалъ онъ. — Мнѣ дѣйствительно угрожаетъ серьезная потеря; но и въ худшемъ случаѣ, дѣло это со временемъ поправимо.

— Правда, прошептала Сэбей,—между тѣмъ какъ я, за исключеніемъ сестры и малютки, потеряла все, что имѣла.

— Успокойтесь, дорогая миссисъ Гельстонъ; все еще далеко не потеряно. Вашъ мужъ гдѣ нибудь да находится. Мы должны его отыскать и непременно отыщемъ, и его, и брилліанты. Мы уже объ этомъ говорили съ вашей сестрой; быть можетъ она сообщила вамъ о нашемъ разговорѣ.

— Она сказала мнѣ, что вы были очень добры и внимательны, мистеръ Сайнэтъ.

— Нисколько, дорогая миссисъ Гельстонъ, нисколько! Ничего кромѣ самаго обыкновеннаго чувства, увѣряю васъ; но я долженъ сознаться, что меня лично очень интересуетъ все то, что касается ея и васъ, и, конечно, самого мистера Гельстона. Вотъ почему именно я и пришелъ сегодня. Обвиненіе, взведенное на него сегодняшней газетой...

До тѣхъ поръ миссисъ Гельстонъ сидѣла, прислонясь къ спинкѣ кресла и глаза ея были устремлены на ювелира, но, казалось, не видѣли его, а глядѣли куда-то вдаль; хотя она и отвѣчала на его слова, но они проходили для нея какъ-то безслѣдно. Теперь-же, не успѣвъ онъ окончить своей фразы, какъ кровь мгновенно залила ея блѣдныя щеки; она выпрямилась и вся встрепенулась.

— Обвиненіе? какое обвиненіе? спросила Сэбей съ гнѣвнымъ изумденіемъ.

— Слѣдовало-бы, можетъ быть, назвать это не прямо обвиненіемъ, а намекомъ, успокоивающимъ голосомъ проговорилъ мистеръ Сайнэтъ.

— Вы хотите сказать, что кто либо осмѣлился намекнуть на что нибудь дурное о моемъ мужѣ?

— Да, это только маленькій параграфъ въ газетѣ, замѣтилъ ювелиръ, видимо встревоженный впечатлѣніемъ, произведеннымъ его словами.—Когда случаются подобныя таинственныя происшествія, то весьма естественно...

— Покажите мнѣ газету, прошу васъ, мистеръ Сайнэтъ! дайте мнѣ ее, я хочу видѣть собственными глазами!

Онъ вынулъ газету, не безъ сожалѣнія, хотя явился собственно для этого, и своимъ толстымъ пальцемъ указалъ ей мѣсто.

— Они прямо указываютъ, что я отвѣтствую за брилліанты, такъ какъ они пропали въ то время, когда находились подъ моей охраной, и намекаютъ на то, что мой агентъ убѣждалъ съ ними.

— Убѣждалъ! Матью убѣжалъ! воскликнула Сэбей, и глаза ея засверкали, какъ тѣ брилліанты о которыхъ говорилось, а

пальцы ея судорожно сжались, какъ будто она собиралась ударить клеветника.—Кто смѣетъ говорить это?

— Дѣло не въ томъ, кто говорить, дорогая миссисъ Гельстонъ. Можетъ быть такъ уже говорить десять тысячъ чело-вѣкъ, прочитавшіе этотъ параграфъ, а завтра явится ихъ цѣ-лый миліонъ; но изъ миліона выбираютъ присяжныхъ засѣда-телей, а цѣль этой проклятой женщины—повліять на присяж-ныхъ.

— Какой женщины? освѣдомилась Сэбей. Теперь она слу-шала съ величайшимъ вниманіемъ, ловила каждое слово.

— Леди Перджитеръ.

— Гадкая, злая женщина! проговорила Сэбей; — бессер-дечная!

— Совершенно справедливо; но въ сожалѣнію эта жен-щина съ головою: она страшна, коварна и хитра. Я хотѣлъ, чтобы вы знали, кто друзья мистера Гельстона и кто его враги. Женщина эта—его врагъ. Я имѣю основаніе предполагать, я даже навѣрное знаю, что она, себѣ же въ обвиненіе, утверж-даетъ, будто вашъ мужъ и я, мы составили заговоръ, чтобы украсть ея бриліанты. Оба джентельмена внизу, казалось, пред-полагали, что я забочусь только о своихъ интересахъ; они совершенно не поняли ни моихъ чувствъ, ни причинъ, побуж-дающихъ меня поступать такъ.

— И я увѣрена, что причины эти дѣлаютъ вамъ честь, сказала съ жаромъ Эми. Она считала, что Фрэнкъ несправед-ливъ къ мистеру Сайнэту и мысленно горячо за него вступа-лась.

— Благодарю васъ, миссъ Тэрло, отвѣтилъ ювелиръ.—Это дѣло касается равно и меня, и мистера Гельстона, и я въ томъ нисколько не сомнѣваюсь, что онъ настолько же безупреченъ, какъ и я самъ; но мы должны всѣ держаться вмѣстѣ. Я буду вамъ сообщать о каждомъ своемъ шагѣ, и попрошу васъ дѣ-лать тоже самое. Въ подобномъ случаѣ необходимо единодушіе.

— И сестра моя, и я, отдаемся совершенно въ ваше распоря-женіе, отвѣчала Эми;—мы обѣ не сомнѣваемся ни въ вашей готовности, ни въ вашемъ умѣніи намъ помочь.

Она взглянула на Сэбей, какъ бы ожидая ея поддержки.

— Я вѣрю въ справедливость Божію, отвѣчала та;—онъ не потерпитъ, чтобы клеветали на Мэтью и поносили его память.

— Несомнѣнно, подтвердилъ мистеръ Сайнэтъ.—И я на-дѣюсь, что всѣ клеветники будутъ достойно наказаны; леди Перджитеръ первая. Конечно, мы принуждены работать сперва

въ потьмахъ, на удачу; но, если не ошибаюсь, я уже начинаю видѣть дневной свѣтъ. Одного только не забывайте. И вы, и я, и миссисъ Гельстонъ—всѣ мы должны работать заодно.

Эми утвердительно наклонила голову, съ надеждою на то, что свиданіе ихъ окончено, такъ какъ оно ей было неприятно, болѣе нежели по одной причинѣ. Однако мистеръ Сайнэтъ имѣлъ еще кое-что сообщить, что онъ и сдѣлалъ, обращаясь къ ней почти шопотомъ.

— Говорили ли вы съ вашей сестрой относительно портрета, миссъ Тэрло?

— Нѣтъ еще, сказала она почти съ испугомъ, такъ какъ маленькій портретъ Мэтью, о которомъ она упоминала съ относительнымъ равнодушіемъ, когда была у ювелира, теперь почти не выходилъ изъ рукъ Сэбей, или же лежалъ у нея на груди.—Нельзя ли обойтись безъ него?

— Было бы очень желательно имѣть его, осторожно замѣтилъ мистеръ Сайнэтъ.

— Чтѣ нужно? освѣдомилась Сэбей, слышавшая разговоръ только отчасти.—Надѣюсь, что никакая неприятность, никакая боль, которая можетъ быть причинена мнѣ, не удержитъ васъ ни отъ какого полезнаго шага.

— Я душевно радуюсь вашему благоразумію, дорогая миссисъ Гельстонъ, говорилъ мистеръ Сайнэтъ.—При подобныхъ обстоятельствахъ приходится иногда жертвовать личными чувствами. Что касается гласности, то хотя она иногда, какъ мы имѣли только что случай замѣтить, неудобна и даже оскорбительна, но вообще польза ея несомнѣнна. Представьте себѣ, на примѣръ, что вашего достойнаго мужа похитили какіе нибудь злоумышленники, или что каковой либо серьезный случай (чего Боже избави) лишилъ его возможности сообщать о себѣ своимъ, или даже заявить о своемъ существованіи; а между тѣмъ, будь черты лица его извѣстны публикѣ, какъ бы это помогло отыскать его! Фотографическій аппаратъ можетъ до безконечности воспроизводить портреты; само правительство во многихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ этому способу. Умершіе, утопленники, на примѣръ, передъ погребеніемъ...

— Ужъ лучше прямо сообщите сестрѣ о томъ, чтѣ вамъ нужно, мистеръ Сайнэтъ, перебила Эми,—если она сама еще не поняла.

— О, Эми, неужели я должна отдать его портретъ? спросила Сэбей, вынимая изъ-за корсажа портретъ и смотря на него съ самою страстною нѣжностью.

— Онъ самъ далъ мнѣ его, въ послѣдній день своего рожденія... въ послѣдній... И съ глухими рыданіями, при мысли о томъ, что больше не будетъ дня его рожденія, она прижала портретъ къ губамъ и закрыла лицо руками.

— Очень счастливо, дорогая миссисъ Гельстонъ, что это подарокъ послѣдняго дня рожденія, успокоительно замѣтилъ мистеръ Сайнэтъ:—чѣмъ позднѣе снять портретъ, тѣмъ обыкновенно больше сходства. Мнѣ очень больно, что приходится отнимать у васъ такое дорогое воспоминаніе; но портретъ этотъ будетъ возвращенъ вамъ въ полнѣйшей исправности, цѣлости и невредимости.

— Я увѣрена, что вы не удержите его дольше, чѣмъ рѣшительно необходимо, сказала Эми, вынимая портретъ изъ рукъ сестры и дѣлая знакъ мистеру Сайнэту, чтобы онъ вышелъ изъ комнаты.—Что же касается его сохраненія, то, нечего и говорить: въ настоящее время и при неизвѣстности судьбы самого Мэтью—онъ безцѣненъ.

— Ради васъ, дорогая миссъ Тэрло, я буду хранить его больше, чѣмъ хранилъ бы, будь онъ осыпанъ рубинами.

Хотя это завѣщеніе пахло нѣсколько прилавкомъ, за то тонъ и манера, съ которыми оно было произнесено, напоминали времена рыцарства.

Но мистеру Барло, стоявшему внизу въ передней и упорно смотрѣвшему вверхъ, съ твердымъ намѣреніемъ не дать мистеру Сайнэту возможности говорить съ Эми наединѣ, когда она выйдетъ отъ сестры, это напомнило очень многое: то напримѣръ, что этотъ человѣкъ имѣлъ дерзость подарить его невѣстѣ кольцо; что онъ для нея устроилъ прогулку по водѣ; что онъ обманывалъ ее относительно своихъ чувствъ къ Мэтью, и наконецъ, что ему удалось поставить себя въ такія съ ней отношенія, что онъ даже позволялъ себѣ, при прощаньѣ съ нею, класть руку на сердце, хотя, въ дѣйствительности, онъ, прощаясь съ нею, клалъ портретъ въ карманъ своего жилета. Мистеръ Барло чувствовалъ, что не въ состояніи говорить теперь съ ювелиромъ, не высказавъ ему всего, и потому только смѣрилъ его съ головы до ногъ, какъ портной, которому заказанъ полный костюмъ, и въ безмолвномъ негодованіи пропустилъ его мимо себя.

А между тѣмъ, ожесточеніе его не было бы такъ велико, загляни онъ только въ душу мистера Сайнэта; тотъ хотя и рассчитывалъ на удовольствіе увидѣть Эми, но пришелъ въ Кэвендиш-гровъ все-таки по дѣлу. Онъ сознавалъ необходимость публично доказать свое безграничное довѣріе къ пропавшему аси-

стенту тѣмъ, что дѣйствуетъ заодно съ его семействомъ. Уже то сожалѣніе, которое газета высказывала относительно его, бросала на него нѣкоторую тѣнь; тѣмъ болѣе предположеніе о виновности Мэтью. Съ другой стороны, мистеръ Брейль сообщилъ ему откровенно о всѣхъ обвиненіяхъ, такъ неосторожно высказанныхъ противъ него леди Перджитеръ, не утаивъ и сомнительныхъ обстоятельствъ, включая и ту прямую ложь, свидѣтельствовавшихъ противъ самой миледи. Однако, не смотря на все это, сыщикъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ своего перваго впечатлѣнія, а именно, что Мэтью самъ убѣжалъ съ бриллиантами.

— Дѣло это прямо касается полиціи, мистеръ Сайнэтъ, говорилъ онъ, — повѣрьте, что такъ; а бриллианты похищены вашимъ же агентомъ, это мое убѣжденіе. Слѣдуетъ только добыть его портретъ и тогда, рано или поздно, мы его захватимъ. Но въ этихъ случаяхъ чрезвычайно дорого время, и потому не мѣшало бы разослать его портреты по всѣмъ лондонскимъ полицейскимъ частямъ не позже сегодняшняго же дня.

Вотъ почему такъ понадобился портретъ и вотъ что именно мистеръ Сайнэтъ такъ таинственно обозвалъ «выгодами гласности».

(Продолженіе будетъ).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ Петербургъ прибыла депутація отъ эстовъ и 19 прошлаго іюня, въ лѣтней резиденціи государя императора, въ Петергофѣ, въ Александріи, имѣла счастье представиться ихъ величеству для выраженія царствующему монарху чувствъ безпредѣльной вѣрнопоподданнической преданности престолу и любви къ общему отечеству—Россіи всего эстскаго народа, представителями котораго явились эти депутаты, для поднесенія адреса на эстонскомъ языкѣ, заключающемъ въ себѣ эти выраженія,—такъ сообщали своевременно столичныя русскія газеты.

Эсты—мятежники и анархисты. Они собираютъ социалистическія сходки, угрожаютъ поджогами и разореніемъ мирнымъ нѣмецкимъ бюргерамъ и своимъ благодѣтелямъ, нѣмецкимъ баронамъ-помѣщикамъ,—такъ почти одновременно сообщали издающіяся въ Россіи нѣмецкія газеты.

Что сей сонъ значить?!... Эсты вѣрнопоподданные, эсты мятежники и социалисты! Эсты, выражающіе свою безпредѣльную преданность государю и Россіи, и эсты, собирающіеся на революціонныя сходки и угрожающія разореніемъ своимъ согражданамъ нѣмецкаго происхожденія!.. Какъ же примирить такое непримиримое противорѣчіе?.. Очевидно, что тутъ что-нибудь не такъ; что тутъ кроется какая-нибудь ложь, фальшь, интрига, каковой нибудь непроглядный подвохъ! Очевидно, что появленіе эстонской депутаціи въ Петербургъ и представленіе государю императору кому-то нецѣлѣбно и для кого-то явилась вслѣдствіе того необходимость ослабить благопріятное для эстонскаго народа впечатлѣніе, произведенное его депутаціей. Необходимо, слѣдовательно, разъяснить: отсюда идетъ эта фальшь, чьихъ руцъ дѣло этотъ подвохъ? Кому и для чего онъ нуженъ? Кому и въ

Ея. VIII.—Августъ, 1881.

какихъ видахъ желательно и полезно набросить тѣнь на эстовъ и возбудить недовѣріе къ этому народу? Понятно, что ни намъ, русскимъ, еще менѣе нашему правительству такой подвохъ не можетъ быть ни желателенъ, ни полезенъ. Фактъ прибытія эстонской депутаціи, цѣль этого прибытія и характеръ адреса, констатированы официально. Ясно, слѣдовательно, что въ сообщеніяхъ русскихъ газетъ не было ни лжи, ни фальши. Но, скажутъ намъ, и фактъ эстонскихъ сходокъ въ Дерптѣ и его окрестностяхъ также не подлежитъ сомнѣнію. Слѣдовательно и нѣмецкія газеты говорили правду. Не отрицаемъ этого относительно самаго факта; но то, что говорятъ нѣмецкія газеты о происхожденіи, цѣли и характерѣ этого факта является болѣе чѣмъ сомнительнымъ, и не смотря на всѣ увѣренія и разглагольствованія этихъ газетъ, всякаго непредубѣжденнаго человѣка невольно поражаетъ царящая во всемъ дѣлѣ какая-то темнота и видимая искусственность. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что эти противозаконныя сходки эстовъ явились почти одновременно съ прибытіемъ въ Петербургъ эстонской депутаціи для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ этого народа государю императору? Извѣстія, полученные нѣкоторыми изъ нашихъ газетъ съ мѣста, проливаютъ однако же нѣкоторый свѣтъ въ упомянутую нами темноту и объясняютъ до извѣстной степени эту странность. Въ Дерптѣ, какъ извѣстно, существуетъ эстонское литературное общество «Вейнемунне», къ которому принадлежитъ вся мѣстная эстонская интеллигенція, какъ извѣстно, точно также крайне недолюбливаемая мѣстными нѣмцами. Передъ домогъ этого-то общества, сообщаютъ «Голосу» (№ 181 сего года), появилась первоначально толпа рабочихъ съ намѣреніемъ устроить въ залѣ этого дома или въ саду при немъ сходку—«для пользы народа», какъ было замѣчено кѣмъ-то изъ толпы. Одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ членовъ правленія общества удивился, что люди эти считаютъ необходимымъ обсуждать что-нибудь для пользы народа и не знаютъ, вдобавокъ, что для сходки требуется, прежде всего, полицейское разрѣшеніе, а поѣтому не пустилъ рабочихъ. Члены общества полагали, что какою-нибудь злонамѣренный человѣкъ хотѣлъ поставить обществу ловушку или устроить мистификацію, а потому и собралъ этихъ невѣжественныхъ рабочихъ, большею частью, дровосѣковъ, дворниковъ, или людей, нанимаемыхъ для метенія улицъ. Тогда рабочіе ушли изъ города и расположились на открытомъ полѣ, въ имѣніи Яма. Тамъ появились какіе-то невѣдомые «писаря», которые предлагали этой темной черни подписывать какія-то прошенія, содержанія которыхъ большая часть бывшихъ на сходкѣ безграмотныхъ людей вовсе не знала; при появленіи же полиціи, эти писаря мгновенно ступешивались, исчезали. Въ числѣ «писарей» одинъ плохо говорилъ по-эстонски, а другой, съ тонкими чер-

тами лица и желтоватою бородею, и вовсе не походилъ на эста. «На эти-то необразованныя массы, говоритъ корреспондентъ,—какъ полагаютъ среди болѣе образованныхъ элементовъ эстонскаго населенія, какіе нибудь враги здравыхъ стремленій эстонскаго народа пытались повліять коварными обѣщаніями и возбужденіемъ пустыхъ надеждъ, чтобы побудить ихъ къ незаконнымъ сходкамъ, смѣшнымъ, а можетъ быть, и преступнымъ поползновеніямъ, причемъ, конечно, имѣлось въ виду посѣять недовѣріе къ справедливымъ и законнымъ стремленіямъ эстонскаго народа и придать этимъ стремленіямъ видъ чего-то опаснаго, смѣшнаго, пустаго и несправедливаго».

Приписывать городскимъ рабочимъ въ Дерптѣ, которые всегда жили мирно, и безропотно переносили тяжелые, полные заботъ дни, какъ, напримѣръ, прошлую зимою, когда годъ былъ дурной—внезапное намѣреніе поджечь, какъ сообщено въ газету «Порядокъ», городъ Дерптъ, могутъ только гнусныя и преступныя интриги враговъ эстонскаго народа. Эстонское неграмотное простонародье имѣетъ обыкновеніе ничего не предпринимать, не только въ общественныхъ, но даже и въ частныхъ дѣлахъ своихъ, безъ совѣта образованныхъ земляковъ своихъ. «На этотъ разъ, сообщаетъ тотъ же корреспондентъ,—рабочіе, какъ вскорѣ оказалось, не обращались ни къ одному изъ такихъ эстовъ. Уже одно это обстоятельство возбудило во всѣхъ разсудительныхъ эстахъ, услышавшихъ о сходкѣ, подозрѣніе, что она создана недругами того, къ чему стремятся образованные и благоразумные эсты»

Кто знаетъ нашъ Прибалтійскій край и существующія тамъ отношенія между кореннымъ населеніемъ края, составляющимъ большинство, и меньшинствомъ пришлыхъ нѣмцевъ, тотъ въ этомъ объясненіи бывшихъ въ Дерптѣ сходокъ не найдетъ ничего невѣроятнаго. Нельзя не признать притомъ, что они придастъ событію весьма странную окраску, которая, впрочемъ, также можетъ быть достаточно объяснена, если мы вникнемъ въ существо вышеупомянутыхъ отношеній.

Мы начали нашу рѣчь съ извѣстія о прибытіи въ Петербургъ эстонской депутаціи для поднесенія государю императору вѣрноподданческаго адреса на эстонскомъ языкѣ отъ всего эстонскаго народа. Что же это за эсты съ своимъ эстонскимъ языкомъ, что это за эстонскій народъ? Откуда онъ взялся вдругъ? Эти эсты, этотъ эстонскій народъ объявился однако вовсе не вдругъ, неожиданно-негаданно, невѣдомо откуда, но искони обиталъ тамъ, гдѣ находится и теперь. Эти эсты, читатель, это аборигены, коренные обитатели юго-западнаго угла Финскаго залива, о которыхъ упоминаетъ еще Несторъ и древнѣйшіе наши лѣтописцы, и земля которыхъ еще въ XI вѣкѣ, при Ярославѣ мудромъ, входила въ составъ русскаго государства, и гдѣ этотъ мудрый государь построилъ даже городъ, назвавъ его въ честь своего

христіанскаго имени Юрьевымъ, тотъ самый городъ, который и теперь существуетъ подъ нѣмецкимъ названіемъ Дерпта, извѣстенъ своимъ нѣмецкимъ университетомъ въ Россіи, и который вмѣстѣ съ Ригой составляетъ главный очагъ нѣмецкаго патріотизма въ той же Россіи. Значить, это была депутація отъ населенія Эстляндской губерніи. Это однако не совсѣмъ такъ. Это была дѣйствительно депутація, но отъ эстонской земли, а не отъ Эстляндской губерніи, отъ населенія этого края, но лишь кореннаго, туземнаго, составляющаго большинство въ немъ, которое едва-ли не въ первый разъ рискнуло заявить само себя, независимо отъ приплаго меньшинства потомковъ меченоснаго Ливонскаго ордена и Черноголовыхъ, исключительно изъ представителей которыхъ навѣрно состояла бы депутація, если-бы она была прислана отъ Эстляндской губерніи, и вѣрноподданническія чувства свои (искренность которыхъ, замѣтите, мы отнюдь не отрицаемъ, не смотря на ихъ своеобразность) такая депутація, какъ словесно, такъ и письменно, навѣрно выразила бы на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ, а никакъ ни на родномъ эстонскомъ языкѣ. До сихъ поръ такъ обыкновенно и было, но той причинѣ, что это господствующее нѣмецкое меньшинство, считая себя солю земли своей, въ которую и свѣту-го Божьему позволяется проходить только чрезъ ихъ нѣмецкое окошко, твердо вѣруеть, что, кромѣ его нѣмецкаго меньшинства, никто не имѣеть и не долженъ имѣть права голоса въ край и отъ имени края. Но время, разрушающее средневѣковыя рыцарскіе замки, и просвѣщеніе, сокрушающее средневѣковыя традиціи, и въ эстонской землѣ сдѣлали, повидимому, свое дѣло, и туземное коренное большинство населенія края, эсты, поняли наконецъ, что и они такіе же граждане русскаго государства и ничуть не менѣе вѣрные подданные русскаго государя, какъ и ихъ мѣстные нѣмцы, и нисколько не хуже этихъ мѣстныхъ нѣмцевъ могутъ выразить ему, да еще и на собственномъ языкѣ своемъ, одушевляющія ихъ чувства любви и преданности престолу, а вмѣстѣ съ тѣмъ даже и солидарность свою съ общимъ отечествомъ—Россіей и желаніе полнаго съ нею общенія, признавая притомъ языкъ ея своимъ общенациональнымъ языкомъ. Послѣднато, какъ извѣстно, нѣмецкій языкъ никакъ бы не выразилъ. Сообразивъ вотъ именно все это, эсты и послали собственно отъ себя депутацію, въ составѣ которой не было ни одного потомка нѣмецкихъ рыцарей и ганзейскихъ купцовъ, и не смотря на то, депутація эта была удостоена мѣстнаго приѣма.

Люди, привыкшіе смотрѣть на Прибалтійскій край нашъ также чрезъ нѣмецкое окно, (а такихъ людей у насъ, къ сожалѣнію, не мало, особенно въ извѣстныхъ сферахъ), скажутъ, что ни въ присылкѣ, ни въ приѣмѣ эстонской депутаціи нѣтъ ничего особеннаго, такъ какъ

и изъ Россіи не разъ имѣли счастье представляться государю императору и удостоивались благосклоннаго пріема мужицкія депутація, какою вѣроятно была и эстонская депутація. Но это предположеніе оказывается невѣрнымъ. Эстонская народная депутація въ большинствѣ состояла изъ людей вполне интеллигентныхъ, изъ представителей ученыхъ, художественныхъ, литературныхъ и благотворительныхъ обществъ. Въ составѣ ея былъ профессоръ, былъ редакторъ журнала, былъ докторъ. И все это природные эсты?.. Странное дѣло!.. Страннаго однако, по нашему мнѣнію, ничего тутъ нѣтъ; но что это знаменательное дѣло — это вѣрно, и насъ нисколько не удивляетъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ понадобилось сочинить противозаконныя эстонскія сходы, и что нѣмецкіе корреспонденты изъ Прибалтійскаго края такихъ псевдо-русскихъ газетъ, какъ, напримѣръ, «Порядокъ», сообщаютъ имъ яко-бы о тревожномъ настроеніи мѣстнаго корейнаго населенія, возбуждающемъ будто бы безпокойство и опасеніе мѣстныхъ нѣмецкихъ бюргеровъ. Въ связи съ этимъ не удивляетъ насъ и сообщенное недавно издающимся на русскомъ языкѣ «Рижскимъ Вѣстникомъ» извѣстіе, что нѣкій остзейскій графъ Левъ Кейзерлингъ, путемъ печати, обратился съ нѣкотораго рода воззваніемъ къ мѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ, занимающимся исторіею, приглашая ихъ составить для эстонскихъ народныхъ школъ исправленную исторію Прибалтійскаго края. Стремленіе къ восстановленію исторической истины дѣло, конечно, весьма похвальное. Является только вопросъ: въ этомъ ли именно смыслѣ желаетъ почтенный графъ исправленія исторіи названнаго края, предназначаемой имъ для преподаванія въ мѣстныхъ народныхъ школахъ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить та задача, которую онъ ставитъ вызываемымъ имъ на такой трудъ историкамъ. По этой задачѣ, «исправленная» исторія должна доказать всѣмъ и каждому, что германскіе завоеватели эсто-латышскаго края въ XIII столѣтіи несказанно облагодѣтельствовали туземное населеніе латышей и эстовъ, сперва своимъ порабощеніемъ ихъ, а потомъ господствомъ надъ ними втеченіи слишкомъ пяти столѣтій. Изъ этого очевидно, что неблагоприятные латыши и эсты, точно также какъ и куры или кураны (коренные обитатели Курляндіи), по неразвитости своей никогда несознававшіе благодѣтельности для нихъ культурно-нѣмецкаго ярма и гнета, въ послѣднее время до такой степени стали обнаруживать свою завистливость въ этомъ несознаній, что для разумленія ихъ потребовалось исправленіе исторіи, да повидимому и не одной только исторіи, а даже и установленнаго закономъ текста присяги на вѣрноподанничество, каковое исправленіе совершенно было нѣкоторыми пасторами Прибалтійскаго края въ весьма недавнее время, и менно при приводѣ ими къ присягѣ своихъ прихожанъ на вѣрность

недавно вступившему на престолъ государю императору. Оказывается, что въ эту присягу государю многіе изъ мѣстныхъ пасторовъ сельскихъ приходоѡ вмѣшивали и присягу остзейскимъ баронамъ-помѣщикамъ. Въ газетахъ нашихъ было своевременно сообщено нѣсколько фактоѡ подобнаго рода. Такъ, между прочимъ, въ одной корреспонденціи пишутъ («Голосъ», № 123 сего года): мѣстные пасторы нашли нужнымъ толковать по своему священныя слова присяги. Такъ, корреспондентъ «Балса», передавая неприличныя выходки кальценаускаго пастора, между прочимъ, говорить: «Затѣмъ пасторъ принялся говорить, что мы сегодня должны принести также присягу и существующимъ государственнымъ учрежденіямъ, особенно обществу помѣщичьимъ, которое, будто бы, вырабатываетъ законы, получающіе силу съ разрѣшенія государя». Выраженіемъ: «общество помѣщичьихъ, вырабатывающее законы» должно быть,—говорить «Валтнесисъ Вестнесисъ»,—пасторъ намекаетъ на ландтагъ. По такому толкованію словъ священной присяги, кальценаускіе прихожане должны были принести присягу не только нашему обожаемому монарху, но и лифляндскому ландтагу». Такое же толкованію присяги дѣлалъ народу и пасторъ Карлъ-Кирхъ Браге, отказывавшійся было вовсе приводить къ присягѣ значительную часть своихъ прихожанъ, которые, по независѣвшимъ отъ нихъ причинамъ, не послѣли къ присягѣ вмѣстѣ съ другими въ назначенное время, и только вмѣшательство мѣстнаго губернатора, вызванное жалобою крестьянъ, заставило г. Браге исполнить ихъ желаніе присягнуть новому государю («Голосъ», № 108 сего года). Чрезвычайно характерно, какъ лютеранскіе пасторы въ Прибалтійскомъ краѣ, въ пользу нѣмцеѡ-баронскихъ интересовъ, сумѣли эксплоатировать само ужасное событіе 1 марта. Если противъ пробудившагося въ минувшее царствованіе народнаго самознанія туземнаго населенія эсто-латышскаго края, самосознанія, которое не позволяетъ болѣе этому населенію безответно выносить всѣ прелести экономическаго, соціальнаго и политическаго гнета пришлаго меньшинства нѣмецкихъ культуртрегеровъ въ формѣ безземелія, безправія, барщины, вотчиннаго самовластия и господства кулачнаго права,—если противъ этого пробужденнаго народнаго сознанія латышей и эстоѡ, говоримъ мы, графъ Кейзерлингъ собирается вести борьбу помощію «исправленной», т. е. приспособленной для этой цѣли, исторіи, то лютеранскіе духовные пастыри изъ нѣмцевъ находятъ, повидимому, такой мирный способъ борьбы недостаточно сильнымъ и дѣйствительнымъ и предпочитаютъ ему способъ обличенія, угрозъ и устрашеній съ церковной кафедры, уподобляя робкіе протесты туземнаго сельскаго населенія противъ гнета и самоуправства нѣмецкихъ бароновъ, помѣщичьихъ и пасторовъ чуть не нигилизму и анархіи и приравнивая это

мирнѣйшее населеніе въ комунарахъ, нигилистамъ и авторамъ преступленія 1 марта. Вотъ, между прочимъ, что сообщаетъ по этому поводу эстонская газета «Сакала»: «Послѣ ужасной катастрофы 1 марта съ каяедръ мѣстныхъ лютеранскихъ церквей раздались на эстонскомъ языкѣ проповѣди, произведшія значительное броженіе и замѣшательство и вызвавшія въ народѣ неописанный гнѣвъ и неудовольствіе. Уже одно то возбуждало сильнѣйшее неудовольствіе въ народѣ, что съ церковныхъ каяедръ открыто заявляли, будто и нашъ край виновенъ въ ужасномъ злодѣяніи, и долгъ нашъ, поэтому, исправить свои помыслы и отвратиться отъ грѣха. Но въ другихъ мѣстахъ проповѣдники, не ограничиваясь этимъ общимъ положеніемъ, произносили съ церковной каяедры рѣчи, которыя принесли плодъ недобрый. Такъ, пасторъ В., въ своей проповѣди, между прочимъ, выразился такъ: «Увы, эстонскій народъ! и въ твоей средѣ водятся русскіе нигилисты; эти нигилисты суть образованные эстонцы, научившіеся въ университетѣ мудрости свѣтской, а не богобоязненности. Они въ подобной же яростной злобѣ возбуждаютъ чрезъ печать и гласность народъ эстонскій противъ людей, стоящихъ выше его. Они стараются захватить школы въ свои руки и водворить въ нихъ обученіе свѣтской мудрости, которая не замедлитъ, конечно, произвести такихъ же разбойниковъ» и т. д. Другой пасторъ В., въ проповѣди, обращенной къ эстонской паствѣ, прямо заявилъ: «Ради вашихъ грѣховъ, ради вашего беззаконія погибъ Онъ отъ рукъ крамольниковъ; но вѣдь и ваша пляска теперь обратилась въ рыданіе; теперь, по крайности, положите конецъ вашей пляскѣ, ибо съ наступленіемъ царствованія Александра III настанутъ для васъ времена тяжкія» и т. д. Пасторъ С., въ проповѣди подобнаго же характера, предвозвѣстилъ, что чрезъ 20 лѣтъ эстонскій народъ, если и впредь пойдетъ тѣмъ же путемъ, какимъ идетъ нынѣ, произведетъ еще болѣе ужасное кровопролитіе, чѣмъ какое совершилось нынѣ» («Голосъ», № 120, 1881 г.). Въ чемъ же заключается этотъ общій грѣхъ бѣдныхъ эстовъ, это беззаконіе ихъ, это, наконецъ, соучастіе въ ужасномъ злодѣйствѣ 1 марта, въ которыхъ ихъ публично, съ церковныхъ каяедръ, обвиняютъ ихъ духовные пастыри изъ нѣмцевъ? Вся эта ужасная преступность эстонцевъ заключается въ пробудившемся въ нихъ стремленіи къ образованію, къ защитѣ своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ, къ сближенію съ Россією, въ ихъ симпатіи къ ней и въ желаніи большаго единенія съ нею, путемъ участія въ тѣхъ учрежденіяхъ и преобразованіяхъ, которыми покойный государь облагодѣтельствовалъ народъ въ коренной Россіи. Однимъ словомъ, бичуемая съ каяедръ нѣмецкими проповѣдниками преступность эстовъ заключается въ томъ, что въ вѣрноподданническомъ адресѣ, который депутація отъ этого народа

имѣла счастье поднести не далѣе какъ 19-го іюня сего года государю императору, эстонцы выражаютъ свою глубокую признательность въ Вoszъ почившему монарху. «Чего не могли принести вѣка для эстонскаго народа, говорится въ этомъ адресѣ,—то дано ему мудрымъ отеческимъ правленіемъ въ Вoszъ почившаго императора: школа и литература пустили глубокіе корни въ эстонскомъ народѣ, земледѣліе поднялось на болѣе высокую степень, большое количество земли сдѣлалось собственностью эстонскаго народа; онъ получилъ право самоуправленія въ своихъ общественныхъ дѣлахъ; вызваны къ жизни полезныя общества. Во всѣхъ отношеніяхъ возрасло умственное и матеріальное достоиніе эстонскаго народа подъ благодѣтельнымъ правленіемъ блаженной памяти Родителя Вашего Императорскаго Величества».

Понятно послѣ этого то чувство нравственнаго возмущенія и обиды, которое выразилось на столбцахъ газетъ, издающихся въ краѣ на эстонскомъ языкѣ, въ виду столько же гнусныхъ, сколько и бессмысленно несправедливыхъ обвиненій и инсинуацій со стороны ихъ духовныхъ пастырей изъ нѣмцевъ, которые въ слѣпномъ и тупомъ фанатическомъ стремленіи своемъ—поддерживать и отстаивать во что бы то ни стало средневѣковыя права и привилегіи господства надъ краемъ, сравнительно, горсти пришлыхъ нѣмцевъ,—не останавливаются даже передъ явною ложью и клеветою на ни въ чемъ неповинное мирное и преданное престолу населеніе. Раздѣляя вполне это чувство справедливаго негодованія эстонцевъ противъ своихъ пасторовъ нѣмцевъ, мы, съ своей стороны, не можемъ не удивляться той дерзости, съ которою, напри- мѣръ, вышеуказанный пасторъ В. осмѣлился угрожать ни въ чемъ неповинному народу тяжестью для нихъ новаго царствованія, какъ наказаніемъ за его яко-бы крамольное направленіе; мы не можемъ не удивляться и бездѣйствию русской власти въ краѣ, которая, насколько по крайней мѣрѣ извѣстно, оставила безъ послѣдствій и безъ опроверженія такую по, меньшей мѣрѣ, непрямую угрозу, что въ умахъ темнаго народа можетъ придать этой угрозѣ вѣроятіе и значеніе, которыхъ она натурально не имѣетъ. Вышеприведенныя нами слова изъ всеподданнѣйшаго адреса эстонскаго народа имѣютъ, по нашему мнѣнію, глубокое историческое значеніе. «Чего не могли принести намъ вѣка, говорятъ въ этомъ адресѣ эсты,—то дано намъ царствованіемъ въ Вoszъ почившаго императора. Но вѣдь эти вѣка, непринесшіе имъ ничего, прошли для нихъ подъ господствомъ надъ ними пришлыхъ нѣмцевъ, которые втеченіи пяти столѣтій не хотѣли добровольно поступиться для подвластнаго имъ народа ничѣмъ изъ своихъ средневѣковыхъ правъ и привилегій, не сдѣлали для него даже того немногаго, какъ увидимъ ниже, что сдѣлало царствованіе покойнаго императора, обманывая довѣрчивыя ожиданія правительства, которое

до послѣдняго царствованія, не прибѣгая въ этомъ отношеніи къ власти своей, рассчитывало почему-то на свободное и добровольное побужденіе собственнаго чувства правды и справедливости со стороны потомковъ водворившихся когда-то въ эсто-латышскомъ крайѣ нѣмецкихъ бароновъ и купцовъ. Разъ что этотъ неслестный для остзейскихъ нѣмцевъ фактъ признанъ въ настоящее время туземнымъ населеніемъ эсто-латышскаго края настолько, что оно не усомнилось упомянуть о немъ въ всеподданнѣйшемъ адресѣ, становится понятнымъ, почему гг. остзейскимъ баронамъ понадобилась вдругъ исправленная исторія господства ихъ надъ этимъ краемъ, которая должна ступать упомянутый неприглядный фактъ и доказать заблужденіе благодарныхъ эстовъ въ этомъ отношеніи. Можно впередъ сказать, что въ качествѣ сильнѣйшаго аргумента въ пользу и въ защиту нѣмецкаго господства въ Прибалтійскомъ крайѣ, въ «исправленной» исторіи, какъ это дѣлалось уже не разъ, будетъ указано на то, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ этомъ крайѣ совершенно нѣмецкими помѣщиками, и притомъ по собственному ихъ почину, болѣе чѣмъ на сорокъ лѣтъ ранѣе, чѣмъ въ Россіи. Это совершенно вѣрно; но освобожденіе освобожденію—рознь. То, которое было совершено помѣщиками прибалтійскаго края, какъ личное лишь, безъ надѣла освобожденныхъ землю, было въ дѣйствительности не освобожденіе, а обращеніе всего крестьянскаго сословія эсто-латышскаго края въ безземельный пролетаріатъ, болѣе чѣмъ при крѣпостномъ правѣ зависимый отъ помѣщиковъ, и составляло въ сущности извѣстнаго рода не особенно почтенную спекуляцію. При существованіи крѣпостнаго права помѣщикъ, какъ извѣстно, пользуясь трудомъ или оброкомъ своихъ крестьянъ, былъ отвѣтственъ предъ государствомъ за податную исправность ихъ; какъ въ этомъ отношеніи, такъ и лично для себя онъ былъ заинтересованъ до извѣстной степени въ ихъ благосостояніи. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ обязательный помощникъ ихъ въ случаяхъ пожаровъ, неурожаевъ, свотскихъ падежей и т. п. невзгодъ, обычныхъ въ крестьянскомъ быту. Освобожденіе крестьянъ безъ земли, сохраняя за помѣщикомъ всѣ выгоды его положенія при крѣпостномъ правѣ, освобождало его отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ обязательствъ и заботъ по отношенію къ живущимъ на его землѣ крестьянамъ. Надо сказать притомъ, что удержаніе въ рукахъ помѣстнаго дворянства суда вотчинной полиціи и непосредственнаго вліянія на назначеніе сельскихъ властей, школьныхъ учителей, даже пасторовъ, совершенно обезпечило за остзейскими помѣщиками полнѣйшую власть надъ лично освобожденными ихъ крестьянами, свобода которыхъ въ сущности заключается развѣ въ правѣ невозбранно носить свой носъ по буднямъ и праздникамъ, да и то, впрочемъ, далеко не безусловно, какъ увидимъ ниже.

Разсчетъ былъ слишкомъ простъ и ясень и выгодность спекуляціи личнаго освобожденія крестьянъ безъ земли слишкомъ очевидна даже и не для такихъ вообще разчетливыхъ людей, какъ нѣмцы по своей племенной натурѣ. Къ тому же и обстоятельства времени какъ бы сами вызывали и наталкивали остзейскихъ бароновъ на эту спекуляцію. Въ началѣ царствованія императора Александра I-го вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ извѣстно, былъ поднятъ и въ Россіи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Но вслѣдствіе не столько того, что условія, необходимыя для разрѣшенія этого вопроса, какъ принято говорить, не были еще въ то время достаточно подготовлены, сколько вслѣдствіе болѣе дилетантскаго, чѣмъ серьезнаго отношенія къ этому вопросу, онъ былъ скоро оставленъ, какъ всякая надѣвшаяся игрушка, тѣмъ охотѣе, что внѣшнія обстоятельства и, между прочимъ, донкихотовская защита то Австріи, то Пруссіи противъ Наполеона I, стоившая Россіи такъ много бесплодно потраченныхъ крови и денегъ, доставляли достаточное количество благовидныхъ предлоговъ для отвлеченія отъ внутреннихъ вопросовъ. Не смотря, однако, на весь дилетантизмъ въ поднятій въ то время вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, и тогда уже въ Россіи нашлись люди и раздавались голоса, которые доказывали, что освобожденіе это не можетъ и не должно совершиться иначе, какъ съ надѣломъ землею. Въ Россіи голоса эти остались вопиющими въ пустынь, такъ какъ и самое дѣло имѣло больше лишь разговорный характеръ; но чуткіе остзейскіе бароны не пропустили такихъ заявленій безъ вниманія и хорошо поняли ихъ значеніе. Смыслъ этого остзейскаго нѣмецкаго пониманія, если его выразить простымъ языкомъ, могъ быть таковъ: «Конечно, это вадоръ, кто смѣетъ посягать на наши права и привилегіи, на нашу собственность; но чѣмъ чортъ не шутить! Отъ этихъ, лишенныхъ нашей культуры, русскихъ можно ожидать всякаго безобразія, а потому благоразуміе и предусмотрительность повелѣваютъ предупредить возможность всякой случайности подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что изъ всей этой глупой затѣи можно сдѣлать очень выгодную спекуляцію». Вскорѣ, кстати, въ этомъ именно смыслѣ и совершено было освобожденіе крестьянъ безъ земли въ созданномъ Наполеономъ герцогствѣ варшавскомъ. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ и вѣнскаго конгресса, когда въ нѣкоторыхъ государствахъ средней Европы и въ томъ числѣ въ Пруссіи поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, по законамъ логики можно было предполагать, что и у насъ, освободясь отъ военныхъ тревогъ и утомясь заботами о чужихъ дѣлахъ, займутся, наконецъ, своими собственными внутренними дѣлами, въ числѣ которыхъ, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ, могъ всплать опять на поверхность и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ,

и даже съ надѣломъ ихъ землею. Предположеніе это, какъ извѣстно, не оправдалось. Вступивъ въ священный союзъ и принявъ на себя почетное званіе европейскаго жандарма подъ командой Метерниха, Россіи, озабоченной повсемѣстнымъ водвореніемъ въ Европѣ порядка и повиновенія властямъ, некогда было заниматься своими внутренними дѣлами, а тѣмъ паче нелишнимъ нѣкотораго революціоннаго значенія вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, въ особенности съ землею. Тѣмъ не менѣе остзейскіе бароны окончательнымъ разрѣшеніемъ у себя этого вопроса успѣли предупредить эту случайность и въ 1818 и 1819 годахъ великодушно подарили личную свободу своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, сохранивъ за собою всю власть надъ ними и всю землю, и такимъ образомъ однимъ камнемъ убили двухъ зайцевъ или, говоря иначе, и невинность соблюли, и капиталъ приобрѣли, т. е. сдѣлали заднимъ числомъ пріятное эсъ-либерализму правительства и государя, заслуживъ тѣмъ его благоволеніе, показали свое культурное превосходство надъ русскимъ дворянствомъ, и устроили выгодную для себя спекуляцію. Совершивъ этотъ громадный подвигъ великодушія, прибалтійскіе нѣмцы наши вообще и баронно-помѣщики въ частности порѣшили не попускать уже затѣмъ никакого дальнѣйшаго баловства въ отношеніи своихъ бывшихъ рабовъ туземнаго населенія и держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, что и исполняютъ до сихъ поръ съ свойственною нѣмцамъ непоколебимостью. Вжѣстѣ съ этимъ въ исправленной исторіи будетъ указано, конечно, также на то относительное благоустройство и благосостояніе Прибалтійскаго края которыми, благодаря существующимъ въ немъ порядкамъ, край этотъ пользуется сравнительно съ коренной Россіей, особенно послѣ неразумнаго освобожденія въ ней крестьянъ съ землею и предоставленнымъ имъ преждевременно самоуправленіемъ, — благъ, которыми они, по невѣжеству своему, не умѣютъ пользоваться безъ попечительнаго и властнаго надзора и руководства помѣщиковъ, вслѣдствіе чего предаются ничѣмъ несдерживаемому пьянству, постоянно бѣднѣютъ и дѣлаются несостоятельными плательщиками государственныхъ податей, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, отъ той же пагубной причины упало и помѣщичье хозяйство, и дворянскія земли ускользаютъ все болѣе и болѣе изъ рукъ дворянства. Въ паралель съ этой невзрачной картиной положенія реформированной Россіи, будетъ представлено сравнительно цвѣтущее состояніе сельскаго хозяйства, промышленности и торговли въ дореформенномъ Прибалтійскомъ краѣ; а въ доказательство бесполезности земскихъ учреждений указано будетъ на прекрасное состояніе дорогъ и обиліе школъ въ краѣ, благодаря исключительно заботливости мѣстнаго нѣмецкаго дворянства и его господствующему положенію въ краѣ. Картина выйдетъ дѣйствительно

эффектная и, не умолчимъ, въ известномъ отношеніи до нѣкоторой степени вѣрная; но не можемъ не сказать въ то же время, что «эта пѣсня намъ знакома» и знакома давно. Ее, то жалобнымъ, то рычавшимъ голосомъ, распѣвала когда-то и блаженно-юродивой памяти скаритинская «Вѣсть»; пѣвали ее и наши крѣвостники, какъ распѣвають теперь бароны-помѣщики Прибалтійскаго края. Еще недавно мы имѣли случай выслушать эту пѣсню отъ двухъ такихъ пѣвцовъ-бароновъ («Голосъ» 1880 г., № 320) въ формѣ возраженія на передовую статью, помѣщенную въ газетѣ «Голосъ» (1880 г., № 289), въ которой публицистъ названной газеты повѣствоваль о своеобразномъ характерѣ продажи земель крестьянамъ въ Прибалтійскомъ крайѣ, благодаря которому земельныя отношенія въ этомъ крайѣ напоминаютъ аграрное положеніе Ирландіи. Статья эта, дѣйствительно не совсѣмъ свободная отъ нѣкотораго пересола и односторонности, но въ общемъ далеко не безосновательная, видимо задѣла за живое бароновъ-помѣщиковъ, вслѣдствіе чего двое изъ нихъ и поспѣшили помѣстить въ той же газетѣ свои возраженія. Однимъ изъ оппонентовъ явился баронъ Ф. Мейндорфъ, возражавшій отъ имени лифляндской ландратской коллегіи въ качествѣ ея секретаря; другой—баронъ Карлъ Бистромъ принялъ на штырь ударъ публициста отъ собственного лица, но въ защиту курляндскаго рыцарства. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, мы вернемся къ этой интересной полемикѣ, а здѣсь скажемъ лишь, что оба барона въ своей апологій существующимъ въ Прибалтійскомъ крайѣ порядкамъ, относительно перехода земель отъ помѣщиковъ крестьянамъ, щадя наше самолюбіе, хотя и не дѣлаютъ вышеприведеннаго нелестнаго для насъ сопоставленія благосостоянія нашихъ крестьянъ съ благосостояніемъ ихъ мѣстныхъ крестьянъ, но также не щадятъ красокъ для разрисовки этого послѣдняго подъ влияніемъ заботливой опеки помѣщиковъ. «Аще не возглаголю о себѣ, никто же не повѣ», сказалъ одинъ изъ старинныхъ духовныхъ писателей (Петръ Могила, если не ошибаемся). Почему же и баронамъ-помѣщикамъ въ Прибалтійскомъ крайѣ не слѣдовать этому практическому примѣру? Мы, конечно, отъ души желаемъ вѣрить увѣреніямъ гг. бароновъ относительно благоденствія живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ и признать экономическіе порядки ихъ превосходными; но тутъ дѣло не въ насъ, не въ нашей вѣрѣ и признаніи, а въ вѣрѣ и признаніи тѣхъ, до кого дѣло это непосредственно касается, до самихъ этихъ, наслаждающихся яко-бы завиднымъ для нашего сельскаго люда благосостояніемъ крестьянъ Прибалтійскаго края подъ благодѣтельной опекой гг. помѣщиковъ. А между тѣмъ положительно известно, что именно они-то, эти самые крестьяне, совершенно отрицаютъ справедливость баронскихъ увѣреній, по безчувственности должно быть не ощущаютъ узаконяемаго гг. баронами благоденствія и.

надо думать, по неблагодарности вовсе не признаютъ благотворности помѣщичьей опеки надъ ними. Какъ же объяснить такое противорѣчіе? Мы, конечно, не позволимъ себѣ заподозрить благородныхъ бароновъ въ умысленномъ искаженіи фактовъ и желаніи представить бѣлымъ черное и допускаемъ съ своей стороны лишь известную степень увлеченія, легко объясняемаго известною истиною, что сѣтый голоднаго не понимаетъ. Не отрицая, что сельское хозяйство въ Прибалтійскомъ краѣ вообще находится дѣйствительно въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ остальной Россіи, мы признаемъ, что одну изъ причинъ этого факта составляетъ болѣе рациональный способъ культуры; но главнымъ образомъ наличие этого факта объясняется, несомнѣнно, тѣмъ экономическимъ и правовымъ отношеніемъ крестьянъ къ помѣщикамъ, которое создано обезземеліемъ первыхъ, создавшимъ въ свою очередь массу пролетаріевъ-батраковъ. Батрачье и барщинное хозяйство то же крѣпостное, при которомъ и въ Россіи процвѣтали помѣщичьи хозяйства.

Въ вышеупомянутыхъ нами баронскихъ возраженіяхъ на статью «Голоса», оба автора горячо отрицаютъ существованіе въ Прибалтійскомъ краѣ въ настоящее время барщины, отмѣненной закономъ 1868 г. Что барщина отмѣнена закономъ—это вѣрно; но, по словамъ «Рижскаго Вѣстника», вѣрно и то, что отмѣна эта совершилась болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, доказательствомъ чего можетъ служить, что вопросъ о барщинѣ былъ открыто внесенъ въ письменномъ докладѣ на разсмотрѣніе бывшаго въ февралѣ сего года окружнаго сельско-хозяйственнаго съѣзда въ Ригѣ. Со стороны участвовавшихъ въ съѣздѣ эстонскихъ депутатовъ, по словамъ эстонской газеты «Сакала», въ докладѣ было сказано: «Въ виду того, что закономъ воспрещенная барщина, вновь водворяемая, особенно въ послѣднее время, во многихъ мѣстахъ Лифляндіи, равно какъ и сопряженное съ нею безконтрактное положеніе крестьянъ-арендаторовъ препятствуютъ спокойнымъ занятіямъ и согласной жизни страны нашей и въ высшей степени губительно вліяютъ на развитіе сельскаго хозяйства въ краѣ—въ виду этого, мы, нижеподписавшіеся, депутаты эстонскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, предлагаемъ на утвержденіе съѣзда слѣдующее: пусть съѣздъ приметъ резолюцію о примѣненіи строжайшихъ законныхъ мѣръ въ видахъ искорененія противозаконной барщины и соединеннаго съ нею безконтрактнаго положенія крестьянъ-арендаторовъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ таковое понынѣ еще практикуется». Но ранѣе еще этого, по словамъ той же газеты, именно «30-го ноября, въ засѣданіи эстонскаго земледѣльческаго общества, разбиралось, помѣщенное въ «Голосѣ», въ отдѣлѣ «За и противъ», письмо барона Ф. Мейндорфа, написанное по порученію лифляндской ландратской коллегіи, въ отвѣтъ на статью, помѣщенную въ № 289 «Голоса» и касающуюся земель-

ныхъ отношеній въ прибалтійскихъ губерніяхъ. «Общество, пишетъ газета, единогласно рѣшило, что въ письмѣ барона Мейндорфа много ошибокъ, которыя показываютъ, что лифляндской ландратской коллегіи земледѣльческія дѣла не очень извѣстны. Особенно удивляютъ слѣдующіе пункты барона Мейндорфа: 1) Барщина, по его словамъ, будто бы въ Лифляндіи не существуетъ съ 1868 г., потому что никакой судъ не утверждаетъ такихъ контрактовъ. Между тѣмъ, подобныя сдѣлки до сихъ поръ у насъ существуютъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и если такихъ сдѣловъ не утверждаютъ въ кирхшпильномъ судѣ, то ихъ обыкновенно только подписываютъ въ волостномъ судѣ и нигдѣ не утверждаютъ. Такихъ имѣній, гдѣ крестьяне совсѣмъ не имѣютъ контрактовъ и въ которыхъ втеченіи одного года раза три увеличиваютъ арендную плату, смотря по тому, каковы надежды на урожай, у насъ много. Въ другихъ мѣстностяхъ крестьяне, въ обезпеченіе контрактowychъ условій, должны давать помѣщику каждый рубль по 50-ти въ задатовъ («Голосъ» 1880 г., № 352)». Безъ всякаго сомнѣнія, вопросъ о несуществующемъ фактѣ не могъ быть поднимаемъ въ публичномъ и официальномъ собраніи. Слѣдовательно, самое поднятіе вопроса доказываетъ наличность факта существованія барщины; да его, впрочемъ, не отрицали на сѣздѣ и сами помѣщики. Вотъ что говорить по этому поводу эстонская газета: «Предложеніе нашихъ депутатовъ вызвало горячія пренія, притомъ, между прочимъ, ландратъ фонъ-Эттингенъ старался доказать, что принятіе такой резолюціи не есть дѣло сѣзда. Предложеніе наше было отклонено, и мы, эстонскіе депутаты, вскорѣ прекратили свои протесты противъ этого уже потому, что существованія барщины у насъ гг. члены сѣзда не отрицали, а признавали лишь внесенный нами вопросъ неподлежащимъ разсмотрѣнію сѣзда. Цѣль эстонскихъ депутатовъ, такимъ образомъ, все-таки была достигнута, такъ какъ они открыто указали и обнаружили широко распространенный противозаконный порядокъ вещей, уничтоженіе котораго принесло бы, безъ сомнѣнія, громадную пользу сельско-хозяйственному дѣлу страны. Послѣдствія заявленія эстонскихъ депутатовъ не ограничились, впрочемъ, однимъ этимъ, такъ сказать, теоретическимъ успѣхомъ; на заявленіе это обратила вниманіе административная власть въ краѣ и на слѣдующій же день губернаторъ предложилъ эстонскимъ депутатамъ указать ему, гдѣ именно по сіе время существуетъ еще барщина, обѣщая принять мѣры къ прекращенію подобнаго нарушенія закона. Какъ на обращеніе того, какъ остзейскіе помѣщики ухитряются устраивать барщину, обходя существующій противъ нея запретительный законъ, можно указать на примѣръ, заимствованный «Голосомъ» (№№ 54 и 112 сего года) изъ латышской газеты «Бальсъ». «Въ 1876 году, владѣлецъ мвзы

баронъ Вольфъ, по истеченіи срока контрактамъ, впредь отказалъ своимъ хозяевамъ-арендаторамъ и требовалъ надбавки ренты. Арендаторы не особенно жаловались на надбавку ренты, но просили лишь дозволенія засѣвать льномъ больше, чѣмъ десятую часть своихъ полей. Помѣщикъ согласился на это. Спустя нѣкоторое время, арендаторы были оповѣщены собраться въ волостной домъ для принятія новыхъ контрактовъ. Арендаторы собрались и получили контракты. Но, прочитывая ихъ, нашли, что они, по прежнему, не смѣютъ засѣвать льномъ болѣе десятой части своихъ полей. На это они были несогласны. Помѣщикъ же объявилъ, что контрактовъ онъ передѣлывать не станетъ, а что въ арендныхъ квитанціяхъ отмѣтить каждому два лофштеля, и если притомъ каждый по нѣсколько дней будетъ присылать рабочихъ на мызу, то количества посѣяннаго льна онъ и измѣрять не станетъ. Хозяева, поэтому, согласились принять контракты. Настало лѣто и на мызу до такой степени стали гонять хозяйскихъ рабочихъ, что болѣе бѣдные хозяева не въ состояніи были исполнять всѣхъ оповѣщеній помѣщика. Замѣтивъ неисправность, помѣщикъ объявилъ, что если и впредь будутъ упущенія, то онъ потребуетъ точнаго выполненія контрактовъ. Хозяева перепугались. Болѣе зажиточные поспѣшили на мызу и, желая какъ нибудь покончить съ навязанной барщиной, предложили помѣщику шесть дней посылать на мызу рабочихъ за дозволеннымъ засѣять льномъ лофштели. Помѣщикъ согласился на это и потребовалъ, чтобы и другіе хозяева обязались дѣлать тоже самое. Затѣмъ приступилъ къ измѣренію полей, засѣянныхъ льномъ. Оказалось, что хозяева дѣйствительно засѣяли болѣе дозволеннаго и потому теперь должны были на четыре дня посылать на мызу рабочаго съ лошадыю за каждый недозволенный лофштель. Сдѣлавъ это, помѣщикъ пригласилъ на мызу всѣхъ хозяевъ и предложилъ, что если они желаютъ засѣвать льномъ болѣе, чѣмъ десятую часть полей, то должны за каждый лофштель посылать на три дня на мызу рабочаго съ лошадыю. Хозяева, зная, что со столь малымъ количествомъ собираемаго льна они не въ состояніи прожить, согласились».

Этотъ видъ барщины, прикрываемый яко-бы условіями аренды, далеко не единственный и имъ пользуются многіе помѣщики, а правовое положеніе крестьянъ таково, что они волей-неволей должны подчиняться всякаго рода вымогательствамъ со стороны помѣщиковъ. Такъ, въ вышеприведенномъ нами примѣрѣ, крестьяне сначала не хотѣли согласиться на тяжелыя условія, предписанныя барономъ; но баронъ пригрозилъ имъ, что отдастъ ихъ участки въ аренду другимъ лицамъ. Куда идти? Пришлось согласиться. Пять арендаторовъ не приняли этихъ условій и должны будутъ оставить лѣтомъ занимаемые ими участки («Голосъ», № 112 сего года). При подобныхъ усло-

вѣяхъ, гг. баронамъ немудрено вести прибыльное раціональное хозяйство и доводить его цвѣтущаго состоянія, какъ немудрено поддерживать благоустройство дорогъ и водяныхъ сооруженій, исключительно на счетъ крестьянскаго кармана и труда. Но это бы еще было для крестьянъ полгоря, если-бы самые способы эксплуатаціи этого труда и кармана не отличались часто самымъ безшабашнымъ произволомъ. Изъ множества встрѣчающихся въ газетахъ примѣровъ этого произвола, укажемъ хоть на два слѣдующія, по особой ихъ характерности. Въ Сентябрѣ 1879 года, въ окрестностяхъ Митавы произведенъ былъ осмотръ дорогъ. «Этотъ осмотръ, по словамъ корреспондента «Голоса» (1879 г., № 261), заключается въ томъ, что асессоръ «гауптмансгерихта», завтракающій или обѣдающій обыкновенно передъ осмотромъ, конечно, не безъ винныхъ возліаній, у одного изъ крупныхъ помѣщиковъ, крупною рысью объѣзжаетъ участокъ, подлежащій ревизіи, и потомъ совершенно произвольно устанавливаетъ наказанія. Это видно изъ № 59 латышской газеты «Бальссъ», которая, съ приведеніемъ имени и числа, указываетъ на значительныя нарушенія закона: «Селеніе Ней-Бергфридъ, говоритъ газета,—должно произвести починку восьми верстъ риго-жаймской дороги. Дорога эта, однако, вовсе не проходитъ черезъ границы означеннаго прихода, а отстоятъ отъ него на четыре мили. До 1877 года ее починали только багульникомъ (ledum palustre); но, 23 февраля того же года, вышло приказаніе ежегодно усныать одну версту гравіемъ, а остальную часть багульникомъ. Въ маѣ нынѣшняго года, асессоръ Медемъ приказалъ, до 1 августа (т. е. въ 60 съ чѣмъ нибудь дней), на всемъ участкѣ, слѣдовательно, на протяженіи восьми верстъ, привезти на каждую сажень по три воза гравія, всего 12,000 возовъ; а такъ какъ въ Ней-Бергфридѣ 49 дворовъ, то каждый дворъ обязанъ привезти почти 245 фуръ. Если принять еще въ соображеніе, что тамъ по близости нѣтъ мѣсторожденія гравія, а его приходится возить за 4¹/₂ мили, то окажется, что, если считать, въ нынѣшнее, самое рабочее время, каждый возъ только за два рубля (такъ дешево рѣдко кто возьмется возить), вся риго-жаймская дорога обойдется каждому двору въ 490 р. И обдѣляки должны будутъ платить деньгами за привозъ гравія, потому что на каждый дворъ приходится, среднимъ числомъ, по четыре лошади, а, слѣдовательно, немислимо доставить въ 60 дней 245 возовъ, хотя бы люди только и дѣлали, что возили гравій, такъ какъ, какъ уже сказано, его приходится доставать за 4¹/₂ мили отсюда. Остается сказать, что Ней-Бергфридъ долженъ чинить еще 13 другихъ дорогъ. Такова-то пресловутая «легкая» жизнь нашихъ крестьянъ! И, должно быть, сама казна считаетъ ее такою, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ арендная плата съ крестьянъ, живущихъ на государствен-

ныхъ земляхъ, возвышена болѣе чѣмъ на половину». Другой примѣръ заимствуемъ изъ эстонской газеты «Сакала» (№ 85 сего года) «Отъ села Перакюль идетъ черезъ Рего, вотчина тигницкаго помѣщика, прямая дорога, выходящая на перновское шоссе. Дорога эта существовала съ незапамятныхъ временъ и крестьяне Перакюля пользовались ею уже тогда, когда предѣлы нынѣшней мизы Рего покрывались еще лѣсами. По существующимъ для Прибалтійскаго края законамъ, какъ извѣстно, всякая дорога, бывшая уже 10 лѣтъ проѣзжей, признается непривосновенною и закрыта быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, тигницкій помѣщикъ фонъ-Штрикъ нынче неожиданно распорядился о закрытіи нашей искони существовавшей дороги, ведущей прямо отъ Перакюля черезъ мизу Рего на перновское шоссе, и отдалъ своимъ крестьянамъ, живущимъ при этой дорогѣ, строжайшій приказъ задерживать всякаго, вздумавшаго ѣхать по ней, кто бы онъ ни былъ и куда бы ни направлялся, и немедленно же препровождать въ мизу Тигницъ. Между тѣмъ, по этой кратчайшей, нынѣ закрытой дорогѣ отъ Перакюля до Рего всего двѣ версты разстоянія, тогда какъ по другой дорогѣ приходится дѣлать 20 верстъ обхода, чтобы достигнуть того же пункта. Въ настоящее время дѣло у насъ поставлено такъ, что если кто пожелаетъ проѣхать по старой прямой дорогѣ, будь онъ свой или же чужой—на него тотчасъ нападаетъ толпа людей, захватываетъ его и увлекаетъ на мизу Тигницъ, находящуюся въ десяти верстахъ въ сторонѣ. Тутъ отъ схваченнаго взымается штрафъ въ одинъ рубль, послѣ чего онъ отпускается на свободу, но не иначе, какъ подъ строжайшимъ наказомъ—ѣхать непременно обходомъ, т. е. сдѣлать лишнихъ 20 верстъ».

Вотъ эти и подобнаго рода факты, о которыхъ намъ придется еще говорить ниже, и утверждаютъ насъ въ высказанномъ нами мнѣніи о значительномъ преизбыткѣ увлеченія въ вышеупомянутыхъ нами опроверженіяхъ гг. бароновъ, каковое увлеченіе и не позволяетъ имъ сознавать, какъ закоренѣлыя феодальныя традиціи искажаютъ ихъ пониманіе истиннаго положенія дѣлъ въ краѣ и отношенія ихъ къ коренному его населенію вообще и къ крестьянамъ въ особенности, при невзбалованности и малопритязательности послѣднихъ. Такъ, на примѣръ, благодарные эсты, въ поданномъ ими недавно государю императору всенодданнѣйшемъ адресѣ своемъ выражаютъ горячую признательность покойному августѣйшему родителю его за оказанные имъ ихъ народу благодѣянія. Между тѣмъ, какъ мы уже сказыали выше, и конечно къ глубокому сожалѣнію великодушнаго монарха, именно въ эсто-латышскомъ краѣ онъ могъ сдѣлать для туземнаго населенія эстовъ, латышей и курановъ лишь немного сравнительно съ тѣмъ, чего желалъ и что

сдѣлать для коренной Россіи. Дѣйствительно, во все время царствованія покойнаго государя, его благородная обновительная и освободительная дѣятельность постоянно встрѣчала въ этомъ краѣ столько упрямое, сколько и искусное (надо отдать эту справедливость) противодѣйствіе со стороны господствующаго въ немъ нѣмецкаго элемента, не смотря на сравнительную ничтожность его въ численномъ отношеніи. Благодаря этому противодѣйствію со стороны баронско-бюргерской косности остзейскихъ нѣмцевъ, закорючили въ средне-вѣковыхъ традиціяхъ, и исходящему изъ того стремленію къ возможному обособленію себя во что бы то ни стало отъ остальной Россіи, ни крестьянская, ни земская, ни судебная реформы не коснулись до сихъ поръ прибалтійской окраины, и коренное населеніе этого края, не смотря на громадное численное превосходство свое, въ угоду нѣмецкаго меньшинства, остается лишеннымъ тѣхъ благъ гражданской равноправности, которыя внесены были въ русскую жизнь помпунными реформами. Оно не пользуется ни самоуправленіемъ, огражденнымъ отъ вліянія и произвола помѣщиковъ, ни сюримъ и правымъ судомъ, ни участіемъ въ веденіи своего земскаго хозяйства. Все, что правительство могло сдѣлать до сихъ поръ для этого населенія, заключается въ обращеніи на надѣлъ крестьянъ казенныхъ земель, чѣмъ могли воспользоваться относительно лишь весьма немногіе, и во введеніи въ краѣ, хотя и съ большимъ трудомъ, городского самоуправленія; но и его мѣстные нѣмцы, пользуясь своимъ вліяніемъ въ городахъ, успѣли уже захватить въ свои руки и, внося въ нихъ свой запахъ, стараются исказить по возможности, вступая между прочимъ съ мѣстной администраціею въ нелѣпныя и неприличныя пререканія относительно права ея сноситься съ ними на государственномъ языкѣ. Извѣстно, что въ первое время послѣ введенія въ Прибалтійскомъ краѣ городского самоуправленія, почти всѣ городскія думы въ краѣ обратились въ правительствующій сенатъ съ жалобами на мѣстныхъ губернаторовъ за то, что послѣдніе въ перепискѣ съ думами употребляютъ русскій языкъ; а когда сенатъ не призналъ основательности этихъ жалобъ, то нашлись такіа шутивныя думы, и между прочимъ Рижская и Дерптская, которыя принесли жалобы и на сенатъ за такое неуважительное съ его стороны отношеніе къ ихъ нелѣпнымъ жалобамъ. Не менѣе того извѣстны и всѣ тѣ ябеды, которыя пускались въ ходъ нѣмецкимъ элементомъ въ городскомъ населеніи края, чтобы устранить по возможности отъ выбора въ гласныя лица не нѣмецкой народности — русскихъ, латышей и эстовъ. Такъ, на примѣръ, въ Ригѣ городскимъ управленіемъ постановлено было освободить мало-дѣянныя городскія имущества отъ уплаты го-

родскаго наюга, въ видахъ яко-бы облегченія бѣднѣйшихъ въ городѣ домовладѣльцевъ, большею частью латышей или русскихъ, но въ сущности для того, чтобы ихъ, какъ немлатящихъ ничего въ пользу города, лишитъ права быть избираемыми въ гласные. Въ той же рижской думѣ практикуется и такая глупая демонстрація противъ гласныхъ, осмѣливающихся говорить не на нѣмецкомъ языкѣ. Едва въ думскомъ собраніи раздастся латышская и въ особенности русская рѣчь, какъ со стороны гласныхъ нѣмцевъ подымается въ залѣ шумъ и смѣхъ, заглушающій голосъ оратора, или тѣ же гласные шумною массою выходятъ изъ залы въ другія комнаты, и такая пошлая демонстрація допускается со стороны предсѣдательствующаго въ собраніи головы или его помощника. Насколько симпатично относятся мѣстные нѣмцы къ новому учрежденію городскаго самоуправленія, вполне выразилось въ рѣчи, произнесенной первымъ городскимъ головою (нынѣ уже убраннымъ) въ первомъ же собраніи городскихъ гласныхъ, въ которой онъ, относясь неблагоприятно къ новому учрежденію, занесенному къ нимъ, въ Ригу, изъ Россіи, въ нарушеніе ихъ правъ и привилегій и открыто выразилъ сожалѣніе и сочувствіе къ старымъ, средневѣковымъ учрежденіямъ городскаго управленія, магистрату и гильдіямъ, благодаря которымъ нѣмецкій элементъ въ городскомъ населеніи безусловно и исключительно господствовалъ надъ городомъ и управлялъ имъ самовластно и безконтрольно, безъ всякаго вмѣшательства гражданъ другихъ національностей. При такомъ условіи, привязанность прибалтійскихъ нѣмцевъ нашихъ къ своимъ старымъ учрежденіямъ, столь выгоднымъ для нихъ, совершенно понятна и естественна, также какъ и антипатія къ новымъ, упраздняющимъ ихъ привилегированное и господствующее положеніе въ край, по отношенію къ другимъ мѣстнымъ народностямъ и разрушающимъ такъ искусно созданное ими обособленіе края отъ остальной Россіи. Понятно, слѣдовательно, и то уперное противодѣйствіе распространенію на этотъ край преобразованій минувшаго царствованія. Но для насъ совершенно непонятна та терпимость этого своекорыстнаго противодѣйствія меньшинства въ ущербъ большинству, та безконечная выжидательность чего-то и медленность въ удовлетвореніи законныхъ желаній этого подавленного меньшинства, благодаря которымъ Прибалтійскій край нашъ, въ общемъ составѣ Россіи, представляетъ собою до сихъ поръ какой-то особый своеобразный уголокъ, какое-то нелѣпное гнѣздо средневѣковыхъ феодальныхъ традицій, отзывавшихся гнетущимъ образомъ на жизни кореннаго населенія и успѣвшихъ до сихъ поръ какимъ-то страннымъ образомъ устранять отъ себя всѣ преобразованія, которыя такъ широко обновили весь государственный строй Россіи втече-

ни минувшаго царствованія. Говоря вообще, мы неохотно, говоримъ объ этомъ гнѣздѣ феодаловъ, обыкновенно крайне щеголивыхъ и раздражительно-чуткихъ во всякому указанію на ненормальность представляемаго ими явленія, и при всякомъ такомъ указаніи, появляющемся иногда въ русской печати, постоянно поднимающихъ ожесточенные вопли и крики не только въ своихъ мѣстныхъ и столичныхъ органахъ прессы, но и переносящихъ свои вопли и жалобы въ нѣмецкія газеты за границей, гдѣ они освобождаютъ себя отъ всякой мѣры правды и воздержанности. Но дѣло обыкновенно еще этимъ не ограничивается. По справедливому, основанному на многолѣтнемъ опытѣ, замѣчанію одной изъ нашихъ газетъ («Голось», № 188 сего года), «за нѣмецкою печатью, представляющею изъ себя въ этихъ случаяхъ легкую кавалерійскую атаку, слѣдуютъ обыкновенно болѣе солидныя части нѣмецкаго вооруженнаго строя. Въ столицу явятся представители края, представляющіе собою одну двадцатую его населенія, но, тѣмъ не менѣе, говорящіе за весь край и за все его населеніе. Съ ними вмѣстѣ или вслѣдъ за ними двинутся мѣстные боги—люди, носящіе высокіе чины, когда-то, можетъ быть, дѣйствительно принесшіе пользу отечеству, но теперь, именемъ своихъ былыхъ заслугъ и напоминаніемъ о нихъ, они будутъ стараться только о томъ, чтобы вовлечь правительство въ заблужденіе. Они будутъ говорить ему, что Прибалтійскій край благоденствуетъ, что никакихъ реформъ въ немъ не нужно, что всѣ толки о необходимости реформъ—плодъ неблагонамѣренной агитаціи, направленной къ колебанію порядка и спокойствія».

Если на этотъ разъ мы уклонились отъ этого правила, то это потому лишь, что намъ показалось нелишнимъ извѣстной знаменательности обнаружившаяся въ средѣ остзейскихъ нѣмцевъ и притомъ именно теперь потребность исправленія исторіи господства ихъ надъ Прибалтійскимъ краемъ—господства, благодаря которому край этотъ является какимъ то живымъ анахронизмомъ въ составѣ Россіи, гдѣ ничтожное сравнительно меньшинство пришлыхъ когда-то нѣмцевъ-завоевателей и купцовъ, составляющихъ не болѣе 10% въ общемъ числѣ туземнаго населенія продолжаетъ въ концѣ XIX столѣтія господствовать надъ этимъ населеніемъ въ силу правъ, приобретенныхъ ими въ XIII столѣтіи, и упорно поддерживаетъ обособленіе края отъ остальнаго государства, не признавая ни его языка, ни его учреждений, въ ущербъ большинству населенія края, гдѣ, вслѣдствіе этого, русскій человѣкъ въ предѣлахъ своего государства, является чужимъ, враждебнымъ и почти беззащитнымъ. Тамъ кулачное право процвѣтаетъ во всей своей неприкосновенности, а отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ дѣй-

ствительно, до нѣкоторой степени, напоминаютъ Ирландію, и притомъ при большемъ еще гражданскомъ безправіи послѣднихъ. И все это творится явно, открыто, съ полнымъ сознаниемъ и убѣжденіемъ, что такъ должно быть, съ тѣмъ грубымъ самодовольствіемъ, которое свойственно вообще натурѣ нѣмца, вездѣ и всегда, гдѣ онъ является въ господствующемъ положеніи, и что всего удивительнѣе, какъ мы выразили это выше, таковой порядокъ вещей почему-то терпится и попускается самою Россією.

Если вы спросите остзейскаго нѣмца о причинахъ таковаго явленія, онъ гордо отвѣтитъ вамъ, что иначе быть не можетъ, потому что край безусловно принадлежитъ имъ, какъ первымъ кореннымъ завоевателямъ и просвѣтителямъ его. Что онъ, этотъ край, никогда не былъ отвоеванъ у нихъ никѣмъ, а они сами дозволяли присоединять его то къ Польшѣ, то къ Швеціи, когда это имъ нравилось, и потомъ отнадали отъ этихъ государствъ, когда находили это для себя удобнымъ; что и Россія не завоевала Прибалтійскій край отъ Швеціи, а лишь присоединила его къ себѣ по изволенію отъ нѣмцевъ, на условіи неприкосновенности ихъ правъ и привилегій, за что они и служатъ съ обычною имъ лояльностью русскому престолу, а до русскаго народа имъ нѣтъ никакого дѣла; что они, нѣмцы, составляя высшую расу, не могутъ быть сравнены въ правахъ не только съ остальнымъ населеніемъ края, но и со всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи; что, наконецъ, учрежденія ихъ настолько хороши, что не нуждаются ни въ какихъ преобразованіяхъ. Хотя въ этихъ притязаніяхъ по истинѣ не знаемъ, чему болѣе удивляться: собственной наглости ихъ или облыжности приурочиваемыхъ имъ яко-бы историческихъ основаній, тѣмъ не менѣе, не только мѣстное коренное населеніе долгое время безпрекословно признавало эти притязанія и подчинялось имъ, но и у насъ, конечно въ извѣстныхъ сферахъ, имъ придавалось какое-то значеніе, какъ чему-то дѣйствительному; по крайней мѣрѣ, только этимъ послабленіемъ и можно объяснить ту неподлежащую обособленность отъ Россіи, въ которой находится этотъ край и поныгѣ, въ пользу нѣмецкаго меньшинства и вопреки желанію и интересамъ громаднаго большинства туземнаго населенія. Населеніе это, однако, настолько развилось въ настоящее время, что вполне опѣнило уже всю беспочвенность и несправедливость вышеупомянутыхъ притязаній остзейскихъ нѣмцевъ и не желаетъ уже признавать ихъ законность и подчиняться имъ. Этотъ-то понятнѣвшійся въ средѣ латышей и эстовъ кредитъ остзейско-нѣмецкихъ притязаній гг. бароны и думаютъ, повидимому, поддержать составленіемъ исправленной ими исторіи Прибалтійскаго края. Относительно мѣстнаго кореннаго на-

селенія можно впередъ сказать, что эта затѣя историческаго оправданія своихъ притязаній на привелигированное положеніе въ краѣ со стороны нашихъ остзейскихъ нѣмцевъ, не достигнетъ желаемой ими цѣли. Но желательно, чтобы и у насъ перестали придавать имъ значеніе, котораго они не имѣютъ, и чтобы двухмиліонное коренное населеніе Прибалтійскаго края сравнено было, наконецъ, относительно гражданской правоспособности самоуправленія и суда, съ населеніемъ коренной Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, не вопіющимъ ли абсурдомъ является въ наше время въ Европѣ притязаніе на господствующее и юридически привелигированное положеніе какихъ нибудь 200,000 нѣмцевъ въ средѣ двухъ миліоновъ такихъ же свободныхъ гражданъ туземнаго населенія, на основаніи пяти столѣтій тому назадъ совершеннаго ими завоеванія, и послѣ того, какъ сами эти завоеватели были не разъ подчиняемы зависимости другихъ народовъ и самый край этотъ окончательно отвоеванъ снова Россіей отъ той державы, въ составъ которой онъ входилъ. Говоримъ, отвоеванъ снова, потому что всякому гимназисту 3-го класса извѣстно, что далеко ранѣе конца XII столѣтія, когда нѣмецкіе купцы изъ ганзейскихъ городовъ Либека, Бремена и Гамбурга и нѣмецкіе мисіонеры, а потомъ и оставшіеся за штатомъ, послѣ крестовыхъ походовъ, рыцари изъ Германіи и разные искатели приключеній изъ Даніи и Швеціи, сперва хитростью, а потомъ силою водворились на балтійскомъ побережьи, въ средѣ искони обитавшихъ тамъ латышей и эстовъ, — русскій народъ былъ уже заранѣе извѣстенъ туземцамъ и имѣлъ въ краѣ свои поселенія и даже города, основанные нашими князьями еще въ XI и XII вѣкахъ, какъ, напримѣръ: Юрьевъ (Дерпт), Кокейнось (Кобенгаузенъ), Геренье (Брейцбургъ), и въ которыхъ существовали православные храмы. Въ XII вѣкѣ значительная часть края входила въ составъ полоцкаго княжества, или владѣнія Новгородца и Пскова, которымъ и платила дань. Первый католическій проповѣдникъ, явившійся въ Ливонію въ концѣ XII вѣка, присланный бременскимъ епископомъ, августинскій монахъ Мейнгардъ, могъ водвориться въ краѣ и построить городъ Йвскую. лишь съ согласія князя полоцкаго. Нашествіе татаръ и ослабленіе Россіи остановили дальнѣйшее движеніе ея къ морю, упроченіе за нею прибалтійской окраины и объединеніе ее съ русской землей. Тѣ же обстоятельства, конечно, не позволили ей и вполнѣ отстоять это свое достоинство отъ нашествія и завоеванія его нѣмцами, не смотря на усилія князей полоцкихъ и новгородцевъ. За всѣмъ тѣмъ, ни князья, ни цари наши никогда не отрекались отъ правъ своихъ на этотъ край. Едва Россія начала оправляться послѣ сверженія татарскаго ига, какъ попытки къ восстановленію правъ этихъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ

въ нашей исторіи. Уже Иванъ III вынудилъ магистра ливонскаго ордена Плетенберга подписать договоръ, въ силу котораго епископъ дерптскій обязывался платить московскому царю ежегодную дань. Неуплата этой дани послужила для Ивана IV предлогомъ къ началу его знаменитой блистательнымъ началомъ и печальнымъ концомъ ливонской войны. Говоримъ—предлогомъ, потому что когда магистръ ордена Фюрстенбергъ, послѣ понесенныхъ имъ пораженій, сталъ просить мира, то Адашевъ, командовавшій нашими войсками, прямо потребовалъ не неуплаченной дани, а подданства всей Ливоніи, «какъ страны, искони составлявшей часть русской земли» («Русская Исторія» Устрялова, т. I, стр. 238); да и самъ Иванъ Грозный, на заявленное въ пользу ордена посредничества папы, германскаго императора, королей датскаго, польскаго и шведскаго, отвѣчалъ, что ливонцы суть древніе дачники Россіи и что онъ казнитъ ихъ за невѣрность и многія ихъ провинности (тамъ же). Пережѣна въ характеръ Ивана Грознаго испортила блистательно начатое Адашевымъ, Курбскимъ и др. завоеваніе Ливоніи и отсрочило надолго возвращеніе этого края Россіи; но тѣмъ не менѣе имѣло послѣдствіемъ паденіе меченоснаго ливонскаго ордена и раздѣленіе владѣній его между Польшею, Швеціей и Даніей, причемъ бывшій магистръ ордена удержалъ за собою только Курляндію и Семигалию, образовавшихъ особое, васальное отъ Польши, герцогство Курляндское. Вторая половина царствованія Ивана IV, царствованіе сына его Федора и наступившее затѣмъ смутное время и царствованіе перваго Романова, являются въ нашей исторіи не такими временами, когда Россія могла бы думать о восстановленіи правъ своихъ на балтійское побережье. Но едва Россія успѣла отдохнуть отъ пережитыхъ ею бѣдъ, какъ второй Романовъ, царь Алексѣй, хотя и подъ предлогомъ немощи Польшѣ въ войнѣ ея со шведами, снова завоевываетъ значительную часть Ливоніи, въ которой одна Рига оставалась еще въ рукахъ шведовъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ владѣнія завоеваннымъ краемъ, новая война съ Польшею, требуя сосредоточенія противъ нея всѣхъ нашихъ силъ, вынудили царя заключить со шведами миръ въ Кордисѣ (1661 г.) и возвратить имъ завоеванную часть Лифляндіи. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ Россіи не удалось воссоединить съ собою свое древнее достояніе, и только Петру Великому удалось совершить это дѣло, сперва завоевавъ Прибалтійскій край силою оружія, а потомъ закрѣпивъ его нинштадтскимъ миромъ, чрезъ 60 лѣтъ послѣ кордисскаго мира.

Дѣло присоединенія къ Россіи эсто-латышскаго края мѣстные нѣмцы обыкновенно стараются представить въ такомъ видѣ, какъ будто они сами «отвалились» отъ Швеціи и присоединились по соб-

ственному соизволенію къ Россіи, на особыхъ, яко-бы, безконечно обязательныхъ для нея условіяхъ вѣчнаго сохраненія за ними ихъ правъ и привилегій въ краѣ, безъ чего, яко-бы, это присоединіе не могло и состояться. Очевидно, что въ этой дѣлѣ столько же наглости, сколько и безсмислія. Край принадлежалъ Швеціи и былъ завоеванъ Петромъ. Оба правительства при переговорахъ о мирѣ могли распоряжаться имъ, не спрашивая мнѣнія мѣстныхъ бароновъ и бюргеровъ, и Швеція не имѣла притомъ въ этомъ случаѣ никакого интереса особенно заботиться и отстаивать права этихъ послѣднихъ, если-бы русское правительство не пожелало признавать этихъ правъ. Для Швеціи, во время переговоровъ, были вопросы болѣе непосредственные, близкіе и важные, которые она, конечно, предпочла бы отстаивать, если бы могла. Слѣдовательно, признаніе правъ остзейскихъ нѣмцевъ было дѣломъ чисто доброй воли Петра Великаго. Признаніе это было допущено имъ по капитуляціямъ при сдачѣ Риги и нѣкоторыхъ другихъ городовъ и было допущено не потому, чтобы онъ не могъ заставить ихъ сдаваться безусловно, но: во первыхъ, для ускоренія дѣла и для избѣжанія лишнихъ потерь, которыя повлекли бы штурмы или болѣе продолжительныя осады; а во вторыхъ, изъ разумнаго расчета, расположить къ себѣ вліятельный классъ населенія во вновь завоеванномъ краѣ, который онъ думалъ окончательно удержать въ своемъ владѣніи. Онъ тѣмъ охотнѣе соглашался на это, что существовавшія мѣстныя учрежденія, сохраненіе которыхъ онъ обезпечивалъ капитуляціями, были въ то время все-таки лучше тѣхъ, которыя существовали въ Россіи, и ближе къ тѣмъ европейскимъ учрежденіямъ, которыя онъ принималъ для себя за образцы при совершаемыхъ имъ въ Россіи преобразованіяхъ. Уступка эта, съ свойственною ему мудрою предусмотрительностью, дѣлалась, однако, лишь условно. Въ капитуляціяхъ своихъ онъ гарантировалъ права и привилегіи остзейскихъ нѣмцевъ и существующіе въ краѣ порядки и учрежденія лишь настолько, насколько онѣ не противорѣчатъ интересамъ Россіи, «елико оныя нынѣшнему правительству и времени приличаются». Вотъ именно подлинныя выраженія этихъ грамотъ:

«Insonderheit das Privilegium Sigismundi Augusti datirt zu Wilda anno 1561, Statuten, Ritterrechte, Immunitäten, Gerechtigkeiten, Freiheiten, so weit sie derselben auf jetzige Herrschaft und zu Zeiten applizieren lassen, vor Uns und Unsere rechtmässige Successoren hiemit und Kraft dieses gnädigst konfirmiren und bestätigen...»

то есть: «А особливо привилегію, Сигизмундомъ-Августомъ данную въ Вильдѣ 1561 года, статуты, рыцарскія права и вольности, елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются,

за насъ и за нашихъ законныхъ наслѣдниковъ симъ и силою сего милостивѣйше подтверждаемъ и укрѣпляемъ».

Этого мало. Въ той же грамотѣ, Петръ Великій именно оговорилъ: «однакожь, наше и нашихъ государствъ высочества и права (doch Uns und Unserer Reiche Hoheit und Recht) должны всѣмъ и каждому (alle und Jede) соблюдаться и почитаться безъ предосужденія и вреда» (Nachtheil und prejudice).

Вотъ, слѣдовательно, тѣ, очевидно, лишь условныя основанія, на которыхъ допущено грамотами сохраненіе «правъ и привилегій нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ», на неизбѣмость и непривосновенность которыхъ они претендуютъ яко-бы на основаніи этихъ самыхъ грамотъ.

При отсутствіи такимъ образомъ юридическаго права на безконечное господство нѣмецкаго меньшинства надъ громаднымъ большинствомъ кореннаго населенія Прибалтійскаго края, оправдывается ли такое господство по крайней мѣрѣ хоть нравственнымъ правомъ, приобрѣтеннымъ путемъ благодѣяній, которыя помянутое меньшинство, претендующее на высшую культуру, оказало туземному населенію хорошимъ и справедливымъ управленіемъ и развитіемъ его благосостоянія, какъ претендуютъ на это остзейскіе нѣмцы наши? И времени, и средствъ было для этого довольно, втеченіи болѣе чѣмъ пяти столѣтій безвозбраннаго пользованія этимъ господствомъ. Насколько нѣмецкіе культуртрегеры успѣли за все это время примирить культуруемыхъ имъ эстовъ, латышей и курановъ съ своимъ господствомъ и преобладаніемъ? Отвѣтомъ на это можетъ служить тотъ, существующій и въ наше время фактъ, что въ языкѣ латышей слово нѣмецъ служитъ однимъ изъ самыхъ неслестныхъ названій для того, кого обзовутъ имъ; точно также какъ и у эстовъ слово «Saksad», названіе, которое они даютъ мѣстнымъ нѣмцамъ. Подобнаго рода народное возрѣніе, понятно, не устанавливается безъ причины. Дѣйствительно, мы не будемъ говорить о тѣхъ звѣрствахъ, которыми сопровождалось завоеваніе и поработеніе края пришлыми нѣмцами и обращеніе мѣстнаго населенія въ христіанство, о томъ суровомъ рабствѣ, въ которомъ завоеватели держали его втеченіи первыхъ столѣтій послѣ завоеванія. Эти звѣрства, этотъ гнетъ, которые конечно оставили глубокіе слѣды въ памяти народа, все это было продуктомъ духа времени, тогдашняго состоянія цивилизаціи, и представляетъ собою явленіе общее въ Европѣ. Съ теченіемъ времени, суровыя формы этого явленія и вообще отношенія среди европейскіхъ народовъ элемента завоевателей къ элементу кореннаго населенія, высшихъ классовъ къ низшимъ, постепенно смягчались повсюду съ развитіемъ цивилизаціи и гуманизма, съ паденіемъ кулачнаго права, съ признаніемъ чело-вѣческихъ и гражданскихъ правъ за низшими сословіями народа.

Претендуя на постоянно одинаковый уровень цивилизации съ наиболѣе культурными народами Европы, нѣмцы Прибалтійскаго края не пошли однако за ними въ этомъ послѣднемъ отношеніи, до признанія гражданской равноправности съ собою кореннаго населенія. Они дали ему личную свободу; но мы видѣли, что это была лишь спекуляція, совершенная исключительно въ собственныхъ интересахъ и поставившая населеніе еще въ болшую экономическую отъ нихъ зависимость, сохранивъ притомъ забытыя уже въ Европѣ феодальныя права и средневѣковыя корпоративныя учрежденія, устраняющія мѣстное туземное населеніе отъ всякаго участія и вліянія на ходъ дѣлъ въ краѣ.

При порядкахъ, существовавшихъ въ до-реформенной Россіи, и нѣмецкіе порядки въ Прибалтійскомъ краѣ могли быть нѣкоторымъ образомъ терпимы, тѣмъ болѣе, что, пользуясь громаднымъ вліяніемъ, которое нѣмцы, со смертію Петра Великаго и за исключеніемъ можетъ быть, и то лишь до извѣстной степени, царствованія Екатерины Великой, постоянно имѣли на внутреннюю политику Россіи, — они съ необыкновеннымъ искусствомъ и настойчивостью умѣли ихъ отстаивать, необыкновенно ловко устраняя и парализуя всякое вмѣшательство центральной власти въ дѣла Прибалтійскаго края, и поставивъ себѣ задачей возможное отчужденіе и обособленіе этого края отъ Россіи и сохраненіе въ неприкосновенности своихъ правъ и привилегій. Если русскій сановникъ, какъ-бы ни было высоко положеніе его въ краѣ, позволялъ себѣ дѣйствовать не въ этомъ направленіи, если онъ направлялъ свою дѣятельность въ пользу общегосударственныхъ интересовъ, или въ защиту интересовъ угнетеннаго кореннаго населенія края, — онъ возбуждалъ къ себѣ общую ненависть нѣмецкаго элемента, который, пользуясь своимъ вліяніемъ, какъ при дворѣ, такъ и при правительствѣ, всегда успѣвалъ удалить такого сановника, какъ это свидѣлствуютъ примѣры генераль-губернатора Головина и архіепископа Платона. Немудрено, слѣдовательно, что, по справедливому замѣчанію одной изъ нашихъ газетъ («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1880 г., № 147), «они все еще мечтаютъ о какомъ-то «балтійскомъ» фатерландѣ, «балтійской» «Zusammengehörigkeit» (выраженіе мѣстной либеральной печати); имъ все еще мерещится, что они вправѣ считать себя «избранниками» русскаго государства, имѣющими свои «балтійскіе» интересы, свои «балтійскіе» привилегіи, свои «балтійскіе» льготы, права и преимущества, что, конечно, не можетъ не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на участи всего остальнаго населенія края». Слушая и читая разглагольствованія нашихъ нѣмцевъ объ этой неприкосновенности ихъ правъ и привилегій, можно думать, что они утратили всякое сознаніе ея фиктивности

и искренно вѣрують въ нее сами, совершенно забывъ тѣ существенныя оговорки, которыми сопровождается въ царскихъ грамотахъ признаніе этихъ правъ и привилегій, которыя мы привели выше. Удивительна впрочемъ эта забывчивость не въ гѣмцахъ нашихъ, дѣйствительная ли она у нихъ или дѣланая, а въ томъ, что такая же забывчивость помянутыхъ оговорокъ проявлялась нерѣдко и въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться читая «Наши обрванны» Ю. Самарина.

Если господствующій въ Прибалтійскомъ краѣ нашемъ уродливый экономическій и социальный строй, какъ мы сказали выше, могъ быть терпимъ до нѣкоторой степени въ дореформенной Россіи, то казалось бы, что послѣ всѣхъ преобразованій минувшаго царствованія онъ, какъ вошій аномонизмъ, потерялъ всякое право на существованіе. Однако мы видимъ, что этотъ строй экономического и социального господства пришлаго меньшинства надъ безправнымъ громаднымъ большинствомъ кореннаго населенія, неуступающаго ему ни въ способностяхъ, а въ настоящее время, ни въ развитіи, благополучно пережилъ въ полной неприкосновенности всю эпоху преобразованій и въ той же неприкосновенности продолжаетъ процвѣтать и нынѣ, со всѣми прелестями помѣщичьяго самовластия, сословной администраціи и судовъ барщины и кулачнаго права. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ множества фактовъ, сообщаемыхъ по временамъ, какъ мѣстными латышскими и эстонскими, такъ и нашими газетами. Известно, напримѣръ, что положеніе 19 февраля 1861 года не было распространено на Прибалтійскій край, и разрѣшеніе земельного вопроса въ этомъ краѣ предоставлено было добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами. Дѣло однако не подвигалось и правительство, такъ сказать, чтобы дать ему нѣкоторый ходъ, обратило въ надѣль нѣкоторой части мѣстныхъ крестьянъ казенныя земли. Это обстоятельство, а еще болѣе послѣдовавшій во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ обязательный надѣль крестьянъ Привислянскаго края, которые также какъ въ Прибалтійскомъ краѣ освобождены были когда-то безъ земли, отразилось весьма благотворно на устойчивости поземельныхъ сдѣлокъ въ этомъ послѣднемъ краѣ. Такъ, по словамъ секретаря лифляндской ландрагской коллегіи, барона Ф. Мейндорфа, («Голось», № 320, 1880 года), до апрѣля 1870 года въ Лифляндіи, при помощи мѣстнаго дворянскаго кредитнаго общества, было продано крестьянамъ всего 1,755 земельныхъ участковъ, а къ апрѣлю 1880 г., т. е. втеченіи послѣднихъ 10 лѣтъ, число это возрасло до 11,438 участковъ; вообще же, въ настоящее время, число крестьянъ-собственникововъ своихъ усадебъ во всемъ Прибалтійскомъ краѣ составляетъ уже почти 50% («Голось», № 289, 1880 г.). Послѣ долговременнаго

и теперь еще далеко неисчезнушаго нерасположенія прибалтійскихъ помѣщиковъ къ надѣлу крестьянъ землею и это конечно можно назвать успѣхомъ; но надо замѣтить, что владѣніе усадьбой не обеспечиваетъ существованія крестьянина, а большинство собственниковъ владѣютъ именно лишь усадьбою, земли же подъ пашню по прежнему арендуютъ у помѣщиковъ. Переходъ земли отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ во многихъ случаяхъ также отличался нелишнимъ интереса своеобразіемъ, котораго нехитрому уму не выдумать во-вѣкъ. Не даромъ пословица говоритъ: «что нѣмецъ безъ штуки со стула не упадетъ». Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году, либавскій корреспондентъ «Голоса» (№ 342) сообщалъ, что «въ Курляндской губерніи нѣкоторые помѣщики, намѣреваясь на будущій годъ продать свои крестьянскіе дворы и, въ то же время, желая поставить будущихъ владѣльцевъ въ безвыходное положеніе, нынѣ приступили къ уничтоженію, посредствомъ срубки, засѣкъ, принадлежащихъ къ этимъ дворамъ. Засѣки эти были разведены арендаторами крестьянскихъ дворовъ, какъ для защиты полей, такъ и въ надеждѣ, по приобрѣтеніи ими покупкою дворовъ, имѣть необходимый лѣсной матеріалъ. Помѣщики рассчитываютъ, что при обезлѣсеніи крестьянскихъ дворовъ, владѣльцевъ ихъ легко держать въ своей зависимости. Нынѣ такая вырубка засѣкъ производится въ имѣніи Гавезенъ, близъ Либавы, съ такимъ прилежаніемъ, что даже рубятся находящіяся на поляхъ кустарники, и въ своромъ времени вся мѣстность обратится въ степь». Когда это извѣстіе появилось въ русской газетѣ, нѣмецкая прибалтійская печать подняла по обыновенію гвалтъ и, не стѣсняясь завѣдомою ложью для сокрытія милыхъ нѣмецкихъ порядковъ, гласно утверждала, что ничего подобнаго въ краѣ не бываетъ, что даже и въ названномъ мѣстѣ никогда этого не было. Эта наглая ложь заставила корреспондента уличить нѣмецкія газеты фактами, напечатавъ («Голосъ», № 358, 1880 г.), «что публичный торгъ для продажи крестьянскихъ лѣсныхъ засѣкъ происходилъ въ имѣніи Гавезенъ 11 ноября, а 20 ноября состоялась продажа кустарника, растущаго на землѣ тѣхъ же крестьянскихъ дворовъ. Проданы засѣки и кустарники слѣдующихъ крестьянскихъ дворовъ: Торе, Улле, Шунтера, Лагуде, Смиле, Лей-Дексне и Кальн-Дексне. Нѣкоторые изъ крестьянъ, напримѣръ, Смиле, приобрѣли отъ покупателей свой кустарникъ обратно. Прибавимъ, что описанный нами способъ практиковался почти во всей Курляндіи, кромѣ имѣнія барона Гана, который одинъ только продаетъ крестьянамъ ихъ дворы вмѣстѣ съ лѣсными участками. Отъ обезлѣсенія крестьянскихъ дворовъ помѣщики приобрѣтаютъ уже ту выгоду, что за дозволеніе собирать хворостъ въ своихъ дачахъ онъ можетъ заставить крестьянина нѣсколько дней отработать въ свою пользу». Еще болѣе курьезную шту-

ку сообщаютъ той же газетѣ (№ 30 сего года) изъ Фридрихштадта Курляндской губерніи. «Во многихъ волостяхъ Прибалтійскаго края помѣщики, продавая землю крестьянамъ, заставляли ихъ покупать и свой собственный домашній скотъ, на томъ основаніи, будто этотъ скотъ еще принадлежность помѣщика. Надо замѣтить, что латыши Курляндіи вышли изъ крѣпостной зависимости въ 1818 году; передъ тѣмъ, разумѣется, крестьяне, вмѣстѣ съ «инвентаремъ», т. е. домашнимъ скотомъ, принадлежали помѣщикамъ. Однако, только спустя 41 годъ, т. е. за нѣсколько лѣтъ передъ продажей усадебъ крестьянамъ, помѣщики начинаютъ заботиться объ опредѣленіи стоимости «инвентаря». Теперь возбуждается вопросъ: были ли помѣщики вправѣ отнять домашній скотъ у крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости еще за 40 лѣтъ передъ тѣмъ? Еслибы такое право въ Курляндіи существовало, то почему не воспользовались этимъ правомъ всѣ помѣщики? Извѣстно, что не мало бароновъ, продавая крестьянамъ усадьбы, не тронули крестьянскаго скота, считая его собственностью крестьянъ. Такъ, въ одномъ имѣніи, только въ 1859 году баронъ рѣшился воспользоваться, будто, своимъ правомъ и уговорилъ крестьянъ оцѣнить «инвентарь», каковой актъ и былъ составленъ пранескимъ сельскимъ судомъ. Когда же, послѣ, два крестьянина отказались покупать снова у помѣщика ихъ собственный скотъ, то баронъ выгналъ упорныхъ изъ усадебъ со всѣмъ скотомъ и, такимъ образомъ, самъ доказалъ, что скотъ дѣйствительно принадлежитъ не помѣщику, а крестьянамъ. Впрочемъ, это былъ хорошій урокъ для остальныхъ крестьянъ: они пикнуть не смѣли, не желая лишиться усадебъ. Спрашивается: почему же крестьяне согласились на составленіе такого протокола? Дѣло въ томъ, что помѣщикъ, призвавъ всѣхъ 18 хозяевъ на сельскій судъ, объяснилъ имъ, что оцѣнка «инвентаря» очень, молъ, цѣлесообразна для самихъ хозяевъ. Домохозяйка поняли только, что они обмануты, когда наступила продажа усадебъ. Прибавимъ еще, что протоколъ написанъ, вопреки закона, на нѣмецкомъ языкѣ и подписанъ крестами неграмотнаго старшины и судьи, незнающихъ, сверхъ того, ни слова по-нѣмецки».

Какъ вамъ нравится, читатель, этотъ прелестный способъ продавать людямъ ихъ собственность. На этомъ еще не истощаются курьезы, которыми сопровождалась въ Прибалтійскомъ крайѣ продажа земли помѣщиками крестьянамъ. Авторъ уже упомянутой нами статьи, вызвавшей одно- временно опроверженіе со стороны двухъ бароновъ, одного лифляндскаго, другого курляндскаго, приводитъ по-истинѣ изумительныя по своей курьезности условія, которыя вводятся въ крѣпостные акты по продажѣ крестьянамъ земли, въ родѣ слѣдующихъ: «Чтобы не уменьшалась доходность N. N-скаго имѣнія, покушникъ и его правопреемники ни-

когда не имѣютъ права отырывать и содержать въ усадьбѣ N. N. мельницы, корчмы, трактиры, питейныя заведенія, винокуренныя заводы, пивоварни, фабрики, торговыя заведенія и т. п.» Или: «Покупщику и его правопреемникамъ въ усадьбѣ запрещается на вѣчныя времена продажа или иной способъ отчужденія крупнаго песка и камней изъ предѣловъ усадьбы, подъ опасеніемъ уплаты владѣльцу N. N-скихъ имѣній двойной стоимости отчужденнаго матеріала». Или: «Продавщица оставляетъ за собою право собственности на растущія въ проданномъ участкѣ деревья, съ обязанностью уборки ихъ втеченіи восьми лѣтъ». Или: «Непотребленные на постройку камни, лежащіе въ предѣлахъ усадьбы на поверхности и въ нѣдрахъ земли, не продаются, а остаются собственностью продавца и его правопреемниковъ. Поэтому баронъ имѣетъ право взрывать, ломать и увозить эти камни во всякое время, безъ какаго-либо за то вознагражденія». Подобныя условія противорѣчатъ, не говоримъ уже, вообще здравому смыслу, но и прямому смыслу закона ст. 35 и 36 Положенія о выкупѣ; но баронамъ до этого повидимому нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, на случай, если-бы такое явное нарушеніе закона было впоследствии прерращено правительствомъ и право собственности крестьянъ восстановлено, баронъ съ мудрою предусмотрительностью ограждаетъ себя столь же незаконнымъ особымъ на этотъ предметъ условіемъ такого содержанія: «Если эти условія (т. е. разнаго рода ограниченія права собственности у крестьянъ) не могутъ держаться въ силу возможныхъ будущихъ узаконеній, то крестьяне-собственники усадебъ платятъ, по оцѣнкѣ суда, собственнику N. N-скаго имѣнія деньгами за тѣ привилегіи, которыя будутъ отняты у послѣдняго, а также за повинности, отъ которыхъ будутъ освобождены собственники усадебъ; и уже напередъ опредѣляется, что будетъ взиматься: 1) за право охоты 300 р.; 2) за право ловить рыбу 200 р., и 3) за право ломать камни 1,000 р., если сія права будутъ дарованы крестьянскимъ землямъ». Представьте себѣ удовольствіе и выгоду владѣть имѣніемъ, на которомъ вы не въ правѣ или, вѣрнѣе сказать, лишены права эксплуатировать въ свою пользу естественныя его произведенія или устраивать какія-либо промышленныя или торговыя заведенія, потому только, что онѣ могутъ конкурировать съ подобными заведеніями сосѣда и уменьшать ихъ доходность; а если власть восстановитъ ваша законныя права, то за это вы должны заплатить этому сосѣду 1,000 р.!. Но этого мало. Какъ вамъ нравятся, напримѣръ, еще два такихъ условія: «Проведеніе проселочныхъ дорогъ, полевыхъ и луговыхъ, пользование правомъ выгона, гдѣ таковой существуетъ или впредь окажется нужнымъ, не можетъ быть возбранено покупщикомъ или его наследникомъ, и они не имѣютъ права требовать за это какаго-либо вознагражденія. Нуж-

на ли таковая дорога, это зависит исключительно отъ усмотрѣнія N. N-скаго мызнаго правленія» (понимай, отъ помѣщика). Вы купили землю, но прежній владѣлецъ ее, помѣщикъ, имѣетъ право по собственному усмотрѣнію занять часть ея подъ дорогу или устроить на ней для себя выгонъ, не только безъ всякаго вознагражденія, но и не спрашивая даже вашего согласія или хоть мнѣнія. Мы взяли изъ помянутой статьи «Голоса», (№ 289 прошлаго года), лишь наиболѣе тяжкія изъ условій, которыми помѣщики Прибалтійскаго края документально обуславливаютъ продажу земель крестьянамъ,—только тѣ изъ нихъ, которыя бароны-оппоненты, въ возраженіяхъ своихъ на эту статью, обошли краснорѣчивымъ молчаніемъ; но мы не коснулись другихъ, достаточно своеобразныхъ условій, въ родѣ того, напримѣръ, что продавецъ удерживаетъ за собою на проданное имѣніе право общей собственности, до окончательнаго погашенія долга по купчей, и на основаніи этого права производить во всякое время ревизію по хозяйству усадьбы и, въ случаѣ какого-либо упущенія или ухудшенія, требуетъ немедленно назначенія ревизіи, сѣквестраціи и продажи съ аукціона. Эти условія бароны-оппоненты оправдываютъ тѣмъ, что такъ какъ покупка крестьянами земли совершается при помощи дворянскихъ кредитныхъ обществъ, съ постепеннымъ погашеніемъ долга и подъ гарантію помѣщика, то послѣдній, какъ лицо отвѣтственное, не можетъ быть лишень права наблюденія за тѣмъ, чтобы покупщикъ-крестьянинъ дурнымъ хозяйствомъ не обезцѣнилъ имѣніе, обезпечивающее лежащій на немъ долгъ. Относительно вышеприведеннаго нами условія, воспрещающаго покупщикамъ-крестьянамъ открывать на купленной ими землѣ мельницы, корчмы, трактиры, винокуренныя и всякія другіе заводы и фабрики,—гг. бароны, въ возраженіи своемъ, касаются лишь заведеній для продажи и приготовленія хмѣльныхъ напитковъ, оправдывая воспрещеніе устройства такихъ заведеній на крестьянскихъ земляхъ заботою о нравственности крестьянъ и ограниченія между ними пьянства. При этомъ оказывается, по ихъ мнѣнію, что если-бы это благотворное правило сдѣлали всеобщимъ въ государствѣ, то и въ другихъ губерніяхъ Россіи пьянство не достигло бы столь печальныхъ размѣровъ. Положимъ даже, что это и такъ, хотя пьянствовать можно въ кабакахъ, расположенныхъ на сосѣдней помѣщичьей землѣ, точно также какъ въ кабакахъ на крестьянской землѣ, а количество выпиваемаго въ Прибалтійскомъ краѣ вина и пива, пропорціонально населенію, едва-ли меньше чѣмъ въ остальной Россіи;—ну а мельницы-то и другія фабрики? Или ихъ запрещаютъ крестьянамъ устраивать тоже въ видахъ сохраненія ихъ нравственности? Что касается до обязательства крестьянъ, вносимаго въ контракты и вучія съ ними, содержать на свой счетъ дороги, каналы, мосты, дамбы, плузы и т. п. соору-

женія, причѣмъ назначеніе и распоряженіе этими работами находятся въ рукахъ помѣщиковъ и назначаемаго ими инспектора, содержимаго на счетъ крестьянъ, то это обязательство бароны-опоненты оправдываютъ тѣмъ, что сооруженіями этими пользуются вмѣстѣ съ помѣщиками и крестьяне. Вообще возраженія бароновъ посвящены не столько опроверженію приводимыхъ въ статьѣ «Голоса» фактовъ, большую часть которыхъ они проходятъ молчаніемъ, сколько славословіемъ благосостоянія крестьянъ Прибалтійскаго края, которымъ они обязаны яко-бы именно существующимъ въ немъ порядкамъ. Оправданіе же этихъ порядковъ сводится болѣе къ такому рода общимъ фразамъ: «Что касается прочихъ приведенныхъ въ статьѣ ограниченій права собственности на продаваемыя усадьбы, то многія изъ нихъ находятъ свое основаніе въ законѣ, недопускающемъ на крестьянскихъ земляхъ производства винокуренія, пивоваренія, продажи питей, охоты и проч. Другія, кажущіяся странными и стѣснительными, взяты отдѣльно, оправдываются въ связи съ прочими пунктами даннаго контракта и съ особенными мѣстными условіями.» («Голосъ», № 320, 1880 г.). Но вѣдь объ этихъ-то именно особенныхъ условіяхъ, составляющихъ анахронизмъ, уродливую аномальность въ общемъ строѣ Россіи, и идетъ рѣчь.

Мы видѣли, каковы эти условія относительно продажи земли и усадебъ крестьянамъ; относительно аренды онѣ еще тяжелѣе, и зависимость крестьянина-арендатора отъ помѣщика еще полнѣе и безусловнѣе. Но не въ однихъ земельныхъ отношеніяхъ, существующихъ въ Прибалтійскомъ краѣ, заключается гнетъ нѣмецкаго господства или, какъ выражается баронъ Вистромъ, особенности мѣстныхъ условій; даютъ себя чувствовать коренному населенію края и администрація, и судъ, и школа, и церковь; все это находится въ рукахъ нѣмцевъ, дружно поддерживающихъ другъ друга и отстаивающихъ *statu quo* своихъ средневѣковыхъ правъ и безправія туземцевъ, на всѣхъ этихъ поприщахъ, по всѣмъ отраслямъ народной жизни. При обилии фактическихъ доказательствъ только что сказаннаго нами, безпрестанно появляющихся, какъ въ мѣстныхъ эстонскихъ и латышскихъ, такъ въ русскихъ газетахъ, не дѣлая даже особаго выбора, укажемъ лишь на нѣсколько подобнаго рода фактовъ, которые беремъ на выдержку. Вотъ, напримѣръ, образцы существующихъ въ краѣ административныхъ и судебныхъ порядковъ, которые наши нѣмцы такъ упорно отстаиваютъ противъ судебной реформы. «Недавно волостной судъ Бауска, пишутъ изъ Москвы («Голосъ», № 54, 1881 г.), — сообщилъ крестьянину Я. Б., арендатору пасторскихъ земель латышскаго прихода, новый уговоръ на будущее 12-ти-лѣтіе, въ которомъ нашло себѣ мѣсто слѣдующее условіе: «Равнымъ образомъ, арендаторъ обязуется втеченіи всего договорнаго срока (т. е. 12-ти лѣтъ) ни

арендовать, ни покупать другой усадьбы, корчмы или заведенія безъ согласія пастората». По этому поводу крестьянинъ Я. Б. представилъ волостному суду письменное объясненіе, въ которомъ онъ, между прочимъ, указывалъ, что согласиться на условіе, по которому онъ не имѣлъ бы права втеченіи двѣнадцати лѣтъ ни арендовать, ни покупать другаго имущества безъ согласія управленія латышскаго пастората, значило бы для него, позволить временно пользующемуся пасторскими землями латышскаго прихода закабалить его въ имущественномъ отношеніи.—«Какъ это условіе согласно съ ученіемъ о христіанской любви, которую намъ проповѣдываютъ въ церкви, прибавилъ крестьянинъ,—говорить не мнѣ, но я убѣжденъ, что такое условіе не найдется ни въ одномъ арендномъ договорѣ во всей Россіи». Узнавъ о существованіи такого письменнаго объясненія въ волостномъ судѣ, пасторъ латышскаго прихода, г. З., позаботился о полученіи копіи съ него и, усмотрѣвъ почему-то въ означенномъ объясненіи крестьянина Б. обиду лично для себя, подалъ въ гауптманскій судъ г. Бауска жалобу на крестьянина Б., обвиняя его въ нанесеніи ему, пастору, личной обиды на письмѣ, т. е. приписывая ему, пастору, желаніе закрѣпостить крестьянина. По поводу этой жалобы пастора З., гауптманскій судъ призналъ крестьянина Б. виновнымъ въ нанесеніи пастору обиды и приговорилъ его къ аресту на три недѣли. На это рѣшеніе крестьянинъ Б. принесъ жалобу въ курляндское губернское правленіе. Но и губернское правленіе постановило, жалобу крестьянина Б. оставить безъ послѣдствій и приговоръ гауптманскаго суда Бауска утвердить». А вотъ извѣстіе изъ Дерпта («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1880 г., № 347). «Нѣкто Аддо Матто, крестьянинъ мызы Елистферъ, Дерптскаго уѣзда, былъ, безъ всякаго повода, согнанъ съ пожалованнаго ему графомъ Штапельбергомъ, нынѣ уже умершимъ, участка земли, который онъ обработывалъ 30 лѣтъ, построилъ на собственный счетъ усадьбу и т. д. Когда Матто протестовалъ противъ произвола, то арендаторъ мызы, г. Гиршфельдъ, собственноручно избилъ его, затѣмъ наказалъ жестоко розгами, разбилъ палкою голову и въ заключеніе заковалъ въ кандалы. Это было въ 1861 году. Съ тѣхъ поръ Матто подавалъ нѣсколько прошеній по разнымъ инстанціямъ, но, кромѣ разныхъ угрозъ и новыхъ обидъ (въ 1879 году, напримѣръ, сгорѣлъ домъ Матто отъ выстрѣла, сдѣланнаго тѣмъ же г. Гиршфельдомъ), Матто ничего не получилъ, хотя ему присуждены были еще въ 1878 г. возвращеніе земли и вознагражденіе убытковъ». А вотъ мѣстный способъ взысканія недоимокъ о которомъ сообщаютъ съ острова Эзеля. «Крестьянинъ оказался несостоятельнымъ уплатить лежавшіе на немъ налоги. Мѣстный помѣщикъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приходскій судья постановилъ продать съ аук-

ціоннаго торго недвижимое имущество крестьянина и выгнать его изъ построеннаго имъ же дома, поступиившаго теперь въ собственность помѣщика, какъ находившагося на помѣщичьей землѣ. Однако, и отъ продажи убогаго крестьянскаго имущества не выручилась сумма, достаточная для уплаты недоимокъ. Тогда крестьянину дается приказъ уплатить недоимку немедленно. Крестьянинъ не имѣетъ денегъ. И вотъ, судья-баронъ опредѣляетъ наказать крестьянина 30 ударами розогъ и взыскать съ него за розги 15 к. У крестьянина, однако, 15 к. не было. Строгій нѣмецъ рѣшилъ и за эту 15-ти-копѣчную недоимку наказать 30 ударами розогъ и дать недѣльный срокъ на уплату. Черезъ недѣлю, у крестьянина опять не оказалось денегъ, и опять онъ приговоренъ къ экзекуціи: 30 розогъ за неуплату въ срокъ недоимокъ и 30 розогъ за неимѣніе 15 к. за розги. Снова дается недѣльный срокъ съ предвареніемъ: что тогда, въ случаѣ неимѣнія денегъ, будетъ дано 120 розогъ. Хотя на этотъ разъ также у крестьянина не оказалось денегъ, но строгому судѣ не пришлось исполнить свое рѣшеніе: наканунѣ экзекуціи крестьянинъ повѣсился, оставивъ жену и двоихъ дѣтей безъ крова и куска хлѣба».

Извѣстно, что право охоты, по средневѣковой привилегіи въ Прибалтійскомъ краѣ, и понынѣ принадлежитъ исключительно помѣщикамъ. Крестьянину же, арендатору оныхъ собственниковъ, строго запрещено не только стрѣлять дичь хотя бы въ предѣлахъ своей усадьбы, но даже выходить съ ружьемъ за ворота своего двора. Вотъ оригинальный случай по этому поводу, о которомъ сообщено было въ «Голосѣ» (№ 113, 1881 г.) «Крестьянинъ О., Феллинскаго уѣзда, волости Т., имѣлъ у окраины мызнаго лѣса стогъ сѣна. Зимю, въ пору глубокихъ снѣговъ, на бѣду крестьянина, изъ мызнаго лѣса повадились ходить къ его стогу зайцы и здѣсь утолять свой голодъ крестьянскимъ сѣномъ. Что было дѣлать владѣльцу? Пострадать зайцовъ нѣсколькими выстрѣлами изъ ружья было, конечно, невозможно—оштрафуютъ; взять же дубину и охранять стогъ отъ длинноногихъ хищниковъ дни и ночи было некогда. Оставалось одно: предоставить стогъ на произволь судьбы. Зайцы, конечно, воспользовались этимъ какъ нельзя лучше и повели дѣло истребленія крестьянскаго сѣна такъ удачно, что отъ стога вскорѣ осталась лишь самая малость. Тогда потерпѣвшій крестьянинъ О. пригласилъ на мѣсто несчастія сельскаго старосту, попросилъ его опредѣлить стоимость похищеннаго и позаботиться объ удовлетвореніи. Староста посоветовалъ потерпѣвшему отправиться на мызу и потребовать удовлетворенія тамъ, такъ какъ всѣ зайцы принадлежатъ именно мызѣ. Слѣдуя данному совѣту, крестьянинъ на самомъ дѣлѣ обратился съ жалобою къ мызному управляющему, но получилъ такой отвѣтъ: «Я постоянно занятъ работами на мызѣ и

мнѣ положительно некогда наблюдать за истребленіемъ дичи! Венденскій корреспондентъ той же газеты (№ 43, 1881 г.) сообщаетъ о дѣятельности мѣстнаго ордунгсгерихта (уѣздное полицейское управленіе), обуреваемомъ неизомѣрною страстью въ наложенію и взысканію штрафовъ, разумѣется не съ бароновъ-комѣнчиковъ, а съ крестьянцоваго люда. Для достиженія этой цѣли имъ дѣлается масса распоряженій и постановленій, или вовео неисполнимыхъ, или неудобоисполнимыхъ въ деревнѣ, въ родѣ, напримѣръ, намордниковъ для пастушескихъ собакъ (какъ волки-то должны быть благодарны за такое мудрое распоряженіе). «Ордунгсгерихтеръ, говоритъ корреспондентъ, лично объѣзжалъ пастбища и деревни и штрафовалъ какъ собственниковъ собакъ, такъ и волостныхъ старшинъ. Съ нѣкоторыхъ волостей, какъ намъ сообщаютъ, онъ собралъ сличномъ 300 руб. Если прибавить сюда штрафы, налагаемые при ревизіи ордунгсгерихтеромъ дорогъ и проч., то надобно сознаться, что штрафныхъ денегъ собирается порядочная сумма. Объ этомъ можно, впрочемъ, судить по слѣдующему эпизоду. 25-го мая 1877 года, ордунгсгерихтеръ фон-Китеръ созвалъ по какому-то дѣлу волостныхъ старшинъ всего уѣзда и дѣлалъ опросъ: кто изъ нихъ имъ оштрафованъ? Оказалось, что изъ 117 только 16 нештрафованныхъ! Спрашивается, куда идутъ всѣ эти штрафныя деньги? Ордунгсгерихтъ долженъ, по закону, препроводить ихъ въ волостную кассу, но почему-то не дѣлаетъ этого. Онъ отказывается даже выдавать волостямъ квитанціи въ полученіи этихъ суммъ и обращается даже весьма безцеремонно съ волостными старшинами, требующими подобной квитанціи».

А вотъ нѣсколько обращеній школьныхъ порядковъ. По словамъ корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей» (№ 10, 1881 г.) съ дѣтьми школьниками въ Лифляндіи обращаются хуже, чѣмъ съ животными; ребятишекъ сбѣгутъ розгами до потери чувствъ и никто не подаетъ голоса въ ихъ защиту. Прибавимъ, съ своей стороны, что розги признаются вообще необходимою принадлежностью въ нѣмецкой педагогіи во всей Германіи. Въ подтвержденіе своихъ словъ упомянутый нами корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ слѣдующій фактъ, въ виду возмутительности котораго мы считаемъ необходимымъ привести его вполнѣ. «Въ одной эстляндской волости, близъ Дерпта, по прозванію Рихасъ, существуетъ приходъ Коера, въ которомъ имѣется школа для мальчиковъ и дѣвочекъ, а въ школѣ учитель—нѣкто нѣмецъ М. Б. Въ прошломъ году, у этого учителя пропала изъ шкафа какая-то вещь; учитель почему-то заподозрилъ въ кражѣ одного ученика, сына банщика, котораго, неизвѣстно по какимъ причинамъ, и прежде сильно не долюбивалъ; замѣтимъ кстати, что впослѣдствіи вещь отыскалась и мальчикъ оказался совершенно невиновнымъ. Но

до этого, учитель, притащивъ мальчика къ себѣ въ комнату и желая вынудить у упорнаго мнимаго вора сознание, сталъ сѣчь его розгами и сѣчь до того, что у несчастнаго начались судороги. Видя, что этотъ маневръ не достигаетъ желаемой цѣли и мальчикъ продолжаетъ упорствовать въ отрицаніи, педагогъ заперъ его въ отдѣльную каморку, объявивъ ему, что такая же экзекуція розгами будетъ производиться надъ нимъ ежедневно, въ опредѣленный часъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не укажетъ, гдѣ спрятана украденная имъ вещь. Такъ прошло нѣсколько дней, ребенокъ аккуратно былъ бичуемъ ежедневно, но сознанія не дѣлалъ. Какъ-то учитель этотъ былъ приглашенъ въ деревню въ гости; мальчикъ, воспользовавшись его отсутствіемъ, разбилъ окно и бросился бѣжать безъ оглядки, но на одномъ перекресткѣ очутился лицомъ къ лицу съ учителемъ, который кинулся преслѣдовать бѣглеца. Мальчику, однако, помогли его молодые ноги: весь захлывшись и въ испугѣ, добѣжалъ онъ до отповской избы и укрылся тамъ отъ нѣмецкаго педагога. Отецъ изувѣченнаго мальчика на другой же день отправился съ жалобою на учителя къ коераскому пастору, который убѣдилъ мужика бросить это дѣло, за что гарантировалъ ему на будущее время болѣе гуманное обращеніе учителя съ его сыномъ. Другой разъ, уставъ самъ наказывать дѣтей, тотъ же педагогъ приказалъ ученикамъ исполнять наказаніе надъ товарищемъ; но мальчики «взбунтовались» и не согласились на это. Тогда экзекуторъ распорядился позвать сельскаго старосту Тейнфельда со сторожами; дѣтямъ приказано было раздѣться до-нага и поочередно самимъ сѣчь другъ друга за оказанное ими учителю сопротивленіе. Приведенный разсказъ есть фактъ, за безусловную вѣрность котораго сообщившій его принимаетъ на себя полную отвѣтственность. Но это, добавляетъ корреспондентъ, не въ одной только коераской школѣ; почти сплошь практикуется то же самое и въ прочихъ эстонскихъ деревенскихъ школахъ». Подобный же случай сообщаетъ другой корреспондентъ той же газеты (1880 г., № 343) изъ мѣстечка Оппеваальни, Лифляндской губерніи, гдѣ, при недавней ревизіи волостными представителями мѣстной школы, надъ однимъ изъ учениковъ школы, 10-ти—12-лѣтнимъ мальчикомъ, на котораго учитель указалъ, какъ на слишкомъ рѣзваго и непослушнаго, ревизоры нашли нужнымъ произвести экзекуцію, именно дать ему 52 удара розгами. «Приговоръ этотъ собственноручно былъ приведенъ въ исполненіе волостнымъ старшиною. Бичуемый, подъ конецъ, потерялъ уже способность кричать и только судорожно вздрагивалъ подъ ударами». Не будемъ отрицать также, что случаи, подобные вышеприведеннымъ, и по взысканію недоимокъ, и по предмету жестокаго обращенія съ дѣтьми, невозможны и у насъ, въ Россіи; но они не признаются нормальными, не считаются терпимыми,

и возможны лишь пока остаются неизвѣстными, но и тамъ, гдѣ подобные случаи, подобные порядки у насъ еще возможны, возмущенное ими общественное мнѣніе желаетъ, просить, требуетъ скорѣйшаго прекращенія ихъ и замѣны лучшими; и это желаніе присуще не только непосредственно страдающему изъ-за нихъ простому народу, но подобные случаи и порядки возбуждаютъ еще бѣльшій протестъ всѣхъ маломальски порядочныхъ людей изъ другихъ классовъ, а если и есть еще у насъ такіе господа, которымъ этотъ режимъ по сердцу, то они воздерживаются по крайней мѣрѣ явно высказывать къ нимъ свое сочувствіе и отстаивать ихъ. Совершенно не то въ Прибалтійскомъ краѣ. Тяжесть такихъ порядковъ тамъ всецѣло падаетъ лишь на коренное населеніе края, составляющее громадное большинство, не касаясь ничтожнаго, сравнительно, меньшинства нѣмецкаго дворянства и нѣмецкаго бюргерства; и эта господствующая въ краѣ раса всѣми силами защищаетъ и отстаиваетъ подобнаго рода порядки, отражающіеся самымъ гнетущимъ образомъ на всѣхъ сторонахъ народной жизни, не исключая церкви и школы. Дѣйствительно, пасторъ въ Прибалтійскомъ краѣ не есть только духовное лицо. Это политическій дѣятель, отстаивающій всѣми силами и всѣми средствами нѣмецкое господство. Поэтому, природному латышу или эсту, какъ бы ни былъ онъ подготовленъ образованіемъ, трудно занять такую должность, и не только въ деревнѣ, гдѣ назначеніе пастора зависитъ отъ помѣщиковъ, но даже и въ городахъ. Такъ, напримѣръ, еще не такъ давно въ одномъ изъ лютеранскихъ приходовъ въ Ревелѣ, состоявшемъ почти исключительно изъ эстовъ, былъ пасторомъ эстонецъ Фрезе, очень любимый своими прихожанами; но небольшому числу прихожанъ нѣмцевъ, помощью интриги, удалось спихнуть его, предоставивъ выбрать ему преемника. Вотъ что сообщаетъ объ этихъ выборахъ корреспондентъ изъ Ревеля («Голосъ», № 23 сего года). «Приходъ, пользуясь предоставленнымъ ему закономъ правомъ избранія пастора, намѣтилъ лицо, которое давно уже успѣло заявить о себѣ со стороны безпристрастнаго отношенія къ нѣмецкой партіи, которое, рискуя своею репутаціей среди власти имущихъ здѣшнихъ культуртрегеровъ, рѣшалось нѣсколько разъ выступать въ защиту народа въ такой газетѣ, какъ «Сакала»! Услышавъ объ этомъ избраніи, нашъ магистратъ произнесъ свое рѣшительное «*veto*» такому неслыханному нахальству простой челяди, именуемой эстонскимъ народомъ! Магистратъ, не смотря на то, что не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ это дѣло, выставилъ своего кандидата. Для соблюденія же законной формы, безъ которой наши нѣмцы жить не могутъ, были пущены избирательные листы отдѣльно для каждаго кандидата. Но, не смотря на все стараніе магистратскихъ радѣтелей, на нихъ листѣ оказалось до 100 подписей, тогда какъ на приходскомъ

около 3,000, и то собранныхъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Это нисколько не смутило нашихъ ратсгеровъ; форма соблюдена, а тамъ говори, что хочешь. Дѣйствительно, когда въ магистратъ явились старики отъ прихода съ своимъ листомъ, то его не хотѣли даже принять и одинъ ратсгеръ отвѣтилъ имъ: «для Остзейскаго края ваши законы не имѣютъ никакого смысла; здѣсь только магистратъ имѣетъ право назначать пастора по своему усмотрѣнію»; а на заявленіе, что прихожане могутъ протестовать, ратсгеръ добавилъ: «вы посадите лучше ваши 3,000 человекъ съ ихъ женами и дѣтьми въ вагоны и поѣзжайте въ Петербургъ; мы въ васъ не нуждаемся». Такое безцеремонное отношеніе магистрата къ закону возмутило прихожанъ эстовъ и произвело между ними волненіе. Въ воскресенье, когда долженъ былъ окончательно рѣшиться вопросъ о назначеніи пастора, народъ, опасаясь, что ему навязжутъ нежелаемое имъ лицо, съ ранняго утра окружилъ кирку и, опасаясь, по словамъ корреспондента, чтобы избранный магистрата Асмуть не пробрался въ нее втихомолку, залилъ свинцомъ замокъ боковой двери; но и это не помогло. Асмуть явился въ сопровожденіи ратсгеровъ въ полной формѣ и полиціи, при помощи которой и водворился въ киркѣ. Народъ протестовалъ противъ этого насилія надъ закономъ и дѣло поступило въ генеральную консисторію, «которой, наивно заключаетъ корреспондентъ, предстоитъ рѣшать, имѣютъ ли русскіе законы значеніе для Прибалтійскаго края». Но Асмуть сидитъ на пасторскомъ мѣстѣ и до-нынѣ, и не удивительно—въ генеральной консисторіи засѣдаютъ тѣ же пасторы-нѣмцы.

Мы часто обвиняемъ въ поборахъ и вымогательствахъ нашихъ сельскихъ священниковъ; но что они значатъ въ сравненіи съ поборами, практикуемыми большинствомъ пасторовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, въ родѣ, на примѣръ, слѣдующаго образчика, въ альтъ-залискомъ приходѣ, Вольмарскаго уѣзда, Лифляндской губерніи. По словамъ мѣстной газеты, изъ которой заимствовала и одна изъ нашихъ газетъ, въ этомъ приходѣ въ пользу пастора ежегодно взимается съ cadaго двора по парѣ курницъ и по фунту льна. Хотя поборы эти никакимъ закономъ не опредѣлены, но, въ случаѣ, если бы кто нибудь изъ мѣстныхъ жителей не уплатилъ этой дани пастору, съ него взыскивается штрафъ за уклоненіе отъ исполненія повинности. Такъ, недавно, по опредѣленію вольмарскаго ордунгсгерихта, съ одного мелкаго землевладѣльца, непожелавшаго подчиниться требованію пастора, было взыскано пять рублей штрафа. А вотъ каковы доходы этого альтзалискаго пастора. Пасторату принадлежитъ видма, съ которой получается годовой арендной платы болѣе 1,000 р., пасторатъ владѣетъ шестью крестьянскими участками, доставляющими арендной платы болѣе 1,000 р., и лѣсомъ. За всякую требу, крещеніе, конфирмацію, брако-

сочетаніе, причащеніе, похороны пасторъ получаетъ плату, что приноситъ ему никакъ не менѣе 1,000 р. Такъ какъ въ приходѣ болѣе тысячи крестьянскихъ дворовъ, то пасторъ ежегодно получаетъ съ нихъ болѣе 2,000 куръ, 25 пудовъ льна и 340 четвертей хлѣба въ зернѣ. Въ общемъ же итогѣ пасторъ ежегодно получаетъ въ годъ болѣе 6,000 р., живя въ деревнѣ на всемъ готовомъ. Сравните эту жизнь сельскаго лютеранскаго пастора съ положеніемъ и обстановкою нашего православнаго сельскаго священника».

О школьномъ учителѣ и говорить нечего; и назначеніе, и смѣщеніе его совершенно зависятъ отъ помѣщика и пастора. Но истинный бичъ эстонца—это такъ называемый гагенрихтеръ. Избираемый дворянствомъ изъ своей же среды, завися только отъ него и совершенно независимый отъ губернской администраціи, онъ является всевластнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ судьбы сельскаго населенія и, такъ сказать, столпомъ, которымъ поддерживается въ край угнетающее господство нѣмецкаго элемента. Соединяя въ себѣ самыя разнообразныя функціи, говоритъ по этому поводу публицистъ одной изъ нашихъ газетъ («Голосъ», № 187 сего года), «будучи въ одно время и начальникомъ полиціи въ своемъ округѣ, и мировымъ судьей, и судебнымъ слѣдователемъ, гагенрихтеръ въ Эстляндіи сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ всю власть надъ крестьянскимъ населеніемъ во вѣренномъ ему округѣ. Можно себѣ представить, какая это страшная и во всѣ жизненныя отношенія крестьянства проникающая власть! Рядомъ съ нимъ въ округѣ не стоитъ никакой другой власти, которая могла бы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, его парализовать, сдерживать или, по крайней мѣрѣ, напоминать о своемъ существованіи. Можно жаловаться на него губернской администраціи; но, при наилучшихъ стремленіяхъ, она лишена возможности и средствъ вліять на дѣйствія гагенрихтерской власти, по самому закону неограниченной и совокупностью жизненныхъ условій поставленной внѣ всякаго контроля. Все что можетъ сдѣлать съ нимъ губернское начальство—предать его суду за противозаконныя дѣйствія; но судить его будутъ представители того же дворянства, въ составѣ эстляндскаго оберландгерихта, и если бы даже гагенрихтеръ засѣлъ крестьянина до смерти, то и такой грѣхъ, можетъ быть, ему сошелъ бы легко. По крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстны такіе случаи преданія гагенрихтеровъ суду, которые оканчивались бы для нихъ неприяностями». Законъ дозволяетъ гагенрихтеру присуживать крестьянъ къ тридцати ударамъ розгами; но кто станетъ считать число ударовъ, когда экзекуція происходитъ тутъ же, на мызѣ гагенрихтера, его же людьми. Понятно, слѣдовательно, какъ эти охранители дворянскихъ привилегій пользуются своею властью и могутъ злоупотреблять ею; понятенъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ страхъ, который пи-

таетъ къ нимъ народъ. Вотъ что, напримѣръ сообщаетъ по этому предмету одинъ мѣстный корреспондентъ («Голосъ», № 187 сего года), что впрочемъ мы имѣли не разъ случай наблюдать и сами. «Когда крестьянинъ издали завидитъ гагенрихтера, котораго легко отличить по фуражкѣ съ широкимъ краснымъ околышемъ и важному виду, и который нерѣдко ѣздитъ въ сопровожденіи полицейскаго сторожа, приставленнаго для сѣченія, то долженъ тотчасъ снять фуражку и положить ее подъ мышку, а возъ свой повернуть на край дороги. Къ этому побуждаютъ его бывшіе уже неоднократно прискорбные случаи. Зимой особенно страшно бываетъ встрѣчаться съ гагенрихтеромъ, потому что много рассказываютъ разныхъ исторій, какъ крестьянинъ, неимѣвшій возможности повернуть возъ, вслѣдствіе глубокаго снѣга, былъ на мѣстѣ избиваемъ гагенрихтеромъ или вызываемъ на судъ и расправу въ его имѣніе, гдѣ и подвергался тѣлесному наказанію. Если крестьянинъ, что случалось иногда въ послѣднее время, самъ отвѣчалъ пощечиной на побои, то исторія о его оборонѣ переходитъ въ народѣ изъ устъ въ уста, какъ сказаніе о какомъ нибудь геройскомъ подвигѣ».

Боясь утомить читателей, мы не станемъ дальнѣйшими фактами и примѣрами иллюстрировать прелесть господствующихъ въ Прибалтійскомъ краѣ порядковъ. Не будемъ говорить о тѣхъ весьма нерѣдкихъ дикихъ проявленіяхъ кулачнаго права, жертвами которыхъ сплошь и рядомъ являются русскіе, какъ это свидѣлствуютъ, между прочимъ, извѣстные случаи съ капитаномъ Жуковскимъ и студентомъ Абрамовымъ. Мы не коснемся на этотъ разъ и того недружелюбнаго, болѣе того, часто просто враждебнаго отношенія, которое встрѣчаетъ въ Прибалтійскомъ краѣ, со стороны мѣстныхъ нѣмцевъ, русскій человекъ, какъ лично, такъ и вообще относительно своего языка и религіи. Все это вещи давно извѣстныя, о которыхъ не разъ было писано у насъ и въ чемъ еще легче убѣдиться изъ того, что пишутъ нѣмецкіе публицисты Прибалтійскаго края и у себя дома, и за границей. Мы хотѣли только доказать и, думаемъ, доказали достаточно наглядно цѣлымъ рядомъ фактовъ, до какой степени анахронично и аномально настоящее положеніе вещей въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ въ юридическомъ, такъ и въ социальномъ и экономическомъ отношеніяхъ; до какой степени несправедливо и противно и духу времени, и духу нашего общегосударственнаго строя это гнетущее, безобразное господство ничтожнаго меньшинства въ средѣ населенія края надъ громаднымъ большинствомъ его, во имя какихъ-то средневѣковыхъ правъ и привилегій, не имѣющихъ за собою въ настоящее время не только юридическаго смысла, но даже и исторической правды. Мы понимаемъ, что прибалтійскіе нѣмцы могутъ съ

упорствомъ отстаивать такой безобразный, но выгодный для нихъ порядокъ вещей, гарантирующій имъ господствующее и привилегированное въ край положеніе, отбиваясь всѣми правдами и неправдами, всѣми прямыми и косвенными путями отъ всѣхъ созданныхъ минувшемъ царствованіемъ общерусскихъ преобразованій, которыя должны были упразднить такое ненормальное положеніе, прекратить эту несправедливость въ отношеніяхъ меньшинства къ большинству населенія края и водворить въ немъ не фактивную, а дѣйствительную гражданскую равноправность всѣхъ граждан независимо отъ происхожденія и народности. Все это, повторяемъ, понятно, какъ общен историческое явленіе, присущее всякому привилегированному положенію. Но мы не понимаемъ той терпимости, того, скажемъ болѣе, попустительства со стороны государства, съ которымъ оно относилось до сихъ поръ къ противодѣйствію нѣмецкаго меньшинства своимъ общепрограммнымъ стремленіямъ, къ его притязаніямъ на исключительное положеніе не только въ Прибалтійскомъ край, но и въ цѣлой Россіи, къ его нескриваемымъ стремленіямъ къ обособленію отъ нея, къ его постояннымъ стараніямъ устраниваться отъ всякой общегосударственной мѣры, затормозить ея примѣненіе къ нему и, въ крайнемъ случаѣ, хоть извратить ея характеръ въ духѣ своихъ исключительныхъ интересовъ. Стоитъ, напримѣръ, вспомнить только, что чуть не половина минувшаго царствованія прошла въ тщетныхъ стремленіяхъ и попыткахъ правительства распространить благодѣаніе судебной реформы и на населеніе Прибалтійскаго края. Болѣе года тому назадъ, именно 4-го іюня прошлаго года, была, наконецъ, объявлена Высочайшая воля о введеніи въ этотъ край хоть мирового судебного института, имѣющаго совершиться въ самомъ непродолжительномъ времени, а именно въ началѣ настоящаго года. Но вотъ прошла уже половина этого года, а рѣчь объ осуществленіи высочайшей воли покойнаго государя замолкла и дѣло затормазилось снова. Вопросъ объ этой реформѣ разсматривался многіе годы множествомъ всяческихъ комисій и на мѣстѣ, и въ Петербургѣ. Объявленіе Высочайшей воли, понятно, послѣдовало тогда уже, когда все, относящееся до этого вопроса было обсуждено, взвѣшено, порѣшено. Оставалось слѣдовательно повидимому осуществить дѣло. Не тутъ-то и было. Въ сентябрѣ прошлаго года, слѣдовательно, послѣ уже объявленія о предстоящемъ въ началѣ 1881 года введеніи въ Прибалтійскомъ край мировыхъ судебныхъ учреждений, въ рижской газетѣ «Zeit fur stadt und Land» было напечатано: «Предстоящее въ будущемъ году введеніе въ Лифляндіи мировыхъ учреждений подало поводъ дворянскому конвенту для назначенія комисіи, которая должна выработать проектъ обусловливаемаго такою реформою преобразованія сущности и компетентности крестьян-

скихъ судовъ и административныхъ властей. Грудь этой комисіи будетъ представленъ ландтагу и, по постановленіи имъ рѣшенія, пойдетъ по дальнѣйшему пути законодательства». А кому неизвѣстно, какъ медленно совершается у насъ этотъ путь. Создается такимъ образомъ новая оттяжка, новая проволочка, и царствію этихъ проволочекъ, повидимому, не будетъ конца. Мы не говоримъ уже о томъ, что чуть не тотчасъ вслѣдъ за объявленіемъ о предстоящемъ въ близкомъ будущемъ введеніи въ край мировой юстиціи, мѣстные нѣмцы начали принимать мѣры, чтобы исказить ее и придать ей особый, подходящий къ ихъ исключительнымъ интересамъ, характеръ. Такъ, напримѣръ, съ цѣлью не допустить въ составъ мѣстной адвокатуры, находящейся нынѣ при существующихъ въ край судахъ всецѣло въ рукахъ нѣмцевъ, лицъ изъ другихъ мѣстныхъ народностей, лифляндскій гофгерихтъ, въ силу предоставленной ему провинціальными правами власти, заранѣе воспретилъ уже кому бы то ни было заниматься въ Ригѣ адвокатурою, на томъ яко-бы основаніи, что, по мнѣнію гофгерихта, наличнаго въ настоящее время въ Ригѣ числа адвокатовъ вполне достаточно для всѣхъ судовъ.

Нетрудно понять, какъ вышеупомянутая терпимость, попустительство и какое-то конфетничанье государства по отношенію къ нашимъ прибалтійскимъ нѣмцамъ, въ ущербъ остальному населенію края и достоинству самого государства, должно поощрять противодействие ихъ, укрѣплять и развивать ихъ притязательность и укоренять въ нихъ увѣренность въ неприкосновенности ихъ въ сущности фиктивныхъ правъ и привилегій на исключительное положеніе въ Россіи ихъ обветшалаго корпоративнаго строя. Пора, наконецъ, во имя справедливости, отказаться отъ этой терпимости! Пора прекратить это попустительство господства 200,000 нѣмцевъ надъ 2.000,000 кореннаго населенія Прибалтійскаго края!

Мы уже сказали выше, что всякій разъ, когда въ русской печати подымается голосъ за фактическую равноправность всѣхъ народонаселеній въ упомянутомъ край, мѣстные нѣмцы подымаютъ ожесточенные крики и вопли, обвиняя русскую печать въ возбужденіи яко-бы племенной вражды, въ подстрекательствѣ низшихъ классовъ противъ высшихъ, въ клеветаніи яко бы ихъ, лѣгальныхъ нѣмцевъ, въ совершенно чуждыхъ имъ сепаратистскихъ стремленіяхъ и т. п. преступленіяхъ, и ратуя противъ русской печати, не только гласнымъ путемъ, но всякими негласными путями, при посредствѣ связей и вліянія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Въ предвидѣніи подобнаго похода мы заранѣе оговариваемся, что не питаемъ никакой вражды къ нашимъ прибалтійскимъ согражданамъ нѣмецкой національности — собственно за эту національ-

ность, но ругаемъ лишь противъ ихъ несправедливаго и притѣснительнаго господства надъ другими національностями края. Мы не обвиняемъ ихъ въ стремленіи къ политическому отложенію, не смотря даже на Века и другихъ публицистовъ ихъ, того же пошиба. Не обвиняемъ мы нашихъ прибалтійскихъ нѣмцевъ въ сепаратистскихъ стремленіяхъ потому уже, что знаемъ ихъ за людей крайне разумно-разсчетливыхъ, которые въ этомъ качествѣ хорошо понимаютъ, что отъ добра—добра не ищутъ, что и въ нѣмецкомъ фатерландѣ, не исключая даже закорумно-феодалнаго Мекленбурга, не потерпятъ въ настоящее время и не оставятъ за ними того привилегированнаго положенія, которымъ они пользуются въ Россіи, и обратятся они тамъ въ простыхъ, заурядныхъ нѣмцевъ. Куда же имъ идти отъ Россіи? Гдѣ имъ будетъ лучше и теплѣе, чѣмъ въ той же нѣмцолубивой Россіи? Отдаемъ полную справедливость заслугамъ многихъ изъ нашихъ нѣмцевъ на поприщѣ государственной службы; не отрицаемъ и пресловутой ихъ лойяльности, которою они постоянно тычутъ намъ въ носъ, какъ будто какой-то исключительно нѣмецкою диковиною, но думаемъ, что эта лойяльность вещь обязательная для всякаго гражданина и вѣрноподданнаго, наглядное отсутствіе которой притомъ предусмотрѣно извѣстными статьями уголовного кодекса, не говоря о томъ, что Россія всегда щедро оплачивала имъ эту лойяльность. Прибавимъ къ этому, что мы далеко не сторонники насильственнаго обрусенія, точно также какъ и нивелировки подъ одинъ шаблонъ, признавая послѣднее какъ дѣло неразумное и нерациональное въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія. Мы стоимъ лишь за то, что никакое племя, никакая народность, разъ онѣ вошли въ составъ гражданъ Россіи, не можетъ и не должна быть поставлена въ правовомъ подчиненіи отъ другой народности, какъ это мы видимъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы признаемъ право на существованіе языка каждой отдѣльной народности въ Россіи, но и надъ всѣми господствующее право обще-государственнаго языка, какъ это практикуется во всѣхъ государствахъ Европы, вслѣдствіе чего такіа пререканія о языкѣ, какія возбуждаются въ Прибалтійскомъ краѣ со стороны мѣстныхъ нѣмцевъ, мы признаемъ наглými, глухими и умышленно вызывательными по отношенію къ Россіи, и не признаемъ за нѣмецкимъ языкомъ право быть языкомъ школы, церкви и суда для латышей и эстовъ. Несправедливое и притѣснительное господство нѣмецкаго меньшинства въ Прибалтійскомъ краѣ надъ большинствомъ кореннаго населенія поддерживается въ настоящее время земельными отношеніями и вседѣло захваченными нѣмцами устарѣлымъ судомъ и невозможною администраціею. Мы желаемъ, чтобы правительство ускорило въ краѣ разрѣшеніе земельного вопроса, оградивъ народъ отъ нарушенія тѣхъ элементарныхъ понятій о правѣ собственности при совершеніи кон-

трактовъ и купчихъ, обращеніи которыхъ мы привели выше. Мы желаемъ, чтобы крестьянамъ Прибалтійскаго края даровано было дѣйствительное самоуправленіе внѣ всякой зависимости, вліянія и вѣдѣнства бароновъ-помѣщиковъ, между прочимъ и путемъ вотчинной и гавенрихтской полиціи. Мы желаемъ, чтобы вѣдѣніе земскими дѣлами изъ исключительно дворянскаго сдѣлалось всеобщимъ. Мы желаемъ, наконецъ, упраздненія въ Прибалтійскомъ краѣ магистратовъ, гильдій и т. п. средневѣковыхъ учрежденій и замѣны обветшалыхъ мѣстныхъ судовъ судомъ новымъ, правымъ и милостивымъ, равнымъ для всѣхъ гражданъ. Однимъ словомъ, мы желаемъ для Прибалтійскаго края нашего, того же, чего желали и желаемъ для всей горячо любимой нами Россіи, и если это не нравится мѣстнымъ вѣздамъ, то это уже ихъ вина, а не наша.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Поддѣла бѣлыхъ винъ глицериномъ ¹⁾. Къ числу всевозможныхъ фальсификацій, практикуемыхъ въ громадныхъ размѣрахъ и совершенно безнаказанно фабрикаціей винъ, въ послѣднее время прибавилась еще одна, заслуживающая особеннаго вниманія по своему противогигіеническому характеру. Донинѣ обыкновенно предполагалось, что бѣлыя вина, какъ недопускающія искусственной окраски, отличаются наименьшею поддѣлкою. Однако новѣйшія изслѣдованія не подтверждаютъ такого предположенія. Напротивъ, онѣ обнаруживаютъ такого рода фальсификацію, которая грозитъ превратить полезный напитокъ въ настоящую отраву.

Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій общества медицины и хирургіи въ Бордо, фармацевтъ-химикъ Карль (Carles) обратилъ вниманіе членовъ общества на поддѣлку обыкновенныхъ бѣлыхъ винъ глицериномъ, съ цѣлю придать имъ болѣе пріятный вкусъ (глицеринъ сообщаетъ вину особенную мягкость). Въ этой поддѣлкѣ обращаетъ на себя вниманіе несоразмѣрно большой процентъ поддѣлки названнаго чистотворнаго вещества. Произведенный упомянутымъ фармацевтомъ-химикомъ анализъ бѣлыхъ винъ, доставленныхъ однимъ торговцемъ въ Бордо, показываетъ, что на каждый литръ ¹⁾ вина приходится 109 граммовъ глицерина; тогда какъ по изслѣдованіямъ Пастѣра хотя въ натуральныхъ винахъ и содержится, въ свою очередь, глицеринъ, но количество послѣдняго никогда не превышаетъ 8 граммовъ на одинъ

---

¹⁾ «La Nature», № 395. 1881.

¹⁾ Литръ = $\frac{2}{3}$ кружки.

литръ вина: въ старыхъ бордоскихъ винахъ высшаго достоинства на каждый литръ приходится 7 граммовъ 41 сантиграммъ глицерина; обыкновенное бордоское вино на то же количество содержитъ 6 граммовъ 97 сантиграммовъ глицерина; старое бордоское хорошаго качества—7 грам. 34 сантигр.; старое вино d'Arbois—6 грам. 75 сантигр.

Сопоставляя эти цифры съ предыдущими, оказывается, что на одинъ литръ поддѣланнаго вина содержится лишней подмѣси глицерина по крайней мѣрѣ сто граммовъ. Въ виду этого невольно рождается вопросъ: не можетъ ли введеніе въ организмъ глицерина въ такихъ несоразмѣрно громадныхъ количествахъ служить отравою для здоровья? Вопросъ, обращающій на себя вниманіе, въ особенности въ виду работъ французскихъ ученыхъ Дюжарденъ-Бомэ и Одиже. Испытывая свойства глицерина на собакѣ, ученые эти нащли, что введеніе этого вещества подъ кожу собаки въ количествѣ β — 10 граммовъ на одинъ килограммъ по вѣсу животнаго оказывается совершенно достаточнымъ, чтобы втеченіи сутокъ вызвать всѣ признаки отравленія, напоминающаго признаки отравленія отъ своротечнаго (остраго) алкоголизма, и потому названнаго скоротечнымъ (острымъ) глицеризмомъ. Исслѣдованія знаменитаго французскаго химика Вертло, въ свою очередь, подтверждаютъ указанную аналогію относительно ядовитыхъ свойствъ глицерина и алкоголя. Теперь спрашивается, можетъ ли отнестись къ числу безвредныхъ напитковъ, содержащій на каждый литръ сто граммовъ глицерина, когда, сравнительно, много меньшая доза его оказывается достаточною, чтобы вызвать всѣ признаки отравленія? Вотъ почему, полагаемъ, было бы весьма не бесполезно, если-бы наши химики-техники обратили должное вниманіе на изложенные здѣсь факты и, въ свою очередь, подвергли бы тщательному анализу доставляемыя къ намъ изъ Франціи бѣлыя вина. Если на мѣстѣ фальсификаціи достигается такихъ колоссальныхъ размѣровъ, то можно себѣ представить, какія вина отпращиваются оттуда къ намъ. Глотать глицеринъ вмѣсто вина, вводить въ организмъ отраву и платить за то французамъ деньги—по меньшей мѣрѣ неблагоприятно...

Новыя исслѣдованія Пастера ¹⁾. Мы не разъ уже имѣли случай указывать въ нашихъ «научныхъ новостяхъ» на замѣчательныя работы Пастера по вопросу о возможности и способахъ прививанія чумнаго яда къ домашнимъ животнымъ, съ цѣлью предохранить скотъ отъ повальной заразы. Эти работы, начатыя сравнительно еще недавно,

¹⁾ «Revue Scientifique», № 1, juillet, 1881, p. 1.

дали уже массу блестящихъ результатовъ и общають въ недалекомъ будущемъ окончательно совладать съ одной изъ труднѣйшихъ задачъ. Число фактовъ, говорящихъ въ пользу такого предположенія и совершенно точно уже констатированныхъ въ послѣднее время, обогатилось еще новымъ рядомъ не менѣ замѣчательныхъ изслѣдованій все того же неумолимаго Пастера.

Ровно годъ назадъ, извѣстный тулузскій ветеринаръ Туссенъ сдѣлалъ замѣчательное открытiе, именно, онъ нашелъ, что чумный ядъ, нагрѣтый до 45° и затѣмъ привитый въ животнымъ, не только не заражаетъ ихъ, а напротивъ, застраховываетъ отъ заразы. Нынѣ Пастеръ сообщилъ въ парижскую академiю наукъ и медицинскую академiю о результатѣ своихъ новыхъ изслѣдованiй, вполне подтверждающихъ открытiе Туссена. По изслѣдованiямъ французскаго химика, достаточно привить животнымъ самое незначительное количество слабаго, разведеннаго чумнаго яда, чтобы совершенно предохранить ихъ отъ зараженiя. Опыты производились на фермѣ Pouilly-le-Fort, близъ Melun'a. 5 мая настоящаго года было сдѣлано прививанiе 24 овцамъ, 1 козѣ и 6 коровамъ; причеиъ каждому изъ этихъ животныхъ вприснуто было по 5 капель слабаго, разведеннаго чумнаго яда. Спустя двѣнадцать дней, именно 17 мая, прививанiе вновь было повторено, причеиъ на этотъ разъ употребленъ болѣе сильный ядъ, хотя все еще разведенный. Затѣмъ, 31 мая, всѣ вассинированныя такимъ образомъ животныя были подвергнуты черезъ отравленiе дѣйствию сильнаго, неразведеннаго чумнаго яда; вмѣстѣ съ этими животными такому же дѣйствию чумнаго яда подверглись еще 24 овцы, 1 коза и 4 коровы невассинированныхъ. И что же оказалось: спустя двое сутокъ, всѣ животныя, которымъ былъ привитъ чумный ядъ, оставались совершенно бодрыми, не обнаруживая ни малѣйшаго признака отравленiя, тогда какъ изъ числа другихъ 29 невассинированныхъ животныхъ 24 овцы и коза погибли; что же касается коровъ, то хотя онѣ и остались въ живыхъ, но были очень больны и обнаружили всѣ признаки отравленiя чумнымъ ядомъ.

Такимъ образомъ, благодаря опытамъ Туссена и провѣрочнымъ опытамъ Пастера, въ настоящее время можно считать вполне разъясненнымъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность устранить весьма существенное недоразумѣнiе. Дѣло въ томъ, что прежнiе опыты съ прививкою чумнаго яда нерѣдко давали результаты, совершенно противоположныя тѣмъ, которые отъ нихъ ожидались: животныя часто не выдерживали операци, заболѣвали и докли. Въ подобныхъ опытахъ обыкновенно усматривалось доказательство въ пользу невозможности или, точнѣе, бесполезности прививанiя чумнаго яда, какъ операци, недостигающей своего назначенiя.

Вотъ противъ такого-то поспѣшнаго заключенія и говорятъ выше-приведенныя изслѣдованія; онѣ именно доказываютъ, что прививаніе чумнаго яда можетъ служить прекраснымъ предохранительнымъ средствомъ отъ зараженія чумою, но для этого необходимо употреблять слабый, разведенный ядъ и притомъ въ небольшихъ дозахъ. И не одни опыты Пастера и Туссена говорятъ въ пользу этого важнаго положенія.

Лионскіе ветеринары Арлоангъ, Корневенъ и Томасъ, по заявленію Булэ въ томъ же засѣданіи парижской академіи наукъ, въ которомъ сдѣлалъ свой докладъ Пастерь, — въ свою очередь нашли, рядомъ опытовъ, что прививаніе слабого, разведеннаго чумнаго яда въ малыхъ дозахъ совершенно предохраняетъ животныхъ отъ заразы, причемъ, кромѣ того, было обнаружено, что предохранительное прививаніе сохраняетъ свою силу болѣе года, и что вассинированіе материнскаго организма оказываетъ соотвѣтствующее вліяніе и на организмъ зародыша.

Въ особенности крайне поучительны результаты ветеринара Арнольда ¹⁾. Этотъ ученый изслѣдовалъ самымъ тщательнымъ образомъ вопросъ о способахъ прививанія чумнаго яда и условіяхъ, при которыхъ такое прививаніе оказывается наиболѣе дѣйствительнымъ. Арнольдъ нашелъ, что болѣшій или меньшій успѣхъ операціи зависитъ отъ двухъ причинъ: во первыхъ, смотря по тому, кому вводится ядъ, и во вторыхъ, въ какихъ дозахъ вводится.

1) если чумный ядъ вводится прямо въ вены животнаго, то мѣстныя дѣйствія яда оказываются ничтожными, общія же, напротивъ, сильными, причемъ въ результатѣ получается почти полное предохраненіе отъ заразы;

2) если ядъ вводится въ глубь ткани животнаго, то пріэтомъ наблюдается три случая: а) сильныя дозы производятъ мѣстныя и общія дѣйствія и влекутъ за собою смерть; б) слабыя дозы также производятъ мѣстныя и общія дѣйствія, но безъ опредѣленныхъ результатовъ, наконецъ, в) безконечно малыя дозы производятъ только общія дѣйствія и служатъ совершеннымъ предохранительнымъ прививаніемъ.

Едва ли слѣдуетъ пояснять громадное значеніе этихъ результатовъ, не говоря уже о томъ въ высшей степени поучительномъ фактѣ, что и въ настоящемъ случаѣ, въ случаѣ предохранительнаго прививанія, главная роль выпадаетъ опять-таки на долю безконечно малыхъ величинъ. Если же принять во вниманіе, какъ мало значенія, говоря

¹⁾ «Revue Scientifique», № 1, 2 juillet, 1881, p. 29.

вообще, придается этимъ минимальнымъ величинамъ, то мы легко поймемъ, почему прежніе опыты съ прививаніемъ чумнаго яда давали отрицательные результаты.

Будемъ однако надѣяться, что новѣйшія, вышеприведенныя работы побудятъ и нашихъ ветеринаровъ произвести изслѣдованія по тому же предмету на новыхъ началахъ, указываемыхъ французскими ветеринарами. Право, гораздо лучше идти по стопамъ другихъ, нежели самостоятельно топтаться на одномъ мѣстѣ. Газеты вновь заговорили о падежѣ скота, и это вѣдь изъ года въ годъ; неужели же продолжать ограничиваться одними паліативными мѣрами, часто не ведущими ни къ какимъ полезнымъ результатамъ, хотя и сопряженнымъ съ большими затратами. Неужели же не время еще воспользоваться указаціями французскихъ ученыхъ и постараться примѣнить эти указаціи къ дѣлу, постараться извлечь изъ нихъ пользу. Вѣдь стоитъ только подумать, какое благодѣяніе ожидаетъ нашего земледѣльца, если скотина его будетъ застрахована отъ мора!..

Опыты Пастера относительно водобоязни ¹⁾. Недавно все тотъ же знаменитый Пастеръ произвелъ рядъ интересныхъ опытовъ, относящихся къ одной изъ опаснѣйшихъ болѣзней, именно водобоязни, и нашелъ, что происхожденіемъ своимъ и своею заразительностью болѣзнь эта обязана новому виду бактерій. Опыты производились при содѣйствіи Шамберланда и Ру надъ кроликомъ, въ кровь котораго было введено нѣкоторое количество слюны отъ ребенка, умершаго въ водобоязни. По истеченіи 36 часовъ кроликъ погибъ; слюну его привили къ другому здоровому кролику, послѣдній погибъ еще скорѣе; тѣ же результаты получились, когда вмѣсто слюны употреблялась кровь. Тщательныя микроскопическія изслѣдованія убѣдили Пастера, что причиною зараженія и въ данномъ случаѣ служатъ микроскопическіе организмы—бактеріи, которыми переполнены были слюна и кровь отравленныхъ кроликовъ. По внѣшнимъ очертаніямъ, по своему виду, бактеріи эти не отличаются особенно отъ другихъ бактерій; это коротенькія палочки, нѣсколько стянутыя посрединѣ; будучи же культивированы въ мясномъ отварѣ, онѣ являются въ видѣ продолговатыхъ четко-образныхъ тѣлецъ, распадающихся съ дальнѣйшимъ развитіемъ на 8 частей.

Хотя, однако, по своей формѣ эти микроскопическія организмы и не отличаются существенно отъ другихъ имъ подобныхъ, тѣмъ не менѣе, по своимъ функціямъ, по своему вліянію, они совершенно рас-

¹⁾ «Comptes rendu de l'Académie des Science de Paris», Т. ХСІІ; въ извлеченіи въ «Naturforscher», № 11, 1881.

ходятся съ извѣстными по нынѣ бактеріями. Такъ, напримѣръ, содержащаяся въ крови отравленнаго кролика, бактерія по виду своему совершенно подобна тѣмъ микробамъ, которыя причиняютъ куринную холеру; а между тѣмъ, будучи привиты къ курицѣ, бактеріи эти не оказываютъ на нее ни малѣйшаго вліянія.

Еще болѣе замѣчательное явленіе обнаруживаютъ опыты съ морской свинкой. Послѣдняя, по происхожденію своему, близко родственна кролику, а между тѣмъ, не смотря на то, что введеніе бактерій въ организмъ кролика причиняетъ ему смерть часто менѣе чѣмъ въ 24 часа, морская свинка, напротивъ, переноситъ совершенно безнаказанно такую же операцію; ни слюна, ни кровь зараженнаго кролика, будучи привиты даже въ большомъ количествѣ къ морской свинкѣ, не оказываютъ на нее ровно никакого вліянія; послѣдняя продолжаетъ бодрствовать и пользоваться по прежнему прекраснымъ аппетитомъ.

Рядомъ съ этимъ опытъ обнаруживаетъ еще одинъ, не менѣе, если даже не болѣе интересный фактъ: кроликъ, отравленный, путемъ всприскиванія въ кровь, слюною бѣшеной собаки, хотя также умираетъ, но не быстро, какъ въ случаѣ отравленія слюною умершаго отъ водобоязни ребенка, а по истеченіи 4 и даже 40 дней. Съ другой стороны, если отравить кровь здоровой собаки бактеріями, причиняющими водобоязнь, то собака быстро погибаетъ, не обнаруживая однако при этомъ никакихъ признаковъ бѣшенства. Всѣ эти факты, взятые вмѣстѣ, доказываютъ самымъ положительнымъ образомъ, что контагиознымъ характеромъ водобоязни обязана особенному виду бактерій, которыя, будучи введены въ кровь здороваго организма, причиняютъ болѣе или менѣе быструю смерть, развиваясь въ его крови и въ его слюнѣ, они служатъ источникомъ распространенія заразы.

Само собою разумѣется, что отъ этихъ, только еще начатыхъ работъ, нельзя пока ожидать болѣе полныхъ, болѣе опредѣленныхъ результатовъ; но можно надѣяться, что въ рукахъ Пастера, продолжающаго свои изслѣдованія по вопросу о водобоязни, работы эти въ непродолжительномъ времени приведутъ къ весьма важнымъ открытіямъ относительно способовъ предохраненія отъ водобоязни.

Минимальныя дозы ядовъ ¹⁾. Какъ извѣстно, между ядовитыми веществами имѣется цѣлый классъ такихъ, которыя, при всемъ своемъ раздражающемъ или угнетающемъ дѣйствіи на ткани организма, не обнаруживаютъ существенныхъ химическихъ реакцій, и присутствіе вторыхъ химическимъ путемъ съ трудомъ можетъ быть констатировано. Сюда именно относятся яды, отличающіяся способностью обнаружи-

¹⁾ М. J. Rossbach: «Die feinsten Giftproben» (Gasa, Erstes Heft, 1881).

вать свое дѣйствіе при введеніи ихъ въ организмъ въ самыхъ ничтожныхъ дозахъ. Таковы: стрихнинъ, атропинъ и сродные съ нимъ кіоциаминъ, датуринъ, фератринъ, антиаринъ, мускаринъ, дигитоксинъ, и кураринъ. Слѣдующія цифры даютъ понятіе объ этихъ малыхъ дозахъ.

Такъ по Фальку, 0,0005 грам. стрихнину оказываютъ тетаническое вліяніе на лягушекъ и мышей.

По Грефу, 0,0001, а по Рюйтеру даже 0,0000005 грам. атропина замѣтно раздражаютъ зрачекъ человѣка и теплокровныхъ животныхъ, заставляя его расширяться.

По Петцольду, 0,00005 грам. фератрина вліяютъ на характеръ мышечныхъ сокращеній лягушки.

По Шмидбергу, 0,0001 грам. дигитоксина оказываетъ угнетающее вліяніе на біенія сердца лягушки.

По Шмидбергу, 0,000005 грам. антиарина оказываютъ то же дѣйствіе.

По Прейеру, 0,000005 грам. карарина подавляютъ функцію двигательныхъ нервовъ лягушки.

По Шмидбергу, 0,0001 грам. мускарина угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ на пульсацію сердца лягушки.

Какъ бы ни были ничтожны эти дозы (здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что неорганическія яды не могутъ оказывать на организмъ такихъ интенсивныхъ вліяній при такихъ малыхъ дозахъ), но было бы однако ошибочно думать, что физиологическое дѣйствіе ихъ не можетъ быть обнаружено при меньшихъ дозахъ. Росбахъ произвелъ рядъ микроскопическихъ изслѣдованій, которыя вполне подтверждаютъ такую возможность; для этого достаточно отъ высшихъ животныхъ обратиться къ простѣйшимъ инфузоріямъ и на нихъ изучить физиологическое дѣйствіе названныхъ ядовъ. Инфузоріи, подъ вліяніемъ этихъ ядовъ, если количество послѣднихъ велико, весьма быстро пропадаютъ, причемъ все тѣло ихъ распадается въ безформенную массу; въ случаѣ же среднихъ или малыхъ дозъ яда, нормальныя передвиженія инфузорій смѣняются коловращательными, все тѣло ихъ сильно разбухаетъ, пульсирующій пузырекъ расширяется и перестаетъ сокращаться, въ концѣ концовъ и въ данномъ случаѣ микроскопическія организмы распадаются въ безформенную массу. Чтобы составить себѣ понятіе о такихъ ничтожныхъ дозахъ яда, достаточно для только что указанныхъ измѣненій, приводимъ слѣдующія цифровыя данныя, полученныя Росбахомъ.

Стрихнинъ вызываетъ усиленное расширение и парализацію бющягося пузырька, разбуханіе всего тѣла и коловращательное движеніе инфузорій, будучи раствореннымъ въ пропорціи 1 : 1500. Другими словами, если вѣсъ капли воды, содержащей инфузоріи, принять равнымъ 0,001 грам., то количество названнаго реактива будетъ равняться 0,00000006 грам.

Фератринъ обусловливаетъ тѣ же измѣненія, будучи раствореннымъ въ пропорціи 1 : 8000, что составляетъ на одну каплю воды вѣсомъ 0,001 грам. 0,00000022 грам. фератрина.

Слабый хининъ оказываетъ вліяніе на инфузорій въ растворѣ 1 : 5000, т. е. на каплю воды вѣсомъ въ 0,001 грам. приходится названнаго вещества 0,0000002 грам.

Наконецъ, атропинъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе въ растворѣ 1 : 1000, что на одну каплю воды вѣсомъ въ 0,001 грам. составляетъ 0,00001 грам. атропина.

Всѣ эти цифровыя данныя, интересныя сами по себѣ, представляются весьма важными, по справедливому замѣчанію Россбака, еще въ томъ отношеніи, что онѣ указываютъ на возможность весьма простымъ способомъ опредѣлять минимальныя величины (хотя, прибавимъ отъ себя, не наименьшія) при которыхъ дѣйствіе названныхъ ядовъ продолжается еще обнаруживаться.

Лягушка и крокодилъ въ состояніи гипноза ¹⁾. Какъ извѣстно уже давно, явленія гипноза наблюдаются помимо человѣка на многихъ другихъ животныхъ, хотя нельзя не замѣтить, что и по сей день еще явленія эти изучены далеко не полно, въ особенности относительно низшихъ позвоночныхъ. Въ виду этого, полагаемъ, нашимъ читателямъ будетъ небезъинтересно ознакомиться съ недавними изслѣдованіями г. Данилевскаго о гипнотическомъ состояніи лягушекъ.

Благодаря еще Гюбелю, стало извѣстнымъ, что если опрокинуть лягушку на спину и продержатъ ее въ такомъ видѣ нѣкоторое время. то ея движенія, какъ волевыя, такъ и рефлективныя, постепенно ослабѣваютъ, пока, въ концѣ концовъ, совершенно не замрутъ; тогда лягушка становится совершенно неподвижной и не въ состояніи выйти изъ того, хотя бы и ненормальнаго положенія, въ которомъ она застыла. Гюбель видѣлъ причину такого состоянія въ отсутствіи внѣшнихъ раздраженій; но, по справедливому замѣчанію г. Данилевскаго, внѣшнія раздраженія, въ состояніи гипноза, не только не отсутствуютъ, а напротивъ, въ большинствѣ случаевъ всегда бывають на лицо.

Что же касается самаго явленія, подмѣченнаго Гюбелемъ, то мысли Данилевскаго вполне подтверждаютъ его, свидѣтельствуя о крайнемъ пониженіи рефлективной способности; въ гипнотизированномъ состояніи, лягушка требуетъ гораздо болѣе интенсивныхъ раздраженій кожи для того, чтобы вызвать рефлективное движеніе, нежели въ состояніи нормальномъ. Слѣдующій опытъ можетъ дать надлежащее понятіе объ этой разницѣ.

¹⁾ См. въ извлеченіи въ Revue Scientifique, № 1, 2 juillet 1881, p. 24—25.

Г. Данилевскій прикрылъ небольшимъ ключомъ бумажки ноздри гипнотизированной лягушки, такъ что дыханіе послѣдней было значительно затруднено. Тѣмъ не менѣе, не смотря на удушье, лягушка продолжала оставаться въ первоначальномъ положеніи, не обнаруживая ни однимъ мускуломъ своимъ попытки сбросить бумажку, закрывавшую ей ноздри ¹⁾. Достоинно замѣчанія, что всѣ подобныя явленія наблюдаются также у лягушки, у которой вырѣзаны полушарія головного мозга, — фактъ интересный въ томъ именно отношеніи, что онъ даетъ новое подтвержденіе въ пользу предположенія, по которому гипнотическое состояніе обязано своимъ происхожденіемъ временному бездѣйствію полушарій головного мозга, бездѣйствію, обусловливаемому чрезмѣрной усталостью или какими либо другими причинами, угнетающими нормальную дѣятельность центрального органа нервной системы.

Помимо опытовъ съ лягушкой, г. Данилевскій произвелъ не менѣе интересные опыты съ небольшимъ, молодымъ крокодиломъ. Какъ оказалось, это животное весьма легко впадаетъ въ состояніе гипноза. Достаточно взять его въ руки и продержатъ нѣкоторое время въ одномъ положеніи, чтобы волевые движенія пресмыкающагося, постепенно ослабѣвая, совершенно прекратились; вмѣстѣ съ тѣмъ понижается и чувствительность, такъ что животное впадаетъ, въ концѣ концовъ, въ состояніе катаlepsis. Крокодилу можно тогда придать любую позу и онъ, не измѣняясь, остается въ такомъ положеніи втеченіи четверти часа; онъ не можетъ открыть своей пасти и, будучи погруженъ головою въ воду, не обнаруживаетъ ни малѣйшей попытки выйти изъ такого ненормального положенія. Опытъ съ ключомъ бумажки приводитъ къ тѣмъ же результатамъ: крокодилъ, подобно лягушкѣ, продолжаетъ оставаться въ покоѣ, не смотря на то, что бумажка, прикрывающая ноздри животного, не даетъ ему свободно дышать. Достаточно интенсивное раздраженіе приводитъ крокодила въ нормальное состояніе.

Умственная дѣятельность и циркуляція крови ²⁾. — Въ настоящее время, въ физиологіи весьма прочно уже установилось если не самое ученіе о соотношеніи функцій, то по крайней мѣрѣ фактъ такого соотношенія. Въ особенности поучительныя данныя были представлены относительно дѣятельности головного мозга, именно умствен-

¹⁾ Мы позволяемъ себѣ кстаті замѣтить здѣсь отъ имени сотрудника нашего журнала, Л. К. Попова, что ему удавалось привести лягушку въ состояніе такого глубокаго гипноза, что она оставалась въ покоѣ, не обнаруживая ни малѣйшаго признака боляваго ощущенія даже тогда, когда ей ножницами обрѣзали лапку. Примѣч. автора.

²⁾ Gley, «Etude experimentale sur l'etat' dupauls corotidin pendant le travail intellectuel». Paris, 1881. Извлеченіе въ Revue Scientifique, juillet, 1881.

ной дѣятельности и ея вліанія на циркуляцію крови. Уже à priori необходимо признать такое вліаніе, такъ какъ усиленная дѣятельность сопровождается усиленною тратою вещества, что влечетъ за собою и усиленный притокъ крови къ мѣсту потребленія. Къ числу фактовъ, вполне подтверждающихъ такое предположеніе, относятся недавно опубликованныя весьма интересныя изслѣдованія французскаго физиолога Гле (Gley).

Производя опыты надъ собою, этотъ физиологъ прежде всего нашелъ, что умственная работа сопровождается ускореніемъ сердечныхъ ритмовъ на 2—3 пульсаціи въ сравненіи съ нормою, причѣмъ степень такого ускоренія опредѣляется степенью умственнаго напряженія. Такъ, когда авторъ занимался по предмету, требовавшему наибольшаго вниманія, его пульсъ тотчасъ же учащался. Одновременно съ учащеніемъ сердечнаго ритма, умственная дѣятельность оказываетъ вліаніе и на сонную артерію: послѣдняя расширяется и пульсъ ея становится сильнѣе; напротивъ, пульсація лучевой артеріи понижается, какъ въ силѣ, такъ и въ частотѣ ритма. Это отношеніе вполне подтверждаетъ еще разѣе сдѣланное наблюденіе Моссо, который, съ помощію несложнаго прибора, нашелъ, что умственная дѣятельность оказываетъ вліаніе на объемъ руки, т. е. на объемъ ея кровеносныхъ сосудовъ: послѣдніе расширяются или суживаются, смотря потому, возрастаетъ ли дѣятельность головного мозга или понижается.

Ваятые вмѣстѣ, всѣ эти факты указываютъ на постоянныя колебанія въ циркуляціи крови головного мозга и остальныхъ частей тѣла, колебанія, дозволяющія намъ составить себѣ точное понятіе объ условіяхъ физиологическаго вліанія одного органа на другой. Если усиленная дѣятельность такого органа, какъ головной мозгъ, сопровождается столь интенсивнымъ притокомъ крови, что это оказываетъ вліаніе на просвѣтъ кровеносныхъ сосудовъ ближайшихъ въ нему частей тѣла, то становится уже совершенно яснымъ, какой громадный вредъ, для правильнаго, гармоническаго функціонированія всѣхъ частей тѣла, а, стало быть, и для здоровья самаго организма, причиняетъ крайняя односторонняя дѣятельность, какъ необходимо предполагающая чрезмѣрное напряженіе одного органа въ ущербъ другимъ, недѣятельнымъ. Кровь приливаетъ туда, гдѣ больше работы, оттуда, гдѣ ее меньше и, содѣйствуя чрезмѣрному развитію въ одномъ пунктѣ, задерживаетъ это развитіе въ другомъ. Можно поэтому судить, какое гнетущее вліаніе должно оказывать чрезмѣрное напряженіе умственныхъ силъ на молодой, развивающійся организмъ... Мы живемъ одними нервами и удивляемся своей нервозности, своей физической немощи! А вѣдь это, кажется, такъ естественно!

Вліяніе свѣта на развитіе ¹⁾. Если явленія развитія, какъ это необходимо допустить согласно новѣйшимъ воззрѣніямъ, опредѣляются, подобно всѣмъ вообще жизненнымъ процессамъ, внутримолекулярной подвижностью протоплазмы, то, само собою разумѣется, всѣ условія, задерживающія или усиливающія эту подвижность, должны оказывать соотвѣтствующее вліяніе и на развитіе. И дѣйствительно, холодъ, какъ извѣстно, задерживаетъ развитіе, а теплота, напротивъ, усиливаетъ его. Но не одна теплота; свѣтъ, въ свою очередь, оказываетъ то же вліяніе. Относительно растений, это извѣстно уже давно; въ послѣднее время то же вліяніе свѣтовой энергіи доказано и относительно явленій развитія животныхъ. Мало того, новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что свѣтъ не только вліяетъ на развитіе животныхъ, но притомъ съ различною интенсивностью, смотря по степени преломляемости свѣтовыхъ лучей. Лучи съ наибольшою преломляемостью, т. е. отличающіеся наиболѣе быстрою vibraціею, какъ и слѣдовало ожидать, всего болѣе содѣйствуютъ развитію. Къ такому именно заключенію приводятъ результаты опубликованныхъ недавно опытовъ Е. Юнга.

Этотъ ученый производилъ свои опыты надъ яйцами и зародышами различныхъ животныхъ, заставляя ихъ развиваться въ лучахъ свѣта различной преломляемости, при соблюденіи, конечно, полного равенства во всѣхъ остальныхъ условіяхъ. При этомъ оказалось, что въ голубыхъ и фіолетовыхъ лучахъ зародыши развивались всего быстрѣе, а въ красныхъ и зеленыхъ—всего медленнѣе. Слѣдующія цифровыя данныя, полученныя для трехъ головоастиевъ лягушки, втеченіе перваго мѣсяца ихъ развитія, могутъ дать надлежащее понятіе о вліяніи лучей всѣхъ степеней преломляемости на силу возрастанія и на приращеніе массы тѣла, т. е. на вѣсъ развивающагося организма.

ЦВѢТА.	Красный.		Желтый.		Зеленый.		Голубой.		Фіолетов.		Бѣлый.		Темнота.	
	Ростъ.	Вѣсъ.	Ростъ.	Вѣсъ.	Ростъ.	Вѣсъ.	Ростъ.	Вѣсъ.	Ростъ.	Вѣсъ.	Ростъ.	Вѣсъ.	Ростъ.	Вѣсъ.
	19,00	4,50	22,00	5,00	16,00	4,00	24,00	5,50	29,00	7,00	23,00	5,50	19,00	4,50
	19,50	4,50	28,00	5,50	15,00	3,50	25,50	6,00	26,50	6,50	23,50	5,50	21,00	5,00
	19,00	4,50	23,50	5,50	14,50	3,50	24,00	5,50	27,50	6,50	23,00	5,50	19,00	4,50
Сумма. .	57,50	13,50	68,50	16,50	45,50	11,00	73,50	17,00	82,50	20,00	69,50	16,50	59,00	14,00
Среднее .	19,16	4,50	22,83	5,50	15,16	3,66	27,50	5,66	27,50	6,66	23,16	5,50	19,66	4,66

¹⁾ См. Yung, «Influence des lumières colorées sur les animaux» («Revue scientifique», № 17, 1881).

Сравнивая между собою эти цифровыя данныя, легко видѣть, что на ростъ и прибыль вѣса всѣхъ трехъ головастиковъ наибольшее уско-ряющее вліяніе оказываютъ фіолетовые и голубые лучи, тогда какъ красный, зеленый и желтый уступаютъ даже общему, бѣлому свѣту; мало того, какъ оказывается, въ присутствіи красныхъ и зеленыхъ лучей явленія развитія обнаруживаются съ меньшею силою, нежели въ темнотѣ.

Такимъ образомъ, опровергается весьма распространенное, со вре-мени Уильяма Эдвардса, мнѣніе, будто въ темнотѣ развитіе живот-ныхъ интенсивнѣе, нежели при свѣтѣ. Мы видимъ теперь, что это вѣрно только относительно красныхъ и зеленыхъ лучей; что же касается всѣхъ остальныхъ родовъ свѣта, въ томъ числѣ и бѣлаго, дневнаго, то положеніе это должно быть отвергнуто, какъ совершенно не отвѣ-чающее фактамъ.

Дымъ и пары подѣ микроскопомъ. Съ точки зрѣнія механиче-ской теоріи, разсматривающей физическое состояніе тѣлъ, какъ ре-зультатъ большей или меньшей молекулярной подвижности, значи-тельный интересъ представляютъ недавно опубликованныя изслѣдова-нія Бодасцевскаго. Авторъ нашель, что дымъ отъ сигары, зажженной бумаги и проч., будучи изслѣдованъ подѣ микроскопомъ (для чего, конечно, принимаются соответствующія мѣры), оказывается состоя-щимъ изъ сферическихъ, быстро вращающихся частицъ; эти частицы даряются одна о другую, ударяются о стѣнки покровнаго стекла, снова отскакиваютъ и затѣмъ постепенно расплываются. Эти частицы отчетливо видны при падающемъ свѣтѣ, солнечномъ или электриче-скомъ; будучи же освѣщены проходящимъ свѣтомъ, т. е. снизу, онѣ кажутся черными точками. Бодасцевскій нашель, что изъ такихъ же сферическихъ, вращающихся микроскопическихъ частицъ состоятъ и пары сѣры, сѣрной, фосфорной кислотъ и многихъ другихъ тѣлъ, исключая, впрочемъ, водяныхъ паровъ, которые подѣ микроскопомъ являются просто въ видѣ блестящихъ струекъ, съ неопредѣленными очертаніями.

Эльпе.

ЧТО
СКО-
АБЪ
ВТУ,
МНЪ
САН

пе-
эт-
это
тца
но,
б-

е-
е-
н-
н-
н
)
-
н
,
!

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, 1.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16 —
съ пересылкой	17 —
за границу: въ Европу	} 18 —
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разорочка платы по третямъ:

	при подпискѣ	къ 1 Мая	къ 1 Сентябрю
безъ доставки	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 —	5 —	4 —
съ пересылкой	9 —	5 —	4 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или послали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣвъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Павроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Средняя Подъяческая, 1.

AP
50
R814
v. 3
no. 8
1881

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

